

А 55
0-11

О ЛЕНИНЕ

ВОСПОМИНАНИЯ
ЗАРУБЕЖНЫХ
СОВРЕМЕННОКОВ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
**ПОЛИТИЧЕСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ**
Москва-1962





О ЛЕНИНЕ

ВОСПОМИНАНИЯ
ЗАРУБЕЖНЫХ
СОВРЕМЕННИКОВ

М О С К В А . 1 9 6 2

Составители сборника:

С. Ф. Безвесельный и Д. Е. Гринберг

ПРЕДИСЛОВИЕ

В сборник включены воспоминания о Владимире Ильиче Ленине видных зарубежных руководителей и рядовых участников международного коммунистического и рабочего движения, общественных и государственных деятелей, писателей, художников и других лиц, встречавшихся с В. И. Лениным в разное время, начиная с 1900 года и до последних дней его жизни.

Воспоминания зарубежных современников великого Ленина содержат много ценных сведений и наблюдений, помогающих воссоздать образ гениального мыслителя и ученого, неутомимого организатора и вождя международного коммунистического и рабочего движения, создателя Коммунистической партии Советского Союза и первого в мире социалистического государства, организатора и руководителя Коммунистического Интернационала, друга и учителя народов всех стран.

В этих воспоминаниях находят отражение все стороны многогранной деятельности В. И. Ленина. Они показывают, какое огромное значение он придавал руководящей роли партии, укреплению ее связей с массами, а также свидетельствуют о его принципиальности, непримиримости к любым отклонениям от марксизма, о творческом развитии революционной теории.

Помещенные в начале сборника воспоминания болгарских участников рабочего движения Павла Нончева и Елены Кырклийской показывают, как Ленин, находившийся в первой эмиграции в начале века, выступая на диспутах и собраниях русских революционеров-эмигрантов в Женеве, вел борьбу против оппортунистов в рабочем движении, как он организовал и редактировал газету «Искра», явившуюся центром объединения революционных партийных сил и сыгравшую решающую роль в борьбе за создание общерусской марксистской партии.

Затем следуют воспоминания известной деятельницы германского и международного коммунистического и рабочего движения Клары Цеткин, которая начиная с 1907 года часто встречалась с В. И. Лениным и рассказывает о нем как о вожде рабочего класса и другие, а также воспоминания старейшего деятеля французского и международного коммунистического и рабочего движения Марселя Кашена.

О революционной деятельности В. И. Ленина в 1908—1910 годах, когда он жил и работал в Женеве, Брне, Париже и Лондоне, бывал на Капри и в других местах, повествуют в своих воспоминаниях болгары Алекси Ламбрев, Иван Чонос и Петр Райчев, немец Роберт Зиверт, венгр Пал Петровски и австриец Карл Штейнгардт (Грубер).

Работа и жизнь В. И. Ленина в эмиграции в начале первой мировой войны нашли отражение в воспоминаниях о встречах с ним болгарских деятелей Василя Коларова и Мары Кинкель и швейцарского деятеля Вилли Мюнценберга, которые рассказывают о борьбе В. И. Ленина против войны и предательства дела рабочего класса правыми социал-«патриотами» ряда стран.

В воспоминаниях швейцарца Фрица Платтена, шведов Отто Гримлунда и Хуго Силлена говорится о том, как В. И. Ленин после Февральской революции в России возвращался в марте — апреле 1917 года из эмиграции из Швейцарии через Германию, Швецию и Финляндию на родину для руководства революционной борьбой российского пролетариата.

Финские социал-демократы Густав Ровио, Мария Усеннус, Эмилия Блумквист, Юхо К. Латукка освещают один из трудных периодов в жизни В. И. Ленина, когда он летом и осенью 1917 года скрывался у них от пресек буржуазного Временного правительства, продолжая руководить из подполья партией.

О В. И. Ленине — вожде Октябрьской революции пишут в своих воспоминаниях очевидцы этих событий американцы Джон Рид, Альберт Рис Вильямс, Луиза Брайант, болгарин Сотир Черкезов и англичанин Филипп Прайс.

Интернационалисты венгры Дьюла Андраш Варга, Штефан Салай, Дежё Фараго, Лайош Немети и Йожеф Варга, а также румын Михай Бужор, китайцы Лю Цзэ-жун, Ли Фуцин, Сун Шу-тан и другие сообщают, как В. И. Ленин руководил защитой первого в мире социалистического государства от белогвардейцев и интервентов, строительством новой жизни.

О деятельности В. И. Ленина, направленной на сплочение международного коммунистического и рабочего движения, усиление связей рабочих разных стран, укрепление пролетарского интернационализма, рассказывают в своих воспоминаниях Альфред Курелла, Арношт Кольман, Вильгельм Кёнен, Исаак Мак Брайд, Иван Ольбрахт, Богумир Шмераль, Карл Крейбих, Томас Белл, Дж. Т. Мерфи, Д. И. Вейнкооп, В. Мак-Лейн и другие.

Роль В. И. Ленина в создании Коммунистического Интернационала и руководстве его деятельностью, влияние ленинских идей на развитие мировой истории показали в своих воспоминаниях Уильям Галлахер, Умберто Террачини, Антонин Запотоцкий, Христо Кабакчиев, Поль Вайян-Кутюрье, Уильям Фостер, Гарри Поллит, Вильгельм Пик, Джованни Джерманетто, Вальтер Ульбрихт, Гастон Монмуссо и другие.

В сборнике помещены воспоминания о встречах с В. И. Лениным таких общественных и политических деятелей, как Герберт Уэллс, Елена Бобинская, Клэр Шеридан, Мирза Мухаммед Яфтали, Вильям Т. Гуд, Роберт Майнор, Адам Эггеле-Ниссен, Тиборнэ Самуэли, Балингийн Цэрэндорж, Пьер Сема, Мартин Андерсен-Нексе и другие.

Воспоминания расположены в хронологическом порядке. Часть воспоминаний публикуется впервые, большинство воспоминаний хотя и было опубликовано раньше в различных изданиях, но стало уже библиографической редкостью.

Отдельные воспоминания печатаются с небольшими сокращениями и стилистическими поправками, которые не меняют их содержания.

В конце книги помещены краткие биографические сведения об авторах воспоминаний.

Все ссылки на произведения В. И. Ленина даны по четвертому изданию Сочинений.

ПАВЕЛ НОНЧЕВ

РАССКАЗ О ВСТРЕЧАХ С ЛЕНИНЫМ

В 1898 году я окончил педагогическое училище в г. Казанлыке. В те годы Казанлык был одним из центров зарождавшегося в Болгарии социалистического движения. Сам я участвовал тогда в марксистском кружке, состоявшем из учащихся.

В 1900 году я приехал в Женеву изучать финансовые дисциплины и попробовал, как мне порекомендовали до отъезда мои товарищи, установить связи с русскими социал-демократами. Меня приняли радушно, и через несколько месяцев после приезда я уже вошел в круг социал-демократов и стал членом группы Льва Дейча, которого знал раньше.

В эмигрантской среде было очень оживленно. Здесь находился Плеханов, имевший большое влияние среди эмигрантов, но шли разговоры об одном новом, молодом социалистическом деятеле, имя которого было мне до тех пор не известно — о Владимире Ульянове. Говорили, что Ульянов не разделяет многих взглядов западноевропейских социалистов, непримирим к оппортунизму.

Увидел я Ленина вскоре после его приезда в Женеву, в 1900 году¹, но не сразу смог познакомиться с ним. Он был очень занят, проводил долгие часы в библиотеках, внимательно изучал литературу по разным вопросам, подготавливал издание «Искры» и часто выезжал в соседние с Россией страны, чтобы быть ближе к родине. Поскольку у меня, как у болгарского студента, паспорт был в порядке и имелись другие документы, русские эмигранты выделили меня секретарем эмигрантской группы по оказанию содействия Российской социал-демократи-

¹ В И. Ленин жил в Цюрихе, Женеве и близ Женевы в первой половине августа 1900 года; вел переговоры с рядом социал-демократов по поводу издания «Искры» и о ее программе. — *Ред.*

ческой рабочей партии. Перед нашей группой стояла задача распространять идеи социализма, принимать из России и отправлять туда людей, помогать им в получении документов, собирать средства для эмигрантов и т. д. Эмигранты собирались в доме недавно приехавшего из России социалиста — богатого человека, который распродал свое состояние и привез в Женеву большую библиотеку. Здесь я познакомился с Лениным.

Ленин разговаривал в углу комнаты с Надеждой Константиновной Крупской. Он был среднего, скорее даже невысокого роста, со скулстым лицом и живыми глазами. Держался Ленин очень скромно и естественно, в нем не было ни тени напыщенности и высокомерия, которые в известной степени были свойственны Плеханову и некоторым другим политэмигрантам. Ничто на первый взгляд не выдавало огромной энергии и духовной силы Владимира Ильича Ленина.

Меня представила Вера Засулич¹. Узнав, что я болгарин, Ленин повернулся ко мне:

— Ну, товарищ Нончев, как у вас, в Болгарии?

Он долго расспрашивал о нашей стране, о том, сколько в Болгарии фабрик и рабочих, о деятельности социалистических групп. Слушал он внимательно и сосредоточенно, иногда задавал вопросы для уточнения и выяснения.

После этой встречи я часто видел Ленина. Он всегда спрашивал меня о новостях из Болгарии, о состоянии партии, проявлял большой интерес к нашей стране и много знал о ней.

Внимательно читая всю литературу, которая приходила к нам с родины, я старался давать Ленину обстоятельные ответы.

После трудностей первого периода стала выходить регулярно ленинская «Искра»². Газета печаталась на тонкой, но очень прочной бумаге. Отпечатанные экземпляры проглаживались утюгом, чтобы они были более тонкими и малозаметными. Номера «Искры» рассылались самыми различными способами и всегда через разные страны. Позднее я узнал, что один раз при рассылке «Искры» прошла и через Болгарию. Газета выходила в пяти тысячах экземпляров, но сколько из них доходило до места назначения, никто точно не знал. Однако

¹ Засулич, В. И. (1851—1919) — член группы «Освобождение труда», впоследствии меньшевичка. — *Ред.*

² Первый номер «Искры» вышел 11(24) декабря 1900 г. в Лейпциге. — *Ред.*

«Искра» жила. Из нее действительно разгорелось пламя революционного пожара в России, как гласит эпиграф: «Из искры возгорится пламя».

В Женеве я познакомился и несколько раз беседовал с Надеждой Константиновной Крупской. Я готовился стать учителем в Болгарии, и часто мы говорили с ней на педагогические темы.

Во время революции 1905 года почти все политические эмигранты, находившиеся в Швейцарии, отправились на родину, но после поражения революции многие возвратились. Раскол между большевиками и меньшевиками углубился — оба крыла (революционное и оппортунистическое) издавали свои печатные органы.

Как-то по Женеве прошел слух, что Ленин будет выступать в зале «Хандверк» с беседой о русской революции¹. Это выступление и дискуссия ожидалась с большим интересом. На собрание прибыли почти все эмигранты из других швейцарских городов, гости из Франции и других соседних стран. На этом собрании присутствовал и я.

Зал был переполнен. Среди присутствующих был Плеханов с женой Розалией Марковной. Мы, болгарские студенты, сидели недалеко от него.

Вспоминаю, как Владимир Ильич быстро поднялся на сцену и, оглядев зал, начал говорить о своеобразии и ходе революции. В своем докладе он беспощадно критиковал меньшевиков. В зале были меньшевики, но никто из них не осмелился возразить или перебить Ленина. А Ленин продолжал говорить. Я как сейчас вижу это собрание. Он говорил с жаром, подчеркивал мысли энергичным жестом левой руки, останавливая взгляд на слушателях. В притихшем зале слышался только голос Ленина. Я посмотрел на Плеханова. Он реагировал на речь нервными движениями и приглушенными восклицаниями. В одном месте он не сдержался и пытался встать. «Я должен ответить! Оставьте меня, Розалия Марковна! — обратился он к жене, которая удерживала его. — Я должен ответить». Жене удалось успокоить его.

Речь Ленина длилась около двух, двух с половиной часов. Когда он кончил, публика под впечатлением его слов несколько

¹ В. И. Ленин выступал в зале «Хандверк» 20 октября (2 ноября) 1905 года с рефератом о политических событиях в России. — *Ред.*

секунд молчала, а затем вдруг вспыхнули бурные, продолжительные аплодисменты.

Плеханов снова поднялся:

— Я должен ответить!

Ленин спокойно указал рукой на сцену:

— Пожалуйста!

Около часа говорил Плеханов, но его слова после блестящей речи Ленина произвели слабое впечатление. В этом поединке победителем вышел Ленин.

*«Воспоминания болгарских товарищей
о Ленине» (Перевод с болгарского).
М., Госполитиздат, 1958, стр. 4—7.*

ЕЛЕНА КЫРКЛИЙСКАЯ

ТАКИМ Я ВИДЕЛА ЛЕНИНА

Прошло-прошумело больше полувека, а воспоминания о тех днях еще свежи и не стираются из памяти. Я находилась в Швейцарии, где мой брат Николай учился на инженерном факультете в Берне. Я поступила на медицинский факультет Женевского университета и сняла квартиру в квартале Каруж. В Женеве я встретила со своей соотечественницей Волгой Каблешковой, с которой мы вместе учились в Пловдивском государственном пансионе. Волге я обязана своим знакомством с болгарами, которые в то время жили в Женеве: Александром Атанасовым, Найденем Кировым, Георгием Димитровым-Панчереvским, Тодором Атанасовым, Николой Димитровым и Алексием Ламбревым («Алешей»). В Женеве находились и другие мои соотечественники, которые вместе с Волгой Каблешковой были членами группы. Мне едва исполнилось двадцать лет, и я довольно легко переносила тоску от первой разлуки с родиной, чувствуя, что моя жизнь заполнена благодаря тому, что я находилась в окружении соотечественников.

Руководителем группы болгарских «тесняков»¹ в Женеве был Александр Атанасов (Шеский). В то время у нас не были определены ни дни, ни часы наших встреч; обсуждений и длительных дискуссий в каком-либо определенном месте (салоне, ресторане) у нас не проводилось. Местом почти ежедневных наших встреч был небольшой скверик в Женеве.

В квартале Каруж была у нас своя столовая. Наша болгарская группа также часто посещала «русскую столовую»². Это

¹ «Тесняки» — сначала революционное течение в Болгарской социал-демократической партии, а с 1903 года марксистская партия — Болгарская рабочая социал-демократическая партия («тесных» социалистов), переименованная в 1919 г. в Болгарскую коммунистическую партию. — *Ред.*

² Столовая, организованная в Женеве семьей Лепешинских, служила пунктом сбора большевиков-эмигрантов. Здесь же В. И. Ленин проводил

был небольшой зал со стульями и столами без скатертей; посетители сами себя обслуживали.

Здесь я познакомилась с Лениным. Видела я и Плеханова; его супруга была врачом и часто оказывала мне бесплатную медицинскую помощь, так как у меня болели ноги после ушиба.

Плеханов был всегда хорошо одет. Говорил языком ученого. Его стиль выдавал в нем человека с широкой культурой. Потом, уже позднее, я нашла сходство с Плехановым в облике нашего Василия Коларова.

Ленин был чрезвычайно скромным, обладал редкой сосредоточенностью, глубоким мышлением. Когда я слушала его, то чувствовала какую-то невидимую силу, захватывающую и направляющую мое внимание к его ясным словам. Я испытывала такое чувство, как будто какой-то невидимый молоточек нажимает на мозговые струны и обостряет способность человека мыслить.

В «русскую столовую» мы приходили обычно в послеобеденные часы. Столовую посещали также поляки, чехи... Здесь мы устраивали спевки, разучивали «Интернационал» и различные, преимущественно русские, песни. Общих собраний в то время мы не устраивали, а проводили беседы по группам.

Однажды в послеобеденное время мы, как обычно, беседовали за столом в «русской столовой». В нашей небольшой группе была одна полька. Входная дверь открылась, вошел Ленин и приветствовал нас словами: «Здравствуйте, товарищи!». Мы хором ответили ему и пригласили к себе. Пришлось, чтобы собраться всем около него, сдвинуть три стола. До тех пор я лишь однажды разговаривала с Лениным, когда он спросил меня, кто я и откуда приехала.

Полька попросила Ленина объяснить некоторые волнующие нас вопросы. И Ленин сразу начал говорить. Он сказал, что первой задачей является создание марксистской революционной рабочей партии в России, что с ее помощью русский рабочий класс освободится от политического рабства и экономической эксплуатации. Ленин настойчиво говорил о необходимости строгой дисциплины в партийных рядах.

занятия в партийной школе. В столовую, по существу являвшуюся партийным клубом большевиков, имели доступ эмигранты из различных стран. — *Ред.*

Полька спросила Ленина:

— Как нужно понимать ваши слова относительно дисциплины?

Ленин ответил, что необходимо выполнять взятые на себя задачи до конца, серьезно относиться к своим обещаниям и быть постоянным и настойчивым в достижении цели.

В связи с поставленным ему вопросом относительно передовых статей «Искры» Ленин разъяснил, что нельзя отдавать дело в руки оппортунистов, ибо в таком случае оно погибнет. Необходимо идти рука об руку с рабочими, правильно указывать им путь и место в обществе с тем, чтобы они могли быть в авангарде борьбы за марксизм.

Я задала Ленину весьма важный вопрос:

— Смогут ли рабочие вести борьбу без материальных средств?

Ленин обвел взглядом присутствующих, потом наклонил голову и, глядя себе на руки, начал объяснять, что прежде всего рабочие должны через печать и на личном опыте убедиться, что капитализм их непримиримый враг и таковым останется. В борьбе с самодержавием и капитализмом рабочие будут пользоваться поддержкой широких народных масс, в том числе и прогрессивной интеллигенции. Ленин вкратце обрисовал задачи, стоящие перед каждым передовым интеллигентом, усвоившим учение Маркса, а также задачи редакции боевой газеты «Искра».

Под видом вопроса я сделала следующее признание:

— Лично для меня некоторые вопросы из учения Маркса доступны, понятны. Но как поступить, чтобы понять все, овладеть теорией марксизма?

И Ленин ответил, что необходимо формировать группы по изучению марксизма, проводить в них беседы. В ходе бесед будут возникать вопросы самого различного характера. В разъяснении их помощь окажут печатные органы партии, где будут работать специально подготовленные для этого люди.

В заключение Ленин сказал, что нам предстоит ответственная и тяжелая работа. Мы должны доказать, что способны руководить, поэтому нам нужно неустанно учиться друг у друга и не терять ни одной минуты, пополнять свои знания. Наше общение с широкими народными массами, в первую очередь, с рабочими, поставит перед нами значительные проблемы — легкие на первый взгляд, но на практике трудно поддающиеся

разрешению. В таких случаях нам нужно разделять вопросы на составные части и разъяснять только те из них, которые мы хорошо знаем, а все другие — оставлять до тех пор, пока мы их хорошо не изучим.

Ленин учил нас быть искренними, честными, бороться против интриганства. Именно так, говорил Ленин, мы завоеваем сердца рабочих.

Ленин бесшумно встал и покинул столовую. Мы сидели неподвижно и сосредоточенно, и нам казалось, что он все еще с нами и продолжает говорить — так глубоко проникал в душу взгляд его живых глаз. Всякий раз, когда я встречала Ленина, его лицо озарялось добродушной улыбкой. Не помню, чтобы хоть раз видела я на его лице отпечаток гнева. Были моменты, когда лицо Ленина выражало грусть, но его взгляд отражал решимость и стремление к борьбе до конца.

В то время Ленин часто ездил по странам Европы: он был в Германии, Англии, Франции, всюду знакомился с революционным движением, выступал с докладами, использовал богатые фонды библиотек. К сожалению, наши сведения о его поездках и работе были тогда скудными.

Таким я видела Ленина на заре моего политического пробуждения.

Зима 1924 года застала меня в Софии на улице Кирилла и Мефодия, в доме № 42. Мой дом часто посещали тогда Благоев — «Дед», Георгий Димитров, Георгий Кирков, Василь Коларов и другие руководящие деятели партии. По соседству с моим домом находился партийный клуб. Из окна кухни я видела рабочее место нашего любимого Георгия Димитрова.

Был морозный январский день. Уличный шум как будто замер. Я была одна. В клубе никого не было. Только траурный флаг извещал о смерти Ленина... Я оделась и вышла на улицу. Встретила своих знакомых — рабочих. Мы молча поздоровались, я увидела их горящие взоры, в которых можно было прочитать не только скорбь, но и готовность к борьбе...

И потому такая неисчерпаемая правда и сила звучат в призыве трудящихся:

Без Ленина — по-ленински!

КЛАРА ЦЕТКИН

ВОСПОМИНАНИЯ О ЛЕНИНЕ

В эти тяжелые часы¹, когда каждый из нас подавлен чувством глубочайшего горя, когда каждый сознает, что ушел от нас тот, кого заменить нельзя, перед нами встает яркое и полное жизни воспоминание о нем — единственном, которое, как вспышка молнии, выявляет нам в великом вожде великого человека. На личности Ленина лежит печать гармоничного слияния величия вождя и человека. Благодаря этой особенности личность Ленина навсегда пустила корни в великом сердце мирового пролетариата, а это есть то, что Маркс называл славным жребием борца за коммунизм. Ибо трудящиеся, все те, кто отдан в жертву богатству, все те, кто не знает условной лжи и лицемерия буржуазного мира, — топким инстинктивным чутьем улавливают разницу между правдивым и ложным, между скромным величием и напыщенным чванством, между действенной, обращенной к ним любовью и погоней за популярностью, в которой отражается только пустое тщеславие.

Я считаю своим долгом поделиться со всеми отрывками из сокровищницы моих личных воспоминаний о незабвенном вожде и друге. Это — долг по отношению к Владимиру Ильичу. Это — долг по отношению к тем, кому была отдана вся его деятельность: пролетариям, трудящимся, эксплуатируемым, подневольным всего мира, которых охватило его любящее сердце и которых его гордая мысль рассматривала как революционных борцов и творцов более высокого общественного строя.

Впервые после того, как разразилась потрясшая весь мир русская революция, я встретила с Лениным ранней осенью 1920 года. Это было сейчас же после моего приезда в Москву, во время одного партийного заседания, — если память мне

¹ Воспоминания написаны в январе 1924 года. — *Ред.*

не изменяет, в Свердловском зале в Кремле. Ленин показался мне не изменившимся, почти не постаревшим. Я могла бы поклясться, что на нем был тот же скромный, тщательно вычищенный пиджак, который я видела на нем при первой нашей встрече в 1907 году на всемирном конгрессе II Интернационала в Штутгарте. Роза Люксембург, отличавшаяся метким глазом художника, подмечавшим все характерное, указала мне тогда на Ленина со словами: «Взгляни хорошенько на этого человека. Это — Ленин. Обрати внимание на его упрямый, своевольный череп».

В своем поведении и в своих выступлениях Ленин остался таким же, как прежде. Дебаты становились порой очень оживленными, даже страстными. Как и раньше, во время конгрессов II Интернационала, Ленин проявлял чрезвычайное внимание к ходу дебатов, большое самообладание и спокойствие, в котором чувствовалась внутренняя сосредоточенность, энергия и эластичность. Это доказывали его восклицания, отдельные замечания и более пространственные речи, произносимые им, когда он брал слово. От его острого взгляда и ясного ума, казалось, не могло ускользнуть ничто, заслуживающее внимания. Мне бросилась в глаза тогда на собрании, — как, впрочем, и всегда впоследствии, — самая характерная черта Ленина — простота и сердечность, естественность во всех его отношениях ко всем товарищам. Я говорю «естественность», так как я вынесла вполне определенное впечатление, что этот человек не может вести себя иначе, чем он себя ведет. Его отношение к товарищам — естественное выражение всего его внутреннего существа.

Ленин был бесспорным вождем партии, которая сознательно вступила в бой за власть, указывая цель и путь русскому пролетариату и крестьянству. Облеченная их доверием, она управляет страной и осуществляет диктатуру пролетариата. Ленин был руководителем великой страны, которая стала первым в мире пролетарским государством. Его мысли и воля жили в миллионах людей и за пределами Советской России. Его мнение по любому вопросу было решающим в стране, имя его было символом надежды и освобождения повсюду, где существует гнет и рабство.

«Товарищ Ленин ведет нас к коммунизму. Как бы тяжело нам ни было, мы выдержим», — заявляли русские рабочие. Они, имея перед своим духовным взором идеальное царство высшего человеческого общества, спешили, голодая, замерзая, на фронт

или же напрягали чрезвычайные усилия, чтобы среди невероятных трудностей восстановить хозяйственную жизнь страны.

«Нам нечего бояться, что помещики вернутся и отберут у нас землю. Ильич и большевики с красноармейцами выручат нас», — так рассуждали крестьяне, земельная нужда которых была удовлетворена. «Да здравствует Ленин!» — часто красовалась надпись на многих церковных стенах в Италии: это было проявлением восторженного удивления какого-нибудь пролетария, который в лице русской революции приветствовал свою собственную освободительницу. Вокруг имени Ленина как в Америке, так и в Японии и Индии объединялись все восставшие против власти собственников.

Как просто и скромно было выступление Ленина, который уже имел позади себя совершенный им гигантский исторический труд и на котором лежало колоссальное бремя безграничного доверия, самой тяжелой ответственности и никогда не прекращающейся работы! Он целиком сливался с массой товарищей, был однороден с ней, был одним из многих. Он не хотел ни одним жестом, ни выражением лица оказывать давление в качестве «руководящей личности». Подобный прием был ему совершенно чужд, так как он действительно был ярко выраженной личностью. Курьеры беспрерывно доставляли сообщения из различных учреждений — гражданских и военных, — он очень часто тут же давал ответ в нескольких быстро набросанных строках. Для всякого у Ленина была дружеская улыбка и кивок, и это всегда вызывало в ответ радостное выражение лица у того, к кому они относились. Во время заседаний он время от времени, не вызывая ничего внимания, разговаривал по разным вопросам с тем или иным ответственным товарищем. Во время перерыва Ленину приходилось выдерживать настоящую атаку: его обступали со всех сторон товарищи — мужчины и женщины — питерцы, москвичи, а также из самых различных центров движения. Особенно много молодых товарищей обступало его: «Владимир Ильич, пожалуйста»... «Товарищ Ленин, вы не должны отказать»... «Мы, Ильич, хорошо знаем, что вы... но»... В таком роде сыплется град просьб, запросов, предложений.

Ленин выслушивал и отвечал всем с неистощимым, трогательным терпением. Он чутко прислушивался и всегда был готов помочь в партийной работе или личном горе. Глядя на него, как он относился к молодежи, сердце радовалось: чисто товарищ-

щеское отношение, свободное от какого-либо педантизма, наставнического тона или высокомерия, продиктованного тем, что пожилой возраст будто бы сам по себе является каким-то несравненным преимуществом и добродетелью.

У Ленин вел себя, как ведет себя равный в среде равных, с которыми он связан всеми фибрами своего сердца. В нем не было и следа «человека власти», его авторитет в партии был авторитетом идеальнейшего вождя и товарища, перед превосходством которого склоняешься в силу сознания, что он всегда поймет и в свою очередь хочет быть понятым. Не без горечи сравнивала я атмосферу, окружавшую Ленина, с напыщенной чопорностью «партийных отцов» немецкой социал-демократии. И мне совершенно нелепой казалась та безвкусица, с которой социал-демократ Эберт, в качестве «господина президента Германской республики», старался копировать буржуазию «во всех ее повадках и манерах», теряя всякое чувство человеческого достоинства. Конечно, эти господа никогда не были такими «безумными и отчаянными», как Ленин, чтобы «стремиться совершить революцию». И под их защитой буржуазия может тем временем храпеть еще более спокойно, чем даже во времена тридцати пяти монархов при Генрихе Гейне, — храпеть, пока, наконец, и здесь революция не подымется из потока исторически подготовленного, необходимого и прогремит этому обществу: «Берегись!»



При моем первом посещении семьи Ленина еще более углубилось впечатление о нем, полученное мною на партийной конференции и усилившееся с тех пор после ряда бесед с ним. Ленин жил в Кремле. Прежде чем к нему попасть, нужно было пройти мимо нескольких караульных постов — предосторожность, объяснявшаяся не прекращавшимися в ту пору контрреволюционными террористическими покушениями на вождей революции. Ленин, когда это нужно было, принимал и в великолепных государственных апартаментах. Однако его частная квартира отличалась крайней простотой и неприязательностью. Мне случалось часто бывать в квартирах рабочих, которые были богаче обставлены, чем квартира «всесильного московского диктатора».

Я застала жену и сестру¹ Ленина за ужином, к которому я тотчас же была приглашена самым сердечным образом. Это был скромный ужин любого среднего советского служащего того времени. Он состоял из чая, черного хлеба, масла, сыра. Потом сестра должна была «в честь гостя» поискать, нет ли чего «сладкого», и, к счастью, нашлась небольшая банка с вареньем. Как известно, крестьяне доставляли в изобилии «своему Ильичу» белую муку, сало, яйца, фрукты и т. п.; известно также, что из всего этого ничего не оставалось в доме у Ленина. Все посылалось в больницы и детские приюты, так как семья Ленина строго придерживалась принципа жить в тех же условиях, что и трудящиеся массы.

Я не видела т. Крупскую, жену Ленина, с марта 1915 года, когда происходила международная женская социалистическая конференция в Берне. Ее симпатичное лицо с мягкими добрыми глазами носило на себе неизгладимые следы предательской болезни, которая ее подтачивала. Но, за исключением этого обстоятельства, она оставалась такой же, а именно — воплощением прямоты, простоты и какой-то чисто пуританской скромности. Со своими гладко причесанными назад волосами, собранными на затылке в бесхитростный узел, в своем простом платье, она производила впечатление изнуренной жены рабочего, вечно озабоченной мыслью, как бы успеть, как бы не потерять времени. «Первая женщина великого русского государства» — согласно буржуазным понятиям и терминологии — Крупская является бесспорно первой по преданности делу угнетенных и страдающих. Ее соединяла с Лениным самая искренняя общность взглядов на цель и смысл жизни. Она была правой рукой Ленина, его главный и лучший секретарь, его убежденнейший идейный товарищ, самая сведущая истолковательница его воззрений, одинаково неутомимая как в том, чтобы умно и тактично вербовать друзей и приверженцев, так и в том, чтобы пропагандировать его идеи в рабочей среде. Наряду с этим она имела свою особую сферу деятельности, которой она отдавалась всей душой, — дело народного образования и воспитания.

Было бы оскорбительно и смешно предполагать, что т. Крупская в Кремле играла роль «жены Ленина». Она работала, несла заботы вместе с ним, пеклась о нем, как она делала это

¹ Речь идет о младшей сестре В. И. Ленина — Марии Ильиничне Ульяновой. — *Ред.*

всю свою жизнь, делала тогда, когда условия нелегальной жизни и самые тяжелые преследования разделяли их друг от друга. С чисто материнской заботливостью, — нужно указать, что сестра Ленина помогала ей в этом самым любовным образом, — превращала она ленинское жилище в «родной очаг» в самом благородном смысле этого слова. Конечно, не в смысле немецкого мещанства, а в смысле той духовной атмосферы, которая его наполняла и которая служила отражением отношений, соединявших между собой живущих и работающих здесь людей. Получалось впечатление, что в этих отношениях все было настроено на исключительный тон правды, искренности, понимания и сердечности. Хотя я до той минуты лично мало была знакома с т. Крупской, я тотчас же почувствовала себя в ее обществе и под ее дружеским попечением, как дома. Когда пришел Ленин и когда несколько позже появилась большая кошка, весело приветствуемая всей семьей, — она прыгнула на плечи к «страшному вождю террористов» и потом свернулась в удобной позе на коленях у него, — то мне казалось, что я у себя дома или у Розы Люксембург с ее ставшей памятной для друзей кошкой «Мими».

Ленин застал нас, трех женщин, беседующими по вопросам искусства, просвещения и воспитания. Я как раз в этот момент высказывала свое восторженное удивление перед единственной, в своем роде титанической, культурной работой большевиков, перед расцветом в стране творческих сил, стремящихся проложить новые пути искусству и воспитанию. При этом я не скрывала своего впечатления, что довольно часто приходится наблюдать много неуверенности и неясных нащупываний, пробных шагов и что наряду со страстными поисками нового содержания, новых форм, новых путей в области культурной жизни имеет иногда место и искусственное «модничанье» и подражание западным образцам. Ленин тотчас же очень живо вмешался в разговор.

— Пробуждение новых сил, работа их над тем, чтобы создать в Советской России новое искусство и культуру, — сказал он, — это — хорошо, очень хорошо. Бурный темп их развития понятен и полезен. Мы должны нагнать то, что было упущено в течение столетий, и мы хотим этого. Хаотическое брожение, лихорадочные искания новых лозунгов, лозунги, провозглашающие сегодня «осанну» по отношению к определенным

течениям в искусстве и в области мысли, а завтра кричащие «распни его», — все это неизбежно.

— Революция развязывает все скованные до того силы и гонит их из глубин на поверхность жизни. Вот вам один пример из многих. Подумайте о том влиянии, которое оказывали на развитие нашей живописи, скульптуры и архитектуры мода и прихоти царского двора, равно как вкус и причуды господ аристократов и буржуазии. В обществе, базирующемся на частной собственности, художник производит товары для рынка, он нуждается в покупателях. Наша революция освободила художников от гнета этих весьма прозаических условий. Она превратила Советское государство в их защитника и заказчика. Каждый художник, всякий, кто себя таковым считает, имеет право творить свободно, согласно своему идеалу, независимо ни от чего.

— Но, понятно, мы — коммунисты. Мы не должны стоять, сложа руки, и давать хаосу развиваться, куда хочешь. Мы должны вполне планомерно руководить этим процессом и формировать его результаты. Мы еще далеки от этого, очень далеки. Мне кажется, что и мы имеем наших докторов карлштадтов¹. Мы чересчур большие «ниспровергатели в живописи». Красивое нужно сохранить, взять его как образец, исходить из него, даже если оно «старое». Почему нам нужно отворачиваться от истинно прекрасного, отказываться от него, как от исходного пункта для дальнейшего развития, только на том основании, что оно «старо»? Почему надо преклоняться перед новым, как перед богом, которому надо поклониться только потому, что «это ново»? Бессмыслица, сплошная бессмыслица! Здесь много лицемерия и, конечно, бессознательного почтения к художественной моде, господствующей на Западе. Мы хорошие революционеры, но мы чувствуем себя почему-то обязанными доказать, что мы тоже стоим «на высоте современной культуры». Я же имею смелость заявить себя «варваром». Я не в силах считать произведения экспрессионизма, футуризма, кубизма и прочих «измов» высшим проявлением художественного гения. Я их не понимаю. Я не испытываю от них никакой радости.

Я не могла удержаться и созналась, что и мне не хватает органа восприятия, чтобы понять, почему художественным вы-

¹ Карлштадт (1480—1541) — видный деятель реформации. — Ред.

ражением вдохновенной души должны служить треугольники вместо носа и почему революционное стремление к активности должно превратить тело человека, в котором органы связаны в одно сложное целое, в какой-то мягкий бесформенный мешок, поставленный на двух ходулях, с двумя вилками по пяти зубцов в каждой.

Ленин от души расхохотался.

— Да, дорогая Клара, ничего не поделаешь, мы оба старые. Для нас достаточно, что мы, по крайней мере, в революции остаемся молодыми и находимся в первых рядах. За новым искусством нам не угнаться, мы будем ковылять позади.

— Но, — продолжал Ленин, — важно не наше мнение об искусстве. Важно также не то, что дает искусство нескольким сотням, даже нескольким тысячам общего количества населения, исчисляемого миллионами. Искусство принадлежит народу. Оно должно уходить своими глубочайшими корнями в самую толщу широких трудящихся масс. Оно должно быть понятно этим массам и любимо ими. Оно должно объединять чувство, мысль и волю этих масс, подымать их. Оно должно пробуждать в них художников и развивать их. Должны ли мы небольшому меньшинству подносить сладкие, утонченные бисквиты, тогда как рабочие и крестьянские массы нуждаются в черном хлебе? Я понимаю это, само собой разумеется, не только в буквальном смысле слова, но и фигурально: мы должны всегда иметь перед глазами рабочих и крестьян. Ради них мы должны научиться хозяйничать, считать. Это относится также к области искусства и культуры.

— Для того чтобы искусство могло приблизиться к народу и народ к искусству, мы должны сначала поднять общий образовательный и культурный уровень. Как у нас обстоит дело в этом отношении? Вы восторгаетесь по поводу того колоссального культурного дела, которое мы совершили со времени прихода своего к власти. Конечно, без хвастовства, мы можем сказать, что в этом отношении нами многое, очень многое сделано. Мы не только «снимали головы», как в этом обвиняют нас меньшевики всех стран и на вашей родине — Каутский, но мы также просвещали головы; мы много голов просветили. Однако «много» только по сравнению с прошедшим, по сравнению с грехами господствовавших тогда классов и клик. Необъятно велика разбуженная и разжигаемая нами жажда

рабочих и крестьян к образованию и культуре. Не только в Питере и в Москве, в промышленных центрах, но и далеко за этими пределами, вплоть до самых деревень. А, между тем, мы народ нищий, совершенно нищий. Конечно, мы ведем настоящую упорную войну с безграмотностью. Устраиваем библиотеки, избы-читальни в крупных и малых городах и селах. Организуем самые разнообразные курсы. Устраиваем хорошие спектакли и концерты, рассылаем по всей стране «передвижные выставки» и «просветительные поезда». Но я повторяю: что это может дать тому многомиллионному населению, которому недостает самого элементарного знания, самой примитивной культуры? В то время как сегодня в Москве, допустим, десять тысяч человек, а завтра еще новых десять тысяч человек придут в восторг, наслаждаясь блестящим спектаклем в театре, — миллионы людей стремятся к тому, чтобы научиться по складам писать свое имя и считать, стремятся приобщиться к культуре, которая обучила бы их тому, что земля шарообразна, а не плоская и что миром управляют законы природы, а не ведьмы и не колдуны совместно с «отцом небесным».

«Товарищ Ленин, не следует так горько жаловаться на безграмотность, — заметила я. — В некотором отношении она вам облегчила дело революции. Она предоохранила мозги рабочего и крестьянина от того, чтобы быть напичканными буржуазными понятиями и воззрениями и захиреть. Ваша пропаганда и агитация бросает семена на девственную почву. Легче сеять и пожинать там, где не приходится предварительно выкорчевывать целый первобытный лес».

— Да, это верно, — сказал Ленин. — Однако только в известных пределах или, вернее сказать, для определенного периода нашей борьбы. Безграмотность уживалась с борьбой за власть, с необходимостью разрушить старый государственный аппарат. Но разве мы разрушаем единственно ради разрушения? Мы разрушаем для того, чтобы воссоздать нечто лучшее. Безграмотность плохо уживается, совершенно не уживается с задачей восстановления. Последнее ведь, согласно Марксу, должно быть делом самих рабочих и, прибавлю, крестьян, если они хотят добиться свободы. Наш советский строй облегчает эту задачу. Благодаря ему в настоящее время тысячи трудящихся из народа учатся в различных советах и советских органах работать над делом восстановления. Это —

мужчины и женщины «в расцвете сил», как у вас принято говорить. Большинство из них выросло при старом режиме и, следовательно, не получило образования и не приобщилось к культуре, но теперь они страстно стремятся к знанию. Мы самым решительным образом ставим себе целью привлекать к советской работе все новые пласты мужчин и женщин и дать им известное практическое и теоретическое образование. Однако, несмотря на это, мы не можем удовлетворить всю потребность нашу в творческих руководящих силах. Мы вынуждены привлекать бюрократов старого стиля, и в результате у нас образовался бюрократизм. Я его от души ненавижу, не имея, конечно, при этом в виду того или иного отдельного бюрократа. Последний может быть дельным человеком. Но я ненавижу систему. Она парализует и вносит разврат как внизу, так и наверху. Решающим фактором для преодоления и искоренения бюрократизма служит самое широкое образование и воспитание народа.

— Каковы же наши перспективы на будущее? Мы создали великолепные учреждения и провели действительно хорошие мероприятия с той целью, чтобы пролетарская и крестьянская молодежь могла учиться, штудировать и усваивать культуру. Но и тут встает перед нами тот же мучительный вопрос: что значит все это для такого большого населения, как наше? Еще хуже того: у нас далеко нет достаточного количества детских садов, приютов и начальных школ. Миллионы детей подрастают без воспитания и образования. Они остаются такими же невежественными и некультурными, как их отцы и деды. Сколько талантов гибнет из-за этого, сколько стремлений к свету подавлено! Это ужасное преступление с точки зрения счастья подрастающего поколения, равносильное расхищению богатств Советского государства, которое должно превратиться в коммунистическое общество. В этом кроется грозная опасность.

В голосе Ленина, обычно столь спокойном, звучало сдержанное негодование.

«Как близко задевает его сердце этот вопрос, — подумала я, — раз он перед нами тремя произносит агитационную речь». Кто-то из нас, — я не помню, кто именно, — заговорил по поводу некоторых, особенно бросающихся в глаза явлений из области искусства и культуры, объясняя их происхождение «условиями момента». Ленин на это возразил:

— Знаю хорошо! Многие искренне убеждены в том, что *panem et circenses* («хлебом и зрелищами») можно преодолеть трудности и опасности теперешнего периода. Хлебом — конечно! Что касается зрелищ, — пусть их! — не возражаю. Но пусть при этом не забывают, что зрелища — это не настоящее большое искусство, а скорее более или менее красивое развлечение. Не надо при этом забывать, что наши рабочие и крестьяне нисколько не напоминают римского люмпен-пролетариата. Они не содержатся на счет государства, а содержат сами трудом своим государство. Они «делали» революцию и защищали дело последней, проливая свою кровь и принося бесчисленные жертвы. Право, наши рабочие и крестьяне заслуживают чего-то большего, чем зрелищ. Они получили право на настоящее великое искусство. Потому мы в первую очередь выдвигаем самое широкое народное образование и воспитание. Оно создает почву для культуры, — конечно при условии, что вопрос о хлебе разрешен. На этой почве должно вырасти действительно новое, великое коммунистическое искусство, которое создаст форму соответственно своему содержанию. На этом пути нашим «интеллигентам» предстоит разрешить благородные задачи огромной важности. Поняв и разрешив эти задачи, они покрыли бы свой долг перед пролетарской революцией, которая и перед ними широко раскрыла двери, ведущие их на простор из тех низменных жизненных условий, которые так мастерски охарактеризованы в «Коммунистическом манифесте».

В эту ночь — был уже поздний час — мы коснулись еще и других тем. Но впечатления об этом бледнеют по сравнению с замечаниями, сделанными Лениным по вопросам искусства, культуры, народного образования и воспитания.

«Как искренне и горячо любит он трудящихся, — мелькнуло у меня в мозгу, когда я в эту холодную ночь с разгоряченной головой возвращалась домой. — А между тем, находятся люди, которые считают этого человека холодной, рассудочной машиной, принимают его за сухого фанатика формул, знающего людей лишь в «качестве исторических категорий» и бесстрастно играющего ими, как шариками».

Брошенные Лениным замечания так глубоко меня взволновали, что тотчас же в основных чертах я набросала их на бумаге, подобно тому, как во время моего первого пребывания на священной революционной земле Советской России день за

днем заносила в свой дневник все, что мне казалось заслуживающим внимания.

В душу мою врезался неизгладимыми чертами еще ряд других замечаний Ленина, сделанных им в ту пору, во время одной беседы со мною.

Я, как и многие приезжавшие в то время из западных стран, должна была уплатить дань перемене образа жизни и слегла. Ленин навестил меня. Заботливо, как самая нежная мать, осведомлялся он, имеется ли за мной надлежащий медицинский уход, получаю ли я соответствующее питание, добивался, в чем я нуждаюсь, и т. д. Позади него я видела милое лицо т. Крупской. Ленин усомнился, все ли так хорошо, так великолепно, как мне казалось. Особенно он выходил из себя по поводу того, что я жила на четвертом этаже одного советского дома, в котором, правда, формально имелся лифт, но на практике он не функционировал.

— Точь-в-точь, как любовь и стремление к революции у сторонников Каутского, — заметил Ленин саркастически.

Вскоре наш разговор пошел по руслу политических вопросов.

Отступление Красной Армии из Польши дохнуло ранним морозом на революционные мечты, которые мы и многие вместе с нами лелеяли, когда советские войска молниеносным и смелым натиском достигли Варшавы. Этот дохнувший мороз не дал созреть нашим мечтам.

Я описывала Ленину, какое впечатление произвели и на революционный авангард немецкого пролетариата, и на Шейдеманов, и на Дитманов, и на крупную и мелкую буржуазию красноармейцы с советской звездой на шапке и в донельзя потрепанной военной форме, а часто в штатском платье, в лаптях или в рваных сапогах, появившиеся на своих маленьких бойких лошадках у самой немецкой границы. «Удержат ли они Польшу в своих руках или нет, перейдут ли они через немецкую границу, и что тогда будет?» — вот вопросы, занимавшие тогда умы в Германии, вопросы, при разрешении которых стратеги за кружкой пива готовились одерживать блестящие победы. При этом обнаружилось, что во всех классах, во всех социальных слоях было гораздо больше шовинистической ненависти против белогвардейской империалистической Польши, чем против французского «наследственного врага».

Однако еще сильнее, еще неотразимее, чем шовинистическая ненависть против Польши и благоговение перед святошью Версальского договора, был страх перед призраком революции. Перед ним укрылся в подворотню и бурно-пламенный на словах патриотизм и нежно журчащий пацифизм. Крупная и мелкая буржуазия совместно с сопутствующими ей реформистскими элементами из пролетариата взирали, таким образом, на дальнейшее развитие вещей в Польше одним глазом, который смеялся, и другим, который плакал.

Ленин внимательно прислушивался к деталям о поведении коммунистической партии, равно как и реформистской партии и вождей профсоюзов, которые я ему сообщала.

Несколько минут сидел он молча, погруженный в раздумье.

— Да, — сказал он наконец, — в Польше случилось то, что должно было, пожалуй, случиться. Вы ведь знаете все те обстоятельства, которые привели к тому, что наш безумно смелый, победоносный авангард не мог получить никакого подкрепления со стороны пехоты, не мог получить ни снаряжения, ни даже черствого хлеба в достаточном количестве и поэтому должен был реквизировать хлеб и другие предметы первой необходимости у польских крестьян и мелкой буржуазии; последние же, под влиянием этого, готовы были видеть в красноармейцах врагов, а не братьев-освободителей. Конечно, нет нужды говорить, что они чувствовали, думали и действовали при этом отнюдь не социалистически, не революционно, а националистически, шовинистически, империалистически. Крестьяне и рабочие, одураченные сторонниками Пилсудского и Дашинского, защищали своих классовых врагов, давали умирать с голоду нашим храбрым красноармейцам, завлекали их в засаду и убивали.

— Наш Буденный сейчас, наверно, должен считаться самым блестящим кавалерийским начальником в мире. Вы, конечно, знаете, что он — крестьянский парень. Как и солдаты французской революционной армии, он нес маршальский жезл в своем ранце, в данном случае — в сумке своего седла. Он обладает замечательным стратегическим инстинктом. Он отважен до сумасбродства, до безумной дерзости. Он разделяет со своими кавалеристами все самые жестокие лишения и самые тяжелые опасности. За него они готовы дать разрубить себя на части. Он один заменяет нам целые эскадроны. Однако все эти преимущества Буденного и других революцион-

ных военных начальников не смогли уравновесить наши недостатки в военном и техническом отношении.

— Известно ли вам, что заключение мира с Польшей сначала встретило большое сопротивление, точно так же, как это было при заключении Брест-Литовского мира? Мне пришлось выдержать жесточайший бой, так как я стоял за принятие мирных условий, которые безусловно были благоприятны для Польши и очень тяжелы для нас. Почти все наши эксперты утверждали, что, принимая во внимание положение дел в Польше, особенно же учитывая ее тяжелое финансовое положение, можно было бы добиться мирных условий, гораздо более благоприятных для нас, в том случае, если бы мы могли продолжать военные действия хотя бы еще некоторое время. Тогда бы для нас не была исключена возможность добиться полной победы. При условии продолжения войны национальные противоречия в Восточной Галиции и в других частях Польши значительно ослабили бы военную силу официальной империалистической Польши. Несмотря на субсидии и кредиты Франции, все растущее бремя военных расходов и бедственное финансовое положение вызвали бы в конце концов движение крестьян и рабочих. Были указания и на ряд других обстоятельств, доказывающих, что при дальнейшем ведении войны наши шансы становились бы все благоприятнее.

— Я сам думаю, — продолжал Ленин развивать после короткой паузы свою мысль, — что наше положение вовсе не обязывало нас заключать мир какой угодно ценой. Мы могли зиму продержаться. Но я считал, что с политической точки зрения разумнее пойти навстречу врагу, временные жертвы тяжелого мира казались мне дешевле продолжения войны. В конце концов наши отношения с Польшей от этого только выиграли. Мы используем мир с Польшей для того, чтобы обрушиться со всей силой на Врангеля и нанести ему такой сокрушительный удар, который заставит его навсегда оставить нас в покое. Советская Россия может только выиграть, если она своим поведением доказывает, что ведет войну только для того, чтобы оборонять себя и защищать революцию, что она единственное большое миролюбивое государство в мире, что ей чуждо какое-либо намерение захватить чью-либо территорию, подчинить себе какие-либо нации и вообще затевать империалистические авантюры. Но самое главное было то:

могли ли мы без самой крайней нужды обречь русский народ на ужасы и страдания еще одной зимней кампании? Могли ли мы послать наших героев-красноармейцев, наших рабочих и крестьян, которые вынесли столько лишений и столько терпели, — опять на фронт? После ряда лет империалистической и гражданской войны — новая зимняя кампания, во время которой миллионы людей будут голодать, замерзать, погибать в немом отчаянии. Наличие съестных припасов и одежды сейчас ничтожно. Рабочие кричат, крестьяне ворчат, у них только забирают и ничего не дают... Нет, мысль об ужасах зимней кампании была для меня невыносима. Мы должны были заключить мир.

Пока Ленин говорил, лицо его у меня на глазах как-то съежилось. Бесчисленные большие и мелкие морщины глубоко бороздили его. Каждая из них была проведена тяжелой заботой или же разъедающей болью... Вскоре он ушел. Между прочим, он мне еще успел сказать, что заказаны десять тысяч кожаных костюмов для красноармейцев, которые должны взять Перекоп со стороны моря. Но еще до того, как эти костюмы были готовы, мы ликовали, получив известие, что германские защитники Советской России под гениальным и смелым предводительством т. Фрунзе штурмом овладели перешейком. Это был беспримерный военный подвиг, совершенный войсками и вождями.

Одной заботой, одним страданием у Ленина стало меньше — на Южном фронте также не предстояло зимней кампании.

* *

*

III Всемирный конгресс нашего Интернационала и вторая международная конференция коммунистов привели меня в 1921 году вторично в Москву, где я оставалась довольно долго. Тяжелое было время! Тяжелое не столько потому, что заседания происходили во второй половине июня и в первой половине июля, когда солнце заливало своими жаркими лучами блестящие золотые церковные купола Москвы, сколько из-за той атмосферы, которая царилась среди партий Коминтерна.

В Коммунистической партии Германии эта атмосфера была насыщена электричеством; буря, гром и молния были

повседневным явлением. Наши пессимисты, которые вдохновляются только тогда, когда они могут, как им кажется, предчувствовать те или иные бедствия, — предсказывали распад и конец партии. Организованные в III Интернационал коммунисты были бы плохими интернационалистами, если бы страстные дебаты по вопросам теории и тактики в немецкой партии не воспламенили умы товарищей других стран.

«Немецкий вопрос» действительно превратился в проблему, которая в те дни стала проблемой всего Коминтерна.

«Мартовское выступление»¹ и так называемая «теория наступления», — а она лежала в его основании и была неотделима от его исходного пункта, хотя была ясно и строго формулирована лишь впоследствии, и притом в целях оправдания этого выступления, — побудили весь Коминтерн основательно разобраться в мировом хозяйстве и мировой политике. Он должен был таким путем расчистить себе твердую почву для своих принципиальных и тактических позиций, т. е. для своих ближайших задач, для революционной мобилизации и подъема пролетариата и всех трудящихся.

Как известно, я принадлежала к самым резким критикам «мартовского выступления» не потому, что оно будто бы не было борьбой рабочего класса, а потому, что оно было неправильно задумано партией, плохо ею подготовлено, плохо организовано, неудачно руководимо и неудачно выполнено. Наскоро сколоченную «теорию наступления» я подвергла самой резкой критике. К этому, вдобавок, у меня прибавился еще и «личный счет». Колебания в позиции ЦК германской партии в отношении конгресса итальянских социалистов в

¹ Речь идет о выступлении германского пролетариата в марте 1921 года.

Левое большинство ЦК Объединенной Коммунистической партии Германии, исходя из так называемой «теории наступления», сторонники которой считали тактику наступления единственно правильной в любой ситуации, независимо от конкретных политических условий, толкало рабочих на путь преждевременного восстания. Воспользовавшись этим, германская буржуазия спровоцировала рабочих на вооруженное выступление в неблагоприятный для них момент. В марте 1921 года в ряде районов Средней Германии вспыхнуло восстание. Восстание не было поддержано рабочими других промышленных районов и, несмотря на героическую борьбу рабочих, было быстро подавлено. О мартовском выступлении пролетариата в Германии см. *В. И. Ленин*, Соч., т. 32, стр. 449—453, 487—498 и т. 33, стр. 4. — *Ред.*

Ливорно¹ и в отношении тактики Исполнительного комитета побудили меня немедленно и демонстративно выйти из состава ЦК. Тяжело, очень тяжело угнетало меня сознание, что я таким «нарушением дисциплины» очутилась в резкой оппозиции к тем, кто и политически и лично стоял ко мне ближе всего, т. е. — к русским друзьям.

В Исполкоме Коминтерна и в ЦК русской партии, как и во многих других секциях Коминтерна, «мартовское выступление» имело не мало фанатических защитников. Они превозносили его как массовую революционную борьбу, которую вели сотни тысяч революционеров-пролетариев. «Теория наступления» сразу была объявлена чем-то вроде нового евангелия революции. Я знала, что меня ожидают очень жаркие бои, и твердо решила принять этот бой, безразлично, одержу ли я победу или потерплю неудачу.

Что же думает Ленин по поводу всех этих надвинувшихся вопросов? Он, — который, как никто, умеет превращать марксистские революционные принципы в действие, улавливать людей и вещи в их исторической связи, оценивать соотношение сил, — принадлежит ли он к «левым» или к «правым»? На каждого, кто не выражал безусловного восторга перед «мартовским выступлением» и «теорией наступления», само собою разумеется, была наклеена этикетка — «правый» или «оппортунист». Со страстным нетерпением ожидала я недвусмысленного ответа на все эти вопросы. Эти ответы должны стать решающими для существования Коминтерна, для его цели, для его способности к действию. С момента моего ухода из ЦК немецкой партии нити моей переписки с русскими друзьями были оборваны, так что я по поводу оценки Лениным «мартовского выступления» и «теории наступления» знала только по слухам и по догадкам, то опровергавшимся, то снова подтверждавшимся. Продолжительная беседа с ним, несколько дней спустя после моего приезда, дала мне недвусмысленный ответ на все вопросы.

¹ Ливорнский съезд Итальянской социалистической партии проходил в январе 1921 года. На съезде шла ожесточенная борьба по вопросу об условиях приема в Коминтерн, выработанных его II конгрессом в 1920 году. Часть делегатов, сторонников Коминтерна, отстаивавшая безоговорочное принятие условий вхождения партии в Коминтерн, требовавшая разрыва с реформистами и присоединения к Коммунистическому Интернационалу, покинула съезд и основала Коммунистическую партию Италии. — *Ред.*

Прежде всего Ленин потребовал доклада о положении дел в Германии и в частности внутри партии. Я постаралась сделать это с возможной ясностью и объективностью, приводила факты и цифры. Время от времени Ленин задавал вопросы, ставившие точки над «и», и делал краткие записи. Я не скрывала своей тревоги по поводу опасностей, которые, по моему мнению, угрожали немецкой партии и Коминтерну в том случае, если всемирный конгресс станет на почву «теории наступления». Ленин рассмеялся своим добрым уверенным смехом.

— С каких пор записались вы в число зловещих пророков? — спросил он. — Будьте спокойны, на конгрессе «теоретикам наступления» не придется особенно ликовать. Мы еще здесь. Думаете ли вы, что, свершив революцию, мы ничему не научились? Мы хотим, чтобы и вы из нее извлекли урок. Вообще можно ли это назвать теорией? Это — иллюзия, романтика, не что иное, как романтика. Поэтому-то она и была изобретена в стране «мыслителей и поэтов», при содействии моего милого Бела¹, который тоже принадлежит к нации поэтически одаренной и чувствует себя обязанным быть всегда левее левого. Мы не должны сочинять и мечтать. Мы должны оценивать трезво, совершенно трезво мировое хозяйство и мировую политику, если хотим вести борьбу против буржуазии и победить. И мы хотим победить, мы должны победить. Решение конгресса по вопросу о тактике Коминтерна и все связанные с этим спорные вопросы должны находиться в связи и рассматриваться вместе с нашими тезисами о положении мирового хозяйства. Все это должно образовать одно целое. Пока что мы должны больше прислушиваться к Марксу, чем к Тальгеймеру² и Бела, хотя Бела — прекрасный, преданный революционер. Во всяком случае, русская революция может большему научить, чем немецкое «мартовское выступление». Как я уже сказал, мне позиция конгресса не внушает никакой тревоги.

¹ *Кун, Бела* (1886—1939) — венгерский коммунист, один из организаторов и руководителей Советской власти в Венгрии в 1919 году, член президиума Исполкома Коминтерна. В. И. Ленин критиковал Б. Куна за «левые» ошибки, но считал его одним «из лучших венгерских коммунистов» (см. *В. И. Ленин, Соч.*, т. 29, стр. 244). — *Ред.*

² *Тальгеймер, Август* — левый социал-демократ, затем занимал руководящие посты в Компартии Германии. В 1923 году за оппортунистическую политику был отстранен от руководящей работы в партии, а в 1928 году исключен из ее рядов. — *Ред.*

«Конгрессу надлежит также вынести свою резолюцию по вопросу о «мартовском выступлении», которое на деле ведь является продуктом, практическим применением «теории наступления», ее историческим наглядным примером, — прервала я Ленина. — Можно ли отделять друг от друга теорию от практики? Однако я вижу, что здесь многие из товарищей, хотя и отвергают «теорию наступления», но страстно защищают «мартовское выступление». Я считаю это нелогичным. Конечно, мы все с искренним сочувствием преклоняемся перед темп пролетариями, которые вступили в бой, так как они были побуждаемы к тому провокацией Герзинга и хотели защитить свое право. Мы все заявили о своей солидарности с ними, — безразлично, были ли это сотни тысяч, как хотят уверить в этом рассказчики небывлиц, или только несколько тысяч. Но совершенно иное представляла и представляет собой принципиальная и тактическая позиция нашего ЦК по отношению к «мартовскому выступлению». Последнее было и остается путчистским грехопадением».

— Само собою, отпор, данный революционным пролетариатом, и штурм, произведенный плохо рассчитавшей партией или, вернее, ее руководящими органами, — должны оцениваться различным образом. Однако вы — противники «мартовского выступления» — сами виноваты в том, что все так произошло. Вы видели только ложную политику ЦК, видели ее плохое влияние и не заметили борющегося пролетариата в Средней Германии. Кроме того, чисто отрицательная критика Пауля Леви¹, в которой нет чувства связи с партией, озлобила товарищей, может быть, больше по своему тону, чем своим содержанием, и отвлекла внимание от важнейших сторон проблемы. Что касается вероятной позиции, которую займет партия по вопросу о «мартовском выступлении», то вы должны принять во внимание, что нам нужно найти почву для компромисса. Да, не смотрите на меня с удивлением и упреком. Вам и друзьям вашим придется пойти на какой-нибудь компромисс. Вы должны удовлетвориться тем, что львиная доля в ориентации конгресса принадлежит вам, вы ее унесете с собой домой. Ваша основная политическая линия

¹ *Леви, Пауль* был делегатом II конгресса Коминтерна от Коммунистической партии Германии. В апреле 1921 года был исключен из Коммунистической партии Германии и позднее перешел к социал-демократам. — *Ред.*

победит — и победит блестяще. Это, конечно, помешает повторению «мартовских выступлений». Резолюции конгресса должны быть самым строгим образом проведены в жизнь. Эту заботу возьмет на себя Исполком Коминтерна. На этот счет у меня нет никаких сомнений.

— Конгресс свернет шею пресловутой «теории наступления». Он наметит тактику в полном соответствии с вашими воззрениями. За это ему придется подать сторонникам «теории наступления» кой-какие крохи утешения. Если мы при обсуждении «мартовского выступления» выдвинем на передний план именно то, что боролся спровоцированный лакеями буржуазии пролетарий, и если мы в других отношениях проявим немного «отеческой», «исторической» снисходительности, — то это будет хорошо. Вы, Клара, конечно, будете протестовать против этого, как против затушевывания и т. п. Но это вам не поможет. Если мы хотим, чтобы тактика, подлежащая утверждению конгресса, была строго и без больших трений проведена, стала законом для деятельности коммунистических партий, — то наши милые «левые» должны чувствовать себя не особенно задетыми и вернуться домой без особо горького чувства. Мы должны также — и это в первую очередь — обратить особое внимание на подлинно революционных рабочих внутри партии и вне ее. Вы мне как-то раз писали, что мы, русские, должны немного научиться понимать психологию Запада и не тыкать сейчас же в лицо жесткой метлой. Я принял это к сведению. — Ленин с довольным видом улыбнулся. — Так вот, мы не хотим сейчас же тыкать метлой в физиономию «левых», мы даже собираемся полить немного бальзама на их раны. Они должны серьезно и вместе с вами взяться за проведение в жизнь тактики III конгресса нашего Интернационала. Ведь это означает: собирать широкие рабочие массы соответственно вашей политической линии, мобилизовать их и под руководством коммунистической партии вести в бой против буржуазии для завоевания политической власти.

— Впрочем, основные линии тактики, которой надлежит держаться, ясно намечены в той резолюции, которую вы предложили президиуму ЦК. Эта резолюция отнюдь не носила отрицательного характера, как брошюра Пауля Леви¹. При всей

¹ Имеется в виду брошюра «Unser Weg. Wider den Putschismus» («Наш путь. Против путчизма»). — *Ред.*

критике, в ней содержащейся, она имела положительный характер. Как же было возможно ее отклонить? После какой дискуссии и на основании каких мотивов? Вместо того чтобы использовать различие между положительным характером вашей резолюции и отрицательным характером брошюры Пауля Леви с целью отделить вас от Леви, — вас разделили тут же рядом с ним. Как опрометчива такая позиция!

«Думаете ли вы, может быть, дорогой товарищ Ленин, — прервала я его, — что вы должны мне также преподнести несколько крох в утешение, так как мне предстоит проглотить этот компромисс, но я обойдусь без утешения и без бальзама».

— Нет, нет, — возразил Ленин, — я об этом не думал. В доказательство я вам тотчас же дам хорошую трепку. Скажите, как могли вы совершить такую капитальную глупость, именно капитальную глупость, — убежать из ЦК? Куда девался ваш разум? Я был возмущен этим, крайне возмущен. Можно ли было действовать так безрассудно, не считаясь с последствиями такого шага, не поставив нас в известность об этом, не запросив нашего мнения. Почему вы мне не написали? Вы ведь могли, по крайней мере, телеграфировать.

Я изложила Ленину все те основания, которые привели меня к этому решению (оно внезапно вытекло в связи со сложившейся тогда ситуацией). Он не согласился с моими доводами.

— Вот еще! — воскликнул Ленин с живостью. — Вы получили мандат в ЦК не от группы товарищей, а от партии в целом. Вы не имели права отказаться от оказанного вам доверия.

Но находя, что я недостаточно раскаиваюсь, он продолжал резко критиковать мой уход из ЦК и тотчас же вслед за этим прибавил:

— Не нужно ли считать вполне заслуженным вами наказанием то, что вчера на женской конференции против вас вполне организовано направлялись нападки, как против воплощения оппортунизма самого худшего сорта? Нападки под личным руководством Рейтера¹. Конечно, все это было просто глупостью, крупной глупостью воображать, что можно спасти

¹ Рейтер (Фрисланд) — немецкий социал-демократ. В 1918 году примкнул к «Союзу Спартака». На III конгрессе Коминтерна был в числе «левых». После III конгресса Коминтерна перешел к социал-демократам. — *Ред.*

«теорию наступления», нападая на вас из-за угла женской конференции. Надеюсь, что вы отнесетесь к политической стороне этого эпизода, как к чему-то смехотворному, хотя с моральной стороны он имеет очень неприятный привкус. Надо, милая Клара, всегда иметь в виду рабочих, массы, надо всегда только о них думать и думать о нашей цели, которой мы добьемся. Тогда все эти мелочи исчезают. Кому они не выпали на долю? Вы можете мне поверить, что я тоже проглотил не малую дозу их... Но вернемся к вашему прегрешению: вы должны дать мне слово, что никогда больше не станете делать таких необдуманных шагов, в противном случае — конец нашей дружбе.

Беседа наша после этого вновь вернулась к главной теме. Ленин в основных чертах развил свои взгляды на тактику Коминтерна в том виде, как он впоследствии изложил их в своей великолепной, ясной речи на конгрессе¹ и заострил еще больше во время полемики на совещаниях комиссий.

— Первая волна мировой революции спала, вторая же еще не поднялась, — говорил Ленин. — Было бы опасно, если бы мы на этот счет делали себе иллюзии. Мы не царь Ксеркс, который велел сечь море цепями. Но разве констатировать факты, — значит оставаться бездейственным, т. е. отказаться от борьбы? Ничуть. Учиться, учиться, учиться! Действовать, действовать, действовать! Надо подготовиться, вполне хорошо подготовиться для того, чтобы совершенно сознательно, с полной энергией использовать ближайшую надвигающуюся революционную волну. Вот в чем суть. Нужна неутомимая партийная агитация и пропаганда, а затем — партийное действие. Но партийное действие, свободное от безумия, будто оно может заменить выступление масс. Как много мы, большевики, должны были работать среди масс, прежде чем могли сказать себе: «готово, вперед!» Поэтому — к массам! Завоевание масс — как предпосылка для завоевания власти. Этой позицией конгресса вы, «антимартовцы», можете вполне удовлетвориться.

«А Пауль Леви? Каково ваше отношение к нему? Как относятся к нему друзья ваши? Какую позицию займет по отношению к нему конгресс?» — уже давно эти вопросы горели у меня на языке.

¹ См. В. И. Ленин, Соч., т. 32, стр. 454—472. — Ред.

— Пауль Леви, к сожалению, стал особым вопросом, — ответил Ленин. — Вина за это лежит главным образом на самом Леви. Он от нас отошел и упрямо зашел в какой-то тупик! В этом вы могли сами убедиться во время вашей столь интенсивной агитации среди делегаций. Я считал, что он тесно связан с пролетариатом, хотя и улавливал в его отношениях к рабочим некоторую сдержанность, нечто вроде желания «держаться на расстоянии». Со времени появления его брошюры у меня возникли сомнения на его счет. Я опасаясь, что в нем живет большая склонность к самокопанию, самолюбованию, что в нем — что-то от литературного тщеславия. Критика «мартовского выступления» была необходима. Что же дал Пауль Леви? Он жестоко искромсал партию. Он не только дает очень одностороннюю критику, преувеличенную, даже злобную, — он ничего не дает, что позволило бы партии ориентироваться. Он дает основания заподозрить в нем отсутствие чувства солидарности с партией. И вот это обстоятельство было причиной возмущения многих рядовых товарищей. Это сделало их слепыми и глухими ко многому верному, заключающемуся в критике Леви. Таким образом, создалось настроение, — оно передалось также товарищам и из других секций, — при котором спор о брошюре, вернее, о личности Пауля Леви сделался исключительным предметом дебатов вместо вопроса о ложной теории и плохой практике «теоретиков наступления» и «левых». Последние должны быть благодарны Леви за то, что они пока так дешево отделались, слишком дешево. Пауль Леви — сам свой злейший враг.

Последние фразы Ленина я должна была пропустить без возражений, но я энергично протестовала против других суждений Ленина.

«Пауль Леви не тщеславный, самодовольный литератор, — сказала я. — Он не честолюбивый политический карьерист. Несчастьем было для него то, что он столь молодым принял руководство партией. После убийства Розы, Карла¹ и Лео² он должен был взять на себя это руководство, хотя нередко и

¹ *Роза Люксембург* (р. 1871) и *Карл Либкнехт* (р. 1871) — вожди рабочего класса Германии, основатели и руководители германской компартии; 15 января 1919 года зверски убиты реакционными офицерами. — *Ред.*

² *Лео Иогихес (Тышка)* (1867—1919) — видный деятель польского и германского рабочего движения; в 1918 году принимал участие в создании Компартии Германии, был избран секретарем ее ЦК. В марте 1919 г. был арестован, а затем убит в берлинской тюрьме. — *Ред.*

противился этому. Это факт. Если в отношении к нашим товарищам он не вносит особой теплоты и остается одиноким, то я все-таки убеждена, что он всеми фибрами своего существа связан с партией и с рабочими. Злополучное «мартовское выступление» потрясло его до глубины души. Он был твердо убежден, что оно легкомысленно поставило на карту существование партии и разрушило то, за что Карл, Роза и Лео и многие другие отдали свою жизнь. Он рыдал, буквально рыдал от боли при мысли, что партия погибла. Он считал возможным спасти ее только при условии применения самых острых средств. Он писал свою брошюру в таком же настроении, в каком находился легендарный римлянин, добровольно бросившийся в разверзшуюся бездну в надежде ценой своей жизни спасти отечество. Намерения Пауля Леви были самые чистые, самые бескорыстные. Он хотел излечить, а не разрушать».

— По этому поводу я с вами спорить не хочу, — возразил Ленин. — Вы лучший защитник Леви, чем он сам. Но вы ведь знаете: в политике имеет значение не намерение, а результат. У вас, немцев, ведь есть поговорка, гласящая, что «дорога в ад вымощена благими намерениями». Конгресс осудит Пауля Леви и будет суров в отношении к нему. Это неизбежно. Однако Леви будет осужден только за нарушение дисциплины, а не за основную политическую точку зрения, на которой он стоит. Да и как это было бы возможно в такой момент, когда эта точка зрения признается правильной! Таким образом, Паулю Леви широко открыт путь для того, чтобы вернуться в наши ряды. Лишь бы он сам не загородил себе дороги. Его политическая судьба находится в его руках. Он должен в качестве дисциплинированного коммуниста подчиниться постановлению конгресса и на некоторое время исчезнуть из политической жизни. Конечно, это будет ему очень горько. Я ему сочувствую, и мне искренне жаль его. Поверьте мне. Но избавить его от жестокого испытания я не могу.

— Леви должен взять на себя это искупление. Это будет для него временем усиленных занятий и спокойного углубления в себя. Он молод годами и недавно в партии. В его теоретическом образовании имеется много пробелов, в области политической экономии он еще в подготовительном классе марксизма. После более углубленных занятий он вернется к нам с твердыми принципами в качестве лучшего, более принципиального партийного вождя. Мы не должны утерять Леви

как ради него самого, так и ради дела. У нас нет избытка талантов, и мы должны дорожить тем, что имеем. И если ваша характеристика Пауля Леви правильна, то окончательный разрыв с революционным авангардом пролетариата причинит ему неизлечимые раны. Переговорите вы с ним по-дружески, помогите ему увидеть вещи в том виде, как они есть, с общей точки зрения, а не с точки зрения личной его «правоты». Я вас в этом отношении поддерживаю. Если Леви подчинится дисциплине и поведет себя правильно, — он может, например, сотрудничать без подписи в партийной прессе, может выпустить несколько хороших брошюр и т. д., — то по истечении трех или четырех месяцев я в открытом письме потребую его реабилитации. Ему предстоит выдержать боевое крещение. Будем надеяться, что он его выдержит.

Я вздохнула. В душу мою закралось обдавшее меня холодом ощущение, что я стою перед чем-то неотразимым, последствия чего нельзя вперед угадать.

«Дорогой товарищ Ленин, — сказала я, — делайте, что можете! У вас, у русских, руки свободны для того, чтобы наносить удары. Ваши объятия быстро раскрываются для того, чтобы прижать к сердцу. Из вашей партийной истории мне известно, что у вас проклятия и благословения следуют друг за другом, как быстро проходящий ветер в степи. У нас же, «людей Запада», кровь более тяжелая. На нас лежит бремя тех исторических наслоений, о которых говорит Маркс. Прошу вас еще раз горячо: сделайте все возможное, чтобы мы не потеряли Леви».

Ленин ответил:

— Будьте спокойны, я сдержу данное вам обещание. Лишь бы сам Леви продержался.

Ленин схватил свою простую, несколько поношенную кепку с козырьком и ушел от меня спокойным и энергичным шагом.

* *

*

«Оппозиционеры» из германской делегации — Мальцан, Нейман, Франкен и Мюллер — вполне естественно испытывали горячее желание встретиться с Лениным, чтобы на основании своего опыта осветить перед ним характер и последствия «мартовского выступления». Франкен был делегирован из Рейнской провинции, трое остальных были работниками

профсоюзов. Они справедливо придавали большое значение тому, чтобы ознакомить вождя Коминтерна с настроением обширных кругов проникнутых классовым сознанием и вполне революционно настроенных пролетариев, а также тому, чтобы высказать ему свои собственные взгляды по поводу «теории наступления» и той тактики, которой следует держаться. Само собой разумеется, им также очень хотелось лично услышать от Ленина его мнение по вопросам, которые их занимали. Ленин отнесся к желанию товарищей, как к чему-то «само собой разумеющемуся». Был назначен день и час, когда он должен был встретиться с ними у меня. Товарищи пришли несколько раньше него, так как мы должны были сговориться относительно нашего участия в дебатах.

Ленин отличался большой аккуратностью. Почти минута в минуту, как было условлено, он вошел в комнату, по своему обыкновению просто, едва замеченный горячо спорившими товарищами.

— Здравствуйте, товарищи!

Он пожал всем руку и сел между нами для того, чтобы тотчас же принять участие в разговорах. Мне все это было знакомо, и мне казалось само собою понятным, что каждый из товарищей должен знать Ленина в лицо. Поэтому мне не пришлось в голову представить им его. После того как прошло минут десять в общей беседе, один из них отвел меня в сторону и тихонько спросил:

«Скажите, товарищ Клара, кто же, собственно, этот товарищ?»

«Как, разве вы его не узнали? Ведь это Ленин».

«Нет, вот тебе и раз, — сказал мой друг, — я полагал, что он, вроде большого барина, заставит нас ждать. Самый рядовой товарищ не может держать себя прощел! Надо видеть, как наш бывший товарищ Герман Мюллер торжественно носит в рейхстаге фалды своего сюртука, с тех пор как он однажды побывал рейхсканцлером».

Мне казалось, что «товарищи из оппозиции» и Ленин экзаменовали друг друга. Ленин больше старался, по-видимому, прислушиваться, сравнивать, констатировать и ориентироваться вместо того, чтобы самому «произносить передовицы», хотя он, вообще говоря, мнения своего не скрывал. Он без усталости задавал вопросы и с напряженным вниманием следил за рассуждениями товарищей, часто требуя объяснения или дополнительных данных. Он сильно подчеркивал важность

планомерной, организованной работы среди широких трудящихся масс и необходимость жесткой дисциплины и централизации. Ленин позже заявил мне, что эта встреча произвела на него хорошее впечатление.

— Что за славные ребята, эти немецкие пролетарии, вроде Мальцана и его товарищей! Я готов допустить, что на каком-нибудь базаре радикального вранья они не сумеют глотать горящую паклю. Я не знаю, годятся ли они как ударный отряд. Но в одном я твердо уверен, это в том, что именно такие люди, как они, образуют широкие, сплоченные отряды революционных пролетариев, что они являются основной, главной силой, которая на своих плечах выносит всю тяжесть работы в производстве и в профсоюзах. Такие элементы мы должны собирать и привести в действие. Они связывают нас с массами.

Одно воспоминание — не политического характера. Когда Ленин заходил ко мне, то это было настоящим праздником для всех в доме, начиная с красноармейцев, которые стояли у входа, до девочки, прислуживавшей в кухне, до делегатов Ближнего и Дальнего Востока, которые, как и я, проживали на этой огромной даче: этот бывший особняк одного богатого фабриканта революция передала в собственность Московской Коммуны.

«Владимир Ильич пришел!» От одного к другому передавалось это известие, все сторожили его, сбегались в большую переднюю или собирались у ворот, чтобы приветствовать его. Их лица озарялись искренней радостью, когда он проходил мимо, здороваясь и улыбаясь своей доброй улыбкой, обмениваясь с тем или другим парой слов. Не было и тени принужденности, не говоря уже о подобострастии, с одной стороны, и ни малейшего следа снисходительности или же погони за эффектом, с другой. Красноармейцы, рабочие, служащие, делегаты на конгресс из Дагестана, Персии совместно с прославленными благодаря Паулю Леви «туркестанцами» в их фантастических костюмах — все они любили Ленина, как одного из своих, и он чувствовал себя своим человеком среди них. Сердечное, братское чувство роднило их всех.

* *

*

«Теоретики наступления» во время дебатов на совещаниях комиссий и на пленуме не добились никакого успеха. При помощи поправок и дополнений к тезисам доклада о тактике

Коминтерна они все-таки надеялись обеспечить победу своим взглядам. Такие поправки были внесены немецкой, австрийской и итальянской делегациями. Товарищ Террачини¹ защищал эти поправки. За их принятие велась страстная агитация. Какая же резолюция будет принята? Атмосфера крайнего напряжения наполняла огромный, высокий кремлевский зал, в котором яркокрасный цвет коммунистического народного дома скрадывает у сверкающего золотом царского дворца оттенок холодности и чопорности. В сильнейшем нервном напряжении следили за ходом заседаний сотни делегатов и густая толпа слушателей.

Ленин берет слово. Его доклад — мастерской образец его искусства убеждать. Ни малейшего признака риторических прикрас. Он действует только силой своей ясной мысли, неумолимой логикой аргументации и последовательно выдержанной линией. Он кидает свои фразы, как неотесанные глыбы, и возводит из них одно законченное целое. Ленин не хочет ослепить, увлечь, он хочет только убедить. Он убеждает и этим увлекает. Не при помощи звонких, краспвых слов, которые пьянят, а при помощи прозрачной мысли, которая постигает без самообмана мир общественных явлений в их действительности и с беспощадной правдой вскрывает «то, что есть».

То как свистящие удары бича, то как сокрушающие удары меча обрушиваются рассуждения Ленина на голову тех, кто из «охоты за теорией» сделал себе своего рода спорт, кто не понимает того, что именно обеспечивает нам победу.

— Только когда мы в процессе борьбы сумеем привлечь на нашу сторону большинство трудящихся масс, и не только большинство рабочих, но и большинство эксплуатируемых и угнетенных, только тогда мы действительно победим.

Каждый чувствовал — сейчас был дан решающий бой. Когда я, охваченная восторгом, пожимала ему руку, я не могла удержаться, чтобы не сказать ему:

«Послушайте, товарищ Ленин, у нас председатель какого-нибудь собрания в каком-нибудь уездном городишке боялся бы говорить так просто, так непритязательно, как вы. Он боялся бы казаться «недостаточно образованным». Я могу сравнить ваше искусство говорить только с одним: с великим искусством Толстого. У вас та же крупная, цельная, законченная линия, то же

¹ См. стр. 527 настоящего издания. — *Ред.*

непреклонное чувство правды. В этом — красота. Может быть, это специфическая отличительная черта славянской натуры?»

— Этого я не знаю, — ответил Ленин. — Я знаю только, что, когда я выступал «в качестве оратора», я все время думал о рабочих и крестьянах как о своих слушателях. Я хотел, чтобы они меня поняли. Где бы ни говорил коммунист, он должен думать о массах, он должен говорить для них. Впрочем, хорошо, что никто не слышал о вашей гипотезе по части национальной психологии. Могли бы сказать: вот-вот, старик дает себя опутать комплиментами. Мы должны быть осторожны, чтобы не вызвать подозрения, будто оба старика составляют заговор против «левых». «Левые» ведь совсем не занимаются интригами и заговорами.

Громко смеясь, Ленин поспешил из залы вернуться к ожидавшей его работе.

В день моего отъезда Ленин пришел проститься со мной и снабдить меня «хорошими советами», в которых я, по его мнению, «нуждалась».

— Вы, конечно, не вполне удовлетворены исходом конгресса, — сказал он. — Вы не скрываете, что — по вашему мнению — конгресс поступил нелогично в том, что, заняв принципиально и тактически одинаковую линию с Леви, он все-таки подтвердил исключение его из партии. Кара должна была последовать. Я имею в виду при этом не только ошибки Леви, о которых я говорил раньше. Я имею в виду главным образом то, насколько он затруднил нам провести тактику завоевания масс. Он также должен признать свои ошибки и извлечь из них урок для себя, ибо он вскоре, благодаря своим политическим способностям, снова возьмет на себя руководство партией.

«Я думаю, — ответила я, — что существует только один путь, на котором Леви мог бы подчиниться дисциплине Коминтерна, не отрекаясь от своих взглядов. Он должен сложить свой мандат депутата рейхстага и закончить выпуск своего журнала номером, в котором даст вполне объективную оценку работе нашего III Всемирного конгресса с высокого сторожевого поста истории. Это, само собой, не исключает критического отношения к этой работе, а наоборот. Равным образом, он должен сделать заявление, что хотя он считает резолюцию конгресса, направленную против него, несправедливой и непоследовательной, но что в интересах дела он ей подчиняется. Пауль Леви благодаря такому шагу, в котором проявилось бы

его мужество и самообладание, ничего не потерял бы как политик и человек, а только выиграл бы. Он сумел бы доказать, вопреки грязным подозрениям своих противников, что ему коммунизм дороже всего».

— Ваше предложение превосходно, поистине превосходно, — заметил Ленин. — Но примет ли его исключенный из партии Леви? Во всяком случае, я желаю, чтобы в оценке Леви оказался основательным ваш горячий оптимизм, а не пессимизм многих других. Я вам еще раз обещаю выступить перед партией с открытым письмом в пользу обратного приема Леви в партию, если только он сам не сделает невозможным такой шаг. Но вернемся к главному: все резолюции III конгресса в общем и целом должны вас удовлетворить. Они имеют весьма важное историческое значение и являются действительно «поворотным пунктом» в развитии Коминтерна. Ими заканчивается первый период в его развитии на пути к революционной массовой партии. В силу этого конгресс должен был основательно покончить с левыми иллюзиями, будто мировая революция беспрерывно идет вперед в своем бурном первоначальном темпе, что мы находимся на гребне второй революционной волны и что исключительно от воли партии и ее активности зависит возможность обеспечить победу нашему знамени. Конечно, на бумаге и в зале заседаний конгресса легко «сделать» революцию в безвоздушном пространстве, свободном от каких бы то ни было объективных условий, и провозгласить ее как «славное действие одной партии» — без участия масс. Но в конечном счете это даже не революционный, а какой-то просто-напросто мелкобуржуазный взгляд. Эти «левые глупости» нашли себе в немецком «мартовском выступлении» и в «теории наступления» свое конкретное и самое резкое выражение. Случилось так, что они должны были быть ликвидированы на вашей спине, вам пришлось поплатиться своими боками. Счеты были сведены в международном масштабе.

— Теперь вы должны в Германии в качестве единой твердой партии постараться провести одобренную нами тактику. Так называемый «мирный договор», который заключен между вами и который мы кое-как склеили, сам по себе не может служить твердой базой для этого. Это будет самообманом, если вы слева и справа не будете воодушевлены искренним и честным стремлением действовать как единая партия на основе

ясной и определенной политической линии. Вы должны, несмотря на все ваше нежелание и нерасположение, безусловно войти в ЦК партии. И вы не должны больше оттуда убегать, даже если вам лично покажется, что вы имеете на это право или что вы даже обязаны это сделать. У вас нет никакого права, кроме права в тяжелое время служить партии и пролетариату. Ваш долг теперь сохранить партию. Я делаю вас персонально ответственной за то, чтобы в партии не произошло никакого раскола. В самом крайнем случае допустимо лишь отделение какой-нибудь небольшой группы. Вы должны быть строгой с молодыми товарищами, не имеющими еще глубокой теоретической подготовки и большого практического опыта, и в то же время вы должны проявить по отношению к ним много терпения.

Тут я прервала «наставления» Ленина удивленным вопросом: «Имеются ли у вас какие-либо подозрения на этот счет?» Мой наставник рассмеялся: «Нет, но у меня есть опыт». — Затем он продолжал:

— Особенно важно, чтобы вы собрали вокруг нашего знамени давних товарищей, которые уже имеют заслуги перед рабочим движением. Я имею в виду таких товарищей, как Адольф Гофман, Фриц Гейер, Дауминг, Фриз и другие. И в отношении к ним вам придется проявить терпение, не объявлять сейчас же, что «чистоте коммунизма» угрожает опасность, если когда-нибудь случится, что им не удастся точно и четко формулировать свою коммунистическую мысль. Эти товарищи проникнуты самым твердым намерением стать хорошими коммунистами, и вы должны помочь им стать такими. Вполне понятно, что вы не должны делать никаких уступок пережиткам реформистских теорий. Реформизм не должен нам доставляться контрабандой под каким-нибудь фальшивым флагом. Но вы должны поставить таких товарищей в соответствующие условия, чтобы они не могли говорить и действовать иначе, как коммунисты. Может быть, и даже вероятно, вам, несмотря на это, придется пережить иногда те или другие разочарования. Если вам случится потерять одного товарища, который «свихнется», то вы, действуя твердо и умно, сумеете сохранить двух, трех, десять товарищей, которые одновременно с ним пришли к вам и сделали настоящими коммунистами. Такие товарищи, как Адольф Гофман, Дауминг и т. д., приносят с собой в партию опыт и известную

осведомленность. Они прежде всего живые звенья, связывающие партию с широкими рабочими массами, доверием коих они пользуются. Все дело в массах. Мы не должны их запугивать ни «глупостями слева», ни «страхами справа». И мы завоюем массы, если и в большом и в малом станем действовать как твердокаменные коммунисты. Вам в Германии предстоит сейчас выдержать экзамен по тактике завоевания масс. Не приносите нам разочарований, и пусть первым вашим шагом в этом направлении не будет раскол партии. Нужно, Клара, всегда думать о массах, и тогда вы совершите революцию, как мы ее совершили: с массами и через массы.

* *
* *

После этой прощальной беседы я два раза приезжала в Москву, и мое пребывание, словно черной тенью, было омрачено тем, что я не могла ни говорить с Лениным, ни видеть его. Тяжелый недуг свалил его, такого сильного, такого стойкого. Но вопреки всем злобещим слухам и пророчествам здоровье его поправлялось. Когда я в конце октября в 1922 годуехала на IV Всемирный конгресс Коминтерна, я знала, что увижу Ленина. Он настолько поправился, что должен был сделать доклад на тему: «Пять лет российской революции и перспективы мировой революции»¹. Можно ли было придумать лучший юбилейный праздник для русской революции, как то, что ее выздоровевший гениальный вождь будет говорить о ней перед представителями пролетарского авангарда? На другой день после моего приезда ко мне пришел в радостном возбуждении один товарищ, по-видимому, перешедший по наследству от старого «режима» к новому:

«Вас, товарищ, хочет навестить Владимир Ильич. Это господин Ленин, он скоро будет здесь».

Это сообщение настолько меня взволновало, что в первое мгновение я совершенно не обратила внимания на комическое «господин Ленин». Я тотчас же вскочила из-за письменного стола и бросилась к дверям. Владимир Ильич был уже тут, одетый в френч серого цвета, свежий, крепкий, каким он был до своей болезни. Пока я от счастья то смеялась, то плакала, как дитя, Ленин удобно расположился у письменного стола.

¹ См. В. И. Ленин, Соч., т. 33, стр. 380—394. — *Ред.*

— Не беспокойтесь, — ответил он на мои вопросы по поводу его здоровья. — Я чувствую себя вполне хорошо и совершенно крепким, я даже стал «благоразумным», по крайней мере по терминологии господ докторов. Я работаю, но щажу себя и строго придерживаюсь предписания врачей. Покорно благодарю, больше не хочу болеть. Это скверная штука, — дел очень много, да и Надежда Константиновна с Марией Ильиничной не должны еще раз иметь все эти заботы и труд по уходу за больным... Мировая история и без меня шагнула вперед в России и в остальном мире. Наши партийные товарищи работали очень, очень дружно, а это самое главное. Все они были перегружены работой, и я очень рад тому, что смогу их несколько разгрузить.

Затем товарищ Ленин расспросил меня, как всегда, когда мы встречались с ним, самым сердечным образом о моих сыновьях и потребовал под конец, чтобы я ему сделала доклад о положении в Германии и немецкой партии. Я вкратце информировала его, все время имея в виду, что не должна утомлять его. В его желании мне почувствовалась мысль, восстанавливавшаяся связь с нашей беседой во время III конгресса Коминтерна. Он стал шутить по поводу моей тогдашней «психологии снисходительности» в деле с Леви.

— Поменьше психологии, побольше политики, — сказал он. — Впрочем, в дискуссии по поводу Леви вы показали, что вы это тоже умеете. Строгая критика, которой вы его подвергли, была вполне заслужена. Леви сам ликвидировал себя скорее и основательнее, чем это мог бы сделать злейший его враг. Для нас он теперь не представляет никакой опасности. Для нас он сейчас один из номеров социал-демократической партии — ничего больше. И он ничем другим для нас не может стать, даже если ему и суждено играть там некоторую роль. Впрочем, ввиду развала этой партии, это не трудно. Но для близкого соратника и друга Розы и Карла это самый позорный конец, какой можно себе представить. Да, самый позорный. Поэтому-то совершенно нельзя было ожидать, чтобы его уход и предательство могли серьезно потрясти коммунистическую партию или повредить ей. Было несколько судорог в маленьких кружках и отпадение отдельных личностей. Партия здорова, в основе своей она здорова. Она находится на верном пути сделаться массовой партией, руководящей революционной массой, партией немецкого пролетариата... А как

обстоит дело с вашей оппозицией? — спросил Ленин, помолчав немного. — Научилась ли она, наконец, вести политику, и именно коммунистическую политику?

Я сделала доклад о положении вещей и закончила его сообщением, что «берлинская оппозиция» имеет в виду поставить перед IV Международным конгрессом задачу пересмотра позиции предыдущего конгресса и отменить ее. «Назад ко II конгрессу!» — вот ее лозунг.

Ленина забавляла эта «беспримерная наивность», как он буквально выразился.

— «Левые» товарищи принимают Коминтерн за какую-то верную Пенелопу! — воскликнул он, весело смеясь. — Но ведь наш Интернационал не ткёт днем для того, чтобы ночью распускать свою ткань. Он не может себе позволить роскошь сделать шаг вперед и сейчас же вслед за этим сделать шаг назад. Разве товарищи не имеют глаз, чтобы видеть, что перед ними разыгрывается? Что изменилось в мировом положении, чтобы завоевание масс перестало быть нашей исключительной задачей? Такие «левые» подобны Бурбонам: они ничему не научились и ничего не забыли. Насколько я осведомлен, за «левой» критикой, кроме критики ошибок, допущенных при проведении тактики единого фронта, скрывается желание послать к черту самую тактику единого фронта. Предстоящий конгресс Коминтерна должен не отменить, а подтвердить, подчеркнуть и сильно подчеркнуть решение III конгресса как основу деятельности Коминтерна. Эти решения представляют шаг вперед по сравнению с работой II конгресса. Мы должны на них дальше строить, иначе мы не превратимся в партию масс, в руководящую, революционную, классовую партию пролетариата. Стремимся ли мы к завоеванию власти, к диктатуре рабочих, к революции — да или нет? Если да, то сегодня, как и вчера, нет другого пути, кроме того, который намечен III конгрессом.

Затем Ленин выразил свое удовлетворение по поводу верного, хотя еще медленного процесса оживления хозяйства в Советской России. Он перечислял факты, приводил цифры, которые характеризовали этот процесс.

— Но об этом я буду говорить в своем докладе, — прервал он нить своих рассуждений. — Промежуток времени для посещения друзей, разрешенный мне моими тиранами-врачами, уже миновал. Вы видите, как я дисциплинирован. Однако,

тем не менее, я должен вам рассказать еще кое-что, что вас особенно обрадует. Представьте себе, на днях я получил письмо из глухой деревушки (к сожалению, я забыла трудное название. — *К. Ц.*). Около сотни детей из приюта пишут мне: «Дорогой дедушка Ленин, мы хотим тебе рассказать, что мы стали очень хорошими. Учимся прилежно. Уже хорошо умеем читать и писать, делаем много хороших вещей. Мы хорошенько моемся каждое утро и моем себе руки, когда идем кушать. Мы хотим доставить удовольствие нашему учителю, — он нас не любит, когда мы грязные» и т. д. Вот видите, милая Клара, мы делаем успехи во всех областях, серьезные успехи. Мы учимся культуре, мы умываемся и даже каждый день. Посмотрите, у нас даже дети в деревнях участвуют в воссоздании Советской России. И при этих условиях должны ли мы бояться, что победа будет не на нашей стороне? — И тут Ленин рассмеялся, рассмеялся своим прежним веселым смехом, в котором звучало так много доброты и уверенности в победе.

Несколько дней спустя слушала я, охваченная изумлением, доклад Ленина о русской революции, реферат выздоровевшего человека, проникнутого железной волей к жизни, стремящегося к творческому созданию социальной жизни, — слова выздоравливающего, к которому, однако, смерть уже беспощадно простирала свои костлявые руки. Но наряду и равноценно с этим последним историческим действием звучит неумолчно в моей душе конец последней личной беседы, которую я имела с Лениным, не считая обмена мнениями, которые происходили при случайных встречах. Она замыкается в одно целое с моей первой «не политической» беседой с ним. Здесь, как и там, весь Ленин, тот же Ленин. Ленин, который в малом умел видеть великое, который умел схватывать внутреннюю связь между этим малым и этим великим и оценивать ее. Ленин, который в духе учения Маркса постиг тесную взаимную связь между народным образованием и революцией. Ленин, для которого народное образование означало революцию, а революция — народное образование. Ленин, который горячо и бескорыстно любил творческую массу трудящихся, а особенно детей — будущность этих масс, будущность коммунизма. Ленин, чье сердце было равновелико его мысли и его воле и который поэтому мог сделаться непревзойденным великим вождем пролетариата. Ленин, могучий и смелый, он стал победителем, потому что целиком был проникнут одним: любовью к творче-

ским массам, доверием к ним, верой в величие и красоту того дела, которому он отдал свою жизнь, верой в торжество его. Вот почему он и мог совершить историческое «чудо» — Ленин двигал горами.

«Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине», ч. 2 М., Госполитиздат, 1957, стр. 451—476 (большой формат).

ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ¹

Товарищ Ленин неоднократно говорил со мной о женском вопросе. Он, очевидно, придавал женскому движению очень большое значение, как такой существенной составной части движения масс, которая может при известных условиях стать решающей его частью. Само собой разумеется, полное социальное равноправие женщины было для него основой, совершенно бесспорной для коммуниста.

Первая наша продолжительная беседа на эту тему проходила осенью 1920 года в большом кабинете Ленина в Кремле. Ленин сидел за своим покрытым бумагами и книгами письменным столом, что свидетельствовало о занятиях и работе, но без «гениального беспорядка».

— Мы безусловно должны создать мощное международное женское движение на ясной, определенной теоретической основе, — начал он, поздоровавшись, нашу беседу. — Без марксистской теории не может быть хорошей практики, это ясно. Нам, коммунистам, необходима и в этом вопросе величайшая принципиальная чистота. Мы должны резко отграничиться от всех остальных партий. Правда, нашему II Международному конгрессу, к сожалению, не удалось обсудить женский вопрос. Он поставил вопрос, но не успел занять какую-либо определенную позицию. Дело застряло в комиссии. Она должна выработать резолюцию, тезисы, твердую линию. Но до сих пор ее работы мало продвинулись. Вы должны помочь ей в этом.

Я уже слыхала от других то, что сообщал мне теперь Ленин, и выразила свое изумление по этому поводу. Я была полна энтузиазма от всего, совершенного русскими женщинами во время революции, от всего того, что они и сейчас делают для ее защиты и дальнейшего развития. Что касается

¹ Воспоминания написаны в 1925 году. — *Ред.*

положения и деятельности товарщицей-женщины в партии большевиков, то мне казалось, что здесь партия является прямо-таки образцовой. Она одна дает международному коммунистическому женскому движению ценные, обученные и испытанные силы, служа одновременно и великим историческим примером.

— Это верно, это очень хорошо, — заметил Ленин с легкой улыбкой. — В Петрограде, здесь в Москве, в городах и в промышленных центрах, расположенных в отдаленных от них местах, пролетарки держались во время революции великолепно. Без них мы не победили бы. Или едва ли победили бы. Вот мое мнение. Какую храбрость они проявили, как храбры они и сейчас! Представьте себе страдания и лишения, которые они выносят. И они держатся, держатся потому, что хотят отстоять Советы, потому, что хотят свободы и коммунизма. Да, наши работницы великолепны, они — классовые бойцы. Они заслуживают восхищения и любви. Вообще нужно признаться, что даже «кадетские» дамы в Петрограде во время борьбы против нас проявили больше храбрости, чем юнкера.

— Это правда: у нас в партии есть надежные, умные и неутомимо деятельные коммунистки. Они могли бы занять ответственные посты в Советах, в исполкомах, в наркоматах, в учреждениях. Многие из них работают днем и ночью либо в партии, либо среди пролетарской и крестьянской массы, либо в Красной Армии. Это для нас очень ценно. И это важно для женщин во всем мире, свидетельствуя о способностях женщин, о высокой ценности, которую имеет их работа для общества. Первая пролетарская диктатура по-настоящему пробивает дорогу к полному общественному равноправию женщин. Она искореняет больше предрассудков, чем кипы литературы о женском равноправии. Однако, несмотря на все это, у нас еще нет международного коммунистического женского движения, а мы должны добиться его во что бы то ни стало. Мы должны немедленно приступить к его созданию. Без такого движения работа нашего Интернационала и его партий не полна и никогда не будет полной. А наша революционная работа должна выполняться целиком. Расскажите, как обстоит дело с коммунистической работой за границей.

Я стала рассказывать все, о чем могла иметь сведения при тогдашней слабой и нерегулярной связи между партиями, примкнувшими к Коминтерну. Ленин внимательно слушал,

слегка наклонившись вперед, без признаков скуки, нетерпения или усталости, следя с напряженным интересом даже за второстепенными подробностями. Я не знаю никого, кто умел бы лучше слушать, чем он, быстрее все это приводить в порядок, устанавливая общую связь. Это видно было по тем коротким, всегда очень точным вопросам, которые он время от времени вставлял в мой рассказ, и по тому, как он позже возвращался к той или иной подробности разговора. Ленин сделал несколько коротких заметок.

Понятно, особенно подробно я говорила о положении вещей в Германии. Я рассказала ему, что Роза придавала большое значение вовлечению в революционную борьбу самых широких масс женщин. Когда была основана коммунистическая партия, Роза настаивала на издании газеты, посвященной женскому движению. Когда Лео Йогихес обсуждал со мной план работы партии, во время своего последнего свидания со мной, — за полтора суток до того, как его убили, и давал мне различные задания, то в их числе был и план организационной работы среди женщин-работниц. На первой же своей нелегальной конференции партия занялась этим вопросом. Выдвинувшиеся в довоенное и военное время обученные и опытные агитаторши и руководительницы почти все без исключения остались в социал-демократических партиях обоих оттенков и удерживали под своим влиянием волнуемые массы работниц. Однако и среди женщин уже образовалось небольшое ядро энергичных, самоотверженных товарищей, которые принимали участие во всей работе и борьбе нашей партии. Партия же сама уже организовала планомерную деятельность среди работниц. Конечно, все это только начало, но все же начало хорошее.

— Недурно, совсем недурно, — сказал Ленин. — Энергия, самоотверженность и воодушевление коммунисток, их храбрость и разум в период нелегалщины или полунелегалщины открывают хорошую перспективу развития работы. В росте партии и ее мощи охват масс и организация выступлений — ценные моменты. Но как обстоит дело в этом вопросе с ясным пониманием его основ и обучением этому товарищей? Ведь это имеет решающее значение для работы в массах. Я сейчас не могу припомнить, кто это сказал: «для того, чтобы совершать великие дела, нужно воодушевление». Нам и трудящимся всего мира предстоит совершить еще действительно

великие дела. Итак, что воодушевляет ваших товарищей, пролетарских женщин в Германии? Как обстоит дело с их пролетарским классовым сознанием? Сосредоточены ли их интересы, их активность на политических требованиях момента? На чем сконцентрированы их мысли?

— Я слышал по этому поводу от русских и немецких товарищей странные вещи. Это я должен рассказать. Мне говорили, что одна талантливая коммунистка издает в Гамбурге газету для проституток и стремится организовать их для революционной борьбы. Роза, как коммунистка, действовала и чувствовала по-человечески, когда она в одной статье вступилась за проститутку, которую какое-то нарушение полицейских правил, связанных с ее печальным ремеслом, привело в тюрьму. Они достойны сожаления — эти двойные жертвы буржуазного общества. Во-первых, жертвы его проклятой системы собственности, а затем еще и проклятого нравственного лицемерия. Это ясно. Только грубый, близорукый человек может забывать об этом. Но одно дело — понимать это, и совсем другое, — как бы это выразить, — организовывать проституток, как особый революционный боевой отряд, и издавать для них профессиональный орган. Разве в Германии больше нет промышленных рабочих, которых нужно организовывать, для которых должна существовать газета, которых необходимо привлечь к вашей борьбе? Здесь дело идет о болезненном уклоне. Мне это сильно напоминает литературную моду, придававшую всякой проститутке образ сладенькой мадонны. Правда, корень и там был здоровый: социальное сочувствие, возмущение против нравственного лицемерия почтенной буржуазии. Но здоровое начало подверглось буржуазному разъеданию и выродилось. Вообще проституция и у нас здесь поставит еще перед нами много трудных задач. Возвратить проститутку к производительному труду, найти ей место в общественном хозяйстве — вот к чему сводится дело. Но при теперешнем состоянии нашего хозяйства и совокупности наличных условий провести это трудно и сложно. Вот вам кусок женского вопроса, который после завоевания пролетариатом государственной власти стоит перед нами во всей своей широте и требует разрешения. Нам в Советской России он причинит еще много хлопот. Но вернемся к вашему частному случаю в Германии. Партия ни в коем случае не должна спокойно смотреть на такие беспорядочные поступки своих чле-

нов. Это создает путаницу и раздробляет силы. А вы сами, что вы сделали, чтобы помешать этому?

Раньше, чем я успела ответить, Ленин продолжал:

— Список ваших грехов, Клара, еще не окончен. Мне говорили, что на вечерах чтения и дискуссий с работницами разбираются преимущественно вопросы пола и брака. Это будто бы предмет главного внимания политического преподавания и просветительной работы. Я ушам своим не верил, когда услышал это. Первое государство пролетарской диктатуры борется с контрреволюционерами всего мира. Положение в самой Германии требует величайшей сплоченности всех пролетарских революционных сил для отпора все более напирющей контрреволюции. А активные коммунистки в это время разбирают вопросы пола и вопрос о формах брака в настоящем, прошлом и будущем! Они считают своим важнейшим долгом просвещать работницу в этой области. Говорят, что наибольшим распространением пользуется брошюра одной венской коммунистки о половом вопросе. Какая ерунда эта книжка! То, что в ней есть правильного, рабочие уже давно читали у Бебеля. Только не в форме скучной дубовой схемы, как в брошюре, а в форме захватывающей агитации, полной нападок на буржуазное общество. Упоминание в брошюре гипотез Фрейда придает ей как будто «научный» вид, но все это кустарная пачкотня¹. Теория Фрейда сейчас тоже своего рода модная причуда. Я отношусь с недоверием к теориям пола, пзлагаемым в статьях, отчетах, брошюрах и т. п., — короче, в той специфической литературе, которая пышно расцвела на навозной почве буржуазного общества. Я не доверяю тем, кто постоянно и упорно поглощен вопросами пола, как индийский факир — созерцанием своего пупа. Мне кажется, что это изобилие теорий пола, которые большей частью являются гипотезами, притом часто произвольными, вытекает из личных потребностей. Именно из стремления оправдать перед буржуазной моралью собственную ненормальную или чрезмерную половую жизнь и выпросить терпимость к себе. Это замаскированное уважение к буржуазной морали мне так

¹ Теория венского психиатра Зигмунда Фрейда распространена в зарубежной, ныне особенно в американской, психологической науке; фрейдизм — реакционная идеалистическая теория, утверждающая, что сознание подчинено «подсознанию», содержанием которого является половое влечение. — *Ред.*

же противно, как и любовное копанье в вопросах пола. Как бы бунтарски и революционно это занятие ни стремилось проявить себя, оно все же в конце концов вполне буржуазно. Это особенно излюбленное занятие интеллигентов и близко к ним стоящих слоев. В партии, среди классово сознательного, борющегося пролетариата для него нет места.

Я бросила здесь замечание о том, что вопросы пола и брака при господстве частной собственности и буржуазного порядка вызывают назревание многообразных задач, конфликтов и страданий для женщин всех общественных классов и слоев. Война и ее последствия необычайно обострили для женщин конфликты и страдания, существовавшие раньше как раз в области отношений полов. Скрытые раньше для женщин проблемы обнажились. К этому присоединяется еще атмосфера начавшейся революции. Мир старых чувств и мыслей трещит по швам. Прежние социальные связи слабеют и рвутся. Проступают зачатки новых, еще не оформившихся идеологических предпосылок для отношения человека к человеку. Интерес к этим вопросам объясняется потребностью в уяснении положения, потребностью в новой ориентировке. В этом сказывается также и реакция против извращений и обмана буржуазного общества. Видоизменения форм брака и семьи в ходе истории, в их зависимости от экономики — удобное средство для искоренения из ума работниц предрассудка о вечности буржуазного общества. Историко-критическое отношение к нему должно переходить в безоглядное расчленение буржуазного строя, в разоблачение его сущности и вызываемых им последствий, включая и заклеивание лживой половой морали. Все дороги ведут в Рим. Всякий марксистский анализ касательно важной части идеологической надстройки общества, выдающегося социального явления должен приводить к анализу буржуазного строя и его базы — частной собственности; и всякий такой анализ должен приводить к выводу, что «Карфаген должен быть разрушен».

Ленин, улыбаясь, кивал головой.

— Вот как! Вы, точно адвокат, защищаете своих товарищей и свою партию! Конечно, то, что вы говорите, справедливо. Но для совершенной в Германии ошибки это в лучшем случае может служить извинением, но не оправданием. Ошибка была и остается ошибкой. Можете ли вы мне дать серьезное заверение, что во время чтения и дискуссии вопросы пола и брака

рассматриваются с точки зрения выдержанного, жизненного исторического материализма? Ведь это предполагает много-стороннее глубокое знание, отчетливейшее марксистское овладение огромнейшим материалом. Где у вас для этого сейчас силы? Если бы они были налицо, то не могло бы случиться, что брошюра, вроде упомянутой, использовалась бы в качестве учебного материала на вечерах чтения и дискуссий. Эту брошюру рекомендуют и распространяют, вместо того чтобы ее критиковать. К чему же приводит в конце концов это неудовлетворительное, немарксистское обсуждение вопроса? К тому, что вопросы пола и брака не воспринимаются как части главного социального вопроса. Наоборот, большой общественный вопрос начинает сам казаться частью, придатком проблемы пола. Самое главное отступает на задний план как второстепенное. Это не только вредит ясности в этом вопросе, это вообще затемняет мышление, затемняет классовое сознание работниц.

— Кроме того, еще одно не лишнее замечание. Еще мудрец Соломон говорил, что всему свое время. Скажите, пожалуйста, время ли сейчас по целым месяцам занимать работниц тем, как любят и любимы, как ухаживают и принимают ухаживания. И конечно, — в прошлом, настоящем, будущем и у различных народов. И это затем гордо именуют историческим материализмом. Сейчас все мысли работниц должны быть направлены на пролетарскую революцию. Она создаст основу также и для действительного обновления условий брака и отношений между полами. Но сейчас, право, на первый план выступают иные проблемы, чем формы брака у австралийских негров и внутрисемейные браки в древнем мире. В порядок дня германского пролетария история ставит по-прежнему вопрос о Советах, о Версальском мире и его влиянии на жизнь женских масс, о безработице, падающей заработной плате, налогах и многом другом. Короче, я остаюсь при своем мнении, что этот способ политического и социального просвещения работниц неверен, совершенно неверен. Как вы могли молчать? Вы должны были выставить против этого свой авторитет.

Я объяснила своему горячему другу, что не упускала случая критиковать, возражать руководящим товарищам-женщинам и выступать в отдельных местах. Но ведь ему известно — нет пророка в своем отечестве и среди своей родни. Своей критикой я навлекла на себя подозрение в том, что «во мне

еще сильны пережитки социал-демократической позиции и старомодного мещанства». Однако в конце концов критика не осталась напрасной. Вопросы пола и брака больше не являются центральными в кружках и на вечерах дискуссий.

Ленин продолжал развивать нить своей мысли.

— Знаю, знаю, — сказал он, — меня тоже в связи с этим достаточно подозревают в филистерстве. Но я к этому отношусь спокойно. Желторотые птенцы, едва вылупившиеся из яйца буржуазных воззрений, всегда ужасно умны. Нам приходится с этим мириться, но «исправлять» себя мы не намерены. Юношеское движение тоже болеет современной постановкой вопросов пола и чрезмерным увлечением им.

Ленин сделал ироническое ударение на слове «современной», в то же время как будто отмахиваясь от него.

— Как мне сообщили, вопросы пола — также излюбленный предмет изучения в ваших юношеских организациях. Говорят, что едва хватает докладчиков по этому вопросу. Это безобразие особенно вредно для юношеского движения, особенно опасно. Оно очень легко может способствовать чрезмерному возбуждению и подогреванию половой жизни у отдельных лиц и повести к расточению здоровья и силы юности. Мы должны бороться и против этого явления. У женского и юношеского движения ведь не мало точек соприкосновения. Наши товарищи-коммунистки должны всюду вести планомерную, совместную с молодежью, работу. Это возвышает и переносит их из мира индивидуального материнства в мир материнства социального. Необходимо содействовать всякому пробуждению социальной жизни и деятельности женщин, чтобы они могли преодолеть узость своей мещанской, индивидуалистической домашней и семейной психологии. Но это между прочим.

— У нас тоже значительная часть молодежи усердно занимается «ревизией буржуазного понимания и буржуазной морали» в вопросах пола. И, должен добавить, значительная часть нашей лучшей, действительно многообещающей молодежи. Дело обстоит так, как вы только что указывали. В атмосфере последствий войны и начавшейся революции старые идеологические ценности рушатся, теряя свою сдерживающую силу. Новые ценности выкристаллизовываются медленно, с борьбой. Взгляды на отношения человека к человеку, на отношения мужчины к женщине революционизируются, революционизируются и чувства и мысли. Между правом личности и

правом коллектива, а значит, и обязанностями личности проводятся новые разграничения. Это медленный и часто очень болезненный процесс исчезновения и зарождения. Все это касается и области половых отношений, брака, семьи. Распад, гниение, грязь буржуазного брака с его трудной расторжимостью, свободой для мужа и рабством для жены, гнусная лживость половой морали и отношений наполняют лучших людей чувством глубокого отвращения.

— Гнет законов буржуазного государства о браке и семье отягчает зло и обостряет конфликты. Это — гнет «священной частной собственности». Она освящает продажность, низость, грязь. Условный обман «порядочного» буржуазного общества довершает остальное. Люди восстают против господствующей мерзости и извращения. И в эту эпоху, когда рушатся могущественные государства, когда разрываются старые отношения господства, когда начинает гибнуть целый общественный мир, в эту эпоху чувствования отдельного человека быстро видоизменяются. Подхлестывающая жажда разнообразия в наслаждениях легко приобретает безудержную силу. Формы брака и общения полов в буржуазном смысле уже не дают удовлетворения. В области брака и половых отношений близится революция, созвучная пролетарской революции. Понятно, поставленное этим на очередь чрезвычайно запутанное сплетение вопросов глубоко занимает как женщин, так и молодежь. И те и другие особенно сильно страдают от нынешней неурядицы в области половых отношений. Молодежь восстает против этого со свойственной ее возрасту бурностью. Это понятно. Ничего не могло бы быть более ложного, чем начать проповедовать молодежи монашеский аскетизм и святость грязной буржуазной морали. Однако вряд ли хорошо то, что в эти годы вопросы пола, усиленно выдвигаемые естественными причинами, становятся центральными в психике молодежи. Последствия бывают прямо роковыми.

— Изменившееся отношение молодежи к вопросам половой жизни, конечно, «принципиально» и опирается будто бы на теорию. Многие называют свою позицию «революционной» и «коммунистической». Они искренне думают, что это так. Мне, старику, это не пмпонирует. Хотя я меньше всего мрачный аскет, но мне так называемая «новая половая жизнь» молодежи — а часто и взрослых — довольно часто кажется чисто буржуазной, кажется разновидностью доброго буржуазного

дома терпимости. Все это не имеет ничего общего со свободой любви, как мы, коммунисты, ее понимаем. Вы, конечно, знаете знаменитую теорию о том, что будто бы в коммунистическом обществе удовлетворить половые стремления и любовную потребность так же просто и незначительно, как выпить стакан воды. От этой теории «стакана воды» наша молодежь взбесилась, прямо взбесилась. Эта теория стала злым роком многих юношей и девушек. Приверженцы ее утверждают, что теория эта марксистская. Спасибо за такой «марксизм», который все явления и изменения в идеологической надстройке общества выводит непосредственно, прямолинейно и без остатка исключительно только из экономического базиса. Дело обстоит совсем не так уж просто. Неккий Фридрих Энгельс уже давно установил эту истину, касающуюся исторического материализма.

— Я считаю знаменитую теорию «стакана воды» совершенно не марксистской и сверх того противообщественной. В половой жизни проявляется не только данное природой, но и привнесенное культурой, будь оно возвышенно или низко. Энгельс в «Происхождении семьи» указал на то, как важно, чтобы половая любовь развилась и утончилась. Отношения между полами не являются просто выражением игры между общественной экономикой и физической потребностью. Было бы не марксизмом, а рационализмом стремиться свести непосредственно к экономическому базису общества изменение этих отношений самих по себе, выделенных из общей связи их со всей идеологией. Конечно, жажда требует удовлетворения. Но разве нормальный человек при нормальных условиях ляжет на улице в грязь и будет пить из лужи? Или даже из стакана, край которого захватан десятками губ? Но важнее всего общественная сторона. Питье воды — дело действительно индивидуальное. Но в любви участвуют двое, и возникает третья, новая жизнь. Здесь кроется общественный интерес, возникает долг по отношению к коллективу.

— Как коммунист, я не питаю ни малейшей симпатии к теории «стакана воды», хотя бы на ней и красовалась этикетка «освобожденная любовь». Вдобавок, она и не нова, и не коммунистична. Вы, вероятно, помните, что эта теория проповедовалась в изящной литературе, примерно, в середине прошлого века как «эмансипация сердца». В буржуазной практике она обратилась в эмансипацию тела. Проповедь в то время

была талантливее, чем сейчас; как обстоит дело с практикой — не могу судить.

— Не то чтобы я своей критикой хотел проповедовать аскетизм. Мне это и в голову не приходит. Коммунизм должен нести с собой не аскетизм, а жизнерадостность и бодрость, вызванную также и полнотой любовной жизни. Однако, по моему мнению, часто наблюдаемый сейчас избыток половой жизни не приносит с собой жизнерадостности и бодрости, а, наоборот, уменьшает их. Во времена революции это скверно, совсем скверно.

— Молодежи особенно нужны жизнерадостность и бодрость. Здоровый спорт — гимнастика, плавание, экскурсии, физические упражнения всякого рода, — разносторонность духовных интересов, учение, разбор, исследование, и все это по возможности совместно! Все это дает молодежи больше, чем вечные доклады и дискуссии по вопросам пола и так называемого «использования жизни». В здоровом теле здоровый дух! Не монах, не Дон-Жуан, но и не германский филистер как нечто среднее. Вы ведь знаете молодого товарища XYZ. Прекрасный, высокоодаренный юноша! Боюсь, что, несмотря на все, из него ничего путного не выйдет. Он мечется и бросается из одной любовной истории в другую. Это не годится ни для политической борьбы, ни для революции. Я не поручусь также за надежность и стойкость в борьбе тех женщин, у которых личный роман переплетается с политикой, и за мужчин, которые бегают за всякой юбкой и дают себя опутать каждой молодой бабенке. Нет, нет, это не вяжется с революцией.

Ленин вскочил, ударив рукой по столу, и сделал несколько шагов по комнате.

— Революция требует от масс, от личности сосредоточения, напряжения сил. Она не терпит оргастических состояний, вроде тех, которые обычны для декадентских героев и героинь Д'Аннунцио¹. Несдержанность в половой жизни — буржуазна: она признак разложения. Пролетариат — восходящий класс. Он не нуждается в опьянении, которое оглушало

¹ Д'Аннунцио, Габриеле — псевдоним итальянского писателя Г. Ранпаньетты (1863—1938). В своих романах создает культ аристократического индивидуализма, красоты и чувственности. После первой мировой войны стал глашатаем империализма и фашизма. — *Ред.*

бы его или возбуждало. Ему не нужно ни опьянения половой несдержанностью, ни опьянения алкоголем. Он не смеет и не хочет забыть о гнусности, грязи и варварстве капитализма. Он черпает сильнейшие побуждения к борьбе в положении своего класса, в коммунистическом идеале. Ему нужны ясность, ясность и еще раз — ясность. Поэтому, повторяю, не должно быть никакой слабости, никакого расточения и уничтожения сил. Самообладание, самодисциплина — не рабство; они необходимы и в любви. Но простите, Клара. Я далеко отклонился от исходной точки нашего разговора. Отчего вы меня не призвали к порядку? Тревога меня заставила заговориться. Будущее нашей молодежи меня глубоко волнует. Она — часть революции. И если вредные явления буржуазного общества начинают распространяться и на мир революции, как широко разветвляющиеся корни некоторых сорных растений, то лучше выступить против этого заблаговременно. Затронутые вопросы к тому же тоже составляют часть женской проблемы.

Ленин говорил очень оживленно и убедительно. Я чувствовала, что каждое его слово идет у него из глубины души; выражение его лица подтверждало это. Иногда энергичное движение руки подчеркивало мысль. Я поражалась, как Ленин наряду с важнейшими политическими вопросами обращает так много внимания на единичные явления и анализирует их. И не только явления в Советской России, но еще и в капиталистических государствах. Как великолепный марксист, он воспринимал единичное, где бы и в какой форме оно ни проявилось, в его связи с большим, с целым, оценивая его значение для этого целого. Его воля, его жизненная цель были направлены целиком, непоколебимо, как непреодолимая сила природы, на одно — на ускорение революции, как дела масс. Он оценивал все сообразно тому влиянию, которое оно может оказать на сознательные боевые силы революции, как национальные, так и интернациональные, так как перед его глазами, при полном учете исторически данных особенностей в отдельных странах и различий этапов их развития, всегда стояла единая, нераздельная мировая пролетарская революция.

«Как я жалею, товарищ Ленин, — воскликнула я, — что ваши слова не слышали сотни, тысячи людей. Вы ведь знаете, меня вам не нужно убеждать. Но как было бы важно, чтобы ваше мнение услышали и друзья и враги!»

Ленин добродушно усмехнулся.

— Может быть я когда-нибудь скажу речь или напишу о затронутых вопросах. Позже, не сейчас. Сейчас все время и все силы должны быть сконцентрированы на другом. Есть более важные, более тяжелые заботы. Борьба за сохранение и укрепление Советской власти еще далеко не закончена. Мы должны постараться как можно лучше переварить исход войны с Польшей. На юге еще стоит Врангель. Правда, у меня есть твердая уверенность, что мы с ним справимся. Это заставит призадуматься английских и французских империалистов и их маленьких вассалов. Но у нас впереди еще самая трудная часть нашей задачи — восстановление. В процессе его станут значительными и вопросы отношения полов, вопросы брака и семьи. А пока вы должны бороться, когда и где понадобится. Вы не должны допускать, чтобы эти вопросы трактовались не по-марксистски и создавали почву для дезорганизующих уклонов и извращений. Вот, наконец, я подошел к вашей работе.

Ленин взглянул на часы.

— Время, которым я располагаю, — сказал он, — уже наполовину истекло. Я заболтался. Вы должны написать руководящие тезисы о коммунистической работе среди женщин. Я знаю ваш принципиальный подход и практический опыт. Поэтому наш разговор об этой работе будет коротким. Итак, принимайтесь за дело. Как вы себе представляете эти тезисы?

Я сжато поделилась с ним своими мыслями. Ленин несколько раз одобрительно кивал, не прерывая меня. Окончив, я посмотрела на него вопросительно.

— Правильно, — сказал он, — поговорите еще об этой работе с Зиновьевым. Было бы также хорошо, если б вы сделали об этом доклад на собрании ответственных партийных работников и продискутировали вопрос. Жаль, очень жаль, что здесь нет т. Инессы¹. Она больна и уехала на Кавказ. После обсуждения напишите тезисы. Комиссия их рассмотрит, а Исполком решит окончательно. Я выскажусь только по нескольким главным пунктам, по которым вполне разделяю вашу позицию. Они кажутся мне важными также и для нашей текущей агитационной и пропагандистской работы, поскольку мы хотим подготовить успешные выступления и победоносные бои.

¹ Арманд, Инесса (1875—1920) — видный деятель международного женского коммунистического движения. С 1904 года большевичка; участница революции 1905—1907 годов и Октябрьской революции. — *Ред.*

— Тезисы должны резко подчеркивать, что истинное освобождение женщин возможно только через коммунизм. Нужно основательно разобрать вопрос о нерасторжимой связи между положением женщины как человека и члена общества и частной собственностью на орудия производства. Этим мы надежно отгородимся от буржуазного движения за «эмансипацию женщин». Это также кладет основание к рассмотрению женского вопроса как части социального, рабочего вопроса и таким образом позволяет прочно связать его с пролетарской классовой борьбой и революцией. Женское коммунистическое движение само должно быть массовым, должно быть частью всеобщего массового движения, не только движения пролетариев, но всех эксплуатируемых и угнетенных, всех жертв капитализма. В этом заключается значение женского движения для классовой борьбы пролетариата и его исторической творческой задачи: создания коммунистического общества. Мы можем по праву гордиться тем, что цвет женщин-революционерок находится в нашей партии, в Коминтерне. Но это еще не имеет решающего значения. Мы должны привлечь миллионы трудящихся женщин в городе и деревне к участию в нашей борьбе, и особенно к делу коммунистического переустройства общества. Без женщин не может быть настоящего массового движения.

— Из нашего идеологического понимания вытекают и организационные меры. Никаких отдельных организаций коммунисток! Коммунистка — такой же член партии, как и коммунист, с теми же обязанностями и правами. В этом не может быть никаких расхождений. Однако мы не должны закрывать глаза на факты. Партия должна иметь органы — рабочие группы, комиссии, комитеты, отделы или как там они будут называться, — специальная задача которых — будить широкие массы женщин, связывать их с партией и удерживать под ее влиянием. Для этого, конечно, необходимо, чтобы мы вели в полной мере систематическую работу среди этих женских масс. Мы должны обучать выведенных из пассивности женщин, вербовать и вооружать их для пролетарской классовой борьбы под руководством Коммунистической партии. Я имею при этом в виду не только пролетарок, работающих на фабрике или стоящих у домашней плиты. Я помню при этом и о крестьянках, о женщинах различных слоев мелкой буржуазии.

Они все тоже жертвы капитализма, и со времени войны они ими стали больше, чем когда-либо. Аполитичная, необщественная, отсталая психика этих женских масс, замкнутость их круга деятельности, весь склад их жизни — вот факты. Было бы бессмысленно не обращать на это внимания, совершенно бессмысленно. Нам нужны свои органы для работы среди них, нужны особые методы агитации и организационные формы. Это не буржуазная защита «прав женщины», это практическая революционная целесообразность.

Я сказала Ленину, что его рассуждения для меня ценная поддержка. Многие товарищи, очень хорошие товарищи, решительнейшим образом боролись против того, чтобы партия создавала особые органы для планомерной работы среди широких женских масс. Они объявляли это возвратом к социал-демократическим традициям, к пресловутой «эмансипации женщины». Они доказывали, что коммунистические партии, раз они принципиально и полностью признают равноправие женщин, должны вести работу среди трудящихся масс без каких-либо разделений. Подход к женщинам должен быть тот же, что и к мужчинам. Всякая попытка принять во внимание в отношении агитации или организации обстоятельства, отмеченные Лениным, клеймится защитниками противоположных воззрений как оппортунизм, как предательство и отказ от принципа.

— Это не ново и совсем не доказательно, — возразил Ленин. — Не давайте ввести себя в заблуждение. Почему у нас нигде, даже в Советской России, нет в партии такого же количества женщин, как мужчин? Почему число профессионально организованных работниц так мало? Эти факты заставляют задуматься. Отрицание необходимости особых органов для нашей работы среди широких женских масс — одно из проявлений весьма принципиальной и высоко радикальной позиции наших «дорогих друзей» из коммунистической рабочей партии¹. По-ихнему, должна существовать только одна форма организации: рабочий союз. Я это знаю. Ссылка на принцип всплывает во многих революционно настроенных, но

¹ Коммунистическая рабочая партия Германии — анархо-синдикалистская мелкобуржуазная группа; образовалась в 1919 году из «левых» элементов, отколовшихся от Коммунистической партии Германии. Впоследствии группа выродилась в ничтожную секту, враждебную коммунистической партии и рабочему классу. — *Ред.*

путаных головах, «когда скоро недочет в понятиях случится», т. е. когда разум отказывается воспринимать трезвые факты, на которые должно быть обращено внимание. Как справляются такие хранители «чистоты принципа» с исторически навязанными нам необходимостями в нашей революционной политике? Все эти рассуждения рассыпаются в прах перед неумолимой необходимостью: мы не можем осуществлять пролетарскую диктатуру без миллионов женщин, мы не можем без них вести коммунистическое строительство. Мы должны искать к ним дорогу, должны многое изучить, многое перепробовать, чтобы найти ее.

— Поэтому вполне правильно, что мы выдвигаем требования в пользу женщин. Это не программа-минимум, не программа реформ в социал-демократическом духе, в духе II Интернационала. Это не признание того, что мы верим в вечность или хотя бы в продолжительное существование буржуазии и ее государства. Это также и не попытка успокоить женские массы реформами и отвлечь их от пути революционной борьбы. Ничего общего с реформистским жульничеством. Наши требования только практически вытекают из факта жгучей нужды и постыдных унижений, которые переносит слабая и бесправная при буржуазном строе женщина. Мы свидетельствуем этим, что знаем эти нужды, чувствуем и угнетение женщины, чувствуем привилегированное положение мужчин и ненавидим — да, ненавидим и хотим устранить все то, что гнетет и мучит работницу, жену рабочего, крестьянку, жену маленького человека и даже, во многих отношениях, и женщину из состоятельного класса. Права и общественные мероприятия, которых мы требуем от буржуазного общества для женщин, служат доказательством того, что мы понимаем положение и интересы женщин и при пролетарской диктатуре примем их во внимание. Конечно, не путем усыпляющих мер опеки. Нет, конечно, нет, но как революционеры, которые призывают женщин, как равноправных, самих работать над перестройкой хозяйства и идеологической надстройки.

Я заверила Ленина, что разделяю его точку зрения, но она, несомненно, натолкнется на сопротивление. Неуверенные и робкие умы будут отвергать ее как «опасный оппортунизм». Нельзя также отрицать, что и наши теперешние требования для женщин могут быть неправильно поняты и истолкованы.

— Ну, что там! — воскликнул Ленин, несколько раздраженно. — Эта опасность угрожает всему, что мы говорим и делаем. Если мы из страха перед ней будем воздерживаться от целесообразных и необходимых поступков, то можем просто превратиться в индийских столпников. Не шевелиться, только бы не шевелиться, а не то можем кувыркнуться вниз с высоты столпа наших принципов! В нашем случае дело идет не только о том, что мы требуем, но и о том, как мы это делаем. Кажется, я это достаточно ясно подчеркнул. Понятно, что мы не должны в нашей пропаганде молитвенно перебирать четки наших требований для женщин. Нет, в зависимости от наличных условий мы должны бороться то за одни, то за другие требования, бороться, — конечно, всегда в связи с общими интересами пролетариата.

— Конечно, каждая схватка приводит нас в противоречие с почтенной буржуазной кликой, с ее не менее почтенными реформистскими лакеями. Это заставляет последних или бороться заодно с нами, под нашим руководством, — чего они не хотят, — или же сбросить с себя личину. Таким образом, борьба резко выделяет нас, выявляет наше коммунистическое лицо. Она вызывает к нам доверие широких женских масс, которые чувствуют себя эксплуатируемыми, поработченными, задавленными господством мужчин, властью предпринимателя и всем буржуазным обществом в целом. Всеми преданные, покинутые трудящиеся женщины начинают понимать, что они должны бороться вместе с нами. Должны ли мы еще особо заверять друг друга, что борьба за права женщин должна быть связана с основной целью: с завоеванием власти и установлением диктатуры пролетариата? Это в настоящее время есть и остается нашей альфой и омегой. Это ясно, совершенно ясно. Но широчайшие трудящиеся народные женские массы не будут чувствовать неудержимого стремления разделить с нами борьбу за государственную власть, если мы будем всегда трубить только об одном этом требовании, хотя бы даже трубить в перихонские трубы. Нет, нет! Мы должны политически связать наш призыв также и в сознании женских масс со страданиями, нуждами и желаниями трудящихся женщин. Они должны знать, что для них пролетарская диктатура значит: полное уравнивание в правах с мужчиной как по закону, так и на практике, в семье, государстве и обществе, а также и сокрушение власти буржуазии.

«Советская Россия доказывает это, — воскликнула я, — она послужит нам великим примером!»

Ленин продолжал:

— Советская Россия выдвигает наши требования для женщин в новом освещении. При диктатуре пролетариата они уже не предмет борьбы между пролетариатом и буржуазией, а служат кирпичами для строительства коммунистического общества. Это показывает женщинам по ту сторону границы решающее значение завоевания власти пролетариатом. Различие между их положением здесь и там должно быть четко проработано, чтобы вы имели женские массы за собой в революционной классовой борьбе пролетариата. Их мобилизация, проведенная с ясным пониманием принципов на твердой организационной основе, — вопрос жизни и победы коммунистической партии. Не будем, однако, обманывать себя. У наших национальных секций все еще нет правильного понимания этого вопроса. Они держатся пассивно, выжидательно перед лицом задачи создания под коммунистическим руководством массового движения трудящихся женщин. Они не понимают, что развертывание такого массового движения и руководство им составляет важнейшую часть всей партийной деятельности, даже половину общепартийной работы. Их признание, при случае, необходимости и ценности мощного, имеющего перед собой ясную цель коммунистического женского движения — платоническое признание на словах, а не постоянная партийная забота и долг.

— Агитационную и пропагандистскую деятельность среди женских масс, их пробуждение и революционизирование они рассматривают как нечто второстепенное, как дело, касающееся только коммунисток. Коммунисток упрекают в том, что дело не движается вперед более быстро и энергично. Это неправильно, в корне неправильно! Настоящий сепаратизм и равноправие женщин *à la rebours*, как говорят французы, т. е. равноправие женщин наизуоборот. Что лежит в основе неправильной позиции наших национальных секций? (Я говорю не о Советской России.) В конечном итоге — не что иное, как недооценка женщины и ее работы. Именно так. К сожалению, еще по адресу многих наших товарищей можно сказать: «поскребите коммуниста — и вы найдете филистера». Конечно, скрести нужно чувствительное место, — его психику в отношении женщины. Существует ли более наглядное доказательство этому, чем то,

что мужчины спокойно смотрят, как женщины изнашиваются на мелкой работе, однообразной, изнуряющей и поглощающей время и силы, работе в домашнем хозяйстве; на то, как их кругозор при этом сужается, ум тускнеет, биеение сердца становится вялым, воля слабой? Я говорю, конечно, не о буржуазных дамах, которые сваливают все домашние работы, включая уход за детьми, на наемных людей. То, что я говорю, относится к огромному большинству женщин, в том числе и к женам рабочих, даже если эти жены целый день проводят на фабрике и зарабатывают сами.

— Очень немногие мужья, даже из пролетариев, думают о том, как сильно они могут облегчить тяготы и заботы жены или даже совсем снять их с нее, если бы захотели помочь в «женской работе». Но нет, ведь это же противно «праву и достоинству мужа». Он требует, чтобы у него был отдых и комфорт. Домашняя жизнь женщины — это ежедневное принесение себя в жертву в тысячах ничтожных мелочей. Старое право господства мужа продолжает жить в скрытом виде. Его рабыня объективно мстит ему за это — тоже в скрытом виде: отсталость женщины, отсутствие у нее понимания революционных идеалов мужа ослабляет его бодрость и решимость в борьбе. Это есть те крохотные черви, которые незаметно, медленно, но верно подтачивают и грызут. Я знаю жизнь рабочих — и не только по книгам. Наша коммунистическая работа среди женских масс, наша политическая работа включает в себя значительный кусок воспитательной работы среди мужчин. Мы должны вытравить старую рабовладельческую точку зрения до последних мельчайших корней ее. И в партии, и в массах. Это относится к нашим политическим задачам так же, как и настоятельно необходимое образование штаба из товарищей — мужчин и женщин, — получивших основательную теоретическую и практическую подготовку, чтобы проводить и двигать партийную работу среди трудящихся женщин.

На мой вопрос о современных условиях в Советской России Ленин ответил:

— Правительство пролетарской диктатуры, конечно в союзе с Коммунистической партией и профсоюзами, прилагает все усилия к тому, чтобы преодолеть отсталые воззрения мужчин и женщин и вырвать таким образом почву из-под старой, некоммунистической психологии. Нужно ли говорить, что проведено

полное равноправие мужчины и женщины в законодательстве! Во всех областях заметно искреннее стремление провести это равноправие в жизнь. Мы втягиваем женщин в работу советского хозяйства, управлений, в законодательство и в правительственную работу. Мы открываем им двери всех курсов и учебных заведений, чтобы повысить их профессиональную и социальную подготовку. Мы основываем общественные кухни и столовые, прачечные и починочные мастерские, ясли, детские сады, детские приюты, воспитательные учреждения всякого рода. Короче, мы всерьез проводим требование нашей программы переложить хозяйственные и воспитательные функции индивидуального домашнего хозяйства на общество. Этим путем женщина освобождается от старого домашнего рабства и всякой зависимости от мужа. Ей предоставляется полная возможность деятельности в обществе в соответствии с ее способностями и наклонностями. Детям же предоставляются более благоприятные условия для их развития, чем те, что ждали бы их дома. У нас самое передовое в свете законодательство по охране женского труда. Уполномоченные организованных рабочих проводят его в жизнь. Мы устраиваем родильные приюты, дома для матерей и младенцев, организуем консультации для матерей, курсы по уходу за грудными и малолетними детьми, выставки по охране материнства и младенчества и тому подобное. Мы прилагаем самые серьезные усилия, чтобы удовлетворить нужды необеспеченных, безработных женщин.

— Мы отлично знаем, что всего этого еще мало по сравнению с потребностями трудящихся женских масс, что это еще совершенно недостаточно для действительного освобождения их. И все же это гигантский шаг вперед по сравнению с тем, что было в царской, капиталистической России. Это даже много по сравнению с тем, что делается там, где капитализм еще неограниченно господствует. Это хорошее начало. Направление взято верное, и мы будем последовательно, со всей нашей энергией развивать его дальше. Вы, за границей, можете быть в этом уверены. С каждым днем существования Советского государства становится все яснее, что мы без миллионов женщин не продвинемся вперед. Представьте себе, что это значит в стране, где добрых 80% населения — крестьяне. Мелкое крестьянское хозяйство означает индивидуальное домашнее хозяйство и прикрепление к нему женщины. Вам в этом отношении будет куда

лучше и легче, чем нам, конечно, при условии, что ваши пролетарские массы осознают свою объективную историческую зрелость для захвата власти, для революции. Не будем отчаиваться. Наши силы растут вместе с трудностями. Практическая необходимость натолкнет нас на новые пути и в отношении расширения женских масс. В соединении с Советским государством товарищеская солидарность совершит великие дела. Конечно, товарищеская солидарность в коммунистическом, а не в буржуазном смысле, в котором ее проповедуют реформисты, революционный энтузиазм которых выдохся, как дешевой уксус. Рука об руку с товарищеской солидарностью должна идти и личная инициатива, которая переходит в коллективную деятельность и сливается с ней. При пролетарской диктатуре освобождение женщин путем осуществления коммунизма будет иметь место и в деревне. В этом отношении я жду самого лучшего от электрификации нашей промышленности и сельского хозяйства. Это грандиозное дело! Трудности его проведения велики, чудовищно велики. Для их преодоления необходимо развязать и воспитать могущественные силы масс. Миллионы женщин должны участвовать в этом.

В течение последних десяти минут два раза постучались, но Ленин продолжал говорить. Теперь он открыл дверь и крикнул:

— Сейчас иду!

Повернувшись ко мне, он добавил, улыбаясь:

— Знаете, Клара, я воспользуюсь тем, что беседовал с женщиной, и в оправдание своего опоздания, конечно, сошлюсь на всем известную женскую разговорчивость. Хотя в действительности на этот раз много разговаривал мужчина, а не женщина. Вообще же я должен засвидетельствовать, что вы действительно умеете серьезно слушать. Может быть, как раз это и заставило меня так много говорить.

Делая это шутивное замечание, Ленин помог мне надеть пальто.

— Вы должны одеваться теплее, — заметил он заботливо, — Москва не Штутгарт. За вами нужно присмотреть. Не простудитесь. До свидания.

Он крепко пожал мне руку.

* *

*

Следующая моя беседа с Лениным о женском движении состоялась приблизительно недели две спустя. Ленин пришел ко мне. Как и всегда почти, посещение его было неожиданным, импровизированным и произошло во время перерыва в гигантской работе, которую вел вождь победоносной революции. Ленин выглядел очень усталым и озабоченным. Врангель еще не был решительно разбит, а вопрос о снабжении больших городов продовольствием стоял перед Советским правительством, как неумолимый сфинкс.

Ленин спросил, как обстоит дело с тезисами. Я сообщила ему, что было заседание большой комиссии, в котором приняли участие и высказались все находящиеся сейчас в Москве видные коммунистки. Тезисы готовы и должны теперь подвергнуться обсуждению в малой комиссии. Ленин указал, что следует стремиться к тому, чтобы III Всемирный конгресс рассмотрел вопрос с должной основательностью¹. Один этот факт победит предрассудки многих товарищей. Вообще же в первую очередь за это должны взяться коммунистки, и притом взяться основательно.

— Не щебетать, как хорошие тетушки, а говорить громко, как борцы, говорить ясно, — воскликнул Ленин оживленно. — Конгресс — это не салон, в котором дамы должны блистать очарованием, как это говорится в романах. Конгресс — арена борьбы, на которой мы сражаемся за знание, нужное для революционного действия. Докажите, что вы можете бороться. Конечно, в первую голову против врагов, но также и внутри партии, когда понадобится. Дело идет ведь о широких массах женщин. Наша русская партия будет выступать за все предложения и меры, которые помогут завоевать эти массы. Если женщины не будут с нами, то контрреволюционерам может удастся повести их против нас. Мы должны всегда об этом помнить.

«Женские массы должны стать нашими, хотя бы они были прикованы цепями к небу, — подхватила я мысль Ленина. —

¹ III конгресс Коминтерна заслушал доклад Клары Цеткин о революционном женском движении и принял резолюции: 1) Об укреплении международной связи женщин-коммунисток и задачах Международного секретариата Коминтерна по работе среди женщин и 2) О формах и методах коммунистической работы среди женщин. — *Ред.*

Здесь, в центре революции с его кипящей жизнью, частым и сильным биением пульса, у меня зародился план большого международного выступления трудящихся женских масс. Особенный толчок к этому дали мне ваши большие беспартийные женские конференции и съезды. Мы должны были бы попытаться превратить их из национальных в международные. Несомненным фактом является то, что мировая война и вызванные ею последствия глубоко потрясли широчайшие женские массы различных социальных классов и слоев. В них началось брожение, они пришли в движение. Горькие заботы об обеспечении своего существования и наполнении его содержанием ставят перед ними вопросы, о которых большинство из них едва подозревало, и только меньшинство хорошо осознало их. Буржуазное общество не в состоянии дать на них удовлетворительный ответ. Его может дать только коммунизм. Мы должны заставить широчайшие женские массы капиталистических стран осознать это и для этого созвать беспартийный международный женский конгресс».

Ленин ответил не сразу. Со взглядом, как бы обращенным внутрь, крепко сжав губы и несколько выпятив нижнюю, он размышлял.

— Да, — сказал он затем, — мы должны это сделать. План хорош. Но хороший, даже превосходнейший план ничего не стоит, если он не будет хорошо выполнен. Подумали ли вы уже о его выполнении? Как вы его себе представляете?

Я подробно изложила Ленину свои соображения по этому поводу. Сначала должен быть образован, в непрерывном тесном контакте с нашими национальными секциями, комитет из коммунистов различных стран для подготовки, проведения и использования конгресса. Начнет ли этот комитет немедленно официально и открыто работать, — вот вопрос, который нужно взвесить с точки зрения целесообразности. Во всяком случае, первая задача членов комитета — войти в отдельных странах в контакт с руководительницами профессионально организованных работниц пролетарского политического женского движения, с буржуазными женскими организациями всех родов и направлений, наконец, с выдающимися женщинами-врачами, учительницами, писательницами и т. п. и образовать национальную беспартийную подготовительную комиссию. Из членов этих национальных комитетов должен быть образован международный комитет, который и подготовит созыв международного

конгресса и установит порядок дня, место и время открытия конгресса.

По моему мнению, в первую очередь конгресс должен обсудить право женщины на профессиональный труд. При этом нужно будет развернуть вопросы о безработице, об уравнивании заработной платы при одинаковой работе, о законодательном проведении 8-часового рабочего дня и охране труда работниц, об организации профсоюзов, о социальной охране матери и ребенка, о социальных мероприятиях для облегчения положения домашней хозяйки и матери и пр. Далее, в порядок дня должно быть поставлено: положение женщины в семейном и брачном праве и в праве публичном, политическом. Обосновав эти свои предложения, я изложила, как, по моему мнению, национальные комитеты в отдельных странах должны будут путем планомерной кампании на собраниях и в печати основательно подготовить конгресс. Эта кампания имеет особенно важное значение. Она должна пробудить широкие женские массы, дать им толчок к серьезному изучению поставленных на обсуждение вопросов, привлечь их внимание к конгрессу, а тем самым и к коммунизму и к партиям Коммунистического Интернационала. Кампания должна быть рассчитана на трудящихся женщин всех общественных слоев. Она должна обеспечить конгрессу присутствие и сотрудничество представителей всех имеющихся в виду организаций, а также и делегатов открытых женских собраний. Конгресс должен быть «народным представительством» в совсем ином смысле, чем буржуазные парламенты.

Само собой разумеется, коммунистки должны быть не только движущей, но и руководящей силой в подготовительной работе, которой должна быть оказана самая энергичная поддержка со стороны наших секций. Все это, конечно, относится и к деятельности международного комитета, к работам самого конгресса, к их широчайшему использованию. По всем вопросам порядка дня конгрессу должны быть предложены коммунистические тезисы и соответствующие резолюции, тщательно отшлифованные с принципиальной стороны и умело обоснованные, с научным охватом социальных фактов. Эти тезисы должны предварительно подвергнуться обсуждению и получить одобрение Исполнительного комитета Коминтерна. Коммунистические решения и лозунги должны стоять в центре работ конгресса и общественного внимания. После съезда их необходимо при

помощи агитации и пропаганды распространить среди широчайших женских масс, чтобы эти лозунги определяли в дальнейшем международные массовые выступления женщин. Необходимым предварительным условием является, само собой разумеется, то, чтобы коммунистки выступали во всех комитетах и на самом конгрессе как крепкое, однородное целое, чтобы они действовали дружно, общими силами, с принципиальной ясностью и непоколебимой плановностью. Несогласованных выступлений не должно быть.

Ленин во время моего изложения несколько раз, как бы соглашаясь, кивал головой и вставлял короткие одобрительные замечания.

— Мне кажется, Клара, — сказал он, — что вы очень хорошо продумали это дело с политической стороны и в главных чертах также и с организационной. Я совершенно согласен с тем, что при данной обстановке такой конгресс мог бы проделать важную работу. В нем заложена возможность завоевания нами широчайших женских масс, в особенности масс женщин, занимающихся профессиональным трудом всякого рода, — промышленных работниц, домашних работниц, а также учительниц и других служащих. Это было бы хорошо, очень хорошо! Подумайте об обстановке. В момент крупных экономических схваток или же политических забастовок — какой прирост сил несет революционному пролетариату сознательное возмущение женских масс! При условии, конечно, что мы их сумеем завоевать и удержать. Выгоды были бы велики, даже прямо огромны. Но как вы думаете насчет некоторых вопросов? Вероятно, государственные власти весьма неблагосклонно отнесутся к делу созыва конгресса и попытаются ему помешать. Однако они вряд ли осмелятся грубо задушить его. Во всяком случае, это вас не испугает. Но не боитесь ли вы, что вы, коммунистки, и в комитетах, и на самом конгрессе будете задавлены численным перевесом представительниц буржуазии и реформизма и их несомненно большей ловкостью? И затем, прежде всего, действительно ли вы уверены в марксистской выучке наших товарищей-коммунисток, в том, что из них можно набрать ударную группу, которая с честью выдержит бой?

Я ответила на это Ленину, что власти вряд ли будут угрожать конгрессу бронированным кулаком. Насмешки и грубые нападки против конгресса послужат только агитацией в его пользу. Численности и ловкости некоммунистических элементов

мы, коммунисты, можем противопоставить научное превосходство исторического материализма в охвате и освещении социальных проблем и последовательность наших требований для их разрешения. Наконец, — и это не самое последнее — мы можем противопоставить победу пролетарской революции в России и ее работу в деле раскрепощения женщины. Слабая, недостаточная выучка отдельных товарищей могла бы быть уравновешена планомерной подготовкой и совместной работой. В этом отношении я жду самого лучшего от русских коммунистов. Они должны составить железное ядро нашей фаланги. С ними я спокойно решилась бы на нечто гораздо большее, чем бой на конгрессе. Кроме того, если мы даже потерпим поражение при голосовании, то самый факт нашей борьбы выдвинет коммунизм на первый план и будет иметь выдающееся пропагандистское значение, одновременно создавая для нас новые точки опоры для дальнейшей работы. Ленин расхохотался.

— У вас все такой же энтузиазм по отношению к русским революционеркам. Да, да, старая любовь не забывается. Я думаю, что вы правы. Даже поражение после упорной борьбы было бы выигрышем, было бы подготовкой будущих завоеваний среди трудящихся женских масс. В общем, речь идет о предприятии, на которое стоит рискнуть. Мы не можем никак проиграть полностью. Но, конечно, я надеюсь на победу, желаю победы от всего сердца. Она принесла бы нам значительное укрепление мощи, расширение и укрепление нашего фронта борьбы, она внесла бы в наши ряды оживление, движение и активность. Это всегда полезно. К тому же конгресс вызвал бы в лагере буржуазии и ее реформистских друзей рост беспокойства, неуверенности, противоречий и конфликтов. Можно себе представить, кто будет заседать вместе с «гненами революции», если дело пойдет хорошо под их руководством: тут будут и честные, прирученные социал-демократки под верховным руководством Шейдемана, Дитмана и Легина, и благочестивые христианки, благословляемые папой или следующие учению Лютера; и настоящие дочери тайных советников и новоиспеченные статские советницы, английские бонтонные, как леди, пацифистки и пламенные французские суфражистки. Какую картину хаоса, распада буржуазного мира должен отразить конгресс! Какую картину его безысходной безнадежности! Конгресс усилил бы распад и этим ослабил бы силы контрреволюции. Всякое ослабление сил врага равнозначно усилению

нашей мощи. Я за конгресс. Поговорите о нем с Зиновьевым. Он вполне поймет важность этого дела. Мы его энергично поддержим. Итак, начинайте. Желаю вам успеха в борьбе.

Мы говорили еще о положении в Германии, особенно о предстоящем «объединительном съезде» старых «спартаковцев»¹ с левым крылом независимых². Затем Ленин поспешно ушел, дружески поздоровавшись с несколькими товарищами, работавшими в комнате, через которую ему пришлось пройти.

Я с радостью и надеждой принялась за подготовительную работу. Однако идея конгресса разбилась о позицию, занятую германскими и болгарскими коммунистами, которые в то время руководили самым значительным, если не считать Советской России, коммунистическим женским движением. Они категорически отклонили предложение о созыве конгресса.

Когда я сообщила об этом Ленину, он ответил мне:

— Жаль, очень жаль! Эти товарищи оставили неиспользованной блестящую возможность открыть широчайшим женским массам новые, лучшие перспективы и этим привлечь их к революционной борьбе пролетариата. Кто знает, повторится ли так скоро такой благоприятный случай. Железо надо ковать,

¹ Спартакковцы — члены «Союза Спартака», образовавшегося в период первой мировой войны, в январе 1916 года, под руководством К. Либкнехта, Р. Люксембург, Ф. Меринга, К. Цеткин и других. Спартакковцы вели революционную пропаганду в массах против империалистической войны, разоблачали захватническую политику германского империализма и предательство вождей социал-демократии. Но спартакковцы, германские левые, не освободились от полуменьшевистских ошибок в важнейших вопросах теории и политики. Критика ошибок германских левых дана в произведениях В. И. Ленина: «О брошюре Юнгуса» (см. Соч., т. 22, стр. 291—305), «О карикатуре на марксизм и об «империалистическом экономизме»» (см. Соч., т. 23, стр. 16—64) и других. В апреле 1917 года спартакковцы вошли в центристскую Независимую социал-демократическую партию Германии, сохранив в ней свою организационную самостоятельность. После Ноябрьской революции 1918 года в Германии спартакковцы порвали с «независимцами» и в декабре того же года основали Коммунистическую партию Германии. — *Ред.*

² Независимая социал-демократическая партия Германии — центристская партия, созданная в апреле 1917 года. В октябре 1920 года на съезде Независимой социал-демократической партии в Галле произошел раскол. Значительная часть ее в декабре 1920 года объединилась с Коммунистической партией Германии. Правые элементы образовали отдельную партию и приняли старое название Независимой социал-демократической партии. В 1922 году «независимцы» вошли в германскую социал-демократическую партию. — *Ред.*

пока горячо. Но сама задача осталась. Вы должны продолжать искать путь к женским массам, которые капитализм поверг в ужасающую нужду. Вы должны искать его во что бы то ни стало. От этой необходимости нельзя уклониться. Без организованной деятельности масс под руководством коммунистов нет победы над капитализмом, нет строительства коммунизма. Поэтому должен, наконец, прийти в движение и Ахерон женских масс.

* *
*

Минул первый год, проведенный революционным пролетариатом без Ленина. Этот год показал прочность его дела, показал исключительную гениальность вождя. Пушечные выстрелы возвещают траурный час, в который Ленин год тому назад закрыл навеки свои далеко и глубоко видящие глаза. Я вижу бесконечные процессии печальных мужчин и женщин из трудящегося народа. Они идут к месту упокоения Ленина. Их траур — мой траур, траур миллионов. Ожившая боль будит с непреодолимой силой воспоминания. Она же воскрешает действительность, перед которой исчезает тяжелое настоящее. Я слышу каждое слово, которое произносит Ленин в разговоре. Вижу каждое изменение выражения его лица. И я должна писать, должна... Знамена склоняются перед могилой Ленина, знамена, окрашенные кровью борцов революции. Кладут лавровые венки. Ни один из них не может быть лишним. И я присоединяю к ним эти скромные листки.

*«Воспоминания о Владимире Ильиче
Ленине», ч 2 М., Госполитиздат, 1957,
стр 477—496.*

ЛЕНИН И МАССЫ¹

Когда я вспоминаю наши беседы с Лениным — его слова живы во мне, словно я слышала сегодня, — во всех них выступает одна характерная черта великого революционного вождя. Это — глубина его отношения к широчайшим массам трудящихся, в особенности к рабочим и крестьянам.

¹ Воспоминания написаны в 1929 году. — *Ред.*

Ленин был проникнут сердечным, искренним сочувствием к этим широким массам. Их нужда, их страдания, от болезненного булавочного укола до жестоких ударов дубиной, в их повседневной жизни — все это болью отзывалось в его душе. Каждый отдельный случай, о котором он узнавал, свидетелем которого он был, являлся для него отражением участи многих, бесчисленных. С каким волнением рассказывал он мне в начале ноября 1920 года о крестьянских ходоках, незадолго перед тем побывавших у него:

— Они были в лохмотьях, с тряпками на ногах и в лаптях. При теперешнем ненастье! Ноги их совсем промокли, посинели, замерзли. Разумеется, я распорядился, чтобы им принесли обувь из военного склада. Но разве этим поможешь? Тысячи, десятки тысяч крестьян и рабочих ходят теперь с израненными ногами, невозможно всех их обуть за счет государства. Из какого глубокого и страшного ада должен подняться, выбиться наш бедный народ! Дорога к его освобождению значительно труднее, чем дорога вашего германского пролетариата. Но я верю в его героизм, он выбьется!

Ленин говорил сначала тихо, почти шепотом. Последнюю фразу он произнес громко, сжав губы, с выражением твердой решимости.

После нескольких дней пребывания в Иваново-Вознесенске, приблизительно в тот же период, я должна была ему сообщить о полученных мною незабываемых впечатлениях: о происходившей там окружной конференции, о собрании в переполненном театре и царившем там настроении, о посещении детских домов и большой текстильной фабрики, где работают преимущественно женщины.

Ленин в особенности интересовался тем, что я видела и переживала среди маленьких детей и подростков, подробно расспрашивал. Я рассказала ему, как обступили меня работницы и засыпали вопросами о положении их сестер в Германии и как они в заключение сказали:

— Взгляни на наши голые израненные ноги. У нас только лапти. Холодно, а нужно ходить на работу. Передай Ленину, что мы будем очень рады, если удастся получить на зиму хорошую обувь. И хлеба побольше бы нам дали! Но передай ему, что мы и без этого продержимся, даже если еще в чем будет нужда.

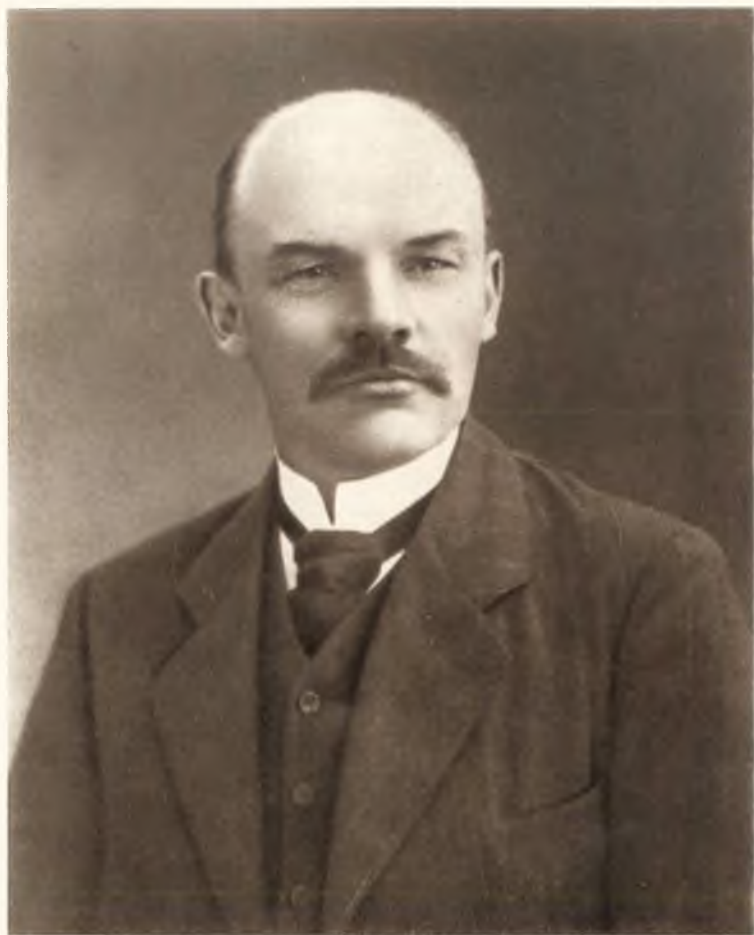
Ленин слушал меня с большим вниманием. На лице его отражалось сострадание.

— Я знаю, как терпят и переносят лишения эти бедняки! — воскликнул он. — Страшно, что Советская власть не может сразу помочь. Наше новое государство должно сначала отстоять свое существование, выдержать борьбу. Это требует огромных жертв. Но я также знаю, что наши пролетарки выдержат. Это героини, великие героини. Их освобождение не падает им, как подарок с неба. Они его заслуживают, они покупают его своими жертвами, расплачиваются своей кровью даже тогда, когда они не стоят перед винтовками белых.

Ленин был проникнут глубоким, сокровенным пониманием душевных страданий подневольного человечества, познающего в тисках отживших общественных и бытовых форм. Но как ни сильно было сострадание Ленина к тяжелой участи масс, этим одним никоим образом не исчерпывалось его отношение к массам. Это отношение не было основано, как у многих, на слезливом сочувствии, — оно имело твердые корни в его оценке масс как исторической революционной силы. В эксплуатируемых и подневольных Ленин видел и ценил борцов против эксплуатации и порабощения, а во всех борющихся он видел и ценил строителей нового общественного строя, несущего конец всякой эксплуатации и порабощения человека человеком. Разрушение старых устоев гнета и эксплуатации, как дело масс, стояло для него в тесной связи с созданием строя без гнета и эксплуатации, являющегося также делом масс.

Для Ленина, как он однажды мне сказал, уже недостаточно было одного «количества массы» для освободительного дела пролетарской революции, пересоздающей мир; он считал необходимым «качество в количестве». Революционная масса, победоносно разрушающая старое и долженствующая создать новое, была для Ленина не чем-то серым и безличным, не рыхлой глыбой, которую может лепить по своему желанию маленькая группа вожаков. Он оценивал массу как сплочение лучшего, борющегося, стремящегося ввысь человечества, состоящего из бесчисленных отдельных личностей. Нужно будить чувство и сознание этого человечества, развивать и поднимать пролетарское классовое самосознание на высшую ступень организованной активности.

Ленин, воспринимавший массу в духе Маркса, придавал, разумеется, огромное значение ее всестороннему культурному



В. И. Ленин, 1910 год

развитию. Он считал его величайшим завоеванием революции и верным залогом осуществления коммунизма.

— Красный Октябрь, — сказал он мне однажды, — открыл широкий путь для культурной революции величайшего масштаба, которая осуществляется на основе начавшейся экономической революции, в постоянном взаимодействии с ней. Представьте себе миллионы мужчин и женщин, принадлежащих к различным национальностям и расам и стоящих на различных ступенях культуры, — все они теперь устремились вперед, к новой жизни. Грандиозна задача, стоящая перед Советской властью. Она должна за годы, за десятилетия загладить культурный долг многих столетий. Кроме советских органов и учреждений действуют для культурного прогресса многочисленные организации и объединения ученых, художников и учителей. Громаднейшая культурная работа проводится нашими профсоюзами на предприятиях, нашей кооперацией в деревне. Активность нашей партии живет и проникает повсюду. Делается очень многое, наши успехи велики в сравнении с тем, что было, но они кажутся маленькими в сравнении с тем, что предстоит сделать. Наша культурная революция только началась.

Случайно Ленин коснулся обсуждения одной блестящей балетной постановки в Большом театре.

— Да, — с улыбкой заметил он, — балет, театр, опера, выставки новой и новейшей живописи и скульптуры — все это служит для многих за границей доказательством того, что мы, большевики, вовсе не такие ужасные варвары, как там думали. Я не отрицаю этих и подобных им проявлений общественной культуры, — я их вовсе не недооцениваю. Но, признаюсь, мне больше по душе создание двух-трех начальных школ в захолустных деревнях, чем самый великолепный экспонат на выставке. Подъем общего культурного уровня масс создаст ту твердую, здоровую почву, из которой вырастут мощные, неисчерпаемые силы для развития искусства, науки и техники. Стремление создавать культуру, распространять ее у нас необычайно сильно. Нужно признать, что при этом у нас делается много экспериментов, наряду с серьезным у нас много ребяческого, незрелого, отнимающего силы и средства. Но, по-видимому, творческая жизнь требует расточительности в обществе, как и в природе. Самое важное для культурной революции со времени завоевания власти пролетариатом уже имеется: это

пробуждение, стремление масс к культуре. Растут новые люди, созданные новым общественным строем и творящие этот строй.

Прошло пять лет с того времени, как великий друг, пробудитель и воспитатель масс закрыл глаза, которые с такой большой любовью и верой смотрели на маленьких и незаметных людей. Но дело Ленина не угасло, несмотря на его смерть. Оно живет, оно действительно проникает за пределы партии, которую он создал и которую он руководил, в безвестные широчайшие массы, которые трудятся в Советском Союзе над социалистическим строительством, которые ведут в капиталистических странах освободительную борьбу за власть, которые поднимаются в колониальных странах против своих господ — эксплуататоров и угнетателей. То историческое, творческое дело, которое они осуществляют, будет ему достойным памятником.

*«Воспоминания о Владимире Ильиче
Ленине», ч 2 М, Госполитиздат, 1957,
стр. 497—499,*

МАРСЕЛЬ КАШЕН

НЕЗАБЫВАЕМЫЕ ВСТРЕЧИ

Я один из немногих во Франции политических деятелей, которым выпало на долю видеть Ленина и общаться с ним. Дело было в 1920 году, когда под руководством Ленина народы, ныне объединенные в Советском Союзе, приближались к решающей победе. Ленину тогда было уже 50 лет.

...Никто до Ленина не вел человечество через более важный этап исторического развития. Теперь даже в лагере противников ленинизма не оспаривают той истины, что этот великий государственный деятель был выдающейся личностью. Серьезные представители исторической науки отмечают колоссальное историческое значение событий, которыми руководил Ленин начиная с 1917 года — момента падения царизма.

Известно, что Ленин был не только человеком действия, которому не было равных по энергии, но что он обладал также обширными универсальными знаниями. Следует напомнить, что Ленин признавал большую роль, которую сыграли в прогрессе человечества французские энциклопедисты XVIII века. Он выражал безграничное восхищение людьми и идеями французской революции 1789—1794 годов. Он был горячим поклонником монтаньяров и якобинцев 1793 года.

Ленин считал Парижскую коммуну одним из тех событий, которые двигают вперед человеческую историю. В словах, ставших бессмертными, он превозносил героизм парижских рабочих 1871 года...

* *
*

Ленин хорошо знал Францию. Он жил во Франции несколько лет во время своего долгого пребывания в эмиграции. Он занимал в Париже очень скромную квартиру из двух комнат в доме № 4 по улице Мари-Роз. Я знал тогда нескольких

большевиков-эмигрантов, которые так же, как и Ленин, жили очень бедно в 14-м округе Парижа.

Мне приходилось встречаться с Лениным на конгрессе II Интернационала в Штутгарте в 1907 году. Он был автором ряда поправок к резолюциям, замечательных своей последовательной борьбой против империалистической войны¹.

Я увидел его близко много лет спустя, летом 1920 года, во время моей поездки в Москву, куда я был делегирован единодушным решением социалистического съезда в Страсбурге.

Прибыв в Россию, мы часто встречались и беседовали с руководителями большевистской партии. Мы приехали в Москву для переговоров о возможном вступлении французской социалистической партии в III Интернационал.

19 июня руководители Коммунистического Интернационала во главе с Лениным собрались вместе с нами для обмена мнениями. Ленин взял слово. Говорил он на чистом французском языке.

Он прежде всего поблагодарил социалистическую партию и ее двух представителей за их обращение к III, Коммунистическому Интернационалу. Он придавал этому посещению очень большое значение. Он сказал, улыбаясь, что «ждал нас», так как выше всего оценивал замечательную революционную доблесть пролетариата нашей страны.

Он указал, что во Франции не стоит вопрос о немедленной революции. И не это является предметом разговора. Главное — создавать, не теряя времени, предпосылки для действенной борьбы против империалистического режима.

Французской партии, говорил Ленин, нужна газета, которая воспитывала бы рабочий класс и вела его к освобождению. Нужна газета марксистского направления. Что касается пролетарской партии, то в ней необходима строгая дисциплина для всех и в первую очередь для тех, кто удостоился чести занимать в ней ответственные посты. Надо выковать классовую партию, сплоченную, марксистски воспитанную, дисциплинированную.

Современные войны имеют своим последствием серьезные потрясения, обостряющие классовую борьбу и ускоряющие революцию. Праздно задавать себе вопрос, придет ли революция раньше или позже.

¹ См. В. И. Ленин, Соч., т. 13, стр. 59—77. — *Ред.*

Ленин коснулся нашего заявления, что нам не хватает людей. У нас тоже не хватает людей, сказал он, но мы идем вперед, и люди появляются. Важно питать беспредельную веру в то, что силы пролетариата неисчерпаемы. Вы, французы, должны понять, что в нашей борьбе мы вдохновляемся революциями, совершенными у вас в прошлом. И у вас капитализм уступит место социализму, который проник во все поры капиталистической системы. Ведите пропаганду среди народов, которые ваш империализм подчинил своему гнету, ибо повсюду люди должны свободно распоряжаться собственной судьбой.

Вы говорите: «Это будет тяжело». Нам тоже было тяжело, но мы боролись и победили!

Пять часов продолжалась эта глубоко содержательная и сердечная беседа.

* *

*

Накануне возвращения во Францию мы попросили у Ленина свидания, чтобы попрощаться с ним и поделиться нашими впечатлениями. Мы встретились с Лениным 28 июля, и наш разговор продолжался полтора часа. Он принял нас очень дружелюбно в своем небольшом кремлевском кабинете, скромно обставленном, строгом, простом.

Он подробно расспрашивал нас о положении во Франции, которое, впрочем, и без того отлично знал. Ленин повторил нам, что преклоняется перед прошлым нашей страны и пролетариатом Франции. Ленин определял коммунистов, как якобинцев, связанных с пролетариатом. И потому он был убежден в том, что во Франции идеи III Интернационала будут иметь успех, поскольку они отражают чистейшие революционные традиции нашей страны.

В тот самый час, когда мы беседовали с Лениным, Красная Армия добивала белопопольские банды, вторгшиеся на Украину. Французские и английские империалисты снарядили для Польши отборную дивизию, которой командовал французский генерал Вейган. Эта дивизия была хорошо снабжена оружием последних образцов и большой разрушительной силы. Однако dockеры Дюнкерка отказались грузить для этой дивизии пушки и пулеметы, и Ленин просил нас горячо поблагодарить за это трудящихся Франции.

В заключение Ленин сказал, что империалистическая Европа, упорно нападавшая в течение двух с половиной лет на советские республики, потерпела неудачу. Теперь, после поражения империалистов в Польше, Советская Россия получила мирную передышку, и она будет использована для того, чтобы восстановить страну и сделать ее непобедимой.

Ленин спросил, каковы наши впечатления от длительного пребывания в России. Мы ответили, что воспоминания, которые мы сохраним об этом пребывании, неизгладимы. Мы сказали ему, что, несмотря на огромные бедствия, причиненные войной, мы наблюдали во всей стране энтузиазм, веру в будущее и мужество, которые являются верным залогом победы.

Ленин был очень доволен нашим ответом. Он пожелал нам, чтобы Франция вскоре создала большую коммунистическую партию, за успехами которой он будет следить с живейшим вниманием. И уже в конце нашего разговора он выразил сожаление, что не мог беседовать с нами раньше и дольше.

На следующий день мы выехали обратно в Париж, куда прибыли 11 августа, после путешествия через Эстонию, Финляндию, Швецию и Германию.

Вернувшись, мы решили тотчас же дать отчет о нашей поездке французским рабочим. Секретариат партии организовал собрание в парижском цирке — самом большом тогда помещении в городе. К зданию цирка пришло свыше 40 тысяч трудящихся. Мы приложили много труда, чтобы добраться до трибуны, и надо сказать, что никогда до этого Париж не видел народной манифестации более горячей, более захватывающей, более волнующей. Народ Парижа в течение нескольких часов свидетельствовал свою братскую солидарность с советской революцией, самые обнадеживающие сообщения о которой мы ему принесли после бесед с Лениным.

«Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине», ч 2 М., Госполитиздат, 1957, стр. 524—526.

АЛЕКСИ ЛАМБРЕВ

СОБРАНИЕ В ЖЕНЕВЕ

После русской революции 1905—1907 годов многочисленные эмигранты, преимущественно революционеры, заполнили Женеву, Цюрих, Берн и другие швейцарские города. Большинство из них осело в Женеве — городе, который издавна служил убежищем для политических эмигрантов-революционеров, изгнанных из России кровавым деспотизмом царя.

Ранее в Женеве поселились Георгий Плеханов, являвшийся тогда теоретиком научного социализма, старая революционерка Вера Засулич, участница покушения на Александра III, лидеры меньшевистского течения РСДРП Мартов, Мартынов, Дейч и др.

В Женеве находилась также значительная группа деятелей большевистского крыла Российской социал-демократической рабочей партии.

Разногласия между обоими течениями — большевиками и меньшевиками — заметно углубились в период революции как по теоретической, так и по политической линии, хотя большевики и меньшевики формально считались членами единой Российской социал-демократической рабочей партии.

На деле единство большевиков и меньшевиков проявлялось лишь при проведении общих первомайских демонстраций, в которых участвовали и революционеры из славянских стран, прогрессивно настроенные люди, сочувствовавшие русскому освободительному движению.

Болгарские студенты, «тесняки», еще в начале 1907 года создали студенческую группу при БРСДП («тесных» социалистов). Члены этой группы имели пропуски в клубы большевиков и меньшевиков. В виде исключения доступ в эти клубы разрешался мне и Георгию Николову (Свинтила), поскольку мы

хотя и не были членами партии, но имели связи с русскими товарищами.

В 1908 году, если мне не изменяет память, в большом зале «Хандверк» в Женеве состоялись два больших публичных собрания (правда, тоже по пропускам), организованные большевистским клубом¹. В ходе этих собраний были проведены дискуссии между экономистом-меньшевиком Богдановым, известным в Болгарии по его книге «Краткий курс политической экономии», и Владимиром Ильичем Лениным².

Богданов отстаивал идеалистическую философскую теорию Маха и Авенариуса. Ленин противопоставил ей марксистскую точку зрения в теории познания, гносеологии, и опроверг взгляды Богданова, как метафизические, ненаучные. Мне кажется, что именно в высказываниях Ленина на этой дискуссии выражены были основные положения его знаменитого научного труда «Материализм и эмпириокритицизм».

Ленин говорил ясно, не торопясь, понятным языком, хотя тема носила философский характер. Он держался прямо, пиджак был расстегнут, и он время от времени просовывал большой палец правой руки за жилет, почти незаметно подавая грудь вперед. Сверкающими глазами он смотрел на слушателей, сидевших в зале. Ленин выступал с небольшой импровизированной сцены. Были моменты, когда, заложив обе руки за жилетку, он переходил в поистине стремительное наступление и строго научной аргументацией громил в пух и прах метафизическую философию Маха и Авенариуса. После этого, успокаиваясь, Ленин возвращался снова к столу.

Плеханов тоже взял слово и полностью присоединился к точке зрения Ленина.

Владимир Ильич был небольшого роста, плотного телосложения. У него был высокий лоб, лысина с поредевшими русыми волосами по бокам, искрящийся живой взгляд, густые русые крутые брови, прямой нос, тонкие усы и заостренная книзу небольшая рыжая бородка.

¹ 24 апреля (7 мая) 1908 года В. И. Ленин выступал в Женеве с рефератом на тему «Оценка русской революции и ее вероятное будущее». — *Ред.*

² В мае 1908 года В. И. Ленин написал «Десять вопросов референту» в качестве тезисов для выступления члена большевистского центра и члена редакции газеты «Пролетарий» И. Ф. Дубровинского (Иннокентия) на философском реферате А. А. Богданова в Женеве. — *Ред.*

Во всей его внешности чувствовалась пленяющая скромность.

Я встречал его на улице одетым в серое пальто, светло-коричневую мягкую венскую шляпу и почти всегда с большой, набитой книгами сумкой под мышкой. Ходил он не торопясь, умеренным шагом.

В ответ на наши почтительные приветствия он радушно отвечал: «Здравствуйте, товарищи!»

В то время мне удавалось часто видеть Ленина в большой университетской библиотеке за столом, заваленным множеством книжных томов. Чувствовалось, что он работает с глубокой сосредоточенностью, не обращая никакого внимания на происходившее вокруг. Так он занимался без отдыха в течение многих часов.

Ленин бывал в Женеве, но постоянно в этот период жил в Цюрихе.

Кажется, тогда же, в 1908 году, в клубе большевиков прошел слух, что Ленин ездил в Финляндию, чтобы повидать свою мать¹. Рассказы о дружной семье Ленина, о его глубокой привязанности к матери, которая так страдала за своих детей и всем жертвовала ради великого освободительного дела пролетариата, произвели сильное впечатление на нашу революционную молодежь.

*«Воспоминания болгарских товарищей
о Ленине» (Перевод с болгарского)
М., Госполитиздат, 1958, стр. 12—14.*

¹ В. И. Ленин для свидания со своей матерью М. А. Ульяновой и сестрой М. И. Ульяновой выезжал в Стокгольм (Швеция) в середине сентября 1910 года. — *Ред.*

РОБЕРТ ЗИВЕРТ

БУДЕТ ГОВОРИТЬ НЕКТО УЛЬЯНОВ!

1 января 1906 года в Берлине, вскоре после окончания моей учебы на каменщика, я вступил в Социал-демократическую партию Германии. По старой традиции я, как и многие другие ремесленники, отправился в путешествие. Мой путь пролегал через всю Германию и заканчивался в Швейцарии.

В марте 1908 года я нашел работу в Женеве. Там в клубе Международного рабочего союза я и узнал, что 18 марта по случаю 60-й годовщины мартовской революции 1848 года и 37-й годовщины Парижской коммуны будет выступать с докладом некто Ульянов¹. Я и не подозревал тогда, что на этом собрании услышу того Ульянова, который позже стал для нас любимым и дорогим товарищем Лениным, что услышу и увижу будущего вождя первого в мире социалистического государства.

Я не могу точно вспомнить, на каком языке Ленин делал доклад, так как рядом со мной сидели товарищи, которые мне переводили. В докладе Ленин ссылаясь на принципиальные замечания Карла Маркса в его работах о мартовской революции и Парижской коммуне.

Собрание происходило в клубе Международного рабочего союза, на нем присутствовало около 250 членов этого союза — немцы, швейцарцы, австрийцы, шведы, датчане, итальянцы, русские. Это было в полном смысле слова интернациональное собрание. После доклада Ленина я впервые ясно понял все значение мартовской революции и Парижской коммуны. На следующий же день я отправился в библиотеку, чтобы взять две книги Карла Маркса: «Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г.» и «Гражданская война во Франции».

¹ В. И. Ленин выступал 5(18) марта 1908 года от имени РСДРП с речью на интернациональном митинге в Женеве, посвященном трем годовщинам — 25-летию со дня смерти К. Маркса, 60-летию революции 1848 года и 37-й годовщине Парижской коммуны. — *Ред.*

Лично я познакомился с Лениным только в 1911 году в Цюрихе. Международный рабочий союз поручил мне организовать распространение литературы среди всех секций союза в Швейцарии. В нашем клубе «Цур айнтрахт» («К согласию») мой книжный киоск был открыт до 22 часов.

Однажды товарищ Алексей Фурман, он же Шатц, большевик, принадлежавший вместе с Фрицем Геккертом, Альбертом Галламом и другими товарищами к нашей коммуне, сообщил, что для проведения нескольких совещаний в Цюрих приезжает Ленин. Мы надеялись, воспользовавшись этим случаем, ближе познакомиться с Лениным.

И вот наступил этот день. Ленин вместе со своей женой Крупской пришел в наш клуб «Цур айнтрахт». Это было в октябре или ноябре 1911 года¹. Товарищ Шатц подвел Ленина к моему киоску и сказал: «Это товарищ Зиверт. Несколько лет назад в Женеве он однажды уже слышал ваше выступление. Вы выступали по случаю революционного праздника». Ленин взглянул на меня и сразу же спросил, как я оценил его доклад. Я рассказал ему, что этот доклад побудил меня глубже заняться мартовской революцией и Парижской коммуной и я сразу же достал две книги Маркса.

Затем Ленин поинтересовался у меня, как товарищи читают. Между тем у моего киоска собралась целая группа слушателей и обратилась к Ленину с вопросом, какой из немецких журналов он мог бы порекомендовать им для чтения. Он взял в руки «Глейхейт», международный женский журнал, выпускавшийся в Германии под редакцией Клары Цеткин, и сказал: «Товарищи, этот журнал вы должны читать. Здесь вы найдете все, что вас интересует. Это отличный, хорошо редактируемый журнал, который даже, что очень важно, занимается вопросами воспитания детей!»

После этой прекрасной рекомендации более десяти человек заказали у меня «Глейхейт». Ленин тоже купил несколько книг. Он читал очень много. Однажды я принес ему на квартиру целую стопку книг.

¹ В. И. Ленин был в Цюрихе с 10—11 (23—24) по 13(26) сентября 1911 года и участвовал в заседании Международного социалистического бюро, выступал с докладом на собрании местной группы РСДРП о положении дел в партии и прочел реферат на тему «Столыпин и революция». — *Ред.*

Беседа с Лениным произвела на меня и всех принимавших в ней участие очень сильное впечатление. Ленин всегда находил правильный тон, был скромен и сразу же устанавливал контакт с людьми.

Мы спросили Ленина, должны ли мы, германские социал-демократы, стать членами швейцарской социал-демократии. Ленин ответил нам: «В стране, где мы живем и работаем, мы должны быть членами социал-демократии». Через несколько месяцев благодаря энергичным действиям Фрица Геккерта и Фрица Платтена мы стали членами швейцарской социал-демократии.

В Цюрихе я неоднократно имел возможность наблюдать, как Ленин беседовал с простыми людьми. В Международном рабочем союзе была альпинистская группа, вместе с которой Ленин несколько раз совершал прогулки. Он присоединялся к товарищам и вместе с ними уходил в горы. При этом он часто беседовал с ними о красоте швейцарских Альп.

После этих встреч я вновь увидел Ленина лишь через три года, осенью 1914 года. В августе 1914 года началась первая мировая империалистическая война, и Ленин переехал из Галиции в Швейцарию. Сразу же по прибытии в Берн (я жил там с 1913 года с семьей) Ленин начал борьбу против вождей II Интернационала, позорно предавших социализм, и поставил на обсуждение свои «Тезисы о войне»¹.

В октябре я, будучи членом правления Швейцарского союза строительных рабочих, находился по делам в Цюрихе и узнал, что в клубе «Цур айнтрахт» будет выступать Ленин на тему «Европейская война и социал-демократия»².

Когда я пришел в клуб, зал был уже полон, там было более 500 человек. В докладе, который Ленин делал на немецком языке, он развил основные мысли, изложенные им в его «Тезисах о войне». Свое выступление он закончил ставшим позже знаменитым лозунгом: Превратить империалистическую войну в войну гражданскую!

Доклад Ленина произвел на всех присутствовавших большое впечатление и вызвал оживленную дискуссию. От немцев выступал Роберт Альберт, бывший редактор бреславльской газеты «Тагвахт». Он высказался за одобрение военных кредитов в

¹ См. *В. И. Ленин*, Соч., т. 36, стр. 251—254. — *Ред.*

² В Цюрихе В. И. Ленин выступил с рефератом на тему «Война и социал-демократия» не ранее 14 (27) октября 1914 года — *Ред.*

духе партийного правления германской социал-демократии и разглагольствовал о «призвании нации». Депутат рейхстага Грумбах из Мюльхаузена в Эльзасе защищал позицию французских социал-патриотов. Кроме них, выступило еще несколько товарищей, которые придерживались точки зрения Ленина.

В своем заключительном слове Ленин так отчитал обоих защитников империалистической войны, что ни один из участников собрания даже и не подумал поддержать их.

В течение следующих месяцев я еще несколько раз видел Ленина в Берне, так как у меня была возможность принимать участие в качестве гостя в неофициальных встречах большевистской группы.

Однажды я спросил Ленина, как мы, немцы, проживающие в Швейцарии, должны вести себя в случае призыва в армию. Я придерживался тогда мнения, что член партии должен идти в армию, но имея партийное задание. Пропагандировать отказ от службы было бы неправильно, так как нужно было поддерживать товарищей в Германии. Ленин согласился со мной. Он считал необходимым создать в армии нелегальную организацию, которая бы неутомимо оказывала воздействие на солдат под лозунгом превращения империалистической войны в гражданскую.

30 апреля 1915 года я был выслан из Швейцарии за то, что неоднократно отказывался подписать обязательство воздерживаться от всякой политической деятельности. Меня отправили за границу и передали германским жандармам. Привели в штаб корпуса. Через два дня я был уже в Саарбрюккене и стал солдатом. Моя семья осталась в Берне. Через несколько месяцев обучения я попал на Восточный фронт.

Тогда я еще не мог и думать, что через несколько лет, на IV конгрессе Коммунистического Интернационала, вновь увижу всеми признанного и любимого вождя международного революционного пролетариата.

Самым большим событием во время этого конгресса, в работе которого я принимал участие в качестве делегата от Коммунистической партии Германии, было заседание немецкой делегации, состоявшееся в присутствии Ленина¹. Он попросил каждого из нас сделать краткое сообщение о деятельности пар-

¹ В ноябре 1922 года В. И. Ленин провел ряд бесед с делегатами IV конгресса Коминтерна об организационном построении компартий, о методе и содержании их работы. — *Ред.*

тип в его округе, чтобы получить правильное представление о действительном положении в Германии. Ленин прерывал нас репликами, обращая внимание на основные проблемы. И мое сообщение Ленин несколько раз прерывал вопросами, помогая ими лучше изложить то, что его особенно интересовало. В последующие годы мне редко приходилось встречать таких руководящих товарищей, которые так же обстоятельно, как это делал тогда Ленин, обсуждали бы с нами интересовавшие нас проблемы.

Со времени нашей последней встречи в Швейцарии Ленин почти не изменился. Несмотря на то что круг его деятельности значительно расширился, он остался таким же простым, скромным, готовым в любое время прийти на помощь Владимиром Ильичем. Однако болезнь не прошла бесследно. Все мы замечали, как утомляло его участие в заседаниях. А мне так страстно хотелось, чтобы Ленин мог работать еще многие, многие годы и был полон творческих сил. В состоявшейся во время заседания дискуссии Ленин участия не принимал. После ее окончания он поблагодарил нас за сообщения и сказал, что ему нужно еще раз продумать все проблемы, прежде чем он сможет сообщить руководству немецкой делегации свою точку зрения.

Спустя несколько лет после конгресса мне представился случай поехать со второй немецкой рабочей делегацией в Советский Союз. Ленина уже не было среди нас. Но всюду, где бы мы ни были, мы видели: Ленин бессмертен! Его дело продолжало жить в грандиозном строительстве первого в мире социалистического государства. Для коммунистов и революционных рабочих всего мира его имя стало символом борьбы за победу социалистического общества.

*«Незабываемый Ленин». Воспоминания
немецких товарищей (Перевод с немец-
кого). М., Госполитиздат, 1958,
стр. 37—41.*

ИВАН ЧОНОС

ЛЕНИН В ШВЕЙЦАРИИ

В начале июля 1907 года я в качестве делегата от партийной организации города Видин был участником XIV партийного съезда, заседавшего в Плевене. После окончания съезда я уехал в Женеву изучать правовые науки. Женеву я избрал потому, что в то время Швейцария считалась одной из наиболее демократических стран и была центром оживленной политической деятельности. К тому же курс правовых наук в Женевском университете был трехгодичным, а это облегчало мне учебу.

Я застал Женеву переполненной русскими политэмигрантами. Первая русская революция 1905 года потерпела поражение. Жестокая столыпинская реакция изгнала из пределов родины многих замечательных русских революционеров. В среде русской эмиграции кипела бурная жизнь, велись споры по политическим и философским вопросам.

Мы, несколько членов БРСДП («тесных» социалистов) и сочувствующих, образовали просветительную группу, в которую вошло более 30 человек, и проводили довольно активную по тому времени работу. Кроме того, мы ежегодно устраивали один-два вечера, направляя сборы от них непосредственно Центральному Комитету нашей партии. Наша группа всячески помогала русской эмиграции. Царская охранка наводнила Швейцарию и особенно Женеву своими людьми. По требованию охранки швейцарская полиция стала отказывать в разрешении на жительство видным революционерам. Женевские обыватели, запуганные полицией, часто не решались сдавать квартиры русским. Поэтому мы использовали разрешения на жительство тех наших товарищей, которые заканчивали обучение или переезжали в другие города, и при помощи их документов устраивали русских политэмигрантов.

Мы живо интересовались политической жизнью в Женеве, особенно жизнью русской политической эмиграции. Не пропустили ни одного собрания, проводимого видными теоретиками-марксистами, которые жили в Женеве или приезжали туда в те годы. Особым уважением у нас, болгарских социал-демократов, пользовался известный теоретик и популяризатор марксизма Георгий Валентинович Плеханов, живший в Женеве. До начала собраний, на которых он должен был выступать, наша просветительная группа заранее выстраивалась перед Народным домом; Плеханов, всегда сопровождаемый своей женой — врачом, проходил сквозь наши ряды, улыбался нам и приветствовал словами: «Здравствуйте, товарищи болгары!»

В то время в Женеву приезжали и многие деятели II Интернационала. На одном собрании, в 1908 году, выступал французский социал-демократ — непревзойденный оратор Жап Жорес. Приглашенный нами, Жорес присутствовал на товарищеской беседе с членами нашей группы. Из Германии приезжал родоначальник оппортунизма Эдуард Бернштейн, который пытался развивать свои ревизионистские взгляды перед женевскими трудящимися.

Но глубоко в памяти запечатлелось собрание русской политической эмиграции весной 1908 года, на котором выступал Владимир Ильич Ленин¹. Большой зал был переполнен. Присутствовали и мы, несколько болгар, во главе с товарищем Александром Атанасовым из г. Лом (впоследствии адвокат в Русе), убитым в 1926 году фашистскими бандами.

Ленин говорил о русской революции и перспективах ее развития. Для нас, болгар, мысли, которые развивал Ленин, были новыми, совершенно неизвестными. Исключительное впечатление произвела его огромная вера в силы русской революции, несмотря на временное торжество реакции. Значительный интерес вызвали сделанный Лениным глубокий анализ великого классового поединка между русским пролетариатом и царизмом и та аргументация, которой Ленин подкреплял свои мысли.

Но мы тогда питали большое доверие к Плеханову и находились под его сильным влиянием. Мы не понимали роли трудового крестьянства как союзника пролетариата, и ряд других

¹ Автор, возможно, имеет в виду выступление В. И. Ленина в Женеве 24 апреля (7 мая) 1908 года с рефератом на тему «Оценка русской революции и ее вероятное будущее». — *Ред.*

вопросов не был ясен для нас. Поэтому точка зрения Ленина нами воспринималась с трудом.

Наша партия с восторгом встретила первую русскую революцию. Мы созывали собрания, на которых выражали солидарность с делом русского пролетариата. В нашем маленьком городке Видине партийная организация арендовала большое клубное помещение, которому Тодор Петров дал имя ленинской «Искры». Своими произведениями Ленин оказывал на нашу партию влияние во многих областях. Но потребовался длительный, трудный процесс, пока наша партия решительно пошла по пути ленинизма.

Во время собрания, о котором я рассказал, товарищ Александр Атанасов подробно записывал доклад Ленина. Позже он сделал доклад по этому вопросу другим членам партии, а затем направил свои заметки лично товарищу Димитру Благоеву. Атанасов регулярно посылал «Деду»¹ подробные доклады о жизни русской политической эмиграции в Женеве. Можно утверждать, что наше партийное руководство в Болгарии было информировано обо всем, что связано с деятельностью русской эмиграции в Женеве.

Ленина я видел еще раз. Однажды после обеда, проходя через парк «Жардэн англе» («Английский сад»), находящийся на берегу Женевского озера, я догнал Плеханова, оживленно разговаривавшего с каким-то человеком. Я поздоровался с Плехановым и увидел тогда, что человек, с которым он разговаривал, был В. И. Ленин.

* *
*

После Сентябрьского восстания я эмигрировал в Грецию, а в начале 1924 года Георгий Димитров вызвал меня в Вену. Там я задержался, так как в связи с болезнью Ленина Димитров был приглашен в Москву. В Вене и застала меня весть о смерти Ленина. Город с миллионным населением искренне оплакивал невозвратимую утрату. Двери советского посольства были широко раскрыты, и трудящиеся шли сюда, чтобы выразить свою скорбь по поводу смерти великого вождя рабочего класса.

¹ «Дедушкой», «Дедом» болгарские рабочие любовно называли Д. Благоева. — *Ред.*

А вернувшись в Грецию, я видел, как тяжело переживали смерть Ленина греческие товарищи.

— Что же будет сейчас с русской революцией, с нашей борьбой? — спрашивали меня многие, и в этом наивном вопросе чувствовалось, насколько дело русской революции было для нас неотделимо от имени Ленина.

*«Воспоминания болгарских товарищей
о Ленине» (Перевод с болгарского).
М., Госполитиздат, 1958, стр. 8—11.*

ПЕТР РАЙЧЕВ

ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ ЛЕНИН

Как будто и сейчас я вижу его перед собой: с открытым широким лбом, с редкими волосами на голове, с маленькой острой бородкой и живыми глазами, которые видели всё. Когда на острове Капри в своей вилле Максим Горький представил меня Ленину¹, на меня произвело особое впечатление то очарование, с которым он произносил букву «р». Я всмотрелся в него. Его лицо было больше похоже на калмыцкое, чем на русское. Оно не было красивым, но отражало непреклонную волю и твердый характер.

После первого моего посещения Горького я ездил на Капри почти каждый день. Великий писатель проявил ко мне большое внимание и просил навещать его чаще. Мне было особенно приятно находиться среди этих людей. Поэтому, когда мои гастролы в неаполитанской опере «Сан Карло» закончились и у меня остался целый месяц свободного времени, я часто ездил на Капри, чтобы отдохнуть и полюбоваться прекрасным итальянским небом и бескрайним синим морем.

Я устроился напротив виллы Горького, в гостинице, где жило много русских. Мы проводили время в различных развлечениях, но самым любимым нашим занятием была рыбная ловля.

Ленин также принимал участие в рыбной ловле. Он охотно выходил в море со мной, зная, что я справлюсь с лодкой даже при сильных волнах.

— Глядя, как вы гребете, я догадываюсь, что вы выросли на берегу моря,— сказал мне однажды Ленин. И, обратив свой взгляд на север, добавил с едва скрытой грустью:

¹ В. И. Ленин был у А. М. Горького на острове Капри в апреле 1908 года и в июле 1910 года. — *Ред.*

— И все же на этой лодке невозможно добраться до Одессы. Невозможно...

Еще в первые дни своего пребывания на острове я узнал, что рыбаки называют его «синьор Дринь-дринь».

Когда я спросил его о причине такой интимности, Владимир Ильич улыбнулся и сказал:

— Итальянская выдумка!

Когда мы возвращались как-то с очередной прогулки и дети, как обычно, встретили его радостными возгласами:

— О, синьор Дринь-дринь! — Ленин весь просиял, дружески отвечая им. А потом объяснил мне, почему его так называют:

— Однажды итальянский рыбак изъявил желание научить меня ловить рыбу «с пальца» — лесой без удилища. Я попробовал и, представьте себе, поймал большую рыбу. Обрадованный своей удачей, я громко крикнул: «Дринь-дринь!» И нажил себе беду. Все на Капри теперь называют меня «синьор Дринь-дринь». Но вы думаете, что это меня огорчает? О, напротив, это доставляет мне удовольствие.

Рыбной ловлей мы занимались с большим постоянством, но это занятие наше редко заканчивалось успехом. И чтобы не возвращаться домой с пустыми руками, мы покупали у рыбаков в порту по несколько килограммов рыбы. Ленин при этом, хитро прищурившись, говорил:

— Наши товарищи подумают, что мы сами ее наловили.

Не знаю, так ли думали товарищи, но после мы узнали, что и они поступали так же, как и мы. Когда об этом сообщили Владимиру Ильичу, он шепнул мне:

— Теперь понимаю, почему в порту так быстро распродают рыбу.

* *
*

Часто после полудня мы собирались на большой террасе, где нам подавали кофе. Ленин обычно пил чай. И при последующих встречах в России получалось как-то так, что я видел его всегда с чашкой горячего чая. Эта чашка казалась мне его неотделимой спутницей.

На террасе мы вели горячие споры. Спорили до изнеможения, как спорят только русские.

Владимир Ильич говорил мало, но его мысль отличалась замечательной ясностью. Мне думается, что этим своим исключительным качеством он завоевал сердце русского народа.

Он был остроумен, любил шутить, обладал особенным чувством юмора. Даже когда говорил серьезно, вкладывал в слова тонкий, иногда колкий юмор. Должен признаться, что не встречал в своей жизни другого человека с такой огромной эрудицией. Она позволяла ему говорить по всем вопросам, как большому специалисту, и я много раз был свидетелем, как беспомощно «проваливались» его собеседники.

А как внимательно все его слушали! Максим Горький не пропускал ни одного слова, которое исходило от этого мудрого и твердого сына великой русской земли.

Разговорам и спорам не было конца. Провожали солнце, встречали звезды, терраса купалась в волшебном свете южной ночи. И никто не думал о сне. Каждый вечер Владимир Ильич предлагал уделить время для беседы о России.

— А теперь вспомним о родине, — говорил он.

Воспоминания были ключом, как прозрачная вода бурного источника. Каждый должен был рассказать что-нибудь о родном доме, о своем народе.

Для меня делалось исключение.

— Вы нам не рассказывайте ничего, — говорил Ленин, — лучше спойте несколько русских романсов и болгарских песен. Таким образом вспомним о вашей и нашей родине.

Однажды, когда было уже за полночь, я спел романс «Вставайте, вождь» Ипполитова-Иванова. Мне показалось, что Владимир Ильич, игравший в это время в шахматы, не слушал моего пения. Но я глубоко ошибался. Когда я закончил романс словами: «...Плачет и стонет великий народ!» — он встал, подошел ко мне, взял за руки и сказал:

— Вот это песня! Благодарю, очень благодарю!

Глаза его пылали.

Он крепко пожал мне руки, с чувством повторив последние слова песни:

— Плачет и стонет великий народ!

Потом сел на свое место и продолжал игру. Все смолкло.

Было поздно. Гасли огни далекого Неаполя. Сорренто, Костелльаммаре и зловещий силуэт Везувия пропали в золотосинем сумраке. Начинался рассвет.

— Спокойной ночи! — проговорил Горький.

— Пора, — добавил Ленин. — Доброго дня! Легкой работы! Работа?

Да, Ленин уходил работать. Свет за окнами его комнаты горел и глубокой ночью. Там рождалось спасение человечества. Спасение угнетенных и оскорбленных.

В плохую погоду, при особенно бурном море, мы не выезжали на рыбную ловлю, а бродили по скалистому берегу. Ленин восхищался, как ребенок, непрерывным движением волн, волшебным закатом солнца, серебристым очертанием сказочного острова. Он питал беспредельную любовь к детям бедных рыбаков. И они очень любили его. Ленин слабо владел итальянским языком, но это не мешало маленьким и оборванным озорникам вертеться около него. Ленин раздавал им конфеты и другие лакомства, пел и смеялся вместе с ними, как их сверстник.

— Если бы в жизни не было другой цели, я остался бы навсегда среди них! — как-то сказал он мне.

Владимир Ильич был искренен. И очень часто он уделял по несколько часов своего времени для того, чтобы удовлетворить прихоти своих любимых шалунов. Но как только заходила речь на политическую тему, он весь преобразался.

Тогда глаза его загорались и становились пронизательными... мысли его были насыщены мудростью человека, который видел будущее в реальной форме.

Однажды во время вечернего разговора Владимир Ильич сказал:

— Помните: европейская война неизбежна. Наступит небывалое истребление народов, а главным образом пролетариата, но в конце концов рабочий класс одержит победу. Запомните это!

Слова его сбылись... Уже тогда мы чувствовали, что он способен предвидеть события. Позднее в этом убедились все, даже и его враги.

Владимир Ильич не подбирал в разговоре красивых слов, но слова, которые он произносил, были ясными, полными поразительной точности и совершенного смысла. Мне приходилось слушать больших ораторов, но я не слышал никого другого, кто бы говорил о политике и искусстве с такой ясностью и простотой, как Владимир Ильич Ленин. Когда он начинал говорить, то первое впечатление у слушателей было такое, словно он не является хорошим оратором, но через несколько минут вся аудитория бывала покорена глубиной его мысли. При выступле-

нии он протягивал вперед руку, излучая огромную энергию, его глаза искрились.

Ленин говорил! Ленин отвечал своим противникам! Ленин вселял веру в тех, кто имел счастье его слушать.

Ленин был гениален в политике, но прост, мил, сердечен и задушевен в жизни. Просто прозвучали его слова с балкона дома балерины Кшесинской¹ в то время, когда Керенский был назван русским народом «главноуговаривающим» вместо «главнокомандующего» за то, что ездил по фронту, уговаривая солдат, чтобы они не убегали со своих позиций.

Владимир Ильич тогда от всего сердца произнес пламенные слова:

— Война дворцам, мир хижинам!

Эти слова сыграли решающую роль в дальнейшем развитии событий. Они увенчались славной и великой победой — Октябрьской социалистической революцией.

* *
*

Однажды я участвовал в концерте-митинге в петроградской Мариинской опере. Такие концерты-митинги устраивались тогда часто. После концерта Владимир Ильич Ленин произнес большую речь о международном положении.

По окончании концерта один мой знакомый, член президиума, спросил меня:

— Знаешь ли ты Владимира Ильича?

Я затруднялся с ответом.

Прошло уже много времени с тех пор, как мы вместе с ним жили на острове Капри, и я был убежден, что Ленин забыл меня.

Мой знакомый, не дождавшись ответа, повел меня к Ленину, чтобы познакомить. Владимир Ильич, как только заметил меня, засмеялся и сказал:

— Помните вы еще сеньора Дринь-дринь?

Великий Ленин сердечно пожал мне руку и стал рассказывать присутствующим о том, как хорошо мы вместе прожили под лазурным итальянским небом.

¹ В доме Кшесинской в то время находился ЦК партии большевиков; В. И. Ленин выступил с балкона этого дома перед демонстрантами 17(4) июля 1917 года. — *Ред.*

— Не забывайте меня, посещайте, если наши дороги не скрестятся случайно.

Он едва успел произнести эти слова, как его окружили рабочие, которые слушали его речь. Они подняли его и понесли как живое знамя над взволнованной толпой освобожденного русского народа.

*«Воспоминания болгарских товарищей
о Ленине» (Перевод с болгарского).
М., Госполитиздат, 1958, стр. 23—28.*

ПАЛ ПЕТРОВСКИ

В ПАРИЖЕ, В КРУЖКЕ ВЛАДИМИРА ИЛЬИЧА

Добрых сорок пять лет назад, в 1908 году ¹, будучи молодым подмастерьем-портным, я отправился из венгерского города Бекешчаба странствовать по свету, искать счастья. Я направился в Париж.

Мне приходилось работать в маленьких мастерских и на крупных швейных предприятиях, где было занято несколько сот рабочих. В ту пору мне было всего шестнадцать лет, я жаждал все увидеть, познать, набраться ума-разума. Я вступил в ряды прогрессивной профсоюзной организации — Всеобщей конфедерации труда ², но это меня не удовлетворяло. Я ходил на рабочие собрания, слушал зажигательные речи пламенного оратора Жана Жореса, посещал вечерние лекции в Сорбонне по различным историческим, политическим и экономическим вопросам.

Все это я помню уже смутно, но один эпизод крепко засел в памяти. Однажды в Сорбонне кто-то спросил лектора, кто поведет человечество вперед в будущем. Ответ гласил, что такой деятель выдвинется из рядов русской социал-демократии, так как, судя по всему, в царской России развернутся самые крупные революционные события.

Возможно, именно это заявление, которое было скорее пророчеством, чем научным разъяснением, побудило меня поближе познакомиться с жизнью русской революционной эмиграции. Этому способствовало и то обстоятельство, что в Париже мне довелось работать с одним молодым русским рабочим Мишей

¹ Воспоминания написаны в 1953 году. — *Ред.*

² Всеобщая конфедерация труда Франции — общенациональное профсоюзное объединение, основанное в 1895 году. В то время находилась под влиянием анархо-синдикализма и реформизма. — *Ред.*

Максимовичем, с которым я быстро подружился. Миша, как и другие русские рабочие, отличался веселым нравом, общительностью и дружелюбием. Он часто приглашал меня к себе в компанию. В то время я даже не подозревал — а русские и словом не обмолвились об этом, — что их дружная компания по существу представляла собой политическую организацию. Русские товарищи приглашали меня, и я охотно шел к ним.

Первый раз я посетил их в 1908 году. В помещении, являвшемся клубом русских эмигрантов, собралось человек тридцать, преимущественно рабочих¹. Они сидели в два ряда вокруг стола и внимательно слушали какого-то просто одетого человека с рыжеватой бородкой.

— Это Владимир Ильич, — пояснили они мне.

Ильича я видел впервые. При первом взгляде ничего приметного не бросалось в глаза. Его одежда и небольшая заостренная бородка были такими, какие в те времена обычно носили многие французские рабочие. На заводе или на улице он ничем не привлек бы к себе внимания. Однако здесь, среди русских эмигрантов, сразу было заметно, что Владимир Ильич руководящий деятель. К нему обращались с вопросами, от него все ждали решения спорных вопросов, он давал разъяснения. Он был всегда в центре внимания, являлся признанным руководителем. Это было сразу видно, так как члены кружка относились к нему с любовью и уважением. Будучи политически малограмотным молодым рабочим, я на первых порах из всего виденного и слышанного понял лишь одно, что присутствую на занятиях какого-то политического кружка. Владимир Ильич произвел на меня огромное впечатление своей решительностью и удивительной логичностью, с какой он разъяснял тот или иной вопрос. Когда после встречи русские друзья спросили меня, каково мое мнение о собрании, я ответил, что плохо разбираюсь в вопросах, которые там обсуждались, но не сомневаюсь, что Владимир Ильич прав, так как его слова дышат неотразимой силой.

Не только его слова казались убедительными, но и все его существо, манера держаться располагали к себе и внушали до-

¹ С конца 1908 года в Париже действовал большевистский клуб газеты «Пролетарий», который посещали сотни русских социалистов и рабочих. В. И. Ленин проживал в это время в Париже, куда он переехал из Женевы между 29 ноября и 1 декабря (12—14 декабря) 1908 года. — *Ред.*

верие. Чрезвычайно живой, подвижный, неизменно бодрый, добродушный и вместе с тем необычайно спокойный — вот каким предстает он сейчас перед моим мысленным взором. Ильич побеждал в спорах своей железной логикой, несравненной аргументацией, равной которой я с тех пор больше никогда не встречал. На одном собрании, на площади в Париже, где Владимир Ильич выступил с речью перед тысячами французских рабочих и русских эмигрантов, кто-то сказал:

— Даже не понимая по-русски, чувствуешь, что этот человек прав. От него исходит такая уверенность, вера в правоту своего дела.

Но меня пленило в Ильиче еще и другое: его простота, непосредственность. Он приходил на собрания веселый, улыбающийся, запросто беседовал с людьми, он знал каждого из присутствовавших. Когда я в первый раз пришел на собрание кружка, он тотчас же заметил меня, заговорил со мной, спросил, как меня зовут, откуда я приехал. Я сказал ему, что по национальности я венгр, а фамилия моя Петровский. Услышав мой ответ, Ильич улыбнулся и добродушно заметил:

— У вас совсем русская фамилия.

Затем он поинтересовался:

— Вы рабочий? Вас интересуют дела рабочих?

Он беседовал со мной так дружески, непринужденно, словно мы были старые знакомые.

Так же просто держался он и на экскурсии в окрестности Парижа — Винье, где он говорил о том, кто является предателем рабочего класса; его можно было скорее принять за обычного туриста, чем за авторитетного докладчика.

Еще одну характерную черту заметил я у Ильича — его неизменную точность, аккуратность. Он опоздал на собрание лишь один-единственный раз. На этом собрании я не присутствовал и знаю о нем по рассказам товарищей. Ильич отправился на условленное место на велосипеде, и по дороге на машину сзади наехал автомобиль. Владимир Ильич едва успел соскочить с велосипеда. Прежде чем полицейский начал составлять протокол о происшествии, Владимир Ильич оставил обломки своего велосипеда и продолжал путь пешком. Мне передавали, что Ильич потом весело рассказывал об этом событии:

— Вот как я столкнулся с диалектикой: сел на велосипед, а соскочил с кучи железного лома.

Не знаю, точно ли воспроизведены слова Ильича, но несомненно одно, что Владимир Ильич при любых условиях сохранял хорошее настроение и чувство юмора.

* * *

Только много лет спустя я узнал, что тот самый Владимир Ильич, который руководил политическим кружком в Париже, был не кто иной, как Ленин.

«Венгры о Ленине» Воспоминания Бундаш, изд «Сикра», 1955, стр 5—8

КАРЛ ШТЕЙНГАРДТ (ГРУБЕР)

ВСТРЕЧИ С ВЕЛИКИМ ЛЕНИНЫМ

Впервые я увидел и услышал В. И. Ленина в середине февраля 1910 года. Это было в Лондоне¹, куда я в начале 1909 года был приглашен секретариатом Лондонского просветительного общества немецких рабочих (в деятельности которого в свое время принимали участие Карл Маркс и Фридрих Энгельс), чтобы взять на себя редактирование начавшего вновь выходить органа этого общества — газеты «Лондонер фолксцейтунг»². В те времена я еще был убежденным приверженцем «марксизма» оттобауэровского толка. Социалистов всех стран особенно сильно волновали тогда вопросы, связанные с предстоявшим вскоре Копенгагенским конгрессом II Интернационала³, и прежде всего вопрос об отношении к войне и милитаризму. Поэтому секретариат нашего клуба решил пригласить представителей ряда социалистических партий Европы, чтобы обменяться мнениями по этому животрепещущему вопросу. В дискуссии за «круглым столом» приняли участие, в частности, Ледебур, Эрве, Макдональд, Гайндман, Бернард Шоу, Чичерин и Штейнгардт. Русские товарищи обещали, что Ленин прибудет на один день в Лондон. Ленин действительно приехал, хотя и немного запоздав. Он извинился за опоздание, вызванное туманом в Ла-Манше.

Итак, каждый из присутствовавших на дискуссии высказывал свое мнение о грозившей войне. Всем было ясно, что война уже стоит на пороге. Но в вопросе о том, какую позицию должен занять в случае войны пролетариат воюющих стран,

¹ Указанную дату пребывания В. И. Ленина в Лондоне документально подтвердить не удалось. — *Ред.*

² Газета выходила в Лондоне в 1909—1910 годах. — *Ред.*

³ Международный социалистический конгресс в Копенгагене состоялся 15 (28) августа — 21 августа (3 сентября) 1910 года. — *Ред.*

единства не было. Представители социалистов стран Запада неразрывно связывали интересы пролетариата этих стран с интересами «своей» буржуазии.

— Если победит Германия, Лондонский порт замрет, — сказал Макдональд.

— Если победит Англия, замрет Гамбургский порт, — возразил Ледебур.

— Мы будем голосовать против войны обеими руками, — заявил Эрве, — но нам нужна Эльзас-Лотарингия.

Я высказал свои опасения на тот случай, если победит Россия: тогда, считал я, восторжествует панславизм.

Последним высказался Ленин. Во время предыдущих выступлений он быстро набрасывал заметки в небольшом блокноте и, подперев голову рукой, иногда улыбаясь, иногда прищуривая глаза, внимательно прислушивался к спору. В своем выступлении он прежде всего остановился на принципиальной стороне вопроса: каков будет характер предстоящей войны? В скупых, но выразительных словах он осветил тенденцию капитализма ведущих стран Запада к расширению своей власти в мировом масштабе. Затем он показал разницу между высокоразвитыми и слаборазвитыми странами и охарактеризовал важнейшие черты империализма, стремящегося ввергнуть народы в пучину войны за передел мира. Независимо от победы или поражения той или иной страны пролетариат в любом случае окажется побежденным, если даст увлечь себя шовинистическими лозунгами. Есть два типа войн. Один — это война за интересы капиталистов, против нее пролетариат должен бороться всеми силами. Но есть и война справедливая, когда народ, угнетенные классы стремятся освободиться от ига. Эту войну, войну революционную, пролетариат всего мира должен поддерживать. После этого общего вступления Ленин обратился к высказываниям отдельных ораторов, убедительно показав всю их ошибочность.

Ленинские неопровержимые доказательства дали мне чрезвычайно ясно понять, что те взгляды, которых я придерживался под влиянием Отто Бауэра, были не чем иным, как псевдомарксизмом. Нелегко было мне отказаться от того, что я долгое время считал единственно правильным. Я снова принялся за изучение трудов Маркса и Энгельса, на этот раз в тесной связи с принципами партии большевиков — партии Ленина. Ленинская диалектика обезоружила меня и моих товарищей,

мы не могли противопоставить ей ничего, кроме собственной политической близорукости. Ленин распознал смысл так называемого «австромарксизма» — представлявшего собой «цвет» II Интернационала — как учения о словах, а не о делах. Ленин разоблачил половинчатость и противоречивость II Интернационала. История доказала правоту Ленина, в том числе и в оценке «марксизма» Отто Бауэра.

Когда в 1913 году я вернулся в Вену (меня выслали туда из Германии), я уже воспринимал политическое поведение лидеров социал-демократии и профсоюзов критически. Чем сильнее становилась угроза мировой войны, тем больше росло мое недоверие к искренности заявлений социал-демократических вождей об их готовности выполнить свой интернациональный долг. Насколько обоснованным оказалось мое недоверие, подтвердила и измена австрийской социал-демократии в августе 1914 года. Опубликованием в газете «Арbeiterzeitung» статей «Великий день германского народа» и «На Париж!» австрийская социал-демократия и ее пресса стали на позиции самого безудержного шовинизма. От этой болезни и скончался бесславно II Интернационал. Необходимо было повести решительную и принципиальную борьбу против позорной измены лидеров II Интернационала, против дезорганизации, внесенной ими в ряды мирового пролетариата.

Став к тому времени убежденным марксистом, я вместе с другими товарищами, сначала в полной изоляции, стремился пробить в Австрии единый фронт национализма, шовинизма и вульгарной ограниченности. Силы нам давало учение марксизма-ленинизма.

Четыре года войны — четыре года борьбы против войны, за революционный выход Австрии из нее. Ожесточенная борьба внутри партии, в профсоюзах, на предприятиях. Медленно, даже против своей воли освобождались рабочие от внушенной им оппортунистической идеологии и иллюзий. Лишь постепенно разжимался железный обруч охватившей рабочих политической депрессии.

В 1916 году, после того как я был исключен из социал-демократической партии, мне как организатору леворадикальной группы удалось через одного товарища установить связь с Лениным, находившимся в Цюрихе. Мы горячо поддерживали позицию Ленина, возглавившего Циммервальдскую левую.

Нашей целью был выход Австрии из войны. Мы добивались создания Коммунистического Интернационала.

В ходе войны в Австрии возникло также несколько различных политических групп, которые объединялись для борьбы под общим лозунгом «Долой войну!». Среди них были «левые социалисты», «воинствующие социалисты», синдикалисты, анархисты и др. Их политическая позиция была смутна и неопределенна. Часть из них была исключена из социал-демократической партии; другая сама вышла из нее, так как там не было возможности вести политическую борьбу. Многие, особенно молодежь, вообще не были политически организованы. Естественно, что именно наша революционная группа взяла на себя руководство борьбой против империалистической войны, за создание III Интернационала.

16 января 1918 года в Австрии началась стачка. Январская забастовка 1918 года сплотила рабочий класс страны для мощной борьбы. По русскому образцу были созданы рабочие Советы. Под лозунгами «Мы хотим действовать по-русски!», «Вся власть рабочим Советам!» трудящиеся массы вышли на улицу.

Три дня бастующие владели улицей. Но тогда принялись за дело социал-демократические и профсоюзные лидеры. Лживыми обещаниями и посулами они добились прекращения стачки, и уже проигранная война продолжалась дальше.

Но лед был сломан. Несмотря на волну репрессий, арестов, отправки на фронт, несмотря на полицейский надзор и запрещение всех политических собраний, антивоенное движение ширилось и крепло. Ленинский призыв к миру нашел мощный отклик у австрийских рабочих масс.

В период с января по октябрь 1918 года наиболее последовательные марксистские группы возглавили революционное движение в Австрии. 3 ноября 1918 года руководители всех этих групп, собравшись на совещание, решили объединиться в единую марксистскую революционную партию. По моему предложению ей было дано наименование Коммунистическая партия Австрии. Был избран Исполнительный комитет, которому поручили подготовить съезд партии.

9 февраля 1919 года состоялся I съезд КПА. Он принял временную программу партии и избрал меня председателем КПА. Мною было получено от Ленина приглашение послать в Москву делегата на Международную коммунистическую конференцию. Я выступил за принятие этого приглашения, с тем



В. И. Ленин в президиуме I конгресса Коминтерна,
март 1919 года

чтобы наш делегат внес предложение считать эту конференцию Учредительным конгрессом Коммунистического Интернационала. Съезд принял это предложение и направил меня в Москву.

Для нас, австрийских коммунистов, создание III Интернационала после позорного краха II Интернационала было вполне назревшим делом. Как только до нас дошла весть о Великой Октябрьской социалистической революции, совершенной под руководством Ленина, пропаганда идеи создания нового, Коммунистического Интернационала заняла решающее место в нашей работе. В связи с нелегальным празднованием 1 Мая 1918 года мы подготовили первый номер коммунистической газеты «Векруф». Я написал для нее передовую под заголовком «III (Коммунистический) Интернационал», в которой поддерживал требование ввиду полной недееспособности псевдомарксистского II Интернационала создать новый, подлинно марксистский.

Я сообщил Ленину о решении нашего партийного съезда и о моем делегировании в Москву. Поскольку открытие конференции было назначено на 2 марта 1919 года, мне казалось, что у меня достаточно времени добраться из Вены в Москву. Но путь в Москву был тогда тяжел и полон препятствий и неожиданностей. Мне приходилось ехать на ступеньках вагонов, на крышах, буферах и даже на тендере и на площадке локомотива. Там было хотя и грязно, но, по крайней мере, тепло, а ведь стоял мороз в 20—27 градусов. Когда мне удавалось сесть в вагон для скота, это было уже большой удачей, потому что значительную часть долгого, 17-дневного пути мне пришлось проделать пешком. Фронтальная полоса проходила тогда в районе Киева. Здесь шли только военные эшелоны. Я выдавал себя за солдата, возвращающегося из плена, и мне все время грозила опасность быть схваченным и расстрелянным белыми. К тому же я не знал ни слова по-русски. Не раз я едва не попадал в руки белых.

Однажды случилось так, что я уж думал, что настал мой последний час. Меня арестовали и доставили в штаб (как мне потом стало ясно, в штаб дивизии). Это могли быть только белые, думалось мне, потому что последняя деревня, которую я покинул вечером, была занята ими. В полутемной комнате меня стал допрашивать начальник. Я старался, как мог, уберечь свою рваную военную форму от тщательного обыска —

ведь там под подкладкой был зашит мой мандат! И вот, считая себя уже погибшим, я при тусклом свете керосиновой лампы вдруг заметил на его лежавшей на столе фуражке маленькую красную звездочку! Велико было удивление красных командиров, когда я совершенно откровенно заявил им, что добираюсь в Москву на созываемую Лениным конференцию. В доказательство я предъявил им свой «мандат» — кусок холста величиной с тарелку, с текстом, написанным чернильным карандашом.

Теперь путь мой уже стал легок. Утром командир дивизии проводил меня на станцию Фастов и посадил на паровоз, шедший в Киев. Там меня передали на попечение товарищей из партийного комитета, которые усадили меня в классный вагон поезда, отправлявшегося в Москву. На дорогу меня снабдили целым мешком продуктов: в Москве с продовольствием неважно, сказали мне киевские товарищи. Они просили меня передать Ленину самый горячий боевой привет.

Итак, на этот раз без всяких приключений 3 марта 1919 года, на другой день после открытия исторической конференции, которой суждено было стать I (Учредительным) конгрессом Коммунистического Интернационала¹, я прибыл в Москву. С вокзала я отправился в гостиницу «Метрополь», а оттуда — прямо в Кремль. В Кремль я проник, но вот в зал заседаний охрана меня не пустила. Несшим охрану курсантам показался недостаточным написанный на куске материи мандат. Наконец с помощью одного из делегатов мне удалось получить от Ленина пропуск, действительный на этот день.

Мое появление в небольшом зале заседаний привлекло всеобщее внимание. Тяжелый мешок с провiantом я положил на возвышение, где находился стол президиума. Ленин поднялся, широко улыбаясь, пошел мне навстречу, протянул мне обе руки и расцеловал.

— Товарищ Грубер, мы сейчас же дадим Вам слово, — сказал он.

Я пытался возражать, что в таком виде не могу выступить перед собравшимися, но Ленин ответил:

— Вот именно это и хорошо

¹ I конгресс Коммунистического Интернационала состоялся 2—6 марта 1919 года. Накануне, 1 марта, проходило предварительное совещание группы делегатов I конгресса Коминтерна. — *Ред.*

Ленин объявил присутствовавшим, что слово для доклада об австрийском рабочем движении¹ имеет только что прибывший делегат из Австрии, которого все уже считали погибшим. Меня встретили аплодисментами. Когда я кончил свое сообщение, Ленин крепко пожал мне руку и сказал:

— Отлично, отлично, товарищ Грубер!

— Моя фамилия — Штейнгардт, — поправил я.

— Для нас Вы — товарищ Грубер, — ответил Ленин.

После заседания Ленин сам распорядился обо всем, что касалось моего устройства, и потом лично проверил, как выполнены его распоряжения.

Вскоре мне сообщили, что Владимир Ильич хочет побеседовать со мной сегодня вечером и просит зайти к нему в кабинет. И вот мы сидим за его письменным столом и обсуждаем ход работы конференции. Ленин знакомит меня с результатами первых заседаний. Русская делегация внесла предложение об учреждении Коммунистического Интернационала, и он, Ленин, защищал это предложение. Но немецкий делегат Г. Эберлейн высказался против немедленного основания Коминтерна, мотивируя это тем, что он не уполномочен на то своей партией. Ввиду этого русской делегации пришлось временно взять свое предложение назад. С моим же прибытием, сказал Ленин, положение изменилось, поскольку я прямо уполномочен голосовать за немедленное создание Коминтерна. Поэтому Ленин рекомендовал на утреннем заседании 4 марта поступить так. Он, Ленин, сообщит, что австрийский делегат по не зависящим от него обстоятельствам не смог принять участие в первых заседаниях конференции, а тем самым и выступить в поддержку предложения о немедленном основании Коммунистического Интернационала. Ввиду этого австрийский делегат в своем заявлении совместно с другими делегатами просит конференцию вновь включить вопрос о создании Коминтерна в повестку дня. Заявление это должно быть подписано четырьмя делегатами. Если конференция согласится рассмотреть его, мне предоставят слово для обоснования. Он, Ленин, убежден в том, что австрийское предложение о создании Коминтерна будет поддержано всеми делегатами.

Так и произошло 4 марта 1919 года. Ленин открыл заседание и после выступлений нескольких делегатов мне дали слово

¹ См. Первый конгресс Коммунистического Интернационала. М., Партиздат, 1933, стр. 89—94, 129—130. — *Ред.*

для обоснования решения о том, что конференция постановляет конституироваться в качестве Учредительного конгресса Коммунистического Интернационала. В ответ на это предложение раздались громкие аплодисменты. Затем перешли к голосованию. Предложение было принято единогласно¹. Результаты голосования вызвали всеобщее воодушевление, все делегаты стоя запели «Интернационал». Ленин, сияя от радости, жал мне руки и, улыбаясь, повторял:

— Отлично Вы это сделали, великолепно!

На этом же заседании были заслушаны тезисы и доклад Ленина о буржуазной демократии и диктатуре пролетариата, которые вошли в историю международного коммунистического движения как его важнейший программный документ².

Для подготовки ряда вопросов и решений пришлось создать несколько комиссий, но тут возникли трудности персонального характера. В конгрессе смогли принять участие представители не всех стран, так как гражданская война и иностранная интервенция помешали им прибыть в Москву. Мне повезло, но делегаты из ряда других стран, заявившие о своем согласии принять участие в конгрессе, не смогли попасть на него. Поэтому одним и тем же делегатам пришлось работать в нескольких комиссиях. Меня включили в состав комиссии по политическим и организационным вопросам, а также в редакцию печатного органа Исполкома Коминтерна — журнала «Коммунистический Интернационал».

Днем 4 марта 1919 года мне пришлось вместе с Эберлейном участвовать в работе над окончательным текстом Манифеста конгресса. Мы с Эберлейном должны были не только перевести его на немецкий язык, но и отредактировать. Вечером пришел Ленин и вместе с нами работал над Манифестом с 10 часов вечера до 6 часов утра. Ленин был неутомим и закончил работу только тогда, когда мы прочли абзац за абзацем, фразу за фразой и отшлифовали не только содержание, но и стиль Манифеста. Не раз мы спорили насчет той или иной формулировки, и каждый раз Ленин выходил победителем. Тогда он с удовлетворением улыбался нам своей подкупающей улыбкой и весело подмигивал левым глазом. Видя, что мы с

¹ Делегация КПГ от голосования воздержалась. — *Ред.*

² Тезисы и доклад о буржуазной демократии и диктатуре пролетариата от 4 марта 1919 года см. *В. И. Ленин, Соч.*, т. 28, стр. 435—451. — *Ред.*

Эберлейном уже порядком устали, он время от времени прерывал работу и начинал шутить. Ленин любил шутку и умел смеяться от всего сердца. Такую жизнерадостность мне приходилось наблюдать только у Фридриха Энгельса.

Когда в 6 часов утра 5 марта 1919 года мы закончили работу, Ленин сказал нам:

— Последуйте моему испытанному методу. Не ложитесь спать, а примите-ка хорошую горячую ванну, потом холодный душ, позавтракайте как следует и пройдите до начала заседания.

Так мы и сделали. Совет Ленина вполне оправдал себя.

Работа конгресса в основном подходила к концу. Его секретариату было поручено руководить деятельностью Коминтерна до следующего конгресса, который решено было созвать по возможности в следующем году. В период конгресса делегаты не раз выступали на многочисленных собраниях трудящихся Москвы. Мне лично довелось выступить на огромном митинге в Большом театре, где произнес речь и Ленин¹. По окончании конгресса мы, иностранные делегаты, разъехались по домам. Не всем удалось добраться благополучно. Я воспользовался самолетом, чтобы долететь до Будапешта, где только что произошла революция, но самолет был подбит румынскими войсками. Меня арестовали и приговорили к смертной казни по обвинению в шпионаже, а затем направили в лагерь смертников, откуда мне через 11 месяцев удалось бежать.

В июле 1920 года я вновь побывал в Советской России — на II конгрессе Коминтерна и был сердечно встречен товарищами, которые уже вновь мысленно похоронили меня. Открытие конгресса происходило в Петрограде — городе Великого Октября — в Таврическом дворце, где обычно заседал Петроградский Совет². Незадолго до открытия конгресса зал был переполнен. В проходе перед сценой масса народу. Я сижу в президиуме рядом с Горьким. Горький говорит:

— Смотрите, Ленин!

¹ Имеется в виду торжественное заседание в Большом театре 6 марта 1919 года, посвященное образованию Коминтерна, на котором с речью выступил В. И. Ленин (см. *В. И. Ленин*, Соч., т. 28, стр. 457—461). — *Ред.*

² II конгресс Коммунистического Интернационала проходил с 19 июля по 6 августа 1920 года. Торжественное открытие конгресса состоялось 19 июля в Петрограде, во Дворце имени Урицкого (бывшем Таврическом дворце). С 23 июля по 6 августа работа конгресса проходила в Москве. — *Ред.*

Мы видим, как Ленин пробирается к трибуне. Его приветствуют с обеих сторон. Наконец Ленин высвобождается и быстрыми, мелкими шагами идет по проходу. Лица вокруг него светлеют, когда люди видят его улыбку. Слышатся приветственные возгласы, царит приподнятое настроение. В зале жарко. Ленин вытирает платком вспотевший лоб. Он пожимает мне руку и говорит:

— Нелегко войти в Петроградский Совет!

Заседание открывается. Ленин выступает с докладом о международном положении и основных задачах Коммунистического Интернационала. Впечатление такое, будто это разговор с товарищами с глазу на глаз. В конце доклада — бурная овация. Ленин старается занять незаметное место позади трибуны, словно ему как-то неловко. Он не любил оваций.

Вспоминается мне и III конгресс Коминтерна в 1921 году¹. Я сижу сбоку на возвышении, к которому ведут три ступеньки. Неожиданно в зале возникает какое-то волнение. Оглядываюсь и вижу Ленина, который собирается сесть на ступеньке. Я встаю и уступаю ему место, но он, энергично надавив мне на плечо, заставляет меня сесть и шепчет:

— Сидите спокойно.

Затем Ленин располагается рядом со мной на ступеньках и быстро делает какие-то записи в блокноте. Вдруг он спрашивает меня:

— Что сказал сейчас оратор?

Я рассказываю, но самому мне кажется, что в выступлении этого оратора нет ничего особенного.

После нескольких ораторов объявляют, что сейчас выступит Ленин. Зал замирает. Ленин говорит, и я замечаю, что основным моментом, подвергшимся его критике, явились как раз те слова оратора, о которых меня спрашивал Ленин и которые мне показались малозначащими. Таково было искусство Ленина проникать глубоко в смысл каждого высказывания.

* *
*

В заключение мне хочется сказать еще несколько слов о Ленине как человеке.

«В своей простоте величайший человек», — написал я в альбоме, который был преподнесен В. И. Ленину к его 50-летию

¹ III конгресс Коминтерна проходил с 22 июня по 12 июля 1921 года в Москве в Кремле. — *Ред.*

делегатами II конгресса Коминтерна¹. Незабываемыми остались для меня его сердечный смех, его любовь к шутке, его непринужденная жизнерадостность. Поразительна была ленинская работоспособность и неутомимость. Я никогда не видел Ленина усталым.

Не раз я убеждался в исключительной заботливости Ленина о товарищах. Вспоминается, какое исключительное внимание проявил он к заболевшему тифом Джону Риду, как старался сделать все возможное, чтобы спасти его от смерти.

Когда после окончания I конгресса Коминтерна я уезжал домой через Венгрию, где была провозглашена Советская республика, Ленин передал мне несколько писем к Бела Куну. Кроме того, Ленин вручил мне бумагу и сказал:

— Этим Вы воспользуетесь, если у Вас будут затруднения при возвращении на родину.

Прощаясь, он положил мне руки на плечи и сказал:

— Будьте осторожны, товарищ Грубер, Вы еще понадобится.

Но Ленин умел быть и резким, когда речь шла об ошибочных политических решениях. Во время III конгресса Коминтерна был такой случай. В некоторых местах Северной Франции в это время возникли стачки, для подавления которых полиция применяла оружие. В связи с этими выступлениями рабочих французские делегаты предлагали объявить всеобщую стачку по всей Франции. Когда Ленин узнал об этом непродуманном намерении, он резко указал товарищам на ошибочность их требования, которое не отвечало тогдашним реальным политическим условиям во Франции.

Встречи с великим вождем пролетариата навсегда остались в моей памяти, и сейчас, будучи уже в преклонном возрасте, я все еще помню их как самые яркие события моей жизни, мысленно воскрешая бессмертный ленинский образ.

*Журнал «Новая и новейшая история»
№ 2, 1960 г., стр. 102—107.*

¹ Альбом с отзывами делегатов II конгресса Коминтерна о В. И. Ленине хранится в Архиве Института марксизма-ленинизма. См. журнал «Исторический архив» № 2 за 1957 год. — *Ред.*

ЛЕНИН У КЛАРЫ ЦЕТКИН В ШТУТГАРТЕ

Э то было в январе 1912 года. В моем родном городе Гоффе, расположенном в самой северной части Баварии и бывшем тогда одним из важнейших текстильных центров, на массовом собрании выступила Клара Цеткин. После ее выступления женщины впервые включились в движение и начали забастовку. В этом не было ничего удивительного, так как текстильные фабриканты выплачивали женщинам по 17—20 пфеннигов в час при десятичасовом рабочем дне. Страстная, пламенная речь Клары Цеткин нашла одобрение у женщин и неоднократно вызывала бурю аплодисментов. Для Гофа этот митинг был огромным событием. Социал-демократическая партия Гофа в годы перед первой мировой империалистической войной смогла значительно расширить и углубить свое влияние.

Георг Шуман, позже депутат рейхстага от коммунистической партии, расстрелянный фашистами 11 января 1945 года, работал тогда в качестве внештатного литсотрудника в редакции «Оберфренкише фольксдейтунг». Он получил задание проводить Клару Цеткин до Марктредвица. Близкая дружба с Георгом Шуманом дала и мне возможность совершить небольшую поездку по железной дороге от Гофа до Марктредвица. Ни одним словом не обмолвилась Клара Цеткин о цели ее возвращения в Штутгарт через Марктредвиц.

Марктредвиц был важным железнодорожным узлом, где останавливались поезда, следовавшие из Праги в Берлин, но Гоф также был непосредственно связан железнодорожной линией со Штутгартом.

Во время одночасового пребывания в Марктредвице Клара Цеткин все же рассказала нам о том, что по договоренности с Лениным она должна была здесь встретиться с ним в поезде¹.

¹ В январе 1912 года после VI (Пражской) конференции РСДРП В. И. Ленин ездил из Праги в Берлин. — *Ред.*

Имя Ленина мне не было еще известно, я слышал о нем впервые. Поэтому ее сообщение не произвело на меня особенного впечатления. И это было понятно, так как в то время я очень мало знал о международном рабочем движении. В кругах социал-демократической рабочей молодежи Гофа о подобных вещах говорилось не так уж много; даже в доме председателя социал-демократической партии Гофа, где я с юношеских лет был своим человеком, о рабочем движении в России и о его вожде Ленине не было сказано ни одного слова. Неудивительно поэтому, что даже возможность увидеть Ленина не произвела на меня особого впечатления.

Подошел поезд. Из открытого окна одного купе Кларе Цеткин приветственно махал человек с острой бородкой. Клара Цеткин простилась с нами и вошла в вагон. После односторонней стоянки поезд отошел от перрона. Мы махали платками, но это относилось только к Кларе Цеткин. При возвращении в Гоф весь разговор также был только о ней, а не о Ленине, который, как она нам рассказывала, был одним из ведущих руководителей Российской социал-демократической рабочей партии.

26 марта 1912 года центральный орган Социал-демократической партии Германии «Форвертс» напечатал очень заинтересовавшую меня статью под заглавием «Из русской партийной жизни»¹. Статья освещала работу VI конференции Российской социал-демократической партии, состоявшейся 18—30 января в Праге, и осыпала Ленина неслыханной руганью. Я вспомнил о разговоре с Кларой Цеткин, когда она с большим уважением говорила о Ленине и характеризовала его как крупного вождя российского пролетариата. Противоречие между высказыванием Клары Цеткин о Ленине и содержанием статьи вызвало у меня удивление.

Я воспользовался первым удобным случаем, чтобы поговорить об этом с моим другом Георгом Шуманом, который работал в редакции и, очевидно, знал об этой статье. Но эта беседа не дала мне ничего нового. Мы сошлись на том, что решили написать в редакцию «Форвертса» письмо и выяснить, кто является автором статьи.

¹ Имеется в виду анонимная клеветническая статья Троцкого, которой газета «Форвертс» сопроводила официальное сообщение о VI (Пражской) конференции РСДРП. — Ред.

Насколько же мы были наивны, когда думали, что автор статьи даст нам разъяснение по этому вопросу! Несмотря на это, я поговорил и с председателем социал-демократической партии Гофа. К моему удивлению, он сказал, что автор статьи совершенно прав. Услышав подобное мнение от того, к кому я нитал слепое доверие, я был взволнован до глубины души, разочарован, но не знал действительного положения вещей и не смог ни в чем сам разобраться. Я написал Кларе Цеткин, так как еще в январе она сказала нам, что мы можем к ней обращаться в любое время. К письму я приложил статью и излил Кларе Цеткин свою душу.

Вскоре пришел ответ. Хотя он меня не полностью удовлетворил, однако все же пролил свет на интересовавшие меня вопросы. Клара Цеткин осудила статью, ее содержание. В конце письма она высказала пожелание побеседовать лично, чтобы выяснить все вопросы, касающиеся этого письма.

Мой друг Шуман и я ухватились за это предложение.

Беседа с Кларой Цеткин состоялась в середине июня 1912 года. Упорство, с каким я стремился понять цель статьи в «Форвертсе» и узнать подробнее о ее авторе, настолько охладило мои взаимоотношения с социал-демократами в Гофе, что я решил покинуть свой родной город. Я отправился в Швейцарию, где 22 июня устроился на работу электриком. По пути в Швейцарию, в Штутгарте, я и воспользовался случаем поговорить с Кларой Цеткин.

Клара Цеткин была ответственным редактором журнала «Ди Глейхейт» и, несмотря на занятость, все же нашла время поговорить со мной. Она показала мне ответ Ленина на клеветническую статью, который редакция «Форвертса» отказалась напечатать в своей газете¹. Все яснее и понятнее для меня становилось отношение Ленина к международному пролетариату и в особенности к вождям II Интернационала. Клара Цеткин так хорошо разъяснила мне итоги VI Всероссийской конференции в Праге, что я понял, почему был необходим политический

¹ После отказа редакции газеты «Форвертс» напечатать статью В. И. Ленина в ответ на анонимное клеветническое выступление Троцкого против конференции и ее решений, редакцией центрального органа РСДРП «Социал-Демократ» была издана на немецком языке в 1912 году в Париже отдельная брошюра «Аноним из «Vorwärts'a» и положение дел в РСДРП» и разослана в 600 немецких адресов (см. В. И. Ленин, Соч., т. 17, стр. 477—489). — *Ред.*

разрыв с оппортунистами. Цеткин познакомила меня с тяжелой жизнью Ленина в ссылке, с героической борьбой, которую он вел в защиту угнетенных масс не только России, но и всего мира. После того как по просьбе Цеткин одна из ее сотрудниц, знавшая русский язык, перевела мне подчеркнутые красным карандашом места из работы Ленина, я твердо убедился в том, что Ленина несправедливо оклеветали. После этого мое уважение к Ленину возросло, и я уже другими глазами смотрел на пережитое. За эти дни я подружился с Кларой Цеткин и очень гордился тем, что она разрешила мне в будущем относиться к ней как к матери.

Я собирался уехать из Штутгарта 17 июня. Но Клара Цеткин уговорила меня остаться еще на несколько дней. Я и не подозревал, что у нее были какие-то особые намерения. На следующий день я познакомился с Адельгейд Попп¹, подругой Клары Цеткин, прибывшей из Вены. Из их разговора я смог установить, что она тоже знала Ленина. Особенно высоко отзывалась Адельгейд Попп о деятельности Ленина в Бюро социалистического Интернационала, членом которого он был с 1905 года. Я узнал, что Ленин обращался с письмом в Бюро² после того, как редакция «Форвертса» отказалась напечатать его ответ на клеветническую статью, но Бюро социалистического Интернационала объявило, что это «чисто немецкий вопрос», в который оно не намерено вмешиваться.

Через день после разговора с Адельгейд Попп Клара Цеткин сказала мне, что Ленин переезжает из Парижа в Краков и сделает остановку в Штутгарте³. На следующий день он должен был приехать. Адельгейд Попп специально приехала из Вены, чтобы сопровождать Ленина и Надежду Константиновну Крупскую. Это известие было для меня столь неожиданным, что я сначала даже не мог разобраться, что же меня так волнует. Клара Цеткин заметила мое замешательство и подумала сначала, что причиной такого моего состояния является ее запоздалое сообщение о приезде Ленина. Она попыталась мне

¹ Попп, А. — член Австрийской социал-демократической партии, писательница, деятельница революционного женского движения. — *Ред.*

² См. В. И. Ленин, Соч., т. 17, стр. 490—493 — *Ред.*

³ В. И. Ленин переехал в Краков ранее 13 (26) июня 1912 года. — *Ред.*

объяснить, что причиной этого были конспиративные соображения, заставившие ее молчать. Но извинения совершенно не требовалось, так как причиной моего волнения было радостное внутреннее возбуждение: я должен был вновь увидеть Ленина, который вот уже несколько месяцев занимал мои мысли и все еще был для меня загадкой. Ожидание встречи с ним и делало меня одним из самых счастливых людей. До прибытия поезда я попытался выучить «что-нибудь», чтобы не осрамиться, если Ленин заведет со мной разговор. Особенно я набросился на иностранные слова, такие, как «империализм» и т. д., громко повторял их, чтобы не сбиться. Ленин представлялся мне каким-то необыкновенным человеком. Позднее я смеялся над собой и стыдился своей предубежденности: Ленин оказался простым, скромным и внимательным человеком, который сразу внушал к себе доверие.

Ленин приехал не из Парижа, как мы предполагали, а из Швейцарии. Из-за серьезного заболевания Надежда Константиновна уже продолжительное время находилась под наблюдением врачей в одном из городов недалеко от Женевы, и, так как ее здоровье не было еще полностью восстановлено, Ленин сопровождал ее в Краков. Для этого он и заехал из Парижа сначала в Женеву. Утром 21 июня они оба приехали в Штутгарт. Когда поезд входил в вокзал, над Штутгартом неожиданно полил дождь. У открытого окна купе стоял Ленин и приветливо махал нам: Кларе Цеткин, Адельгейд Попп и мне.

Когда поезд остановился, Ленин подал из окна вещи, которые я принял. Я был несколько удивлен, увидев такой скромный багаж. Но позже выяснилось, что это был ручной багаж только Крупской. Багаж Ленина был сдан в Париже прямо до Вены. Клара Цеткин сердечно приветствовала Ленина и Крупскую и крепко пожала им руки. Я увидел, как внимателен был Ленин к своей жене, помогая ей выйти из вагона. Ленин и Цеткин еще раз тепло поприветствовали друг друга, а Клара Цеткин обняла Крупскую. Таким же сердечным было приветствие Адельгейд Попп. Я стоял позади, с багажом в обеих руках, готовый следовать за ними, как только они сойдут с перрона. Но Ленин, отделившись от группы, подошел ко мне и по-товарищески пожал руку, после того как я быстро поставил багаж на землю. Так же приветливо поздоровалась со мной его жена. Затем произошла небольшая заминка, так как Ленин хотел сам нести одну из вещей. Улыбаясь, он сказал: «Как млад-

ший друг Клары, Вы являетесь и моим другом, но ни в коей мере не носильщиком». Наняв извозчика, Ленин и Крупская вместе с Кларой Цеткин поехали на ее квартиру, где остались до половины следующего дня. Этот же извозчик несколько позже доставил Адельгейд Попп и меня с багажом на квартиру Клары Цеткин. Когда мы прибыли, Ленин поблагодарил за доставку багажа и, обратившись к Кларе Цеткин, спросил, лукаво улыбаясь, сколько с него причитается. На это Клара Цеткин ответила: «Попытайтесь его убедить, что статья в «Форвертсе» — наглая клевета, это и будет лучшей платой». Улыбаясь, Ленин ответил: «Я попытаюсь, но за столь короткое время будет трудно сделать это». Из его слов я заключил, что Клара Цеткин уже говорила с Лениным обо мне.

В оставшееся время до поздней ночи велись разговоры. Конечно, в них принимали участие в основном Ленин и Клара Цеткин. Для меня было очень полезно послушать то, о чем они говорили. Ведь обсуждались такие проблемы, как политическая оценка мировой ситуации с учетом гонки вооружения в капиталистических государствах, вопросы о положении в царской России, о партии нового типа и ее задачах, о борьбе против оппортунизма в социалистическом Интернационале, о Пражской конференции и переезде Ленина в Краков. Хотя многие вопросы были для меня совершенно новыми и я не всегда мог в них разобраться, все это в высшей степени интересовало меня. Если иногда мне задавали вопросы, я чувствовал, как краска приливала к моему лицу, прежде чем я мог робко ответить. Иногда мне казалось, будто между Лениным и Кларой Цеткин есть какие-то разногласия и что они не пришли к единому мнению.

Клара Цеткин реагировала в таких случаях громко и темпераментно. А я восхищался необыкновенным спокойствием и дружелюбием Ленина. Ленин говорил убедительно, его формулировки были точными, деловыми, подкрепленными практическими примерами из повседневной политической жизни, так что было несложно понять его аргументацию. Когда они говорили о международном положении, Ленин приводил много примеров углубления противоречий капитализма, а в связи с гонкой вооружения он делал вывод, что опасность войны намного серьезнее, чем это пытались представить оппортунисты из II Интернационала. При этом Ленин подробно говорил о зака-

балении угнетенных народов и об усилившейся эксплуатации рабочего класса.

Я обратил внимание на то, что, говоря об освобождении рабочего класса, Ленин имел в виду не только русский народ, а и все народы мира. Я задал вопрос, почему, являясь вождем русских рабочих, он не ограничивается проблемами революционной борьбы только в России. На это Ленин ответил просто и ясно, что научный социализм был создан Марксом для угнетенных всего мира, а не только для угнетенных одной нации. Мы, русские революционеры, сказал он, опираемся на учение Маркса, на пролетарский интернационализм. Борьба за освобождение угнетенных одной нации не может вестись оторванно от борьбы революционных партий других наций. Эту мысль я сразу же понял.

Хотя Ленин продолжительное время жил в эмиграции, он был очень хорошо осведомлен о положении дел в России. Я в связи с этим высказал свое удивление. Однако Ленин все же пожаловался, что из-за плохой связи знания его еще недостаточны. Этим и объясняется его переезд в Краков, ближе к русской границе, откуда можно будет оказать товарищам в России, где происходило в это время оживление классовой борьбы, более быструю и эффективную помощь, чем из Парижа. С гордостью он говорил о «Правде»¹, только несколько недель назад вышедшей в Петербурге, как о важнейшем оружии партии, радовался тому, что в Кракове у него будет больше возможностей сотрудничать с редакцией «Правды».

Много времени заняла дискуссия о VI Всероссийской конференции и в этой связи о напечатанной в газете «Форвертс» статье. Это меня особенно интересовало. Ленин сначала дал определение оппортунистам, о которых у меня было лишь слабое представление. Терпеливо, простыми словами, на основе примеров из партийной жизни Ленин доказал, что удаленные из партии люди отвергают, фальсифицируют и искажают марксистское учение и тем самым открыто или замаскированно отрицают революционную классовую борьбу.

Когда речь зашла о клеветнической статье, Ленин, как мне показалось, был рассержен не столько самой клеветой, сколько тем, что «Форвертс», будучи центральным органом Социал-де-

¹ Первый номер «Правды» вышел 22 апреля (5 мая) 1912 года. — *Ред.*

мократической партии Германии, предоставил на своих страницах место для опубликования анонимной статьи одного из русских оппортунистов — Троцкого. Особенно он подчеркнул слово «анонимной». Ленин правильно считал, что публикация статьи без подписи является доказательством того, что правление Социал-демократической партии Германии одобряет ее. Это подтверждалось еще и тем, что редакция «Форвертса» отказалась напечатать ответ Ленина. Бюро социалистического Интернационала также отклонило протест Ленина. Таким образом, Троцкий, правление Социал-демократической партии Германии и Бюро социалистического Интернационала объединились в единый фронт. Ленин, охарактеризовав этот единый фронт оппортунистов, выступивших против оформившейся на Пражской конференции марксистской партии нового типа, сказал в заключение: «Вперед, все на борьбу. Мы, русские марксисты, не боимся борьбы, и мы еще посмотрим, кто победит, а кто проиграет».

Во время этой дискуссии мне казалось, что Клара Цеткин не во всем была согласна с Лениным. Так, например, она сказала, что «нельзя ставить знак равенства между товарищами из правления и Бюро Интернационала и Троцким только лишь потому, что Троцкий смог напечатать статью в «Форвертсе»». В вопросе о необходимости публикации ответа Ленина на эту статью в форме брошюры на немецком языке и о ее распространении у Клары Цеткин также были серьезные сомнения. Мне казалось, что Ленин в конце концов согласился выпустить ее незначительным тиражом, в тысячу экземпляров, так как, видимо, нуждался в финансовой поддержке Клары Цеткин и поэтому пошел на компромисс, чтобы не погубить всего дела. По первому вопросу я был полностью согласен с мнением Ленина. Я оценивал одинаково поведение Троцкого и тех, кто сознательно или несознательно защищал его в клеветнической борьбе против Ленина. Что касается второго вопроса, то мне было трудно судить, имеются ли средства для издания 10 000 или только 600 экземпляров брошюры.

Во всяком случае, появление брошюры с ответом Ленина на клевету в «Форвертсе» привело бы Клару Цеткин в противоречие с взглядами правления социал-демократической партии. Об этом говорилось открыто. Клара Цеткин взяла всю ответственность за это на себя. Позже, во время работы чрезвычайного Международного конгресса социалистов в Базеле 24—

25 ноября 1912 года, я узнал от Клары Цеткин, что было напечатано 600 экземпляров этой брошюры под названием «Аноним из «Vorwärts'a» и положение дел в РСДРП», которые в основном были разосланы по библиотекам, институтам и т. д.

Мы разошлись поздно ночью, так как предстоявшая на следующий день поездка требовала нескольких часов отдыха. На окончании беседы настаивала Клара Цеткин. Ленин, как мне казалось, еще хотел продолжить дискуссию, и поэтому я втайне был сердит на Клару Цеткин.

Во время этой продолжительной беседы Крупская только изредка делала отдельные замечания. Было заметно, что она еще не совсем хорошо чувствует себя после болезни. Клара Цеткин приготовила ей на диване удобную постель. Крупская решительно отказалась уйти раньше, хотя Ленин неоднократно просил ее об этом.

Сам Ленин во время беседы был очень оживлен, говорил темпераментно, убедительно и произвел на меня огромное впечатление. Прежде всего обращали на себя внимание его скромность и деловитость. Мое опасение, что иностранные слова собьют меня с толку, было напрасным. Ленин владел искусством выражать свои мысли очень просто и доступно для понимания. Он все время ходил по комнате взад и вперед, заложив большой палец одной руки за борт жилетки и используя другую руку для подкрепления жестами своих мыслей. Прощаясь перед сном, Ленин спросил меня, стала ли мне более понятной статья в «Форвертсе». На это я уже мог дать утвердительный ответ, основанный на внутреннем убеждении.

На следующий день Ленин, Крупская и Адельгейд Попп выехали из Штутгарта в Вену. Прощание было очень сердечным, но печальным. Клара Цеткин желала Ленину больших успехов в его работе в Кракове. Пожимая на прощанье мне руку, Ленин сказал: «Пусть Ваша старшая подруга Клара будет Вам примером для подражания, она достойна того, чтобы ее почитали». Эти немногие слова навсегда остались в моей памяти и определили всю мою дальнейшую жизнь. Незадолго до своей смерти Клара Цеткин сказала мне: «К сожалению, он слишком рано ушел от нас».

Всемирно-исторические события развивались своим ходом. Надежда увидеть Ленина на чрезвычайном Международном конгрессе в Базеле 24—25 ноября 1912 года, на который Клара Цеткин прислала мне в Винтертур билет, не осуществилась.

После начала первой империалистической войны за участие в забастовке на заводе «Престо» в Хемнице я был арестован и продолжительное время сидел в тюрьме в Касберге, а затем в тюрьме Вальдхайм. Позже я был призван в 4-й саперный батальон города Ингольштадта и после непродолжительного обучения отправлен на Западный фронт. Через своего друга Георга Шумана я регулярно получал листовки, направленные против войны.

В 1916 году я был арестован и осужден дивизионным трибуналом к 12 годам заключения в крепости. Частично я отсидел их в Куленбахе, а остальное время — до революции 1918 года — в Пассау. Само собой понятно, что после моего освобождения, 30 декабря 1918 года, я сразу же активно включился в революционную борьбу германского рабочего класса. В первые дни января 1919 года я стал членом Коммунистической партии Германии и принял активное участие в создании партийной организации в Ингольштадте. Одновременно я был членом рабочего и солдатского совета в Ингольштадте.

По призыву наших мюнхенских товарищей мы в апреле поспешили в Мюнхен, чтобы принять участие в защите провозглашенной там Советской республики. 2 мая 1919 года, когда был сдан последний опорный пункт в Стахусе, я был арестован. Штадельгейм, а после вынесения приговора Нидершёнфельд были следующими городами, где я отсиживал свой срок. В конце 1919 года я был освобожден после амнистии и выслан из Баварии.

Товарищ Фриц Геккерт направил меня в Хемниц, где я и начал свою партийную работу в окружном правлении КПП Эрцгебирге — Фогтланд.

Вскоре мне удалось восстановить связь с Георгом Шуманом и Кларой Цеткин. Так началась наша совместная революционная работа.

С первого дня моего освобождения из тюрьмы на рубеже 1918—1919 годов я изучал материалы об Октябрьской революции в России, которая под руководством Ленина привела рабочий класс к победе. Мне хотелось принять участие в борьбе против интервентов, напавших на молодую Советскую республику, хотелось снова увидеть Ленина.

В 1922 году, во время проходившего с 5 ноября по 5 декабря в Москве IV конгресса Коммунистического Интернационала, я снова увидел Ленина. В это время он был серьезно

болен и принимал участие только в некоторых заседаниях конгресса.

Тем, что я получил возможность встретиться с Лениным и разговаривать с ним, я опять был обязан Кларе Цеткин. В один из ноябрьских дней мы посетили его в теплом и уютно обставленном кабинете в Кремле. Клара Цеткин намеревалась пробыть здесь не более часа, в действительности же мы — Клара Цеткин, Фриц Геккерт и я — пробыли у Ленина три с половиной часа.

Все попытки Клары закончить беседу раньше, учитывая состояние здоровья Ленина, встречали с его стороны возражения. Даже замечание Геккерта о том, что мы не хотели бы пропустить заседание конгресса, ни к чему не привело.

Ленин интересовался всем, даже моими переживаниями и всем, что произошло со мной с 1912 года. Спокойно, откинувшись назад в кресле, набросив на ноги шерстяной плед, он внимательно слушал, задавал вопросы, и часто по его лицу пробегала улыбка. Мое намерение излагать все как можно короче потерпело неудачу, потому что Ленин хотел, чтобы его проинформировали более подробно и конкретно. В заключение, обращаясь к Кларе Цеткин, Ленин сказал: «Ваш посев дал всходы». И ко мне: «Я желаю Вам успехов в Вашей дальнейшей революционной деятельности».

Однако на этом беседа не закончилась. В партии Ленина на обсуждении стояла одна из самых основных проблем, а именно: национальный вопрос. Об этой проблеме Ленин говорил подробно и познакомил нас с борьбой за объединение советских республик в едином союзном государстве.

Тогда этот вопрос обсуждался во всех республиках, и к декабрю готовился съезд для его решения. Ленин намеревался написать статью, в которой он хотел в форме тезисов изложить проблему национальной политики.

Клара Цеткин и Фриц Геккерт, учитывая усталость Ленина, настаивали на прекращении разговора, но Ленин заговорил еще и о последнем заседании конгресса Коммунистического Интернационала, на котором я, выступая в прениях, говорил о наличии двух уклонистских тенденций в германской партии. Ленин хотел знать причины того, почему при этом особенно подвергалась критике Рут Фишер, левый уклон которой в вопросе о профсоюзах я пытался показать. По этому же вопросу был спор и с товарищем Геккертом. В заключение Ленин ска-

зал: «С кем не случается ошибок при многообразии практической работы? Важно их своевременно заметить, устранить и не повторять».

Клара Цеткин попыталась извиниться, так как эта беседа с Лениным отняла у него много ценного времени. Но он ответил ей: «Мы не напрасно потратили время, эта беседа всем нам принесла пользу». Затем мы попрощались с Лениным и поспешили на конгресс.

*«Незабываемый Ленин» Воспоминания
немецких товарищей (Перевод с немец-
кого). М., Госполитиздат, 1958,
стр. 25—36.*

КУРТ РЕМЕР

ШТАБ-КВАРТИРА НА ЭЛИЗЕНШТРАССЕ

Если бы в Лейпциге, на Элизенштрассе, 45, во время второй мировой войны в результате англо-американской бомбардировки не был разрушен этот жилой дом, то его отличала бы от других мемориальная доска, на которой можно было бы прочесть: «Здесь в феврале 1914 года жил Ленин — основатель первого в мире социалистического государства».

Перед первой мировой войной мы сняли в этом доме трехкомнатную квартиру. Сдавая одну из комнат и готовя обед для квартирантов, мы добавляли немного денег к моей заработной плате переплетчика. Когда имелась свободная комната, мы вывешивали на двери дома, как это раньше было принято в Лейпциге, желтую табличку с надписью: «Сдается комната».

В 1912 году к нам пришел один русский и снял комнату. Тогда в Лейпциге жило много русских. Мы знали, что это студенты, а также эмигранты, большинство из которых были на многие годы высланы из России. Но мы не знали, что наш квартирант — Василий Загорский¹ был руководителем группы большевиков в Лейпциге и что наша квартира стала своего рода штаб-квартирой большевистской группы. Об этом мы узнали лишь много лет спустя.

Загорский часто приводил с собой друзей, которые иногда оставались на ночь. Обедать приходили исключительно русские. Иногда вся квартира была полна. К нам постоянно кто-нибудь

¹ Вероятно, имеется в виду Владимир Михайлович Загорский (Лубоцкий). Выполняя задания большевистского центра, он в то время находился в Германии. После Октябрьской революции В. М. Загорский был в 1918 году советником посольства РСФСР в Берлине, затем секретарем Московского комитета партии. Погиб 25 сентября 1919 года, во время взрыва, устроенного контрреволюционной бандой в Москве, в Леонтьевском переулке. — *Ред.*

приходил или уходил, и часто это затягивалось до поздней ночи.

Однажды Загорский, чувствовавший себя у нас как дома и ставший, так сказать, членом нашей семьи, пришел на кухню к моей жене и сказал ей: «Как вы думаете, кто будет здесь у вас жить? Это будет очень высокий гость». А затем он привел с собой товарища Ленина. Это было в начале февраля 1914 года.

Когда я вернулся с работы домой, Загорский представил меня товарищу Ленину. Мы тогда не имели ни малейшего представления о Ленине, и Загорский старался нам разъяснить, кем был этот человек для русского народа. Ленин носил острую бородку, его лицо было скорее худощавым, а скулы выступали вперед. Выглядел он болезненным, и по нему было видно, что очень много он испытал в жизни. Но во время разговора его глаза загорались, и чувствовалось, что он обладает большим красноречием. Одет Ленин был скромно. На нем были, насколько я помню, темный костюм и темный галстук.

Товарищ Загорский уступил ему свою комнату и спал, пока Ленин жил у нас, на диване. Мебель, которая стояла тогда в этой комнате и которой Ленин пользовался, находится теперь в Музее Ленина на улице Роза Люксембургштрассе, 19/21.

Ленин прожил у нас несколько дней. Обедал он вместе со своими соотечественниками, вечером ужинал у Загорского, который имел самовар и всегда сам готовил себе ужин. Ленин был очень скромен и никогда не предъявлял каких-либо претензий. Очевидно, он любил детей, так как всякий раз, увидев нашего малыша, которому было тогда три года, ласково дотрагивался до его ручонка.

Ленин никогда не выходил один, разве только к парикмахеру, на противоположную сторону улицы. Работал он обычно без пиджака, в одном жилете, писал или что-то читал. Иногда Загорский не ходил на работу, а оставался с Лениным в комнате, где они беседовали. Вечером Ленин выходил на улицу, но всегда в сопровождении Загорского.

Однажды Ленин сказал мне, что хочет послать кое-что в Россию, но это очень трудно сделать из-за цензуры. Он спросил, не могу ли я помочь ему в этом, используя свою профессию переплетчика. Я ответил, что, вероятно, смогу, и мы договорились, что я изготовлю два альбома — детские книжки с изображением зверей, игр и т. д. с листами из толстого

картона. Я приготовил книги и оставил полую обложку одной из них. Туда были вложены письма и экземпляры нелегальной газеты, отпечатанные на очень тонкой бумаге. Позже мы узнали от тов. Загорского, что эти книги благополучно дошли в Россию по нужному адресу.

Когда товарищ Ленин уезжал и прощался с нами, мы долго беседовали о том, что может начаться война. При этом он высказал совершенно новые для меня мысли, которых я никогда не слышал от наших социал-демократических вождей. Ленин был очень озабочен, и я вспоминаю его слова о том, что, если война разразится, задача русских социал-демократов будет состоять в том, чтобы свергнуть царизм.

*«Воспоминания о Владимире Ильиче
Ленине», ч 3 М, Госполитиздат, 1960,
стр 126—127 (большой формат).*

МАРА КИНКЕЛЬ

МОИ ВОСПОМИНАНИЯ О ЛЕНИНЕ

ВСТРЕЧА

Я встретила Владимира Ильича Ленина в Берне в августе 1914 года, в начале первой мировой войны¹. Он прибыл туда из Австрии, где власти отказали ему в дальнейшем пребывании, боясь его революционного влияния. Вполне естественно, что Ленин не был желанным гостем в монархических странах...

Появление Ленина где бы то ни было привлекало массу русских эмигрантов. Они шли, чтобы лично видеть и слышать его.

Однажды я пришла на обед к своим знакомым — Леонтьевым, у которых часто бывал В. И. Ленин.

— Знаете ли, кого вы будете иметь счастье видеть на сегодняшнем обеде? — сказала мне хозяйка дома. — Ленина, самого Ленина!

— Ленина?! Я впервые услышала это имя.

— Неужели вы не слышали о Ленине, основателе большевистской партии, виднейшем русском революционере? — сказала она, когда увидела мое недоумение.

Я поспешила похвастаться своей осведомленностью в русских вопросах. Да разве не были известны в Болгарии имена Бурцева, Савинкова и их активное участие в заговоре против правительства. Мы, молодое поколение интеллигенции, восхищались их делами, сравнивали их по самоотверженности и патриотизму с героями нашего народа, боровшимися против турецкого феодального рабства. Возмущались же подлостью прокуратора Азефа.

— Знаю! Читала о Бурцеве, о Савинкове...

¹ В. И. Ленин приехал в Берн 23 августа (5 сентября) 1914 года. — *Ред.*

Александр Николаевич Леонтьев был явно недоволен моей неосведомленностью.

— Это детективные террористы, — сказал он. — Бурцев был детектив, а Савинков — один из крупнейших террористов. Он верил, что индивидуальные убийства могут вызвать переворот в управлении государством. Ленин, — добавил он с отеческой нежностью, — совсем другое, нечто большое, светлое и... человечное. Он настоящий революционер, противник индивидуального террора. Он первый осудил террор, как бессмысленный способ борьбы. Подумайте: какая польза делу освобождения, если будет убит какой-либо князь или государственный деятель, все равно система управления останется прежней. А ее могут сменить и обновить только новые люди — борцы, как Ленин, с трезвым взглядом на настоящее, с ясным предвидением позиций будущего. Ленин считает, что только вооруженное восстание масс принесет освобождение России, рабочему классу.

Какая простая и в то же время гениальная мысль!

— Вы еще очень молоды, но запомните: если в один прекрасный день услышите, что в России вспыхнула революция, то это — дело Ленина, именно Ленина...

На обеде присутствовало 9 человек. Шел оживленный разговор. Поддерживала его главным образом словоохотливая Ида Аксельрод, племянница П. Б. Аксельрода. Александр Леонтьев задавал вопросы. Справа от него сидела просто одетая женщина. Она слушала разговор внимательно, улыбаясь, и время от времени возражала. Это была Надежда Константиновна Крупская. Напротив нее, немного дальше от меня сидел Владимир Ильич, ел он медленно, сосредоточенно, как будто отсутствовал за столом. Я смотрела на него так бесцеремонно, как вообще смотрит молодежь на великих людей. Такого небольшого роста и такой большой лоб!

Его узкие продолговатые глаза время от времени обращались к говорящим. Сам он не говорил ничего.

«Сидит и думает о революции, — представляла я. — Какие планы скрываются за этим замечательным лбом!»

Незаметно разговор перешел к вопросу о прибавочной стоимости. Ленин заметно оживился. Начался спор.

— А вы как мыслите по этому вопросу, болгарка Мара? — ласково спросил меня Александр Николаевич.

Я сказала, как разрешается вопрос, так как я прослушала курс политической экономии в университете. Вдруг Ленин повернулся ко мне, посмотрел на меня внимательно и одобрил:

— Правильно!

Взоры всех обратились ко мне.

— Вам сколько лет? — спросил меня Ленин.

— 23 года...

— Наилучший возраст!..

— А кто читает в Женеве политическую экономию?

— Профессор Мило.

— Кто он по убеждениям?

— Социал-демократ.

— Хорошо преподает, — как будто про себя сказал Ленин.

Ленин и Крупская вышли из-за стола первыми. Это дало возможность после долго говорить о Ленине.

— Запомните, — еще раз сказал мне Александр Николаевич Леонтьев, — Ленин — новатор. Он считает, что эволюционный путь не поможет. По его мнению, освобождение пролетариата придет только через социалистическую революцию.

СИЛА ЛЕНИНСКОГО СЛОВА

После вечеров, на которых Ленин произносил свои инструктивные доклады, у Леонтьевых всегда собирались их друзья, которые горячо обсуждали ленинские мысли, а иногда и спорили. Каким гениальным учителем был Ленин, если он своим словом приводил в движение человеческие умы! Чувствовалось, что слушатели были признательны ему не только за ясную мысль, но и за его умение внимательно выслушивать и тех, с которыми он и не был согласен. Говорили, что он всегда находил прямой ответ. С одним он не мог примириться — это с беспринципностью. Он упрекал оппортунистов за безволие и легкомыслие, за неправильную оценку положения при господствующих режимах.

— Примиренчество — это результат отсутствия веры в себя и твердой почвы под ногами, — говорил Ленин. — Если мы встанем на старые позиции ожидания, значит — не сделаем ни шага вперед, а будем ждать, когда идеология Маркса и Энгельса сама по себе претворится в жизнь. Это означало бы признать, что развитие прекратится без пользы для жизни, т. е. для трудящегося народа. В этом случае мы придем к старой песне —

утопии. Творцы ли мы или безыдейные люди? Увлечет ли нас стихия? Или уничтожит она нас, если мы не направим ее по правильному пути. Верьте мне, товарищи, само по себе ничего не произойдет... На нас возлагается ответственность правильно использовать принцип закономерности. Все великое должно быть завоевано и защищено. Наши иллюзии держат нас в детской стадии. Это только приближало бы нас к террористам, которые считают, что царизм испугается их актов и капитулирует: «Возьмите, господа, власть, мы ее не хотим больше, только оставьте нас в покое и дайте нам жить, как мы жили до сего времени».

Ленин любил оживлять аудиторию подобными шутками.

— Да, жизнь требует от нас творчества. Мы построим государственное здание на остатках прошлого, а не будем ремонтировать его.

НА ПУТИ В РОССИЮ

Тремя годами позднее революция в России победила.

Революционные эмигранты вернулись из Швейцарии в Советскую Россию, даже те из них, которые не соглашались с Лениным. Их убедило ленинское дело.

...Июль 1917 года. Возвращались на свою родину русские эмигранты. Вместе с ними выехала и я. Путь в Россию тогда был открыт только через Стокгольм. Нашей группой руководил известный революционер доктор Семашко. Позднее Семашко стал народным комиссаром здравоохранения Советского Союза...

Мы прибыли в Стокгольм. Но так как Керенский решил выдавать пропуска «через час по чайной ложке», то наша болгарская группа вынуждена была ожидать там целых два месяца. Только в сентябре мы прибыли в Петроград.

РЕВОЛЮЦИЯ

Великая ночь 25 октября. Царская Россия стала Советской Россией.

Эта весть прокатилась по всему свету.

26 октября город стал неузнаваем, получил новый облик. По улицам двигались рабочие, крестьяне, солдаты. Престольный город, символ царизма, стал в течение нескольких часов

столицей народа. Особенное впечатление производили женщины: они с радостным настроением шли вместе с мужчинами, пели «Интернационал». Чувствовалась сила проявленной народом воли.

Великий Ленин руководил революцией.

*«Воспоминания болгарских товарищей
о Ленине» (Перевод с болгарского).
М., Госполитиздат, 1958, стр. 66—70.*

ВАСИЛЬ КОЛАРОВ

НА ЦИММЕРВАЛЬДСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

Впервые я познакомился с товарищем Лениным в сентябре 1915 года, на Циммервальдской конференции¹. Партия болгарских «тесняков», к которой я принадлежал, была левой, марксистской партией. Еще во время Балканских войн 1912—1913 годов она вела борьбу против войны. Когда вспыхнула мировая империалистическая война (1914 год), наша партия встала на интернационалистские позиции и, правда, не совсем определенно и не так решительно, но все же шла против течения.

Убедившись в полном банкротстве II Интернационала, партия «тесняков» выступила инициатором созыва летом 1915 года II Балканской социалистической конференции и пыталась установить связь с революционными группами и элементами Западной Европы для сплочения сил интернационалистов.

Поэтому «тесняцкая» партия с величайшей радостью встретила письмо товарища Ленина, адресованное вождю болгарских «тесняков» товарищу Благоеву и приглашавшее партию послать делегата на I международную конференцию интернационалистов в Берне (Швейцария). Центральный Комитет делегировал меня на эту конференцию.

В Берне, в Народном доме, собрались делегаты из разных стран. Нам подали автобусы и повезли в какую-то деревушку, состоящую из нескольких ферм и одной гостиницы для туристов. Это и был знаменитый Циммервальд. Устроились мы в этой маленькой гостинице все вместе, в качестве туристов, чтобы никто не догадался о том, кто мы и каковы истинные цели нашего приезда.

¹ Международная социалистическая конференция в Циммервальде (Швейцария) состоялась 23—26 августа (5—8 сентября) 1915 года. — *Ред.*

По дороге в Циммервальд в наших автобусах русских делегатов не оказалось. Ленина также не было. И только когда мы уже добрались до Циммервальда, на одной из дорожек увидели Ленина. Он имел вид швейцарского туриста-альпиниста. За спиной у него был рюкзак. Меня представили ему как делегата болгарских «тесняков».

На конференции в общей дискуссии по единственному стоявшему в порядке дня конференции вопросу мне пришлось докладывать, кажется, первому.

Я изложил попытки Плеханова и Парвуса перетянуть нас к себе, на сторону социал-патриотов, и рассказал о том, как наша партия их разоблачила. Рассказал о борьбе нашей партии против войны и об опыте ее работы во время Балканской войны. Между прочим, я довольно подробно осветил историю солдатских бунтов во время Балканской войны. Когда я говорил, то заметил, что Ленин слушал с огромным интересом.

Впоследствии, когда был опубликован ленинский архив, в заметках Ленина периода Циммервальдской конференции я нашел ссылку на «доклад болгарина»¹. Он так меня называл, ибо я был тогда единственным делегатом из Болгарии. Ленин собирался написать статью, и в плане этой статьи вторым пунктом было намечено: о солдатских бунтах во время Балканской войны.

Насколько заинтересовала Ленина эта часть моего доклада, видно из того, что, сидя рядом со мной, он передал мне записку, в которой спрашивал: «Как вы думаете, можно ли работать в армии, в окопах?»

Циммервальдская конференция, как известно, длилась четыре-пять дней. Закончилась она — и Ленин с рюкзаком за спиной и с альпинистской палкой в руках снова двинулся в путь.

По другой дороге мы вернулись в Берн для того, чтобы немедленно разъехаться по нашим странам и привезти решения Первой международной конференции. Мне удалось провезти через несколько границ важнейшие ленинские документы, определившие дальнейшее развитие нашей партии под влиянием Ленина в сторону большевизма.

После Циммервальда я встретился с Лениным в феврале 1916 года на заседании международной социалистической ко-

¹ См. Ленинский сборник XIV, стр. 186, 188. — *Ред*

миссии, где я участвовал как делегат от нашей партии¹. Ленин горячо отстаивал свою точку зрения против меньшевиков. На этом заседании Мартов пытался изобразить русских меньшевиков как интернационалистов. Тогда Ленин, поднявшись за столом, наклонившись вперед, как это было ему свойственно, размахивая руками, с глубокой яростью крикнул Мартову: «Вы на международной арене выступаете интернационалистом, однако ваши товарищи в России являются отчаяннейшими социал-патриотами. Вы ведете двойственную политику. Вы только пускаете пыль в глаза рабочим!»

В этих словах сказался весь Ильич, весь его страстный, революционный темперамент непримиримого борца за дело коммунизма, величайшего и любимейшего вождя угнетенных всего мира.

«Воспоминания болгарских товарищей о Ленине» (Перевод с болгарского). М., Госполитиздат, 1958, стр. 19—22.

В. И. ЛЕНИН НА III КОНГРЕССЕ КОММУНИСТИЧЕСКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА

Несмотря на то что В. И. Ленин был всецело поглощен государственными делами, великий вождь мировой революции внимательно следил за тем, что происходило в Интернационале. Он нашел однажды время заглянуть и в зал заседаний Исполкома. И этого оказалось достаточно, чтобы внести ясность в дискуссию, чтобы разбить в пух и прах намерения «левых». Это случилось 17 июня 1921 года. Тогда как раз говорил Бела Кун. Конечно, это не было случайным совпадением. Кун был самым откровенным сторонником «теории наступления», и Ленин решил послушать именно его.

Кун сравнивал с землей Французскую коммунистическую партию. Выяснилось, что «революционная ярость» Бела Куна была вызвана статьей в «Юманите» под заголовком «Хладнокровие

¹ В. И. Ленин принимал участие в работах расширенного совещания Интернациональной социалистической комиссии в Берне 23—26 января (5—8 февраля) 1916 года. — *Ред.*

и дисциплина»¹. Статья была написана по поводу отправки войск для оккупации Рейнской области. В этой статье Французская коммунистическая партия протестовала против отправки войск и ввиду серьезности момента рекомендовала «хладнокровие и дисциплину», а Кун считал такое поведение «оппортунистическим» и требовал от французской партии «революционных действий».

Именно в этот момент в зал вошел Ленин и услышал, как Кун требовал от французов во что бы то ни стало «действовать революционно». Он услышал, как Кун издевался над «хладнокровием и дисциплиной», о которых писал орган Французской коммунистической партии.

Неожиданное появление Ленина присутствующие делегаты встретили бурными аплодисментами. Большая часть делегатов видела его впервые. В зале наступило оживление. Лица прояснились. Делегаты расступились и дали дорогу Ленину.

Присутствующие заметили, что появление Ленина смутило Куна, он потерял самоуверенность, смешался и скоро закончил свою речь. Сейчас же слово предоставили Ленину.

Ленин произнес недлинную, но ярко полемическую речь, в которой по-товарищески разделался с «левыми» и в первую очередь с Бела Куном.

— Я пришел сюда, — начал Ленин свою речь, — чтобы выступить против взглядов Куна, потому что определенно знаю, что, как только Кун откроет рот, он непременно будет защищать «левых». Кун думает, что коммунизм — это защита «левых», что существуют только оппортунистические ошибки. Нет, существуют и «левые» ошибки. Если Коммунистический Интернационал послушается советов Куна и его друзей по французскому вопросу, то коммунистическое движение во Франции может быть на долгие годы просто уничтожено. Французскую партию следует критиковать, но критика должна касаться определенных неверных, оппортунистических действий партии; не следует, однако, нападать на партию без разбору, раскалывать ее, не следует предлагать другие — «левые» глупости в противовес оппортунистическим действиям.

Наблюдая великолепную работу коммунистической партии, видя созданные ею ячейки и фракции в профсоюзах и других организациях, я говорю: «Победа революции во Франции обес-

¹ «Sang-froid et discipline». «L'Humanité», 5. V. 1921.

печена, если «левые» не наделают глупостей». Когда же такие, как Кун, говорят, что «хладнокровие и дисциплина» не нужны, то это глупость со стороны «левых».

Может быть, поведение Французской коммунистической партии во время оккупации Рейнской области не вполне коммунистическое — я готов поверить этому. Однако укорять партию за то, что она призывала к «хладнокровию и дисциплине», а не призывала солдат к «революционным действиям», что она не саботировала оккупации Люксембурга и т. д., — такая глупость может сегодня погубить коммунистическое движение во Франции.

Когда массы все больше приближаются к нам, необходимо прежде всего завоевать профессиональные союзы. В большей части профессиональных союзов проводится великолепная подготовительная работа. Если мы завоюем профсоюзы, то это будет нашей величайшей победой. И только после этого мы начнем революцию, не с помощью армии девятнадцатилетних и другими подобными глупостями, специалистом по которым является Бела Кун, а путем борьбы против оппортунизма и «левых» глупостей.

Блестящую и страстную речь Ленина, которую все в переполненном зале выслушали, зажав дыхание, встретили бурными аплодисментами и возгласами: «Да здравствует Ленин — вождь мировой революции!»

Речь Ленина внесла полную ясность в головы делегатов. Они почувствовали, что говорит великий вождь мировой революции, твердо уверенный в ее победе и крепко держащий в своих руках руль Коммунистического Интернационала. «Левачкине» тезисы были взяты обратно, а вместо них выработаны другие, в ленинском духе, и внесены в виде проекта на конгресс.

22 июня 1921 года в 7 часов вечера в огромном зрительном зале Большого театра открылся III конгресс Коминтерна.

Первое появление Ленина в зале Кремлевского дворца, где позднее заседал конгресс, было незабываемым событием. Я сидел в президиуме и мог наблюдать впечатление, произведенное им на массы делегатов, прибывших со всех концов света не только, чтобы принять участие в работе конгресса, но и чтобы увидеть своими собственными глазами эту чудесную страну, где пролетарская революция в жестокой и бесстрашной борьбе победила объединенные силы внутренней контрреволюции и



В. И. Ленин во время заседания III конгресса Коминтерна,
сидя на ступеньках трибуны президиума,
записывает выступления ораторов,
июнь 1921 года

империалистической интервенции и теперь, хотя и изолирована от капиталистического мира, в неслыханно трудных условиях делает первые шаги к построению социалистического общества, видеть великих революционных вождей, видеть и услышать самого Ленина, воплощающего гений, силу и величие русского пролетариата и мировой революции.

Ленин вошел в зал заседаний через главные двери и, словно желая остаться незамеченным, быстрыми, мелкими шагами, глядя прямо перед собой, направился к президиуму. Но как мог он остаться незамеченным! Все делегаты с нетерпением ожидали его прибытия на конгресс. Они вскочили со своих мест, как будто пронизанные электрическим током. Многие встали на стулья. По всему залу забушевала долго не стихавшая буря аплодисментов и восторженных возгласов, перешедших постепенно в не совсем стройное, но мощное и величественное пение «Интернационала» одновременно на многих языках мира!

Улыбаясь, Ленин поздоровался с товарищами из президиума, а также пожал руки итальянским социалистам Лаццари¹, Маффи² и другим, приехавшим защищаться и требовать, чтобы их партия была оставлена в Коминтерне. Он слушал с большим вниманием дискуссию по итальянскому вопросу. Во время перерыва он присел на одну из ступенек за трибуной и, склонившись над листком бумаги, сосредоточенно готовил свою речь. Один вездесущий фотограф незаметно подстерег его в уединении и в замечательном снимке увековечил для грядущих поколений.

В большинстве секций Коминтерна, сложившихся в обстановке массового возмущения рабочих после войны и в борьбе против предательства социал-патриотов, существовало упрощенное представление о революционном процессе. Коммунисты

¹ *Лаццари, Константино* (1857—1927) — видный деятель итальянского социалистического движения; в 1912—1919 годах — секретарь социалистической партии. Во время первой мировой войны был центристом, затем принадлежал к группе сторонников Коминтерна, присутствовал на III конгрессе Коминтерна. — *Ред.*

² *Маффи, Фабрицио* (1868—1955) — член делегации Итальянской социалистической партии на III конгрессе Коминтерна. По возвращении в Италию организовал в социалистической партии фракцию «Третий Интернационал», вместе с которой в 1924 году перешел в Коммунистическую партию Италии и был избран членом ее Центрального Комитета. — *Ред.*

шли в бой без серьезной подготовки и не всегда сообразуясь с конкретными условиями борьбы; они часто поддавались провокациям буржуазии и маневрам социал-демократических вождей. Под страхом тягчайших поражений нужно было изменить это положение.

И Ленин уверенно повернул руль.

В своем докладе 5 июля 1921 года он сказал рвавшимся в бой коммунистическим партиям, «что революционное движение, правда, подвинулось вперед, но что развитие международной революции в этом году не пошло так прямолинейно, как мы этого ожидали». «...Сейчас необходима основательная подготовка революции и глубокое изучение конкретного ее развития в передовых капиталистических странах»¹.

Ленин подчеркивал главным образом и в первую очередь необходимость *подготовительной работы коммунистических партий, рассчитывал на мудрость коммунистов*. «Если делегаты спросят меня, каковы перспективы революции, что должен я им ответить?» — спросил он в тесном кругу президиума конгресса. И сам себе ответил, немного прищурив глаза: «Я им отвечу: если коммунисты ведут себя умно, перспективы хорошие, если же делают глупости, перспективы плохие».

Ход событий последующих лет полностью подтвердил ленинский прогноз. Недостаточная подготовка коммунистических партий была причиной серьезных поражений.

В чем же Ленин видел главное условие победы революции?

Главное условие — *завоевание большинства пролетариата*. Поставив в центре внимания коммунистических партий работу по завоеванию большинства рабочего класса и всех трудящихся, указав в первую очередь на работу коммунистов в профессиональных союзах, подчеркнув необходимость удвоить усилия для отрыва рабочих от влияния социал-демократии, превратившейся в опору международной буржуазии, Ленин решительно разделался со всеми «левацкими глупостями» куновцев, гемпелевцев² и др., а также подверг уничтожающей критике «левацкие» поправки германской, австрийской, итальянской делегаций к русскому проекту тезисов о тактике.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 32, стр. 455, 457. Курсив В. Коларова. — Ред.

² Имеются в виду ошибки Коммунистической рабочей партии Германии, представителем которой на III конгрессе являлся Гемпель. — Ред.

Эти поправки представляли последнюю организованную попытку «левых» провести свою точку зрения.

Наконец, в ответ на «левацкие» попытки повернуть Коминтерн назад, к пройденному уже этапу расправы с центристами в качестве главной задачи, Ленин дал ясную и точную характеристику этапов развития Коминтерна и сделал ударение на борьбе против «левой» опасности, серьезно мешавшей выполнению *новых* задач коммунистических партий.

Речи Ленина рассеяли весь туман пустых фраз, пущенный «левыми», уничтожили все сомнения и колебания делегатов и сплотили весь конгресс вокруг Ленина, на почве линии Ленина. Стратегия «левых» потерпела крах. Через все единодушно принятые тезисы о тактике, об организации, как и другие решения конгресса, красной нитью проходят ленинские установки: *борьба коммунистов за массы, за завоевание большинства рабочего класса и трудящихся как первое и главное условие победы революции.*

* *
*

Заседая вместе с В. И. Лениным в комиссии, рассматривавшей тезисы о тактике, мне удалось видеть, с какой серьезностью, глубиной и знанием конкретных условий он рассматривал тактические проблемы. Он не признавал никаких догм и был врагом пустых фраз. Он вслушивался в каждое обоснованное мнение и принимал каждое разумное предложение. Он согласился и с одним моим предложением о революционном характере¹.

Тезисы об *организации* коммунистических партий были безукоризненны. Они предусматривали создание образцовых коммунистических партий. Я не имею никаких возражений против них, сказал Ленин, но беда в том, что они неприменимы для коммунистических партий в капиталистических странах, которым необходима простая и легко осуществимая организация. Он был против всякого рода схематизма в организационных вопросах и настаивал на том, чтобы исходить исключительно

¹ Очевидно, речь идет о «чисто революционном характере коммунистической партии» (см. «Коммунистический Интернационал в документах. Решения, тезисы и воззвания конгрессов Коминтерна и пленумов ИККИ. 1919—1932». Под ред. Б. Куна. М., 1933, стр. 187). — Ред.

из действительных нужд партии и учитывать то, что они в состоянии осуществить.

Тезисы были переработаны согласно указаниям Ленина.

Все решения конгресса были приняты с полным единодушием, и он закончил свою работу с большим энтузиазмом. Центром дебатов на нем были тактические вопросы. И это понятно; ведь конгресс был созван в переходный период, когда темп мировой революции замедлялся и трудности на ее пути возрастали. Условия в капиталистических странах обязывали коммунистические партии к большей осмотрительности и осторожности и к самой серьезной подготовке классовых битв. Главный лозунг, выдвинутый на III конгрессе, гласил: «В массы! На работу за завоевание масс!»

*Журнал «Вопросы истории КПСС» № 2,
1960 г., стр. 189—191,*

ВИЛЛИ МЮНЦЕНБЕРГ

ЛЕНИН И МЫ¹

Первая победоносная пролетарская революция и создание плана организации первого в мире социалистического хозяйства неизгладимыми буквами вписали в историю имя Ленина. На всем земном шаре нет другого такого популярного имени; Ленин живет в сердцах миллионов рабочих и угнетенных всех стран.

Швейцарская молодежь была мало знакома с историей русского рабочего движения и фракционной борьбы внутри РСДРП. До войны мы только слышали упоминание имени Ленина в связи с международными конгрессами в Копенгагене и Базеле². В первый раз мы более или менее вплотную ознакомились со взглядами Ленина и его политической программой только осенью 1915 года, когда вышел в Цюрихе немецкий перевод его книги³. Это была первая книга, ясно и остро, с подлинно марксистской точки зрения освещавшая сущность мировой войны и сделавшая очевидным для всех рабочих тот факт, что в социалистическом рабочем движении назрел кризис. Книга Ленина была для нас откровением и показала нам недостаточность и ошибки пацифистской и социал-религиозной идеологии, являвшейся, как нам казалось до этого, пригодным оружием для борьбы против войны.

Прочитав книгу Ленина, мы поняли, что единственное средство против войны — непримиримая классовая борьба, революция.

¹ Фрагменты из книги. — *Ред.*

² В Копенгагенском конгрессе II Интернационала, состоявшемся в августе 1910 года, В. И. Ленин принимал участие, в конгрессе же II Интернационала, проходившем в Базеле в 1912 году, Ленин лично не участвовал. — *Ред.*

³ Речь идет, очевидно, о брошюре «Социализм и война» (см. В. И. Ленин, Соч., т. 21, стр. 267—307). — *Ред.*

Мы, конечно, не превратились сразу все из идеалистических социалистических мечтателей в теоретически выдержанных большевиков-революционеров. Но мы учились, наше внимание благодаря Ленину было направлено на самое главное, и мы стали критически относиться к нашим прежним статьям и речам. Нам понадобился не один месяц для того, чтобы понять и правильно усвоить выдвинутую Лениным программу.

На Бернской конференции Социалистического Интернационала Молодежи (1915 г.)¹ нас еще пугала большевистская резолюция: «Против всякой империалистической войны! За революционную пропаганду в армии! За вооружение рабочих!». Политически мы были за эти требования, но из «тактических соображений» не присоединились к ней. В дни, когда весь мир был вооружен до зубов, мы считали безумием требовать еще больше оружия. Нам казалось, что наше требование «разоружения» скорее сможет поднять уставших от войны солдат и массы.

Ленин правильно понял, что наша позиция была результатом недостаточной теоретической подготовки и отсутствия политического опыта. Поэтому он не отозвал с Бернской конференции представителей партии, а обещал новоорганизованному Интернационалу Молодежи полную поддержку партии большевиков и старался путем длительных дискуссий и личных бесед с нами избавить нас от политических ошибок и заблуждений.

Под влиянием ленинских идей мы зимой 1914/15 года порвали со всеми пацифистскими и центристскими группами и в теснейшем контакте с левыми в партии старались развернуть выступления масс и организовать массовую работу.

Все быстрее совершавшийся после Бернской конференции отход молодежи от центристов не мог остаться незамеченным. Чем крепче становилась наша связь с Лениным, тем настойчивее центристские лидеры «предостерегали» нас от этого «сектанта и доктринера», «безнадежно помешавшегося на своих азиатских идеях». Каждый раз, когда мы встречались с центристскими лидерами, они твердили нам: «Всякое влияние

¹ Международная социалистическая конференция молодежи об отношении к войне состоялась в Берне 4—6 апреля (н. ст.) 1915 года. Представитель большевиков на этой конференции внес резолюцию, подготовленную по указанию В. И. Ленина. Резолюция призывала молодежь к борьбе против шовинизма и империализма. — *Ред.*

Ленина на юношеское движение приведет его к развалу и гибели».

Однако ничто не могло помешать нашему политическому сближению с группой Ленина. Наконец-то, после многолетних исканий, мы нашли тех людей, которые могли нам указать правильный путь к плодотворной революционной работе.

Задолго до войны, в ее начале и во время войны мы всегда, не колеблясь, были против нее. Мы с негодованием относились к предательству социал-демократических лидеров в начале войны. Мы были юными революционерами, знавшими только одну цель — совершить революцию и изменить мир. Но в своем пламенном стремлении осуществить это мы иногда хватались за негодные средства и сбивались с пути. После того как мы весной и летом 1915 года узнали Ленина лично, мы поняли, что он — подлинный и великий вождь, который сможет вывести нас на дорогу полезной революционной деятельности, и это привязало нас к нему.

В беседах с Лениным мы уяснили себе содержание понятия «война». Мы поняли сущность империалистической войны и научились анализировать и расценивать ее не по случайным внешним признакам, а по ее принципиальному содержанию. В швейцарской социал-демократии в продолжение многих лет отношение партии к защите отечества было главным спорным вопросом. Но социал-патриоты, центристы и левые рассматривали вопрос с узко социал-демократической точки зрения и мудрили насчет разницы между наступательной и оборонительной войной. Мы же научились различать социально-политическое содержание понятия «война».

После ряда дискуссий, проведенных Лениным с нами, мы, прежде яро выступавшие за «полное разоружение», поняли, что наши германские друзья по Интернационалу Молодежи ошибались, выставив тезис: «В империалистический период могут быть только империалистические войны». Ленин доказал нам, что в настоящее время возможны и революционные войны за национальное освобождение и что отношение международного пролетариата к последним должно быть иным, нежели к империалистическим войнам. Благодаря тому, что вопрос о войне был поставлен теперь последовательно марксистски, мы быстро находили ответы на вопросы о том, утверждать или отклонять военные кредиты, признавать или отрицать защиту отечества в капиталистическом государстве.

Не меньшее значение имели для нас выработанные Лениным марксистские методы революционной пропаганды против войны: не «разоружение», а вооружение пролетариата и разоружение буржуазии; не вообще индивидуальный отказ от военной службы, а революционная агитация в армии, создание красных солдатских групп и солдатских советов; организация больших стачек, революционных массовых выступлений и доведение их до вооруженного восстания.

Благодаря Ленину мы научились с революционно-марксистской точки зрения изучать историю социалистического рабочего движения и его Интернационала и предъявлять к Социалистическому Интернационалу и Интернационалу Молодежи революционные требования. В противоположность Каутскому, выставившему пресловутый тезис: «Социалистический Интернационал есть инструмент мирного времени, а не периода войны», Ленин учил нас, что как раз во время войны между капиталистическими странами необходимо международное выступление революционных рабочих масс различных государств в целях использования созданного войной затруднительного положения буржуазии для ее окончательного свержения.

Ленин разъяснил нам структуру фальсифицированного и мелкотравчатого «марксизма» Каутского и его теоретической школы, возлагавшей все надежды на историческое развитие экономических условий и почти не признававшей значения субъективных факторов в борьбе за социализм. Напротив, Ленин подчеркивал роль индивидуума и масс в историческом процессе и выдвигал на первый план марксистский тезис о том, что в рамках данных экономических условий люди сами делают свою историю. Это подчеркивание значения отдельного человека, группы и партии в социальной борьбе произвело на нас самое сильное впечатление и побудило нас напрячь свои силы для достижения максимальных результатов.

Наибольшая заслуга в быстром революционном развитии Социалистического Интернационала Молодежи после Бернской конференции принадлежит Ленину. Без его непосредственной личной товарищеской помощи, которую он нам оказывал с огромным педагогическим тактом, Международное бюро молодежи в Цюрихе ни в коем случае не принесло бы такой пользы юношескому движению в 1914—1918 годах.

В первое время нашей совместной работы с Лениным он часто критиковал нас не только в личных беседах, но и в своих

статьях, печатавшихся в русских органах печати. Но он всегда имел только одно желание — помочь нам выпрямить нашу линию. Его критика никогда не оскорбляла нас, мы никогда не чувствовали себя отвергнутыми, и, даже подвергая нас самой суровой критике, он всегда находил в нашей работе что-нибудь заслуживающее похвалы. Это поощрение действовало крайне благотворно, и мы с еще бóльшим рвением принимались за работу. Я вспоминаю беседу с Лениным по поводу одного требования в нашей антимилитаристской программе, вызвавшего ожесточенную дискуссию с Робертом Гриммом. Ленин сказал мне:

— Гримм формально прав, и тем не менее я помогу вам. Несмотря на свои большие знания, Гримм по природе оппортунист и политикан, вы же, хотя и не отличаетесь теоретической зрелостью, все-таки внутренне здоровые борцы и революционеры.

Так обращался с нами «старик», как мы его называли тогда. Ленин позже классически сформулировал в одном письме, как нужно подходить к молодежи: «надо только шире и смелее, смелее и шире, еще раз шире и еще раз смелее вербовать молодежь, *не боясь ее*»¹.

Таков был подход Ленина к нам, — и он привлекал нас и тысячи молодых людей. Коммунистическое движение молодежи имело бы ныне гораздо больше друзей, если бы почаще вспоминали эти мудрые слова.

В 1915—1917 годах, вплоть до отъезда Ленина в Россию, я охотно пользовался его любезным приглашением приходить к нему, как только захочу, и я часто бывал в его скромной квартире на Неймаркте в Цюрихе². Там я познакомился также с его женой, товарищем Крупской. Иногда Ленин заходил в наше бюро молодежи или мы отправлялись с ним в кафе или Народный дом.

В Швейцарии Ленин, между прочим, изучал аграрные отношения в западных странах. На эту тему он иногда читал доклады. Он долго дискутировал с И. Герцогом и побудил его

¹ Автор, по всей вероятности, имеет в виду письмо В. И. Ленина А. А. Богданову и С. И. Гусеву от 11 февраля 1905 года, которое впервые было опубликовано в 1925 году (см. *В. И. Ленин, Соч.*, т. 8, стр. 124). — *Ред.*

² В. И. Ленин жил в Цюрихе на улице Шпигельгассе, выходившей на Неймаркт. — *Ред.*

особенно заняться этим столь важным для швейцарского рабочего движения вопросом.

Ленин написал ряд статей для «Интернационала молодежи»¹ и давал мне ценные указания по редактированию этого журнала и журнала «Свободная молодежь»². По его совету я провел различные улучшения в последнем, а также напечатал серию статей по вопросам партийной программы.

Мы поддерживали борьбу Ленина внутри Циммервальдской левой и пропагандировали в социалистическом юношеском движении, в партии и на открытых собраниях его тезисы о войне³. Поэтому Ленин имел все основания в 1916 году считать нашу организацию молодежи своей группой. Мы боролись за его политическую программу и пошли бы за него в огонь и в воду. То, что он рассматривал нас как часть своей группы, видно из его «Прощального письма к швейцарским рабочим», опубликованного мною в «Интернационале молодежи». В нем Ленин вспомнил о нашей совместной работе в следующих словах:

«Уезжая из Швейцарии в Россию для продолжения революционно-интернационалистической работы на нашей родине, мы... шлем вам товарищеский привет и выражение глубокой товарищеской признательности за товарищеское отношение к эмигрантам...

Мы работали солидарно с теми революционными социал-демократами Швейцарии, которые группировались отчасти вокруг журнала «Freie Jugend», которые составляли и распространяли мотивы референдума (на немецком и французском языке) с требованием созыва на апрель 1917 г. съезда партии для разрешения вопроса об отношении к войне, — которые внесли на цюрихском кантональном съезде в Töss резолюцию молодых и «левых» по военному вопросу, — которые издали и распространили в некоторых местностях французской Швей-

¹ «Интернационал молодежи» («Jugend Internationale») — орган Международного союза социалистических организаций молодежи, при-
мыкавшего к Циммервальдской левой; выходил с сентября 1915 года по
май 1918 года в Цюрихе. — *Ред.*

² «Свободная молодежь» («Freie Jugend») — орган швейцарской со-
циал-демократической организации молодежи; издавался в Цюрихе
с 1906 по 1918 год. — *Ред.*

³ См. В. И. Ленин, Соч., т. 23, стр. 138—140. — *Ред.*

царип в марте 1917 г. листок на французском и немецком языках «Наши условия мира» и т. д.

Мы посылаем братский привет этим товарищам, с которыми мы работали рука об руку, как единомышленники»¹.

ПРОЕЗД ЛЕНИНА ЧЕРЕЗ ГЕРМАНИЮ В 1917 ГОДУ

Совершенно празднo задавать вопрос, что произошло бы, если бы та или иная выдающаяся личность не принимала участия в разыгравшемся историческом событии. Но несомненно, что немногие группы оказывали такое решающее влияние на ход исторического развития, как та, которая с Лениным в начале апреля 1917 года выехала из Цюриха через Германию в Петроград.

Как только произошла Февральская революция в России, в Цюрихе был образован комитет по возвращению проживающих в Швейцарии русских эмигрантов. Этот комитет попытался организовать возвращение русских в Россию через Францию и Англию. Но после того, как выяснилось, что Франция и Англия будут чинить препятствия некоторым политическим группировкам среди эмигрантов, особенно большевикам, комитет вступил в телеграфные сношения с Милюковым, чтобы добиться пропуска через Германию на условиях обмена на соответствующее число германских военнопленных или интернированных в России. Переговоры затянулись. Поэтому в эмигрантских кругах возникла мысль: при посредничестве швейцарских социал-демократов связаться с германским посольством в Берне и вступить с ним в переговоры об условиях пропуска русских эмигрантов через Германию. Первым уполномоченным был избран швейцарец Роберт Гримм, тогдашний председатель Циммервальдского бюро. Уже в начале апреля было достигнуто принципиальное соглашение, но Гримм, всегда стоявший на правом фланге циммервальдцев, медлил с оформлением, ожидая специального согласия Милюкова.

Однажды меня часов в 12 вызвали по телефону в ресторан «Айнтрахт», обычное место встреч иностранных и швейцарских социалистов. В первой комнате я нашел за столом небольшое

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 23, стр. 357—358. — *Ред.*

общество, в том числе Н. К. Крупскую и других русских товарищей. Мне сказали, что меня срочно ждут в маленькой комнате секретариата. Я пошел туда и увидел там Ленина, Фрица Платтена и других.

В первый раз я видел Ленина в крайне возбужденном состоянии и очень разгневанным. Он ходил по комнате и стремительно выбрасывал фразы, точно рубил. Ленин кратко информировал меня о состоянии переговоров с русским правительством и переговоров Гримма с германским посольством. Мы единодушно пришли к заключению, что Гримм намеренно тормозит быстрое возвращение в Россию большевистской группы. Был подвергнут обсуждению вопрос, какие существуют еще возможности для того, чтобы быстрее достигнуть благоприятного результата и, стало быть, скорейшего возвращения в Россию. Ленин взвесил все политические последствия, какие могла бы иметь поездка через Германию, и предвидел использование этого факта со стороны фракционных противников. И тем не менее он все время повторял: «Мы должны во что бы то ни стало ехать, хотя бы через ад!».

Так как поведение Гримма давало все основания не доверять ему, возник вопрос, кто вместо него мог бы вести переговоры. Предложили мне взять это на себя, но я вынужден был отказаться, так как в качестве немецкого подданного был неподходящим посредником. Тогда мы остановились на Фрице Платтене. Сначала у него возникли сомнения, совместима ли такая миссия с его деятельностью как генерального секретаря Швейцарской социал-демократической партии. Он попросил дать ему подумать. Я попытался получить от Ленина статью для «Интернационала молодежи», которая и была написана им перед отъездом.

Подумав немного, Платтен изъявил готовность продолжать вместо Гримма переговоры с Ромбергом, тогдашним германским посланником в Берне. Содействие Платтена было действительно мужественным поступком, так как он отлично сознавал, что эта поездка серьезно повредит его деятельности. Платтен в тот же день поехал с Лениным в Берн, чтобы оформить там соглашение. Все выставленные политической группой едущих условия были приняты: признать за вагоном право экстерриториальности, не производить никакого контроля паспортов, пассажиры принимаются в вагон независимо от их взглядов по вопросу о войне и мире и т. д...

Перед самым отъездом Ленин напомнил одну нашу долгую дискуссию, происходившую несколько месяцев назад в кафе «Астория» в Цюрихе. Ленин старался убедить меня тогда в неизбежности скорой революции в России, которая повлечет за собой пролетарскую революцию в мировом масштабе. В то время под влиянием ареста Либкнехта, его осуждения и абсолютно пассивного отношения к этому большинства я был в таком пессимистическом настроении, что даже самая обоснованная мотивировка Ленина не могла подействовать на меня. И мы закончили наш спор словами: «Посмотрим, кто окажется прав». Когда мы прощались, он со столь характерной для него лукавой улыбкой сказал мне: «Кто же был прав в «Астории»?» Я еще не хотел признать себя побежденным и ответил: «Это надо установить теперь».

Когда я в 1920 году, в первый раз после завоевания пролетариатом власти, встретился с В. И. Лениным в Московском кремле, он после долгой беседы со мной о германских и международных делах и обмена личными воспоминаниями снова спросил меня с улыбкой, но торжествующе: «Кто же тогда был прав в кафе «Астория»?» Мне оставалось только смущенным молчанием признать его правоту.

Вилли Мюценберг С Либкнехтом и Лениным. М., «Молодая гвардия», 1930, стр. 141—150.

ФРИЦ ПЛАТТЕН

ВОЗВРАЩЕНИЕ ЛЕНИНА

Сейчас трудно себе представить, какими опасностями угрожала русским эмигрантам организация этой поездки и сама поездка на родину через вражескую страну во время войны. Из Швейцарии стремились выехать свыше 500 эмигрантов с семьями. Они старались получить разрешение на въезд от Временного правительства. Когда же благодаря усилиям Ленина представился случай въехать в Россию без разрешения Милюкова, в поездке решились принять участие только 33 человека.

Незначительное число участников поездки объясняется не угрозой правительства Милюкова предать суду по обвинению в измене тех эмигрантов, которые посмеют ехать через Германию, и не недостаточным сроком для сборов в дорогу. Громадное большинство эмигрантов пугалось другого. Их мучили политические сомнения.

Больше всех боялись потерять свою политическую девственность меньшевики. Они называли затею Ленина политически неумной и компрометирующей.

КАК ЛЕНИН ОРГАНИЗОВАЛ ЭТУ ПОЕЗДКУ

В первых числах апреля¹ 1917 года меня вызвали на спешное совещание в «Айнтрахт» — Народный дом цюрихского революционного пролетариата. В час дня состоялось наше совещание с Лениным, а в 3 часа мы уже сидели в бернском поезде.

Расскажу коротко об этом совещании. Я застал Ленина и еще нескольких товарищей за обедом в ресторане. Вдруг Ленин спросил меня, можно ли здесь где-нибудь поговорить в безопас-

¹ Нового стиля. — *Ред.*

ности от непрошенных слушателей. Мы отправились в кабинет правления.

— Товарищ Платтен, — начал Ленин, — вы знаете, что Гримм, председательствовавший на Циммервальдской конференции, по поручению русских политических эмигрантов ведет переговоры с германским посланником Ромбергом о пропуске русских эмигрантов через Германию. Дело не движается с места. Мы уверены, что Гримм саботирует. Он прислушивается к напештываниям меньшевиков, которые все еще тщетно надеются на получение согласия Временного правительства, т. е. Милюкова. Мы Гримму не доверяем. Мы просим вас быть нашим доверенным лицом в этом деле, взять на себя переговоры с Ромбергом. Мы уполномочиваем вас говорить с Ромбергом прямо от моего имени.

После недолгого размышления я согласился. Было решено, что имена остальных едущих останутся неизвестными и что переговоры должны ограничиться исключительно вопросами техники переезда.

В тот же день, в 6 часов вечера, мы встретились в бернском Народном доме с Гриммом. Ему немедленно сообщили, что Платтен вступает в непосредственные переговоры с Ромбергом от имени Ленина. Гримм стал возражать. Платтен-де — секретарь партии (Швейцарской социал-демократической). Такое выступление впутывает в дело партию и т. п. Я возразил на это, что я буду вести эти переговоры не в качестве секретаря партийного комитета, а как доверенное лицо Ленина. Тогда Гримм отказался сообщить Ромбергу о новом обороте дела и ушел. Я по телефону попросил в посольстве, чтобы посланник меня принял, и на следующий же день приступил к непосредственным переговорам.

Обратимся к вопросу, прав ли был Ленин, считая, что Временное правительство не даст своего согласия на проезд русских эмигрантов через Германию, и, во-вторых, было ли справедливо его недоверие к Гримму?

Сейчас документально доказано, что Милюков двумя циркулярными телеграммами к русским посольствам запретил им давать визы на обратный въезд тем эмигрантам, которые были внесены в особые международные контрольные списки. Иначе говоря, визы можно было ставить только социал-патриотам.

Половинчатость меньшевиков всегда была ненавистна Ленину, и он никогда не сомневался в последовательности по-

ведения реакционных буржуазных правительств. И в данном случае ясно видна правильность и полная целесообразность его поступка.

В отношении Гримма он был вдвойне прав. Гримм был в данном случае орудием в руках Мартова и Аксельрода, и, кроме того, его недоверие к Гримму оправдано также и политически. В доказательство нужно только указать историю с Гриммом, разыгравшуюся в Петрограде в июньские дни 1917 года¹.

То, что Ленин взял в свои руки инициативу, вполне соответствует его политическому характеру, и необходимость этого показали дальнейшие события.

На первом свидании с Ромбергом был поставлен только один основной вопрос: согласно ли германское правительство пропустить через Германию русских эмигрантов без различия их партийной принадлежности? На это был получен утвердительный ответ. Теперь оставалось только выработать условия, при которых будет происходить поездка.

Ленин поселился в маленькой комнатке в Народном доме. Там и были составлены эти условия. Посланник Ромберг долго колебался и заявил, наконец, что условия, предлагаемые Лениным, таковы, что нужно опасаться провала всей затеи с поездкой.

Мы ставили условием строжайшее сохранение экстерриториальности и отказ Германии от какой бы то ни было личной проверки едущих, просмотра багажа и т. д. Я не был уполномочен соглашаться на какое бы то ни было смягчение этих условий. Условия были Берлином приняты.

Отъезд был назначен на 27 марта (9 апреля). На время поездки падает составление двух чрезвычайно важных документов. Оба они были составлены Лениным, но затем подверглись коллективному обсуждению и были опубликованы от имени партии.

Первый из них — прощальное письмо Заграничного ЦК партии большевиков к швейцарскому пролетариату. Оно содержало уничтожающую критику социал-патриотов и программ-

¹ Р. Гримм во время пребывания в России в мае 1917 года тайно связывался с министром швейцарского правительства Гофманом для выяснения германских условий мира, сообщал о положении в стране, за что был выслан из России. Впоследствии Гримм был смещен с поста секретаря Интернациональной социалистической комиссии. — *Ред.*

ную декларацию относительно боевой тактики большевиков в русской революции.

Второй документ — ставшие знаменитыми Апрельские тезисы — возник как черновой проект во время проезда через Германию. В вагоне было выделено купе для Ленина, чтобы обеспечить ему возможность спокойной работы над Апрельскими тезисами. Для всех, кроме Ленина, должно было быть сохранено инкогнито.

Обстоятельства, при которых происходила поездка, требовали абсолютной политической ясности. Участники поездки подписывали следующее обязательство:

«Я подтверждаю:

1. Что мне были сообщены условия соглашения Платтена с германским посольством.

2. Что я буду подчиняться распоряжениям руководителя поездки Платтена.

3. Что мне сообщена напечатанная в «Petit Parisien» заметка, в которой говорится, что русское Временное правительство угрожает предать эмигрантов, возвращающихся через Германию, суду за государственную измену.

4. Что всю политическую ответственность за свою поездку я беру целиком на себя.

5. Что Платтен гарантировал мне поездку только до Стокгольма.

Берн — Цюрих, 9 апреля 1917 г.»

Уже в поезде было решено, что в случае ареста по приезде в Россию и предания суду за государственную измену, защита должна быть коллективной, а не индивидуальной. Целью этого было придать процессу большое политическое значение.

Во время проезда через Германию произошел только один случай политического характера, о котором стоит упомянуть. В Штутгарте меня, как ответственного руководителя поездки, вызвали, и сопровождающий нас офицер сообщил мне, что г-н Янсон из генеральной комиссии германских профсоюзов желает со мной беседовать. Это была чрезвычайно неприятная встреча.

Янсон попросил меня передать едущим «товарищам» привет от генеральной комиссии германских профсоюзов и просил также устроить ему свидание. Я указал ему на нашу экстерриториальность во время всего проезда через Германию, но обещал переговорить и дать ответ на следующее утро. Привет от

германских профсоюзов не вызвал воодушевления: его, как и можно было ожидать, встретили гомерическим хохотом. Три года подряд Ленин в своих статьях бичевал генеральную комиссию профсоюзов и издевался над ней. Теперь генеральная комиссия явилась с вежливым приветствием.

Резюме совещания реэмигрантов было следующее: в случае, если Янсон сделает попытку нарушить экстерриториальность, забросать его чайниками.

Разумеется, я передал Янсону это постановление в несколько более мягкой форме. Я попросил его не добиваться свидания, так как я не ручаюсь, что смогу защитить его от оскорбления действием. Что касается приветствия генеральной комиссии, то я мог поблагодарить за него только от своего имени.

В Стокгольме 31 марта (13 апреля) нам был устроен в отеле «Регина» торжественный прием. Немедленно была составлена корреспонденция, в которой сообщалось об условиях, на которых состоялась поездка, и о том, как эта поездка прошла¹.

Ганецкий и Воровский были назначены представителями партии большевиков за границей и образовали там пропагандистский центр. Информация, печатаемая на ротаторе и рассылаемая повсюду, в газеты всех стран, оказалась мощным средством агитации. Несмотря на то что рассылаемые корреспонденции были неистощимым кладом самых оригинальных опечаток, они по своему содержанию и значению во много раз превосходили меньшевистские произведения.

2(15) сентября 1917 года начал выходить «Вестник русской революции» — орган Заграничного представительства Центрального Комитета РСДРП (большевиков). Он служил источником информации для нас, иностранных коммунистов, и был мощным орудием в борьбе против социал-патриотов.

2(15) апреля мы приехали в пограничный финляндский город Торнео. Здесь я должен был расстаться с товарищами, так как миллюковское правительство отказалось дать мне разрешение на въезд. Товарищи, с которыми я должен был расстаться, добились своего.

1927 г.

*«Ленин в Октябре». Воспоминания
М., Госполитиздат, 1957, стр. 27—31.*

¹ В газетах «Правда» № 24 и «Известия» № 32 от 5 (18) апреля 1917 года была напечатана статья В. И. Ленина «Как мы доехали». Кроме того, в органе левой оппозиции социал-демократической партии Швеции «Politiken» от 14 апреля 1917 года опубликовано «Коммюнике». — *Ред.*

ОТТО ГРИМЛУНД

ПО ПУТИ НА РОДИНУ

Впервые я встретился с Лениным в марте 1917 года¹. Я жил тогда в Мальмё и однажды получил письмо по городской почте, в котором говорилось, что Фредерик Стрём² находится в городе. Он просил меня приехать в один отель и переговорить с ним. Когда я пришел к нему, я нашел у него одного русского товарища. Оба были возбуждены, и Стрём сказал мне, что он просил меня прийти помочь в одном важном деле, ибо он сам должен тотчас же уехать в Стокгольм. После этого он исчез и оставил меня с взволнованным русским. Тот рассказал, что с пароходом из Засница должна приехать группа русских социалистов, среди которых двое очень известных, и просил меня поехать с ним в Треллеборг для того, чтобы встретить их и помочь им. «Кто приезжает?» — спросил я. «Очень известные лица из партии, имена которых хранятся в тайне, пока длится путешествие», — и он прошептал мне на ухо: «С ними едет Ленин». После чего прибавил: «Но только ни слова». Я заверил, что буду молчать, и заявил, что готов ехать. Высадка и таможенный осмотр в Треллеборге прошли спокойно, после чего путешественники отправились в Мальмё, где в первый раз за последние 4 дня они получили горячую пищу. Вечером того же дня мы отправились в Стокгольм. Я находился с Лениным в одном купе. Никто не спал всю эту ночь. Сначала Ленин сообщил о труд-

¹ Группа русских эмигрантов во главе с В. И. Лениным, направлявшаяся из Швейцарии в Россию через Германию поездом, прибыла 30 марта (12 апреля) 1917 года в Заспице (Германия). Отсюда эмигранты на шведском пароходе переехали в Треллеборг (Швеция). Встреча автора с В. И. Лениным состоялась, очевидно, в этом городе 30 марта (12 апреля) 1917 года. — *Ред.*

² Стрём, Фредерик (1880—1948) — левый шведский социал-демократ, принимавший участие во встрече и проводах В. И. Ленина при возвращении его из эмиграции на родину. — *Ред.*

ностях выезда из Швейцарии, о попытке проехать через страны Антанты, которые отказали в визе, и о переговорах с Германией, увенчавшихся в конце концов разрешением проехать через Германию под сильной охраной и без права выходить из вагонов. Ленин задал мне несколько вопросов, точнее, забросал меня ими: «Брантинг и его влияние? Численность партии? Численность парламентской фракции? Что сделано партией? Профсоюзы? Их позиция по отношению к политическим течениям? Их кассы? Какие руководители? Количество стачек? Союз молодежи? Насколько велик? Какие условия? Какая тактика? Сколько выпущено брошюр?» и т. д.

Я полагаю, что ответы во многом были слабыми и неполными, но Ленин проявил живейший интерес даже к самым незначительным деталям. Через некоторое время мы поменялись ролями: я стал спрашивать Ленина об условиях жизни различных партий в Европе, об общем положении и о революции в России. Это интервью не увидело света и до сих пор лежит в ящике моего письменного стола¹. Но для меня это было больше, чем интервью, это была лекция по социализму, которой я никогда не забуду. Ленин принадлежит к величайшим людям среди тех, у которых интересно получить интервью. Мне нужно было только по временам вставлять свои вопросы. Он тотчас же исчерпывающе отвечал на них. Я еще живо помню, как я едва успевал записывать содержание всего того, что он говорил. В этих беседах Ленин полно и ясно раскрыл отношение своей партии к русской революции, но клеймил «социалистов» типа Керенского, бичевал «буржуазных империалистов» и затем нарисовал программу действий «максималистов» (большевиков): «Вся власть Советам!», «Мир и земля!».

После однодневного пребывания в Стокгольме, где несколько шведских товарищей устроили конференцию с русскими², последние отправились через Хапаранду и Финляндию в Петроград.

*«Ленин в Октябре». Воспоминания.
М., Госполитиздат, 1957,
стр. 44—45.*

¹ Воспоминания записаны в 1946 году. — *Ред.*

² Речь идет о совещании шведских социал-демократов интернационалистов 31 марта (13 апреля) 1917 года, в котором принял участие В. И. Ленин. — *Ред.*

ХУГО СИЛЛЕН

ВСТРЕЧИ С ЛЕНИНЫМ

Ленин прибыл в Стокгольм утром¹ и остановился в существующей и поныне гостинице «Регина». С утра я работал и не мог пойти встречать его на вокзал, но как только освободился, сразу же пошел с товарищами в «Регину». Когда мы пришли, Ленин беседовал с представителями шведских социал-демократов. Мы тепло приветствовали Владимира Ильича. Он живо интересовался нашей работой. Помню, как один товарищ упрашивал Ленина остаться в Стокгольме еще на несколько дней, но мы видели, что он всем сердцем рвался на родину. «Самое важное, — сказал он, — это как можно быстрее прибыть в Россию. Дорог каждый день».

И вот в семь часов вечера мы провожали Ленина на вокзал². Здесь уже собралось около ста человек, у многих в руках были букеты живых цветов. У всех — и провожающих, и отъезжающих — было радостное, приподнятое настроение. Ленин был в центре внимания. У него были выразительные, быстрые жесты, умные и живые глаза. Отъезжающие о чем-то оживленно беседовали на платформе. Но вот зазвучал «Интернационал», и из окон вагона появились красные флажки. Как только поезд тронулся, шведы провозгласили здравицу в честь грядущей революции на Востоке, и этот возглас с энтузиазмом был подхвачен всеми отъезжающими русскими...

Да, Швеция провожала в путь человека, который возглавил великую революцию, открывшую новую эру в истории человечества.

Второй раз я видел Ленина уже после революции, в июле 1920 года, на II конгрессе Коммунистического Интернацио-

¹ 31 марта (13 апреля) 1917 года. — *Ред.*

² В. И. Ленин выехал из Стокгольма в Россию через Финляндию в 6 часов 37 минут вечера 13 апреля (н. ст.) 1917 года. — *Ред.*

нала, куда я прибыл вместе со шведской делегацией. Мне очень запомнилось выступление Ильича. Сила логики буквально разила его противников. Он умел сочетать шутку и сатиру с острой полемикой.

В перерыве между заседаниями мы, группа представителей Скандинавских стран, подошли к Ленину. Он тепло и сердечно поздоровался и побеседовал с нами.

Минуло уже сорок лет со дня моей последней встречи с вождем пролетарской революции, но в моей памяти всегда будут свежи воспоминания о нем...

1960 г.

«Ленинские страницы». Документы, воспоминания, очерки. М., 1960, стр 199—200.

ВАН ХУН-СЮНЬ

ВЕЛИКОЕ КРЕЩЕНИЕ ОКТЯБРЯ

ВСТРЕЧА ЛЕНИНА НА ФИНЛЯНДСКОМ ВОКЗАЛЕ

В Петрограде, на берегу Невы, находился огромный завод «Металлист», в механическом цехе которого я работал в 1917 году. В России я прожил уже три года, но говорить по-русски так и не научился. Поэтому каждый раз, разговаривая с русскими, мне то и дело приходилось прибегать к помощи нашего переводчика Вэнь Мин-лая.

Хозяин завода жильем рабочих не обеспечивал, и у нас не было крыши над головой. Однажды мы, китайские рабочие, случайно забрели в казарму к русским солдатам. Они отнеслись к нам сочувственно, накормили и оставили ночевать у себя. Приходилось жить и в ночлежке, где брали пятак за ночь; спали там на длинных деревянных нарах, разгороженных досками. Ширина каждого места — не больше двух чи¹. Ляжешь в такую «постель», сожмешься в комок и на другой бок уж не повернешься.

Через некоторое время мне повезло: я познакомился с одним добряком-сапожником, который приютил меня в своей ветхой деревянной каморке.

С продовольствием в Петрограде было очень плохо, за хлебом приходилось ездить в деревню к крестьянам. Тогда-то я и столкнулся с этой дрянью — кулаками.

Хлеба у них полные амбары, а даже крошки не выпросишь. Бедняки — дело другое. Они по-настоящему хорошо относились к нам — китайцам: всегда делились всем, что имели. Накормят, бывало, и ночевать оставят. Подметут пол в избе, положат на него мягкий матрац из соломы, а какая-нибудь русская старушка накинет еще на тебя тулуп, чтобы не замерз.

В первых числах апреля, на пасху, в двенадцатом часу ночи вышел я прогуляться и подышать теплым весенним воздухом.

¹ Чи — мера длины, равная 32 сантиметрам.

Незаметно дошел до Финляндского вокзала. Вижу: привокзальная площадь заполнена тысячами людей — рабочими, солдатами, матросами; у многих в руках факелы, лозунги, знамена. Аплодисменты, смех, крики «ура» — все слилось в единый гул. Меня заинтересовало, что происходит, почему люди такие радостные, возбужденные. Хотел пробраться вперед, но не сумел, спросить — русского языка не знаю.

Прошло некоторое время, и на площади постепенно установилась тишина. Мне показалось, что вдали кто-то произносит речь. Я стал внимательно прислушиваться к разговору стоявших рядом со мной русских рабочих. Радостные и улыбающиеся, они то и дело повторяли: «Ленин», «Ленин». В то время я еще не знал, кто такой Ленин, но видел, с какой любовью и уважением произносят это имя простые люди. И тогда я понял, что человек, которого так горячо встречают, — Ленин. Здесь, у Финляндского вокзала, я впервые услышал это имя — Ленин!

Вдруг впереди снова послышались возгласы: «Ура!», «Да здравствует социалистическая революция!»¹.

Поток людей хлынул вперед, увлекаая меня за собой. Но когда я оказался в центре площади, Ленина там уже не было. Все стали расходиться. Глубоко взволнованный, вернулся я домой.

Сама эта ночь, та поистине волнующая атмосфера, которая царила на Финляндском вокзале, зажгли в моем сердце новые надежды.

*«Дружба, скрепленная кровью»
М., Воениздат, 1959, стр. 166—168.*

¹ По прибытии в Петроград 3(16) апреля 1917 года В. И. Ленин выступил на площади перед Финляндским вокзалом с речью, которую закончил призывом к борьбе за победу социалистической революции. — *Ред.*

ГУСТАВ РОВИО

КАК ЛЕНИН СКРЫВАЛСЯ У ГЕЛЬСИНГФОРССКОГО «ПОЛИЦМЕЙСТЕРА»

Приехал Шотман¹ и говорит с самым таинственным видом:

— ЦК партии поручил мне организовать переезд и подыскать квартиру для Ленина здесь, в Финляндии.

— Сюда приезжала одна девица по этому делу, и я с ней уже сговорился, — заметил я с своей стороны.

— Она неправильно сделала, мне поручено устроить Ленина здесь, в Гельсингфорсе, но чтобы об этом никто не знал. Ты не имеешь права никому об этом сообщать, — сказал мне Шотман.

— Хорошо. Я готов помочь, чем могу. Само собой понятно, что от меня никто не узнает, — ответил я.

Так как Шотман очень торопил с переездом Ленина, то мы решили, что он привезет Ленина прямо ко мне на квартиру, а потом уже подыщем для него более подходящую квартиру.

В начале апреля 1917 года рабочие организации выбрали меня начальником милиции Гельсингфорса. Позже я был утвержден старшим помощником гельсингфорсского полицмейстера, а полицмейстером — некий поручик фон Шрадер. Но ввиду обострившейся классовой борьбы Шрадер не выдержал атаки буржуазии и ее прессы, обливавшей ежедневно грязью милицию, состоявшую почти поголовно из рабочих социал-демократов, и ушел. Таким образом, я остался за начальника милиции и был им до самой рабочей революции в январе 1918 года.

¹ Шотман, А. В. (1880—1939) — член КПСС с 1899 года. В годы подполья работал в Петербурге, Иваново-Вознесенске, Одессе, Гельсингфорсе. После июльских дней 1917 года по поручению ЦК поддерживал связь с В. И. Лениным, находившимся в подполье, под Сестрорецком, и организовал переправу Ленина в Финляндию. После Октябрьской революции находился на ответственной советской работе. Неоднократно избирался членом ЦКК ВКП(б). — *Ред.*

У меня была квартира (одна комната и кухня) на Хагнесской площади (дом 1, кв. 22). Так как ко мне никто не приходил, а моя жена в то время была в деревне, то мы и нашли самым удобным и безопасным сначала поселить Ленина у меня. Шотман даже пошутил:

— Приеду в Питер, скажу нашим, что поместил Ленина у гельсингфорского полицмейстера. Вот уж, наверное, будут удивляться и смеяться, когда узнают. И я убежден, что ни один черт из агентов Керенского и не подумает заглянуть в твою квартиру.

Мы условились с Шотманом, что он сначала привезет Ленина в город Лахти и оттуда позвонит по телефону мне в Гельсингфорс в управление милиции. Из Лахти они поедут к депутату Вийку на квартиру, так как он жил не в самом городе Гельсингфорсе, а в дачной местности, у станции Мальм. Когда все было обдумано и взвешено, Шотман уехал довольный и радостный.

Через пару дней у меня зазвонил телефон. Шотман сообщил из города Лахти, что «все благополучно. Завтра вечером буду у тебя».

На следующий день мне звонил Вийк и просил вечером назначить свидание, так как меня хочет видеть один товарищ. Я назначил в 11 часов вечера на тротуаре у Хагнесского рынка.

Заблаговременно я вышел в условленное место и стал ждать. Через несколько минут ко мне подошли два человека, разговаривая по-французски. Один из них был Вийк, и я с ним поздоровался.

— Товарищ Ровио? — спросил меня спокойно по-русски, подавая мне руку, второй товарищ. Это был Ленин, которого я впервые здесь увидел. Я ответил утвердительно и пожал его руку. Мы направились на мою квартиру. Это было в конце июля или в первых числах августа — точно не помню¹. Осмотревшись предварительно кругом и не заметив ни души на улице, мы взобрались на пятый этаж в мою квартиру.

Я чувствовал некоторое легкое возбуждение, став вдруг квартирохозяином Ленина. Конечно, я не мог и подозревать в то время, что через четыре месяца Ленин будет руководителем великой державы, но, читая ежедневно русские буржуазные

¹ В. И. Ленин скрывался в Финляндии с 23 августа по 20 октября 1917 года (н. с.). — *Ред.*

и соглашательские газеты и видя, какое внимание уделяется в них «шпионажу» Ленина, я понимал вполне конспирацию Шотмана и не мог не чувствовать некоторого напряжения. Тем более что мне по службе чуть ли не каждый день приходилось иметь дела с контрразведкой Керенского, а иногда и с финляндским генерал-губернатором октябристом М. М. Стаховичем.

Я заварил чай и предложил его своему «квартиранту». Вийк ушел. Ленин стал расспрашивать, как получать русские газеты. Я объяснил, что вернее всего можно получать их на вокзале ежедневно часов в 6—7 вечера, по прибытии поезда из Петрограда.

— Вам придется ходить каждый день на вокзал и брать мне все русские газеты. Потом вам надо будет наладить переправку писем по своей почте, мы не можем доверяться официальной почте, — стал мне давать распоряжения Ленин.

Все это я обещал выполнять точно. Сообщил Ленину, что у меня есть вполне надежный товарищ, железнодорожный почтальон в вагоне, который курсирует между Гельсингфорсом и Питером, и с его помощью я смогу наладить нелегальную почту, лишь только получу указание, куда в Питере должны доставляться письма.

Когда Ленин узнал все необходимое для его работы, он мне сказал, чтобы я лег спать, а он еще сядет за работу. И, несмотря на то что было уже поздно и он только что поселился в новой квартире, Ленин преспокойно сел за стол, взял русские газеты и стал их просматривать и писать. Не знаю, сколько времени он писал, потому что я заснул. Утром я встал часов в девять и посмотрел на стол. Тут лежала тетрадь с заголовком «Государство и революция». Ленин еще спал, а я пошел на службу. Когда я днем, часа в четыре, пришел домой, Ленин говорит мне:

— Я просмотрел ваш книжный шкаф. У вас много хороших книг, мне они как раз нужны.

Потом он просил меня купить для него яиц, масла и пр. Я предложил приносить обеды из столовой кооператива, куда я обыкновенно ходил обедать, но он категорически отказался, объясняя, что на газовой плите он сумеет вскипятить воду для чая и сварить яиц — для него этого вполне достаточно.

— Мне главное — газеты. Вот газеты не прозевайте, — сказал он мне,

Я пошел на вокзал и принес кипу газет. У нас так и наладилось: по вечерам я караулил на вокзале почтовый поезд, покупал все газеты и приносил Ленину. Он немедленно прочитывал их и писал статьи до поздней ночи, а на следующий день передавал их мне для пересылки в Питер. Днем он сам себе готовил пищу.

Прожил у меня Ленин недели полторы; затем Вийк нашел для него другую квартиру — у т. Усениуса. Поздно вечером мы перевезли его туда. Но через несколько дней мне пришлось опять поселить Ленина у себя, так как тот товарищ, в квартире которого он поселился, неожиданно вернулся, и пребывание там Ленина стало невозможным.

Когда Ленин прожил вновь у меня с неделю, мы нашли новую квартиру, в бездетной семье рабочего Б. Я не хочу называть настоящей фамилии товарища, потому что он был после подавления финской революции арестован и приговорен к расстрелу, и я до сих пор не знаю, расстреляли его или нет¹. Товарищ этот предоставил в распоряжение Ленина комнату, его жена приготавливала кушанье и вообще всячески заботилась обо всех удобствах Ленина. Ленин был весьма доволен своей квартирой и квартирохозяевами.

Я приезжал к нему каждый вечер, привозил газеты и брал письма для отсылки и был переводчиком между Лениным и квартирохозяевами, которые очень сожалели, что не могут непосредственно объясниться с Лениным. Ленин также сожалел, что не владеет ни финским, ни шведским языком, и добавил, что теперь уже поздно для него изучать финский язык. На этой квартире Ленин прожил все остальное время своего пребывания в Гельсингфорсе, приблизительно месяц или больше, до конца сентября или начала октября, когда он переехал в Выборг².

Вспоминая теперь, после пяти лет, подробности работы и жизни Ленина в подполье в Гельсингфорсе, многое я уже позабыл. В памяти остались лишь отрывочные, наиболее яркие картины и эпизоды из повседневных наших встреч.

Ленин жил в Гельсингфорсе, когда финские рабочие организации, не зная об этом, постановили пригласить его на свой праздник в Финляндию. Дело в том, что в последнее воскре-

¹ В. И. Ленин жил у машиниста Артура Блумквиста, который умер в 1951 году. — *Ред.*

² В. И. Ленин переехал в Выборг 17 (30) сентября 1917 года. — *Ред.*

сенье августа всюду в Финляндии устраивается рабочими организациями традиционный праздник труда, чистый сбор с которого поступает в кассу Центральной организации профсоюзов Финляндии.

И вот в Гельсингфорсе комиссия, устраивавшая праздник, постановила еще до июльских дней пригласить Ленина в качестве оратора на этот праздник. Мне было поручено составить и послать с этой целью пригласительное письмо Ленину. Я письмо написал, но не успел его послать, как Ленин стал моим «квартирантом». Однажды я показал письмо Владимиру Ильичу и рассказал, что это за праздник. Ленин улыбнулся и сказал:

— Мне придется теперь воздержаться от речей. Правда, праздник недалеко, но оставим это до другого раза.

«Финансовый» вопрос требовал разрешения. Не в том смысле, что у Владимира Ильича не было денег, но, к несчастью, у него деньги были русские. Ввиду непрерывного падения курса русских денег, в то время как курс финской марки не так быстро падал, и ввиду, кроме этого, валютной спекуляции русскими деньгами, банки в Гельсингфорсе меняли русские деньги одному лицу только на десять марок. У меня же в день на одни газеты больше расходовалось денег. Сам я не мог менять достаточного количества денег, и неудобно было в качестве начальника милиции ежедневно менять русские деньги, потому что всех меняльщиков считали спекулянтами и вся пресса вела против них кампанию.

Как быть? Как объяснить обилие русских денег у меня? Я обратился к своим товарищам в управлении и объяснил, что у меня есть от партии секретное поручение и мне нужно менять русские деньги на финские, для чего мне нужна их помощь. «После я вам объясню, и ваши имена будут занесены по этому случаю в историю», — пошутил я в заключение. Таким образом, я смог пятерых товарищей сразу послать менять деньги, и «финансовый кризис» Владимира Ильича был благополучно разрешен.

Знал ли кто о пребывании Владимира Ильича в Гельсингфорсе? Из русских, проживавших в Финляндии, знал лишь Смилга. Когда Ленин поселился у меня, он попросил привести к нему Смилгу. Я сходил к Смилге и привел его к себе на квартиру. Владимир Ильич стал у него расспрашивать о настроении моряков, гарнизона, о газете, типографии и прочем,

Из финских товарищей знали лишь некоторые члены ЦК, как Маннер, Куусинен, так как я им сообщил и устроил свидание с Владимиром Ильичем. Маннер был в то время тальманом (председателем) сейма, и в один прекрасный день мы на извозчике поехали с Владимиром Ильичем к нему на квартиру. Беседа велась частью на немецком, частью на русском языке, и я уже забыл содержание ее, помню лишь, что вопрос шел об антимилиитаризме.

Товарищ Куусинен имел свидание с Лениным как раз перед отъездом его в Выборг. Разговор шел исключительно на немецком языке, и поэтому я, как не понимающий этого языка, забыл все, что мне про этот разговор было рассказано.

Шотман приезжал несколько раз. Он дал мне адреса, куда должны были доставляться письма, и вообще организовал почту в Питере. Вот раз он приезжает, кажется после корниловских дней, и говорит мне:

— Знаешь, через четыре месяца Владимир Ильич будет у нас премьер-министром, — и стал объяснять и доказывать свою правоту.

Когда мы пришли к Ильичу, он и говорит:

— Владимир Ильич, через четыре месяца вам придется составлять кабинет, вы будете премьером.

Владимир Ильич стал у него расспрашивать подробнейшим образом про все.

Не помню, Шотман ли или Смилга рассказывал про пресловутое Демократическое совещание¹ и называл его болотом. Владимир Ильич называл работу совещания болтовней и сказал, что надо бы взять солдат, окружить Александринку и арестовать целиком это гнилое болото: достаточно уже наболтали. И спрашивает, хитро усмехаясь, нельзя ли это как-нибудь нечаянно сделать.

Один раз приезжала к Владимиру Ильичу Надежда Константиновна². Ленин нарисовал карту, как к нему можно пройти, и послал это в письме к Надежде Константиновне. И вот по этому плану Надежда Константиновна приехала в Гельсингфорс и разыскала квартиру Владимира Ильича.

¹ Имеется в виду совещание, созванное меньшевиками и эсерами в конце сентября 1917 года в Петрограде с целью выработки мер для ослабления нараставшего революционного движения в России. — *Ред.*

² Н. К. Крупская приезжала к В. И. Ленину в Гельсингфорс два раза. — *Ред.*

По мере обострения классовой борьбы и по мере усиления влияния нашей партии Владимиру Ильичу становилось невыносимо в Гельсингфорсе. Ему хотелось быть ближе к событиям, ближе к Питеру. В один прекрасный день Владимир Ильич объявил мне, что он хочет ехать в Выборг и я должен достать ему парик, краску для бровей, паспорт и устроить квартиру в Выборге.

Я приступил к выполнению задания. Отыскал в газетах объявление театрального парикмахера и позвонил к нему относительно парика, как можно заказать таковой. Он объяснил, что надо прийти лично, он снимет мерку и изготовит какой угодно.

На следующий день, рано утром, мы пошли, стараясь идти по безлюдным улицам, на Владимирскую улицу. Вошли в парикмахерскую. Парикмахер оказался старым петербуржцем, работал там в Мариинском театре и был специалистом своего дела. Он рассказывал нам, как он «подмлаживал» князей, графов, генералов и прочих аристократов и аристократок. На вопрос Владимира Ильича, когда парик будет готов, он объяснил, что не раньше двух недель, потому что это очень кропотливая работа. Вот тебе и на. А Владимир Ильич предполагал через пару дней уехать.

— Может, у вас готовые есть? — спросил Владимир Ильич.

Он снял мерку с головы Владимира Ильича и спросил, какого цвета. Владимир Ильич сказал, что парик должен быть с сединой, примерно так, чтобы он был похож на шестидесятилетнего. Бедняга парикмахер чуть не упал в обморок от удивления.

— Что вы? Вы еще такой молодой, ведь вам больше сорока лет нельзя дать. Зачем же вы берете такой парик? Да у вас седина-то еще не выступила.

Парикмахер стал самым красноречивым образом убеждать Владимира Ильича не брать себе преждевременной старости. Несмотря на все возражения Владимира Ильича, он долго уговаривал не брать седого парика.

— Да вам-то не все ли равно, какой парик я возьму? — сказал Владимир Ильич.

— Нет, я хочу, чтобы вы сохранили свой молодой вид, — начал опять убеждать парикмахер.

Владимир Ильич стал рассматривать шкафы и, заметив там седой парик, попросил парикмахера примерить его. С укориз-

ной взял парикмахер парпк и стал примерять. Парпк оказался почти подходящим, нужно было чуть-чуть распороть и перешить. Парикмахер обещал сделать к завтрашнему утру. На следующий день мы пришли снова, парик был готов. Примерили и окончательно пригнали к голове Владимира Ильича. Парикмахер дал указания, как его носить, и мы расплатились и распрощались. Я думаю, что парикмахер еще долго после этого удивлялся Владимиру Ильичу и рассказывал своим посетителям о чуде, который мог сойти за молодого человека, но упорно хотел выглядеть стариком...

Когда я на следующий день зашел к Владимиру Ильичу, он рассказал мне, что учится ходить в парике. Надел парик и спрашивает:

— Ну как, заметно, что у меня парик?

Я осмотрел тщательно и говорю:

— Кто не знает, не заметит.

Потом я достал через своих товарищей краску для бровей и финский паспорт и предоставил все это Владимиру Ильичу. Квартиру в Выборге я просил подыскать депутата Хуттунена. Когда все было приготовлено и налажено, я распрощался с Владимиром Ильичем, и его повезли в Выборг, а оттуда через некоторое время — в Питер.

Описывая подробно один из самых замечательных моментов жизни Владимира Ильича, нельзя не попытаться охарактеризовать его личность. Общеизвестна старая истина, что характер человека наилучше выявляется в критической обстановке. Каков был Владимир Ильич в самое тяжелое время, в послеиюльские дни керенщины?

Удивительное самообладание и хладнокровие. Приехал, и прямо с дороги, где всегда можно было ожидать ареста, сразу сел за письменный стол за работу. Именно в Гельсингфорсе Владимир Ильич закончил свою книгу «Государство и революция».

За все время пребывания в Гельсингфорсе я не заметил во Владимире Ильиче ни малейшей нервозности. Всегда он был в хорошем настроении. Когда слышал какую-нибудь забавную вещь, смеялся от души.

Работал Владимир Ильич регулярно и усидчиво. Когда работа выполнена, тогда можно пойти и прогуляться. Иногда вечером в темноте мы выходили на улицу и совершали прогулки



В. И. Ленин в гриме и парике,
август 1917 года

по городу. Когда к Владимиру Ильичу приехала Надежда Константиновна, он мне сказал:

— Завтра вы не приходите ко мне, я приду за газетами к вам на квартиру.

И действительно, на следующий день Владимир Ильич вместе с Надеждой Константиновной пришли через большой парк из Теле на Хагнесскую площадь, на мою квартиру.

Я заметил, что Владимир Ильич при всех обстоятельствах сохраняет трезвую оценку событий. Воля у него не железная (это, пожалуй, будет мягко сказано), а стальная. Уж он своего добьется. Когда я не выполнял вовремя данных заданий, Владимир Ильич укорял меня:

— Что же вы? Почему не сделали? — И как я ни оправдывался, он настаивал на своем, пока все не было сделано так, как надо.

Что касается личных нужд и потребностей, то Владимир Ильич отличался необычайной скромностью. Даже враг не могут ничего не только сказать, но и предумать на этот счет.

Как личность, Владимир Ильич — человек в высшей степени симпатичный, обаятельный. Это революционер с головы до пят.

*«Ленин в Октябре». Воспоминания.
М., Госполитиздат, 1957,
стр. 261—269.*

МАРИЯ УСЕНИУО

ЛЕНИН В ФИНЛЯНДИИ

Мы жили тогда¹ в Гельсингфорсе, на Фридриховской улице, 64. Ленин пришел к нам тихо и незаметно и, поздоровавшись, передал привет с Камчатки. Это был пароль. Я отвела гостю одну комнату, в которой он жил под фамилией Иванов. Я не знала тогда, что это был Ленин, но мне сказали, что это самый большой революционер, которого очень надо беречь.

Я заботилась о нем, как могла. Правда, это было трудное время, мясо почти невозможно было достать, но гость был неприхотлив. Помню, как я однажды зажарила ему в масле свеклу. Ленину она так понравилась, что он даже попросил у меня рецепт приготовления этого кушанья. Вообще он был очень обаятельным и скромным человеком. За обедом часто шутил и веселил пас.

Днем финские товарищи приносили Ленину газеты, сообщали ему последние новости, полученные из Петрограда, а по ночам он работал. Однажды я ему сказала: «Когда же вы спите? Вам надо бы и отдохнуть». Ленин улыбнулся и ответил, что отдохнуть он еще успеет, а сейчас надо как можно больше работать.

Позже я получила от Ленина из Петрограда открытку с благодарностью и книгу «Государство и революция» с его автографом. Только тогда я узнала, какого человека мне довелось видеть...

*«Ленинские страницы». Документы,
воспоминания, очерки М., 1960,
стр. 200.*

¹ В июле — сентябре 1917 года. — *Ред.*

ЭМИЛИЯ БЛУМКВИСТ

ДОБРЫЙ ГОСТЬ

Я и мой муж Артур Блумквист, который скончался в 1951 году, были членами рабочей организации финских шведов. Нас предупредили, что в нашей квартире на несколько недель остановится один товарищ, которого мы должны беречь как зеницу ока. Мы, конечно, и понятия не имели тогда, что это был Ленин. Однако наказ товарищей мы выполняли строго. Чтобы укрыть нашего гостя от «дурного глаза шников», было решено, что он приедет к нам в вечернее время. Так и было сделано: мой муж на извозчике поехал за гостем.

Когда мы ближе познакомились с приезжим, то прежде всего почувствовали, что перед нами великой души человек. Ленин был очень отзывчивым, чутким к людям. Он никогда не утруждал и не беспокоил других своим присутствием. Он много работал. Теперь мы знаем, что Ленин, находясь в нашей квартире, работал над своей бессмертной книгой «Государство и революция».

Владимир Ильич очень быстро покорял окружающих его людей и собеседников своим умом и человечностью, острым юмором и шутками.

Вспоминается случай, по поводу которого Владимир Ильич подшучивал надо мной.

К нам на несколько дней приехала Надежда Константиновна Крупская. Это были самые радостные дни у Владимира Ильича. Нужно было видеть его сияющие глаза, чтобы представить его настроение.

С питанием в Гельсингфорсе тогда было очень плохо, продукты отпускали только по карточкам. Надежда Константиновна привезла из России баночку черной икры. Перед обедом Владимир Ильич передал эту баночку мне с просьбой открыть ее. Когда я увидела содержимое, мне показалось, что это сапжная вакса (я никогда до этого не видела черной икры).

Поэтому я взяла сапожную щетку и вместе с банкой внесла в комнату Ильича. Увидев это, Владимир Ильич пришел в ужас и, как сейчас помню, с шаловливой искринкой в глазах порусски воскликнул: «Нет, нет, это надо кушать!» — и показал мне жестом, что пкру кушают, а не чистят ею сапоги. Это было мое первое знакомство с черной икрой.

Владимир Ильич был очень осторожен. Выходя на прогулку (одного мы никогда не отпускали его на улицу), он прежде всего тщательно знакомился с окружающей обстановкой. Да это и понятно. Тогда везде и всюду рыскали шпионы и предатели.

Помню, однажды Ленин со свежей русской газетой в руках вышел на кухню и с ироническим видом перевел нам содержание статьи, в которой утверждалось, что сыщики якобы напали на след Ленина, укрывающегося в Петрограде. Статья заканчивалась словами: «Арест Ленина является делом нескольких дней». Многозначительно улыбнувшись, Ленин иронически, лукаво прищурился и сказал: «Жаль, жаль Ленина. Вот, оказывается, какие дела!» — и ушел в свою комнату.

Вскоре после этого мы расстались со своим добрым гостем. Прожив у нас около шести недель, он выехал на родину вершить великие дела.

1960 г.

Газета «Труд», 24 февраля 1960 г.

ЮХО К. ЛАТУККА

ЛЕНИН В ПОДПОЛЬЕ В ФИНЛЯНДИИ

В последние дни сентября 1917 года в среде рабочих Петрограда и Москвы и вообще России большевики имели сильное влияние. Тысячами и десятками тысяч рабочие становились в ряды борющихся. Шансы Временного (второго коалиционного) правительства приостановить революционное движение трудящихся уменьшались изо дня в день.

Ставка Корнилова на контрреволюцию оказалась битой. Призыв «Вся власть Советам!» доносился из всех уголков России. Даже из глухой провинции поступали сведения, что и здесь среди беднейших и малоземельных крестьян этот призыв сплачивает их ряды, не говоря уже об армии, которая все более и более решительно становилась на революционный путь, — солдаты отказывались воевать и массами оставляли фронты.

Владимир Ильич Ленин по постановлению ЦК РСДРП(б) проживал в это время в Гельсингфорсе (Финляндия) у Ровпо. Но так как из Гельсингфорса связь с Центральным Комитетом партии, находившимся в Петрограде, оказалась затруднительной, то явилась необходимость устроить Ленина где-нибудь поближе. Обратились ко мне. Я с радостью согласился дать ему приют у себя в Выборге.

В воскресенье 17 (30) сентября, в день, назначенный для приезда Владимира Ильича, я, встав рано утром и приведя комнату в надлежащий вид для приема дорогого гостя, пошел в город. Моя квартира находилась в рабочем квартале города, в так называемой Талпккала.

От радости, что мне предстоит принять вождя русского революционного пролетариата, я шагал легко и быстро.

«Привезти» Ленина из Гельсингфорса должен был тогдашний главный редактор местной рабочей газеты Хуттунен, на квартиру которого я и направился. Дверь открыли. Меня про-

вели в комнату: «Где же Владимир Ильич? Дайте мне его увидеть поскорей». В ответ на мои слова Хуттунен сказал: «Пришел за ним? Сейчас его увидишь, обожди минуточку», — и вышел.

Немного погодя, Хуттунен позвал меня, сказав, что Иванов (Ильич получил паспорт на имя рабочего Сестрорецкого оружейного завода — Иванова) ждет меня на кухне. Владимир Ильич сидел у стола и завтракал. Я поздоровался. «Меня зовут Ивановым», — потихоньку сказал он мне. Причем по его глазам можно было прочесть: «Не спутайте меня, Иванова, с кем-нибудь другим, разыскиваемым по всей России Керенским и его компанией».

Побеседовав немного, мы с Хуттуненом отправились на собрание, а Ленин остался у него до вечера. И только вечером, забрав «багаж» (три кипы газет и кое-какой скарб) и наняв извозчика, мы отправились по направлению к моей квартире.

Комната и в особенности книжный шкаф и полка с большим количеством русской подпольной партийной литературы понравились Владимиру Ильичу. Получив утвердительный ответ на свой вопрос: «Значит, эту квартиру вы, товарищ, предоставляете мне?», Ленин пожал мне руку и сказал: «Здесь я смогу хорошо поработать».

И, действительно, в своем новом «рабочем кабинете» он работал. Рабочий день был распределен у него точно. Установлены были определенные часы, когда вставать утром, для обеда и ужина, для бесед и дневного отдыха. Только время, когда ложиться спать, не определялось. «Ну, это будет зависеть от продуктивности истекшего дня, чтобы не осталось чего-либо недоделанного», — сказал Ленин и тут же добавил: «Хотя мы и требуем для рабочих восьмичасового рабочего дня и даже шестичасового в некоторых отраслях, мы, как партийные работники, не считаемся со своим рабочим временем». И этот план Владимиром Ильичем выполнялся точно. Отступления от него допускались им только тогда, например, когда из Петрограда приезжали товарищи.

Уже в 7 часов утра Владимир Ильич сидел за письменным столом. Каждое утро, уходя на работу (я был сотрудником местной рабочей газеты «Тюэ» — «Труд»), я заглядывал к нему в комнату, так как Владимир Ильич просил никогда не уходить, не предупредив его. Он всегда справлялся, когда вернусь,

просил сообщать новости и т. д. «Следите за телеграммами ПТА¹, я боюсь и очень боюсь, как бы мы не прозевали момента. Ведь при вспышке революции мы должны быть на месте», — говорил он мне. И я давал обещание следить за телеграммами, исполняя его поручения.

Дни уходили. Мы очень подружились; беседовали, когда Владимир Ильич устал от чтения или писания; шутили иногда. Интересно и поучительно было слушать его рассказы про свою жизнь в эмиграции. При этом Ленин говорил: «Быть может и вам, товарищи (т. е. финнам), придется еще в жизни своей жить в подполье или эмигрантами». И он, как это показали последовавшие в 1918 году события, не ошибся.

В моей памяти осталось несколько интересных эпизодов из жизни Владимира Ильича в моей квартире.

По газетам он усердно следил за событиями в России и в других странах. Почту с утренними петроградскими газетами (они получались в Выборге в 11 часов утра) он ожидал, как голодный обеда. Интересно было смотреть, как бегали его глаза по столбцам газет, ни одна малейшая заметка не ускользала от его глаз. «Нельзя ли достать газет крайне правых партий?» — спрашивал он, и приходилось доставать.

Особенно набрасывался Ленин на черносотенные газеты. Ведь они критиковали шаги Временного правительства и указывали на те силы, группировки, которые способны были на контрреволюцию. А это нужно было Владимиру Ильичу для его статей, которые он писал и которые мною отправлялись в Петроград.

Событиями местного характера Владимир Ильич также интересовался. Узнав, что я часто бываю в Выборгском Совете рабочих и солдатских депутатов, он дал мне задание выяснить отношение выборгского гарнизона к большевикам на случай захвата последними власти в Петрограде. Эту задачу я легко выполнил, благодаря гг. Ракову и Половому, которые имели точные сведения о настроении квартировавших в Выборге полков.

Ленин давал ценные указания, как в дальнейшем вести работу в армии. Впервые он также указал на необходимость тесной связи между русскими войсками и финскими рабочими организациями.

¹ ПТА — Петроградское телеграфное агентство. — *Ред.*

В Выборгский Совет часто приезжали докладчики. Во время пребывания Владимира Ильича в Выборге предполагалось, между прочим, выступление с докладом о текущем моменте эсерки Марии Спиридоновой. Узнав об этом, я сообщил Владимиру Ильичу. Но лучше было бы ему об этом не говорить, ибо Владимир Ильич тотчас же начал обсуждать вопрос, как ему поступить, чтобы присутствовать на данном докладе. И не смотря на то что я указал ему на полную недопустимость такого шага, он настаивал на своем: «Прослушать Спиридонову сейчас, в данный момент, политически мне очень важно и полезно». «Этого я не отрицаю, товарищ, — ответил я, — но по многим причинам этого нельзя устроить, вас могут захватить агенты Временного правительства».

На счастье у меня мелькнула мысль, с которой Ленин тотчас же согласился. Я обещал сам быть на докладе и взять с собой одного товарища, знающего стенографию. «Полная напечатанная стенограмма будет в ваших руках на другой же день после доклада», — сказал я Владимиру Ильичу. На следующий день было получено известие, что доклад Спиридоновой не состоится. Дома я передал это Владимиру Ильичу, и он успокоился и, шутя, разбирал вопрос, какая кара была бы мне от партии в том случае, если бы я не удержал Ленина и он на докладе был бы арестован.

Когда стало ясно, что второе коалиционное правительство стоит накануне своего падения, Владимир Ильич попросил приносить ему и вечерние газеты.

С этой целью я бывал в городе и по вечерам. Не помню — 6 или 7 (19 или 20) октября я получил вечерние газеты, содержащие официальное сообщение о смене кабинета. Владимир Ильич, узнав, что в новый состав правительства входят Гвоздев, Ливеровский, Кишкин и пр., глубоко вздохнул и сказал: «Значит, наконец последнее правительство Керенского сформировано». Хотелось мне ему сказать, что, следовательно, следующим будет правительство «т. Иванова», но все же не сказал.

В те же дни было получено из Москвы сообщение, что на выборах районных дум большевистский список собрал значительное количество голосов. В какой-то газете, хорошо не помню, в какой, было сообщено еще, что из 17 тысяч солдат московского гарнизона 14 тысяч отдали свои голоса большевистскому списку. «Я не понимаю, почему при таких

обстоятельствах они не берут власти в свои руки?!» — вырвалось у Владимира Ильича.

Ленин жил революцией и сам бурлил, как революция.

Помню, что он два-три раза писал довольно длинные письма в Петроград¹ товарищам, руководившим движением, в которых отмечал, что история никогда не простит нам, если мы не возьмем власти в свои руки теперь.

На одно свое письмо Владимир Ильич по каким-то техническим причинам не получил ответа. Тогда он написал новое письмо, где указывал, что он сам, без разрешения ЦК партии, выйдет из подполья и прибудет в Петроград руководить революционным движением пролетариата. И только приезд Шотмана помешал ему исполнить свое решение. Помню, каких трудов стоило Шотману уговорить Владимира Ильича остаться еще на неделю.

Ленин согласился, но Шотман должен был написать на клочке бумаги, что он, Шотман, от имени ЦК партии не разрешает самовольного приезда Ленина в Петроград. «А подпись? — заметил Владимир Ильич. — Поставьте и дату». Эту историческую бумажку я взял у Шотмана и сунул в ящик комода. Там она осталась после отъезда Владимира Ильича; после моего бегства, при власти белых в Финляндии, она была сожжена моими родственниками из опасения репрессий со стороны белых.

В последнюю неделю пребывания Владимира Ильича у меня он с раннего утра до поздней ночи работал, готовился к назревающим событиям.

В субботу 7 (20) октября прибыл наконец долгожданный Эйно Рахья с поручением от ЦК партии доставить Ленина в Петроград. Времени не стали терять. Смастерили парик, сделавший нашего Владимира Ильича неузнаваемым — финским пастором.

При расставании я пожелал Владимиру Ильичу счастливого пути и успеха в разрешении политических вопросов, находившихся в порядке дня в России. «Следуйте нашему примеру», — был сердечный ответ Ленина, и они вышли. Сели на трамвай и скоро были на вокзале. Поезд в 2 часа 35 минут дня дал свисток — «Октябрьская революция» была на пути в Россию. На станции Райвола наши путешественники оставили

¹ См. В. И. Ленин, Соч., т. 26, стр. 114—115, 119—122, 154—159. — Ред.

площадку вагона; часа через два Владимир Ильич на тендере паровоза, на котором машинистом был Ялава, и Эйно Рахья в первом вагоне поезда переехали границу и на станции Ланская оставили поезд.

Через 2 недели 25 октября (7 ноября) Октябрьская революция стала фактом.

* *
*

Мне пришлось, как это уже предвидел Владимир Ильич, после поражения финляндской революции стать эмигрантом.

В 1918 году я два раза бывал у Владимира Ильича в Москве в Кремле. Первый раз, 30 июля, — беседовали около полутора часов. «У меня найдется всегда время для друзей», — сказал он, когда я, покончив свое дело, хотел уйти, зная, что он занят более важными государственными и другими делами. Его интересовали тогда причины поражения финляндских рабочих в гражданской войне. «Посещайте меня, звоните номер 36-182, вас я всегда приму. Ведь теперь наша очередь помочь вам (финнам)», — говорил мне Владимир Ильич. Еще раз, 19 августа, побывал я у Ильича, когда прибывшие в Петроград беженцы-финны начали сильно голодать. Ильич дал нам несколько вагонов хлеба. Больше мне не приходилось его видеть, так как я был командирован на работу в Петроград.

* *
*

Ленина нет... Но он все же жив своими заветами...

«Следуйте нашему примеру», — сказал он нам, финнам, и только этим путем достигнем мы победы финского рабочего класса и беднейшего крестьянства, и Финляндия будет Советской республикой.

*«Ленин в Октябре». Воспоминания.
М., Госполитиздат, 1957,
стр 270—275*

ДЖОН РИД

НЕУДЕРЖИМО ВПЕРЕД! ¹

... **Б**ыло ровно 8 часов 40 минут, когда громовая волна приветственных криков и рукоплесканий возвестила появление членов президиума ² и Ленина — великого Ленина среди них. Невысокая коренастая фигура с большой лысой и выпуклой, крепко посаженной головой. Маленькие глаза, крупный нос, широкий благородный рот, массивный подбородок, бритый, но с уже проступавшей бородкой, столь известной в прошлом и будущем. Потертый костюм, несколько не по росту длинные брюки. Ничего, что напоминало бы кумира толпы, простой, любимый и уважаемый так, как, быть может, любили и уважали лишь немногих вождей в истории. Необыкновенный народный вождь, вождь исключительно благодаря своему интеллекту, чуждый какой бы то ни было рисовки, не поддающийся настроениям, твердый, непреклонный, без эффектных пристрастий, но обладающий могучим умением раскрыть сложнейшие идеи в самых простых словах и дать глубокий анализ конкретной обстановки при сочетании пронизательной гибкости и дерзновенной смелости ума...

Но вот на трибуне Ленин. Он стоял, держась за края трибуны, обводя прищуренными глазами массу делегатов, и ждал, по-видимому не замечая нараставшую овацию, длившуюся несколько минут. Когда она стихла, он коротко и просто сказал:

— Теперь пора приступить к строительству социалистического порядка!

...Новый потрясающий грохот человеческой бури.

¹ Фрагменты из книги. — *Ред.*

² Имеется в виду президиум второго заседания II Всероссийского съезда Советов 26 октября (8 ноября) 1917 года. — *Ред.*

«Первым нашим делом должны быть практические шаги к осуществлению мира... Мы должны предложить народам всех воюющих стран мир на основе советских условий; без аннексий, без контрибуций, на основе свободного самоопределения народностей. Одновременно с этим мы, согласно нашему обещанию, обязаны опубликовать тайные договоры и отказаться от их соблюдения... Вопрос о войне и мире настолько ясен, что, кажется, я могу без всяких предисловий огласить проект воззвания к народам всех воюющих стран...»

Ленин говорил, широко открывая рот и как будто улыбаясь; голос его был с хрипотцой — не неприятной, а словно бы приобретенной многолетней привычкой к выступлениям — и звучал так ровно, что, казалось, он мог бы звучать без конца... Желая подчеркнуть свою мысль, Ленин слегка наклонился вперед. Никакой жестикуляции. Тысячи простых лиц напряженно смотрели на него, исполненные обожания.

*Обращение к народам и правительствам
всех воюющих стран*

«Рабочее и крестьянское правительство, созданное революцией 24—25 октября и опирающееся на Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, предлагает всем воюющим народам и их правительствам начать немедленно переговоры о справедливом демократическом мире.

Справедливым или демократическим миром, которого жаждет подавляющее большинство истощенных, измученных и истерзанных войной рабочих и трудящихся классов всех воюющих стран, — миром, которого самым определенным и настойчивым образом требовали русские рабочие и крестьяне после свержения царской монархии, — таким миром правительство считает немедленный мир без аннексий (т. е. без захвата чужих земель, без насильственного присоединения чужих народностей) и без контрибуций.

Такой мир предлагает правительство России заключить всем воюющим народам немедленно, выражая готовность сделать без малейшей оттяжки тотчас же все решительные шаги, впредь до окончательного утверждения всех условий такого мира полномочными собраниями народных представителей всех стран и всех наций...»¹

¹ См. В. И. Ленин, Соч., т. 26, стр. 217—224. — *Ред.*

Когда затих гром аплодисментов, Ленин заговорил снова:

«Мы предлагаем съезду принять и утвердить это воззвание. Мы обращаемся не только к народам, но и к правительствам, потому что обращение к одним народам воюющих стран могло бы затянуть заключение мира. Условия мира будут выработаны за время перемирия и ратифицированы Учредительным собранием. Устанавливая срок перемирия в три месяца, мы хотим дать народам возможно долгий отдых от кровавой бойни и достаточно времени для выбора представителей. Некоторые империалистические правительства будут сопротивляться нашим мирным предложениям, мы вовсе не обманываем себя на этот счет. Но мы надеемся, что скоро во всех воюющих странах разразится революция, и именно поэтому с особой настойчивостью обращаемся к французским, английским и немецким рабочим...»

«Революция 24—25 октября, — закончил он, — открывает собою эру социалистической революции... Рабочее движение во имя мира и социализма добьется победы и исполнит свое назначение...»

От его слов веяло спокойствием и силой, глубоко проникавшими в людские души. Было совершенно ясно, почему народ всегда верил тому, что говорит Ленин.

...После этого в атмосфере растущего воодушевления выступали один за другим ораторы. За обращение высказались представители украинской социал-демократии, литовской социал-демократии, народных социалистов, польской и латышской социал-демократии. Польская социалистическая партия тоже высказалась за воззвание, но оговорила, что она предпочла бы социалистическую коалицию... Что-то пробудилось во всех этих людях. Один говорил о «грядущей мировой революции, авангардом которой мы являемся», другой — о «новом веке братства, который объединит все народы в единую великую семью...» Какой-то делегат заявил от своего собственного имени: «Здесь какое-то противоречие. Сначала вы предлагаете мир без аннексий и контрибуций, а потом говорите, что рассмотрите все мирные предложения. Рассмотреть — значит принять...».

Ленин сейчас же вскочил с места: «Мы хотим справедливого мира, но не боимся революционной войны... По всей вероятности, империалистические правительства не ответят на наш призыв, но мы не должны ставить им ультиматум, на ко-

торый слишком легко ответить отказом... Если германский пролетариат увидит, что мы готовы рассмотреть любое мирное предложение, то это, быть может, явится той последней каплей, которая переполняет чашу, и в Германии разразится революция...

Мы согласны рассмотреть любые условия мира, но это вовсе не значит, что мы согласны принять их. За некоторые из наших условий мы будем бороться до конца, но очень возможно, что среди них найдутся и такие, ради которых мы не сочтем необходимым продолжать войну... Но главное — мы хотим покончить с войной...».

...Неожиданный и стихийный порыв поднял нас всех на ноги, и наше единодушие вылилось в стройном, волнующем звучании «Интернационала». Какой-то старый, седеющий солдат плакал, как ребенок. Александра Коллонтай потихоньку смахнула слезу. Могучий гимн заполнял зал, вырывался сквозь окна и двери и уносился в притихшее небо. «Конец войне! Конец войне!» — радостно улыбаясь, говорил мой сосед, молодой рабочий. А когда кончили петь «Интернационал» и мы стояли в каком-то неловком молчании, чей-то голос крикнул из задних рядов: «Товарищи, вспомним тех, кто погиб за свободу!». И мы запели похоронный марш, медленную и грустную, но победную песнь, глубоко русскую и бесконечно трогательную. Ведь «Интернационал» — это все-таки напев, созданный в другой стране. Похоронный марш обнажает всю душу тех забытых масс, делегаты которых заседали в этом зале, строя из своих смутных прозрений новую Россию, а может быть, и нечто большее...

Вы жертвою пали в борьбе роковой,
В любви беззаветной к народу.
Вы отдали все, что могли, за него,
За жизнь его, честь и свободу.
Настанет пора, и проснется народ,
Великий, могучий, свободный.
Прощайте же, братья, вы честно прошли
Свой доблестный путь благородный!

Во имя этого легли в свою холодную братскую могилу на Марсовом поле мученики Мартовской революции¹, во имя этого тысячи, десятки тысяч погибли в тюрьмах, в ссылке, в сибирских рудниках. Пусть все свершилось не так, как они

¹ По старому стилю известна как Февральская революция. — *Ред.*

представляли себе, не так, как ожидала интеллигенция. Но все-таки свершилось — буйно, властно, нетерпеливо, отбрасывая формулы, презирая всякую сентиментальность, истинно...

Ленин оглашал декрет о земле:

«1) Помещичья собственность на землю отменяется немедленно без всякого выкупа.

2) Помещичьи имения, равно как все земли удельные, монастырские, церковные, со всем их живым и мертвым инвентарем, усадебными постройками и всеми принадлежностями переходят в распоряжение волостных земельных комитетов и уездных Советов крестьянских депутатов впредь до Учредительного собрания.

3) Какая бы то ни была порча конфискуемого имущества, принадлежащего отныне всему народу, объявляется тяжким преступлением, караемым революционным судом. Уездные Советы крестьянских депутатов принимают все необходимые меры для соблюдения строжайшего порядка при конфискации помещичьих имений, для определения того, до какого размера участки и какие именно подлежат конфискации, для составления точной описи всего конфискуемого имущества и для строжайшей революционной охраны всего переходящего к народу хозяйства на земле со всеми постройками, орудиями, скотом, запасами продуктов и проч.

4) Для руководства по осуществлению великих земельных преобразований, впредь до окончательного их решения Учредительным собранием, должен повсюду служить следующий крестьянский наказ, составленный на основании 242 местных крестьянских наказов редакцией «Известий Всероссийского Совета Крестьянских Депутатов» и опубликованный в номере 88 этих «Известий» (Петроград, № 88, 19 августа 1917 г.).

5) Земли рядовых крестьян и рядовых казаков не конфискуются»¹.

«Это, — добавил Ленин, — не проект бывшего министра Чернова, который говорил, что надо «строить леса», и пытался провести реформу сверху. Вопрос о переделе земли будет разрешен снизу, на местах. Крестьянский надел будет варьироваться в зависимости от местности...

При Временном Правительстве помещики наотрез отказывались слушаться приказаний земельных комитетов, — тех са-

¹ См В. И. Ленин, Соч., т. 26, стр. 225—229 — *Ред.*

мых земельных комитетов, которые были задуманы Львовым, проведены в жизнь Шингаревым и управлялись Керенским!»

...В два часа ночи декрет о земле был поставлен на голосование и принят всеми голосами против одного. Крестьянские делегаты были в неистовом восторге...

Так большевики неудержимо неслись вперед, отбрасывая все сомнения и сметая со своего пути всех сопротивляющихся. Они были единственными людьми в России, обладавшими определенной программой действий, в то время как все прочие целых восемь месяцев занимались одной болтовней.

Джон Рид 10 дней, которые потрясли мир М., Госполитиздат, 1957, стр. 116—122, 125.

АЛЬБЕРТ РИС ВИЛЬЯМС

ЛЕНИН — ЧЕЛОВЕК И ЕГО ДЕЛО¹

ИЗ ПРЕДИСЛОВИЯ АВТОРА
К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ 1932 ГОДА

Весной 1918 года, готовясь к отъезду из России в Америку, я собрал огромный чемодан брошюр, плакатов, воззваний, листовок, номеров газеты «Правда», «Известия» и даже «Речи».

Беседуя в последний раз с Лениным в Кремле, я упомянул о своем чемодане с литературой.

— Прекрасная коллекция, — сказал Владимир Ильич, — но только неужели вы в самом деле думаете, что ваше правительство пропустит вас с этим материалом в Америку?

— Я в этом нисколько не сомневаюсь, — ответил я, все еще будучи наивно убежден, что Америка желает узнать правду о России и русской революции.

Ленин покачал головой и, рассмеявшись, сказал:

— Прекрасно. Может быть, я и ошибаюсь. Посмотрим.

Он взял перо и собственной рукой написал обращение ко всем начальникам станций, весовщикам и другим железнодорожным работникам, прося их уделить особое внимание моему чемодану. И чемодан благополучно прибыл со мной во Владивосток. Но в Америку он так и не попал. Он исчез. Каким образом — не знаю.

Это было во время блокады. Америка по-своему тоже переживала блокаду. Вывоз медикаментов и разных товаров в Россию был запрещен американским правительством, в то же время в Америку не разрешалось ввозить русские газеты и сведения о России.

А между тем американский народ хотел узнать правду о русской революции. Воображение масс было захвачено необыкновенными, потрясающими событиями в России. Они

¹ Фрагменты из книги. — *Ред.*

особенно интересовались великим вождем русской революции Лениным.

Как известно, девизом американских газет всегда было и остается: «Преподноси публике то, что ей нравится». Если у редактора нет новостей, он должен фабриковать их сам. И поэтому место действительных фактов о Ленине заняли выдумки и небылицы. Каких только глупостей не печатали о нем в газетах! Чтобы придать всей этой несусветной чуши достоверность, всегда сообщали, что она получена от «собственного корреспондента» в Париже, Лондоне или Стокгольме.

Эти измышления были полны нелепостей и самых невероятных противоречий. Но в силу какой-то странной психологии, созданной войной, американская публика с жадностью поглощала такого рода «сведения» и требовала новых. Для нее во всем этом не было ничего нелепого или сверхъестественного.

И вот в ответ на эту ложь и клевету я написал «Десять месяцев с Лениным». Эту книжку мы снабдили тогда подробной биографией Владимира Ильича. Прошу читателей и критиков помнить, что она была написана для американцев и что условия, при которых она составлялась, были далеко не нормальные. Интервенция на все накладывала свою лапу. Писать в то время в Америке о России в доброжелательном духе было опасно. Трудно было тиснуть хотя бы строчку в каком-нибудь журнале или газете...

ВСТУПЛЕНИЕ

...Нужно отметить, что эта книга не завершена. Она не претендует на то, чтобы дать полное представление о Ленине как личности и о его деле. Это можно сделать только в ходе дальнейшего развития истории, ибо вся последующая история будет связана с именем Ленина. Но те краткие сведения о Ленине — человеке и его деле, которые книга предоставляет в распоряжение читателя, не лишены, как надеется автор, интереса и значимости.

Ленин показан здесь в действии, за работой, в водовороте революционных событий. Книга передает впечатления иностранца, тесно соприкасавшегося с ним. На его стороне очевидное преимущество перед всеми другими, кто писал о Ленине. Почти все за рубежом, писавшие в то время о Ленине, никогда с ним не говорили, не слышали его выступлений, не видели его, не приближались к нему ближе чем на тысячу

милль. Большую часть своих сообщений они основывали на слухах, догадках и голом вымысле.

Что касается меня, то я встречался с Лениным как социалист из Америки. Я ехал с ним в одном поезде, выступал с одной и той же трибуны и два месяца жил рядом с ним в гостинице «Националь» в Москве¹. В этой книге я пишу о целом ряде встреч, которые были у меня с Лениным в период революции.

ПЕРВЫЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ О ЛЕНИНЕ

В то время как ликующие толпы солдат и рабочих, упоенных победой пролетарской революции, наполняли огромный зал в Смольном, а пушки «Авроры» возвещали о гибели старого строя и рождении нового, Ленин спокойно поднимался на трибуну. Председатель объявил:

— Слово предоставляется товарищу Ленину.

Мы напрягли все наше внимание. Сейчас перед нашим взором предстанет человек, которого мы так давно жаждали видеть и слышать. Но с наших мест, отведенных для корреспондентов, вначале его не было видно.

Под громкие приветствия, выкрики, топот ног и аплодисменты он прошел через сцену и поднялся на трибуну, всего метрах в десяти от нас. Шум, крики и приветствия достигли кульминационного пункта.

Теперь мы видели его очень хорошо, и наши сердца упали. Внешность его оказалась почти противоположной той, какую создало наше воображение. Мы ожидали увидеть человека огромного роста, производящего впечатление одной своей внешностью. На самом же деле перед нами стоял человек небольшого роста, коренастый, с лысиной и взъерошенной бородкой.

Выждав пока стихнут ураганные аплодисменты, он проговорил:

— Товарищи! В России мы сейчас должны заняться постройкой пролетарского социалистического государства. — И стал без пафоса, по-деловому излагать существо вопроса. Ленин

¹ После переезда в Москву 10—11 марта 1918 года В. И. Ленин некоторое время жил в гостинице «Националь». 1 (14) января 1918 года А. Р. Вильямс выступал на проводах первых эшелонов социалистической армии в Михайловском манеже в Петрограде, где В. И. Ленин произнес речь (см. *В. И. Ленин, Соч.*, т. 26, стр. 381). — *Ред.*

говорил без всякого стремления блеснуть красноречием, скорее, резковато и сухо. Засунув большие пальцы в вырезы жилета, он покачивался взад и вперед. В течение часа вслушивались мы в его речь, стремясь уловить в ней ту скрытую притягательную силу, которая объяснила бы нам его огромное влияние на этих свободных, молодых и сильных людей. Но тщетно.

Мы были разочарованы.

Дерзание и безудержный порыв большевиков зажгли наше воображение, того же мы ждали и от их вождя. Нам представлялось, что в лице лидера их партии мы увидим воплощение всех тех качеств, которые свойственны этой партии, что в нем заключена вся ее сила и мощь, что он, если хотите, сверхбольшевик. Но перед нами стоял усталый, ничем, казалось, особенно не выделяющийся человек, говорящий спокойно и просто, но с глубокой убежденностью и силой.

— Если его одеть немного получше, то можно было бы по внешности принять за среднего мэра или банкира из какого-нибудь небольшого французского городка, — прошептал Джулиус Вест, английский корреспондент.

— Да, совсем небольшой человек для такого большого дела, — проговорил его компаньон.

Мы представляли себе всю трудность задачи, решение которой взяли на себя большевики. Справятся ли они с ней? Их вождь поначалу не произвел на нас впечатления сильного человека.

Таково было первое впечатление. И все же, начав со столь ошибочной оценки, через шесть месяцев я был уже в лагере Воскова, Нейбута, Петерса, Володарского и Янышева¹, для которых первым в Европе человеком и политическим деятелем был Ленин.

ЛЕНИН ВВОДИТ СТРОГИЙ РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПОРЯДОК В ЖИЗНЬ ГОСУДАРСТВА

9 ноября 1917 года я хотел получить разрешение сопровождать красногвардейцев, чьи колонны шли тогда по всем дорогам на бой с казаками и контрреволюционерами. Я предъявил Ленину свои документы, на которых стояли подписи Хилкви-

¹ Восков, Пейбут, Петерс, Володарский и Янышев — большевики-эмигранты; они возвращались на родину летом 1917 года на пароходе, которым направлялся в Россию А. Р. Вильямс, и были первыми большевиками, с которыми он познакомился и затем сблизился. — *Ред.*

та¹ и Гюисманса². Я считал их очень внушительными документами. Ленин думал иначе. С лаконичным «нет» он вернул мне бумаги, словно я получил их в какой-нибудь филантропической буржуазной организации.

Инцидент пустячный, но он говорит о серьезном и строгом отношении к делу, которое зарождалось в пролетарских Советах. До того времени массы во вред себе были чрезмерно великодушны и доверчивы. Ленин принялся вводить революционный порядок. Он знал, что только решительными и крутыми мерами можно спасти революцию, которой угрожали голод, иностранная интервенция и реакция. Поэтому большевики проводили свои мероприятия без колебаний, а враги, изощряясь в эпитетах, осыпали большевиков бранью и клеветали на них. По отношению к буржуазии Ленин был суров и беспощаден.

Царивший в те недели хаос требовал от людей железной воли и железных нервов. Во всех государственных учреждениях наводили строгий революционный порядок и дисциплину. Было заметно, как росло чувство ответственности рабочих, как улучшали работу отдельные звенья советского аппарата. Предпринимая какие-нибудь действия, например приступая к национализации банков, Советская власть действовала теперь энергично и эффективно. Ленин знал, в каких случаях нельзя медлить, но знал и то, когда поспешность недопустима. Однажды его посетила делегация рабочих в связи с возникшим у них вопросом: не может ли он декретировать национализацию их предприятия.

— Конечно, — сказал Ленин и взял со стола чистый бланк, — если бы все зависело от меня, то все решалось бы очень просто. Достаточно было бы мне взять эти бланки и вот тут прописать название вашего предприятия, здесь подписаться, а в этом месте указать фамилию соответствующего комиссара.

Рабочие очень обрадовались и сказали:

— Ну, вот и хорошо.

— Но прежде чем подписать этот бланк, — продолжал Ленин, — я должен задать вам несколько вопросов. Прежде

¹ Хилквит, М. — руководитель Социалистической партии США, деятель II Интернационала, реформист. — *Ред.*

² Гюисманс, Камиль (р. 1871) — один из старейших деятелей бельгийского социалистического движения. В 1904—1919 годах секретарь Международного социалистического бюро II Интернационала, занимал центристскую позицию. Неоднократно входил в бельгийское правительство. Последние годы выступал за установление контактов социалистических партий с КПСС и единство рабочего движения. — *Ред.*

всего, знаете ли вы, где можно получить для вашего предприятия сырье?

Делегаты неохотно согласились, что не знают.

— Умеете ли вы вести бухгалтерию? — продолжал Ленин. — Разработали ли вы способы увеличения выпуска продукции?

Рабочие ответили отрицательно и признали, что они, считая это второстепенным делом, не придавали ему серьезного значения.

— Наконец, товарищи, позвольте узнать у вас, нашли ли вы рынок для сбыта своей продукции?

Опять они ответили «нет».

— Так вот, товарищи, — сказал Председатель Совнаркома, — не кажется ли вам, что вы не готовы еще взять сейчас завод в свои руки? Возвращайтесь домой и начинайте над всем этим работать. Это будет нелегко, вы будете иногда ошибаться, но приобретете знания и опыт. Через несколько месяцев приходите опять, и тогда мы сможем вернуться к вопросу о национализации вашего завода.

ЖЕЛЕЗНАЯ ДИСЦИПЛИНА В ЛИЧНОЙ ЖИЗНИ ЛЕНИНА

Своей личной жизнью Ленин показывал пример той железной дисциплины, которую вводил в общественную жизнь. Щи и борщ, черный хлеб, чай и каша составляли меню тех, кто был тогда вместе со Смольным. Так же питался Ленин с женой и сестрой. Революционеры работали по двенадцать-пятнадцать часов в сутки. Рабочий день Ленина, как правило, длился не менее восемнадцати-двадцати часов. Он собственноручно писал сотни писем. Погрузившись в работу, Ленин забывал даже о еде. Пользуясь случаем, когда он разговаривал с кем-либо, его жена подходила, бывало, к нему со стаканом чая и говорила: «Вот, товарищ, не забудьте выпить». Часто чай был без сахара, так как Ленин получал такой же паек, как и все. Солдаты и посыльные спали на железных койках в больших, с голыми стенами, похожих на казармы комнатах. Ленин и его жена спали на таких же койках. Когда уже не оставалось сил работать, они ложились отдохнуть на свои жесткие койки, часто даже не раздеваясь, чтобы можно было вскочить в любую минуту. Ленин переносил эти лишения не из аскетических побуждений. Он просто проводил в жизнь принцип равенства.

Один из этих принципов состоял в том, что в то время заработная плата любого советского служащего была приравнена к заработной плате среднего рабочего и установлена в 600 рублей в месяц.

Я жил в гостинице «Националь», когда Ленин поселился там в комнате на втором этаже. Новый, советский режим прежде всего отменил здесь изысканные и дорогие блюда. Большое количество блюд, составлявших обед, было сведено к двум. Можно было получить либо суп и мясо, либо суп и кашу. Это все, что мог иметь любой, будь он народным комиссаром или чернорабочим, иными словами, в полном соответствии с требованием: «Ни один не должен есть пирожных, пока все не получают хлеба». Но бывали дни, когда людям не хватало даже хлеба. И все же Ленин получал ровно столько, сколько получал каждый. Временами наступали дни, когда хлеба совсем не было. В эти дни не получал хлеба и он.

Когда после покушения на него Ленин был в тяжелом состоянии, врачи прописали ему питаться продуктами, которых нельзя было получить по карточкам, но можно было приобрести только на рынке у спекулянтов. Невзирая на все уговоры друзей, он отказывался притрагиваться ко всему, что не входило в законный паек.

Позже, когда Ленин начал выздоравливать, его жена и сестра нашли способ, как улучшить его питание. Зная, что он держит свой хлеб в ящичке стола, они в его отсутствие проходили к нему в комнату и время от времени добавляли кусок хлеба к его запасам. Поглощенный работой, Ленин опускал руку в стол, доставал хлеб и съедал его, не подозревая, что это сверх обычного пайка.

В письме к рабочим Европы и Америки Ленин писал о тех бедствиях, тех муках голода, на которые обрекло рабочие массы военное вмешательство Антанты¹. Все это Ленин переносил вместе с массами.

ЛЕНИН НА ТРИБУНЕ

Несмотря на исключительную перегруженность почти круглосуточной напряженной работой, Ленин часто выступал с речами, в которых в живой и выразительной форме делал анализ

¹ См. В. И. Ленин, Соч., т. 28, стр. 407—414. — *Ред.*

сложившейся обстановки, ставил диагноз, предписывал лечение и убеждал слушателей применить его. Наблюдатели поражаются энтузиазму, который вызывают речи Ленина у малообразованных людей, хотя говорит он быстро и гладко и приводит множество фактов.

Ленин — мастер диалектики и полемики, чему способствует его удивительное самообладание во время дебатов. И дебаты — его конек. Ольгин¹ говорил: «Ленин не отвечает оппоненту, а подвергает его вивисекции. Он подобен лезвию бритвы. Его ум работает с поразительной остротой. Он подмечает малейшие оплошности оппонента, отвергает неприемлемые послышки и показывает, насколько абсурдные заключения могут быть выведены из них. В то же время он говорит с иронией, высмеивает своего оппонента. Он его беспощадно разносит, заставляет вас чувствовать, что его жертва — невежда, глупец и самоуверенное ничтожество. Сила его логики увлекает вас. Вами овладевает интеллектуальная страстность».

Временами он оживляет свою мысль шутливым отступлением или язвительной репликой. Например, высмеивая Камкова, без конца задававшего вопросы, Ленин использовал поговорку: «Один дурак может задать столько вопросов, что и десять умных не ответят».

Иногда Ленин простым примером иллюстрировал новый порядок. Он как-то привел рассказ старой крестьянки, которая говорила, что если раньше человек с ружьем не позволял ей собирать хворост в лесу, то теперь, наоборот, — он не опасен, он даже охраняет ее.

Ленин всегда стремился воздействовать в первую очередь на ум, а не на чувства. Тем не менее по реакции его слушателей можно было судить, какой силой эмоционального воздействия обладала ленинская логика.

Мне довелось выступать на митинге после Ленина. Это случилось в Михайловском манеже в январе 1918 года, когда на фронт отправлялся первый отряд защитников Советской страны. Колеблющееся пламя факелов освещало огромное помещение, делая длинные ряды броневиков похожими на каких-то допотопных чудовищ. Вся большая арена и стоявшие на ней броне-

¹ Ольгин — псевдоним писателя и публициста М. Н. Новомейского. В 1914 году выехал из России в США, принимал участие в социалистическом движении, а затем вступил в Компартию США, написал ряд книг и статей об СССР, сотрудничал в советских газетах. — *Ред.*

автомобили были усеяны темными фигурами новобранцев, плохо вооруженных, но сильных своим революционным пылом. Чтобы согреться, они плясали и притопывали ногами, а чтобы поддержать хорошее настроение — пели революционные песни и частушки.

Громкие крики возвестили о прибытии Ленина. Он поднялся на один из бронеавтомобилей и начал говорить. В полумраке слушавшие его люди вытягивали шеи и жадно ловили каждое слово. После окончания выступления раздались бурные аплодисменты.

Когда Ленин, закончив свою речь, спустился с броневика, Подвойский¹ объявил:

— Сейчас перед вами выступит американский товарищ.

Толпа наострила уши. Я поднялся на автомобиль.

— Прекрасно, — сказал Ленин, — говорите по-английски, а я, с вашего разрешения, буду переводить.

— Нет, я буду говорить по-русски, — отважился я в каком-то безотчетном порыве.

Ленин следил за мной искрящимися глазами, словно предвкушая возможность позабавиться. Ждать ему пришлось недолго. Израсходовав весь имевшийся у меня запас готовых фраз, я запнулся и замолчал. С большим трудом я подыскал еще несколько слов. Что бы ни делал иностранец с их языком, русские остаются благожелательными и снисходительными. Они умеют ценить если не умение, то, во всяком случае, старание начинающего. Поэтому моя речь прерывалась продолжительными аплодисментами, которые каждый раз позволяли мне перевести дух и найти несколько слов для следующего короткого броска. Мне хотелось сказать им, что если наступит критический час, я сам с радостью вступлю в ряды создаваемой Красной Армии. Я остановился, мучительно подбирая нужное слово. Ленин поднял голову и спросил:

— Какого слова вам не хватает?

— Enlist, — ответил я.

— Вступить, — подсказал он.

После этого всякий раз, когда я запинаясь, Ленин тут же подсказывал мне нужное слово, я его тотчас подхватывал и с

¹ Подвойский, Н. И. (1880—1948) — видный деятель революционного движения в России, член КПСС с 1901 года, один из создателей Красной Армии. В октябрьские дни 1917 года — председатель Петроградского военно-революционного комитета. — *Ред.*

американским акцентом бросал в зал. Это, а также то, что я представлял собой живой и осязаемый символ интернационализма, о котором все они столько слышали, вызывало веселое оживление и гром аплодисментов. Ленин от всей души смеялся и аплодировал.

— Ну вот, как бы там ни было, начало в освоении русского языка сделано, — сказал он мне. — Но вы должны продолжать заниматься им серьезно. А вы, — сказал он, повернувшись к Бесси Битти¹, — вы тоже должны изучать русский язык. Дайте в газете объявление, что хотите обменяться уроками. И потом просто читайте, пишите и говорите только по-русски. С американцами не разговаривайте — все равно пользы от этого не будет, — добавил он, улыбаясь. — Когда мы встретимся в следующий раз, я вас проэкзаменую.

НЕОБЫЧАЙНОЕ САМООБЛАДАНИЕ ЛЕНИНА

Во всех случаях жизни он проявлял исключительное самообладание. События, в результате которых другие теряли голову, служили для Ленина лишь поводом продемонстрировать свое спокойствие и душевное равновесие.

Единственное заседание Учредительного собрания² прошло бурно. На нем в смертельной схватке сцепились две фракции. Боевые выкрики делегатов, стук пюпитров, громы и молнии, которыми раздражались ораторы, страстное пение «Интернационала» и революционного марша, звучавших в устах двух тысяч человек, — все это наэлектризовывало атмосферу. С приближением ночи напряжение все нарастало. Мы сидели на балконе, вцепившись руками в барьер и стиснув зубы, наши нервы были напряжены. Ленин сидел в первом ряду первой ложи, и лицо его выражало полнейшее отсутствие интереса.

Наконец, он встал, прошел за трибуну и сел там на покрытые ковром ступеньки. Изредка он поднимал голову и окидывал взглядом огромное скопление народа. Затем подпер голову рукой и закрыл глаза, будто говоря себе: «Так много людей понапрасну растрчивает свои силы, пусть хоть один

¹ Битти, Бесси — американская журналистка, находившаяся в России в революционные дни 1917 года; автор книги «Красное сердце России» и статей об Октябрьской революции. — *Ред.*

² Оно состоялось 5(18) января 1918 года. — *Ред.*

их побережет». Громкие голоса ораторов и шум собрания прокатывались над его головой, но он продолжал преспокойно сидеть. Раза два он приоткрывал глаза, прищурившись, осматривался вокруг и снова опускал голову.

Затем он поднялся, распрямился и неторопливой походкой направился в ложу. Воспользовавшись случаем, мы с Джоном Ридом сбежали с галерки в зал, чтобы спросить у Ленина, что он думает о ходе заседания Учредительного собрания. Он что-то безразличным тоном ответил. А потом поинтересовался ходом работы в бюро пропаганды¹. Лицо его просияло, когда мы сообщили, что материал печатается тоннами и его удастся переправлять через линию фронта в германскую армию. Вместе с тем мы сказали ему, что встречаем большие трудности в работе с немецким языком.

— Ах да, — воскликнул он и внезапно оживился, вспомнив о моих подвигах, когда я выступал с броневика. — Ну, как подвигается дело с изучением русского языка? В состоянии ли вы теперь понимать все эти речи?

— В русском языке так много слов, — ответил я уклончиво.

— В том-то и дело, — заметил Ленин, — им нужно заниматься систематически. С самого начала вы должны овладеть основами языка. Я расскажу вам о своем методе.

Вкратце метод Ленина сводился к следующему: сначала выучить все существительные, выучить все глаголы, выучить все причастия и прилагательные, выучить все остальные слова; выучить всю грамматику — орфографию и синтаксис, а затем непрерывно всюду и со всеми практиковаться. Как нетрудно заметить, метод Ленина был не столько оригинальным, сколько многосторонним. Словом, это был его метод борьбы с буржуазией применительно к овладению языком — браться за дело самым решительным образом. И разговор о нем увлек Ленина.

Он сидел, перегнувшись через барьер ложи, и говорил, подчеркивая слова выразительными жестами. Глаза у него блестели. Наши коллеги — репортеры сгорали от зависти. Они думали, что Ленин в этот момент разоблачает преступления оппозиции, или выдает нам тайные планы Советов, или, может

¹ Бюро существовало при Федерации иностранных групп РКП(б), созданной в начале 1918 года. Оно состояло из литераторов и агитаторов иностранцев; занималось подготовкой и распространением печатных изданий, а также агитационно-пропагандистской работой среди войск империалистических держав. — *Ред.*

быть, разжигает в нас революционный пыл. В подобный критический момент, несомненно, такую вспышку энергии у главы великого Русского государства могли вызвать только подобные темы. Но наши коллеги заблуждались. Глава Советского правительства просто-напросто излагал свой взгляд на методику изучения иностранного языка, с удовольствием воспользовавшись возможностью отвлечься за дружеской беседой.

Когда во время дебатов противники подвергали Ленина критике, он обычно сохранял спокойствие и даже умел подмечать смешные стороны в происходящем. Закончив речь на IV съезде Советов¹, он занял свое место в президиуме, чтобы выслушать нападки пятерых оппонентов. Всякий раз, когда он находил, что оппонент сделал удачный ход, Ленин широко улыбался и вместе со всеми аплодировал. Но если кто-нибудь начинал нести чушь, Ленин проницательно усмехался и «аплодировал», постукивая ногтем одного большого пальца о другой.

ЛЕНИН В ОБЩЕНИИ С ЛЮДЬМИ

Лишь один раз я видел Ленина усталым. После ночного заседания Совнаркома он вместе с женой и сестрой вошел в лифт в гостинице «Националь».

— Добрый вечер, — сказал он довольно устало. — Впрочем, нет, — поправился он, — доброе утро. Я говорил целый день и всю ночь и устал. Даже на второй этаж и то поднимаюсь на лифте.

Также всего один раз я видел его очень спешившим. Это было в феврале, когда Таврический дворец снова стал ареной жарких схваток — обсуждался вопрос о войне или мире с Германией. Ленин появился внезапно и быстрой, энергичной походкой, почти летя по воздуху, направился через вестибюль к двери, которая вела на трибуну. Профессор Кунц и я поджидали его и тут же обратились к нему со словами:

— Одну минуточку, товарищ Ленин.

Он остановил свое стремительное движение, встал почти по стойке «смирно» и, очень вежливо кивнув головой, сказал:

— Пожалуйста, товарищи, на этот раз отпустите меня. Я не имею ни секунды времени. Меня ждут в зале. Прощу вас, извини-

¹ IV Чрезвычайный Всероссийский съезд Советов состоялся в Москве 14—16 марта 1918 года. — *Ред.*

ните, как-нибудь в другой раз. — Поклонившись, он пожал нам руки и зашагал дальше.

Уилкокс, противник большевиков, отмечая мягкость Ленина в общении с людьми, рассказывает, что один английский коммерсант, чтобы спасти свою семью от грозившей ей опасности, обратился за помощью лично к Ленину. Он был поражен, встретив в нем вместо «кровавого тирана» обходительного, мягкого и отзывчивого человека, готового помочь ему всем, что в его силах.

И Ленин был действительно таким. Временами даже казалось, что он слишком любезен, подчеркнуто вежлив. Возможно, тут имело значение то, что, говоря по-английски, Ленин употреблял изысканно вежливые выражения, почерпнутые им главным образом из книг. Но более вероятно, что это было его манерой обращаться с людьми, в чем Ленин, как и во многом другом, достиг высокой степени умения.

Попасть на прием к Ленину было не так-то просто, но если уж вы попадали к нему, то он всецело находился в вашем распоряжении. Все свое внимание он сосредоточивал только на вас, что иногда могло даже поставить в затруднительное положение. Вежливо поздоровавшись, он подвигался как можно ближе, почти вплотную. Во время разговора он часто подавался вперед, не переставая смотреть вам в глаза, словно высматривая сокровеннейшие тайники ваших мыслей и стараясь проникнуть в самую душу собеседника.

Нам часто приходилось встречать одного социалиста, который в 1905 году принимал участие в московском восстании и даже отличился, сражаясь на баррикадах. Карьера и обеспеченная жизнь заставили его забыть о пылких увлечениях молодости. Теперь он выглядел преуспевающим джентльменом, работая корреспондентом какого-то английского газетного синдиката и плехановского «Единства».

Встречаться с буржуазными писателями Ленин считал расточительством времени, однако этот человек, используя свое революционное прошлое, сумел добиться свидания с Лениным. На встречу с Лениным он отправлялся в прекраснейшем настроении. Несколько часов позже я увидел его в состоянии полного смятения. Он рассказал мне следующее: «Войдя в кабинет Ленина, я упомянул о своем участии в революции 1905 года. Ленин подошел ко мне и сказал.

— Это так, товарищ, но что вы делаете для *этой* революции? — Лицо его было в каких-нибудь 15 сантиметрах от моего, он смотрел мне прямо в глаза. Я заговорил о том, что когда-то сражался на баррикадах, и отступил шаг назад. Но Ленин сделал шаг вперед и, неотрывно смотря мне в глаза, повторил:

— Это так, товарищ, но что вы делаете для *этой* революции? — У меня было такое ощущение, словно меня просвечивали рентгеновскими лучами, словно он видел всю мою жизнь за последние десять лет. Я не выдержал и опустил глаза, как провинившийся ребенок. Я пытался заговорить. Но тщетно. Пришлось просто уйти».

Через несколько дней этот человек окончательно связал свою жизнь с революцией 1917 года, став советским работником.

ИСКРЕННОСТЬ И ПРЯМОТА ЛЕНИНА

Один из секретов ленинской силы заключается в его потрясающей искренности. Он искренен со своими друзьями. Он, конечно, радуется всякий раз, когда на сторону революции становится новый боец, но не станет рисовать розовыми красками условия работы и будущие перспективы, чтобы привлечь на свою сторону хотя бы одного человека. Скорее он склонен изображать вещи в более мрачных тонах, чем они есть в действительности. Многие из ленинских выступлений содержали в себе примерно такие мысли: цель, за которую борются большевики, не так близка, как многим из вас представляется; мы вели Россию по тернистому пути, но курс, который мы взяли, может прибавить нам новых врагов, новые страдания; каким бы трудным ни было наше прошлое, будущее сулит нам еще немалые трудности — большие, чем вы себе представляете.

Не слишком соблазнительное обещание. Несколько необычный прием вовлечения в борьбу! И все же, подобно тому как итальянцы собиравались под знамена Гарибальди, который не обещал ничего, кроме ран, казематов и смерти, русские сплачивались вокруг Ленина. Это кажется несколько разочаровывающим для тех, кто ожидает, что вождь должен прославлять свое дело и побуждать своего потенциального сторонника присоединиться к нему. Ленин считает, что такое побуждение должно исходить изнутри.

Ленин откровенен даже со злейшими врагами. Один англичанин, рассказывая об удивительной искренности Ленина, говорил, что Ленин высказал приблизительно следующую позицию: лично я ничего против вас не имею. Однако политически вы мой противник, и я должен использовать все средства, чтобы нанести вам поражение. Ваше правительство занимает такую же позицию в отношении меня. Ну что ж, давайте поищем возможности жить, не мешая друг другу.

Эта печать искренности лежит на всех его публичных выступлениях. Ленину чужды обычные атрибуты государственного деятеля-политикана: обман, словесная мишура и рисовка. Сразу чувствуется, что он не может обмануть, если бы даже и захотел. Он не может сделать этого по той причине, в силу которой не может обманывать самого себя: он обладает научным подходом и верит в неотразимую силу фактов.

Источники его информации очень обширны и дают ему огромное количество фактов. Эти факты он отбирает, оценивает и проверяет. А затем использует их, как стратег, как математик, как химик, имеющий дело с социальными элементами. Он подходит к фактам следующим образом: сейчас в нашу пользу говорят следующие факторы: один, два, три, четыре... — он коротко перечисляет их. А факторы, работающие против нас, вот какие. И точно таким же образом пересчитывает и их: один, два, три, четыре... И тут же спросит: нет ли еще? — Мы ломаем голову в поисках еще каких-либо факторов, но, как правило, безуспешно. Тогда, тщательно взвесив все «за» и «против» каждой из сторон, Ленин продолжает свои вычисления, словно решает математическую задачу.

В своем преклонении перед фактами он представляет собой прямую противоположность Вильсону¹. Вильсон как профессиональный оратор преподносит предмет своей речи в блестящем словесном оформлении, которое ослепляет и гипнотизирует массы, пряча от них неприглядную картину действительной жизни, исходя из классовых интересов. Ленин же действует, как хирург со скальпелем в руках. Он снимает словесную мишуру и показывает экономические мотивы, скрываемые за пышной фразеологией империалистов. Он обнажает существо

¹ *Вильсон, Вудро* (1856—1924) — американский реакционный политический деятель, президент США в 1913—1921 годах. — *Ред.*

их обращений к русскому народу, обнаруживая за их красивыми обещаниями грязную хищную руку эксплуататоров.

Безжалостный к фразеологии правых, Ленин в равной степени непримирим к фразерству левых, ищущих спасения от действительности в революционных лозунгах. Он считает своим долгом добавлять уксус и желчь в подслащенную воду революционно-демократического фразерства и зло высмеивать демагогов и болтунов.

Когда немцы вели наступление на красную столицу, со всех концов России в Смольный стекался поток телеграмм, выражавших изумление, ужас и негодование. Телеграммы заканчивались такими лозунгами: «Да здравствует непобедимый русский пролетариат!», «Смерть грабителям-империалистам!», «До последней капли крови будем защищать революционную столицу!».

Ленин прочитал их и распорядился разослать телеграммы всем Советам с просьбой посылать в Петроград не революционные фразы, а войска, одновременно он просил сообщать точное число записавшихся добровольцев и прислать подробный доклад о имеющемся в наличии оружии, боеприпасах и продовольствии.

ЛЕНИН ЗА РАБОТОЙ В КРИТИЧЕСКИЙ МОМЕНТ

С наступлением немцев началось бегство иностранцев. Русские были несколько удивлены тем, что все, кто исповедовал: «Бей гуннов!», теперь, когда гунны оказались настолько близко, что их можно было бить, спешили унести ноги. Неплохо было бы присоединиться к ним и тоже бежать, но ведь я дал слово тогда на броневике. Я принимаю решение вступить в Красную Армию и иду к Ленину.

— Приветствую, приветствую, — сказал мне Ленин. — Дела наши обстоят пока что неважно. Старая армия воевать не будет. А новая пока существует в основном на бумаге. Только что без сопротивления сдали Псков. Это преступление. Председателя Совета нужно расстрелять. Наши рабочие проявляют чудеса самопожертвования и героизма. Но у них нет никакой военной подготовки и дисциплины.

Таким образом, в двух десятках лаконичных фраз он обрисовал мне создавшееся положение и кончил словами:

— Я не вижу иного выхода, кроме мира! Однако Совет может высказаться за войну. Во всяком случае, поздравляю вас с вступлением в революционную армию. После той борьбы, которую вы выдержали с русским языком, вы хорошо подготовлены к боям с немцами.

Задумавшись на мгновение, он добавил:

— Один иностранец вряд ли много навоюет. А может быть, вы найдете еще кого-нибудь?

Я ответил, что можно попробовать сформировать отряд.

Ленин не любил откладывать дела в долгий ящик. Как только план разработан, он тотчас приступал к проведению его в жизнь. Ленин повернулся к телефону и позвонил Крыленко, советскому главнокомандующему. Его не оказалось на месте, Ленин взял ручку и набросал ему записку.

К вечеру мы уже сформировали интернациональный отряд и выпустили воззвание с призывом ко всем иностранцам вступать в этот новый отряд. Но Ленин на этом не остановился. Он не из тех, кто довольствуется широким жестом, сделанным при начинании большого дела. Он неустанно следил за ходом дела и вникал во все детали. Два раза Ленин звонил в редакцию «Правды», давая указание опубликовать воззвание на русском и английском языках¹. Затем он распорядился разослать его по телеграфу во все концы страны. Таким образом, выступая против войны и особенно против тех, кто упивался революционными фразами по поводу нее, Ленин мобилизовывал все силы, чтобы война не могла застать республику Советов врасплох.

Он послал автомобиль с красногвардейцами в Петропавловскую крепость за заключенными там контрреволюционными генералами.

— Господа, — обратился к ним Ленин, когда они вошли в его кабинет, — я вызвал вас сюда в качестве экспертов. Петроград в опасности. Не сможете ли вы разработать военные меры по его обороне?

Генералы согласились.

— Вот здесь наши силы, — продолжал Ленин, показывая на карте расположение красных частей, складов и резервов. — А вот последние донесения о численности и расположении

¹ Воззвание было опубликовано в газете «Правда» 11 (24) февраля 1918 года. — *Ред.*

неприятельских сил. Если генералам потребуется еще что-нибудь, — мы предоставим все, что можем.

Генералы принялись за работу и к исходу дня представили свои соображения.

— А теперь не окажет ли Председатель Совнаркома любезность и не предоставит ли нам более комфортабельное помещение? — запскиваяще обратились к Ленину генералы.

— Весьма сожалею, — ответил Ленин, — но придется отложить это до другого раза, сейчас не время. Ваше помещение, господа, может быть, не совсем удобно, но обладает одним достоинством — оно исключительно безопасно.

Генералов отвезли обратно в Петропавловскую крепость.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДАЛЬНОЗОРКОСТЬ ЛЕНИНА

...Весной 1918 года, когда весь мир смеялся над мыслью о возможности революции в Германии и когда кайзеровская армия громилла союзнические войска во Франции, Ленин в разговоре со мной заметил, что падения власти кайзера нужно ждать в течение этого года. Так оно и получилось. Девять месяцев спустя кайзер Вильгельм бежал от своего собственного народа.

Когда я посетил Ленина перед отъездом, он написал по-английски и передал мне следующее письмо:

«Через американского товарища Альберта Р. Вильямса я шлю свой привет американским социалистам-интернационалистам. Я твердо верю, что в конце концов социальная революция победит во всех цивилизованных странах. Когда она наступит в Америке, она далеко превзойдет русскую революцию».

Ленин написал это быстро, легко, остановившись лишь один раз. Он не мог подыскать подходящего слова для «в конце концов». Я ему подсказал, и он написал *ultimately*.

— Да, — сказал он, — революция победит. Может быть, скоро, а может быть, — он поднял глаза на меня и улыбнулся, — *ultimately*. Может быть, потребуется и два десятка лет. Во всяком случае, мы уже начали. Мир определенно вступил в эпоху пролетарских революций.

Передав мне письмо, Ленин спросил:

— Когда вы собираетесь уезжать в Америку? (Это было в апреле 1918 года.)

— Я еще определенно не решил, — ответил я.

— Если вы думаете ехать через Владивосток, то лучше поспешите, а не то вас в Сибирь встретит американская армия.

В ту пору было в высшей степени странно слышать в Москве такое заявление, ибо все мы верили, что Америка проникнута самыми дружескими чувствами по отношению к новой России.

— Этого не может быть! — возразил я. — Знаете ли вы, что, по мнению Раймонда Робинса¹, есть надежды на признание Америкой Советского правительства в самом ближайшем будущем?

— Да, — сказал Ленин, — но Робинс является представителем американской либеральной буржуазии. А она не определяет политику Америки. Политику Америки направляет финансовый капитал. А ему нужен контроль над Сибирью. И он пошлет американских солдат завоевывать ее.

Такая точка зрения представлялась мне невероятной. Однако позже, 29 июня 1918 года, я видел своими собственными глазами, как во Владивостоке высаживались американские матросы, в то время как монархисты, чехословаки, англичане, японцы и другие союзники спускали флаг Советской республики и поднимали флаг царской России.

Ленинские предсказания так часто сбывались, что его взгляд на будущее представлял всегда особый интерес. Вот суть известного интервью Нодб в том виде, в каком оно появилось в парижской газете «Тан» в апреле 1919 года.

«Будущее мира? — переспросил Ленин. — Я не пророк, но одно можно сказать с уверенностью: капиталистическое государство, примером которого является Англия, отмирает. Старый строй обречен. Экономические условия, порожденные войной, ведут к новому строю. Развитие человечества неотвратимо идет к социализму.

Кто бы мог поверить несколько лет назад, что в Америке возможна национализация железных дорог? Мы видим также, что правительство скупает весь хлеб, чтобы лучше использовать его в интересах государства. Все, что говорится против государства, несколько не помешало этой эволюции. Правда, необходимо придумать и разработать новые средства контроля,

¹ Робинс, Раймонд — глава американской миссии Красного Креста в России. — *Ред.*

чтобы устранить несовершенства. Но всякие попытки помешать государству быть высшей властью напрасны. Ибо неизбежное грядет и грядет в силу собственной инерции. Англичане говорят: «Чтобы узнать, каков пудинг, надо его попробовать». Говорите что хотите о социалистическом пудинге, но только все народы пробуют и будут все больше пробовать это блюдо.

Подведем итог. Опыт показывает, что каждый народ идет к социализму своим собственным, особым путем. Будет множество переходных форм и разновидностей, но все они будут различными фазами революции, которая ведет к одной и той же цели. В случае установления социалистического строя во Франции или Германии, ему будет несравненно легче утвердиться, чем у нас в России. Ибо на Западе социализм найдет формы организации, всевозможные интеллектуальные средства и материалы, которых нет в России».

РОЛЬ ЛЕНИНА В РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

По мере того как Ленин в России вырастает в центральную фигуру мирового масштаба, вокруг его имени ведутся ожесточенные споры.

Для охваченной страхом буржуазии Ленин — гром среди ясного неба, наваждение какое-то, мировая чума.

Для мистически настроенных умов Ленин — великий «монголо-славянин», упоминавшийся в том довольно странном пророчестве, которое появилось еще до войны. «Я вижу, — гласило это пророчество, — всю Европу истекающей кровью и озаренной пожарами. Я слышу стенания миллионов людей в гигантских битвах. Но около 1915 года на севере появится доселе неизвестная личность, которая станет впоследствии всемирно известной. Это — человек без военного образования, писатель или журналист, но до 1925 года в его руках будет находиться большая часть Европы».

Для реакционной церкви Ленин — антихрист. Попы пытаются собрать крестьян под свои священные хоругви и иконы и повести их против Красной Армии. Но крестьяне говорят: «Может, Ленин и в самом деле антихрист, но он дает нам землю и волю. С какой стати нам воевать против него?».

Для рядовых русских граждан имя Ленина имеет почти сверхчеловеческое значение. Он творец русской революции,

основатель Советской власти, с его именем связано все, что представляет собой сегодня Россия.

Рассуждать подобным образом — значит смотреть на историю как на результат деятельности великих людей, словно великие события и великие эпохи определяются великими вождями. Правда, в одной-единственной личности может отобразиться целая эпоха и огромное массовое движение.

Несомненно, всякое толкование истории, которое связывает русскую революцию только с одной личностью или с группой личностей, ошибочно. Ленин первым рассмеялся бы над мыслью, что судьбы русской революции находятся в его руках или в руках его сподвижников.

Судьба русской революции — в руках тех, кто ее совершил, в руках и сердцах народных масс. Она — в тех экономических силах, под напором которых пришли в движение народные массы. Веками трудовой народ России терпел и страдал. На всех беспредельных просторах России, на московских равнинах, в степях Украины, по берегам великих сибирских рек, подстегиваемые нуждой, скованные суеверием, трудились люди от зари до зари, и уровень их жизни был крайне низким. Но всему приходит конец — даже терпению бедных.

В феврале 1917 года с грохотом, от которого содрогнулся весь мир, рабочий класс России сбросил с себя сковывавшие его цепи. Солдаты последовали его примеру и восстали. Потом революция захватила деревню, проникая все глубже и глубже, зажигая революционным огнем самые отсталые слои народа, пока вся нация в 160 миллионов человек — в семь раз больше, чем во времена французской революции, — не оказалась вовлеченной в ее водоворот.

Охваченная великой идеей, целая нация берется за дело и приступает к созданию нового строя. Это величайшее в веках общественное движение. Имея в основе своей экономические интересы народа, оно представляет собой самое решительное в истории выступление во имя справедливости. Великая нация выступает в поход и, верная идее нового мира, шагает вперед, невзирая на голод, войну, блокаду и смерть. Она устремилась вперед, отбрасывая в сторону тех, кто изменяет ей, и следуя за теми, кто удовлетворяет народные нужды и чаяния.

В массах, в самих русских массах заключается судьба русской революции — в их дисциплинированности и преданности общему делу. И нужно сказать, что им улыбнулось счастье.

Мудрым кормчим и выразителем их дум был человек с исполненным умом и железной волей, человек с обширными познаниями и решительный в действиях, человек с высочайшими идеалами и самым трезвым, самым практическим рассудком. Этим человеком был Ленин.

*Альберт Рис Вильямс. О Ленине
и Октябрьской революции.
М., Госполитиздат, 1960,
стр 31—75.*

СОТИР ЧЕРКЕЗОВ

ЗА ЧЕСТЬ И СЛАВУ ПРОЛЕТАРИАТА

С Россией меня связывает очень многое. Отец мой был ополченцем, участвовал в боях на Шипке. Он преследовал банды черкесов (турецких наемников), которые пытались проникнуть в тыл русских войск. Отсюда я и получил фамилию Черкезов.

Воспитанный с детства в духе любви к России, я еще в 1904 году решил поступить в кадетский корпус в Москве. Но меня не приняли, потому что я опоздал. Все же я остался в России. Познакомившись с болгаринном Петром Васильевичем Таушановым, который ввел меня в русскую революционную среду, я стал посещать марксистский кружок на Арбате. Здесь я впервые услышал о Ленине. Вместе с пожилыми кружковцами мы восхищались правдой, убедительностью, зрелостью мысли в статьях, подписанных Лениным и доходивших до нас нелегальным путем.

Несколько лет спустя мне выпало счастье не только видеть гениального автора этих статей, которые так волновали рабочий класс и молодежь и воодушевляли их на борьбу, но и говорить с ним.

Во время первой мировой войны я служил летчиком в русской армии. После Февральской революции я возвратился в Петроград и остановился на квартире у одного старого большевика — рабочего Путиловского завода. У него собиралось много революционеров, и я установил с ними связь.

3 апреля 1917 года по революционному Петрограду разнеслась весть о возвращении Ленина из эмиграции. Мы с хозяином квартиры сразу направились на Финляндский вокзал. Хотя мы вышли рано, вся привокзальная площадь была полна рабочих и солдат. Казалось маловероятным увидеть в такой толпе Ильича. Вдруг раздался как бы торжествующий звук паровозного гудка. Поезд медленно остановился. Ленин

приветливо махал рукой. Рабочие подняли его на руки и по-
несли к броневнику. С этого броневника он произнес пламенную
речь, закончив ее словами: «Да здравствует социалистическая
революция!».



Наступили незабываемые октябрьские дни. Однажды мой
хозяин сказал: «Мы будем вести сражение против буржуазии
и Временного правительства. На нас возлагается задача за-
нять Николаевский вокзал». Все отряды имели указания, куда
и кому направляться — к полицейским участкам, банкам, вок-
залам. Я пошел с отрядом моего хозяина. После взятия вокзала
новый комендант поздравил и поблагодарил нас от имени пар-
тии. Красный флаг торжественно взвился над вокзалом.

Уже через несколько дней над революционной столицей
нависла опасность. Керенский и генерал Краснов во главе
белогвардейских полчищ и «дикой дивизии» быстро двигались
к Петрограду. Ленин выступал на фабриках, заводах и горячо
призывал трудящихся встать на защиту Советской власти.
Фронт растянулся от Царского Села до Пулкова и Гатчины.
Положение было критическим.

На одном из участков, близ Пулковских высот, враг создал
превосходство в артиллерии, и моряки Балтийского флота, не-
смотря на их огромную храбрость, понесли большие потери. По
приказу Ленина уже на следующий день в помощь морякам
прибыли три батареи.

Несколько часов Пулковские высоты были похожи на извер-
гающийся вулкан. Снаряды сравнивали с землей противотанко-
вые проволочные заграждения и окопы врага. Оркестр заиграл
«Марсельезу» и «Интернационал». Серго Орджоникидзе во
главе отряда первым бросился в атаку. А за ними, как лавина,
поднялись тысячи других защитников Советской власти. Враг
был разбит и отброшен на юг.

Комендант Смольного представил меня товарищу Дзержин-
скому. Как летчик, я был назначен в штаб, но поскольку по
авиации дел не было, мы вместе с другими четырьмя товари-
щами стали работать курьерами. Ходили по революционным
комитетам, казармам и заводам. Если я, например, будучи на
дежурстве, получал пакет, скажем, для Калинина, Свердлова

или Ленина, я сразу шел вручить пакет. Тогда мне выпал случай увидеть Ленина вблизи, встретить его взгляд, услышать его голос, познакомиться с ним, пожать обеими руками его руку.

Когда меня представили Ленину и он узнал, что я болгарин, он, как я помню, сказал: «Люблю болгар. Я знаю Димитра Благоева, вы — хорошие революционеры. На вас можно опереться». Мы поговорили несколько минут. Затем Дзержинский сказал Ленину: «Товарищ Черкезов может быть полезным в авиации, если привести в порядок наши самолеты». Ленин ответил ему: «Если можно, будет хорошо. Аэропланы нам потребуются, так как авиация — это глаза армии. Но этого быстро не сделаешь».

После этого Ленин познакомил меня со своей женой Надеждой Константиновной Крупской. Знакомство это произошло следующим образом: однажды я был у Ленина, когда она принесла ему чай. Ленин, обратившись к ней, сказал: «Надежда Константиновна, прошу познакомиться с товарищем Черкезовым. Это болгарский революционер, родился в Болгарии». Она была небольшого роста, скромно одета, в шелковой косынке, какие обычно носят польки и чешки. Надежда Константиновна принесла нам еще чаю. Я был очень счастлив вместе с Лениным пить чай. Я полюбил этого великого человека и был готов умереть за него.

После того как аэродром в Гатчине был занят красногвардейцами, Ленин поручил мне выяснить возможность его использования. Докладывая Ленину, я в конце сказал, что из оставшихся поврежденных белыми самолетов можно будет в короткое время поправить лишь три-четыре.

— На первое время этого будет нам достаточно, — сказал Ленин. — Что вы скажете, если эти самолеты мы используем для поддержания связи и особенно для распространения декретов революционного правительства и пропагандистских материалов?

При каждой встрече Ленин не упускал возможности расспросить меня о жизни, о трудностях, которые я встречал при исполнении возложенных на меня задач. Он всегда был любезным, непринужденным, сердечным. Так относился он ко всем людям, с которыми мне удавалось его видеть. Он производил на всех огромное впечатление не только своим умом, но и своей откровенностью. Посетителям он прямо говорил, в чем они

правы и в чем ошибаются. И когда кто-нибудь упорствовал, он приводил массу доводов, чтобы убедить человека в правильной точке зрения по обсуждаемому вопросу.

Эта черта Ленина мне особенно нравилась, и этим он окончательно завоевал мое сердце.

Через некоторое время я был переведен в отдел пропаганды. Мне приходилось развозить в вагонах литературу по фронтам: к Воронежу, Ростову, Чернигову — туда, где сражалась Красная Армия.

В то время, в 1918 году, из Финляндии было получено по дипломатическим каналам сообщение о том, что в Болгарии армия бросила фронт, провозгласила Радомирскую республику и двинулась на Софию с целью свергнуть царя и правительство. Радио тогда еще не было, и нельзя было понять, что происходит в Софии. Одни верили сообщениям, другие — нет¹.

Однажды меня вызвал Ленин и сказал:

— У вас — республика, новая власть.

Я ответил, что ничего не знаю.

— Нельзя ли узнать через болгар? — спросил Ленин.

— Они тоже ничего не знают, — сказал я. — Может, в дальнейшем будет известно.

Тогда в разговор вмешалась Александра Коллонтай:

— Нельзя ли послать кого-нибудь в Болгарию, чтобы на месте изучить положение, потому что иначе никак нельзя понять?

— Кого же? — спросил я. — Не могу ничего вам сказать.

— А ты, как болгарин, не поехал бы?

Мне заготовили пропуск, подписанный председателем ВЧК Держинским. Всем советским властям предписывалось оказывать мне содействие при поездке до границы Республики. Перед отъездом меня вызвал Ленин, дал мне некоторые наставления в присутствии Коллонтай, вручил письмо, затем

¹ В конце сентября 1918 года в болгарской армии вспыхнуло массовое солдатское восстание. Восставшие солдаты захватили город Радомир и, провозгласив 27 сентября республику, двинулись к Софии; 28 сентября передовые колонны восставших достигли села Владая, от которого восстание и получило свое название — Владайское. У самых предместий Софии восставшие были разбиты в конце сентября — начале октября соединенными силами царской гвардии и подоспевших немецких подразделений. — *Ред.*

попрощался и пожелал мне доброго пути и успеха в моей командировке. Вечером я выехал поездом и через два дня прибыл на станцию Орша. Представился я пограничному комиссару и предъявил ему свой пропуск. Когда он узнал, что я летчик (а сам он был балтийским моряком), он сказал: «Летчики — надежные люди. Я верю, что ты доберешься до Болгарии и вернешься». Один красногвардеец довел меня до пропускного пункта, и я, пройдя проволочные заграждения, продолжал свой путь.

В конце концов я добрался до Джурджу и через Дунай — в Русе. Оттуда поездом через Горну Оряховицу прибыл в Софию.

В Софии на бульваре Марии-Луизы (сейчас бульвар Георгия Димитрова) была гостиница «Лондон». Ночь я провел в этой гостинице, а на рассвете побрился, привел себя в порядок — ведь 12 дней я не мог спать по-человечески — и направился в редакцию «Работнического вестника»¹, чтобы передать письмо, адресованное Димитру Благоеву. «Дед»-Благоев сидел на стуле и читал газету. Было холодно, и в комнате пылала печка. У печки с щипцами для углей сидела темноволосая невысокая девушка, которую я не знал. Потом я догадался, что это дочь Благоева Стелла, которая ему помогала.

Войдя, я закрыл дверь и остановился перед «Дедом». Тот, продолжая читать газету, спросил: «Что вам угодно, товарищ?». Отвечаю ему: ««Дед», я прибыл с далекого севера, из Советской республики, из Москвы. Посылает вам привет Владимир Ильич Ленин, а также его соратники. А это письмо адресовано вам. Оно поизмялось, но если бы вы знали, как опасно было хранить его при себе. А это — газеты, книги, декреты». «Дед» вскочил со стула: «Неужели?! Садись, товарищ!» Он разволновался, поцеловал меня, взял газеты, вскрыл письмо, прочитал и сказал:

— Так, так, хорошо. Стелла, пойдй принеси кофе. Потом он спросил меня:

— Как товарищи, как там идут дела? — Целых два часа разговаривали мы с ним. Наконец он мне сказал:

¹ «Работнически вестник» («Рабочий вестник») — газета, орган Болгарской рабочей социал-демократической партии. Была основана в 1897 году на IV съезде партии. Издавалась до 1939 года. При объединении Болгарской коммунистической партии с Рабочей партией в 1939 году газета «Работнически вестник» слилась с газетой «Работническо дело». — *Ред.*

— Устал ты, пойдн отдохнн.

Было уже утро, около 9 часов. Я действительно чувствовал себя уставшим.

— Идн отдыхать, а в 3 часа жду тебя. Только приходи непременно. Я приглашу товарищей, н мы решнм вопрос о твоём возвращеннн.

Я вернулся в гостиницу, а в 3 часа уже снова был в редакци. Кроме «Деда» н Стеллы там находились еще четыре человека примерно моих лет. Они обо всем уже знали: Стелла пригласила их н сообщила, что из Москвы прибыл специальный курьер, привезший письмо н литературу. Они прочитали русские газеты н с нетерпением ожидали меня.

Как только я вошел, «Дед» встал н сказал:

— Первая ласточка, которая прилетела с севера. Ну, познакомьтесь.

Так я познакомился с Георгием Димитровым, Василем Коларовым, Христо Кабакчиевым н Тодором Лукановым. «Дед» был весел, часто смеялся.

— Расскажи товарищам то, что ты мне рассказал: о революции, о твоей работе в Смольном.

Беседовали мы довольно долго, стало темнеть. Наконец «Дед» сказал:

— Слушай, товарищ, когда думаешь возвращаться?

— Я могу выехать хоть сегодня, меня здесь ничто не удерживает. Моей целью было приехать, повидать Болгарию, встретиться с вами, рассказать о положении н вернуться.

— Ну, хорошо.

Георгий Димитров н Тодор Луканов вышли в другую комнату, а минут через 20 принесли два письма: одно — Центральному Комитету большевистской партии, второе — Ленину. Мне дали также письмо для Димитра Кондова — секретаря коммунистической организации в г. Варна. Стелла приготовила подшивку «Работнического вестника» из 25 газет, а Тодор Луканов дал мне несколько эмалированных значков с изображением Карла Маркса н Фридриха Энгельса, которые я приколот к куртке. Письма, адресованные в Москву, я положил в карман, а письмо в Варну — отдельно. Я сказал, что должен уходить. Тогда все встали, проводили меня до двери н просили передать пожелания успеха революции н победы над врагом. Георгий Димитров держал меня под руку, а «Дед» поцеловал меня н сказал:

— Ну, береги себя, постарайся благополучно добраться.

Ночью я выехал в Варну. На другой день, прибыв туда, нашел секретаря организации Димитра Кондова — высокого стройного человека с бородой. Мы познакомились, и я передал ему письмо, сказав, что еду из Софии. Кондов прочитал его и обещал оказать мне содействие.

На другой день Кондов пришел за мной в гостиницу. Мы направились к порту; когда приблизились, я увидел пароход «Царь Фердинанд».

— Вот на этом пароходе, — сказал Кондов, — отправим тебя завтра в Россию. Это болгарский пароход, но англичане и французы реквизировали его, и на нем репатрируются около 800 пленных русских офицеров и солдат. Едут в Крым, их шлют к Врангелю. Оружие тоже ему посылают.

На другой день я снова зашел в клуб коммунистической организации, и двое рабочих повели меня в порт. Вместе с ними под видом носильщика я прошел на пароход. Боялся проверки, но все обошлось благополучно.

Наконец, прозвучали три сигнала, винт завертелся, и пароход отошел от берега.

На другой день в два часа вместе с группой русских пленных я высадился на кавказском побережье. Так я вернулся в Россию.

С большим трудом удалось мне добраться до Москвы. На следующий день после приезда я направился в ЦК, чтобы передать Ленину письмо из Болгарии. Когда Ленину сообщили о моем возвращении, он воскликнул: «Молодец, болгарин!».

После этого я снова стал заниматься распространением революционной литературы на фронтах.

В Одессе белым удалось арестовать меня. У меня отобрали паспорт, диплом, деньги, часы, кольцо и бросили в тюрьму. Но в начале апреля мне шепнули на ухо, что я спасен. Судьба меня не забыла. Красная Армия вступила в Одессу.

Снова пошли напряженные дни, которые я отдавал службе делу революции. Но мне нужно было возвращаться в Болгарию.

Мы взяли румынскую лодку, конфискованную советскими властями, и отправились в Болгарию. Нас было трое — я и еще два болгарских коммуниста. Везли мы с собой советскую литературу. После трудной и напряженной борьбы с водной стихией мы пристали к болгарскому берегу.

Варненские товарищи послали литературу через наших товарищей-железнодорожников «Деду»-Благоеву. Через несколько дней с помощью коммунистов из г. Провадии мне удалось приехать в Софию.

Кажется, это было 10 июня 1919 года. Коммунистическая партия проводила конференцию, на которую созывались делегаты со всей Болгарии. Прибыл и я. «Дед» узнал меня сразу и, улыбаясь, сказал: «Браво! Только что тебя видят в Софии, а ты уже в Москве, видят в Москве — а ты в Софии».

Так я выполнил свой долг, и я рад, что мог быть полезен революции, Красной Армии, что служил во имя чести и славы пролетариата.

*«Воспоминания болгарских товарищей
о Ленине» (Перевод с болгарского).
М., Госполитиздат, 1958, стр. 33—40.*

М ФИЛИПС ПРАЙС

РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

(ФРАГМЕНТЫ ИЗ КНИГИ ¹)

На трибуне стоял тот самый невысокий, коренастый, лысый человек ², которого шесть месяцев назад я видел на Первом съезде Советов ³ в роли руководителя крошечной большевистской группы. Это был Ленин... Петроградский Совет составлял к этому времени единую фалангу большевистских депутатов, и, когда Ленин заговорил о предстоящем съезде Советов как единственном органе, способном осуществить революционную программу русских рабочих, солдат и крестьян, зал разразился нескончаемыми аплодисментами. Возле меня кто-то прошептал, что спю минутой получено известие, что с помощью рабочих-красногвардейцев и части гарнизона Военно-революционному комитету удалось занять Зимний дворец и арестовать всех министров, за исключением Керенского, бежавшего в автомобиле.

Я спустился этажом ниже, в бюро большевистской партии. Здесь я увидел нечто вроде генерального штаба революции, рассылавшего во все концы города гонцов, снабженных инструкциями и возвращавшихся затем со сведениями и новостями. Наверху, в бюро старого меньшевистско-эсеровского исполнительного комитета, царил гробовая тишина. Две машинистки приводили в порядок бумаги, а издатель «Известий» Розанов ⁴ еще пытался сохранить самообладание...

...Около десяти часов вечера я вышел из Смольного. На улице, возле костра, в группе рабочих и балтийских матросов шел разговор о съезде. Я услышал, как один из них сказал:

¹ Книга издана в Лондоне в 1921 году. — *Ред.*

² Речь идет о выступлении В. И. Ленина с докладом на заседании Петроградского Совета 25 октября (7 ноября) 1917 года. — *Ред.*

³ Первый съезд Советов рабочих и солдатских депутатов состоялся в начале июня 1917 года. — *Ред.*

⁴ *Розанов, В. Н.* — меньшевик, после Октябрьской революции боролся против Советской власти. — *Ред.*

«Мы должны теперь взяться за работу в провинции — разъяснять и организовывать; ни один из депутатов не может оставаться здесь дольше, чем это необходимо».

Я пошел вдоль берега Невы, которая в самых мелких местах, против верфи, стала уже затягиваться ледяной коркой. С Финского залива надвигался суровый ноябрьский туман. Против Васильевского острова стояли крейсер «Аврора» и один эсминец с орудиями, направленными на Зимний дворец. Раздался крик: «Стой!», и я увидел цепь красногвардейцев, преградившую улицу. Я оказался поблизости от Зимнего дворца...

«Где находятся министры Керенского?» — спросил я у одного из часовых. «На том берегу, в Петропавловской крепости», — гласил лаконичный ответ. «Здесь вы не пройдете», — сказал другой часовой...

Я повернул назад и столкнулся с отрядом женщин в солдатской форме. Их вели под конвоем. Они входили в состав пресловутого женского «батальона смерти», — несчастные деревенские девушки, казавшиеся русской буржуазии достаточно надежными и позволившие поэтому использовать себя в качестве пушечного мяса против большевиков. Не зная, что им делать, когда наступил кризис, они остались возле Зимнего дворца, после того как остальной гарнизон перешел на сторону Военно-революционного комитета. Теперь их вели в Петропавловскую крепость, откуда они вскоре были отпущены и отправлены по домам.

Я прошел по мосту через Неву и приблизился к Петропавловской крепости. У ворот стояли красногвардейцы, а на башне этой бастилии царизма реял красный флаг. Вчера еще заседало правительство Керенского и «вершило» судьбы распадающегося общественного порядка. Сегодня его члены находились в этой крепости, куда всего днем раньше они засадили вождей большевиков. Колесо фортуны повернулось, и господство тех, кто пришел к власти в результате Февральской революции, кончилось в течение одной ночи. Русская революция вступила тем самым в новую фазу. Советы рабочих, крестьянских и солдатских депутатов одержали верх.

...К 9 ноября стало очевидно, что в настоящее время власть находится в руках Военно-революционного комитета, действующего от имени Второго Всероссийского съезда Советов. Тогда все это представлялось мне крайне забавным, и я не мог не улыбаться, думая о событиях последних трех дней. Я еще не

привык к революционной атмосфере. Я пытался представить себе, как это было бы, если бы в Лондоне появился комитет из простых солдат и рабочих, чтобы объявить себя правительством, не признающим никаких приказов с Уайтхолла¹, не согласованных с ним самим. Я пытался представить себе, как британский кабинет министров вступает с комитетом в переговоры об урегулировании конфликта, в то время как Букингемский дворец² окружен войсками, а глава государства, переодетый прачкой, спасается бегством через заднюю дверь. В русской действительности произошло тогда нечто подобное. Было почти невозможно свыкнуться с мыслью, что многовековая русская империя развалилась у нас на глазах с такой поразительной неудержимостью.

...На следующий день, 10 ноября, в воздухе повеяло иным настроением. Казалось, что впервые за много месяцев в России установилась такая политическая власть, которая знает, чего она хочет. Это мнение ясно высказывалось в обычных уличных разговорах. К цирку «Модерн» стекалась большая толпа народу, перед которой, в числе других, должны были выступать и делегаты съезда Советов. Группы людей, принадлежащих к низам среднего сословия, — студенты без средств, мелкие лавочники и вообще те городские элементы, которые в России называются «мещанами», обменивались мнениями. Ни слова не говорилось о каких-то насильственных действиях, с помощью которых большевики захватили власть. Действия, оскорбившие нежные чувства интеллигентов, не волновали практических «политиков улицы». Смогут ли большевики обеспечить города продовольствием и положить конец войне? Таков был вопрос, который они задавали. «Ни царское правительство, ни правительство Керенского не сумели этого сделать, пусть теперь попытаются эти люди», — были слова, которые я слышал со всех сторон. Класс мелких лавочников и значительная часть пролетариев в крахмальных воротничках, которые в течение всего лета проявляли ожесточенную враждебность к большевикам, в данный момент, казалось, перешли на позиции благожелательного нейтралитета.

В тот же день я отправился на Васильевский остров и посетил гавань, куда приходили суда из Кронштадта. В районе

¹ Уайтхолл — улица в Лондоне, на которой расположены здания правительственных учреждений. — *Ред.*

² Букингемский дворец — резиденция английских королей. — *Ред.*

гавани вокруг костров расположились на некотором расстоянии друг от друга под командой матросов патрули красногвардейцев и заводских рабочих с красными повязками на рукавах. Здесь собралась толпа любопытных и жадных до зрелищ, чтобы посмотреть на маленький крейсер «Аврора» и эсминцы, стоявшие на якоре на Неве с поднятыми на них красными флагами. Кронштадтские матросы и красногвардейцы превратили Балтийский флот в оплот революции. Поскольку теперь они оказались правой рукой нового правительства, то петроградский мещанин явился поглядеть на своих новых властителей. Некоторое время я наблюдал, как группы красногвардейцев и матросов отвечали на расспросы этих людей, которые под влиянием буржуазной пропаганды до вчерашнего дня смотрели на большевиков как на чудищ и казались теперь изумленными, что обнаружили в них такие же человеческие существа.

К вечеру я отправился в Смольный. Второй Всероссийский съезд Советов уже окончился¹, и делегаты разъезжались по всем направлениям. Они везли с собой громадные тюки с брошюрами, прокламациями и воззваниями, чтобы распространить их в отдаленных областях. Татары в степи и охотники за пушными зверями в Сибири должны были получить известие о великом событии в Петрограде — о попытке создать первое в мире рабочее правительство. Наверху большевики уже завладели помещением официального советского органа «Известия». Его меньшевистский редактор собрал свои пожитки и покинул редакцию незадолго до моего прихода. Большевистский деятель Стеклов стоя вел серьезный разговор с каким-то неизвестным мне человеком. Аксельрод пытался навести какой-то порядок в кипе бумаг. Другой человек ковырял шилом в замке ящика, ключ от которого, по-видимому, захватили с собой меньшевики. Вдоль одной из стен комнаты, погружившись в глубокую задумчивость, расхаживал Ленин. Я наблюдал эту сцену со всей ее суетой и напряженной деловитостью...

«Глазами человечества». Иностранные писатели и общественные деятели о В. И. Ленине М., Детгиз, 1957, стр. 14—19.

¹ Второй Всероссийский съезд Советов открылся 25 октября (7 ноября) 1917 года в 10 часов 45 минут вечера и закончил работу в 5 часов 15 минут утра 27 октября (9 ноября) 1917 года. — *Ред.*

ЛУИЗА БРАЙАНТ (РИД)

МОЕ ЗНАКОМСТВО С ЛЕНИНЫМ

(ОТРЫВОК ИЗ КНИГИ «ЗЕРКАЛА МОСКВЫ»¹)

Вокруг всякого знаменитого человека возникают легенды. Жизнь вождя великого всемирного движения должна гармонировать с его теорией, его поведение не может не следовать правилам, которые он проповедует... Что касается Ленина, то даже самый строгий моралист не смог бы найти ни малейшего пятнышка в его личном поведении.

Как бы беспокойно ни было у него на душе, его всепокоряющее присутствие духа производило сильное впечатление. Без всякой суеты принял он на себя огромную власть, без суеты встретился лицом к лицу с мировой реакцией, гражданской войной, болезнями, поражениями и столь же невозмутимо относился даже к победам. Без шумихи он отошел на время болезни от дел и так же незаметно снова вернулся к своим обязанностям. Его спокойная твердость порождает гораздо больше уверенности, нежели самая пышная помпезность. Я не знаю ни одного деятеля в истории, который умел бы сохранять такое же полное самообладание, как он, в самые отчаянные дни.

...Мне никогда не забыть тот день в самый мрачный период блокады, когда я отправилась к Ленину и попросила у него разрешения поехать в Среднюю Азию, после того, как в Наркоминделе мне в этом наотрез отказали. Он просто поднял на меня глаза, оторвавшись от работы, и улыбнулся.

— Приятно слышать, — сказал он, — что в России есть такой человек, у которого достаточно силы, чтобы окунуться в исследования неизвестного. Вас там могут убить, но во всяком случае поездка эта на всю жизнь останется для вас самым ярким воспоминанием. Стоит рискнуть.

Через два дня я уже находилась в пути, снабженная всеми необходимыми пропусками, дававшими право ехать в любом

¹ Книга вышла в 1923 г. в США. — *Ред.*

поезде п останавливаться в любой правительственной гостинице. Я везла с собой личное письмо Ленина, и меня сопровождали в качестве эскорта два солдата. Уже за одну только мысль — в самый разгар революции совершить такую поездку — любой другой человек в России отнесся бы ко мне, как к навязчивому искателю приключений...

В беседах с людьми для Ленина не существует незначительных тем. Помню, однажды кто-то из иностранных делегатов разговаривал с ним о русском театре и упомянул, между прочим, о нехватке костюмов и театрального реквизита.

Один из делегатов заметил, что Гельцер, великая балерина, жаловалась, что у нее нет шелковых чулок. Делегаты думали, что это мелочь. Ленин думал иначе. Он сдвинул брови и сказал, что позаботится, чтобы Гельцер немедленно получила все, что ей нужно. Вызвав стенографистку, он тут же продиктовал об этом письмо Луначарскому. А ведь Ленину, может быть, и не приходилось видеть, как танцует Гельцер, и он никогда больше не возвращался к этому вопросу.

Надежда Константиновна Крупская, жена Ленина, пригласила меня на чашку чая к себе домой, и я с радостью приняла приглашение — мне очень хотелось посмотреть, как живет семья Ленина...

У них две небольшие комнатки согласно существующим в Москве правилам. В квартире царила безукоризненная чистота, хотя, как мне сказала Надежда Константиновна, у них не было домработницы. В комнатах — огромное количество книг, на окнах — цветы, стоят несколько стульев, стол, кровати, на стенах нет ни одной картины.

Оказалось, что Надежда Константиновна обладает тем же очарованием, что и Ленин, и точно так же умеет сосредоточить все свое внимание на том, что говорит собеседник.

Когда вы входите в его кабинет, Ленин, улыбаясь вскакивает вам навстречу, пожимает руку и усаживает в большое глубокое кресло. Когда вы уселись, он пододвигает к вам поближе другое кресло и, наклонившись чуть вперед, начинает говорить так, словно в мире ничто его так не интересует, как ваше посещение.

Он любит безобидно пошутить и будет весело хохотать над рассказом, к примеру, о том, как мистер Вандерлип¹ во время

¹ *Вандерлип, В.* — американский промышленник, приезжал в Советскую Россию в 1919 году с целью получить концессии. — *Ред.*

холодов подрался с каким-то венгром из-за пары поленьев дров, или когда собеседник расскажет о забавном происшествии в поезде или на улице. Он и сам любит рассказывать смешные истории и рассказывает их мастерски. Но такой разговор «ни о чем» продолжается недолго. Ленин вдруг обрывает смех и спрашивает:

— А что за человек Гардинг¹, каково его прошлое?

Какой бы решимости забросать его вопросам ни бываешь преисполнен, всегда уходишь от него, поражаясь тому, что сам ты только что без конца говорил и, вместо того, чтобы спрашивать, сам непрерывно отвечал на его вопросы. У Ленина необыкновенная способность вызывать собеседника на разговор и располагать его к откровенности.

Это умение устанавливать личный контакт, должно быть, оказывает большое влияние на людей, с которыми он постоянно общается...

*Журнал «Новый мир» № 3, 1960 г.,
стр. 174—175.*

¹ Гардинг, У. Г. — крупный американский промышленник, республиканец. Враждебно относился к Советской России. В 1921—1923 годах президент США. — *Ред.*

МИХАИЛ БУЖОР

ВОСПОМИНАНИЯ О ВСТРЕЧАХ С ЛЕНИНЫМ

В 1917 году я находился в Одессе, где руководил румынским революционным центром и газетой «Лупта» («Борьба»). Сразу же после 25 октября (7 ноября) я решил поехать в Петроград, чтобы согласовать с Советом Народных Комиссаров, возглавляемым Лениным, нашу революционную деятельность на юге.

В начале декабря 1917 года я отправился из Одессы и через три дня приехал в Петроград.

После приезда я немедленно зашел в Народный комиссариат по иностранным делам и передал народному комиссару два экземпляра длинной докладной записки: один для него, другой для Ленина.

Последующие дни я провел в архиве Народного комиссариата по иностранным делам, где просматривал документы и дипломатическую корреспонденцию относительно вступления Румынии в войну в 1916 году.

Однажды утром в моем номере гостиницы «Астория» зазвонил телефон. Телефонистка сообщила, что меня вызывает Ленин, который прислал за мной машину. Через пять минут я был в Смольном. Шофер выполнил некоторые формальности, и мы вошли в большую, светлую канцелярию, где за письменными столами сидели машинистки. Шофер зашел в соседнюю комнату.

...Ленина я до этого не знал и никогда не видел. Сажу в комнате и жду приема. В двери, за которой исчез шофер, появился мужчина средних лет, одетый в обычный черного цвета костюм; у него был круглый большой лоб, маленькая бородка, в руках листок бумаги. Я принял его за секретаря, который должен проводить меня к Ленину. Мы дружелюбно посмотрели друг на друга, тепло пожали друг другу руки и, не говоря ни слова, вошли в комнату Ленина — «секретарь»

вперед, я — за ним. Но там никого не было. А не Ленин ли это? — подумал я. Видимо, да. Войдя в комнату, он остановился у круглого столика и без излишних формальностей приступил к делу, начав читать некоторые отрывки из того самого листка, который был у него в руке. Очарованный этой простой манерой Ленина знакомиться и завязывать беседу, я по-французски изложил свое мнение по поводу того, что он мне прочел. Ленин принял во внимание сказанное мною и, взяв со стола ручку, зачеркнул две-три строчки в резолюции, которую он мне прочел. Потом мы обменялись мнениями относительно положения в Румынии и на Балканах.

В этот момент кто-то вошел в кабинет и сразу же доложил, что прошлой ночью какая-то банда напала на итальянское посольство (это было дело рук контрреволюционеров: они организовывали не только беспорядки, но и вызывали трудности вплоть до дипломатических конфликтов в отношениях с иностранными державами). Раздосадованный сообщением, Ленин сел на стул и потребовал, чтобы ему рассказали все подробно; затем он отдал распоряжения.

После этого наше свидание окончилось. В памяти навсегда остались черты лица этого человека, одухотворенные глубокой мыслью и внутренней энергией.

Уходя, я еще раз окинул взглядом обыкновенную комнату в Смольном, разделенную на две части: «кабинет» и «спальню», — в которой Ленин работал и жил в первые недели революции.

Это был наблюдательный и командный пункт высшего командира пролетарских войск, который вел себя непоколебимо и уверенно, несмотря на большие революционные потрясения, и который открыл своей стране и человечеству новую эру.

* *
*

Второй раз я видел Ленина на первом и последнем заседании Учредительного собрания¹. Ленин присутствовал на заседании вместе с другими членами правительства, но прямого участия в дискуссии не принимал. Тем не менее его руководящая роль была очевидна. Взгляды всех сидящих в зале участ-

¹ Заседание Учредительного собрания состоялось 5(18) января 1918 года в Петрограде, в Таврическом дворце. — *Ред.*

нпков собрания и публпки, которая до отказа забила отведенные ей места и напряженно следила за грандиозными спорами, были прикованы к нему. На него же смотрел и я...

* *

*

На заседании III Всероссийского съезда Советов¹ Ленин — этот блестящий оратор, вызвавший у присутствовавших в набитом до отказа зале бурю аплодисментов и возгласы «ура», радостный и возбужденный говорил о причинах победы Советской власти, ее успехах; он сказал, что новое пролетарское государство доказало свою жизнеспособность тем, что уже превзошло другое известное в истории пролетарское государство — Парижскую коммуну — на 5 дней. В его ясном предвидении эти 5 дней превращались в многие недели, месяцы, годы, десятилетия и, наконец, в века; они были гарантией непобедимости Советской власти.

Я сидел вблизи трибуны и следил за докладом оратора и за самим оратором; в это время какой-то художник искусно делал наброски карандашом на листке своего блокнота — он рисовал стоявшего на трибуне Ленина в различных положениях и позах.

Во время этого съезда Советов я встречал Ленина несколько раз после заседаний в коридоре, который вел к выходу. Еще издали он улыбался и, здороваясь за руку, обменивался со мной двумя-тремя фразами и направлялся к выходу, где его ожидала машина.

* *

*

Немногим более чем через месяц после этого съезда я увидел Ленина снова. Это было в середине февраля 1918 года. Я был вызван в Смольный как-то вечером. Заседание Совета Народных Комиссаров затянулось и шло уж довольно долго. Около двух часов ночи Ленин вышел из зала заседания; он сообщил мне, что решено создать коллегия по руководству борьбой против контрреволюции на юге и что я избран членом

¹ Речь идет о заседании III Всероссийского съезда Советов 11(24) января 1918 года, где В. И. Ленин выступил с «Докладом о деятельности Совета Народных Комиссаров» (см. *В. И. Ленин, Соч.*, т. 26, стр. 413—429). — *Ред.*

этой коллеги. Владимир Ильич опять поинтересовался положением в Румынии и перспективами борьбы на юге. Затем вручил мне документ о назначении в этот важный орган; мы пожали друг другу руку и тепло распрощались. Это был день, когда я последний раз говорил с Лениным и пожал его руку...

Я хранил этот ленинский документ, как сокровище. И всякий раз, когда я читал и перечитывал его, смотрел на подпись Ленина на нем, передо мной вновь и вновь возникал вдохновляющий образ этого великого человека, и мне казалось, что он рядом со мной.

Но когда я скрывался от белогвардейской контрразведки в курортном местечке Балаклава на берегу Черного моря, недалеко от Севастополя, мне пришлось спрятать этот документ, чтобы он не попал в руки врагов. Последовавший затем арест помешал мне взять его из потайного места.

И если в Балаклаве еще сохранился дом, принадлежавший тогда какому-то железнодорожнику, а в этом доме — зеркало, то за ним и поныне, может быть, еще лежит никому не известный, пожелтевший от времени документ, подписанный самым великим человеком нашего времени.

1957 г.

*«Воспоминания о Великом Октябре».
Бухарест, изд. «Еспла», 1957.*

ДЬЮЛА АНДРАШ ВАРГА

ВОСПОМИНАНИЯ КРАСНОГО КОМАНДИРА

Владимира Ильича Ленина я впервые увидел в 1917 году в Петрограде, куда я приехал после того как меня выпустили из «Круга» — одесской тюрьмы для политзаключенных. Владимир Ильич говорил с нами о крахе II Интернационала, об условиях, созревших для сплочения сил международного пролетариата и для великой борьбы, т. е. для социалистической революции. В то время в России находилось более двух с половиной миллионов военнопленных — венгры, хорваты, сербы, далматинцы, босняки, румыны, болгары, чехи, словаки, австрийцы, поляки, немцы, турки, китайцы. Общая судьба, общие страдания и надежды на освобождение сблизили военнопленных различных национальностей. Большая часть из них встала под красное знамя большевиков. Мы задали товарищу Ленину вопрос: «Каково Ваше мнение о революционной борьбе военнопленных?». Точка зрения Ленина была точкой зрения партии, а партия боролась за привлечение на свою сторону рабочих, крестьян и интеллигенции различных национальностей, находившихся в России. После победы Октябрьской революции взгляды Ленина по этому вопросу нашли свое выражение в декрете Советского правительства от 17 декабря 1917 года. Этим декретом военнопленные были освобождены, иностранные рабочие и крестьяне, находившиеся в России, получили те же права, какие завоевали себе их братья по классу — русские рабочие и крестьяне. Им были обеспечены свобода слова и собраний, предоставлены помещения для ведения пропаганды и культурной деятельности, возможности для выпуска газет. Мы, военнопленные, пользовались большей свободой, чем наши «свободные» братья на родине, изнывавшие под гнетом господствовавших классов.

Революционно настроенные военнопленные участвовали в подготовке и осуществлении Октябрьской революции. Создан-

ные при интернациональные отряды сражались на фронтах гражданской войны. Мне тоже довелось воевать в различных районах страны: на Волге, в районе Кузнецка, на Урале, возле Симбирска, Оренбурга и в других местах. По поручению Союза военнопленных я часто бывал у Владимира Ильича Ленина. Один раз я был у него вместе с Тибором Самуэли¹.

Ленин остался в моей памяти как изумительно простой человек. Разговаривая, он неизменно употреблял ясные простые слова. Во время беседы Ленин склонял немного голову, будто смотрел куда-то вдаль, хотя на самом деле внимательно вслушивался в каждую фразу собеседника, взвешивая каждое его слово, сосредоточенно щуря глаза. Подпирая одной рукой подбородок, другой он быстро делал какие-то заметки. Во время разговора Ленин часто вставал и, засунув руки в карманы, быстро ходил по комнате.

Ленин очень любил пересыпать свою речь шутливыми выражениями. И чем труднее было положение, тем больше он шутил, тем бодрее становился. Этим он вселял уверенность в тех, кто его слушал. Мы были убеждены: раз у Ленина хорошее настроение, значит, нет оснований для серьезных опасений, нужно только быть таким же твердым и выдержанным, как он. Но если речь заходила о врагах партии и рабочего класса, Ленин становился серьезным, хотя и тут любил вставлять колкие, проницательные замечания.

Владимир Ильич Ленин с редким вниманием относился даже к мелким нуждам простых людей. Он рассматривал все заявления, принимал каждого посетителя, выслушивал каждую жалобу. Мы, венгры, тоже знали, как заботится Ленин обо всех, и поэтому со всеми сложными вопросами, которых сами решить не могли, доверчиво обращались к нему. И Ленин всегда оказывал нам действительную помощь.

¹ *Самуэли, Тибор* (1890—1919) — видный деятель венгерского рабочего движения. Оказавшись в первую мировую войну в плену в России, он после Октябрьской революции вступил в Коммунистическую партию, являлся одним из организаторов интернациональных бригад, защищавших Советское государство от контрреволюционных сил. Возвратившись в начале 1919 года в Венгрию, он стал руководящим деятелем Компартии Венгрии. Занимал ряд постов в правительстве Венгерской Советской Республики в 1919 году. В августе 1919 года после подавления революции в Венгрии Самуэли был зверски убит агентами империалистической разведки. — *Ред.*

В 1918 году я присутствовал на одном совещании, в работе которого принимали участие товарищи Ленин и Свердлов. Бывшими военнопленными занимался главным образом товарищ Свердлов, и Владимир Ильич Ленин всегда спрашивал его мнение, хотя то и дело интересовался и нашими взглядами. Выслушав, он советовался, как лучше решить тот или иной вопрос. При этом он умел так подвести нас к правильному решению, что получалось, будто оно исходило от нас. Ленин никогда ни в чем не подчеркивал своего превосходства, не навязывал своего мнения, а умел убедить человека, подвести его к истине. Он воспитывал в людях способность мыслить и действовать самостоятельно. Кто хоть однажды говорил с ним, никогда его не забудет. Облик живого Ленина и сейчас стоит перед моими глазами. Незабываемые впечатления от встреч с ним помогли мне, и не только мне, выстоять в самые тяжелые минуты. Образ Ленина живет и вечно будет жить в сердцах всех революционеров.

Летом 1918 года Советской России угрожала смертельная опасность: войска интервентов отрезали ее от моря, хлеба, угля, нефти. В стране свирепствовали тиф и голод. В двадцати трех местах вспыхнули контрреволюционные мятежи. 30 августа на одном из митингов Ленин призвал рабочих и крестьян отдать все силы на поддержку фронта. «У нас один выход: победа или смерть!»¹ — сказал он. После этого митинга одна эсерка совершила злодейское покушение на Ленина, и он был тяжело ранен.

После этого злодейского покушения Тибор Самуэли выступил в органе венгерской группы РКП(б) газете «Рнадо» («Тревога») с боевым призывом. Самуэли призвал венгерских военнопленных взяться за оружие и ликвидировать угрозу, нависшую над социалистической революцией. В ней Самуэли писал: «Или достигнем намеченной цели или погибнем вместе с русской революцией, с которой мы связали свою жизнь, судьбу, все свое будущее!»

В это время мы в составе интернационального отряда Красной Армии сражались с белогвардейскими офицерскими бан-

¹ Этими словами Владимир Ильич Ленин закончил свою речь на митинге на заводе бывш. Михельсона 30 августа 1918 года (*В. И. Ленин*, Соч., т. 28, стр. 73). — *Ред.*

дамп на Волге. Весть о злодейском покушении на Ленина взбудоражила нас. Будем бороться до последнего патрона, до последнего вздоха, решили мы, во что бы то ни стало уничтожим белые банды, свергнем эсеровское «правительство» Поволжья. С мыслью о тяжело раненном Ленине мы решили немедленно освободить его родной город Симбирск, недалеко от которого тогда находились. Через десять дней после покушения на Ленина мы наголову разгромили части генерала Каппеля, а 12 сентября после ожесточенного сражения взяли Симбирск. В тот же день мы отправили товарищу Ленину следующую телеграмму: «Дорогой Владимир Ильич! Взятие Вашего родного города — это ответ на Вашу одну рану, а за вторую — будет Самара!»

Сейчас эта телеграмма хранится в десятом зале Музея В. И. Ленина в Москве.

В тот же день на имя комиссара 1 армии товарища В. В. Куйбышева пришел ответ Ленина: «Взятие Симбирска — моего родного города — есть самая целебная, самая лучшая повязка на мои раны. Я чувствую небывалый прилив бодрости и сил. Поздравляю красноармейцев с победой и от имени всех трудящихся благодарю за все их жертвы»¹.

Телеграмма Ленина была зачитана на митингах красноармейцев и рабочих в Петрограде. Несколько дней спустя в бюллетене о состоянии здоровья Ленина сообщалось, что «температура нормальная, пульс хороший. Владимиру Ильичу разрешено заниматься делами». Узнав о выздоровлении Ленина, мы были беспрельдно счастливы.

Помня об обещании Ленину, мы, красноармейцы, сражавшиеся на Волге, отбили ожесточенные контратаки войск генерала Каппеля. Четыре дня и четыре ночи отважно дрались 150 бойцов венгерской роты, отражая яростный натиск 1500 белогвардейцев, и отстояли Симбирск. А вскоре войска Красной Армии расплатились с врагом и за вторую рану Ленина, освободив Самару. В боях на подступах к Самаре наш интернациональный батальон сражался вместе с легендарными чапаевцами. Окруженные нами эсеровские и белогвардейские части в панике бежали в город. Члены эсеровского «правительства» уже находились в вагонах, но бежать им так и не удалось: раз-

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 28, стр. 75. — *Ред.*

громленные войска, стремившиеся прорваться в Сибирь, вышвырнули их из вагонов вместе с багажом. Эсеровским «министрам» пришлось удирать пешком, на велосипедах — кто как мог. В городе восстали рабочие. Вскоре они соединились с наступавшими красными войсками.

Таков был ответ Красной Армии на вторую рану Ленина, нанесенную ему предательской пулей эсеровских злодеев. Этим ударом по белогвардейским войскам было прорвано кольцо голодной блокады, в которое враги замкнули Советскую Россию.

Будапешт, 1955 г.

*«Венгерские интернационалисты
в Великой Октябрьской
социалистической революции»
М., Воениздат, 1959, стр. 266—269.*

ГЕРНАДИ КАРОЙ

Я БЫЛ У ЛЕНИНА

Великая Октябрьская социалистическая революция застала меня в Петрограде. Я находился на излечении в одном из госпиталей для военнопленных. К тому времени я почти полностью выздоровел и со своими товарищами добивался скорейшего возвращения на родину, в Венгрию.

Однажды вечером я и еще несколько венгерских солдат-военнопленных пошли в Смольный. Мы слышали, что там на собрании с докладом должен был выступить сам Ленин.

Послушать его собралось в большом зале Смольного множество народа. Мы, военнопленные, стояли особняком, довольно далеко от оратора. Ленин говорил немного охрипшим, но полным энергии голосом. Глаза его светились радостью и гордостью. В течение годичного пребывания в плену я усердно изучал русский язык и поэтому довольно хорошо понимал речь Ленина. Власть, государство, отечество принадлежат вам, говорил он собравшимся солдатам, рабочим и крестьянам. Мы должны отстаивать наши революционные завоевания. Вот основная мысль его выступления. Заметив нас, военнопленных, Ленин дружелюбно, ободряюще помахал нам рукой.

В ту пору я еще не до конца понимал роль и величие Ленина, не изучил марксистского учения и имел весьма туманное представление о том, за что борются русские коммунисты. Я жил лишь одним сокровенным желанием — как можно скорее вернуться домой, на родину.

Но на этом собрании я почувствовал, что помочь в осуществлении моей заветной мечты может только Ленин и никто другой. Ленин говорил о мире, а вопрос о мире был для меня самым важным, самым животрепещущим.

Люди на собрании смотрели на Ленина с таким вниманием, с таким безграничным доверием, что мне трудно это выразить

словами. По профессии я был учителем и привык видеть внимательные и доверчивые лица своих учеников.

«В кого так верят люди, тому и я могу поверить», — подумал я.

После собрания мы, военнопленные, долго говорили о Ленине, о его речи, которая произвела на нас сильное впечатление. Мы решили послать к Ленину делегацию из трех человек и попросить его помочь нам вернуться на родину. В состав делегации выбрали и меня.

На следующий день мы втроем отправились к Ленину в Смольный...

Однако Владимира Ильича мы не застали. Нас приняла его жена, Надежда Константиновна Крупская, в скромно обставленной, но уютной маленькой комнатке. Надежда Константиновна была простой в обращении, приветливой женщиной. Она угостила нас чаем. Разговаривали мы по-немецки. Надежда Константиновна рассказала, что Владимир Ильич редко бывает дома; а когда и приходит, то очень мало отдыхает...

Потом речь зашла о военнопленных. Вопрос о цели посещения мы долго обходили и только под конец заговорили о нашей просьбе. Мы попросили Надежду Константиновну, чтобы она передала Владимиру Ильичу нашу просьбу — помочь нам поскорее вернуться на родину, в Венгрию. Она охотно согласилась.

Оставив свой адрес, мы попрощались и, ободренные, вернулись в госпиталь.

Прошло два дня. На третий день, утром, два русских товарища пришли к нам и по поручению Ленина сообщили, что к 9 часам следующего дня Владимир Ильич ждет нас.

С большим волнением мы готовились к этой встрече. В Смольном нас проводили в один из кабинетов. Вокруг большого письменного стола, разговаривая, стояло несколько человек. Мы остановились в дверях и в одном из повернувшихся к нам собеседников узнали Ленина.

Владимир Ильич подошел, приветливо поздоровался, дружески пожав каждому из нас руку. Мы в свою очередь представились ему. Ленин предложил нам сесть, сам сел рядом, и завязалась оживленная беседа.

Ленин подробно расспросил о нашей прежней жизни, о пребывании в плену, о теперешнем нашем житье-бытье, поинте-

ресовался профессией каждого из нас. Очень обрадовался, когда услышал, что я учитель.

— Учитель? Венгерский учитель? Я очень уважаю венгров. И очень люблю учителей, которые живут с народом одной жизнью, делают с ним все трудности. Любите народ, любите детей — они этого заслуживают. У нас, большевиков, большая нужда в учителях, помогающих нам своей просветительной, пропагандистской работой. Вернетесь домой, — наставлял нас Ленин, — возьмите под свою защиту угнетенных, эксплуатируемых бедняков, рабочих и крестьян.

После минутного раздумья Ленин продолжал:

— Я слышал от жены о вашей просьбе и с удовольствием ее исполню. Вот разрешение на выезд, оно поможет вам вернуться домой. В нем я обращаюсь к каждому русскому товарищу с просьбой оказывать вам всяческое содействие в возвращении на родину.

Мы поблагодарили Ленина. Он сказал нам на прощанье:

— Желаю вам большого счастья, доброго пути.

Письмо, которым снабдил нас Владимир Ильич Ленин, помогло нам вернуться на родину.

ЛИ ФУ-ЦИН

Я БЫЛ БОЙЦОМ ЛИЧНОЙ ОХРАНЫ ЛЕНИНА

После Октябрьской революции наш партизанский отряд, в который я вступил в 1917 году и который действовал на юге России, вошел в ряды Красной Армии. В начале 1918 года более 70 китайцев в составе отряда из 200 человек перебросили в Петроград. Прибыв туда, мы и не думали, что будем назначены в охрану Смольного, где работал Ленин. Это — самое важное, навек незабываемое событие в моей жизни.

В Смольном был ряд постов. Я с несколькими товарищами был назначен на третий. Мы должны были проверять пропуска у всех входящих и выходящих.

До этого мы много раз слышали, с какой любовью русские товарищи говорят о Ленине. В нашем представлении он был величайшим вождем. Но мы никогда не думали, что этот великий человек может быть так прост и общителен. Поэтому, когда мы впервые его увидели, нам и в голову не пришло, что это Ленин и что мы можем не узнать его.

Мы уже несколько дней несли службу в Смольном. Однажды с улицы в помещение бодро вошел человек в простом черном пальто и в каракулевой шапке, с портфелем под мышкой. Мы преградили ему путь. Он мягко улыбнулся и ничего не сказал. В это время подошел начальник охраны. Он подал команду, и мы взяли на караул. Человек одобрительно кивнул головой и, улыбаясь, прошел. Только тогда командир сказал нам, кого мы только что видели. Это был Ленин.

В те дни Ленин был очень занят, и часто глубокой ночью можно было видеть в его окне свет. Он был перегружен работой, но, несмотря на это, постоянно интересовался жизнью, учебой, успехами окружающих.

При следующей встрече Ленин спросил нас, откуда мы родом. Мы ответили: из Китая. Ленин же принял нас за монго-

лов. Потом он спросил: «Ну, а как привыкаете? Как кормят, как живете?».

«Очень хорошо. Сейчас мы живем намного лучше, чем прежде», — отвечали мы.

Ленин сказал, что жизнь пока, конечно, еще не совсем хорошая, вот когда прогоним всех белогвардейцев и интервентов, построим цветущее государство, тогда и заживем как следует. Он сказал еще, что в Китае тоже революция. Настанет день, когда китайцы прогонят империалистов, капиталистов и помещиков. Тогда и Китай станет могучей страной.

В другой раз Ленин говорил нам, что мы неплохо говорим по-русски. Но надо много учиться, чтобы хорошенько изучить русский язык. На следующий же день после этой беседы каждый китаец получил ручку и учебник. Ясно было, что об этом позаботился Ленин.

Иногда Ленин заходил к нам в столовую и в общежитие посмотреть, как мы живем, как питаемся. Как-то раз он пришел в общежитие охраны, пощупал постели, одеяла и спросил товарищей, не холодно ли спать. Все, конечно, ответили, что не мерзнут. Только один бросил фразу: «Не холодно, но все же не рискуем раздеваться». Ленин рассмеялся. Вскоре после этого нам привезли дрова. Тогда с дровами было очень плохо. Как нам потом рассказали, эти дрова специально для Ленина прислали русские крестьяне, а он передал их нам. Сам он работал в своем кабинете, бывало, не снимая пальто. Мы были очень тронуты вниманием Ленина к нам и вместе с тем беспокоились за него.

Мы охраняли Смольный около двух месяцев. Затем нас направили в охрану Московского кремля. Здесь у нас было меньше возможности встречаться с Лениным.

Осенью 1918 года меня с другими бойцами охраны отправили на Южный фронт. После этого я Ленина больше не видел.

1960 г.

*Печатается по рукописи.
Перевод с китайского.*

СУН ШУ-ТАН

В ЛИЧНОЙ ОХРАНЕ тов. ЛЕНИНА

В жизни каждого человека есть самая счастливая пора. Для меня лично самым счастливым в жизни было время, когда я охранял великого вождя Ленина.

Вскоре после победы Октябрьской революции, в начале 1918 года, я вступил в ряды Красной Армии. Прошло несколько дней, и меня назначили в охрану вместе с 70 китайцами и многими русскими бойцами.

На красивой улице, тянувшейся вдоль Невы, стоял двухэтажный кирпичный дом. Его мы и охраняли. Командиром китайских бойцов был переводчик Чжао Пу-сюань. Он поддерживал связь с руководством и определял время и порядок смены караулов. Обычно у ограды несли вахту двое, и один дежурил у входа в здание. Смена караулов происходила через каждые 2—3 часа.

С самого начала нам, китайским бойцам, было известно, что мы охраняем какое-то важное лицо, но кого именно, не знали. Как-то наши бойцы играли в шахматы в комнате отдыха. Вошел человек, который ничем не привлек нашего внимания. Он молча стал в стороне и наблюдал за игрой.

В комнату вошел Чжао Пу-сюань. Увидев незнакомца, он сразу его поприветствовал, а затем тихо сказал нам: «Это товарищ Ленин, его мы охраняем».

Ленин! Это он — руководитель русского народа, свергнувшего царское правительство и буржуазное Временное правительство. Это он, которого так горячо приветствовал народ на Финляндском вокзале!

Я внимательно смотрел на товарища Ленина. Он был невысокого роста, в простом костюме и рабочем кеппи, глаза его живо искрились. Да, я не ошибся, именно его я видел на Финляндском вокзале. Какой он скромный, приветливый,

За 30—40 дней нашей службы в охране мы ближе узнали Ленина. Товарищ Ленин проявлял большую заботу о китайских бойцах. Он много раз заходил в наше общежитие. Однажды он заметил, что у некоторых наших красноармейцев потрепанные одеяла и велел заменить их новыми. Его забота о нас чувствовалась во всем. Питались мы даже лучше русских товарищей. Несколько раз в месяц специально для китайцев готовили рис.

Товарищ Ленин — наш вождь. И несмотря на это, какой он был приветливый и доступный. Все наши бойцы восхищались им, и каждый был счастлив служить в его личной охране.

Через месяц с небольшим мы уехали на фронт и больше Ленина не видели.

1960 г.

*Печатается по рукописи.
Перевод с китайского.*

АДАМ ЭГЕДЕ-НИССЕН

У ЛЕНИНА В СМОЛЬНОМ¹

Времени было два часа ночи. Только что возвратился из Смольного, где встречался с Лениным. Он не казался взволнованным после покушения, которому недавно подвергся². Было произведено четыре выстрела — по крайней мере один из них попал в машину и задел швейцарского товарища Платтена, который сидел вместе с Лениным. «Это покушение показывает, что власть Ленина непрочна», — говорили враги.

Ленин, со своей стороны, сказал мне, пригласив к чаю в скромной столовой Смольного, что внутреннее положение правительства очень хорошее. Его, наоборот, больше беспокоит позиция немцев. Переговоры о мире продолжаются, и Ленин все время получает сообщения о их ходе.

Мы затронули вопрос о расколе между большевиками и меньшевиками. Я напомнил ему, что на съезде в 1906 году между ними было единство³.

— Да, это верно, — сказал Ленин. — Но единство это было более формальным, чем реальным. На съезде в Лондоне мы разделились на две партии. Если меньшевики считают, что следует ограничиться буржуазной революцией, хотя и утверждают, что эта революция носит не только политический характер, мы говорим, что, когда наступит момент, следует осуществить всю нашу социальную программу. Это мы считаем своим долгом. Мы предали бы дело пролетариата, если бы этого не сделали. Программа, которую мы в настоящее время хотим осуществить при участии или без участия Учредительного

¹ Отрывок из книги. — *Ред.*

² Имеется в виду обстрел 1 (14) января 1918 года террористами-контрреволюционерами автомобиля, в котором В. И. Ленин ехал вместе с Ф. Платтеном после выступления в Михайловском манеже. — *Ред.*

³ IV (Объединительный) съезд РСДРП состоялся 10—25 апреля 1906 года в Стокгольме. — *Ред.*

собрания, будет изложена 18 января, в день открытия этого собрания.

Я спросил Ленина, надеется ли он получить большинство. Он ответил:

— Большинство в Учредительном собрании или же нет, теперь безразлично. Сегодня мы имеем большинство в народе. Мы, то есть большевики и левые эсеры. Да и условия сейчас уже не те, что были во время выборов.

Ленин произвел впечатление человека спокойного. В противоположность многим здешним товарищам он говорит сдержанно и без широких жестов, вместе с тем он, несомненно, обладает чувством юмора.

Очень интересно было встретить председателя большой плановой комиссии, испытанного революционера, с совершенно подорванным здоровьем после многолетнего пребывания в тюрьме, но вполне сильного духовно. По инициативе Ленина комиссии предстояло подготовить предложение о том, где следует расположить новые крупные предприятия. Советская республика должна стать как можно более независимой от импорта. Были вызваны люди из всех крупных губерний русского государства, которые сообщили, что производится в их районах и что можно расширить и изменить.

Планы составлялись и в то время и позднее. Вспомните хотя бы гигантский проект электрификации — также инициативу Ленина. Разрабатывались планы и для тех районов страны, где в то время еще находились враги, — например, Днепро-строй.

10(23) января 1918 года после роспуска Учредительного собрания состоялось открытие III съезда Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов всей России. В нем приняло участие свыше семисот делегатов, из них более четырехсот сорока человек составляли большевики.

Как величественно после вступительной речи Свердлова лились звуки «Интернационала» в исполнении военного оркестра!

Затем начались приветственные речи. Представители социалистических партий Швейцарии, Америки, Англии, Румынии, Швеции и Норвегии, делегаты Украины и других частей бескрайней России...

Мне бы очень хотелось передать впечатление от великого съезда рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. «Крас-

ный конвент», как его называли многие. Парламент русской Советской республики. Но как описать всю эту страсть, бурный поток слов, столь долго подавлявшееся стремление к освобождению? Я сижу в президиуме и смотрю в зал. Поистине это само море. Никто не остается пассивным. Большие и малые волны... Эти волны хотят теперь властвовать, свободно разливаться вокруг.

Еще немного о Ленине. Как он покоряет людей! Как притягивают его добрые глаза, которые так дружески на вас смотрят! Он говорит:

— Моя мечта — полчаса вздремнуть.

Но все же терпеливо выслушивает все, о чем мы ему рассказываем и просим.

— Я больше не оратор, — говорит он. — Не владею голосом. Полчаса — капут. Хотелось бы мне иметь голос Александры Коллонтай.

Он стремится помочь нашим рыбакам раздобыть сырье для сетей, а также другие нужные Норвегии товары, которые может уступить Россия. Он с нетерпением ожидает, когда наладится организация новой жизни. Но это нелегко.

— Разберите часовой механизм на отдельные части и соберите его снова. Мастер это сделает, но ему потребуется известное время. Однако представьте себе, что часы разобраны и некоторые детали приходится переделывать, и вы поймете, какую гигантскую задачу поставил перед собой Совет Народных Комиссаров России.

Ленин простой, в нем все очень естественно. Так же просто он говорит. Без риторических фраз. Ровно звучат его слова о серьезности положения, организованности и сплочении. Люди его понимают. Они восторженно приветствуют своего вождя, и его словами заканчивает свою работу «Красный конвент». Большая часть ночи ушла на утверждение всех декретов Совнаркома по аграрному вопросу, — крестьяне не хотят покидать Петроград, пока это не будет сделано.

В последний раз под сводами Таврического дворца раздаются вдохновляющие звуки «Интернационала» и «Марсельезы».

1945 г.

ШТЕФАН САЛАЙ

СОЛДАТ АРМИИ ЛЕНИНА

Весна 1918 года была неприветливой, мрачной. Под стать погоде было и положение на фронтах.

В казармах, находившихся неподалеку от Кремля, было так же шумно, как и во всей России. Даже, пожалуй, шумнее, потому что наши казармы похожи были на Вавилон. Кого только не было там: венгры, поляки, эстонцы, немцы, чехи, китайцы, словаки... Сыны девятнадцати народов собрались тогда в тех казармах. По инициативе одного из наших товарищей — коммуниста, венгра — было создано военное подразделение добровольцев, которое потом было названо так: «1-й Коммунистический интернациональный батальон».

Формирование нашего батальона было закончено. Все мы с нетерпением ждали приказа о выступлении на фронт. Вдруг командир получает телефонограмму, в которой было сказано, что утром следующего дня, к 10 часам, он вместе со своим помощником должен прибыть в Кремль. Нам сказали, что телефонограмма была от самого Ленина...

В качестве помощника командира взяли меня.

Я должен был поехать к Ленину!

Представьте себе мое состояние, когда я узнал об этом. Правда, мы, воины интернационального батальона, называли себя «ленинскими солдатами». Все мы знали, что Ленин — очень мудрый человек, что он борется за свободу простого народа. И вот мне предстояло встретиться с ним...

На другой день, около десяти часов утра, мы с командиром представились кремлевской охране. Балтийский матрос, проверив наши документы, отдал честь, а потом проводил до самого кабинета Ленина.

Возле кабинета мы остановились. Наш проводник вошел внутрь. Сквозь дверь мы слышали его рапорт: «Пришел командир Первого Московского коммунистического батальона».

Затем последовало: «Войдите». И вот мы, как полагается военным, представились Владимиру Ильичу Ленину. Ленин стоял за своим рабочим столом. Рядом с ним я заметил двух военных; один из них держал в руках Красное знамя.

Не спуская с нас своих быстрых, всё замечающих глаз, Ленин дал знак военному со знаменем и сказал: «Возьмите знамя, товарищи».

Командир принял знамя и передал его мне. Я во все глаза глядел на Ленина. Военный передал нашему командиру также документы и саблю.

Ленин сказал:

— Товарищи, идите воевать и освобождать народ!

Мы отдали Ленину честь и вышли из его кабинета.

Не очень много слов сказал нам Ленин, но кажется, то был многочасовой разговор. Ведь в словах его был не только военный приказ — в них был заложен смысл нашей борьбы. До сегодняшнего дня ленинское напутствие звучит у меня в ушах, как будто я вновь стою перед Владимиром Ильичем и на его глазах принимаю из рук командира Красное знамя.

Ленина я видел еще один раз. Вопреки ожиданиям, мы задержались в Москве. Наш интернациональный батальон встречал Первое мая в столице Советской республики. Помню, Ленин говорил тогда о нас, о бывших военнопленных, которые вступили в ряды Красной Армии. Он говорил, что все мы — братья, будь то трудящиеся Германии, Польши, России или других стран¹.

Вскоре после праздника мы отправились на фронт. Тысячи москвичей пришли проводить нас. Люди плакали. «Возвращайтесь с победой!» — кричали они нам. Я шел во главе батальона и нес Красное знамя, то знамя, которое вручил нам сам Ленин...

На многих фронтах побывал я, многое пережил, но всякий раз вспоминал я ленинские слова: «Идите воевать и освобождать народ!». Это не только приказ, это был голос сердца.

*«Глазами человечества». Иностранные
писатели и общественные деятели
о В. И. Ленине М., Детгиз, 1957,
стр. 35—36.*

¹ 1 мая 1918 года В. И. Ленин выступил с речами на митинге на Красной площади перед демонстрантами и на митинге латышских стрелков и работников Кремля. — *Ред.*

Я БЫЛ СОЛДАТОМ ВЕЛИКОГО ОКТЯБРЯ

В 1917 году я находился в одном приволжском лагере для военнопленных, который размещался на холме среди леса, в четырех-пяти километрах от города Симбирска. Весть об Октябрьской революции дошла до нас в конце ноября — начале декабря.

Благотворные последствия Октябрьской революции мы, военнопленные, почувствовали в декабре, как только прислужников правительства Керенского сменила охрана Красной гвардии во главе с новым комендантом лагеря.

Прежде всего комендант-большевик объявил, что все военнопленные, кроме офицеров, могут покинуть лагерь, уйти в город и поступить там на работу — словом, жить на равных нравах с русскими рабочими. Затем новая администрация лагеря выяснила, кто нуждается в одежде и обуви, и на другой день каждый сделавший заявку получил все необходимое. Приближалась суровая зима, и мы получили фуфайки и шинели на вате.

...В первых числах марта 1918 года меня вызвали в комендатуру лагеря и вручили письмо и большой пакет, прибывшие на мое имя из Москвы. В письме Бела Кун и Тибор Самуэли просили меня раздать венгерским военнопленным нашего лагеря находившиеся в пакете экземпляры газеты «Социалиш фորрадалом» и листовки. Товарищи Кун и Самуэли знали меня еще по рабочему движению в Венгрии, а мой адрес получили в Москве, в Центральном бюро по учету военнопленных.

Я роздал все газеты и листовки. Так развернулась в лагере большевистская пропаганда.

Примерно 10 марта в лагерь пришла из Москвы официальная телеграмма, подписанная товарищами Бела Куном и Тибором Самуэли. Администрацию лагеря просили срочно

выдать мне командировочное удостоверение для безотлагательного выезда в Москву, в редакцию газеты «Социалистическим формам»¹.

На следующий день я уже ехал в Москву.

Через двое суток, утром, поезд прибыл на московский вокзал. На перроне двигались, шумели такие огромные, пестрые людские толпы, что у меня буквально закружилась голова. Вдруг кто-то окликнул меня по имени. О, да это Тибор Самуэли и Бела Кун! Они встретили меня и тут же повезли к себе в гостиницу.

...В то время товарищи Бела Кун и Тибор Самуэли часто встречались с Владимиром Ильичем Лениным. На одну из таких встреч был приглашен и я. Меня представили товарищу Ленину как бывшего руководителя рабочего движения железнодорожников.

В. И. Ленин говорил с нами о массовом вовлечении военнопленных в Красную гвардию.

Товарищи Самуэли и Кун изложили широко задуманные планы вовлечения венгерских военнопленных в Красную гвардию, а также сбора и отправки венгерских красных частей на родину в случае возникновения в Венгрии революционной ситуации.

Товарищ Ленин одобрил наш план и обратил внимание на необходимость установления контакта с левыми руководителями рабочего класса Венгрии. По его сведениям, среди рабочих, крестьянских и солдатских масс Венгрии назревало серьезное недовольство политикой правительства. Ленин разъяснил нам, что уже в 1918 году в Венгрии непременно вспыхнет буржуазная революция. Стало быть, наша задача — вернуться после ее начала на родину и перевести буржуазную революцию на рельсы социалистической. Надо ли говорить, что мудрое предвидение Ленина целиком оправдалось!

Затем товарищ Ленин задал мне несколько вопросов о развертывании организационной работы и о настроениях среди железнодорожников. Я признался, что с революционной точки зрения можно принимать в расчет только рабочих ремонтных мастерских, депо и пакгаузов. А сотысячная масса железнодорожников, назначавшихся на должности, была объединена

¹ «Социальная революция» — орган венгерской группы при ЦК РКП(б). — *Ред.*

в «патриотическую» организацию, в которой верховодили начальники.

Ленин поинтересовался, насколько революционны венгерские индустриальные рабочие и крестьянство. Я рассказал о славных революционных традициях промышленного рабочего класса, который провел немало ожесточенных классовых битв. Подробно охарактеризовал я и положение широких масс безземельного крестьянства и рабочих-землекопов.

Слушая мой рассказ, Владимир Ильич одобрительно кивал головой. Я знал, что он лучше меня осведомлен об обстановке в Венгрии. Вероятно, Ленин задавал собеседнику эти вопросы для того, чтобы по ответам понять его взгляды.

И вот, видимо, составив обо мне определенное мнение, товарищ Ленин спросил меня, не соглашусь ли я на два-три месяца поехать в Самару, чтобы руководить на территории губернии организацией отрядов Красной гвардии из военнопленных крупных лагерей. Надо было немедленно подавить контрреволюционный мятеж, вспыхнувший в Сибири и Поволжье.

После минутного раздумья я согласился.

Владимир Ильич Ленин собственноручно написал мне командировочное удостоверение, обязав гражданские и военные власти Самарской губернии оказывать мне всестороннюю поддержку.

Поскольку меня направляли в командировку на территорию, где происходила суровая вооруженная борьба с поднимающей голову контрреволюцией, товарищи Кун и Самуэли предложили Владимиру Ильичу Ленину выдать мне удостоверение на вымышленное имя Дежё Фаркаш. Я было возразил, но товарищи заметили, что это вымышленное имя еще может оказать мне услугу. Позже их предположение оправдалось.

Во время встречи с Лениным разговор шел на немецком языке: товарищи Кун и Самуэли в совершенстве владели русским языком, а я еще с трудом объяснялся по-русски.

Совещание закончилось, и мы сердечно попрощались с нашим дорогим учителем.

1955 г.

*«Венгерские интернационалисты
в Великой Октябрьской
социалистической революции»
(Перевод с венгерского). М.,
Воениздат, 1959, стр. 252—254*

РОБЕРТ МАЙНОР

У ЛЕНИНА

Не помню, в какой аудитории я впервые встретил Владимира Ильича. Возможно, что это было в зале гостиницы «Метрополь», где проходили заседания ВЦИК. Во всяком случае там был тов. Свердлов, председатель ВЦИК, один из первых вождей русских большевиков, с которым я познакомился.

Мне помнится, что я стоял в стороне и смотрел на группу, окружавшую трибуну, — вождей большевистской революции! Помню, какое радостное возбуждение овладело мной, как мне хотелось узнать имя каждого из них. На первых порах я мог судить о них только по внешнему впечатлению.

Один из русских товарищей, побывавший в Америке, по моей просьбе показал мне Ленина. Ленин — небольшого роста, очень скромный по виду — стоял в углу; одет он был необычайно просто: на голове у него было обыкновенное рабочее кепи, и он даже не был обут в высокие блестящие сапоги, которые тогда носили многие. Словом, Ленин никак не отвечал моему представлению о великом человеке. Я внимательно всмотрелся в него: уж не ошибся ли я...

Но нет, это был Ленин, которого я видел на снимках.

Несколько минут я предавался размышлениям о том, что это — вожди победоносной революции, гиганты, двигавшие величайшими событиями в истории человечества! Мои взоры то и дело возвращались к человеку в углу, который с кем-то разговаривал.

Я обратил внимание на подвижность его лица, на то, как оно менялось, когда он говорил и когда слушал. Мало-помалу он стал в центре моего внимания. Все остальное отодвинулось, растворилось. Не поняв ни единого слова из того, что говорилось в зале, я ушел, полный впечатлений только об одном человеке — о Ленине.

Не знаю, как Ленин ухитрился урвать для меня время в те тяжелые месяцы весны и лета 1918 года. Но я думаю, что это следует приписать глубокому интересу, который он проявлял в любой момент русской революции к революционному движению во «внешнем мире», к позиции социалистов других стран. На этот раз я пробыл у него (было это, кажется, в конце апреля) минут пятнадцать.

Сам Ленин говорил немного. Он умел всегда развязать язык собеседнику — сам же ограничивался тем, что слушал.

Его интересовали малейшие подробности того, как рабочий класс США реагирует на революцию. Он расспрашивал меня об отношении профсоюзов к большевистской революции.

Я рассказал ему, как передовые слои рабочих АФТ¹ оценивают действия рабочих и моряков Петрограда, которые спасли жизнь Тому Муни², добившись вмешательства президента Вильсона, заставив заменить смертный приговор тюремным заключением.

Рассказывая об этом, я от имени профсоюзов, входивших в состав организации защиты Муни, передал Ленину, как главе большевистской партии, официальную благодарность за прекрасный акт интернациональной солидарности. Ленин не произнес ни слова — у него только заблестели глаза.

Мы говорили о перспективах революции в Европе. Ленин упомянул о недостатке надежной информации и коснулся технических методов получения информации из-за границы. Совершенно, я был изумлен, когда услышал, как виднейший вождь мировой революции с интересом говорит о мельчайших деталях: о бумаге, картоне, чернилах и тому подобных «мелочах» и технических вопросах.

Ленин забросал меня вопросами.

При этой нашей первой встрече Ленин заговорил со мной по-русски. Я смог ему только ответить, что по-русски не говорю, но знаю французский язык. Ленин сначала сказал, что он недостаточно хорошо знает английский, и мы некоторое время говорили по-французски, затем Ленин перешел на немецкий, а потом, к моему изумлению, продолжал на

¹ Американская федерация труда. — *Ред.*

² *Муни, Том* (р. 1882) — активный участник рабочего движения США. По провокационному обвинению был приговорен к смертной казни. — *Ред.*

безукоризненном английском языке, не делая ни одной ошибки и лишь время от времени останавливаясь в поисках слова (все наши последующие беседы велись по-английски, и я не припоминаю у Ленина ни одной грамматической ошибки).

Вторично я попал к Ленину как раз в то время, когда белогвардейцы систематически совершали покушения на вождей революции. Едва поздоровавшись со мной, Ленин прямо задал мне вопрос:

— Каково ваше мнение о красном терроре?

Я ответил, что, по-моему, если не дать почувствовать буржуазии, что ее старания уничтожить революцию приведут к ее собственному физическому уничтожению, то революция действительно погибнет. На это Ленин ничего не ответил, но из того, как он ощупывал меня глазами, я почувствовал, что вопрос не был случайным.

После паузы, обменявшись со мной еще несколькими словами, Ленин неожиданно и без всякой видимой связи с предыдущим спросил:

— Видели вы Кропоткина? ¹

— Да.

— Что он такое?

— Он безнадежный буржуа.

— Да? — произнес Ленин вопросительным тоном. — Как так?

Я рассказал о своем посещении Кропоткина, о том, как Кропоткин, которого я прежде идеализировал, резко осуждал меня за нежелание поддерживать войну союзников «за демократию» и как он продолжал меня порицать в присутствии явившейся к нему группы американцев в военной форме, членов Христианской ассоциации молодых людей ². Я рассказал о том, как эти американцы рассыпались в комплиментах перед Кропоткиным, титулуя его (к его явному удовольствию) «князем», и как я ушел, разочаровавшись в своем «герое».

Ленин произнес только:

— Гм! Любопытно...

¹ *Кропоткин, П. А.* (1842—1921) — один из деятелей и теоретиков анархизма, противник диктатуры пролетариата. — *Ред.*

² Христианская ассоциация молодых людей — одна из буржуазных молодежных организаций, насаждает буржуазную идеологию и религиозные взгляды среди молодежи. В России ее представители занимались религиозно-пропагандистской и антисоветской деятельностью. — *Ред.*

Позднее следующее обстоятельство разъяснило мне, почему Ленин вдруг заговорил со мной о Кропоткине. Один мой знакомый, работавший в Москве переводчиком, встретившись со мной на улице, в возбуждении пролепетал:

— Буржуазия переживает чудовищный страх и тревогу; некоторые наиболее влиятельные буржуа добиваются, чтобы Ленин принял Кропоткина и чтобы тот побудил его прекратить красный террор...

Ленин как будто не придавал никакого значения своему положению, и эта черта все больше изумляла меня, по мере того как я ближе знакомился с его ролью величайшего вождя человечества в этот величайший в истории момент.

Однажды, собираясь уходить от него и надевая пальто, я нечаянно толкнул локтем большую вращающуюся полку для книг — несколько тяжелых томов упало на пол. Ленин тотчас же опустился на колени и, продолжая разговор, стал подбирать книги.

В конце лета того же года один случай осветил мне твердость Ленина-большевика.

В Москве появился человек, бывший чикагский швейник М. Ч., который утверждал, что он знает меня по борьбе за спасение Тома Мунн. Этот человек заявил мне, что он анархист и командует «партизанским» отрядом на фронте против контрреволюционной армии Каледина.

Впрочем, его отлучка с фронта в такое время казалась необъяснимой. Неожиданно он исчез. Несколько дней спустя ко мне пришла с плачем его жена и сказала, что муж ее арестован, предан суду за дезертирство и кражу и приговорен военным трибуналом к расстрелу. Она уверяла меня, что муж ее невиновен, что он жертва чересчур поспешного судебного разбирательства и, может быть, даже «жертва заговора злонамеренных элементов». Она умоляла меня просить Ленина распорядиться о пересмотре дела Ч.

Я поспешно набросал записку, в которой изложил то, что она мне рассказала. С этой запиской я поспешил к Ленину.

Один из его секретарей взял у меня записку и вышел. Вскоре он вернулся и сказал, что товарищ Ленин сейчас на заседании Политбюро, выйти ко мне он не может, но внимательно прочел мою записку и не замедлит выполнить мою просьбу.

Поздно ночью нарочный постучался ко мне и вручил мне ответ Ленина: записку, написанную чернилами его рукой. Я тогда еще едва мог читать по-русски, но содержание ее навсегда врезалось мне в память:

«Товарищ Майнор! Я распорядился, как и обещал, о расследовании дела Ч. Выяснились такие факты: Ч. дезертировал со своего поста на фронте во время военных действий. Он похитил деньги, предназначенные для выдачи жалованья его полку. За такого человека я не могу хлопотать. Его надо расстрелять.

Ленин».

Я привожу этот текст по памяти. Я свято хранил эту записку и носил ее при себе до середины ноября 1918 года, когда мне пришлось перейти советско-германский фронт и надо было избавиться от всех документов большевистского происхождения.

После инцидента с осужденным дезертиром я еще несколько раз был у товарища Ленина по разным делам, но об этом деле ни разу не упоминалось.

На мой взгляд, наиболее изумительной чертой Ленина была его привычка отодвигать себя в разговоре на задний план.

После III конгресса Коминтерна я пошел к Ленину. Был я сильно простужен. Ленин и сам был нездоров, но сочувственно расспрашивал меня о моем состоянии.

Вскоре после этого он серьезно заболел, и я несколько недель не видел его. О его состоянии я узнавал от товарищей и из газет. Когда он вернулся к работе, я посетил его. Когда я пришел к нему, он спросил:

— Оправились вы уже от простуды?

Уходя, я с огорчением вспомнил, что мы не говорили о его здоровье, а только о моем.

Осенью 1921 года мне пришлось послать Ленину срочное письмо по важному делу, о котором мне нужно было с ним поговорить. Отнести письмо в Кремль я поручил десяти-двенадцатилетнему мальчугану, сыну красноармейца, убитого на фронте. Я разъяснил мальчику, что письмо адресовано товарищу Ленину, что он должен поторопиться немедленно сдать письмо, получить ответ и сейчас же вернуться.

Мальчуган, на которого это произвело громадное впечатление, стрелой понесся в Кремль. Я жду и жду, час проходит за часом, а моего посланца все нет и нет. Наконец, когда уже стемнело, мальчик является, задрав нос, с весьма важным видом. Я обрушился на него:

— Ты где пропадал?

— О, — сказал мальчик, — *я беседовал с товарищем Лениным!*

Позднее мне в Кремле рассказали, что это так и было в действительности. Мальчик не пожелал передать письмо никому другому, кроме Ленина: он ждал до конца заседания, после чего товарищ Ленин задержал его и забросал вопросами о том, как заботятся о детях павших красноармейцев.

Вернусь к этому письму. Это было длинное послание — около трех страниц. Когда я пришел к Ленину, он сразу же сказал мне:

— Прежде всего, товарищ Майнор, вам надо знать, что, обращаясь с таким пространством письмом к человеку, который так занят, как я, следует указать в верхнем левом углу очень сжатым телеграфным слогом, чему посвящено письмо. Затем вы должны указать, что вы рекомендуете. Не думаете ли вы, что так следует поступать?

Меня всегда поражало то обстоятельство, что, когда бы мне ни понадобилось видеть товарища Ленина (а я был у него десять-двенадцать, а то и более раз), это всегда оказывалось возможным (за одним исключением, о котором я упоминал: Ленин был на заседании Политбюро). Ленин особенно интересовался связью с людьми, приехавшими *из-за границы*, даже если они не играли сколько-нибудь важной роли. Товарищ Ленин организовал свое время так, чтобы наилучшим образом его использовать.

Однажды я даже допустил неловкость: пораженный тем, что Ленин нашел время принять меня и в несколько минут урегулировать вопрос, разрешения которого я у других не мог добиться много дней, я воскликнул:

— Товарищ Ленин, у вас больше времени, чем у кого-либо другого во всей Москве!

Конечно, я не имел этого в виду буквально. Но Ленин недоумевающе посмотрел на меня.

— Нет, товарищ Майнор, — сказал он, — у меня *не больше* времени, чем у других!

И я прочел у него на лице, какое гигантское бремя нес на себе вождь пролетариата, бремя, которое, несомненно, способствовало тому, что жизнь величайшего в мире человека прекратилась на пятьдесят четвертом году.

Тотчас же после III конгресса Коминтерна я с несколькими американскими товарищами посетил Ленина в двенадцать часов ночи (раньше он не мог освободиться), чтобы обсудить с ним вопрос об организационных формах партии в тогдашней обстановке, вопрос о не осуществленном в то время плане издания газеты «Дейли уоркер» и т. п.

Ленин подсказал нам ряд весьма четких и ясных мыслей по этим вопросам.

Один из присутствовавших, придерживавшийся ярко выраженных фракционных взглядов «ультралевого» характера, то и дело прерывал Ленина. Ленин каждый раз останавливался и терпеливо ждал, пока тот закончит, и лишь после этого продолжал говорить.

В последний раз я видел товарища Ленина в конце 1921 года. Я должен был вернуться в Америку и попросил у него разрешения представить ему товарища, который меня заменит в ИККИ¹. Товарищ Ленин глубоко интересовался всеми приезжающими из США. Особенно его интересовали все симптомы поворота коренных американских рабочих на революционный путь в то время, когда Компартия США опиралась главным образом на революционные иммигрантские слои рабочего класса. Первый вопрос, с которым Ленин обратился к приведенному мною товарищу, был:

— Вы — американец?

— Да, — ответил товарищ.

— *Американский американец?* — переспросил товарищ Ленин.

— Да, — отвечал тот.

— Где вы родились? В Америке?

— Да.

— А ваш отец?

Услышав, что отец этого товарища был сыном европейского фермера, эмигрировавшего в Америку, товарищ Ленин протынул:

¹ ИККИ — Исполнительный комитет Коммунистического Интернационала. — *Ред.*

— А-а... — Затем, насмешливо улыбаясь, он сказал: — А вот Майнор *американский* американец. Товарищ Майнор, ваш отец родился в Америке, и ваша мать тоже? Правда? — и продолжал: — А ваши деды? С обеих сторон?

— Родились в Америке.

— Хорошо. Скажите, сколько поколений ваших близких родилось в Америке?

Я ответил, что мои предки жили в Америке задолго до революционной войны против Англии. Товарищ Ленин тотчас же спросил:

— *А что они делали* во время американской революции?

Я ответил, что, насколько я знаю, все участвовали в революции.

— Ага! — произнес он. — Это сможет вам когда-нибудь пригодиться на процессе!

Мы долго обсуждали вопрос о фракционной борьбе в Коммунистической партии США, причем товарищ Ленин больше спрашивал. Я не помню, тогда ли или в другой раз он спросил меня о природе этой борьбы, и я очень неудачно ответил, что это борьба между «мечтателями» от революции и «реалистами». При слове «реалисты» лицо Ленина омрачилось.

— Надеюсь, вы имеете в виду реалистов в лучшем смысле слова, — сказал товарищ Ленин.

1935 г.

«Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине», ч. 2 М., Госполитиздат, 1957, стр. 327—332.

ЕЛЕНА БОБИНСКАЯ

ЛЕНИН В ВАРШАВСКОМ КРАСНОМ ПОЛКУ

Лето 1918 года изобиловало грозами. Черные тучи соби-
рались над всей молодой Республикой Советов... не
только на небе. Восставшие эшелоны чехословацких во-
еннопленных, превосходно вооруженные на деньги «союзни-
ков», стояли у Волги. Армии белых генералов угрожали отре-
зать Украину и Крым. Все чаще случалось, что в Москве не
выдавали хлеба.

Это были времена большой любви и большой ненависти.
Иначе я не могу назвать ту раскаленную атмосферу, в кото-
рой мы жили. Победоносная революция воспламенила сердца.
Сознание, что мы создаем новый, ранее неизвестный строй
(а думали тогда только о революции в мировом масштабе),
окрыляло нас. Не было малых дел. Все, что касалось револю-
ции, становилось великим. Самым важным. Мир с поражаю-
щей ясностью распался на союзников и врагов.

Именно в такой своеобразной обстановке формировался
революционный красный Варшавский полк.

Бобинский, комиссар этого полка, окунулся в работу с при-
сущей ему страстью...

Некоторые отряды Варшавского полка уже отличились
в борьбе во время восстания левых эсеров в Ярославле.
В конце июля у нас говорили, что со дня на день Варшавский
полк вступит в бой с бандами «зеленых». 2 августа в Ком-
мерческом институте, в Замоскворечье, должен был состояться
прощальный митинг. Митинг назначили на 11 часов.

...Когда мы сели в стоящий под дождем экипаж и мокрые
сивки побежали резвой рысью, Бобинский шепнул мне, что
на митинге будет Ленин. Теперь я поняла причину его воз-

буждения. Я знала, что увидеть Ленина горячо желали все товарищи поляки. В то время Ленину не разрешали делать частые выезды. Боялись за него.

— Я заверил, что ручаюсь за безопасность. Мархлевский меня поддержал. Это большая победа. Но уже поздно, — снова заволновался он.

Свернули на улицу, ведущую к институту.

— Почему здесь так пусто? — удивился Мархлевский. — Дождь уже прошел, а улицу как метлой вымело.

Потом на каждом шагу мы встречали группы улан. Когда проезжали мимо них, Бобинский высунулся из экипажа:

— Ну, как там? Все в порядке?

— В порядке, товарищ комиссар! — весело ответил молодой солдат. — Можете на нас положиться. Ни одного человека не пропустим!

— Как так, — забеспокоился Бобинский, — должны же быть делегации с заводов?

— Делегации со знаменами мы пропустили, но в одиночку никто не пройдет, товарищ комиссар!

— Мы роздали приглашения, а вы людей не пропускаете? — набросился на него Бобинский.

Но улан не смутился.

— Всякая контрреволюционная сволочь сумеет себе бумажку выписать (Мархлевский засмеялся), а мы здесь отвечаем за жизнь.

Бобинский прервал его:

— Проехал уже?

— Просхал! Только что... — зарделся улан.

— Снимите посты! Езжайте в институт.

— Есть, товарищ комиссар!

Лошади рванули с места. До нас еще долетел веселый, молодой голос:

— Ребята! Снимайте посты!

— Как вам это нравится! — злился Бобинский. — «Всякая контрреволюционная сволочь сумеет выписать себе такую бумажку». — И неожиданно рассмеялся.

— И что я должен теперь делать с этими хлопцами?

— Это результаты нашей пропаганды, — весело шутил Мархлевский. — Хотим, чтобы солдат-революционер думал, вот он и думает. Раз он отвечает за жизнь Ленина, то что ему накле-то там бумажки?



Ленина мы застали в кабинете, рядом с большим залом. Он только что приехал и разговаривал с окружившей его группой товарищей. Мы присоединились к ним. Когда Ленин снимал пальто, Мархлевский воспользовался моментом, чтобы что-то сказать ему. Ленин громко рассмеялся. Бобинский подозрительно посмотрел в их сторону.



Огромный зал был заполнен до отказа. Появление Ленина было встречено бурей аплодисментов. Оркестр заиграл «Интернационал». Знамена переливались пурпуром и золотом. От дверей до сцены уланы образовали шпалеры. Едва Ленин сделал первый шаг, как блеснули сабли, скрещиваясь над его головой. Ленин вздрогнул, мельком посмотрел вверх и спокойно пошел дальше.

Дойдя до сцены, повернулся и сказал с шутливым упреком:

— Эх, товарищи поляки, без эффекта никак не можете...

Провел ладонью по голове и посмотрел на лица смеющихся глазами.

— Хоть бы предупредили! А то, ей-богу, испугался!

Улыбка пробежала по сотням молодых лиц. Восхищение, удивление, радость вылились в стихийный возглас:

— Да здравствует Ленин!

Он поднялся на трибуну и начал говорить¹.

Слова Ленина били метко, как снаряды. Он сказал: мы знаем, что война подходит к концу. Но им, империалистам, не удастся закончить войну. Войну закончат рабочие массы, которые уже достаточно пролили крови. Хищный империализм окружает нас все более плотным кольцом. Хочет нас задушить. Но мы знаем, у нас есть надежные союзники: рабочие массы всего мира. Мы должны теперь напрячь все силы:

¹ В. И. Ленин выступил в Варшавском революционном полку 2 августа 1918 года. См. *В. И. Ленин*, Соч., т. 28, стр. 21—23. — *Ред.*

или власть кулаков, капиталистов и царя, или власть пролетариата. От нас зависит победа, товарищи!

В огромном, переполненном зале никто уже не сомневался в этой победе.

* *
*

Бобинский вернулся поздно вечером, охрипший от разговоров и взволнованный проводами Варшавского полка.

Если бы ты знала, сказал он, как меня благодарили хлопцы за эту встречу с Лениным!

1957 г.

*Журнал «Славяне» № 4, 1958 г.,
стр. 15—16.*

ЕСТЬ ТАКАЯ ПАРТИЯ

Я попала в Петроград в середине февраля 1918 года, то есть через три месяца после взятия власти партией большевиков и спустя два дня после разрыва брестских переговоров.

Огромная гостиница шумела, как потревоженный улей. И лишь немного притихла, как среди глубокой ночи раздался тревожный стук в застекленные двери номеров гостиницы...

Снова затопали торопливые шаги на лестницах; поднялся шум взволнованных голосов; загудели клаксоны автомобилей.

А над погруженным в темноту городом неслись длинные, стонущие, тревожные призывы заводских гудков. Из далеких предместий отзывались Путиловский и Обуховский заводы — эти твердыни революции, им отвечали другие со всех концов огромного города.

Всю ночь на заводах раздавали оружие, наскоро создавались боевые отряды. Прямо с заводов они отправлялись на фронт.

С раннего утра на стенах домов появились большие плакаты: «Социалистическое отечество в опасности!»¹

¹ См. В. И. Ленин, Соч., т. 27, стр. 13—14. — Ред.

Декрет Совета Народных Комиссаров призывал все Советы и революционные организации на защиту социалистического отечества. В декрете содержались подробные инструкции всем организациям. Заканчивался он словами:

«Да здравствует социалистическое отечество! Да здравствует международная социалистическая революция!»

В Петрограде в это время мне неоднократно удавалось слышать Ленина. Навсегда остался в моей памяти его немного охрипший, горячий, полный внутренней силы голос, когда он говорил:

— Над моим столом висит карта России. Красными флажками я отмечаю на ней ежедневно города, где создаются Советы депутатов. Товарищи! Сегодня во всех городах уже имеются Советы рабочих депутатов! Сегодня вся карта России красная!

Ураган, гром аплодисментов надолго заглушил слова Ленина. Казалось, что рухнет потолок театра. Партер, ложы, галерка — все поднялись с мест. Сотни рукоплещущих рук, сотни воспламененных лиц, сотни уст, выкрикивающих одно имя: «Ленин!».

«Да здравствует Ленин! Да здравствует международная революция!».

Крупнейшие писатели мира пытались выразить глубокую любовь рабочих масс к Ленину. Горький в одном месте приводит мнение рабочих: «Прост, как правда». И может, именно в этом мнении содержится суть отношения масс к Ленину.

Рабочие и солдаты впервые слышали слова правды. Они истосковались по этой правде, как по хлебу. Суровый опыт многих поколений научил их, что словам не следует верить, что за словами всегда кроется измена, кроются интересы властелинов этого мира.

Одна была только партия, которая их не обманула, — партия большевиков. А во главе этой партии стоял Ленин.

Ленин говорил им правду. О жизни, о войне. О том, почему происходят войны и кому они нужны. Солдат, который прибывал прямо из окопов, только сейчас, спустя четыре года, слушая Ленина, понимал, какая сила загнала его в эти окопы. Узнавал, что такое империализм. И что такое международная солидарность рабочих. Тот самый солдат, которому в течение четырех лет офицер и фельдфебель вбивали в голову, что «германец» — это его самый большой враг, начинал понимать,

что не немецкий солдат его враг, что этого немецкого солдата так же гнали на фронт, как и его самого гнало правительство царя. Это была правда. Это он мог сам засвидетельствовать. Лишь несколько недель тому назад он брался на фронте с немецким солдатом, делился с ним махоркой. Немецкий солдат проклинал войну. Из русского языка он научился двум словам: «Совет» и «Ленин». Эти два слова были понятны на всех языках мира. Перебрасываемые в окопы неприятеля, они были грознее бомб. Несли революцию.

«Международная революция», «солидарность пролетариата всех стран» — понятия трудные, неизвестные еще несколько месяцев назад, стали вдруг понятными, близкими и дорогими широким рабочим массам России. Крепкие, неразрывные узы объединили в эти первые месяцы революции пролетариат молодой социалистической республики и рабочих капиталистических стран.

Солдат молодой социалистической республики Советов был твердо уверен, что, защищая каждую пядь родной земли, он защищает международную революцию, что он борется за освобождение пролетариата всего мира.

Это было начало новой эпохи — эпохи социализма.

*Журнал «Славяне» № 4, 1958 г.,
стр. 13—14.*

ЛАСЛО РУДАШ

ВСТРЕЧА С ЛЕНИНЫМ

В середине февраля 1919 года я с тремя товарищами по поручению Коммунистической партии Венгрии выехал в Москву, чтобы представлять партию на I конгрессе III Интернационала. В ту пору такая поездка была не из легких. Путь в Москву лежал через два фронта. Поляки и украинцы сражались за Львов, а отступавшие под ударами Красной Армии контрреволюционные банды Петлюры тоже преграждали нам дорогу.

Два члена делегации не решались пойти на риск и вернулись назад, поэтому со мной поехал только Габор Месарош, который позже погиб мученической смертью. Железнодорожного сообщения с Советской Россией не было, и поэтому большую часть пути нам пришлось проделать пешком или на подводе. В Тарнополе меня заподозрили как «большевистского агента» и только благодаря счастливой случайности мне удалось спастись. В Винницу я прибыл как раз в тот момент, когда в город входили части Красной Армии. С их помощью мне уже не так трудно было продолжать свое «путешествие». На сей раз я отправился в путь один, так как Габор Месарош, находившийся прежде в русском плену и лучше меня разбравшийся в обстановке, уехал раньше. 23 марта я прибыл в Киев, где были получены вести о провозглашении в Венгрии диктатуры пролетариата¹. Там же я узнал и о том, что конгресс III Интернационала уже закончил свою работу. По приезде в Москву мне довелось сразу же попасть на заседание Всероссийского съезда Советов².

¹ Венгерская Советская Республика была провозглашена 21 марта 1919 года. — *Ред.*

² Имеется в виду заседание ВЦИК 30 марта 1919 года (см. *В. И. Ленин, Соч., т. 29, стр. 209—212*). — *Ред.*

Когда я вошел в зал, выступал как раз товарищ Ленин. Он внес предложение избрать Михаила Ивановича Калининa Председателем Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета. После выступления Владимира Ильича тогдашний народный комиссар по иностранным делам Чичерин повел меня в президиум, прямо к Ленину. Узнав, кто я такой, Ленин обрадовался моему счастливому приезду (от Месароша он уже знал о моих злоключениях в Тарнополе) и предложил, чтобы я, если считаю нужным, сказал несколько слов делегатам съезда. Но я, ссылаясь на усталость после дороги, уклонился от почетного предложения и не воспользовался возможностью обратиться к делегатам съезда от имени венгерских трудящихся. Я считаю, что это моя оплошность. Объяснить ее можно тем, что мне тогда было всего лишь тридцать четыре года и я не обладал еще достаточным революционным опытом, да к тому же, впервые так близко увидев Ленина, я невольно растерялся...

Через неделю после моего приезда в Москву Владимир Ильич пригласил меня к себе. Я отправился в Кремль в сопровождении тогдашнего секретаря Коминтерна товарища Клингера¹. Кабинет Ленина находился в ту пору в здании Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета. Часовой пропустил моего спутника, который имел пропуск, а мне пришлось несколько минут подождать. Вскоре вышел Владимир Ильич. Он взял меня под руку и повел к себе.

Разумеется, в первую минуту я очень волновался. Ведь на мою долю выпала честь разговаривать с великим человеком, рядом с которым я чувствовал себя незаметным, маленьким. Я больше всего боялся, что не сумею с исчерпывающей полнотой ответить на все его вопросы.

Прежде всего Владимир Ильич, кажется по-немецки, спросил, на каком языке я хотел бы с ним беседовать.

— Можем говорить на немецком, французском или английском, — сказал он. — Мне все равно, ибо я одинаково плохо владею любым из них.

Я выбрал немецкий и уже после первых фраз почувствовал, что Ленин не только лучше меня говорит по-немецки, но и владеет этим языком в совершенстве.

¹ Клингер, Густав — делегат I конгресса Коминтерна от Компартии немецких колоний Поволжья. — *Ред.*

Скромность Ленина меня поразила.

Владимир Ильич, когда разговор зашел о пролетарской диктатуре в Венгрии, в упор спросил меня:

— Какая же это диктатура, если вы национализировали прежде всего театры и кабаре? Разве у вас нет других, более важных дел?

Я заверил Владимира Ильича, что у нас в Венгрии не ограничиваются только этими мероприятиями. Вполне возможно, что буржуазная пресса Европы в данный момент поднимает шумиху лишь об этих второстепенных начинаниях, но она, несомненно, скоро начнет писать о более существенном, когда мы приступим к национализации крупных предприятий.

Выслушав мой ответ, Ленин тут же заговорил о нашем слиянии с социал-демократической партией.

— Я считаю это объединение опасным, — сказал он. — Лучше было бы создать блок, в котором обе партии сохраняли бы свою самостоятельность. В таком случае коммунисты остались бы в глазах трудящихся масс самостоятельной партией, изо дня в день наращивали бы силы и в нужный момент могли бы вовсе порвать с ними, если бы социал-демократы изменили делу революции.

Мне ничего не оставалось, как ответить, что я, дескать, не знаю, почему у нас в Венгрии поступили именно так.

— Я спрашивал у венгерских товарищей, — продолжал В. И. Ленин, — чем гарантирована прочность этого союза. Они ответили мне, чтобы я не беспокоился, так как руководители коммунистической партии, мол, ученики Маркса и Ленина. Но это, возразил я им, еще не достаточная гарантия, так как бывают ученики, которые плохо усваивают урок...

Затем Владимир Ильич поинтересовался, пользуется ли диктатура венгерского пролетариата достаточно прочной поддержкой крестьянской бедноты.

— Сколько сельскохозяйственных рабочих и крестьян-бедняков имеется в Венгрии? — спросил он вдруг у меня.

Исходя из данных довоенной Венгрии, я назвал цифру: примерно четыре миллиона человек.

— Так много? — удивившись, спросил Ленин, и по голосу его можно было заметить, что он сомневается. — Смотрите, — сказал он очень серьезно, — к таким вещам нужно подходить со всей ответственностью. Вчера у меня был один из руково-

дителей коммунистической партии соседней с вами страны, и, когда я задал ему этот же вопрос, он не смог ответить. Какой же это коммунист, если он не знает соотношения классовых сил у себя на родине, и главное, не знает, сколько у него в стране сельскохозяйственных пролетариев и полупролетариев.

— Не думаете ли вы, что достаточно назвать любую цифру и что не обязательно быть совершенно уверенным в ее достоверности? Лучше признайтесь, что вы не знаете. — И он пристально посмотрел на меня.

Я заверил Владимира Ильича, что эта цифра, хоть и не совсем точна, все же близка к действительности. Ленин сказал, что он проверит, насколько точные мои данные.

— Берегитесь, — добавил он добродушным тоном, — если я обнаружу ошибку.

Между прочим, позже товарищ Ленин действительно проверил названную мною цифру и, когда Тибор Самуэли был в Москве, просил его передать мне, что я в его глазах полностью реабилитирован.

Затем он спросил у меня, угрожает ли пролетарской диктатуре в Венгрии опасность контрреволюции или мятежа. Я ответил, что бывшие господствующие классы, проиграв войну, подавлены и не располагают достаточными силами для оказания серьезного сопротивления. Иное положение, высказал я свое мнение, сложилось на востоке страны, в Трансильвании, где сохранились еще сильные феодальные пережитки и классовое расслоение крестьянства выражено резче. Можно опасаться, что зажиточное крестьянство примкнет к какому-нибудь контрреволюционному выступлению.

— Стало быть, это Вандея¹ Венгрии, — заметил Владимир Ильич и задумался.

Затем я попросил Владимира Ильича написать письмо венгерскому рабочему классу и призвать его силой своего авторитета к революционной выдержке.

— Этого сделать я не могу, — ответил Ленин. — Я не вправе вмешиваться во внутренние дела других стран. Тем

¹ Вандея — аграрный район во Франции с преобладанием кулацкого и среднего крестьянского землевладения, где во время французской буржуазной революции в конце XVIII — начале XIX века происходили реакционные мятежи. Слово «Вандея» стало нарицательным для обозначения очагов кулацкой контрреволюции. — *Ред.*

более в дела таких стран, внутреннюю обстановку в которых я недостаточно хорошо знаю.

Спустя несколько месяцев Ленин все же написал такое письмо, и Тибор Самуэли привез его в Будапешт¹.

В конце нашей встречи разговор зашел о международном революционном движении, о роли Каутского и ему подобных. На этом наша беседа с Лениным закончилась. Когда в 1922 году я снова приехал в Москву, Владимир Ильич был тяжело болен. Но тем не менее на IV конгрессе Коминтерна он, еще не совсем окрепнув после болезни, выступил со своим историческим докладом о новой экономической политике².

Пожалуй, нет нужды подчеркивать, что встреча с Лениным была одним из важнейших событий в моей жизни, и я бережно храню воспоминание о ней. Ленин сумел с самого начала нашего разговора рассеять во мне, рядовом члене партии, ту робость, которую я испытывал в первую минуту встречи с ним. Действительно, уже через несколько минут я чувствовал только, что разговариваю со старшим товарищем, обладающим неизмеримо большим опытом, чем я. Громадное впечатление произвели на меня его проявляющаяся во всем скромность и вместе с тем строгий, пристальный взгляд, когда ему казалось, что я неискренен с ним и не нахожу в себе мужества признаться в своей неосведомленности. Впечатления о встрече с В. И. Лениным навсегда останутся в моей памяти. Он стоит передо мной, как живой, то улыбающийся, то строгий, но всегда чуткий и отзывчивый.

*«1919 год в Венгрии» Сборник
материалов к 40-летию Венгерской
Советской Республики. М.,
Госполитиздат, 1959, стр. 46—50.*

¹ См. В. И. Ленин, Соч., т. 29, стр. 357—361. — *Ред.*

² См. В. И. Ленин, Соч., т. 33, стр. 380—394. — *Ред.*

ВСТРЕЧА С В. И. ЛЕНИНЫМ

3 февраля 1919 года в Будапеште разыгрались драматические события. Подкупленный буржуазией и правыми социал-демократами сброд под охраной полиции разгромил редакцию газеты «Вёрёш уйшаг»¹ на улице Вишегради.

Товарищи еще не успели опомниться от этого тяжелого события, как распространилась новая потрясающая весть: 21 февраля полиция арестовала и зверски расправилась с членами Центрального Комитета Коммунистической партии Венгрии и со многими членами партии.

Грубый произвол полиции вызвал глубокое возмущение трудящихся во всей стране. Трудящиеся ответили на жестокую расправу массовыми митингами протеста и повсеместными демонстрациями.

Узнав об аресте руководителей партии, я немедленно направился из Эгера в Будапешт. Участники революционного движения Венгрии, преследуемые полицией, ушли в подполье и общались между собой, лишь соблюдая правила конспирации. Мне дали знать, чтобы я посетил руководителей партии в тюрьме предварительного заключения. Мне удалось проникнуть в тюрьму и добиться свидания. Нам не пришлось говорить на политические темы, так как возле нас все время шныряли шпики.

С Бела Куном, на лице которого все еще виднелись следы побоев, я долго беседовал, разумеется, соблюдая конспирацию. Прощаясь, он пожал мне руку и незаметно сунул в ладонь свернутый кусочек папиросной бумаги. Пospешив на ближайшее кладбище, я развернул и разгладил этот листок бумаги, на котором карандашом было написано: «По решению партии

¹ «Красная газета» — орган Компартии Венгрии в 1919 году. — *Ред.*

немедленно отправляйтесь в Москву к товарищу Ленину! Доложите ему о создавшейся обстановке!»

Я быстро собрался в путь и уже на другой день под видом репатрирующегося русского военнопленного покинул Будапешт.

Через Чехословакию и Польшу я добрался до Брест-Литовска. Значительную часть пути до Минска я проехал в товарном поезде. Но ввиду близости линии фронта я не мог ехать дальше поездом. Здесь началась самая трудная часть пути.

Пришлось нанимать крестьянские подводы. Пробирался я к цели очень медленно, и мне пришлось преодолеть немалые трудности. Наконец, из Смоленска поездом прибыл в Москву.

Мало-помалу я стал приходить в себя после пережитых в пути невзгод. И хотя я чувствовал усталость, все же с удовольствием разглядывал из окна трамвая столь знакомые мне и милые сердцу улицы и площади. Многие здания все еще носили следы боев за пролетарскую власть, но для меня они от этого становились еще дороже, краше.

Под впечатлением нахлынувших воспоминаний я сошел с трамвая и принялся разыскивать здание почтамта.

6 июля 1918 года здесь, в здании почтамта, мы, тогда слушатели курсов агитаторов, плечом к плечу с бойцами Красной Армии участвовали в подавлении мятежа левых эсеров.

Затем я отправился на прекрасную Тверскую¹, оживление и многолюдность которой всегда вызывали у меня восхищение. На этот раз она показалась мне еще красивее, чем прежде.

Вскоре я добрался до гостиницы «Дрезден» и через некоторое время попал в редакцию газеты «Социалист форрадалом». Мое появление удивило товарищей, они прямо не верили своим глазам. Но привезенные мною свежие номера газеты «Вёрёш уйшаг» и мой краткий рассказ рассеяли все сомнения.

Тут же решили позвонить в Кремль и немедленно поехать к товарищу Ленину.

Мы сели в автомобиль и вскоре оказались на хорошо знакомой площади Кремля, где столько прекрасных исторических памятников. Пройдя мимо ряда пушек времен нашествия Наполеона и Царь-колокола, мы направились к зданию, где жил и работал Ленин. По узкой боковой лестнице мы поднялись наверх. Наконец, перед нами распахнулась дверь рабочего ка-

¹ Ныне улица Горького. — *Ред.*

бинета Ленина, и я оказался лицом к лицу с Владимиром Ильичем. Я смотрел на Ленина с чувством большой любви и глубочайшего уважения, какое испытывают молодые революционеры к своему вождю и учителю. Ленин быстро встал из-за письменного стола и подошел ко мне. Я был так взволнован, что не мог пошевелинуться. Ленин протянул мне руку и просто сказал: «Садитесь, товарищ», — указывая на кресло, стоявшее возле письменного стола.

Он приветливо расспрашивал меня о моей поездке; мое смятение быстро улеглось, и я стал докладывать ему сперва по-русски, а затем по-немецки.

Убедившись, что я слабо владею обоими этими языками, товарищ Ленин пригласил переводчика.

Я доложил Ленину о политической обстановке в Венгрии. Устремив на меня острый взгляд, Владимир Ильич с большим вниманием слушал переводчика. Но когда я рассказал о разгроме редакции газеты «Вёрёш уйшаг», о полицейском произволе и аресте руководителей партии, Ленин несколько не удивился. У меня было такое чувство, что он каким-то образом уже осведомлен об этом. Затем я передал Ленину привезенные с собой экземпляры газеты «Вёрёш уйшаг». Владимир Ильич с большим интересом перелистывал их и тем временем задавал мне вопросы.

— Люблю выслушивать мнение молодых революционеров, — сказал он.

На вопрос, какие задания я получал от партии у себя на родине, я ответил, что вел пропагандистскую и агитационную работу в провинции среди рабочих и крестьян.

— Если вы, товарищ, работали среди них, то расскажите, как встретили ваше движение крестьяне? Чего они ожидают от него?

Затем он поинтересовался тем, сколько в Венгрии бедняков, безземельных крестьян.

— Я не располагаю статистическими данными о числе крестьян-бедняков, — ответил я, — но думаю, что их больше двух с половиной миллионов. Все венгерские крестьяне-бедняки сильно привязаны к земле и ожидают от нас решения аграрного вопроса.

— Да, — заметил Ленин, — надо привлечь их на свою сторону.

Мы почти час беседовали с товарищем Лениным.

Затем Ленин задал мне еще один вопрос:

— Можно ли после всего случившегося сотрудничать с социал-демократами?

Я ответил, что на это едва ли можно рассчитывать. Тогда Ленин пристально посмотрел на меня и сказал:

— Товарищ, вы, наверно, очень утомлены.

Я на это ничего не ответил. Товарищ Ленин был прав.

Ленин распорядился, чтобы меня показали врачу. Он сказал мне, чтобы я только через два дня сделал подробный доклад венгерским товарищам.

Он сочувственно, приветливо посмотрел на меня и на прощанье пожал мне руку.

Взволнованный до глубины души, я покинул кабинет Ленина. Я чувствовал, что встреча с Лениным обогатила мою жизнь самым прекрасным и дорогим воспоминанием.

Меня направили в Интернациональный госпиталь для врачебного осмотра. Два дня спустя я смог сделать доклад находившимся в госпитале на излечении раненым венгерским товарищам и съехавшимся из всех районов Москвы и ее окрестностей бывшим венгерским военнопленным, узнавшим о моем прибытии из Венгрии.

Мой доклад о мощном подъеме революционного движения в Венгрии вызвал огромное воодушевление у товарищей, до отказа заполнивших просторную палату госпиталя. Раздавались гневные возгласы, когда я рассказывал им о разгроме редакции газеты «Вёрёш уйшаг» и об аресте руководителей партии.

В своих выступлениях венгерские интернационалисты просили меня заверить товарищей на родине, что они с нетерпением ждут того дня, когда они смогут с оружием в руках сражаться на родной земле за власть пролетариата в Венгрии.

Партийное поручение мною было выполнено; через несколько дней я, напутствуемый добрыми советами русских товарищей, снова двинулся в путь, направляясь в Венгрию.

«Воспоминания очевидцев великих событий 1918—1919» Будапешт, изд «Кошут», 1958, стр 113—122.

АЛЬФРЕД КУРЕЛЛА

«ВЫ, СОБСТВЕННО, КТО ПО ПРОФЕССИИ, ТОВАРИЩ?»

Многим людям в мире известна эта картина: большое белое здание с зеленым куполом, над которым развевается красный флаг, полированный гранит Мавзолея, ряд темных пихт, а между Мавзолеем и куполом — старая кирпичная стена с высокими зубцами, напоминающими хвост ласточки.

На этой стене, между двумя высокими зубцами, 1 мая 1919 года стоял молодой немецкий коммунист и смотрел вниз, на Красную площадь.

Тогда все у подножья стены выглядело совершенно иначе, чем сегодня. Там, где стоит сейчас Мавзолей, была еще свежая могила. Здесь недавно был похоронен председатель Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Яков Свердлов. Он был первым из великих руководителей социалистической революции, кого похоронили у Кремлевской стены.

Перед могилой была установлена довольно высокая, грубо сколоченная трибуна. На ней стоял человек. Вернее, он не стоял, а все время ходил взад и вперед. Он то энергично простирали руку вперед, то делал широкие, как бы спрашивающие и успокаивающие жесты. По этим жестам, по быстро меняющемуся положению головы оратора, что как бы придавало отдельным словам особое звучание, можно было определить, о чем он говорил.

Оратор как бы очаровал толпу. Голос его звучал в такой тишине, что даже здесь, наверху, были слышны все интонации его речи, ее ритм. Только что состоялся небольшой парад войск. Солдаты в далеко не парадной, пестрой форме стояли, выстроившись в каре, справа от оригинального по своей архитектуре собора Василия Блаженного. Другая часть солдат образовала цепь на Красной площади. За ними виднелась большая толпа людей. Все стояли, тесно прижавшись друг к другу.

Вся Москва пришла сюда на майский праздник. И к этим людям был обращен голос оратора, на которого смотрели тысячи пар глаз со всех сторон площади¹.

И вот речь окончена. Двумя энергичными жестами подкрепил оратор последние слова, встреченные громкими криками медленно колыхавшейся толпы.

Человек на трибуне собирался сойти по ступенькам лестницы. Из широко раскрытых ворот башни с большими часами выехал скромный автомобиль. Возгласы несколько затихли, и стали слышны звуки «Интернационала», исполнявшегося небольшим оркестром.

И вдруг произошло нечто непредвиденное. Когда этот среднего роста человек сошел с трибуны, к которой подъехал автомобиль, толпа прорвала слабый кордон.

Увлекая за собой солдат, которые были охвачены тем же желанием, что и их братья в рабочих блузах, толпа, запрудившая всю площадь, устремилась к человеку, подходившему к автомобилю. Человеческий поток все теснее и плотнее, концентрическими кругами обступал этого человека.

Человек в медленно продвигавшейся вперед машине встал. Держа в руке кепку, он приветствовал людей. В ответ поднялся лес рук. Все отчетливее и громче доносилось из окружающей его массы людей: «Ленин!.. Ленин!.. Ленин!..».

Все стоявшие на площади — старые и молодые, военные и гражданские — слились в пестрой толпе в одно целое. Масса людей медленно перемещалась к башне с часами, продолжая крутиться вокруг одной точки, ставшей центром этого водоворота. Затем большие ворота пропустили автомобиль, и народом сразу же овладело спокойствие. Толпа, лишенная центра притяжения, рассыпалась, постепенно раскололась на небольшие группки. Вновь вставшие в строй солдаты уже покидали площадь вместе с расходившимися штатскими людьми.

Навсегда, неизгладимо, со всеми подробностями осталась в моей памяти эта картина, которую в тот день видел, вероятно, только один я, молодой немецкий коммунист, чья заветная мечта побывать в столице революции исполнилась лишь десять дней тому назад. И как бесконечно много пережил я за эти дни!

¹ См. В. И. Ленин, Соч., т. 29, стр. 301—304. — *Ред.*

Да, я жил в Москве, в Кремле, я сразу же очутился в центре преобразующего мир движения. Ежедневно в столовой Совета Народных Комиссаров я встречался с людьми, которых знал по газетам как руководителей этого движения. Всего лишь несколько дней назад я сидел в комнате у вождя революции Ленина и больше часа разговаривал с ним один на один. И все это происходило после продолжавшейся несколько недель полной приключений поездки через границы, в обход занятых деревень и, наконец, через фронты, когда не раз жизнь была в опасности. Все это было достаточным основанием для того, чтобы заставить молодого человека смотреть на мир иными глазами.

Предшествующие месяцы были месяцами тяжелых боев. На первый взгляд, они окончились для нас (немецких революционеров. — *Ред.*) поражением. Но из этих боев вышла Коммунистическая партия Германии. Мы знали, что это означало для германского и международного рабочего движения, и понимали, что этой победой, возместившей все поражения последних месяцев, мы в не малой степени обязаны Ленину, так как он дал нам лозунг, который позволил вести борьбу не только путем агитации и пропаганды, но и с оружием в руках. Этим лозунгом был лозунг диктатуры пролетариата.

Надо перенестись в то время, чтобы уяснить, что тогда значила постановка на обсуждение такого «абстрактного» и «чисто теоретического» понятия, как диктатура пролетариата, которая к тому же находилась в резком противоречии с господствовавшими в то время не только в прогрессивных кругах, но и в рабочем движении либеральными взглядами. «Диктатура пролетариата!» Нужно было не только превратить этот лозунг в объект споров, но и сделать его целью борьбы. Это действительно так и произошло. Весь горячий спор внутри рабочего класса о направлении и целях революции был определен этими двумя словами. Нашим арсеналом, из которого мы брали оружие для борьбы за диктатуру пролетариата, стала ленинская работа «Государство и революция».

Эта маленькая, но богатая по содержанию работа была нелегально привезена летом 1918 г. из Швейцарии в Германию. В группах и кружках подпольного молодежного движения мы тогда много читали, изучали и думали, что уже кое-что

понимаем в учении Маркса, но эта книга была для нас чем-то новым. Я хорошо помню первое впечатление от нее. Откровенно говоря, я был несколько обескуражен: чего, собственно, хочет этот человек? (Думаю, что меня простят за это выражение, но так мы тогда думали. Ленин был для нас видным революционером, но как теоретик он был одним из многих авторов, к которым мы должны были определить свое отношение.) Почему он, Ленин, считает, что читателю надо повторять одно и то же два, три, а то и большее количество раз? К чему это топтание на одном и том же месте? Но я продолжал читать: перечитал книгу второй раз. И вдруг понял, что эта книга дала мне аргументы для ответа на все важнейшие вопросы, которые ставила современность. Ход истории и борьба трудящихся масс превратили вопрос о государственной власти в Германии в жгучую практическую проблему повседневной политики.

Старое руководство государством было свергнуто, что же теперь надо делать? Что представляло из себя это государство, чем была государственная машина? Что должно было произойти с ней? И обязательно каждое размышление, каждый диспут по всем этим актуальным вопросам приводили к диктатуре пролетариата. Здесь проходила линия размежевания. От положительного или отрицательного ответа на вопрос, действительно ли был нужен целый период революционного преобразования капиталистического общества в социалистическое и в связи с этим также и соответствующая форма государства, зависело каждое дальнейшее решение. В бурных спорах по этому вопросу, в оживленных дискуссиях, которые охватили самую широкую рабочую общественность, проявилось все внутреннее богатство ленинского решения этой проблемы. Мы научились тогда, даже сами этого не замечая, совершенно по-иному мыслить.

Кроме этого первого введения в материалистическую диалектику творческое изучение ленинской работы «Государство и революция» дало нам и нечто другое: эта книга по-настоящему познакомила нас с Марксом. Это не значит, что мы ранее не читали Маркса и Энгельса. Но картина, создававшаяся у нас после чтения, была отрывочной и неполной. Отдельные части их учения в нашем представлении не имели никакой внутренней связи, и прежде всего было трудно взять из марксизма, каким мы его раньше знали, прямые указания и аргументы для решения практических проблем, которые ставила

перед нами история. То, что Ленин показал международному рабочему движению Маркса и Энгельса во всей полноте их гениальной мысли, то, что он открыл для нас марксизм как большую, всеобъемлющую систему теоретических и практических знаний, было одной из его величайших заслуг перед историей человечества.

Первая встреча и знакомство с миром мыслей Ленина были уже позади, когда весной 1919 года мне выпало счастье поехать с партийным поручением в Москву. Сразу же по приезде я познакомился с Лениным и быстро включился в работу, которая на долгое время ввела меня непосредственно в сферу деятельности Ленина, вождя Коммунистического Интернационала.

В Москву я прибыл 20 апреля 1919 года. Через несколько дней мне сообщили, что со мной желает говорить Ленин. Это приглашение было для меня несколько неожиданным, но я догадывался, что послужило поводом к нему. В то время, когда я находился в пути (а мое тяжелое путешествие продолжалось целый месяц), в Баварии была создана Советская республика. Связь Москвы с внешним миром в то время была слабой. Очевидно, Ленину сообщили, что прибыл курьер Центрального Комитета Коммунистической партии Германии. Этот человек из Мюнхена, где он руководил организацией коммунистической молодежи, был живым источником дополнительной информации для лучшего понимания того, что там произошло. И действительно, эта первая, продолжавшаяся более часа беседа заключалась в основном в том, что Ленин пытался почерпнуть из этого «источника» все, что было возможно. Но, как оказалось, от меня нельзя было получить слишком много.

Я жил в Кремле, и поэтому, когда за мной зашли, далеко идти не пришлось. Ленин встал из-за письменного стола, когда я вошел в небольшую, но очень светлую комнату правительственного здания, которая позже стала широко известной по многочисленным фотографиям и картинам. Мы сели за маленький столик в углу комнаты, Ленин — на стоявший у стены диван. Стол стоял так, что мы могли хорошо видеть друг друга. Ленин то откидывался в угол дивана, положив левую руку на спинку, то нагибался вперед, опустив руки на колени и держа голову несколько набок. Когда он задавал важный вопрос, то садился прямо на край дивана, опустив слегка плечи и искоса поглядывая на меня, пока я долго отвечал на вопрос.

И вообще я постоянно чувствовал его взгляд на себе, внимательный, испытующий, которым он, кажется, мог прочесть мысли, так как часто дополнительные вопросы Ленина касались того, о чем я только еще собирался сказать.

Что же касается меня, то наивная самоуверенность, с которой я пришел к Ленину, стала все больше и больше сменяться смущением. Не потому, что Ленин как-то хотел дать мне почувствовать свой авторитет; наоборот, он сразу заметил мое смущение и подчеркнул равноправный характер нашего разговора. Но это делало меня только еще более неуверенным. То, что сам Ленин знал о Мюнхене, о событиях в Баварии и о политическом положении в Германии, то, что он надеялся дополнительно узнать от меня, далеко выходило за пределы моих знаний и моего опыта.

Особенно удивлен я был уже в начале нашего разговора, когда Ленин спросил меня о специфических мюнхенских вещах. Ему были известны не только «Английский сад» с Моноптерусом и Китайской башней, но и Аумейстер и Унгерербад. (Тогда я еще не знал, что Ленин ранее был в Мюнхене.) Он очень хорошо знал крупные предприятия этого города, из которых мне были известны только важнейшие; он знал о положении дел с кадрами в баварской социал-демократии, о чем я был осведомлен только в самых общих чертах. Ответы, которые я давал, были далеко не полными, а говоря о влиянии коммунистической партии среди молодежи, я несколько преувеличивал его. Это Ленин сразу же почувствовал и с добродушной иронией поправил меня. Во время разговора мне все яснее и яснее становилось, сколько должен знать настоящий коммунист и партийный вождь и как мало мы (я судил по большинству моих тогдашних мюнхенских коллег по партии) знали о принципиальных и важных вещах.

Однако мне казалось, что все, о чем я мог сообщить, — характеристики различных деятелей мюнхенских левых, короткие рассказы о них — имело значение для Ленина. Он слушал, то одобрительно улыбаясь, то серьезно кивая головой. Но я был совершенно беспомощен в вопросе, который, очевидно, очень интересовал Ленина, — в вопросе о политических настроениях среди баварских крестьян и о влиянии нашей партии на них. Ленин затронул его, когда я уже успел о многом сообщить. При первых моих словах о «левых течениях» и «растущем влиянии» он удивленно посмотрел на меня. Его

брови поднимались все выше и выше, когда я начал рассказывать о «крестьянских советах», а когда же я упомянул один крестьянский совет в Розенхайме, он прервал мой рассказ:

«Розенхайм? Это не у железной дороги на Куфштайн? Но это же город!..»

Я попытался несколько исправить мою информацию, но Ленин сразу же задал мне вопрос: «Вы, собственно, кто по профессии, товарищ?», и сразу же после моего, правда не совсем соответствующего истине, ответа «студент» он возгласом «ах, так!» прервал расспросы о положении баварских крестьян. Ленин расспросил меня, где я остановился, как я обеспечен, какие у меня планы и могу ли я, если вскоре мне придется выехать, захватить с собой письмо в Баварию. Наша беседа имела своей целью дать дополнительный материал к тому, что Ленин уже собрал для «Письма к баварским рабочим»¹. Я очень лаконично ответил на все эти вопросы и вскоре же распростился с Лениным.

Этот не очень славный конец моей первой беседы с Лениным долго не выходил у меня из головы. Вначале я не видел связи между моим знанием крестьянского вопроса в Баварии и моей профессией и социальным происхождением. Только позднее, в течение многих лет приобретая опыт, я понял, как сильно социальное происхождение человека влияет на кругозор и тем самым на субъективные предпосылки для его умозаключений. Ведь речь идет о комплексе собственных переживаний, наблюдений и суждений в социально определенной и ограниченной среде, под влиянием которой в юношеские годы вырабатываются рефлексy и ассоциации индивидуума, та социально определенная окраска, которую получает образ мышления человека в детские и юношеские годы и которая дает о себе знать до глубокой старости. Жизненный опыт помог мне позднее понять, почему в Российской коммунистической партии, а затем и во всем Советском Союзе обращали внимание не только на общественное положение и профессиональную деятельность в настоящее время, но и на социальное происхождение человека, о взглядах и характере которого хотели знать как можно больше. Когда Ленин дал мне понять, что от немецкого студента он не ожидал хорошего знания

¹ Автор, вероятно, имеет в виду «Приветствие Баварской Советской республике» (см. В. И. Ленин, Соч., т. 29, стр. 298—299). — *Ред.*

аграрного вопроса в Баварии, я не сразу разобрался в том, что этим самым совершенно не было высказано принципиальное суждение о «студентах», что ни в коей мере не шла речь о том увриеризме¹, о той интеллектуальной вражде, которая, как типичный спутник тред-юнионизма, продолжительное время делала в германском рабочем движении свое дело. Сомнение, зародившееся во мне после ленинского возгласа «ах, так!», заставляло меня постоянно возвращаться к вопросу о рабочем движении и интеллигенции до тех пор, пока я не нашел в гениальной работе Ленина «Что делать?» ключ для его правильного решения.

За первой встречей с Лениным последовала в том же 1919 г. вторая встреча, которая, однако, носила совершенно иной характер.

Еще в мае по инициативе Ленина была создана комиссия, которая должна была изучить положение в международном социалистическом молодежном движении и проверить возможность воссоздания молодежного Интернационала. Я был избран членом этой комиссии. Документы, которые появились в результате нашей работы, несколько раз докладывались Ленину и вернулись к нам с его замечаниями. В конце мая Исполнительный комитет незадолго перед этим созданного III, Коммунистического Интернационала издал воззвание, в основе которого лежало важнейшее ленинское указание по вопросу о международном социалистическом движении молодежи. В воззвании предлагалось объединить все существующие социалистические организации и организации рабочей молодежи, стоявшие в своем подавляющем большинстве в период войны на революционных позициях, в один Коммунистический Интернационал молодежи. Венгерский союз, представители которого в это время также были в Москве, взял на себя приглашение всех организаций на назначенную на середину августа встречу. Российский Коммунистический Союз Молодежи послал на нее двух своих делегатов. Наш отъезд был назначен на конец июля. Направлялись мы в Вену различными путями, так чтобы хоть один из нас смог доехать. Перед этим мы были еще не раз приглашены к Ленину.

¹ Воспитание у рабочего класса враждебного отношения к интеллигенции. — *Ред.*

И на этот раз разговор начался с многочисленных вопросов. То обстоятельство, что Ленин хорошо разбирался в этой области, не очень удивило меня. Я знал, насколько обстоятельно в Швейцарии в годы эмиграции он занимался проблемами молодежного движения. Мы должны были рассказать, как представляем себе нашу задачу. Ленин внес много поправок. Мы очень просто смотрели на вещи из-за своей юношеской наивности и надежды на то, что в документах комиссии есть замечательные тезисы по всем вопросам. На прощание мы получили еще один небольшой урок по политической тактике.

Самой существенной стратегической задачей, как и прежде, была мобилизация возможно больших сил вокруг ясной, бескомпромиссной революционной программы, основой которой было признание диктатуры пролетариата. И здесь, в молодежном движении, признание классовой борьбы было тем принципиальным вопросом, на который можно было ответить только «да» или «нет». Но Ленин сразу же предупредил нас, что одно лишь признание этого теоретического пункта программы участниками движения не является решающим критерием для определения действительной политической позиции. Он особенно обратил наше внимание на ту позицию, которую, вероятно, займут австромарксисты. В молодежном движении они были представлены организацией австрийской социалистической молодежи. Они будут готовы идти на всевозможные уступки по чисто теоретическим вопросам, с тем чтобы избежать решения практических вопросов движения и сохранить за собой свободу действия.

Ленин предложил нам включить в проект программы не только признание III, Коммунистического Интернационала, но и положение о том, что новый Интернационал молодежи должен вступить на правах секции в Коминтерн. Во время предварительных переговоров, состоявшихся сразу же после этого, в августе 1919 года, в Вене, стало ясно, насколько важным было это указание. Действительно, «венцы» во главе с Даннебергом были готовы, как говорят, «проглотить» диктатуру пролетариата, но они упорно сопротивлялись признанию III Интернационала, предпочитая лучше идти на раскол, что и привело их в ходе дальнейших событий в болото социал-демократического оппортунизма.

На учредительном конгрессе Коммунистического Интернационала молодежи нам пришлось много сделать, чтобы

выполнить поручение Ленина. Даже среди некоторых коммунистических молодежных союзов были мнения и настроения, направленные против руководства молодежью со стороны коммунистической партии.

Через полтора года я вновь увидел Ленина. В конце февраля 1921 года я как член комиссии находившегося в Берлине Исполнительного комитета Коммунистического Интернационала молодежи выехал в Москву для ведения политических переговоров. Речь вновь шла о той же проблеме, на которую обратил наше внимание Ленин еще летом 1919 года. Обсуждался вопрос о том, должен ли был руководящий состав Интернационала молодежи переехать из Берлина в Москву, где находился Исполнительный комитет Коминтерна. Ленин не участвовал в переговорах. Но мне представилась возможность в качестве гостя присутствовать на X съезде РКП(б), проходившем в Свердловском зале в Кремле, где я слушал отчет Ленина о деятельности ЦК и часть прений, во время которых обсуждались важнейшие вопросы (о продовольственном налоге, о единстве партии) ¹.

Летом 1921 года II конгресс Коммунистического Интернационала молодежи в Москве после продолжительных и бурных дебатов принял решение о переводе Исполнительного комитета в Москву.

Уже на III конгрессе Коминтерна, который предшествовал нашему конгрессу и в котором мы приняли участие, но чаще всего в последующие годы, когда я, являясь секретарем Исполнительного комитета Коммунистического Интернационала молодежи, с небольшим перерывом жил в Москве, неоднократно имел личный контакт с Лениным. Это происходило прежде всего на заседаниях комиссий, где я переводил несколько раз выступления Ленина на немецкий и французский языки, или на заседаниях Президиума Коминтерна, в которых принимал участие Ленин. Подробности этих встреч не сохранились в моей памяти. Но каждая дискуссия, во время которой я слышал, как Ленин излагает свою точку зрения, давала очень много для моего политического развития.

«Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине», ч. 3 М., Госполитиздат, 1960, стр. 210—217.

¹ X съезд РКП(б) проходил в Москве 8—16 марта 1921 года. — *Ред.*

АРНОШТ КОЛЬМАН

ВЕЛИКАЯ ЧЕЛОВЕЧНОСТЬ

На мою долю выпало счастье лично познакомиться с Владимиром Ильичем. Произошло это в 1919 году во время первомайской демонстрации на Красной площади. Ленин вместе с другими членами ЦК стоял там, где сейчас он покойся в Мавзолее. Кирпичная кремлевская стена позади была расписана лозунгами на разных языках. Секретарь МК Беленький подвел меня к Ленину и сказал:

— Это впервые у нас член МК — чех, из военнопленных, интернационалист.

Ленин, до этого с кем-то разговаривавший, взял меня, сильно смущенного, за борт шинели и стал расспрашивать: когда я прибыл с фронта? Как там? Откуда я родом? Кто по профессии?

Он тепло вспоминал Прагу, давал меткие характеристики отдельным чешским политическим деятелям. Потом быстро вернулся к стоявшей рядом Надежде Константиновне:

— Вот, напрасно в Наркомпросе товарища не используете. Не надо было отпускать его на фронт, он математик.

Горячась, я начал возражать, что-то доказывать, но в это время на площади появились грузовики с ребятишками из детских домов. Ленин стал размахивать кепкой, весело приветствуя их.

Надежда Константиновна вскоре пригласила меня в Кремль, и я побывал на квартире Ульяновых. Мы долго беседовали с Крупской, а Ленин в это время писал в соседней комнате, весь поглощенный работой.

После этого я снова уехал на фронт, и только уже в 1920—1921 годах несколько раз слушал выступления Ленина. На его квартире довелось снова побывать лишь в 1925 году. Во время беседы с Надеждой Константиновной о задаче политпросветов ко мне на колени взобрался большой, необычно-

венно красивый кот, подарок Ленину от легендарного кавказского революционера Камо. Никогда не забуду, с какой грустью сказала Надежда Константиновна:

— Владимир Ильич этого кота очень любил...

...Ленину, так же как и Марксу, ничто человеческое не было чуждо. И перечитывая его сочинения, мы находим в них не только все новые и новые глубокие мысли, но и всю ту великую человечность, которую воплощал живой Ильич.

Прага, апрель 1960 года.

*«Ленинские страницы». Документы,
воспоминания, очерки М., 1960,
стр 145—146.*

ЛЮ ЦЗЭ-ЖУН (ЛАУ СИУ-ДЖАУ)

ВСТРЕЧИ С ВЕЛИКИМ ЛЕНИНЫМ

На мою долю выпало огромное счастье не раз видеться с великим Лениным. Первый раз я представился ему, когда удостоился чести быть участником I конгресса Коминтерна в марте 1919 года. Я очень волновался перед этой первой встречей. Но Владимир Ильич принял меня необыкновенно приветливо, сердечно. Он был чрезвычайно занят, и я не смел задерживать его. Беседа была очень краткой, но она произвела на меня глубокое впечатление.

Второй раз Владимир Ильич принял меня в том же 1919 году в связи с моей работой в должности председателя Центрального комитета Союза китайских рабочих в России. Союз этот был организован в 1917 году, первоначально под названием Союза китайских граждан в России, главным образом с целью защиты интересов почти 60 тысяч китайских рабочих, ввезенных после начала первой мировой войны в Россию. Они прибыли по контрактам, заключенным русскими учреждениями и предприятиями с китайскими подрядчиками.

Рабочие эти, отданные всецело во власть подрядчиков, подвергались ужасной эксплуатации и жили в неопишимо тяжелых условиях. После Февральской революции рабочие начали тысячами разбегаться с мест, где они работали, и искать пропитания, пристанища, защиты и путей возвращения на родину. Первой заботой организованного тогда союза была эвакуация китайских граждан на родину. Но вскоре нормальное сообщение с Востоком было прервано, и репатриация встретилась с огромными затруднениями.

Советская власть с первого же дня после Великой Октябрьской социалистической революции проявляла большое внимание к китайским рабочим и, в частности, к вопросу об урегулировании их правового положения, оказывая союзу, преобразованному в Союз китайских рабочих в России, всемерную

поддержку и всестороннее содействие. Одним из самых трудных вопросов продолжал оставаться вопрос о репатриации, и в этом отношении Советское правительство охотно шло навстречу.

В связи с работой союза я и был принят Владимиром Ильичем во второй раз — 19 ноября 1919 года в его кабинете в Кремле. Он встретил меня с такой же большой приветливостью, как и в первый раз. На протяжении всей беседы меня не оставляло чувство покоряющего обаяния, исходившего от этого великого человека. Ленин расспрашивал меня о Китае, о китайской революции. Я был молод и еще далек от должного понимания международной политики, да и знал о событиях в Китае слишком мало, чтобы рассказать ему что-то для него новое или интересное.

Сам же я почерпнул много ценного для меня из беседы с Владимиром Ильичем, услышав от него ряд глубоких мыслей по вопросам о судьбах Китая, о борьбе китайского народа с империализмом, о важности сближения между народами Китая и Советской России.

Теперь, спустя сорок лет, в свете великих перемен, происшедших в Китае после его освобождения, в свете крепчайших братских уз, связывающих наши две социалистические страны, в свете мировой обстановки сегодняшнего дня я с глубоким волнением вспоминаю о той небывалой теплоте, с которой Владимир Ильич говорил о китайском народе и его будущем, вспоминаю о его гениальной прозорливости в вопросе о перспективах дружбы и сотрудничества между нашими двумя народами. Владимир Ильич подробно расспрашивал о положении китайских рабочих, о работе нашего союза. Он поинтересовался, достаточно ли союзу оказывается содействия со стороны властей. В подтверждение того, что союзу оказывается большое внимание и широкое содействие, я показал выданное мне Народным комиссариатом иностранных дел удостоверение, где говорилось, что я являюсь «единственным уполномоченным китайских граждан и рабочих в России по охране их интересов». В удостоверении содержались обращение и просьба ко всем учреждениям оказывать мне всяческое содействие. Неожиданно для меня Владимир Ильич тут же на этом удостоверении сделал красными чернилами следующую надпись:

«С своей стороны очень прошу советские учреждения и власти оказывать всяческое содействие тов. Лау Сиу-джау.

Пр. сов. Нар. Ком. *В. Ульянов (Ленин)*

19/XI 1919 г.»

Этим исключительным вниманием к китайским рабочим, теплой дружбой к Китаю и в то же время большим доверием, оказанным мне лично, я был тронут до глубины души. Удостоверение, подтвержденное высоким авторитетом Ленина, было неоценимо для нашего союза. Впоследствии в связи с рядом обстоятельств, в особенности в связи с нашествием японских захватчиков в Китай, мне пришлось уничтожить много важных документов, но это удостоверение с собственноручной подписью Ленина я сохранил как бесценную память о нем.

Следующий раз я был принят Владимиром Ильичем в дни II конгресса Коминтерна в 1920 году.

Незадолго до конгресса в Москве было получено известие о том, что китайская миссия во главе с генералом Чжан Сы-лином, направлявшаяся в Москву, перешла читинский фронт. Тогдашнее правительство Китая, несмотря на всю свою реакционность, после победы Советской власти в Сибири решило послать миссию в Советскую Россию, по возможности в Москву, чтобы «поговорить». Однако, опасаясь вмешательства со стороны империалистических держав, оно не решалось придать миссии официальный характер, а отправило ее под флагом продовольственной помощи китайским гражданам в Сибири. Причем китайское правительство не только не испросило согласия на отправку миссии, но даже не послало никакого уведомления Советскому правительству об этом, поручив миссии самой получить согласие на приезд в Москву по прибытии на территорию тогдашней Дальневосточной Республики.

Все это, разумеется, никак не соответствовало международным обычаям. Тем не менее народный комиссар иностранных дел Чичерин, направляя китайскому министерству иностранных дел запрос о целях и характере миссии, выражал готовность принять ее в Москве, а также желание послать в свою очередь миссию в Пекин. По предложению Наркоминдела я от имени нашего союза тоже телеграфировал в Пекин с настоятельной просьбой: во избежание возможных недоразумений сообщить Советскому правительству о характере миссии.

Однако из Пекина никакого ответа не последовало, и находившаяся в поезде миссия продолжала пребывать в ожидании сначала в Чите, а затем в Верхнеудинске. Становилось ясным, что китайское правительство не решалось обратиться к Советскому правительству с официальной просьбой принять миссию.

Между тем с приездом миссии открывалась возможность установления непосредственного контакта между представителями двух правительств, и поэтому приезд ее в Москву, независимо от пределов полномочий, был очень желателен, тем более что Советское правительство неоднократно предлагало правительству Китая вступить в переговоры и установить нормальные отношения. Для членов нашего союза приезд миссии представлялся желательным также и потому, что появилась надежда сдвинуть с мертвой точки вопрос о репатриации, разрешение которого китайское правительство очень затягивало. Я и решил тогда обратиться непосредственно к Владимиру Ильичу с просьбой, не найдет ли он возможным дать распоряжение о пропуске миссии в Москву, не дожидаясь ответа из Пекина.

Таким образом, я в третий раз был принят Владимиром Ильичем. Это было в дни II конгресса Коминтерна. Я представил свои соображения Владимиру Ильичу. Он счел возможным приезд миссии в Москву без официального извещения из Пекина и тут же написал записку в Наркоминдел с предложением распорядиться о пропуске миссии в Москву. Решение Владимира Ильича еще раз показывало его отношение к Китаю и то значение, которое он придавал возможности завязать отношения с китайским правительством.

Миссия прибыла в Москву 5 сентября. Ее радушно встретили и устроили со всем возможным в те времена комфортом в хорошем особняке. Очень тепло принял ее Владимир Ильич, имевший с ней продолжительную беседу.

Японские и другие империалисты, встревоженные появлением миссии в Москве, оказали давление на китайское правительство. Последнее поспешило объявить о неофициальном характере миссии и предложило ей скорее вернуться в Китай. Однако это нисколько не отразилось на отношении Советского правительства к миссии и на том большом внимании, которым она была окружена во время всего своего пребывания на территории РСФСР.

Помимо проведения ряда встреч и деловых бесед, миссии была предоставлена полная возможность ознакомиться с Москвой и Петроградом.

В заключение генералу Чжан Сы-лину вручили письмо народного комиссара иностранных дел на имя министра иностранных дел Китая, где Советское правительство выражало желание установить дружественные отношения с Китаем¹. Развивая принципы, провозглашенные в обращении к китайскому народу от 25 июля 1919 года² письмо излагало основные пункты предлагавшегося соглашения (в том числе такие, как аннулирование всех старых неравноправных договоров, отказ от консульской юрисдикции, от концессий, от «боксерской» контрибуции и т. д.). Как и первое обращение Советского правительства к китайскому народу, это письмо, получившее вскоре широкую известность в Китае как «вторая советская декларация», конкретно излагало мудрую ленинскую политику в отношении Китая. Оно было радостно встречено прогрессивными кругами Китая и сыграло большую роль в движении за установление дружественных отношений с Советской Россией.

* *
*

Много лет прошло с того времени, когда я встречался с великим Лениным, но светлая память о необыкновенном обаянии этого великого человека, об его исключительно теплом отношении к моей родине и к моему народу неугасимо живет во мне.

1959 г.

*Журнал «Вопросы истории КПСС»
№ 2, 1960 г., стр. 192—194*

¹ Речь идет о письме Народного комиссариата иностранных дел от 27 октября 1920 года. — *Ред.*

² См. газету «Известия» от 26 августа 1919 года. — *Ред.*

ВИЛЬЯМ Т. ГУД

ЛЕНИН

В сравнении с тем блестящим светом, которым близкие друзья Ленина могут осветить его жизнь, моя дань ему будет подобна огоньку спички. Но как и спичка, поднесенная к картине, открывает внезапно то тут, то там какую-нибудь черту, так и мои несколько слов могут, быть может, бросить слабый луч на какую-нибудь особенную черточку Ленина, которой могли не заметить другие.

Ведь я был чужой, иностранец, и только два раза столкнулся с ним. Это было летом 1919 года, когда положение России было очень трудное. Работая над своей книгой о России, которую я готовил для «The Manchester Guardian»¹, я встретил великодушную помощь со стороны официальных лиц нового правительства, но я сильно желал свидания с самим Лениным как ввиду его положения, так и ввиду тех фантастических историй, которые распространялись о нем на Западе.

Свидание было дано. Но, прежде чем оно произошло, я уже увидел В. И. Ленина на московской учительской конференции². Интересно теперь вспомнить впечатление, какое он произвел тогда на меня. Как спокойно, просто, без всяких ораторских приемов он завладел этой огромной, незнакомой аудиторией. Как неуклонной логикой он заставил ее понять его точку зрения. Казалось, что он интуитивно понимает мысли своих слушателей. Я сразу почувствовал, что здесь не обыкновенный человек. Но больше, чем когда-либо, я почувствовал это при свидании с ним в Кремле.

¹ «Страж Манчестера» — английская буржуазно-либеральная газета. — *Ред.*

² Автор, видимо, имеет в виду I Всероссийский съезд по внешкольному образованию, проходивший 6—19 мая 1919 года, на котором дважды выступал В. И. Ленин (см. *В. И. Ленин*, Соч., т. 29, стр. 305—346). — *Ред.*

Я поднялся по лестнице, прошел переднюю, комнату сотрудников, зал заседаний и очутился в кабинете Ленина, простой рабочей комнате. Она была пуста. Но на письменном столе лежала раскрытая книга — «Clarté»¹ Анри Барбюса, которую читал Ленин и на которой он делал пометки карандашом. Пока я ожидал, я прочел в книге первую главу, которую он только что окончил. Дверь открылась. Быстрыми шагами вошел Ленин и поздоровался со мной. Слово приветствия, теплое рукопожатие, и я начал говорить, употребляя невольно язык книги, которую только что читал, — французский.

«Если вам все равно, то я предпочел бы разговаривать по-английски», — сказал он. Я был так изумлен, что воскликнул: «О! Я не знал, что вы понимаете по-английски». Он возразил: «Если вы будете говорить медленно и ясно, я не сделаю ни одной ошибки». И он не сделал. Разговор продолжался, я задавал вопросы, на которые получал ответы, разбирались важные дела — все это на английском языке, и ни разу Ленин не сбился. Он обещал и ни разу не сделал ни одной ошибки.

Я не вхожу в сущность этой беседы, она теперь является достоянием истории. Но то, о чем я хочу вспомнить, это сам человек. Во время разговора я отметил замечательную форму его головы, спокойную, ироническую улыбку, которая играла на его лице, искры юмора в его глазах. Его выражение в этот день было довольное, хотя я мог представить себе, что временами он мог хмуриться холодно и строго. Легко понять, как жадно я всматривался в него, как старательно я замечал выражения, менявшиеся на его лице. Ведь я смотрел на человека, о котором больше всего говорилось на земле, на неведомого гения революции, которая потрясла мир.

Впечатление мощи, исходившее от него, углублялось непосредственно силой его речи. Что ему нужно было сказать, он говорил прямо, ясно, без всяких туманных слов. В разговоре с Лениным не могло быть никаких недоразумений, никто не мог уйти под ложным впечатлением. Слишком ясен, слишком прям был он для этого.

С обыкновенным дипломатом беседа скрывает мысль. С Лениным она выражала мысль. В этом лежит целый мир различия.

¹ «Ясность». — *Ред.*

По силе его речи, по энергии, которая, казалось, исходила из него, по живости выражения его лица я начинал составлять, раньше чем окончилась беседа, некоторое представление о том, что люди называли магнетизмом Ленина. И я понял — слабо, сознаюсь в этом, — источник той силы, благодаря которой он владел умами людей.

На меня же он произвел впечатление, которое не изгладится никогда.

Перед тем как расстаться, он подписал для меня по-русски и по-английски свою фотографическую карточку, изображавшую его стоящим во дворе Кремля, — чудесную фотографию, которую я первый привез в Западную Европу. А затем несколько слов пожелания мне всего хорошего в пути, прощальное рукопожатие. Я оставил Владимира Ильича Ленина, которого мне не суждено было более увидеть живым.

В течение своей жизни я встречался в разных странах с людьми, которых называли великими. Ни об одном я не сказал бы того, что с полным доверием могу сказать про Ленина: «Человек он был. — Из всех людей мне не видать уж такого человека» (Шекспир).

«Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине», ч. 3. М., Госполитиздат, 1960, стр. 225—226.

СОВЕТСКАЯ СИСТЕМА ПОБЕДИЛА

(ОТРЫВОК ИЗ КНИГИ «БОЛЬШЕВИЗМ В ДЕЙСТВИИ»¹)

Получить интервью у Ленина было не так-то просто, и не потому, что он недоступен — он скромен и непосредствен в общении с людьми, — а потому, что он ценит каждую минуту своего времени. Ленин постоянно за работой, он трудится даже больше остальных комиссаров.

Однако я наконец улучил момент, когда он не был занят...

Я пришел точно минута в минуту, и бывший со мной товарищ пошел вперед через ряд смежных комнат доложить Ленину о моем приходе. Затем меня провели в комнату, где работает Ленин, и я с минуту ждал его появления. Позвольте мне здесь отметить, что ни о какой пышности всех этих комнат не приходится и говорить. Комнаты обставлены удобно и

¹ Книга издана в Лондоне в 1920 году. — *Ред.*

просто. Зал для заседаний восхитительно удобен, в нем все просто и во всем чувствуется атмосфера напряженной работы...

Едва я успел сделать про себя эти заметки, как в кабинет вошел Ленин.

Во время разговора у него приветливое выражение лица, да и держится Ленин явно располагающе. Он произносит слова отчетливо, его голос отличается ровностью тона, в течение всего интервью он ни разу не запнулся, не обнаружил ни тени замешательства. Я действительно вынес вполне определенное убеждение, что передо мной человек уравновешенного ясного ума, абсолютно владеющий собой и своим предметом, выражающийся с четкостью, столь же поразительной, сколь и отрезвляющей...

Все свое любопытство я ограничил тремя вопросами, авторитетные ответы на которые мог дать только сам Ленин, глава правительства Советской республики...

О своих вопросах я рассказал только одному человеку — комиссару, который сопровождал меня. Он очень огорчился и высказал предположение, что Ленин не станет на них отвечать. К его неподдельному изумлению, Ленин ответил на мои вопросы быстро, просто и решительно, и когда интервью окончилось, мой спутник наивно выразил мне свое удивление.

Ведение интервью было предоставлено мне.

Я начал сразу. Мне хотелось узнать, остаются ли еще приемлемыми предложения, представленные Буллитом¹ на Парижской конференции. Ленин ответил, что они все еще приемлемы — с учетом тех изменений, которые может привести военная обстановка. Позже он добавил, что в соглашении с Буллитом оговаривалось, что изменения, связанные с обстановкой на фронтах, могут повлечь за собой изменения в соглашении.

Затем я снова взял инициативу в свои руки, спросив, каково отношение Советской республики к малым народам, отколовшимся от Российской империи и провозгласившим свою независимость.

¹ Имеются в виду предложения участника Парижской мирной конференции Уильяма Буллита, направленного в Россию правительствами США и Англии в марте 1919 года для выяснения советских условий мира (см. *В. И. Ленин*, Соч., т. 30, стр. 32—33, 199). — *Ред.*

Ленин ответил, что независимость Финляндии была признана в декабре 1917 года, что он, Ленин, лично вручил Свинхувуду, тогдашнему главе Финляндской республики, документ, в котором официально признавалась эта независимость; что Советская республика еще несколько раньше объявила, что ее солдаты не перейдут границу с оружием в руках; что Советская республика решила создать нейтральную полосу или зону между своей территорией и Эстонией и объявит об этом официально; что одним из ее принципов является признание независимости всех малых народов и что, наконец, она только что признала независимость Башкирской республики, а башкиры, добавил он, являются малым и отсталым народом.

В третий раз я возобновил свои вопросы, заинтересовавшись, какие могут быть гарантии, что среди западных народов в том случае, если так или иначе будут установлены дипломатические отношения с Советской республикой, не будет вестись официальная пропаганда. Ленин ответил, что Буллиту было заявлено о готовности Советской республики подписать соглашение о неведении официальной пропаганды... Что же касается свободы печати во Франции, то он заявил, что только что прочитал роман Анри Барбюса «Ясность», где были две цензурские купюры; в свободной демократической Франции цензуруют романы!

Я спросил, не сделает ли он какого-либо заявления общего характера. На это Ленин ответил, что самое главное, что он должен сказать, — это то, что советская система — самая лучшая система и что английские рабочие и труженики-земледельцы восприняли бы ее, если бы только с ней ознакомились. Он выразил надежду, что после заключения мира английское правительство не будет препятствовать опубликованию текста Советской Конституции; что морально советская система победила уже даже сейчас и что доказательством правильности этого утверждения являются гонения на советскую литературу в свободных демократических странах.

Мое время истекло, и, зная, что Ленина ожидают в другом месте, я встал и поблагодарил его.

ИСААК МАК БРАЙД

ВО ИМЯ ОСВОБОЖДЕНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

... **Л**енин — человек среднего роста, около 50 лет. Он пропорционально сложен и очень активен, несмотря на то что носит в своем теле две пули, выпущенные в него в прошлом августе¹. Голова у него довольно крупная, массивных очертаний и посажена близко к плечам. Лоб широк и высок, глаза широко раскрыты и временами в них появляется задорный огонек. Его волосы, заостренная борода и усы имеют коричневатый оттенок.

Разговаривая, он никогда не отводит глаз от того, с кем разговаривает. Отвечая на вопросы, он не колеблется, отвечает прямо по существу. Он пододвинул для меня стул к своему письменному столу, повернув свой стул ко мне. После того как некоторое время мы говорили о положении в мире, он сказал, что будет рад ответить на любые вопросы.

Когда я информировал Ленина о том, что газеты, периодические издания и журналы в различных странах утверждают в течение двадцати двух месяцев, что Советская Россия — диктатура небольшого меньшинства... Ленин ответил:

— Это, конечно, неправда. Пусть те, кто верит в эти глупые рассказы, приедут сюда, побудут с рядовыми людьми и узнают правду... Вы говорите, что ездили по Западному фронту. Вы признаете, что вам разрешили общаться с солдатами Советской России; вам никто не воспрепятствовал, как журналисту, производить исследования. Вы также посетили фабрики и заводы. У вас была очень хорошая возможность понять настроение масс. Вы видели тысячи людей, живущих из дня в день на черном хлебе и чае. В Советской России вы, вероятно, увидели больше страданий, чем вы считали возможным, и все это из-за несправедливой войны, направленной про-

¹ Имеется в виду ранение В. И. Ленина 30 августа 1918 года. — *Ред.*

тив нас, включая и экономическую блокаду, в которой большую роль играет ваша собственная страна, США. Теперь я спрашиваю, каково ваше мнение о том, есть ли это диктатура меньшинства?

В ответ на вопрос: «Что вы можете сказать в настоящее время о мире и иностранных концессиях?» — Ленин сказал:

— Меня часто спрашивают, правы ли те американские противники войны против России — главным образом буржуазия, — которые ожидают от нас после заключения мира не только возобновления торговых отношений, но и возможности получения концессий в России. Я еще раз повторяю, что они правы. Прочный мир был бы таким облегчением для трудящихся масс России, что эти массы, несомненно, согласились бы на заключение некоторых концессий. Заключение концессий на благоразумных условиях тоже желательно для нас как один из способов привлечения к технической помощи России стран, более развитых в этой области, во время сосуществования социалистической и капиталистических стран.

Продолжая, он сказал:

— Что касается Советской власти, то она стала близка умам и сердцам трудящихся масс всего мира, которые ясно поняли ее значение. Всюду рабочие массы, несмотря на влияние старых вождей, пропитывающих их шовинизмом и оппортунизмом, сознают гнилость буржуазных парламентов и необходимость Советской власти, власти трудящихся масс, диктатуры пролетариата во имя освобождения человечества от ига капитала... Буржуазия наводняет Россию войной, она подстрекает против нас контрреволюционеров, которые мечтают о восстановлении ига капитала. Буржуазия приносит трудящимся массам России небывалые страдания путем блокады и путем помощи, оказываемой контрреволюционерам, но мы уже победили Колчака, и мы ведем войну против Деникина с твердой уверенностью в нашу наступающую победу.

1919 г.

*«Ленинские страницы» Документы,
воспоминания, очерки. М., 1960,
стр 115—116.*

ВСТРЕЧА ВЕНГЕРСКОГО КРЕСТЬЯНИНА С ЛЕНИНЫМ

В 1916 году меня, 18-летнего крестьянина-бедняка, призвали в армию и отправили на русский фронт. Там я попал в плен. Меня направили сперва в Мурманск, а затем — в Туркестан...

Под впечатлением революционных событий весной 1919 года я вступил в Ташкенте в ряды чекистского отряда и до осени нес караульную службу. Когда Красная Армия переживала трудные дни, я добровольно вступил в ее ряды и ушел на фронт. Мне довелось сражаться под Оренбургом, при взятии Бухары, затем в Андижане...

...Меня и четырех товарищей назначили командирами батарей и направили в Москву учиться на военные курсы. В этой пятерке один я был венгром, другой боец был австрийцем, а остальные — русские матросы.

Когда слушателей старшего курса произвели в командиры, на торжественную церемонию приехал Ленин. Мы готовили ему достойную встречу. К моей величайшей радости и гордости, меня назначили в почетный караул. И поскольку я был высокого роста, я оказался крайним в шеренге. Все мы сильно волновались. То и дело приводили себя в порядок, поправляли то патронташ, то поясной ремень. Когда в сопровождении товарища Фрунзе прибыл Ленин, он приветливо поздоровался с нами:

— Здравствуйте!

В ответ раздалась громкая овация в честь Ленина. Улыбаясь, Ленин быстрыми шагами направился к нам и остановился передо мной. Сердце мое сильно забилося. Ленин спросил, из какой я губернии. Я ответил, что я из Будапештской губернии. Мне казалось, что Ленин так лучше поймет, откуда я родом. Обратившись к товарищу Фрунзе, Ленин шутливо заметил:

— Вот те и на! Мне всегда казалось, что венгры невысокого роста, коренастые, а на поверку выходит, что они рослые молодцы.

Пожав мне руку, Ленин посмотрел на меня и задумчиво с серьезным выражением лица сказал проникновенным голосом:

— Когда вы, товарищ, вернетесь на родину, и у себя дома храбро боритесь за победу нашего общего дела.

По-видимому, Ленина предварительно осведомили, почему меня послали учиться на командирские курсы. Поэтому-то он и подчеркнул, чтобы я и на родине смело боролся. Товарищи искренне завидовали, что Ленин поздоровался со мной за руку. Они шутливо говорили:

— И повезло же этому мадьяру! Надо же, чтоб именно его заметил товарищ Ленин!

Бывают такие памятные события, которые как бы озаряют всю жизнь человека. Проходят десятилетия, но эти дорогие воспоминания никогда не померкнут.

Бывают такие одухотворенные лица, такие глаза с пронзительным взглядом, которые посчастливится видеть лишь на краткий миг, но их выражение никогда не изгладится из памяти.

Так я бережно храню воспоминания о событиях Великой Октябрьской социалистической революции, храню в памяти взгляд товарища Ленина.

*«Венгры о Ленине». Воспоминания.
Будапешт, изд. «Сикра», 1955,
стр. 34—37.*

ИВАН ОЛЬБРАХТ

МОИ ВОСПОМИНАНИЯ О ВЛАДИМИРЕ ИЛЬИЧЕ ЛЕНИНЕ

Впервые я увидел Владимира Ильича 16 марта 1920 года, вскоре после моего приезда в Страну Советов, в московском Большом театре. Там происходило траурное заседание, посвященное годовщине со дня смерти Якова Михайловича Свердлова, одного из вождей русской революции и основателей первого государства Советов рабочих депутатов.

Этого впечатления я не забуду никогда. Театр, один из крупнейших в Европе, — весь в золоте и пурпуре. Балконы и ложи выступают золотыми полукольцами на красном фоне обивки и шелковых занавесей. Расположенная против сцены просторная царская ложа с балдахином, занимающая в высоту два яруса, — тоже сплошь золото и пурпур. И всюду рабочие. Они пришли в кожанках и полушубках, в фуражках, красноармейских шлемах и высоких белых папахах, в шерстяных платках, меховых девичьих шапочках и косынках, пришли, как в собственный дом, просто и радостно, заняли все до единого места в партере и пурпурно-золотых ярусах, включая царскую ложу, расселись на стульях в глубине открытой сцены, задник которой представлял собой какой-то синевато-серый готический собор, украшенный колоннами. Между колоннами натянуто широкое кумачовое полотнище с надписью «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». А несколько ниже висит обрамленный хвоей портрет Свердлова.

Впереди за покрытым красной материей длинным столом, занимающим всю сцену, — вожди революции, руководители коммунистической партии, те, кто заложил фундамент новой эры в истории.

Незадолго до начала заседания на сцену из-за боковой кулисы выходит Ленин. Небольшой, широкоплечий, с темно-русой бородкой, с лысной и крутым лбом, устремленным вперед, словно готовый протаранить все, что только встанет на

пути. Владимиру Ильичу через несколько дней исполнится пятьдесят. Его встретили аплодисментами. Не слишком шумными, скорее дружескими, чем восторженными. Ленин садится на один из свободных стульев за столом президиума — третий или четвертый от края; место совершенно неприметное. Почему? Да потому, что он здесь среди товарищей, с которыми уже двадцать пять лет работает вместе, которых хорошо знает и которые так же хорошо знают его.

Председатель открывает собрание краткой речью. Ленин смотрит на часы, проводит рукой по лысине, затем трогает рукой полные губы, оборачивается к кому-то назад и что-то говорит. Я гляжу на этого могущественнейшего в мире человека. Все его портреты неудачны. Они придают прищуренным глазам Ленина какое-то саркастическое выражение, которое отсутствует в его лице, и не говорят, что у него светлые волосы. От уголков глаз Ильича веером расходятся морщинки.

Товарищ Ленин! Не больше, но и не меньше. Человек, которого эпоха вывела из чердачных каморок и музейных библиотек эмиграции и поставила в центр событий мировой истории.

Он, которого из недр своих подняла масса людей, чтобы в его ясных, твердых, как удар колокола, словах выразить свой нестройный крик, чтобы из мутного хаоса разрозненных помыслов он смог выковать идею, чтобы он руководил ими, сплотил их и вместе с ними завоевал мир.

И вот он встает и выходит на авансцену. Одет Ленин, как рабочий с какого-нибудь чистого производства: коричневый пиджак, порывевшие, собравшиеся в складки брюки. Он берет слово и весь как-то становится тверже, как бы еще собраннее. Голос у него сильный и звучный, но несколько приглушенный. Так бывает у людей, которые слишком часто напрягают голосовые связки, выступая на митингах. Но возможно также, что это последствия ранения в легкое, которое нанесла ему в позапрошлом году на заводе Михельсона эсерка Каплан.

Ленин говорит о Свердлове¹. Его фразы спокойны, выразительны; они одинаково четки и ясны, ибо все, что он произносит, важно: не нужно ничего особенно подчеркивать, и нет ничего лишнего. Таковы же и его жесты: категорические, не допускающие сомнений. Сжатые кулаки поднимаются и опускаются в такт речи; несколько плавных, широких движений

¹ См. В. И. Ленин, Соч., т. 30, стр. 406. — Ред.

указательным пальцем; решительный взмах руки — страсть, выкристаллизовавшаяся в закон. Страсть — ее выграницла тюрьма, она окрепла в изгнании, была отточена под виселицей брата и под виселицами товарищей, закалилась в кровавых кострах контрреволюции.

Но только ли о Свердлове говорит Ленин?

Да, имея этого замечательного человека оратор называет несколько раз; вот и теперь Владимир Ильич вспоминает о том, каким блестящим организатором был Яков Михайлович. Но, произнося эту фразу, Ленин переходит к вопросу о значении организации и дисциплины. Только они могут привести русский пролетариат к победе. Без организации и дисциплины, без их постоянного укрепления невозможно завершить строительство советского государства и обеспечить победу рабочего класса во всем мире.

Ведь кем был Свердлов, соратник и друг Ленина? Детищем эпохи, одним из многих, таким же солдатом революции. Как и Ленин, солдат революции, он был рожден ею и ей принадлежал.

Оратор рассказывает, что с людьми, которых Яков Михайлович умел так хорошо подбирать и расставлять по местам, он знакомился не в салонах и не на банкетах, как это принято на Западе, а в тюрьмах и на этапах, в Сибири и в эмиграции. Такое упоминание необходимо для того, чтобы подчеркнуть различие между Россией с ее старыми революционными традициями и остальной Европой, поскольку вообще необходимо сказать о Западе, о политике Антанты, исполненной ненависти к пролетарской революции, об агентах буржуазии в среде европейских лжесоциалистов, о попытке переворота в Германии, о сообщениях, полученных в этой связи сегодня вечером Советским правительством, о надеждах и реальных возможностях немецкой коринловщины. Ленин живет только настоящим и будущим. Революция для него все: только к ней прикованы его мысли, только о ней он говорит, только ее духом он живет...

Он напоминает массам о необходимости организации труда, и его спокойные выразительные слова, его категорические жесты говорят: так, так и так! Речь его убедительна; ничто ей так не чуждо, как лесть: это язык элементарнейших истины и опыта. Он не терпит фразерства. Революции не оставляют непроверенной ни одной «фразы», и в этом — одна из самых пре-

красных ее особенностей... И массы слушают Ленина. Кажется, что перед тобой огромный бронзовый барельеф застывших в неподвижности голов и бюстов. Тысячи взглядов, устремленных из партера и лож, скрещиваются в одной точке...

На всех лицах одинаковая улыбка, тихая, едва заметная, нежная улыбка великой любви. Ведь Ленин — плоть от плоти и кровь от крови этих масс, и уста его ни разу не произнесли слова, которое одновременно не было бы их словом...

Владимир Ильич кончил свою речь и уходит со сцены. Взоры всех присутствующих провожают его до кулис.

И оцепеневшая во время его выступления толпа снова охвачена прибоем повседневной жизни. Зрительный зал волнуется и приходит в движение.

Выступают и другие ораторы, они тоже говорят о покойном Якове Михайловиче Свердлове. Потом оркестр заполняют музыканты, очевидно те же, которые играли здесь три года назад штабным офицерам, статским генералам и богатым купцам. Начинается концерт. Исполняют «Девятую симфонию», произведения Римского-Корсакова и Чайковского.

Концерт оканчивается пением «Интернационала». Все встают; шапки и папахи, которые до сих пор оставались на головах, сняты, и в московском Большом театре, в пурпурно-золотом театре с шестью ярусами и просторной царской ложей, тысячеголовая толпа рабочих, крестьян и солдат единым могучим хором подхватывает строфы «Интернационала»:

«Это есть наш последний
И решительный бой...»

Западноевропейский пролетариат пока еще поет: «Это будет последний и решительный бой». Всего три года назад п они так пели.

За время своего девятимесячного пребывания в Стране Советов я несколько раз видел и слышал товарища Ленина.

Второй конгресс III Интернационала, на котором мне повезло присутствовать, открылся в Петрограде. Затем он продолжал свою работу в Москве. От этого конгресса у меня сохранилось одно дорогое воспоминание — о Ленине, великом историческом деятеле, навсегда оставшемся простым и человечным.

Когда члены Исполнительного комитета заняли свои места в президиуме, на сцену вышел и товарищ Ленин. Он обвел

взглядом огромный зал собрания, потом почему-то вдруг сошел в партер и направился вверх по проходу амфитеатра. Все оборачивались и не сводили с него глаз. Где-то в задних рядах сидел старый друг Ленина, ослепший питерский рабочий — революционер Шелгунов¹. Это один из самых старых друзей Владимира Ильича, оставшихся еще в живых. Он работал вместе с Лениным в подпольных кружках, принимал участие в большинстве проводившихся тогда политических кампаний, распространял листовки, был в 1895 году в числе первых членов «Союза борьбы», а когда в 1900 году под редакцией Ленина начала выходить «Искра», Шелгунов, работавший в ту пору на электростанции близ Баку, стал ревностным распространителем газеты. Он принял участие в подготовке Октябрьской революции, но дождался ее уже слепым.

Когда Ленин подходил к его креслу, ослепшего большевика предупредили об этом. Шелгунов встал, сделал два шага навстречу Владимиру Ильичу, и два борца крепко расцеловались. Вот и все. Мне кажется, они не сказали друг другу ни слова. И все же эта встреча была прекрасна своей человечностью. Потом Ленин вернулся на сцену, и вскоре заседание началось.

О Владимире Ильиче у меня осталось еще одно, внешне незначительное, но приятное личное воспоминание.

Я написал пространную статью о положении в Чехословакии для большого сборника «Интернационал», издававшегося на нескольких языках. По-моему, это было первое обстоятельное сообщение о моей родине. Статья, написанная по поручению чешского Совета, помещавшегося на Кудринской улице, очевидно, была направлена в ЦК партии. Я об этом, впрочем, ничего не знал. Позднее до меня дошло, что ее читал Ленин. Я был очень удивлен, найдя свою статью целиком напечатанной в сборнике «Интернационал». Так Ленин узнал о моем существовании.

В конце весны из Чехословакии прибыла делегация чешских коммунистов, возглавлявшаяся товарищем Шмералем. Вскоре он был приглашен к Ленину. В книге Шмерала «Правда

¹ Шелгунов, В. А. (1867—1939) — петербургский рабочий-металлист, один из старейших членов КПСС, активный деятель революционного подполья и рабочей печати. Неоднократно подвергался тюремному заключению и ссылкам. В тюрьме ослеп. Первое его знакомство с Лениным относится к 1893 году. В послеоктябрьский период, будучи уже слепым, продолжал работать и участвовать в партийной жизни. — *Ред.*

о Советской Росспп» под датой: пятница, 21 мая — имеется только следующая записка: «Сегодня вечером был у Ленина на его квартире в Кремле». И ни слова больше, хотя остальные главы этой книги весьма обстоятельны. О чем Ленин разговаривал с товарищем Шмералем, так и осталось неизвестным. Но одной подробностью Шмераль поделился со мной.

«Как нравится вашему товарищу Советская Россия? — спросил Ленин. — Жалуется он на что-нибудь?» — «Ну, он, разумеется, восхищен Страной Советов», — отвечал Шмераль.

Но потом, вспомнив о чем-то, добавил: «Только никак не может достать спичек».

Ленин улыбнулся шутке, опустил руку в карман и вынул спичечный коробок: «Вот ему от меня». Ленинский коробок, конечно уже пустой, я хранил некоторое время в ящике своего письменного стола. В ту пору в Москве действительно была большая нехватка спичек, и нам с пятого этажа второго Дома Советов приходилось спускаться вниз, где на кухне всегда бурлила горячая вода, и прикуривать свои папиросы-самкрутки от пламени плиты.

Коробок. Мертвый деревянный предмет. Но все же это подарок Ленина. И он был мне очень дорог...

*«Воспоминания о Владимире Ильиче
Ленине», ч. 2 М., Госполитиздат,
1957, стр. 512—515.*

БОГУМИР ШМЕРАЛЬ

ИЗ ДНЕВНИКА

Первый раз я имел счастье лично встретиться с Лениным весной 1920 года, когда я посетил РСФСР еще социал-демократом. Коммунистической партии Чехословакии тогда еще не существовало. Я был представителем «левой» в социал-демократии. Вместе с группой вернувшихся из русского плена товарищей мы готовили присоединение «левой» к III Интернационалу и создание компартии.

Мне было тогда сорок лет. Я не знал ни слова по-русски, не читал почти ничего из большевистской литературы. Октябрьская революция оказала на меня мощное влияние. Я пришел к убеждению, что путь реформизма — путь ложный, но, обремененный двадцатью двумя годами социал-демократического прошлого, был еще далек от большевистской ясности и твердости. Посещение Москвы решило судьбу второй половины моей сознательной жизни.

Пробраться в Москву через кордоны границ было тогда трудно. Я выехал из Праги 3 марта и только 31-го через Германию, Литву, Латвию, Ревель, Нарву, Ямбург и Петроград прибыл в Москву. 3 апреля я впервые встретился с Лениным.

Это было в Кремле на заседании IX съезда РКП(б)¹. Я получил постоянный гостевой билет на трибуну.

Входит Ленин. Короткое приветствие. По-немецки спрашивает, как меня устроили, оказывает ли мне секретариат Коминтерна необходимую помощь, обещает в близком будущем свидание. И вот он уже стоит на трибуне и говорит.

Какое впечатление произвела на меня, западного социал-демократа, форма выступления Ленина? Я привык в то время к западноевропейским «парламентским» ораторам, слышал

¹ IX съезд РКП(б) состоялся 29 марта — 5 апреля 1920 года в Москве. — *Ред.*

многих из них, в том числе Вильгельма Либкнехта, Бебеля, Виктора Адлера, Жореса. После первых же сказанных Лениным фраз я почувствовал: говорит совершенно другой человек, чем все те, кого я раньше слышал. Отсутствие внешней театральности и эффекта, пафоса, подчеркивающего сознание собственной важности, простой, не бросающийся в глаза, скромный — таково было первое представление, вызванное формой ленинской речи. Не понимая по-русски, без помощи переводчика я не мог следить за содержанием его доклада. Но на лицах и в глазах слушателей я видел огромное влияние слов Ленина. И в тот же вечер я писал в своем путевом дневнике:

«Когда Ленин выступал, я видел его сзади с трибуны. Короткий грубой шерсти пиджак, фигура не большая, не маленькая, не полная, не худая. Ничего бросающегося в глаза. В его паспорте должно было бы стоять «особых примет не имеет», потому что и лысины я сзади не видел. Вижу совсем близко его слегка согнутую спину и невольно спрашиваю себя: «Ленин это или нет?» Мне кажется, что в Ленине именно то ленинское, что он ничем внешне не обращает на себя внимания. Один из многих, мог бы быть одинаково принят и за городского труженика и за деревенского интеллигента. Такова его наружность, такова и речь. Ничего театрального, патетического.

Трибун масс говорил на съезде негромко, не напрягая голоса. Быстро льется слово за словом, почти монотонно следует фраза за фразой. Особенно характерно произносит он ту часть речи, на которую хочет обратить особенное внимание: тогда голос его становится еще спокойнее, тон повышается, но скорость речи растет.

Когда я закрыл глаза и, не понимая содержания, только слушал его голос, мне казалось, что оживленно беседуют о чем-нибудь два простых человека. Ленин обычно поставит вопрос, а потом несколько повышенным голосом на него отвечает. Действие его речи отражается в зале, наполненном делегатами съезда.

Здесь самые различные люди со всей России — от Сибири до западной границы. Высокие белые меховые шапки, военные гимнастерки, черные кожаные куртки, твердые с резкими чертами лица городских рабочих, головки девушек, кажущиеся еще полудетскими. Все лица недвижно устремлены к Ленину, к его глазам — один большой скульптурный, отлитый из металла барельеф.

Чем дальше говорит Ленин, тем напряженнее масса слушателей. Руки поднимаются для рукоплесканий и словно застывают раньше, чем встретятся: напряженность, вызванная новой фразой, не оставляет им времени для того, чтобы сомкнуться. Только с трудом сдерживаемый кашель показывает признаки жизни этого как бы окаменелого напряжения. Так овладевает в совершенстве Ленин не только своими мыслями, но и своим народом. По лицам делегатов видишь: его мысли — их мысли, его жизнь — их жизнь. Кончил неожиданно очень краткой нететической фразой».

Позднее, 23 апреля, я выступал в Народном доме в Петрограде на митинге в честь пятидесятилетия со дня рождения Ленина. Для тогдашнего уровня моей мысли характерно, что, сравнивая настоящую эпоху с распадом античного строя, я сравнил коммунистическое движение с ранним христианством, а Ленина — с Иисусом Христом. Внешняя форма моей речи, произнесенной на чешском языке, петроградским пролетариям, по всей вероятности, понравилась, по, выслушав ее перевод, они возражали против содержания. В президиум поступила записка со следующим замечанием: «Против сравнения с Иисусом имеем возражения!»

Первая политическая беседа моя с Лениным состоялась раньше, чем я ожидал, случайно, 5 мая. В Большом театре было назначено объединенное заседание Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета, Московского Совета и представителей профсоюзов и фабзавкомов в связи с только что происшедшим нападением Польши на Советскую Россию¹.

Иду на митинг. Площадь перед театром оцеплена, по моему документу меня не пропускают. Напрасно провожавший меня товарищ объясняет, что я иностранец, указывает на фразу в моем документе: «Владелец этого документа имеет право прохода всюду».

Красноармеец отвечает спокойно, но категорически:

— Да, товарищ, так там написано, но все равно. Мы — военные, нам ничего не сказано об исключениях, для нас существует только приказ. Нельзя!

Вдруг слышу, что мой спутник за моей спиной обменивается с кем-то какими-то словами.

¹ См. В. И. Ленин, Соч., т. 34, стр. 107—112. — *Ред.*

А теперь снова цитрую то, что написано в моем путевом дневнике:

«— Ах, товарищ Шмераль! — Кто-то подает мне руку, сжимает мою руку легко, сердечно и, не отпуская ее, шагает передо мной, ведет меня вперед. Красноармеец, сперва не хотевший меня пропустить, поднимает голову, показывает в улыбке белые зубы и дает нам пройти всем трем. В этот момент я еще не сознаю, кто меня ведет. Сквозь запотевшие очки вижу перед собой только слегка согнутую спину, пиджак грубой шерсти, сильно стоптанные ботинки, шапку, какую носят у нас рабочие. Прежде чем я могу выговорить слово, мы уже в здании театра. На узкой темной лестнице после дневного света ничего не могу разглядеть.

— Наконец я вас вижу! — говорит товарищ, взяв теперь меня под руку, и ведет дальше.

Он это или не он? Простота и непринужденная естественность поражают в тех, чье великое имя мы привыкли слышать лишь издали.

Открылась дверь, мы вошли в малый салон дирекции театра. Он бросил шапку на ближайший стул, открыв свою характерную лысину. Так я стоял лицом к лицу с великим вождем мирового пролетариата.

И сейчас же он начал говорить по существу. Я хотел рассказать свою биографию. Ленин меня прерывает:

— Знаю ваше прошлое, ваше развитие. Об этом говорить не нужно. — Я почувствовал в этом тактичность по отношению к моему социал-демократическому прошлому. — Как вы представляете себе теперешнее положение в Европе?»

С этого началась беседа, которая в дальнейшем так сосредоточила его мысли, что он продолжал ее более трех четвертей часа, хотя сейчас ему предстояло крайне важное политическое выступление. Его интересовал каждый самый маленький факт, который я мог ему сообщить о положении и настроениях в Чехословакии и в Средней Европе.

Я чувствовал, что такое внимание проявлялось ко мне не только как к одному из немногих иностранцев, приехавших в РСФСР еще во время частичной блокады, но и потому, что я был социал-демократом. Это вызывало у меня замешательство. Больше всего вопросов задавал мне Ленин о том, какое отражение имеет в Чехословакии национальный вопрос.

Из замечаний, которые он делал, я записал на другой день в свой дневник по памяти, как сумел, следующие мысли:

«В эпоху финансового капитала, в эпоху империализма нельзя сказать, что каждая нация, имеющая формальную политическую независимость, является уже независимой. В настоящее время существуют совершенно особенные формы колониального и финансового порабощения огромного большинства населения земного шара небольшим меньшинством самых богатых капиталистических стран. Борьба за национальное самоопределение будет теперь все больше приобретать характер борьбы против этого гнета. Это — типичная формула национального вопроса для настоящего и будущего времени. Империалистическая мировая война вскрыла лживость только формальной буржуазной демократии тем, что она ускоренно показала на практике трудящимся ее последствия. Практика жизни после этой войны укажет и целым нациям обманчивость только формального осуществления принципа «национального самоопределения», которое ставит себе в заслугу «западная демократия», породившая Версальский мир. Во всех вновь созданных малых государствах и в колониях трудящиеся увидят на практике, как недостаточно и для нации в целом освобождение только политическое. Настоящий пролетарский интернационализм требует, чтобы интересы пролетарской борьбы в одной стране были подчинены интересам этой борьбы в международном масштабе и чтобы народ, победивший буржуазию, был способен, решился принести самые большие национальные жертвы для поражения мирового капитализма».

Эти и другие мысли Ленин не излагал с видом абсолютного авторитета. Отнюдь нет! Он интересовался мнением собеседника. Часто он прямо вытягивал из меня слова, желая узнать, как я на это реагирую. Один его глаз зажмурился, другой словно связан с моим взглядом. Он в настоящем смысле слова словно размалывает своим мозгом каждый новый факт, который я ему сообщаю.

— Вы приходите из среды очень чувствительных национальных отношений, — говорил Ленин. — Ваши мысли являются отражением действительности, поэтому высказывайте их не стесняясь. Да, да, положение у вас очень сложное. Путь к боевому объединению чешского и немецкого пролетариата крайне затрудняется у вас всем предшествующим. А все-таки

вы должны добиться того, чтобы чешский и немецкий пролетариат как можно скорее очутился у вас в одном фронте. Если бы этого не случилось, классовая борьба проходила бы у вас в более болезненных формах. Что касается предрассудков мелкой буржуазии, ее национального эгоизма, ее национальной ограниченности, с ними придется считаться вам и тогда, когда национальные недоразумения между чешским и немецким пролетариатом будут уже преодолены. Эти предрассудки исчезнут только тогда, когда исчезнут империализм и капитализм.

Так как мне предстояло возвращение за границу, то из осторожности я не записал в дневнике того, что говорил Ленин о происходившей тогда войне с Польшей, напавшей на Советскую республику.

Вскоре из зала сообщили, что митинг начинается. Мы прошли на трибуну. Слово предоставили Ленину. Когда он окончил речь, к нему подошел товарищ, сказавший ему, как я узнал потом, что получены важные известия. Ленин должен был сейчас же отправиться в Совнарком.

Я сидел на другой стороне трибуны. Ленин, занятый заботами исторического значения, перед уходом не забыл, что до того беседовал с малым человеком малой нации. Он вынул блокнот, вырвал лист, пишет на нем что-то карандашом, складывает его, и листок переходит из рук в руки ко мне. Записка написана по-немецки, отдельные слова один или два раза подчеркнуты. Воспроизвожу ее в переводе:

«Товарищу Шмералю. Если бы Вам что-нибудь было нужно и Вы, несмотря на все усилия, не могли бы получить ответ или не добились бы результата (что, к сожалению, у нас часто случается), *обратитесь*, пожалуйста, прямо ко мне (телефонограмма: *Кремль*, коммутатор, третий этаж), или письменно, с обозначением на конверте: лично от *такого-то* и *такого-то*. С наилучшим приветом. Ленин».

21 мая я был вызван по телефону гостиницы «Савой», где я жил, с просьбой прийти вечером к Ленину на его квартиру в Кремле. На этот раз Ленин говорил со мной уже подробно о создании коммунистической партии в Чехословакии. Я получил советы, как работать для того, чтобы по возможности большая часть массовой организации «левой» социал-демократической партии была завоевана для III Интернационала, как,

не теряя связи с основной массой рабочих, организованных в социал-демократической партии, создать компартию.

Я возвращался из Москвы другим человеком. Искренне и честно я вступил на путь своего дальнейшего развития к коммунизму, к большевизму.

*«Воспоминания о Владимире Ильиче
Ленине», ч. 2 М., Госполитиздат,
1957, стр. 516—520.*

ДЖ. Т. МЕРФИ

МОЯ ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА С ЛЕНИНЫМ

Это было в июне 1920 года. Я чувствовал себя несколько взволнованным в ожидании встречи с Лениным. О нем я так много слышал еще в Англии, что возможность побеседовать с ним делала меня счастливым.

Встреча наша произошла в Москве. Тов. Рейнштейн условился со мной относительно часа и посоветовал мне быть аккуратным.

Действительно, свидание состоялось минута в минуту в назначенный час¹.

Мне кажется, что из всех встреч, которые я имел с Лениным, лучше всего запечатлелось в моей памяти именно это первое свидание, хотя и последующие беседы с ним были для меня не менее ценными. Я хорошо помню, как он вошел в комнату, в которой я уже ждал его. Он направился ко мне с протянутой для пожатия рукой и приветствовал меня на прекрасном английском языке. Я был изумлен. Внешность Ильича, его приветливость и товарищеская простота в отношениях так противоречили всему тому, что я читал и слышал о нем. Разумеется, я никогда не верил писаниям буржуазной печати. Но я не представлял себе, что контраст будет так разителен. С самого первого момента, когда мы поздоровались, мне показалось невероятным, что было время, когда я не знал его, так сильно было впечатление от его личности.

Он сразу начал бомбардировать меня вопросами о революционном движении в Англии. Эти вопросы были простыми и вместе с тем глубокими, ведущими к самой сути дела. Так, например, он спросил: «Почему горняки Южного Уэльса про-

¹ В. И. Ленин назначил встречу с Мерфи на 9—10 часов вечера в среду 7 июля 1920 года (см. Ленинский сборник XXXVI, стр. 107). — *Ред.*

слыли у вас революционерыми?». Я указал ему на их борьбу, на то, что она является началом синдикалистского движения, руководимого Куком и Эблетом, которые написали знаменитый памфлет «Следующий шаг горняков»¹, сказал ему, наконец, что в Южном Уэльсе распространены кружки по изучению марксизма и т. д. Тогда он спросил: «Сколько экземпляров газеты «Коммунист» расходуется каждую неделю в Южном Уэльсе?». Я ответил: «Немного, тысяч около пяти». Он спросил: «А сколько горняков в Южном Уэльсе?». «Свыше двухсот тысяч», — отвечал я. «Ну, — сказал Ленин, — если они не дают двух пенни в неделю на революционную газету, то что они скажут, когда их призовут отдать за революцию жизнь!»

Я ушел от тов. Ленина, чувствуя, что этот человек знал свое дело, как никто другой, с кем мне приходилось встречаться за всю мою жизнь. Он внушал такое доверие, что казалось совершенно естественным соглашаться с его выводами без всякого колебания, без всякого вопроса. Между тем он был таким человеком, которому никогда не могло прийти в голову, что собеседник может принять его мнение таким образом. Мыслитель, вождь и товарищ — таков был Ленин, и воспоминания об этой первой встрече с ним будут всегда волновать меня.

*Газета «Наша газета» № 7,
21 января 1927 г.*

¹ Кук и Эблет работали среди горняков Южного Уэльса, проявляя синдикалистский уклон. Памфлет опубликовали в 1912 году. — *Ред.*

Д. И. ВЕЙНКООН

ЛЕНИН! ¹

Вы — сын благородного русского рода, находящийся в центре современного мира — городе Москве, где сосредоточено все сугубо прекрасное на свете, являетесь для меня олицетворением единства глубоко мыслящего Востока и неутомимо работающего человечества Запада.

Вы счастливый человек, так как еще в полном расцвете своих сил начинаете осуществлять идеи, взлелеянные Вами годами; Искру молодой жизни, высеченную из страшных мук, порожденных царизмом, который поддерживала Западная Европа, Вы соединяете с той Правдой, что только организованная мощь человеческого труда может обеспечить жизненные права человека.

На мой взгляд, Вы соединяете в себе некоторые из лучших качеств незабываемого Марата — *L'ami du peuple* ² времени Французской революции — с некоторыми чертами великого гения XIX века — Карла Маркса, идеи которого Вы начинаете осуществлять на таком этапе истории, о котором он даже и не мечтал.

В Вас я вижу соединенным несравненное чувство реализма русского сельского и городского трудового народа, как оно показано в его лучших литературных произведениях, и универсальность древних греков, воплощавших в своем жизнерадостном, лукавом, чисто человеческом боге Пана истинное наслаждение природой и обществом, смеясь и проникновенно.

Я еще вижу перед собой, как Вы, лет десять тому назад, на заседаниях тогдашнего Интернационала ³, где Вас и других,

¹ Из альбома II конгресса Коминтерна. — *Ред.*

² Друг народа. — *Ред.*

³ Речь идет о Копенгагенском конгрессе II Интернационала, состоявшемся 28 августа — 3 сентября 1910 года (н. ст.). — *Ред.*

как саму Революцию, отодвигали на задний план, просто и остро выступали вперед, когда там — как редко! — можно было каким-нибудь словом действительно сделать что-нибудь для подготовки социального переворота.

И таким же я увидел Вас снова, когда я опять приехал на конгресс Интернационала, теперь, в Москве: в одном из залов ныне Красного Кремля я имел счастье неожиданно встретить Вас. Едва замеченный, Вы выходили из того укромного уголка, в котором Вы, несмотря на внимание всего мира, сидели с присущей Вам скромностью.

Ленин, Вы, который всей своей сущностью являетесь творением действительно пролетарских сил человечества, — пусть Ваша великая сила, подобно тому, как это было у Маркса и Энгельса, послужит до конца диалектическому ходу истории, той самой истории, которая в этой Русской революции наконец дает предчувствие великой радости человечества, великой радости его физического и духовного подъема, великой радости равенства, которое уже поистине раскроет индивидуальность людей.

1920 г.

*Журнал «Исторический архив» № 2,
1957 г., стр. 15.*

АНТОНИН ЗАПОТОЦКИЙ

ВОСПОМИНАНИЯ О ЛЕНИНЕ

Это было после первой мировой войны, летом 1920 года. Европа еще сотрясалась от революционных бурь, вызванных войной. На развалинах распавшихся государств создавались и формировались новые государства. На месте старой царской России, на одной шестой части света, выросла Советская Социалистическая Республика. Распадалась и старая Австро-Венгрия, а на ее территории выросли новые государства. Среди них была и Чехословакия. Новые государства не только создавались, но и искали для себя новых форм. Эти поиски часто были предметом многочисленных дебатов и борьбы. В этой борьбе сталкивались не только отдельные политические партии, но и целые классы общества. Новое рождалось и росло, старое разрушалось. Поэтому в Европе было неспокойно. Непокойно было в России, неспокойно было у нас.

В Москве был созван всемирный конгресс III, Коммунистического Интернационала¹. Я был послан на конгресс как делегат левой оппозиции, которая образовалась в недрах социал-демократической партии Чехословакии. Наиболее сильной была оппозиция в Кладно. Красное Кладно и послало меня на конгресс. Я поехал. Тогда это был нелегкий нуть. В Польше была война...

Нужно было ехать через Германию. Из Германии — паромом в эстонский Ревель, оттуда — в латышскую Ригу. Из Риги — в Петроград и Москву. Всюду остановки и препятствия. Наконец, я добрался до Москвы, но со значительным опозданием. Конгресс был уже открыт. Заседания проходили в Андреевском зале Кремля в Москве.

¹ Речь идет о II конгрессе Коминтерна, состоявшемся 19 июля — 7 августа 1920 года. — *Ред.*

Был перерыв заседания, когда я вошел в зал, и здесь я впервые увидел Ленина. На ступеньках трибуны президиума сидел небольшой, на первый взгляд ничем не примечательный человек. На его коленях лежал раскрытый блокнот, в который он быстро что-то записывал. Я остановился, как останавливались многие делегаты. Никто не осмеливался ему помешать. Так вот он — Ленин! Вот тот, чье имя в последние три года так пугает капиталистическую Европу.

Пугает по праву. Только теперь это обнаруживается со всей ясностью. Но если Ленин при жизни наводил страх на капиталистов, то еще больше он пугает их сейчас! Ленин умер, а ленинизм живет. Правильное понимание Ленина и ленинизма означало конец капиталистического строя во многих странах и привело трудящийся народ на путь свободы и социализма.

В 1920 году многие этому еще не верили. Не верили, быть может, и многие из тех, кто в перерывах заседаний конгресса Коммунистического Интернационала стоял перед Лениным, сидевшим на ступеньках трибуны. Не верили многие из тех, кто принял участие в конгрессе и с кем В. И. Ленин с ораторской трибуны дискутировал и полемизировал по своим замечкам, сделанным в блокноте. И среди нескольких моих товарищей, делегатов из Чехословакии, как оказалось позднее, были неверящие. Но поверили миллионы трудящихся. И они не только поверили, но и действовали так, как учил Ленин. Тогда, на конгрессе Коммунистического Интернационала, после первой встречи с Лениным, я прочно встал в ряды верящих. Никогда я об этом не жалел.

На конгрессе я имел возможность лично говорить с товарищем Лениным.

В один из июньских дней я пришел в гостиницу, и мне сообщили, что я должен идти в Кремль к товарищу Ленину, который пригласил к себе чешских делегатов. Это приглашение вызвало волнение. Мы, чехословацкие делегаты, вдруг стали объектом внимания. Многие делегаты других стран, несомненно, завидовали нам. А я растерялся. Как и о чем буду я говорить с Лениным? Я, рядовой работник социал-демократической партии из угольного Кладно! Да и что вообще может интересовать Ленина в нашей маленькой Чехословакии?

Так думал я даже в прихожей рабочего кабинета Ленина. Однако все мои опасения оказались напрасными. Ленин знал о нас многое.

Прежде всего оказалось, что он понимает чешскую речь. И мы тоже понимали русский язык, хотя говорить не умели. Выяснилось, что переводчик не нужен. Ленин знал Прагу. Он был там на нелегальной конференции русской большевистской партии в 1912 году.

Беседу он начал вопросом, который наверняка ни одного чеха не привел бы в замешательство. Он спросил, едят ли еще в Чехии кнедлики со сливами. Он помнил об этом любимом чешском блюде еще со времени своего пребывания в Праге. Само собой разумеется, что после такого вступления беседа протекала совершенно по-дружески даже тогда, когда мы касались политических вопросов. Ленин интересовался Чехословакией. На большой карте он с наших слов очертил синим карандашом ее новые границы. Разговор перешел на Подкарпатскую Русь, затем его заинтересовало наше отношение к Венгрии (это было после падения Венгерской коммуны); был поднят целый ряд других политических вопросов. Особенно интересовался товарищ Ленин венгерской проблемой. Он хотел иметь как можно более подробную информацию о ней. При этом он очень интересно объяснял свое внимание к проблемам Венгрии.

«У нас здесь много товарищей из венгерской эмиграции. Но я хочу знать ваше мнение. Я слишком хорошо — по собственному опыту — знаю, что эмигранты очень часто изображают отношения в своей стране такими, какими они их желали бы видеть, но не такими, какими они в действительности являются».

Вот так говорил Ленин. Просто, понятно, но в каждой фразе ты чувствовал большую правду, жизненный опыт и необычные знания. Благодаря этой убеждающей силе, исходящей из внутренней правды, Ленин и ленинизм победили.

Победили на одной шестой части света и совершают свое триумфальное шествие в другие части света.

Ленин умер — ленинизм будет вечно жить, и с ним — живое воспоминание о товарище Ленине.

ПАМЯТЬ О ЛЕНИНЕ

О товарище Владимире Ильиче Ленине я знал задолго до того, как впервые встретился с ним лично. На исходе 1917 года имя Ленина стало широко известным, о нем повсюду говорили, писали, думали, ибо нельзя было не говорить, не писать, не думать о Великой Октябрьской социалистической революции.

Октябрьская революция в России была событием, которое буквально «потрясло мир». Она взволновала и лишила покоя всех — и тех, кто ее поносил и проклинал, и тех, кто, несмотря на искаженную и враждебную информацию, все-таки симпатизировал ей.

Разные слои населения приняли ее по-разному: с чувствами ярости, страха и — надежды.

Но свет Октябрьской революции нельзя было погасить. Он рассеял сумерки и вызвал бурю. По всему миру гремели слова: «Революция, Ленин». Они действовали, как лакмус, — вызывали классовое размежевание, ставили по разные стороны баррикад эксплуатируемых и эксплуататоров — пролетариат и буржуазию.

Неумолимый ход событий поставил рабочий класс и трудящиеся массы всего мира перед историческим решением: что делать?

Идти с революцией и Лениным или со старым капиталистическим миром и предателями, которые ему прислуживали?

Фронты войны дрогнули. Солдаты бросали оружие, прекращали взаимное убийство, начинали брататься. Мировая империалистическая война завершилась хаосом. Рушились государства, распадались многовековые империи и державы.

Распалась и Австро-Венгерская империя. На ее развалинах возникли новые государства и земли. Наш народ тоже сбросил вековое рабство, родилась независимая Чехословацкая республика.

Но ее рождение еще не означало, что процесс революции завершен. Остались эксплуатируемые, остались эксплуататоры. Рабочие массы сразу же сплотились в крепкую организацию, и оказалось, что в новом чехословацком государстве социал-демократия стала решающим фактором.

И перед ней встал роковой вопрос: что делать? Идти с социалистической революцией и Лениным или со старым режи-

мом? Повести рабочих и трудовые массы на революционную борьбу за власть, за устранение эксплуатации человека человеком, за строительство социализма или изменнически отказаться от революционной боевой классовой линии и оппортунистически прислуживать буржуазии новорожденной Чехословацкой республики, помогать ей строить капиталистическое государство? Среди чехословацкой социал-демократии разгорелась борьба по этому вопросу. Возникла оппозиция оппортунистическому руководству. В 1920 году эта оппозиция направила делегатов на II конгресс III, Коммунистического Интернационала в Москве.

В составе делегации был и я — делегат кладненских шахтеров и металлургов.

Так я впервые попал в Советскую Россию. Я получил возможность познакомиться с практическими результатами Великой Октябрьской социалистической революции и первыми шагами страны по пути строительства социализма. Я получил возможность встретиться и лично познакомиться с Владимиром Ильичем Лениным.

Об этой первой поездке в Советский Союз и встрече с товарищем Лениным я написал ряд статей и воспоминаний.

Лучше всего мои впечатления выражены в первом письме, poslanном из Москвы кладненским шахтерам и металлургам в июле 1920 года. Привожу его.

«Незабываемое впечатление произвела на меня послевоенная, послеоктябрьская Москва. Разрушения, упадок, запущенность, заколоченные досками разбитые витрины, транспорт и связь в расстройстве, зачастую нет даже света и отопления.

Но эта трудовая Москва живет. Подобно незаметным терпеливым муравьям, люди копошатся на развалинах домов, выпскивая кто куски дерева для топки печи, кто доску для полочки, старые гвозди и прочее. В этих поисках чувствуется огромная жажда жизни, стремление снова жить после всех бед, катастроф и отчаяния, пережитых людьми в военные и послереволюционные годы.

Не знаю почему, но, шагая по московским улицам, спотыкаясь на разбитом асфальте, я верю, твердо верю, что эти люди будут жить. И главное, что они будут жить не по-старому, а новой жизнью, при новом строе.

Эта твердая вера, что жизнь еще впереди, что жить нужно, если даже сейчас живется очень плохо, это, по-моему, первооснова всего социалистического строительства.

Никогда не забуду своей первой встречи с товарищем Лениным. В тронном зале царского Кремля, где происходят заседания конгресса, на ступеньке трибуны сидел незаметный простой человек, делая заметки в блокноте, положенном на коленях. Это был товарищ Ленин. Обыкновенный человек. В нем нет ничего особенного. Но этот обыкновенный человек по-новому направляет историю человечества. Рядом с ним и за ним стоят шеренги и целые легионы обыкновенных людей. Как могут «необыкновенные» люди Запада верить, что эти простые труженники дали новое направление историческому развитию человечества? История не останавливается. На плечи обыкновенных людей она возлагает необычные задачи. А «необыкновенные» люди очень охотно и очень часто не замечают обычных вещей. Они хотят быть выше толпы и ее будничных интересов. Их «высокая культура» не позволяет им запачкаться работой на уборке развалин. А обыкновенные люди не брезгают этим. Когда нужно поднять трудовую сознательность и дисциплину, Ленин идет на субботник вместе с бригадами других добровольцев. Все мы, делегаты конгресса, ходим с ним вместе».

Таковы были мои первые впечатления от социалистической революции, Советского Союза и Ленина.

За несколько десятилетий эти впечатления не изменились. Все позднейшие события лишь подтвердили их правильность.

Также подтвердилось и мое мнение о Ленине, сложившееся при первом взгляде на него и во время его выступления на II конгрессе Коминтерна.

Это мнение укрепилось после встречи с Лениным и разговора с ним в его кабинете в Московском Кремле.

Ленин расспрашивает, он задает вопросы и тотчас же отвечает на них. Отвечает просто и понятно. Выводы, которые он делает, четко и ясно сформулированы.

Никогда не забуду, как он рассеял мои иллюзии о моих тогдашних друзьях, лидерах социал-демократии; я тогда еще верил, что эти люди сумеют подчиниться воле партийных масс, решениям съезда, что они не покатаются дальше по наклонной плоскости реформизма и оппортунизма.

Ленин говорит. Говорит коротко, лаконично, и каждое его слово — удар молота.

— А как партийный съезд? Скоро он у вас будет? Стало быть, в сентябре? На что рассчитывает левое крыло? Получите большинство?.. Не знаю, не знаю, не радуйтесь преждевременно, вы еще не знаете, как поступят правые и на что они способны. Вы говорите, что явное большинство членов партии идет за вами. Все это очень хорошо, но ведь руководство-то в руках правых! Пока это так, они еще многое могут предпринять. Они могут отменить съезд. Вы считаете, что это вызвало бы раскол партии? По-вашему, правые не пойдут на раскол? Не будьте наивны! Правые пошли на раскол в других партиях, не остановятся перед ним и у вас. Вы еще увидите, на что они способны, когда им надо удержать свою власть в партии. У нас есть опыт на этот счет, мы тоже прошли через фракционную борьбу.

Потом мы перешли к вопросу о профсоюзах.

— А как с профсоюзами? — спросил Ленин. — На Западе они большая сила. А у вас? Они едины? Нет! Какие же профсоюзы самые сильные? Ваши, социал-демократические! А руководство ими в чьих руках? В большинстве у правых. Это большой промах и ваше слабое место. Профсоюзы будут играть у вас видную роль, их нельзя недооценивать. Без поддержки со стороны профсоюзного движения невозможно никакое революционное выступление. Надо работать в профсоюзах. Вам бы следовало выдвинуть лозунг единства профсоюзов.

У вас есть тенденция организовать самостоятельные левые профсоюзы? Не делайте этого! Революционная политическая партия — совсем другое дело: в ней необходимо беречь чистоту партии и исключать оппортунистов. Иное в профсоюзах — они должны быть едины. Правильную революционную тактику отстаивайте внутри них. А профсоюзное единство надо беречь, а не разрушать.

Я навсегда запомнил эти ленинские слова о единстве профсоюзного движения. В ходе строительства Коммунистической партии Чехословакии по поводу этого лозунга были большие споры и борьба. Было много ошибок и отклонений от правильного ленинского принципа сохранения единства профсоюзов. Но в конце концов этот принцип оказался правильным и победил.

Так же было и с вопросом о единстве в лагере социалистов. На конгрессе Коминтерна этот вопрос широко обсуждался. Были выработаны условия для создания такого единства.

У нас в Чехословацкой республике вопрос о вступлении в социалистический лагерь, объединившийся тогда под знаменем III Интернационала, был особенно жгучим.

Правые и оппортунисты всех мастей, пользуясь угрозами и демагогией о «диктате Москвы» — это были их главные аргументы, — сопротивлялись созданию подлинно единого лагеря социалистов и, тем самым, принятию обязательства проводить настоящую социалистическую политику.

После разговора с товарищем Лениным я в августе 1920 года написал об этом своим кладненским товарищам следующее:

«...И в заключение о III Интернационале. Революционный социалистический III Интернационал, создающий международную организацию пролетариата, зовет в свои ряды и пролетариат Чехословацкой республики. На все панические сообщения, распространяемые у нас, нужно отвечать так:

Московский Интернационал никого не заманивает и не принуждает. Решительно и напрямик укрепляя свои принципы и условия приема, Интернационал заявляет: такой, по нашему убеждению, должна быть организация революционного пролетариата для того, чтобы он победил в борьбе с международным капитализмом. Любая рабочая партия, которая чувствует, что классовое сознание и убеждения ее членов достаточно четки для того, чтобы отвергнуть оппортунизм и социал-шовинизм, отказаться от союза с буржуазией и вступить в союз с революционным пролетариатом, пусть по-товарищески протянет нам рабочую руку и присоединится к нашему пролетарскому лагерю».

По-моему, и сейчас не вредно вспомнить эти ленинские принципы и взгляды Ленина на необходимость и полезность единства в лагере социалистов.

Еще и сейчас идут споры по этому вопросу.

Многие высказывают и провозглашают разные взгляды, считая их истиной.

Опыт, однако, учит, что высказанная истина только тогда становится настоящей истиной, когда она подтверждена ходом событий. Ленинские истины были и являются именно такими: ход событий полностью подтвердил их.

Поэтому после смерти Ленина остался ленинизм — практическое подтверждение правильности Марковского учения о научном социализме, практическое пособие и руководство для строителей социализма.

Наша Коммунистическая партия Чехословакии, верная принципам ленинизма, строя социализм в своей стране, высоко ценит международную солидарность и пролетарский интернационализм и стоит за единство социалистического лагеря.

Верные лозунгу Маркса «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», мы сохраняем верность и ленинизму. Поэтому мы верны и своему нерушимому союзу и дружбе с Советским Союзом. Коммунистическую партию Советского Союза, ее марксистско-ленинские принципы и десятилетиями накопленный опыт социалистического строительства мы считаем основным образцом строительства социализма. При этом мы отнюдь не упускаем из виду условия и нужды нашей страны, а также вопрос мирного сосуществования всех стран, вне зависимости от их внутреннего строя.

Никто не подчеркивал с такой силой, как Ленин, необходимость применять научные основы марксизма с учетом конкретной обстановки и разнообразия складывающихся условий.

Вот почему Ленин и его учение, его принципы и высказанные им истины навсегда остаются для нас верной и незаменимой опорой; мы не только вспоминаем их, но и учимся им.

Когда я вспоминаю о встречах с Владимиром Ильичем, для меня и сейчас, через несколько десятилетий, звучит, словно ясный и повсюду разносящийся голос колокола, неопровержимая ленинская правда.

Ленин умер, ленинизм жив!

УИЛЬЯМ ГАЛЛАХЕР

ЛЕНИН

В 1920 году товарищи в Глазго, связанные с клайдским рабочим комитетом (движение фабричных старост), делегировали меня на II конгресс Коминтерна.

В то время мы были «левыми» сектантами и не хотели участвовать в происходившей между Британской социалистической партией и Социалистической рабочей партией дискуссии по вопросу об образовании коммунистической партии в Англии. Мы имели в виду в Шотландии «чисто» коммунистическую партию, которая не имела бы ничего общего ни с лейбористской партией, ни с парламентской деятельностью.

Так как у меня не было паспорта и было мало шансов на его получение, то я отправился в Ньюкасл, где спустя неделю ухитрился при содействии одного норвежского товарища, пароходного кочегара, пробраться на пароход и отплыть в Берген. Из Бергена я поехал в Вардсе, а оттуда через Мурманск в Петроград.

Когда я приехал туда, конгресс, начавшийся в Петрограде, уже был переведен в Москву.

В Смольном меня поместили в удобной комнате и стали разыскивать мне переводчика. Я сел писать письма, но в это время пришел один из товарищей и дал мне только что выпущенную на английском языке книжку «Детская болезнь «левизны» в коммунизме». Я стал ее просматривать между делом, но, когда дошел до главы об Англии и увидел, что там говорится обо мне, я просто подскочил. Уезжая из Глазго, я был уверен, что наша враждебная позиция по отношению к лейбористской партии и нежелание участвовать в парламенте настолько разумны, настолько неуязвимы, что мне оставалось выдвинуть лишь несколько хорошо обдуманных доводов, чтобы положить на обе лопатки Британскую социалистическую партию вместе с Социалистической рабочей партией. Я был просто

потрясен, увидев, что не успел я еще попасть на конгресс, как карточный домик, который я строил, рассыпался до основания. Но тогда все вопросы, поставленные Лениным, для меня еще далеко не были выяснены, что и сказалось вслед за тем в моих выступлениях на конгрессе.

В Москву я попал в субботу в полдень и оказался в гостинице как раз вовремя, чтобы поспеть на субботник. Я проработал до восьми часов вечера, складывая чугунные болванки в какой-то литейной.

В понедельник я вместе с другими делегатами отправился в Кремль, где впервые очутился на конгрессе Коминтерна.

В зале стояли, беседуя, группы делегатов.

Мы прошли в боковое помещение, где делегаты пили чай, писали и готовились к выступлениям. Меня познакомили с делегатами из разных стран, а затем я попал в одну из групп, и кто-то шепнул мне:

— Это товарищ Ленин.

Я протянул руку и сказал:

— Хелло!

Это было все, что я мог произнести.

Когда Ленину сказали, что я — товарищ Галлахер из Глазго, он с улыбкой приветствовал меня:

— Мы рады вас видеть на нашем конгрессе.

Я сказал, что я счастлив быть здесь, и мы продолжали говорить о других вещах. Я думал: «Боже мой, везде война, всякие внутренние и внешние проблемы, которые кажутся почти неразрешимыми, а вот этот товарищ непоколебимо уверен, что большевики добьются победы».

Ленин шутил и смеялся с товарищами и иногда, когда я что-нибудь говорил, как-то странно на меня поглядывал. Потом я узнал, что это объяснялось моим своеобразным английским прозвищем: ему трудно было понять меня.

Я сразу почувствовал, что беседую не с недоступным «великим человеком», окруженным атмосферой надменности, а с Лениным, великим партийцем, у которого для каждого пролетарского бойца была теплая улыбка и находились дружеские слова.

Когда я вступил в спор о политической и профсоюзной резолюции, мне здорово досталось. Некоторые из моих «наилучших» аргументов были очень легко разбиты. Оппоненты не упускали возможности вставить острую реплику во время моего

выступления. Разумеется, я огрызался, и спор разгорался все сильнее. Чувствуя, что почва ускользает у меня из-под ног, я пришел в очень дурное расположение духа. Но Ленин, ведя непримиримую принципиальную критику моих установок, каждый раз пользовался случаем помочь мне, сказать что-нибудь такое, что значительно облегчило бы трудное положение, в которое меня завели мои ошибочные взгляды.

На заседаниях Ленин неоднократно присылал мне записочки, разъясняя в нескольких словах тот или иной вопрос.

После заседания я обычно рвал свои записки и вместе с ними записки Ленина. Теперь мне это кажется невероятным, а тогда как-то об этом не думалось. К концу работ политической комиссии, когда я очень резко высказался о Британской социалистической партии и Социалистической рабочей партии, Ленин передал мне записку, в которой дал очень краткую и едкую оценку этих групп. Вечером я по секрету сказал одному-двум товарищам, что Ленин прислал мне такую записку о БСП и СРП¹ и что если бы они ее увидели, у них бы глаза на лоб вылезли.

— Где она? — спросил один из них.

— Я ее разорвал, — равнодушно ответил я.

— Что? Вы разорвали записку, написанную рукой Ленина? — у него дух захватило.

— Я многие из них разорвал, — ответил я, — но они носили личный характер, и я не думаю, что он хотел бы, чтобы я их сохранил.

Два дня спустя в политической комиссии в самый разгар спора, как раз когда я выступал, кто-то упомянул о «Детской болезни».

— Да, — сказал я, — я читал ее, но я — не дитя. Хорошо вам обращаться со мной, как с ребенком, и щелкать меня заглазно. Но теперь я здесь, и я вам покажу, что я не новичок.

Эта последняя фраза привлекла внимание Ленина, и через некоторое время, когда Уильям Пол был в России, Ленин повторил ее в разговоре с ним с вполне приличным шотландским акцентом. Когда я потом сел на свое место, он прислал

¹ БСП — Британская социалистическая партия; СРП — Социалистическая рабочая партия. — *Ред.*

мне записку: «Когда я писал свою книжку, я еще вас не знал».

Как на пленарных заседаниях, так и на заседаниях политической комиссии Ленин, настойчиво проводя свою политическую линию, всячески помогал мне и другим товарищам разбираться в политических вопросах.

Однако самой значительной для меня была беседа с Лениным у него на дому. Ленин усадил меня, и мы стали говорить о строительстве партии, о ее роли в руководстве революционной борьбой. До сих пор я ни разу особенно не задумывался о партии, но теперь начал по-настоящему понимать, какой должна быть коммунистическая партия.

Ленин решительно восставал против создания отдельной партии в Шотландии.

— Вам придется, — сказал он, — работать в только что образовавшейся партии в Англии.

Я возражал: я не могу работать с тем-то и тем-то.

— Если для вас революция превыше всего, — сказал он, — то у вас не будет никаких затруднений. Для революции вы будете работать с кем угодно, хотя бы до поры, до времени. Но если вы начинаете с того, что не хотите ни с кем работать, вместо того чтобы влиться в их ряды и бороться за дело революции, то вы ничего не добьетесь. Идите в партию и боритесь за линию Коминтерна, и тогда Коммунистический Интернационал поддержит вас своим авторитетом.

На всем протяжении нашей беседы пролетарская революция была единственной живой, трепещущей темой во всем, что он говорил.

Никогда я не слышал ничего подобного. Думая о Ленине, я не мог думать ни о чем, кроме революции и необходимости двигать ее вперед, чего бы это ни стоило. По-моему, это было основное качество великого ленинского гения: он никогда не думал о себе, он был живым воплощением борьбы, и, где бы он ни оказывался, он всюду приносил с собой вдохновение своей великой убежденности.

Таково последнее воспоминание, которое я сохранил о нашем великом Ленине.

ВОЖДЬ, УЧИТЕЛЬ И ДРУГ

Как-то вечером по окончании пленарного заседания II конгресса мне сообщили, что у двери гостиницы стоит автомашинка Ленина и что он прислал ее за мной. Когда я вошел в его комнату, он тепло пожал мне руку и сказал, что хотел бы по-серьезному поговорить. Мы обменялись мнениями по поводу отдельных делегатов, и в ходе разговора он упомянул о делегатке из Англии, не принадлежавшей к БСП, которая с горечью заявила о лидерах этой партии, что она не поверит ни одному из них¹.

— Я сказал ей, — заметил Ленин, — что она может доверять вам. Так что, если будут какие-нибудь трудности, попытайтесь в них разобраться.

Я ответил, что сделаю все возможное.

— Хорошо! А теперь давайте договоримся. Вы говорите, что всякий, кто попадает в английский парламент, развращается. Товарищ Галлахер, — продолжал он, прикрыв один глаз рукой и в упор рассматривая меня другим, — если рабочие пошлют вас в парламент, чтобы представлять их, вы тоже развратитесь?

Я даже отшатнулся назад.

— Вы бьете не по правилам, — сказал я.

— Это очень важный вопрос, — настаивал Ленин. — И я бы очень хотел, чтобы вы на него ответили.

Я на минуту запнулся, а затем ответил:

— Нет, я уверен, что буржуазии никогда не удастся совратить меня.

Ленин тепло улыбнулся и сказал:

— Товарищ Галлахер, добейтесь, чтобы вас избрали в английский парламент, и покажите рабочим, как революционер может его использовать.

Прошло 15 лет, прежде чем я попал в парламент. В течение следующих 15 лет я был членом парламента. Я делал все, что мог, чтобы выполнять свои задачи, как революционер, как член коммунистической партии. Я уверен, мои товарищи согласятся, что меня не смогли «совратить».

¹ Речь, видимо, идет о Сильвии Панкхерст (1882—1928), принимавшей участие во II конгрессе Коминтерна. — *Ред.*

Когда конгресс еще продолжал свою работу, из Лондона прибыла телеграмма, сообщавшая о том, что в Англии создана коммунистическая партия¹ и что она предполагает добиться принятия ее в лейбористскую партию. Однако шотландские товарищи не присоединились к новой партии. Они предполагали создать отдельную шотландскую коммунистическую партию и выступали против вступления в лейбористскую. В этой связи Ленин прямо сказал мне, что такую позицию в этом вопросе уж никак нельзя защищать.

— Вы согласны? — спросил он.

— Согласен.

— В таком случае, когда вернетесь в Англию, вступите в новую коммунистическую партию и убедите ваших шотландских товарищей последовать за вами.

Я обещал вступить и приложить все усилия, чтобы мои шотландские товарищи поступили так же.

Я вернулся в Глазго как раз к открытию конференции, созванной с целью создания шотландской коммунистической партии. Я доложил о II конгрессе Коминтерна и призвал участников не создавать отдельной партии, а назначить комиссию для встречи с Исполкомом уже созданной партии, чтобы договориться об объединении всех коммунистов. Со мной согласились, и на конференции единства в Лидсе два месяца спустя мы все вместе вошли в одну партию.

Но если бы не Ленин, я не вернулся бы вовремя, чтобы предотвратить создание отдельной партии. Джона Рида и меня выделили представлять англо-американскую делегацию на конгрессе народов Востока, который должен был состояться в Баку². Однажды вечером, в то время как шла подготовка к нашему отъезду, к гостинице вновь прибыла автомашина с поручением Ленина. Он срочно хотел меня видеть. Когда я вошел, Ленин справился о моем здоровье и о том, как обо мне заботятся. Выслушав ответ, он спросил:

— Когда вы едете домой?

— Не совсем скоро, — ответил я. — Я еду в Баку делегатом на конгресс народов Востока.

Ленин вскочил со своего места.

¹ Коммунистическая партия Великобритании образована 2—3 августа 1920 года. — *Ред.*

² I съезд народов Востока состоялся в Баку 1—7 сентября 1920 года. — *Ред.*

— Нет, нет! — воскликнул он. — Вы должны ехать домой. У вас там будет много дела. Рабочие создают советы действия, чтобы сорвать попытки Черчилля начать войну против Советской России. Вы можете оказать большую помощь. Вы должны ехать домой. Всякий может быть делегатом на конгрессе в Баку, но никто не сделает за вас ваши дела в Англии.

Когда я согласился с его мнением, он спросил:

— Когда вы сможете выехать?

— У меня, — сказал я, — нет багажа, кроме одежды, что я ношу. Так что мне не надо собираться. Я могу выехать завтра утром.

— Почему не сегодня вечером?

— Сегодня? — ахнул я. — Не хватит времени, чтобы получить билеты и документы.

— Вы согласны ехать? — сказал Ленин. — А я позабочусь, чтобы билеты и документы для вас были готовы.

— Еду, — ответил я и протянул руку.

Какой-то момент мы стояли, сжав руки и глядя друг другу в глаза. Я никогда не забуду этого прощания с великим учителем и другом.

Газета «Правда», 20 апреля 1960 г

ПАМЯТНЫЕ ВСТРЕЧИ

Исполнилось 40 лет со дня основания Коммунистического Интернационала. Большая часть моей политической жизни прошла в борьбе под знаменем этой боевой международной организации, оставившей глубокий след в мировой истории. Многие из тех, кто боролись рядом со мной, уже ушли из жизни, и ныне, вспоминая о деятельности Коммунистического Интернационала, я склоняю голову пред их светлой памятью.

Когда началась первая мировая война, все социал-демократические партии воюющих стран, за исключением партии большевиков, оказались в плену у обманщиков рабочего класса, предателей его интересов. II Интернационал рухнул как карточный домик. После краха II Интернационала В. И. Ленин предложил переименовать РСДРП в Коммунистическую партию, сохранив на том этапе ее историческое наименование — большевиков¹. Он не хотел, чтобы название подлинно марксист-

¹ См. В. И. Ленин, Соч., т. 24, стр. 62—65. — *Ред.*

стской партии напоминало тех, кто предал Социалистический Интернационал. Новый Интернационал должен был объединять в своих рядах верных делу социализма людей во всех странах.

Лично мне не довелось присутствовать на историческом I конгрессе Коммунистического Интернационала, состоявшемся в Москве в марте 1919 года. Он подготовил почву для II конгресса, на котором предстояло разработать стратегию и тактику мирового коммунистического движения по всем основным политическим и организационным вопросам. На этом конгрессе я вместе с другими представлял левое крыло английского рабочего движения, будучи делегатом от Шотландского рабочего комитета.

Что прежде всего встает в моей памяти, когда я вспоминаю об этих днях? Простой и великий образ Ленина. В Ленинне постоянно чувствовалась жизнерадостная бодрость, непоколебимая уверенность в правоте дела коммунизма, сочетавшаяся с глубокой пропихательностью. Глядя на него, ни у кого из нас, коммунистов, не возникало сомнений в окончательной победе. Само его присутствие действовало вдохновляюще. Это был гениальный мастер революции. Поразительно, с какой силой его собственная убежденность заражала окружающих. Вернувшись после конгресса на родину, я сказал моим товарищам: «Когда находишься в присутствии Ленина, думаешь только о революции». Никогда не забуду, какое трогательное внимание Ленин проявлял лично ко мне; о таком же внимании к ним рассказывали и другие товарищи. Ленин был приветлив, дружелюбен и отзывчив. Оглядываясь назад, я с изумлением вспоминаю, как терпеливо он работал с нами в те дни. Ленин внимательно прислушивался ко всем делегатам, хотя среди них тогда было, как известно, и немало сектантов и оппортунистов; он давал разъяснения по любому важному вопросу, старался каждому помочь стать на правильный путь. И это было в те дни, когда ум его был поглощен требовавшими безотлагательного решения жгучими вопросами борьбы с белогвардейцами и интервентами. Казалось, он никогда не устает. Особенно активное участие Ленин принимал в работе политической комиссии и комиссии по профсоюзам.

Мы видели, как комсомольцы шли на фронт защищать молодую Советскую республику. Их вдохновлял Ленин, и их героизм вдохновлял Ленина. Все мы, делегаты II конгресса Ком-



В. И. Ленин выступает на II конгрессе Коминтерна
с докладом о международном положении,
июль 1920 года

мунистического Интернационала, чувствовали, знали, что никакие трудности, никакие страдания не смогут сломить революционное мужество советских людей, молодых и старых, в военной форме и без нее. То, очевидцами чего мы были в Москве, оказало на нас, делегатов, огромное влияние. Укрепилась наша собственная решимость действовать, проявлять выдержку, преодолевать трудности. Ведь и задача, стоявшая перед нами, — создать мощную, единую мировую коммунистическую организацию — казалась в те дни неимоверно трудной.

Вспоминая те далекие дни, я вновь вижу перед собой Ленина, руководящего заседаниями II конгресса Коминтерна, и понимаю, почему нам, коммунистам, удалось перешагнуть через все преграды истекших четырех десятилетий...

Я присутствовал и на III конгрессе Коммунистического Интернационала в 1921 году, на котором решения предыдущего конгресса рассматривались в свете опыта работы и борьбы за истекший год. Снова разгорелись горячие споры, но я уже не был «леваком», а твердо стоял на позициях марксиста-ленинца.

*Журнал «Новая и новейшая история»
№ 2, 1959 г., стр. 57—58.*

ХРИСТО КАБАКЧИЕВ

БЕСЕДЫ С ЛЕНИНЫМ

С Лениным я встретился и познакомился в 1920 году, во время II конгресса Коминтерна, когда у меня были с ним две беседы в его рабочем кабинете в Кремле. Во второй раз я встретился с Лениным в 1922 году во время IV конгресса Коминтерна, но тогда я успел только приветствовать его. Ленин был уже болен. На конгрессе он произнес, несмотря на свое болезненное состояние, замечательную речь «Пять лет российской революции и перспективы мировой революции»¹ — это была его последняя речь перед Коминтерном. В заседаниях конгресса Ленин не принимал участия, но он очень активно участвовал в подготовке всех более или менее важных вопросов, поставленных и обсужденных на конгрессе. Вследствие болезни Ленина во время работ IV конгресса Коминтерна свидания делегатов с ним были в очень значительной степени ограничены...

На II конгрессе Коммунистического Интернационала Болгарская коммунистическая партия была представлена тремя делегатами: мною, товарищем Шаблиным (Иваном Неделковым), который в 1925 году был убит болгарскими фашистами, и доктором Н. Максимовым, исключенным из партии после Сентябрьского восстания 1923 года².

Какое большое значение наша партия придавала своему участию в этом конгрессе, с каким восторгом она относилась к Коммунистическому Интернационалу и к Советской России, — об этом свидетельствует, между прочим, и то, как мы, делегаты II конгресса, прибыли в «обетованную землю» рево-

¹ См. *В. И. Ленин*, Соч., т. 33, стр. 380—394. — *Ред.*

² Максимов был исключен из БКП за отступничество от революционных марксистских позиций, выразившееся в публичном осуждении Сентябрьского восстания 1923 года. — *Ред.*

люппи и социализма. Так как надежда добраться до Советской России легальным путем через Западную Европу (Германию) тогда была очень мала, то мы предприняли смелое путешествие на рыбацкой парусной лодке через Черное море из Варны в Одессу. Это путешествие было связано с большими опасностями и риском как вследствие самого его характера — переезда в маленькой лодке через бурное Черное море, так и вследствие того, что эта область Черного моря находилась тогда под наблюдением, с одной стороны, румынской морской охраны, а с другой — флота Врангеля, державшего в своих руках берега Крыма. Из пяти делегатов на конгресс, одновременно отправившихся нелегальным путем на двух лодках из Болгарии в Одессу, прибыли только двое: я и Максимов; товарищ Шаблин успешно пробрался в Советскую Россию раньше, тоже на рыбацкой лодке. Товарищи Коларов и Димитров были захвачены в открытом море румынской охраной и арестованы. Я и мой спутник после первой неудачной попытки, когда морская буря разбила нашу лодку и выбросила нас обратно на болгарский берег, отправились вторично и успешно добрались до Одессы после шестидневного плавания на нашей маленькой парусной лодочке.

Самым горячим моим желанием было встретиться и познакомиться с Лениным. При нашем отъезде на II конгресс нам, делегатам партии «тесных» социалистов, ЦК нашей партии дал специальное поручение повидаться с Лениным и спросить у него совета по основным вопросам, стоявшим в тот момент перед партией. Октябрьская революция совершенно изменила отношение «тесных» социалистов к большевикам, а победы большевиков в гражданской войне окончательно укрепили веру «тесняков» в большевизм и Советскую власть. Но «тесняки» еще не заняли ясно определенных и твердых позиций относительно конкретных революционных задач партии, которые все резче и повелительнее ставил перед ними обостряющийся революционный кризис в Болгарии и на Балканах.

С Лениным я познакомился в комиссии по национальному и колониальному вопросам, в которой он участвовал и которой руководил. Национальный вопрос стоял в центре внимания болгарских коммунистов, бывших «тесняков». Из болгарской делегации я участвовал в комиссии по национальному и колониальному вопросам. Я уже прочитал до созыва комиссии проекты тезисов ИККИ по национальному и колониальному

вопросам, и они произвели на меня громадное впечатление. Там, в комиссии, я узнал, что эти тезисы написаны Лениным.

Партия «тесных» социалистов уже вскоре после 1908 года, когда переворот младотурок в Турции обострил национальный вопрос на Балканах и создал опасность Балканской войны, выдвинула национальный вопрос на первое место. Благоев, основатель и вождь партии «тесных» социалистов, разработал и сформулировал в ту эпоху программу партии по национальному вопросу, в которой был теоретически обоснован и связан с общими задачами партии лозунг Балканской демократической федеративной республики¹. Этот лозунг «тесняки» провозглашали и раньше, но не придавали ему актуального политического значения. Его восприняли и другие балканские социал-демократические партии на I Балканской социал-демократической конференции, состоявшейся в Белграде в январе 1910 года, перед Балканской войной, и снова подтвердили и провозгласили на III Балканской социал-демократической конференции в июле 1915 года в Бухаресте, непосредственно перед вовлечением Болгарии и Румынии в империалистическую войну. Этот лозунг балканские социал-демократические партии, и прежде всего партия «тесных» социалистов, поддерживали в течение всего периода Балканской и империалистической войн.

Из статей Ленина, написанных во время и по поводу Балканской войны, я уже знал, что он поддерживает борьбу балканских социалистов за Балканскую демократическую федеративную республику². Но после империалистической войны, уже в 1919 году, партия «тесных» социалистов, одновременно со своим превращением в коммунистическую партию и присоединением к Коминтерну, восприняв лозунг о рабочих и крестьянских Советах, в то же время заменила и лозунг Балканской демократической федеративной республики лозунгом Балкан-

¹ Лозунг Балканской демократической федерации зародился у социал-демократов Балканских стран накануне Балканских войн 1912—1913 годов. Направленный против национализма, разжигавшегося буржуазно-шовинистическими кликами и династиями Балканских государств и империалистами великих держав, этот лозунг был поддержан В. И. Лениным и русскими большевиками. После первой мировой войны коммунистические партии Балканских стран создали федерацию балканских коммунистических партий и проводили агитацию за создание Балканской федерации. — *Ред.*

² См. статью В. И. Ленина «Социальное значение сербско-болгарских побед» (*В. И. Ленин, Соч., т. 18, стр. 368—370*). — *Ред.*

ской социалистической советской федеративной республики. В этом смысле я и говорил в комиссии конгресса по национальному и колониальному вопросам. Ленин во время моей речи прервал меня, чтобы подчеркнуть правильность этого взгляда, и заявил, что в этот момент (после Октябрьской революции) балканские коммунисты должны бороться именно не за демократическую, а за социалистическую, советскую федеративную республику.

Мы, болгарские делегаты, встретили с особенной радостью это одобрение Лениным программного лозунга нашей партии. Но в тот момент и в течение долгого времени после этого мы не понимали, что недостаточно выдвинуть правильный революционный лозунг, необходимо еще и умение вести действительно революционную борьбу за его осуществление. Но не такова была наша борьба в области национальной политики, которая играла и играет такую громадную роль на Балканах, ни до нашего вступления в Коминтерн, ни долгие годы спустя после этого...

Я принимал участие также и в аграрной комиссии конгресса, хотя представителем в этой комиссии от нашей делегации был товарищ Шаблин, который выступал по аграрному вопросу и на пленуме конгресса и (если не ошибаюсь) в самой комиссии. Аграрной комиссией руководил Ленин. Как по национальному вопросу, так и в особенности по аграрному вопросу среди делегатов — членов комиссий конгресса — господствовали очень неясные и неверные взгляды, унаследованные от II Интернационала.

Разумеется, я не помню точно и не могу воспроизвести те обширные дискуссии, которые велись в этих двух самых важных и самых крупных комиссиях конгресса. Ленин принимал живейшее участие в этих дискуссиях и по большинству вопросов, особенно при обсуждении тезисов по аграрному вопросу, тоже написанных Лениным, он был вынужден очень часто вмешиваться и исправлять ошибочные установки, высказанные делегатами в комиссиях.

Для нас, делегатов Болгарской коммунистической партии, тезисы Ленина по национальному и колониальному вопросам и его тезисы по аграрному вопросу¹ были настоящим откровением — мы с жадностью изучали и воспринимали их. В этих

¹ См. В. И. Ленин, Соч., т. 31, стр. 122—141. — Ред.

тезисах, как и в тезисах по национальному вопросу, мы нашли ответ на ряд основных принципиальных тактических вопросов, которые были так остро поставлены перед БКП в перепод после империалистической войны. Но впоследствии оказалось, что и по аграрному вопросу, как и по национальному, мы все еще, даже и после II конгресса Коминтерна, не успели достаточно глубоко вникнуть в ленинские тезисы, усвоить и проводить не только на словах, но и на деле ленинские, большевистские установки по национальному и аграрному вопросам, имевшим и имеющим такое колоссальное значение для нашей практической деятельности в Болгарии и на Балканах.

* *
*

Во время перерывов между заседаниями в комиссиях я попросил лично у Ленина, который был крайне общителен и чрезвычайно любезен со всеми делегатами, стремившимися лично поговорить с ним, назначить мне свидание после окончания работ конгресса, для того чтобы я мог изложить ему положение в Болгарии и на Балканах и услышать его мнение. Ленин тотчас с готовностью дал свое согласие и сказал мне, чтобы после конгресса я попросил пропустить меня к нему в Кремль. Так я и сделал.

Не помню, через сколько дней после окончания работ конгресса я попросил свидания с Лениным; оно тотчас же было мне разрешено.

В Кремле, в приемной у кабинета Ленина, я застал нескольких иностранцев — дипломатических представителей или журналистов, в самых безукоризненных официальных костюмах, которые ожидали очереди и вошли к Ленину раньше меня. После них тотчас же позвали меня, и я вошел к Ленину.

На меня произвели сильное впечатление скромность и простота всей обстановки: кабинет Ленина представлял собой небольшую, просто обставленную комнату, в которой, кроме широкого стола, загроможденного книгами и бумагами, нескольких стульев и одной-двух картин, не было ничего другого. Сам Ленин был одет очень скромно и просто, что представляло полный контраст с дорогими костюмами только что принятых им иностранцев.

Ленин встретил меня очень тепло и дружески и тотчас же попросил рассказать ему, что происходит в Болгарии. Уже в

самом начале нашего разговора он попросил меня объяснить ему, что это было за восстание, вспыхнувшее в Болгарии в конце империалистической войны. Я еще не знал, что Ленин уже во время этого восстания в 1918 году, известного под именем «Владайского восстания», в одной из своих речей на VI съезде Советов дал оценку этому восстанию и подчеркнул его значение, как симптома начинающейся эпохи международной пролетарской революции¹. В тот момент я был еще убежден в правильности тактики партии «тесных» социалистов по отношению к этому восстанию и описал развитие событий так, как их понимала и объясняла партия, стараясь объяснить и оправдать ее позицию по отношению к этому восстанию. Ленин, однако, отнесся к моим объяснениям скептически. Я старался ему доказать, что наша партия не вмешалась в восстание, потому что была очень слаба в конце войны, и самое восстание вспыхнуло стихийно среди отступающих с фронта разбитых войск, которые подходили тогда к столице Софии, чтобы наказать виновников войны и заставить их заключить мир. Ленин молчаливо выслушал меня, но тотчас же после этого спросил:

— Значит, вы не вмешались в восстание потому, что были очень слабы?

Я ответил утвердительно, но видно было, что мой ответ не удовлетворил Ленина.

Но Ленин больше интересовался новым положением, создавшимся в Болгарии и на Балканах после войны. Я послал ему незадолго перед тем мою статью об этом положении. Ленин вспомнил о ней в нашем разговоре и сказал, что он ее прочел и послал в редакцию журнала «Коммунистический Интернационал» для напечатания, — эта статья действительно была опубликована².

В своей беседе с Лениным больше говорил я, стараясь осветить положение в Болгарии. Теперь я уже не помню и не могу точно воспроизвести весь свой разговор с Лениным, но все же хорошо помню, что, излагая положение в Болгарии и на Балканах, придерживался тех основных линий, которые я проводил незадолго до этого в упомянутой своей статье. Я задал Ленину вопрос:

— Может ли Коммунистическая партия Болгарии рассчитывать на непосредственную политическую и военную помощь

¹ См. В. И. Ленин, т. 28, стр. 138—139. — *Ред.*

² См. «Коммунистический Интернационал» № 14, 1920 г. — *Ред.*

со стороны Советской России, если обостряющийся революционный кризис в Болгарии и на Балканах приведет к революции?

Ленин не ответил мне прямо на этот вопрос. Сначала он сказал, что в последние дни международное положение Советской России изменилось и ухудшилось после поражения Красной Армии под Варшавой (мое свидание с Лениным состоялось в августе 1920 года, как раз в первые дни после начавшегося отступления Красной Армии). Ленин не проявлял никакого волнения ввиду этого резкого и неожиданного оборота в ходе войны с Польшей, который вызвал большое смущение среди делегатов конгресса. С обычной своей улыбкой Ленин сказал:

— Ведь вот мы были убеждены, что одержим победу до конца и тогда положение было бы совершенно иное для вас на Балканах. Но мы потерпели поражение, положение изменилось, нужно будет с ним считаться.

Затем Ленин прибавил:

— С точки зрения «международной революционной стратегии», как вы выражаетесь (я употреблял эти слова. — Х. К.), положение теперь не так благоприятно для революционного выступления, как это было раньше; но если вопрос действительно идет о революции в Болгарии и на Балканах и вы хотите знать, на какую помощь вы можете рассчитывать, то лучше всего обратитесь к военным товарищам, поговорите с ними, — у нас есть еще неликвидированный фронт на юге.

Прощаясь со мной, Ленин повторял:

— Вы работайте и сообщайте нам почаще о положении у вас.

Между прочим я сообщил ему, что после войны мы проводим массовую коммунистическую агитацию не только посредством собраний, демонстраций и газет, но также и путем издания целого ряда переводных и оригинальных брошюр и книг, проводящих принципы и лозунги Октябрьской революции. Ленин тотчас же очень заинтересовался этой нашей массовой литературой, и я обещал прислать ему все новые большевистские брошюры, которые мы успели привезти с собой из Болгарии. Этим и закончилось мое первое свидание с Лениным.

* *
*

Я действительно собрал и послал Ленину все (болгарские) изданные партией после войны брошюры и книги, какие я ра-

зыскал в Москве, в том числе несколько переводов сочинений Ленина и несколько оригинальных болгарских книжек, например «Лозунги социал-демократии». Это была первая, далеко еще не удачная попытка включить лозунги Октябрьской революции в программу БКП. Брошюра была отпечатана в 100 тысячах экземпляров и почти целиком разошлась.

Несколько дней спустя после того, как я послал Ленину наши болгарские брошюры (около пятнадцати штук), мне сообщили, что Ленин приглашает меня к себе в Кремль. Я не догадался, зачем меня мог звать Ленин, но, разумеется, с радостью принял приглашение и тотчас же отправился в Кремль, в тот же кабинет. Ленин встретил меня радостный и улыбающийся.

Перед ним на столе лежала куча брошюр и книг, которые я ему прислал.

— Да вы успели за короткое время создать прекрасную агитационную литературу! Мало таких партий, которые сумели бы это сделать. У вас в этом отношении дело обстоит очень хорошо.

И он начал перелистывать некоторые из оригинальных брошюр и спрашивал у меня объяснений относительно их содержания. Этот теплый и сердечный прием Ленина меня и обрадовал и смутил: столь живой интерес, проявленный им к нашей агитационной большевистской литературе, меня взволновал и польстил моему партийному самолюбию.

— Издание и массовое распространение таких книжек является в настоящее время одной из важнейших задач коммунистов, — повторял Ленин и допытывался, какие вопросы затрагиваются и развиваются в наших оригинальных брошюрах.

— А трудно ли выучиться болгарскому языку? — внезапно спросил Ленин.

Я ответил, что это совсем не трудно, потому что русский и болгарский — родственные языки, в основе обоих лежит старославянский литературный язык. Тогда Ленин попросил меня, если возможно, доставить ему поскорее болгарско-русский словарь.

Я охотно обещал, но мне удалось выполнить свое обещание только через длительное время. В Москве такого словаря не оказалось, и лишь спустя полгода мне удалось прислать ему через товарища из Болгарии такой словарь. Несколько лет тому назад в «Правде» было опубликовано короткое письмо Владимира Ильича его библиотекарше, в котором Ленин просит

достать ему болгарско-русский словарь. Очевидно, Ленин с нетерпением ждал возможности при помощи болгарско-русского словаря самому просмотреть переданные ему мною брошюры и книги, а может быть и следить за некоторыми другими нашими изданиями. Большой интерес, проявленный Лениным к усиливающемуся коммунистическому движению во всех странах, в том числе и в Болгарии, напомнил мне такой же интерес, с которым Маркс и Энгельс в их эпоху следили за социалистическим движением и за распространением марксизма во всех странах и для этой цели изучали языки многих из этих стран¹.

На этот раз я недолго оставался у Ленина, потому что в приемной ждало много делегатов конгресса, спешивших перед отъездом еще раз пожать руку великому вождю Октябрьской и мировой пролетарской революции и услышать из его уст необходимые указания. Я поспешил распрощаться с Лениным, попросившим меня передать его привет Благоеву и всем товарищам в Болгарии. Это была моя вторая и последняя беседа с Лениным.

Возвратившись в Болгарию, я осведомил товарищей из ЦК партии не только относительно общих решений II конгресса и участия в нем нашей делегации, но и о моих встречах с Лениным. Особенно живой интерес и большое внимание ко всему, что я сообщил о конгрессе, о Советской республике и о Ленине, проявил старый вождь и основатель партии «тесных» социалистов Благоев.

Благоев, имя которого связано с первой социал-демократической организацией в Петербурге, который всегда следил с живейшим интересом за революционным движением в России, с пламенным энтузиазмом встретил сначала Февральскую, а потом особенно Октябрьскую революцию. Правда, он, как и партия «тесных» социалистов вообще, не сумел тотчас же после Октября окончательно порвать с социал-демократическими традициями, так глубоко вкоренившимися и в партии «тесных» социалистов, Благоев разделял общие ошибки Болгарской ком-

¹ В 1893 году Энгельс прислал в редакцию нашего сборника «Социал-демократ» письмо, в котором, приветствуя появление социалистического движения в Болгарии, на пороге Малой Азии, сообщал, что он начал изучать болгарский язык, чтобы иметь возможность следить за социалистическим движением в Болгарии, и в подтверждение этого сам написал совершенно правильно несколько слов на болгарском языке в своем письме. — X. К.

партии как во Владейском восстании в 1918 году, так и во время июньского фашистского переворота 1923 года. Но Благоев после Октябрьской революции все больше и больше приближался к большевизму.

Когда мы, делегаты на II конгресс Коммунистического Интернационала, отправлялись в путь, Благоев сказал нам: «Держитесь за большевиков, за Ленина — с победой революции в России победило и их дело».

Благоев с большим интересом и вниманием выслушал мой обширный доклад о конгрессе и о Ленине и взволнованно поблагодарил.

Я понял, что его взволновало в этот момент. Когда мы ему предлагали отправиться вместе с делегацией на конгресс, Благоев с большим сожалением отказался, потому что был уже тяжело болен и знал, что не выдержит долгого и трудного пути.

— Что я там буду делать? Работать — не смогу, болен, а стоять в стороне — не желаю, не могу.

Благоев вскоре (в 1924 году) умер, признав июньские ошибки партии¹ и одоблив сентябрьское революционное пролетарское восстание (1923 года), и этим указал молодому и старому поколениям бывшей партии «тесных» социалистов, новой Болгарской коммунистической партии и болгарскому пролетариату путь большевистской партии, путь Ленина.

«Воспоминания болгарских товарищей о Ленине» (Перевод с болгарского). М., Госполитиздат, 1958, стр. 41—51.

¹ Имеются в виду пережитки тесняцкого периода (недооценка диктатуры пролетариата как основы содержания пролетарской революции, недостаточно четкое представление о роли и месте партии в революционной борьбе, непонимание роли крестьянства как союзника рабочего класса в пролетарской революции и т. д.), помешавшие Компартии Болгарии занять правильные позиции во время фашистского путча 9 июня 1923 года и организовать единый фронт борьбы демократических сил против фашизма. — *Ред.*

В. МАК-ЛЕЙН

ЛЕНИН¹

Я не приверженец культа героев. Социалистическое движение так грандиозно, что в сравнении с ним даже его величайшие вожди кажутся пигмеями. Однако, несмотря на все это, Николай Ленин² вызывает у меня самое искреннее восхищение и уважение.

Во время недавней беседы со мной и товарищем Квелчем, на которую товарищ Ленин любезно дал свое согласие, он обсуждал с нами состояние британского рабочего движения. Что произвело на меня особенно сильное впечатление, это его почти сверхъестественное умение обнаруживать наши слабые места или, вернее, слабые места британского коммунистического движения. Мы знали по работам Ленина, что он обладает поразительной способностью выискивать и находить слабые места у своих противников, но теперь мы убедились, что у него имеется та же способность и в отношении друзей. Мы до некоторой степени гордились достижениями нашей партии, но товарищ Ленин заставил нас почувствовать, что мы сделали очень, очень мало. Его указания относительно дальнейшей работы в Британии окажут нам громадную помощь.

Печатные труды и вся деятельность Ленина доказывают, что он достойный преемник Маркса. Как теоретик он в настоящее время не имеет себе равных, но мировой пролетариат ценит его особенно как человека действия. Способностью постепенно доводить ход собственных рассуждений до их логического конца и затем прилагать полученные выводы на практике обладают очень немногие. Именно это сочетание теоретических и практических способностей необходимо для вождя.

¹ Из альбома II конгресса Коминтерна. — *Ред.*

² Некоторые иностранцы расшифровывали псевдоним В. И. Ленина «Н. Ленин» как «Николай Ленин». — *Ред.*

Ленин — человек, которого в настоящее время больше всего любят и больше всего ненавидят на всем земном шаре. То, что его ненавидят капиталисты всех стран, это естественно. То, что он достоин любви, ясно для всех, кто его видел. Его фотографии не дают правильного представления о нем. Они не могут передать доброты, которая светится в его глазах, они не могут отразить его богатейшего чувства юмора. Поистине удивительно, что человек, вся жизнь которого прошла в борьбе, либо политической, либо практической, смог сохранить способность ценить хорошую шутку или остроумный ответ. Это является признаком подлинного душевного здоровья и равновесия, которое спасает великого человека от риска превратиться в простого спорщика и от односторонности.

Да, рабочий класс может считать себя счастливым, что его главным вождем в настоящее время является столь великий и столь гуманный человек. Мы чтим его, мы любим его.

Как говорят шотландцы: «Пусть долго дымится труба его дома».

1920 г.

*Журнал «Исторический архив» № 2,
1957 г., стр. 20.*

ГЕРБЕРТ УЭЛЛС

КРЕМЛЕВСКИЙ МЕЧТАТЕЛЬ¹

... Мы начали беседу² с обсуждения будущего больших городов при коммунизме. Мне хотелось узнать, как далеко пойдет, по мнению Ленина, процесс отмирания городов в России. Разоренный Петроград навеял мысль, которая раньше не приходила мне в голову, что весь внешний облик и планировка города определяются торговлей и что уничтожение ее, прямо или косвенно, делает бессмысленным и бесполезным существование девяти десятых всех зданий обычного города. «Города станут значительно меньше», — подтвердил Ленин. «И они станут иными, да, совершенно иными». Я сказал, что это означает спос существующих городов и возведение новых и потребует грандиозной работы. Соборы и величественные здания Петрограда превратятся в исторические памятники, как церкви и старинные здания Великого Новгорода и храмы Пестума. Огромная часть современного города исчезнет. Ленин охотно согласился с этим. Я думаю, что ему было приятно беседовать с человеком, понимавшим неизбежные последствия коллективизма, которых не могли полностью осознать даже многие его сторонники. Россию надо коренным образом перестроить, воссоздать заново...

А как промышленность? Она тоже должна быть реконструирована коренным образом?

Имею ли я представление о том, что уже делается в России? Об электрификации России?

Дело в том, что Ленин, который, как подлинный марксист, отвергает всех «утопистов», в конце концов сам впал в утопию, утопию электрификации. Он делает все, что от него зависит, чтобы создать в России крупные электростанции, которые бу-

¹ Фрагменты из книги — *Ред.*

² Герберт Уэллс был на приеме у В. И. Ленина в середине октября 1920 года. — *Ред.*

дут давать целым губерниям энергию для освещения, транспорта и промышленности. Он сказал, что в порядке опыта уже электрифицированы два района. Можно ли представить себе более дерзновенный проект в этой огромной равнинной, покрытой лесами стране, населенной неграмотными крестьянами, лишенной источников водной энергии, не имеющей технически грамотных людей, в которой почти угасли торговля и промышленность? Такие проекты электрификации осуществляются сейчас в Голландии, они обсуждаются в Англии, и можно легко представить себе, что в этих густонаселенных странах с высокоразвитой промышленностью электрификация окажется успешной, рентабельной и вообще благотворной. Но осуществление таких проектов в России можно представить себе только с помощью сверхфантазии. В какое бы волшебное зеркало я ни глядел, я не могу увидеть эту Россию будущего, но невысокий человек в Кремле обладает таким даром. Он видит, как вместо разрушенных железных дорог появляются новые, электрифицированные, он видит, как новые шоссе прорезают всю страну, как подымается обновленная и счастливая, индустриализированная коммунистическая держава. И во время разговора со мной ему почти удалось убедить меня в реальности своего провидения.

— И вы возьметесь за все это с вашими мужиками, крепко сидящими на земле?

Будут перестроены не только города; деревня тоже изменится до неузнаваемости.

— Уже и сейчас, — сказал Ленин, — у нас не всю сельскохозяйственную продукцию дает крестьянин. Кое-где существует крупное сельскохозяйственное производство. Там, где позволяют условия, правительство уже взяло в свои руки крупные поместья, в которых работают не крестьяне, а рабочие. Такая практика может расширяться, внедряясь сначала в одной губернии, потом в другой. Крестьяне других губерний, неграмотные и эгоистичные, не будут знать, что происходит, пока не придет их черед...

Может быть и трудно перестроить крестьянство в целом, но с отдельными группами крестьян справиться очень легко. Говоря о крестьянах, Ленин склонился ко мне и перешел на конфиденциальный тон, как будто крестьяне могли его услышать.

Я спорил с ним, доказывая, что большевикам придется перестроить не только материальную организацию общества, но и образ мышления целого народа. По традициям и привычкам русские — индивидуалисты и любители поторговать; чтобы построить новый мир, нужно сперва изменить всю их психологию. Ленин спросил, что мне удалось повидать из сделанного в области просвещения. Я с похвалой отозвался о некоторых вещах. Он улыбнулся, довольный. Он безгранично верит в свое дело.

— Но все это только наброски, первые шаги, — сказал я.

— Приезжайте снова через десять лет и посмотрите, что сделано в России за это время, — ответил он.

Разговаривая с Лениным, я понял, что коммунизм, несмотря на Маркса, все-таки может быть огромной творческой силой. После всех тех утомительных фанатиков классовой борьбы, которые попадались мне среди коммунистов, схоластов, бесплодных, как камень, после того, как я насмотрелся на необоснованную самоуверенность многочисленных марксистских начетчиков, встреча с этим изумительным человеком, который откровенно признает колоссальные трудности и сложность построения коммунизма и безраздельно посвящает все свои силы его осуществлению, подействовала на меня живительным образом. Он, во всяком случае, видит мир будущего, преображенный и построенный заново.

Ему хотелось услышать от меня побольше о моих впечатлениях от России. Я сказал, что, по-моему, во многих вопросах коммунисты проводят свою линию слишком быстро и жестко, разрушая раньше, чем они сами готовы строить; особенно это ощущается в Петроградской коммуне. Коммунисты уничтожили торговлю раньше, чем они были готовы ввести нормированную выдачу продуктов; они ликвидировали кооперативную систему вместо того, чтобы использовать ее, и т. д. Эта тема привела нас к нашему основному разногласию — разногласию между эволюционным коллективистом и марксистом, к вопросу о том, нужна ли социальная революция со всеми ее крайностями, нужно ли полностью уничтожать одну экономическую систему до того, как может быть приведена в действие другая. Я верю в то, что в результате большой и упорной воспитательной работы теперешняя капиталистическая система может стать «цивилизованной» и превратиться во всемирную коллективистскую систему, в то время как мировоззрение Ленина

издавна неотделимо связано с положениями марксизма о неизбежности классовой войны, необходимости свержения капиталистического строя в качестве предварительного условия перестройки общества, о диктатуре пролетариата и т. д. Он вынужден был поэтому доказывать, что современный капитализм несправимо алчен, расточителен и глух к голосу рассудка, и пока его не уничтожат, он будет бессмысленно и бесцельно эксплуатировать все, созданное руками человека, что капитализм всегда будет сопротивляться использованию природных богатств ради общего блага и что он будет неизбежно порождать войны, так как борьба за наживу лежит в самой основе его.

Должен признаться, что в споре мне пришлось очень трудно. Ленин внезапно вынул новую книгу Кпоцца Монеи «Триумф национализации», с которой он, очевидно, был хорошо знаком.

— Вот видите, как только у вас появляется хорошая, действительная коллективистская организация, имеющая хоть какое-нибудь значение для общества, капиталисты сразу же уничтожают ее. Они уничтожили ваши государственные верфи, они не позволяют вам разумно эксплуатировать угольные шахты. Он постучал пальцем по книге.

— Здесь обо всем этом сказано.

И в ответ на мои слова, что войны порождаются националистическим империализмом, а не капиталистической формой организации общества, он внезапно спросил:

— А что вы скажете об этом новом республиканском империализме, идущем к нам из Америки?

Здесь в разговор вмешался г. Ротштейн, сказал что-то по-русски, чему Ленин не придал значения.

Невзирая на напоминания г. Ротштейна о необходимости большей дипломатической сдержанности, Ленин стал рассказывать мне о проекте, которым один американец¹ собирался поразить Москву. Проект предусматривал оказание экономической помощи России и признание большевистского правительства, заключение оборонительного союза против японской агрессии в Сибири, создание американской военно-морской базы на Дальнем Востоке и концессию сроком на пятьдесят-шестьдесят лет на разработку естественных богатств Камчатки

¹ Речь, видимо, идет о проекте Вандерлипа (см. В. И. Ленин, Соч., т. 31, стр. 415—419). — *Ред.*

и, возможно, других обширных районов Азии. Поможет это укрепить мир? А не явится ли это началом новой всемирной драки? Понравится ли такой проект английским империалистам?

Капитализм, утверждал Ленин, — это вечная конкуренция и борьба за наживу. Он прямая противоположность коллективным действиям. Капитализм не может перерасти в социальное единство или всемирное единство.

«Но какая-нибудь промышленная страна должна прийти на помощь России», — сказал я. Она не может сейчас начать восстановительную работу без такой помощи...

Во время нашего спора, касавшегося множества вопросов, мы не пришли к единому мнению. Мы тепло распрощались с Лениным.

*Герберт Уэллс Россия во мгле.
М., Госполитиздат, 1958,
стр. 71—76.*

ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ВЕЛИКИЙ ЧЕЛОВЕК

(ОТРЫВОК ИЗ КНИГИ «ОПЫТ АВТОБИОГРАФИИ»¹)

...Я ездил в Россию, о чем рассказал в своей книге «Россия во мгле», и имел там длительную беседу с Лениным, а также много слышал о нем.

До тех пор мне не приходилось встречать столь оригинального мыслителя, к тому же занимающего такое важное положение, какого нельзя было даже представить себе до войны. Казалось, что все ресурсы, какие еще сохранились в России, находятся в его руках. Его авторитет был огромным.

Основой его личного престижа были трезвость суждений и дальновидность, проявленные им в дни революционного переворота. К нему обращались тогда все: и с опасениями и с сомнениями. Силу его составляла ясность цели в сочетании с тонкостью мысли...

Как и все, он принадлежал своему времени и своей эпохе. Когда мы встретились с ним и беседовали, каждый из нас придерживался собственного предвзятого мнения. Мы говорили преимущественно о необходимости заменить мелкое крестьян-

¹ Эта книга вышла на английском языке в Нью-Йорке в 1934 году. — *Ред.*

ское хозяйство крупным сельским хозяйством — дело происходило за восемь лет до первого пятилетнего плана, — а также об электрификации России, которая в то время была лишь мечтой, зародившейся в его мозгу. Я скептически относился к идее электрификации, так как не имел представления о запасах водной энергии в России. «Проезжайте снова через десять лет», — говорил Ленин в ответ на мои сомнения.

Когда я разговаривал с Лениным, меня гораздо больше интересовала сама беседа, чем собеседники. Я забыл, большие мы люди или маленькие, старые или молодые. Я был только поражен небольшим ростом Ленина, а также его исключительной живостью и простотой. Но теперь, просматривая свою написанную четырнадцать лет назад книгу, восстанавливая в памяти события того времени и сравнивая Ленина с другими знаменитыми людьми, которых я знал, я начинаю понимать, какой выдающейся и значительной исторической фигурой он был. Я не сторонник теории об исключительной роли «великих людей» в жизни человечества, но уж если вообще говорить о великих представителях нашего рода, то я должен признать, что Ленин был по меньшей мере действительно великим человеком...

Когда я встретился с Лениным, он был уже болен. Ему приходилось часто прерывать свою работу. В начале 1922 года врачи вообще запретили Ленину работать, а летом того же года его частично разбил паралич, и в начале 1924 года Ленин умер. Следовательно, он полностью руководил страной меньше чем пять полных событиями лет. Тем не менее за это время он зажег в русском народе такой непоколебимый созидательный энтузиазм для решения всех вставших перед ним задач, что этот энтузиазм живет в нем и по сей день. Только благодаря Ленину и созданной им организованной коммунистической партии русская революция не выродилась в жестокую военную автократию и не закончилась полным социальным крахом. Руководимая им коммунистическая партия, не имея опыта, тем не менее сумела создать необходимые условия для успеха проводимого эксперимента, обеспечила достаточное количество дисциплинированных кадров для наскоро созданного, но преданного государственного аппарата, без которого революция в современном государстве обречена на полный провал.

Деятельный ум Ленина с удивительной быстротой переключился сразу после революции на осуществление социальных

преобразований. В 1920 году, когда я с ним виделся, он с юношеской энергией изучал возможности электрификации России. Идея пятилетнего плана, представлявшегося ему в виде ряда успешно осуществляемых по всей стране местных планов, Днепрогэс — все это уже занимало его мозг. Плодотворные идеи Ленина продолжают оказывать воздействие и после того, как перестал творить их создатель. И в настоящее время их воздействие, видимо, так же сильно, как и раньше.

Во время моего последнего визита в Москву в июле 1934 года я посетил Мавзолей Ленина и снова увидел небольшого человека. Он казался еще меньше, лицо выглядело восковым и бледным, а беспокойные руки лежали спокойно. Борода как будто стала совсем рыжей. Выражение лица было полно достоинства и простоты, немного патетично; на нем отражались искренность и смелость — высшие качества человека. Он уснул слишком рано, особенно для России.

Газета «Правда», 27 марта 1960 г.

КЛЭР ШЕРИДАН

НЕПРИКРАШЕННАЯ ПРАВДА¹

В сентябрьское утро 1920 года в 10 часов 30 минут паровоз выпустил пары на московском вокзале... Вскоре мы с фантастической быстротой под вой автомобильной сирены мчались по малолюдным улицам... И вот уже показался перед нами Кремль с его высокими прямоугольными башнями над воротами... Какое потрясающее зрелище! Наша машина сбавила ход, чтобы можно было показать часовому пропуск, и мы въехали на площадь, со всех сторон окруженную златоглавыми большими и маленькими зданиями своеобразной архитектуры...

Я мало знала и еще меньше понимала как в коммунизме, так и в условиях, вызвавших его к жизни (если не считать того, что я прочла в романах). Законы собственности и теория капитализма были для меня ничего не значащими словами. У меня не было ни собственности, ни капитала. Хотя мой отец и был экономистом, я абсолютно ничего не понимала в экономике. (Г. Уэллс сказал мне однажды: «Какая жалость, Клэр, что вы необразованны».) Но тем не менее подсознательно я была революционеркой. Я пришла к этому не путем логических рассуждений...

Я хотела остаться в России, чтобы принять участие в ее реконструкции. Россия отвечала моему чувству пацифизма... Даже если бы я не желала ничего другого, мне хотелось бы, чтобы мои дети получили здесь образование. Я была убеждена (как убеждена и до сих пор)... что новая Россия никогда не пойдет ни на какие военные агрессии. Красная Армия существует для обороны. В необходимости иметь армию для обороны страны новая Россия убедилась на опыте, но каждый красный русский солдат и все родные этого солдата знали и знают, что их никогда не пошлют поддерживать агрессивные действия за пределами родины.

¹ Фрагменты из книги «Неприкрашенная правда», вышедшей в Нью-Йорке в 1928 году. — *Ред.*

Мое сердце постоянно, с тех пор как родился Дик¹, полно ужаса и страха перед войной. Что, если в один прекрасный день его заберут, чтобы сделать из него пушечное мясо, или заклеят как труса? Что, если на его долю выпадет худшее, чем смерть? Слепота, отравление газом, уродство?.. Когда я слышу, как маршируют солдаты, я всегда думаю о Дике и об Уилфриде², об Уилфриде, который был так ужасно обманут и отдал свою жизнь в тщетной надежде, что это была последняя война, «война за то, чтобы положить конец войнам»...

Таковы были мои весьма неопределенные, несвязные мысли, день ото дня окрашивавшиеся в новые цвета и приобретающие новые очертания, чтобы в конце концов отлиться в более отчетливые формы...

На следующий день после отъезда Г. Уэллса³ комендант Кремля сказал мне, что завтра с одиннадцати часов утра до четырех я смогу работать в кабинете Ленина. Всю ночь я не сомкнула глаз.

Утром Бородин⁴ проводил меня в Кремль. Я была взволнована так, как никогда в жизни. По дороге он сказал мне:

«Помните одно: сейчас вам предстоит создать самое лучшее из всего, что было создано вами за всю жизнь».

Мы вошли в Кремль через боковые ворота, охраняемые часовыми. Мне было известно, что Ленин живет где-то в этой части здания, и я пыталась отгадать, за каким из этих окон, за какой дверью живет и работает великий человек. А этих окон и дверей было так много!

Поднявшись на третий этаж, мы миновали несколько дверей и коридоров и наконец оказались в двух смежных комнатах, где работали женщины-секретари. Михаил Бородин поручил меня девушке — личному секретарю Ленина. Затем он пожал мне руку и пожелал успеха в работе.

У меня было такое ощущение, как будто я вновь попадаю в школу. Меня охватил страх и глубокое волнение, потому что

¹ Сын Клар Шеридан. — *Ред.*

² Муж Шеридан, погибший в первую мировую войну. — *Ред.*

³ Герберт Уэллс приезжал в нашу страну в октябре 1920 года, где пробыл 15 дней и посетил Москву и Петроград. В Москве жил в том же доме на Софийской набережной, что и Шеридан. — *Ред.*

⁴ М. М. Бородин находился в то время на дипломатической работе — *Ред.*

это была самая ответственная работа из всех, за которые мне когда-либо приходилось браться.

Секретарь указала мне на дверь и предложила войти. Дверь не была заперта, она легко отворилась.

Ленин сидел в очень светлой комнате перед огромным письменным столом, заваленным какими-то книгами и бумагами. Когда я вошла, он взглянул на меня, улыбнулся и через всю комнату пошел мне навстречу. Его манера обращения быстро успокоила меня. Я попросила прощения за то, что вынуждена беспокоить его. Он рассмеялся и по-английски сказал мне, что еще до меня другой скульптор обосновался у него в кабинете и провел здесь несколько недель...

Пока три солдата втаскивали в кабинет подставку и глину, Ленин объяснил мне, что я могу работать здесь столько времени, сколько мне понадобится, при условии, что он будет сидеть за своим письменным столом и читать.

В комнате все дышало покоем, и Ленин углубился в книги... Даже когда я кружила около него, пытаюсь измерить расстояние от уха до носа, он, казалось, совсем не замечал моего присутствия. Он сразу же как бы совершенно выключился, сосредоточился на своей работе и был уже целиком поглощен ею.

Я работала до без четверти четыре. Еще никогда я не работала так долго без перерыва. В течение всего этого времени Ленин не ел, не пил и не выкурил ни одной папиросы. Входили секретари с письмами. Он распечатывал их, клал письмо перед собой, а на конверте делал пометку и возвращал его обратно. Его лицо несколько оживлялось, лишь когда раздавалось тихое жужжание телефона и над столом одновременно загоралась маленькая электрическая лампочка.

Мои попытки завязать с Лениным разговор не встретили одобрения, и, сознавая, что своим присутствием я и так докучаю ему, я не посмела настаивать. Сидя на подоконнике и отдыхая, я не переставала твердить себе, что все это происходит на самом деле, что я действительно нахожусь в кабинете Ленина и выполняю свою миссию... Я без конца повторяла про себя: «Ленин! Ленин!» — как будто никак не могла поверить, что окружающее меня — не сон.

Вот он сидит здесь, передо мной, спокойный, молчаливый, небольшого роста человек с огромным лбом. Ленин, гений величайшей революции в истории человечества, — если бы он только захотел поговорить со мной. Но... он ненавидел буржуа-

знию, а я была ее представительницей. Он ненавидел Уинстона Черчилля, а я была его племянницей... Он разрешил мне работать у себя в кабинете, и я должна была выполнять то, зачем пришла, а не отнимать у него попусту время; ему не о чем было говорить со мной. Когда я, собравшись с духом, спросила, какие новости из Англии, он протянул мне несколько номеров «Дейли геральд».

В четыре часа я оставила его кабинет, после шести часов работы без отдыха.

Обед я пропустила, а ужина нужно было ждать до девяти часов. Михаил Бородин пришел ко мне, и мы пили чай. Он спросил, как идут у меня дела, и посоветовал пораньше лечь в постель, чтобы завтра быть полной сил...

На следующий день Ленин принял меня так же дружелюбно, как и в первый раз... но по-прежнему часы проходили в молчании. И вдруг он оторвался от лежащей перед ним книги и взглянул на меня так, как будто видел в первый раз. Он посмотрел на свой скульптурный портрет, над которым я работала, инисходительно улыбнулся мне. Так улыбаются ребенку, строящему карточный домик. Затем Ленин спросил: «Как относится муж к вашей поездке в Россию?..»

«Мой муж убит на войне», — ответила я.

«На какой войне?»

«Во Франции».

«Ах да, конечно, — он понимающе кивнул. — Я все забываю, что у вас была только одна война. У нас ведь кроме империалистической была и гражданская война, и еще мы воевали, защищая страну от интервентов».

Ленин заговорил о бесплодном духе самопожертвования, которым были одержимы англичане, вступая в войну 1914 года, и посоветовал прочесть «Огонь» или «Ясность» Барбюса. Затем, изменив тему разговора, он спросил меня, систематически ли я работаю в Лондоне и по скольку часов в день.

«В среднем по семь часов».

Мой ответ, кажется, удовлетворил его...

Нашу беседу прервал приход президента Калининна, и Ленин повернулся к нему. Впервые за все это время его лицо оказалось обращенным к окну. Я увидела его в совершенно полном освещении. Ленин продолжал разговаривать с Калининным, и это мне было очень па руку. До этого его лицо было

в состоянии покоя — совсем не то, что я хотела запечатлеть. А разговаривая оживленно с Калининным, он высоко поднимал и хмурил брови. Казалось, что Ленин погрузился в глубокие размышления, выражение его лица было одновременно суровым и полным юмора. Он устремил на Калинина пронзительный взор, словно читал его мысли и знал наперед все, что Калинин может сказать ему, и даже больше...

Калинин — крестьянин, избранный крестьянами. У него доброе простое лицо сына земли. Крестьяне любят его. Доступ к нему совершенно свободен. Люди приходят сюда толпами со своими просьбами и жалобами, и он занимается делами каждого, не зная усталости. В любом слове и жесте Калинина ощущаешь любовь и уважение к Ленину.

Когда они кончили разговаривать, Калинин взглянул на бюст и сказал: «Хорошо». Потом он спросил у Ленина, что думает тот. Ленин засмеялся, сказал, что в этом ничего не понимает и потому судить не может, но убедился в том, что я работаю быстро.

Когда мы снова остались одни, я набралась храбрости и попросила его сесть на вращающийся стул. Он согласился, хотя, вероятно, это показалось ему забавным, и сказал, что никогда еще не сидел так высоко...

Я увидела, что Ленин стал со мной приветливее, и показала ему несколько фотографий своих работ. Хотя он и говорил, что ничего не смыслит в искусстве, однако весьма определенно охарактеризовал «буржуазное искусство», которое, как он сказал, всегда стремится к красоте. Он относится отрицательно к красоте как к абстрактному идеалу. Он заявил, что считает неоправданной красоту, которой я наделила свою «Победу»; «Милитаризм и война безобразны и могут вызвать только ненависть, — сказал он, — и даже самопожертвование и героизм не могут придать им красоты. Порок буржуазного искусства в том, что оно всегда приукрашивает». Затем Ленин взглянул на фотографию скульптуры «Головка Дика», и выражение нежности промелькнуло на его лице.

Я спросила: «Это тоже очень приукрашено?» Он покачал головой и улыбнулся. Затем торопливо вернулся к своему огромному письменному столу, как человек, потерявший слишком много времени, уселся в кресло, и мгновенно я и моя работа перестали для него существовать.

Ленинская способность сосредоточиваться впечатляла, пожалуй, больше всего. Такое же сильное впечатление производил и его огромный лоб...

Лицо его выражало скорее глубокую думу, чем властность. Мне он представлялся живым воплощением мыслителя (но не роденовского¹)...

Он выглядел очень больным... Пуля, пущенная рукой женщины, покушавшейся на жизнь Ленина, все еще оставалась в его теле².

Один раз я увидела его с рукой на перевязи. Он сказал, что это «ничего», хотя цвет его лица имел желтоватый оттенок — как слоновая кость. Он совершенно не гулял и довольствовался лишь тем небольшим количеством свежего воздуха, которое проникало в его кабинет через маленький вентилятор в верхней части окна. Изредка, кажется, Ленин все-таки уезжал на один день за город. Несколько раз проносился слух, что Ленин на охоте. Но это, очевидно, случалось весьма редко, поскольку об этом говорили как о чем-то особенном.

Когда бюст был готов настолько, насколько он мог считаться готовым в этих сложных условиях, Ленин тепло пожал мне руку, сказав, что я хорошо выполнила свою работу и что она должна понравиться его друзьям. Затем по моей просьбе он подписал свою фотографию.

*Журнал «Иностранная литература»
№ 4, 1961 г., стр. 179—183.*

¹ Роден, Огюст (1870—1917) — знаменитый французский скульптор. Среди его произведений имеется скульптура «Мыслитель». — *Ред.*

² Имеется в виду ранение В. И. Ленина эсеркой Ф. Каплан 30 августа 1918 года. — *Ред.*

МИРЗА МУХАММЕД ЯФТАЛИ

РОССИЯ ПОШЛА ПО ПУТИ ПРОГРЕССА

В то время, когда в Москве в 1921 году организовывалось афганское посольство, по всей Советской стране бушевало пламя революции и Московская область почти полностью находилась во вражеском окружении.

С одной стороны, польские войска подошли к городу Смоленску, с другой — генерал Деникин, Врангель, Махно, Петлюра и атаман Семенов вели боевые действия против Красной Армии, и страна находилась в тяжелом положении. Но в результате стойкости и благоразумных действий великого вождя Советского государства Ленина, несмотря на голод и холод, отсутствие необходимых средств и напряженность общего положения, борьба закончилась успешно. Жизнь страны вошла в нормальное русло. Россия пошла по пути прогресса.

Поскольку я имел письмо от афганского правительства на имя г-на Ленина, я был принят им в Кремле весной 1921 года. Встреча с г-ном Лениным оставила в моей памяти замечательные воспоминания. Я очень хорошо помню, что Ленин тогда высказался о необходимости улучшения положения народов Востока. Он говорил, что нужно оказывать помощь и поддержку угнетенным народам Востока. Высказывания г-на Ленина ясно свидетельствовали о его желании, чтобы народы Востока освободились от колониального ига и обрели свою независимость. Часть нашей беседы касалась вопросов укрепления недавно установившихся отношений между Афганистаном и Советским Союзом.

Словом, мысли г-на Ленина в отношении народов Востока были благородными. Несмотря на долгие годы, прошедшие с этого времени, яркие впечатления от встречи с г-ном Лениным живы в моей памяти.

ВИЛЬГЕЛЬМ КЕНЕН

МОИ ВСТРЕЧИ С ЛЕНИНЫМ¹

В ГОСТЯХ У ЛЕНИНА

Н и до нашего отъезда из Германии, ни во время путешествия по бурному Балтийскому морю мы не представляли себе, что ожидает нас в Петрограде. Мы не знали, что, когда мы приближались к берегу, часть делегатов проходившего в марте 1921 года в Москве X съезда РКП(б) стала во главе лучших и доблестнейших сынов русского рабочего класса, которые двинулись ускоренным маршем на север, где прижатые к стене остатки контрреволюционеров снова готовили наступление на молодую республику из морской крепости близ Петрограда. Мы не знали, что, когда мы спускались на берег, поглощенные мыслями о судьбе нашей родины и партии, рабочие, крестьяне и матросы первого в мире социалистического государства готовились к решающему удару против контрреволюционеров и их империалистических покровителей. Когда мы ехали в поезде из Ревеля в Петроград, мост через Нарву, почти полностью разрушенный, напомнил о тяжелых боях и событиях тех дней.

Мы приехали в Петроград, не зная ничего о последнем контрреволюционном восстании. Наша делегация была первой, которую ЦК Компартии Германии послал в Москву в Исполком Коминтерна в марте 1921 года после объединительного съезда. Нам довелось присутствовать в торжественный момент, когда члены ЦК РКП(б) принимали в отеле «Астория» рапорт командиров о взятии красными частями мятежного Кронштадта. Двести лет считалась эта крепость неприступной. Рабочие, крестьяне и матросы, среди которых были делегаты X съезда партии, взяли ее штурмом. Эта операция потребовала многих жертв и незаурядной храбрости. Атакующие прошли по тающему льду залива и завершили победу революции. Че-

¹ Фрагменты из книги. — *Ред.*

рез несколько дней после этого вооруженного выступления против контрреволюции мы получили приглашение посетить Ленина в его рабочем кабинете в Кремле.

Мы направились туда с чувством напряженного ожидания, подобного которому не испытывали никогда прежде. А когда вошли в кабинет, нас дружески приветствовал выдающийся организатор, теоретик, практик и вождь величайшей в истории человечества революции Ленин, оказавшийся таким простым, таким открытым человеком.

Взволнованные этой встречей, мы выразили Ленину наше восхищение освободителями Кронштадта и соболезнование в связи с жертвами. Он разъяснил нам закулисную историю этих событий. После трехлетней борьбы был положен конец интервенции иностранных государств и от польской границы до Владивостока разбиты белогвардейские армии генералов. И все же меньшевикам и эсерам удалось предательски захватить морскую крепость Кронштадт. Предатели договорились с крупной буржуазией и выдвинули для обмана масс демагогические лозунги вроде «За Советы, но без коммунистов». Поэтому белогвардейцы и силы международного финансового капитала поддержали мятежный Кронштадт. Учитывая концентрацию в Кронштадте сил внешней и внутренней контрреволюции, необходимо было немедленно освободить эту морскую крепость и очистить ее от контрреволюционной заразы, чтобы сорвать подготовленное выступление войск западных интервентов.

Ленин говорил о чрезвычайно тяжелом положении крестьянства, об эпидемиях и неурожаях, о том, что голод на Волге угрожает миллионам людей, — и все это после семи трудных военных лет. Он говорил о том, что только сейчас, после военного подавления упорно сопротивлявшейся контрреволюции, помещиков и банкиров, можно приступать к восстановлению хозяйства. До сего времени был необходим «военный коммунизм», своеобразие которого состояло в том, что он брал у крестьян все излишки и даже иногда не излишки, а часть необходимого крестьянину продовольствия, чтобы покрыть расходы на армию и на снабжение рабочих. Только теперь можно было осуществить поворот к тому, чтобы привести в движение хозяйственную жизнь, особенно в деревне. Для этого нужно было сконцентрировать все средства и проявить максимум инициативы,

Только что был введен продовольственный налог в стране, и Ленин рассказал о своей новой работе «О продовольственном налоге»¹. По этому налогу крестьяне должны были сдавать определенное количество зерна в соответствии с размером и качеством имевшейся у них земли. Но другую (это нас тогда очень удивляло) — часто даже большую часть они могли свободно продавать или же обменивать на промышленные товары.

Это было началом перехода к новой экономической политике, с помощью которой Советский Союз в течение последующих лет достиг довоенного уровня производства. Как известно, лишь после этого начали проводиться в жизнь пятилетние планы социалистического строительства. Совершенно ясно, что Ленин уже в 1921 году указал путь к планомерному и практическому построению социализма. Он показал, что новая экономическая политика создает для этого все предпосылки. Он с воодушевлением говорил об электрификации страны, которую Советское государство должно было немедленно начать.

Ленин был в те напряженные мартовские дни чрезвычайно перегружен работой, о чем он нам откровенно сказал. Несмотря на это, он с большим вниманием выслушал наши сообщения о разногласиях в Коммунистической партии Германии. Я и Брасс придерживались различных мнений, и нам хотелось именно у Ленина выяснить наши сомнения. Через три месяца после создания Объединенной Коммунистической партии Германии произошел глубокий раскол в ее Центральном Комитете. Из ЦК в феврале 1921 года вышли Пауль Левпи, Клара Цеткин, Эрнст Деймиг, Адольф Гофман, Отто Брасс и Курт Гайер. Они представляли меньшинство по так называемому итальянскому вопросу.

Для того чтобы Итальянская социалистическая партия, возглавляемая Серрати² и Лаццари³, стала последовательной ле-

¹ См. В. И. Ленин, Соч., т. 32, стр. 299—343. — *Ред.*

² *Серрати, Джачинто Менотти* (1872—1926) — видный деятель итальянского социалистического движения. В 1921 году на съезде социалистической партии в Ливорно отказался порвать с реформистским крылом. Эту позицию Серрати Ленин подверг резкой критике. Через некоторое время Серрати признал свои ошибки. В 1924 году он с группой «третьей интернационалистов» вступил в Компартию Италии и активно работал в ее рядах до конца своей жизни. — *Ред.*

³ См. стр. 145 настоящего сборника. — *Ред.*

нинской партией нового типа, из нее нужно было исключить группу правых во главе с Модильяни. Это сделало бы ее массовой революционной партией, обладающей большой ударной силой. Серрати одобрил такое решение, но практически его не выполнил. Большинство Коммунистической партии Германии резко выступило против политики Серрати, а Пауль Леви придерживался неопределенной позиции.

Я последовательно и решительно выступил против линии Серрати — Леви и был поэтому послан в Москву представлять эту точку зрения. Отто Брасс представлял другую тактику. Ленин внимательно выслушал нас, задал нам несколько интересовавших его вопросов, но окончательного мнения о расколе в Центральном Комитете Коммунистической партии Германии не высказал. Однако он не оставил никакого сомнения в том, что необходимо по-деловому выступать против политики Серрати.

Ленин начал нас расспрашивать обо всем, что имело какое-либо значение для рабочего движения и культурной жизни Германии. Особенно его интересовали наши общие знакомые, выдающиеся личности, новые течения, но прежде всего положение в стране.

Во время нашей беседы с Лениным была сделана попытка дать трезвый анализ обстановки, выяснить соотношение сил и определить уровень сознания масс. Ленин своими вопросами хотел выяснить в первую очередь, что думают массы, какой степени зрелости и организованности они достигли, как реагируют на события, каким вождям они доверяют и каким не доверяют, какие силы растут в Германии для нового революционного подъема. Во время этого разговора Ленин не делал никаких выводов. Он хотел выслушать нас и все обдумать. Нам предстояло участвовать в больших международных заседаниях, которые должны были внести ясность в понимание многих вопросов. Позже я вновь встречался с Лениным, правда уже при нескольких иных обстоятельствах, и беседовал с ним.

ВСТРЕЧИ В ПРЕЗИДИУМЕ

Мне довелось встретиться с Лениным еще раз в нескольких иных обстоятельствах и снова говорить с ним.

Вместе с русскими, французскими, итальянскими и болгарскими представителями соответствующих партий я был избран

от Объединенной КПГ в президиум III конгресса Коминтерна, руководивший работой конгресса. Кроме того, был избран почетный президиум во главе с Лениным.

В дни жарких дебатов по поводу ошибок в период мартовских событий 1921 года в Германии подошла моя очередь председательствовать. Русская делегация снова хотела высказаться по поводу специальных заявлений нескольких делегаций, которые не признавали своих ошибок. В этот день, 1 июля 1921 года, на конгрессе царила напряженная атмосфера. Никем не замеченный, через боковую дверь, в президиум прошел Ленин, который хотел записаться для выступления. Он присел, стараясь не привлекать к себе внимания, на верхнюю ступеньку около президиума, где его в какой-то мере укрывали от взоров кулисы. Оттуда он мог видеть ораторов и лучше их слышать. Появившийся позже снимок, изображающий Ленина на ступеньках лестницы с записной книжкой, очень реалистичен.

Ленин получил слово после товарища Террачини, который выступал с обоснованием заявления своей делегации. Ленин отверг пункт за пунктом поправки к тезисам русской делегации по вопросам тактики, содержащиеся в выступлениях, и резко отменил «левые глупости». Ленин говорил по-немецки, так как немецкий язык раньше был общепринятым в международном рабочем движении на конгрессах. Ленин закончил свои классические выступления по вопросам тактики следующими программными положениями: «Если же во время самой борьбы на нашей стороне окажется большинство трудящихся, — не только большинство рабочих, но большинство всех эксплуатируемых и угнетенных, — тогда мы, действительно, победим»¹. Продолжительные аплодисменты, горячие овации последовали за этими словами, и гнетущее ощущение напряженности покинуло конгресс. Правые теоретики и ультралевые демагоги, которые пытались ввести конгресс в заблуждение, были окончательно побеждены этой широкой поддержкой ленинских тезисов подавляющим большинством конгресса.

Затем, когда Ленин сделал свой большой доклад о тактике Российской коммунистической партии (большевиков)² и многодневная оживленная дискуссия закончилась, мне выпала

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 32, стр. 453. — *Ред.*

² Там же, стр. 454—472.



В. И. Ленин беседует с английским писателем
Гербертом Уэллсом,
1920 год

честь зачитать от имени президиума следующую резолюцию, в которой содержалось одобрение ленинских положений и вместе с ними политики Российской коммунистической партии (большевиков).

«III конгресс Коминтерна, выслушав отчет тов. Ленина о тактике РКП и познакомившись с приложенными к нему тезисами, заявляет:

III конгресс Коминтерна взирает с восхищением на почти 4-летнюю борьбу русского пролетариата за овладение и удержание политической власти. Конгресс единодушно одобряет политику РКП, которая с самого начала, при всяком положении, правильно усматривала грозящие опасности и всегда находила средства предотвращать их, оставаясь верной принципам революционного марксизма. И теперь, по окончании открытой гражданской войны, РКП своей политикой по отношению к крестьянам и в вопросе о концессиях и о восстановлении промышленности сосредоточивает все силы пролетариата, чтобы удержать его диктатуру в России до того момента, пока западноевропейские рабочие не придут на помощь своим братьям.

Выражая свое убеждение, что только благодаря этой последовательной и сознательной политике РКП Советская Россия остается первой и важнейшей твердыней мировой революции, конгресс одновременно осуждает предательское поведение меньшевистских партий, которые во всех странах ведут кампанию против Советской России и политики РКП, укрепляя этим капиталистическую реакцию против России и пытаясь отсрочить всемирную социальную революцию.

Конгресс призывает пролетариат всех стран стать на сторону русских рабочих и крестьян и осуществить октябрьские дни во всем мире.

Да здравствует борьба за диктатуру пролетариата!

Да здравствует социальная революция!»¹

Продолжительными овациями, рукоплесканиями и возгласами «ура» делегаты конгресса благодарили Ленина за его всемирно-историческую работу во главе советского народа. Но чем восторженнее его приветствовали, тем больше Ленин старался отойти на задний план, подталкивая вперед других членов

¹ «III Всемирный конгресс Коммунистического Интернационала. Стенографический отчет», стр. 382—383. — *Ред.*

президиума. Чувствовалось, что такое чествование его явно тяготило.

Постоянная и тесная связь Ленина с широкими рабочими массами стала для меня особенно очевидной, когда я по поручению президиума посетил рабочих бывшего завода Михельсона, где на Ленина было совершено покушение. На этом предприятии Ленин выступал 30 августа 1918 года перед рабочими, которые являлись застрельщиками хозяйственного восстановления. После окончания собрания вражеские пули настигли его, когда он выходил со двора завода. Тяжело раненный в плечо, Ленин был вынужден на время отказаться от публичной руководящей работы. Но не прошло и трех недель, как Ленин снова председательствовал на заседании Совета Народных Комиссаров. Однако, как ни старался он со свойственной ему энергией держать себя в руках, покушение и его последствия все же отрицательно сказались на состоянии его здоровья, уже значительно подорванного. Об этом взволнованно говорили со мной рабочие завода Михельсона, после того как я сделал им доклад о значении III конгресса Коминтерна.

ПРОЩАНИЕ С ЛЕНИНЫМ

В конце 1923 года я снова был в Москве на одном международном совещании, где мы узнали, что В. И. Ленин тяжело болен и лежит у себя в Горках. В январе 1924 года мы закончили нашу работу и ожидали отъезда в Германию — страну, где компартия тогда была запрещена, где революционный авангард пролетариата был вынужден работать на полулегальном положении. Мы были убеждены в том, что нашей партии удастся привести рабочий класс Германии к новому подъему после тяжелого поражения. В самый разгар наших приготовлений к отъезду, 21 января 1924 года, мы услышали потрясшее нас известие: умер Владимир Ильич Ленин.

Мы все застыли в немом оцепенении. Долго, очень долго мы не могли произнести ни слова. В этот день ни у кого не нашлось достаточно сил, чтобы словами выразить скорбь, охватившую нас, людей, понимавших, кого мы потеряли. Уже в течение нескольких месяцев было известно, что тяжелое заболевание оставляет мало надежды на полное выздоровление Ленина, и все же мучительно трудно было примириться с известием о его смерти. Мы были обеспокоены тем, как будут нами

решаться дальше политические проблемы Германии без советов Ленина.

В жестокую стужу, четыре дня и четыре ночи шли сотни тысяч мужчин и женщин Советской России, чтобы навсегда проститься со своим родным Ильичем. Никогда не было более потрясающей картины безмолвного, безутешного горя многих тысяч людей.

Мы стояли у гроба того, кто в тяжелые и критические минуты, во время самого решительного поворота в истории человечества, сказал свое решающее слово, кто совершил всемирно-исторический революционный подвиг в освободительной борьбе человечества, кто был живым воплощением идей марксизма.

В. И. Ленин был человеком, который открыто и сознательно сделал величайший исторический шаг, решающий шаг к действительному освобождению человечества. Когда будет положен конец системе эксплуатации человека человеком, только тогда начнется настоящая история человечества. И Ленин предпринял революционные шаги к тому, чтобы уничтожить помещичью и капиталистическую эксплуатацию в своей родной стране, занимающей шестую часть земного шара. Суть его победного революционного подвига состояла в уничтожении эксплуатации человека человеком. Ленин первый переступил границу между предысторией человечества, в которой мы страдали и боролись, и эрой освобождения человечества, эрой становления подлинного Человека, эрой настоящей истории человечества, которая началась только теперь, после победы социализма.

Гений Ленина продолжает жить! Он не оставил нас одних, когда ушел от нас. Нам остались в качестве источника силы и знаний его труды, которые все больше множат его бессмертную славу. Он оставил нам стойкую, закаленную в боях ленинскую партию большевиков — передовой отряд в борьбе за освобождение все еще угнетаемой и поработенной части человечества, в борьбе за построение коммунизма.

Владимир Ильич Ленин был гением, положившим начало движению человечества по пути социализма и предопределившим дальнейший победоносный ход этого движения.

*Вильгельм Кёнен Мои встречи с Лениным
М., Госполитиздат, 1960, стр. 19—23, 48—51,
52—54.*

КАРЛ КРЕЙБИХ

ВОСПОМИНАНИЯ О ЛЕНИНЕ

Напряженное и приподнятое настроение царило в рядах делегатов, съехавшихся в конце мая и начале июня 1921 года из всех стран мира в Москву на III Всемирный конгресс Коммунистического Интернационала. Атмосфера была как бы заряжена электричеством.

Делегаты Коммунистической партии Чехословакии, приехавшие в Москву, раскололись на два враждебных лагеря. Уже в понимании мирового положения и перспектив его дальнейшего развития были разногласия, но главным предметом борьбы должны были явиться тезисы о тактике¹.

...Оппозиционная группа, к которой принадлежал и я, внесла к тезисам несколько поправок, которые должны были, по моему мнению, изменить не столько их конкретное содержание, сколько тон. Эти поправки защищались, правда, не совсем удачно, итальянским товарищем Террачини. После него говорил Ленин². Сжато, метко, остро и безжалостно — как он говорил всегда. Без лишнего шума, так как он не был оратором громкого, звучного пафоса, а спокойно и уверенно, со своей обычной холодной улыбкой уничтожил все наши поправки одну за другой. Он категорически возражал против внесения каких бы то ни было изменений в тезисы. При этом нам вторично, и весьма изрядно, досталось от Ленина! Такова уж, по-видимому, была моя судьба, что мне пришлось познакомиться с великим вождем всемирной пролетарской революции, прежде всего, как с оппонентом и полемическим противником.

...Но скоро в дни разочарования ворвался луч света. Наступил день пленарного заседания, на котором должны были

¹ См. В. И. Ленин, Соч., т. 32, стр. 429—437. — *Ред.*

² Там же, стр. 444—453. — *Ред.*

огласить доклад о тактике РКП(б). Уже по чисто объективным соображениям, этого доклада ожидали с большим нетерпением, так как это было как раз время введения натурального налога и начала новой экономической политики. Докладчиком был Ленин, главный творец и инициатор этой политики. Если на предшествующие заседания Ленин являлся незаметно и не привлекая к себе внимания, как и все другие делегаты, то в этот день его ожидали с особенным нетерпением. Всеобщее внимание сосредоточилось на самой личности Ленина.

Все делегаты уже собрались в роскошном, величественном и пышном зале Кремля; нет только Ленина. Впрочем, он не заставляет нас долго ждать. Как и все делегаты, он предъявляет красноармейцу у входа в зал свой пропуск. Часовые вообще ни одним движением не реагируют на то, что мимо них проходит глава государства. Без всякой рисовки Ленин быстро входит в зал. На первый взгляд в нем нет ничего, что привлекало бы к себе внимание.

...Вместе с ним входит пожилая, скромного вида женщина, одетая так, как у нас одеваются скромные работницы или скорее крестьянки в праздничный день... Я спрашиваю одного товарища, кто эта женщина. Это Крупская, жена Ленина, спутница его жизни. Со времени его ссылки в Сибирь, еще до первой русской революции, она всегда с ним. Ныне она стоит во главе огромного аппарата народных школ и народного просвещения Советской России¹.

Под оглушительные аплодисменты и возгласы всего зала Ленин поднялся на ораторскую трибуну. Столь бурные приветствия и овации на больших собраниях всегда вызывают некоторое чувство неловкости и смущения у тех, кто является их виновником: они не знают, куда смотреть, и начинают опасаться, как бы не разочаровать своей речью аудиторию. Для Ленина же ничего этого как будто не существует. Спокойно, дельно, без всякого пафоса и искусственного подъема, без красивых фраз и так называемой «импровизации» он произносит свою речь. Его лицо, вся его фигура, его жесты, его холодный, пронизывающий насквозь взгляд — все это отнюдь нельзя назвать обычным, в особенности, когда он проницательно улыбается.

¹ Н. К. Крупская (1869—1939) после Октябрьской революции была членом коллегии Наркомпроса, а с 1929 года — заместителем наркома просвещения РСФСР. — *Ред.*

Когда люди, одаренные богатой фантазией, говорят о почти монгольском типе лица Ленина, то в этом есть доля правды. Внешность Ленина совершенно не подходит для мира «добропорядочной» демократии и благовоспитанного «рабочего движения», в котором мы выросли, для мира пиящих бород и солидных усов, добродушных голубых или мрачных черных глаз наших вождей. Мы тщетно воскрешаем в памяти образы Виктора Адлера, Бебеля, Жореса и других представителей II Интернационала — все наши попытки подыскать аналогию не приводят ни к чему. Ленин — это другой мир, совершенно так же, как и вся Советская Россия и Коммунистический Интернационал вообще.

Едва ли был когда-либо оратор, который без всякой помощи риторических приемов и средств умел достигать таких колоссальных результатов, как Ленин. В его словах всегда было только дело, ничего другого, кроме дела. Достаточно прочесть его доклад на III Всемирном конгрессе, в особенности начало этого доклада и его удивительно простой, лишенный всякой риторики конец¹. Это начало приковало внимание присутствовавших, и в зале воцарилась глубокая тишина, а лишенное риторических прикрас заключение вызвало бурные овации конгресса, с затаенным дыханием выслушавшего всю речь от начала до конца.

На следующий день после этого доклада начались совещания комиссии, которая должна была окончательно редактировать тезисы о тактике. Тут нам опять пришлось выдержать тяжелый бой. И в этой борьбе за истину, за отыскание верного пути я впервые научился правильно ценить и уважать Ленина. С точки зрения тех порядков, которые существовали во II Интернационале, в международной социал-демократии, мое выступление было неслыханной дерзостью. Легко представить себе, что было бы, если бы на подобном совещании II Интернационала против Виктора Адлера или Бебеля выступил человек, который всего лишь каких-нибудь три месяца тому назад вошел в Интернационал, а теперь с такой бесцеремонностью вступает в полемику, как это позволил себе я, спустя три месяца после нашего вступления и лишь две недели после нашего принятия в III Интернационал! И так как в это время мне не было еще даже 40 лет, то очень легко можно было бы

¹ См. В. И. Ленин, Соч., т. 32, стр. 454 и 472. — *Ред.*

применить ко мне ходячее выражение о «молодом человеке», который, «едва пробравшись в общество», позволяет себе все, что угодно. Однако мое выступление ничего подобного не вызвало. Ни одного слова, ни одного самого легкого намека на подобные аргументы. Резко, едко, метко, безжалостно разбивал Ленин все наши аргументы, но ни малейшего следа личной полемики не было внесено им в спор. Ни малейшего следа той отвратительной, оскорбительной отеческой снисходительности, которая столь обычна у многих старых партийных бонз по отношению к более молодым деятелям. При этом Ленин был по отношению к нам, младшему и менее опытному поколению, гораздо более приветлив и обходителен, чем к своим старшим товарищам и соратникам. В полемике Ленина, которая за зеленым столом, в тесном кругу комиссии носила столь интимный и искренний характер, что в ней как бы открывалась вся душа этого великого человека, — в этой полемике сочетался тонкий, исключаящий всякую возможную бестактность со стороны противника такт благородной великой души с тщательным и серьезным анализом каждого аргумента оппонента. В Ленине можно было даже подметить некоторую тайную радость, когда он видел, что тот или другой выступает против него без смущения и страха, если только он чувствовал, что у противника есть налицо честное желание служить общему делу и что за аргументацией скрывается твердое убеждение. Если же он чувствовал неискренность, безыдейность, тщеславие и т. п., словом, что-нибудь недостойное революционера, то он умел метать молнии, холодные, но тем более разящие, и гнев его в эти минуты был страшен. Тогда невольно вспоминалась его уничтожающая, безжалостная, откровенная и не отступающая перед самыми резкими словами экзекуция, которую он совершил над врагами революции — Каутским и К°. Враг пролетарской революции, человек по ту сторону баррикады был для Ленина вне закона: по отношению к нему возможна была только борьба до конца.

...Само собою разумеется, что мы потерпели решительное поражение. Весь ход работ III Всемирного конгресса является доказательством этого. Однако, когда мы вышли из комиссии по тактике «побежденные и разбитые» — правда, побежденные и разбитые *Лениным!* — тогда вся горечь, все разочарование уже успели испариться, по крайней мере из моей души. Ленин не только разбил нас в формальном смысле этого слова, т. е.

в том смысле, что большинство комиссии стало на его сторону. Нет, он переубедил и нас самих. Правда, мы не отказались от своих сомнений и голосовали в комиссии «против Ленина» (один делегат, голосовавший за внесенную Лениным резолюцию, заявил, под общий смех, в котором участвовал и сам «Старик», что он голосует «за Ленина», после чего я, при новом взрыве смеха, подал голос «против Ленина»), но мы уже знали, что найден путь, который приведет к концу все наши сомнения.

В комиссии по тактике обсуждался также и чехословацкий вопрос. Так как товарищ Шмераль к тому времени прибыл в Москву, мы оба могли выступить перед Лениным для защиты наших точек зрения, которые в то время значительно отличались одна от другой. Со свойственной ему проникательностью Ленин тотчас же заметил все существенное из нашей полемики. На меня он напал в особенности за то, что я ставил в вину Шмералю чрезмерное подчеркивание необходимости осторожной тактики. То обстоятельство, что Шмераль говорил о необходимости осторожности, по мнению Ленина, ни в коем случае нельзя было ставить ему в минус, и этот упрек доказал лишь неправильный подход с моей стороны. И, ссылаясь на пример тактики большевиков в промежутке между Февральской и Октябрьской революциями 1917 года, Ленин доказал нам необходимость осторожной тактики.

На этом заседании Ленин сделал также свое известное замечание, что Шмераль должен сделать три неполных шага налево, а Крейбих не менее одного шага направо¹. Таким образом, мы можем сказать, что Ленин является одним из основателей объединенной Коммунистической партии Чехословакии. Ее создание, т. е. объединение чехословацкой и немецкой секций, произошло в эти дни в Москве, и Ленину принадлежит значительная заслуга в этом. Если не считать русской партии, то мы являемся единственной секцией Коминтерна, которая может справедливо гордиться тем, что его великий основатель, вождь пролетарской мировой революции непосредственно стоял у ее колыбели. Не забудем же этого никогда!

Приветливость Ленина в частных беседах была тем большей, чем в большей безопасности чувствовал он себя от лести и занскивания. Когда я был лично представлен ему во время

¹ См. Ленинский сборник XXXVI, стр. 285. — *Ред.*

переговоров, я убедился, что он очень хорошо осведомлен о положении дел в нашей партии. Его чрезвычайно интересовал отход чешских рабочих масс от социал-демократии и переход их на сторону III Интернационала. С дебатами на учредительном съезде чешской секции коммунистической партии, состоявшемся в 1921 году в Праге, он уже был знаком по отчету рейхенбергского «Форвертса»¹.

...Вообще при личном соприкосновении с Лениным, при разговоре и совещаниях с ним в тесном кругу наиболее поразило меня то, что этот человек, выполнявший величайшую работу, какую когда-либо пришлось вынести на своих плечах смертному, который имел за собою в своей прошлой жизни десятилетия борьбы, труда, нужды, тюрьмы и ссылки, а в последнее время многие годы колоссального труда, который в течение трех лет носил в своем теле отравленную пулю социал-революционных убийц, нанятых буржуазией, что этот человек не обнаруживал ни малейшего следа нервности, той нервной торопливости, которая у некоторых замечается почти в неприличных размерах. Он появлялся на конгрессе и в комиссии лишь тогда, когда он это считал безусловно необходимым. Он быстро приходил и вновь также быстро исчезал. Но пока он находился среди нас, его не покидало олимпийское спокойствие, приветливость и выдержка, как будто бы на этом свете за всю жизнь ему не приходилось делать ничего другого, как разговаривать и полемизировать с нами. Ни одним движением он не давал знать, что у него есть еще другая работа.

...На одном заседании комиссии по тактике Ленин с особенной резкостью выступил против левых и, в частности, сурово критиковал нескольких венгерских товарищей. После этого Бела Кун отправил Ленину письмо, в котором крайне резко возражал против его нападок. На следующий день на имя председателя комиссии пришло извинительное письмо Ленина с просьбой огласить его в комиссии. Я снял копию с этого письма, которое представляет собою ценный документ, характеризующий личность Ленина. В этом письме Ленин, между прочим, пишет (я перевожу с французского):

«Когда я был в эмиграции, мне не раз приходилось занимать крайнюю «левую» позицию. В августе 1917 года, находясь

¹ См. Ленинский сборник XXXVI, стр. 274 и 311. — *Ред.*

опять в эмиграции, я представил ЦК нашей партии чересчур «левый» план, который, к счастью, был отвергнут.

Совершенно естественно, что эмигранты часто идут «слишком далеко налево». У меня никогда не было, нет и сейчас намерения ставить это в упрек столь выдающимся, преданным, верным и заслуженным революционерам, какими являются столь уважаемые всеми нами, всем Коммунистическим Интернационалом, венгерские эмигранты».

Все великое, благородное революционное сердце Ленина сквозит в этих строках. Чтобы оградить от неправильного толкования своих слов и от личной обиды тех товарищей, на которых в интересах дела он должен был резко нападать, он подходил к ним, как их бывший товарищ по эмиграции, с простыми словами: со мной некогда было то же, что и с вами.

Во втором эпизоде тоже проявился весь Ленин. Это было за день до закрытия конгресса¹. Ленин боялся, что некоторые товарищи, вследствие своих «левых» заблуждений, могут покинуть конгресс в раздраженном состоянии духа. Быть может, он опасался также чрезмерно «правого» толкования постановлений конгресса и намеченной им новой тактической линии. Неожиданно целый ряд делегатов, и притом как раз те, которые особенно решительно выступали в защиту «левой» или «правой» линии, получили приглашение на особое интимное совещание совместно с Лениным. На этом совещании Ленин изложил свою точку зрения на постановления конгресса. Эти постановления, говорил Ленин, нельзя истолковывать так, как это делают в пылу раздражения некоторые «левые» товарищи. Мы отнюдь не намерены отказаться от наступления. Осторожность и тактика, которой мы придерживаемся, имеют лишь целью основательно подготовиться к моменту, когда мы снова сможем перейти в наступление. «Мы должны отступить, чтобы впоследствии иметь возможность сделать больший прыжок вперед», — эта фраза записана в моей стенограмме. Необходимо подготовиться к наступлению. Насчет ошибок слева и справа Ленин сделал тогда следующее характерное замечание:

Левые ошибки легко исправить. Но если в решающий момент обнаруживается недостаток мужества, то это уже не ошибка, а предательство. Сравнивать то и другое совершенно невозможно. Это был ответ на замечание одного товарища, ко-

¹ См. Ленинский сборник XXXVI, стр. 278—284. — *Ред.*

торый, стремясь внести примирительную ноту, говорил об «ошибках с той и другой стороны». Ленин не терпел никакой неясности и не допускал сопоставления вещей, которые, по его мнению, были существенно различны.

После этого завязались непродолжительные интересные прения, во время которых Ленин выступал еще два раза. В радостном настроении распрощались с ним мы, «левые», по окончании совещания. Последние наши сомнения и заботы исчезли, мы знали теперь, куда мы идем. И со словами великого вождя в сердцах, мы с улыбкой пропускали мимо ушей болтовню противников о «крупном тактическом повороте» Коммунистического Интернационала. Правда, мы тогда еще не подозревали, что в предстоящем наступлении на капитализм наш вождь участвовать уже не будет...

Вот при каких обстоятельствах я познакомился с Лениным. Это произошло не так, как я мечтал: не в атмосфере чистого энтузиазма, когда, как зачарованный, слушаешь слова оратора. Путь к Ленину, так же как и путь к Коммунистическому Интернационалу, я не сумел проложить себе сразу, я лишь медленно и постепенно подошел к нему. Это стоило мне вначале многих терзаний, многих бессонных ночей, внутренней борьбы и разногласий с друзьями. Но когда мне удалось наконец понять Ленина, несмотря на все недоразумения и препятствия, вызывавшиеся различием настроения и тактической позиции, понять его во всей глубине, во всем его исполинском величии, тогда я был рад, что я именно этим путем пришел к Ленину. Не только потому, что благодаря этому он мне стал особенно дорог, но эти во всех отношениях жаркие летние дни 1921 года стали для меня особенно незабвенными еще и потому, что в эти дни я научился большему, чем мог бы научиться в течение многих лет.

Лишь один раз после этого мне пришлось видеть и слышать Ленина. Это было 27 марта 1922 года при открытии XI съезда РКП(б) в Свердловском зале в Кремле.

1924 г.

*П. Лисовский. Иностранная печать
о Ленине. Л., Госиздат, 1924,
стр. 77—78.*

ТОМАС БЕЛЛ

МОИ ВСТРЕЧИ С ЛЕНИНЫМ

В период революционных боев за власть и послеоктябрьских дней 1917 года сообщение между Советской Россией и внешним капиталистическим миром было почти совершенно прервано. В начале 1921 года связь все еще была очень слаба. Как раз в это время я получил предписание отправиться в Москву, в Исполком Коминтерна, в качестве первого официального представителя компартии Великобритании.

В то время для английского рабочего получить паспорт на выезд за границу было чрезвычайно трудным делом. Но, раздобыв наконец после длительной волокиты паспорт, я наткнулся на другое серьезное препятствие: как получить визу для проезда через другие капиталистические страны? Трудности, которыми обставлялось получение виз, убедили меня в том, что между консульствами, видимо, существует сговор или соглашение относительно известных ограничений в выдаче виз для едущих в Страну Советов. В результате я решил попытаться проехать без бумаг и без всякого багажа. Так я и сделал и добрался в Москву в марте 1921 года, после путешествия, длившегося несколько недель.

Аппарат Коминтерна в то время занимал небольшой дом в Денежном переулке на Арбате. Аппарат этот был очень невелик. В перерывах между заседаниями делегаты занимались изучением революционных событий, интернациональной пропагандой и, разумеется, посещением всяких партийных и советских собраний и заседаний.

На одном из таких партийных собраний я впервые увидел и услышал Ленина. Мне кажется, что это было собрание партактива после X съезда партии, состоявшегося в Свердловском зале в Кремле в мае 1921 года, на котором Ленин высказался

по поводу замены продразверстки продналогом¹. Я немного опоздал, хотя и не по своей вине, но меня тотчас же подвели к входу на сцену. Сцена, как и весь зал, была переполнена. Стоявшие справа, слева на сцене вытягивали шею, чтобы не терять из виду оратора и не проронить ни слова. Этим оратором был Ленин. Все слушатели были так увлечены речью, что буквально столпились вокруг сцены, а некоторые даже облокотились на нее.

Когда происходит такого рода собрание, то переводчик всегда оказывается в очень затруднительном положении. Внимание переводчика так поглощено всем происходящим, что он зачастую забывает свои прямые обязанности. Боюсь, что это случилось и на сей раз. Редко случалось мне бывать на политическом собрании, протекавшем в атмосфере такого товарищеского юмора. Как раз только что был введен нэп. Время было трудное. Еще накануне съезда в партии обнаружился уклон. Точка зрения Ленина одержала полную победу на X съезде. Теперь главной задачей всей партии было приступить к делу, но предварительно надо было устранить сопротивление этой политике со стороны оппозиционеров. И вот Ленин в своей речи подверг такой сокрушительной большевистской критике политическую ошибочность и вредность утверждений оппозиции, что в зале неоднократно раздавались взрывы хохота по ее адресу.

Накануне III конгресса Коминтерна несколько заседаний расширенного пленума ИККИ состоялось в помещении против Дома Союзов, на углу площади Свердлова. На этих заседаниях развернулась серьезная дискуссия по вопросу о положении в Италии, о мартовском восстании в Германии и о ряде проблем в связи с центризмом, представители которого тогда стучались в двери Коминтерна.

Следя за этими дискуссиями, я с величайшим интересом наблюдал, как в своих выступлениях Владимир Ильич умел гениально сочетать непримиримую принципиальность и твердость с удивительной гибкостью и тактом. Он умел протягивать по-товарищески руку и выправлять ошибки тех колеблющихся итальянцев, которые шли в то время за Серрати, и одновременно сдерживать нанор тех ультралевых (бордигианцев),

¹ По-видимому, автор имеет в виду выступление В. И. Ленина на X Всероссийской конференции РКП(б), состоявшейся 26—28 мая 1921 года. — *Ред.*

которые пытались использовать оппортунистические ошибки Компартии Италии для протаскивания в нее своих сектантских установок.

Всякий, кто знаком с жизнью и деятельностью Ленина, знает, как он любил беседовать с простыми рабочими и подробно расспрашивать их обо всем. Он неизменно пользовался этим способом для учета настроений масс, посещая в свое время рабочие кружки в Петербурге и руководя ими. Ленин с большим удовольствием беседовал с приезжающими из-за границы, задавал им вопросы и внимательно прислушивался ко всяким мелочам, говорящим об условиях труда и быта рабочих масс и об их настроениях. Это был один из каналов, связывавших жизнь и политику Ленина с жизнью и борьбой трудящихся масс. Это давало ему возможность лучше чувствовать все настроения рабочих и правильно формулировать тактику и лозунги партии, которые в конце концов привели к победе.

Ленин хорошо знал Англию и английское рабочее движение. В своем труде об империализме¹ он дал глубокий анализ роли английской буржуазии в период паразитического, загнивающего, умирающего капитализма. Неоднократно Ленин в своих статьях и речах возвращался к вопросу о стратегии и тактике английской буржуазии, подкупающей верхние слои рабочего движения — рабочую аристократию — и через них оказывающей влияние на широкие пролетарские массы.

Ленинские статьи никогда не носили — и не могли носить — характера формально-теоретической постановки вопроса; они всегда ориентировали революционных рабочих на политические задачи текущей революционной борьбы. Ленин любил во время своего пребывания в Лондоне бывать в рабочих кварталах, посещать социалистические митинги, изучая английское рабочее движение на практике.

И это свое обыкновение беседовать с рядовыми рабочими, прислушиваться к их словам Ленин сохранил на всю жизнь.

В 1921 году Ленин, выполняя громадную работу Председателя Совнаркома, вождя партии и революции, все-таки, когда приезжал рабочий — делегат братской партии из-за границы, всегда находил время для личной беседы с ним.

¹ Автор имеет в виду работу В. И. Ленина «Империализм, как высшая стадия капитализма» (см. *В. И. Ленин, Соч.*, т. 22, стр. 173—290). — *Ред.*

Будучи по профессии литейщиком, я с 1900 года активно участвовал в рабочем движении Шотландии в качестве пропагандиста, инструктора рабочих кружков, руководителя стачек, был активным профсоюзным работником и партрубочником, участвовал в основании Компартии Великобритании, встречался с большинством рабочих вождей, но в то же время оставался рабочим у станка. Привожу эти подробности потому, что в моей беседе с Лениным я имел возможность говорить не только о нашей партии, о рабочих вождях, о различных течениях в рабочем движении, но и об условиях труда и быта и о настроениях рабочих. Это и составляло главным образом содержание нашей беседы.

Такую дружескую беседу я имел с Лениным примерно 3 августа 1921 года. При этом присутствовали тов. Фрис, представитель Компартии Норвегии, и Борис Рейнштейн.

Наша беседа происходила в кабинете Ленина, в одном из уголков бывшего здания Судебных установлений в Кремле.

Поднявшись по узкой, невзрачной лестнице, мы пришли в комнату, где помещались стенографистки и машинистки. Затем было доложено о нашем приходе, и нас пригласили в кабинет Ленина без всяких бюрократических формальностей, без всякой проволоочки, точно, минута в минуту, в назначенное время. Вся обстановка кабинета состояла из большого письменного стола, нескольких кожаных кресел и двух книжных полок у стены, причем одна стояла прямо за рабочим креслом Ленина, так что ему достаточно было повернуться, чтобы достать нужную книгу.

Ленин поднялся, приветствуя нас сердечным рукопожатием. Он помог придвинуть несколько кресел поближе к своему столу, пригласил нас расположиться поудобнее, и между нами началась настоящая товарищеская, дружеская беседа.

Прежде всего он справился о нашем здоровье, о том, где мы остановились, хорошее ли нам предоставлено помещение, хорошо ли нас кормят и т. д. Мы сообщили ему, что в этом отношении все обстоит хорошо.

Его очень заинтересовал вопрос, как я добрался: легальным или нелегальным путем. Некоторые рассказанные мною инциденты и детали моего путешествия чрезвычайно позабавили его. После этого Ленин как бы извинился, что не мог со времени болезни уделять много внимания английскому движению. Придвинув свое кресло поближе, он, опираясь правым

локтем на письменный стол и прикрыв правой рукой правый глаз, стал так внимательно меня слушать, будто боялся проронить хотя бы слово из рассказа нового товарища.

Разговор коснулся положения в Англии, в частности лейбористских вождей, их личности, их влияния среди рабочих. Говорили также о белогвардейцах и их контрреволюционной роли.

И хотя Ленин уверял, что не мог внимательно следить за событиями в Англии, он тут же поразил нас, достав с книжной полки несколько последних английских изданий, которые он, несомненно, уже прочел, например книгу Бертрана Рассела «Практика и теория большевизма» и книги Р. В. Постгейта «Революция» и «Большевистская теория».

Ленин стал расспрашивать о том, кто такой Постгейт, член ли он партии и т. д. (Постгейт тогда был членом нашей партии и заместителем редактора нашего центрального органа «Коммунист». Впоследствии, в 1923 году, он вышел из компартии и стал сотрудничать со своим тестем Джорджем Ленсберри в новом журнале «Ленсберрис уикли»).

О книге Постгейта «Революция» Ленин сказал, что это просто сборник документов, которые сами по себе являются важными.

— Было бы лучше, — заметил он, — если бы автор дал нам фактические данные по соответствующим периодам, трактуя каждый период с точки зрения классовой борьбы и связывая все документы между собой.

Мы говорили о тред-юнионах и о лейбористской партии, об их относительной силе и влиянии в рабочем движении Англии, о нашей коммунистической партии, ее составе и влиянии среди рабочих. Ленин чрезвычайно интересовался движением горняков, особенно в Южном Уэльсе, и я обещал ему время от времени давать более подробную информацию.

Вернувшись к себе, я подробно записал все, что было затронуту в нашей беседе. Тов. Фрисс попросил у меня эти заметки, чтобы написать в центральный орган Норвежской компартии, и с тех пор я так больше и не увидел моих записей.

Через несколько дней после этой беседы (7 августа) я послал Ленину письмо, исполняя свое обещание насчет информации. В этом письме я сообщал ему об очередном съезде Федерации горняков Южного Уэльса и об их решении присоединиться к III Интернационалу и, кроме того, еще некоторые

сведения, которые я получил от товарищей, приехавших на I конгресс Профинтерна, состоявшийся в июле 1921 года.

В этой информации приводились интересные детали об устройстве общественных кухонь в Файфшире среди горняков, о распределении денежных фондов, о помощи местной кооперации стачечникам и о роли морской пехоты, посланной в угольные районы для подавления стачек. Я сообщал много подробностей о братании рабочих с матросами и выражал надежду, что Ленин это заинтересует.

И действительно, он настолько этим заинтересовался, что почти тотчас же дал мне письменный ответ. Я на это послал ему свои соображения и сообщил новые полученные мною сведения. Почти тотчас же после этого письма я уехал в Англию, и наша переписка прервалась. А когда я вновь приехал в 1922 году, Ленин был уже болен.

Вот полный текст письма, полученного мною:

«Дорогой товарищ!

Большое спасибо за Ваше письмо от 7 августа. Вследствие болезни и перегруженности работой я в последние месяцы ничего не читал об английском движении.

Ваше сообщение чрезвычайно интересно. Может быть, это *начало* настоящего массового пролетарского движения в Великобритании в *коммунистическом* смысле. Боюсь, что до сих пор в Англии имелись лишь несколько слабых обществ пропаганды коммунизма (считая в том числе и Английскую компартию), но нет действительно *массового* коммунистического движения.

Если федерация горняков Южного Уэльса решила 24 июля большинством 120 голосов против 63 примкнуть к III Интернационалу, то возможно, что это — начало новой эры. (Сколько горняков в Англии? Больше 500 000? Сколько в Южном Уэльсе? 25 000? Сколько горняков было *действительно* представлено в Кардиффе 24 июля 1921 г.?)

Если эти горняки представляют не слишком уже незначительное меньшинство, если они братаются с солдатами и начинают *действительную* «классовую войну», — мы должны сделать все возможное для *развития* и укрепления этого движения.

Экономические мероприятия (вроде общественных кухонь) хороши, но они не особенно важны *теперь*, до победы пролетарской революции в Англии. *Теперь* важнее всего *политическая* борьба.

Английские капиталисты хитры, умны, коварны. Они *поддержат* (прямо или косвенно) общественные кухни *для того*, чтобы отвлечь внимание *от политических целей*.

Важно (если я не ошибаюсь) следующее:

1) Создать в этой части Англии очень хорошую, настоящую пролетарскую, настоящую массовую *компартию*, т. е. такую партию, которая в *действительности* была бы *руководящей* силой во *всем* рабочем движении этой части Англии (применить в этой части вашей страны принятую III конгрессом резолюцию об организации и работе партии).

2) Начать издавать ежедневную рабочую газету для рабочего класса этой части Англии.

Начать это дело не как коммерческое предприятие (как обыкновенно бывает в газетном деле в капиталистических странах), не с большим капиталом, не обычным общепринятым манером, а как *экономическое и политическое* орудие *масс* в их борьбе.

Или горняки этого района способны платить *полпенса* в день (вначале, если хотите, *раз в неделю*) за свою *собственную* ежедневную (или еженедельную) газету, — пусть она даже будет очень и очень мала — это не существенно, — или же *подлинное массовое коммунистическое движение не началось в этой части Англии*.

Если компартия в этом районе не в состоянии собрать несколько фунтов для издания ежедневно *маленьких листков*, из которых могла бы развиться настоящая *пролетарская* коммунистическая газета, — если дело обстоит так и не *каждый* горняк заплатит за этот листок свой пенс, то значит там нет *серьезного*, подлинного присоединения к III Интернационалу.

Английское правительство пустит в ход самые хитроумные средства, чтобы задушить всякое начинание этого рода. Поэтому мы должны быть (вначале) очень осторожны. Газета не должна быть вначале *слишком революционной*. Если вы хотите иметь трех редакторов, то по меньшей мере один из них должен быть *не коммунистом*. По меньшей мере двое должны быть настоящими рабочими. Если $\frac{9}{10}$ рабочих не будут покупать газеты и $\frac{2}{3} \left(\frac{120}{120 + 63} \right)$ не будут вносить специальных взносов (напр., один пенс в *неделю*) для *своей* газеты, то эта газета не будет рабочей газетой.

Я был бы очень рад, если бы вы мне черкнули по этому вопросу пару строк, и прошу извинения за мой плохой английский язык.

С коммунистическим приветом *Ленин*»¹.

И действительно, влияние компартии было чрезвычайно слабо тогда в Южном Уэльсе. Среди горняков существовало левое движение. Многие рабочие, состоявшие в тред-юнионах, относились к русской революции с величайшим пролетарским сочувствием, но не были еще коммунистически настроены. Ленин это понимал. Вот почему он предложил начать с элементарного, по крайне важного для всей работы компартии, с выпуска небольшой газеты при поддержке тех, которые стоят за III Интернационал. Невыполнение этого указания Ленина объясняется прежде всего тем, что голосование на конференции не было результатом укоренившегося коммунистического влияния, а также слабостью компартии и ее неспособностью понять все политическое значение такого начинания. И действительно, лишь 9 лет спустя, в 1930 г., Компартия Великобритании оказалась в состоянии издавать свою *ежедневную* газету.

Что же касается организационных тезисов III конгресса Коминтерна, то только с осени 1922 г. было положено начало применению этих тезисов. Работа эта все еще требует своего завершения.

Недавно вышедший сборник ленинских работ об Англии² — крупнейший вклад в английское рабочее движение. Ленин оставил нам богатейшее наследство в области экономических и политических наук и революционной литературы...

«Воспоминания о Владимире Ильиче
Ленине», ч. 3. М., Госполитиздат,
1960, стр. 303—308.

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 32, стр. 484—486. — *Ред.*

² Lenin on Britain. London, Lawrence, 1934, 316 p. — *Ред.*

УМБЕРТО ТЕРРАЧИНИ

ТРИ ВСТРЕЧИ С ЛЕНИНЫМ

1. В ЗАГОРОДНОМ ДОМЕ

Трижды мне довелось встретиться с Лениным в период между июлем 1921 года и январем 1924 года. До этого я немного знал о нем и его деятельности. Он был известен мне больше как революционер, чем теоретик марксизма. И то совсем немного времени. Действительно, если сегодня, оглядываясь назад и обозревая свою жизнь, я могу охватить памятью и моим непосредственным свидетельством целые полвека итальянского и международного рабочего движения, то тогда по своей молодости и после долгой службы в армии я не мог еще знать о событиях в социалистическом движении за пределами моей страны. Я не знал о конгрессах II Интернационала, об истории различных партий, примыкавших к нему, о фракционной борьбе, о различных позициях руководителей и т. д.

Только в сентябре 1915 года, когда мне едва исполнилось двадцать лет, я впервые услышал о Ленине и его значении в мировом социалистическом движении. Точнее, это случилось тогда, когда в «Аванти!» — органе Итальянской социалистической партии — появились корреспонденции о Циммервальдской конференции (август 1915 г. — *Ред.*). На этой конференции, как известно, Итальянская социалистическая партия объединилась с так называемыми центристами против предложений Ленина, которые подчеркивали необходимость борьбы за превращение империалистической войны в войну гражданскую. Но цензура сильно исказила текст этих корреспонденций, а сопровождавшие их редакционные статьи выступили с резкой критикой позиции Ленина, все еще превознося лозунг «война войне». При помощи этого лозунга Итальянская социалистическая партия вела борьбу против вступления в войну.

Будучи солдатом, я поплатился за это тем, что был осужден за пораженчество. Это помешало мне сразу же хорошо по-

пять марксистские принципы и революционное значение позиций, занятых Лениным в Циммервальде. Но два года спустя они предстали передо мной во всей своей ясности, во всем величии их опыта — опыта борьбы большевиков в период между мартом и ноябрем 1917 года за превращение буржуазной революции в революцию социалистическую, за переход от империалистической к гражданской войне под лозунгом мира.

РЕВОЛЮЦИЯ КАК ЛЕГЕНДА

У Итальянской социалистической партии в то время не было никаких колебаний в справедливой оценке борьбы, которая на следующий день после свержения царизма поставила лицом к лицу различные политические силы, обращавшиеся с различными программами к народным массам России. «Аванти!», поддерживая большевиков и их борьбу за социалистическую власть, знакомила с именами и личностями их руководителей, до того времени неизвестных и ставших популярными в Италии, как никто другой.

Одновременно с этим передовые деятели рабочего класса с жаром принялись отыскивать и читать их произведения, начиная от самых далеких, написанных на заре русской социал-демократии, и вплоть до самых последних работ, которые теоретически определяли и разъясняли тактику связанных между собой решений. Эти решения, приведшие к Октябрьской революции, открыли новую эру в истории человечества.

Но большинство народных масс Италии, которые скорее представляли собой отсталый и неразвитый плебс, чем зрелый рабочий класс, восприняли советскую революцию и ее драматическое развитие как нечто полумифическое, почти легендарное, превратив ее главных вдохновителей в героев и святых, изображения которых развешивались на стенах жалких лачуг рядом с традиционными лубочными картинами. В их сознании вдохновители революции были чудотворцами, которым удалось путем сверхчеловеческих усилий уничтожить гидру абсолютизма, освободить угнетенные и замученные народы, открыть им путь к лучшему будущему. А та звершая ненависть, с которой итальянская буржуазия и ее главные институты — двор, высшее чиновничество, церковь, академическая культура — отнеслись к Октябрьской революции, к большевикам и особенно

к Ленину, только еще более воспламенила в сердцах обездоленных людей чувство безграничной любви к ним.

Крошечный медальон с изображением В. И. Ленина люди носили на шее, приписывая ему чудодейственную силу, способную предотвратить болезни и другие бедствия.

ДВЕНАДЦАТИДНЕВНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

Такими настроениями и такими мыслями были охвачены и члены делегации Итальянской коммунистической партии, направленной в июне 1921 года в Москву на III конгресс Коминтерна. В составе делегации не было ни одного известного деятеля международного рабочего движения. Это объяснялось, в частности, тем, что во время раскола Итальянской социалистической партии в Ливорно почти ни один деятель этой партии, то есть ни один из крупных политических руководителей профсоюзного и кооперативного движения итальянского пролетариата, не перешел в коммунистическую партию.

В связи с этим делегация интересовалась не столько предстоящим конгрессом, — который имел огромное значение в силу принятых на нем тактических директив для пролетарской борьбы во всем мире, — сколько была охвачена страстным по своей наивности желанием побольше увидеть в столице Советов. Ведь там же встретишься с вождями революции, с людьми из Смольного и Кремля, с Лениным!

Но удастся ли действительно встретить Ленина, поговорить с ним? За время долгой поездки из Италии в Москву — она продолжалась двенадцать дней — этот вопрос то и дело задавали советскому товарищу, который нас сопровождал. Его псевдоним был Никколини. В то время он жил в Италии нелегально как представитель Коммунистического Интернационала. Мне так никогда и не удалось узнать ни его настоящее имя, ни что с ним случилось в дальнейшем. Особенно его осаждали расспросами: один сапожник из Неаполя, который ревниво прятал в сундучке и отказывался кому-либо показывать две пары ботинок, изготовленных им собственноручно, — одна пара мужская, другая женская, которые он хотел подарить Ленину и Крупской; парикмахер из Казерты, который имел свои определенные взгляды на бородку Ленина и желал дать ему на этот счет некоторые советы; и, наконец, один батрак из Тосканы, который, узнав от Никколини, что Ленину будто бы нравится вино

«кьянти», купил в итальянской лавке в Берлине бутылку этого вина.

Приехав в Москву и остановившись в гостинице «Люкс» на Тверской, я и Дженнари¹ вместе с группой рабочих из Турина и двумя рабочими из Милана сразу же окунулись в напряженную работу по подготовке к конгрессу, участвуя в комиссиях и встречах с другими делегатами.

Но однажды в мою комнату стремительно ворвался наш товарищ сапожник. Под мышкой он держал аккуратно завернутые в черную материю две пары обуви. Волнуясь, он сказал мне, чтобы я собирался. Через час Никколини должен был отвезти итальянцев к Ленину.

Признаюсь, я удивился, узнав, что в это время напряженной работы и забот — приближался конгресс, внутренняя и международная обстановка ставила перед партией большевиков и Советским правительством огромные задачи — Ленин сумел посвятить нам пусть лишь крупицу своего времени, идя навстречу наивному, но трогательному желанию моих малообразованных и политически неопытных товарищей по делегации.

Но когда я увидел Ленина, увидел, как легко он поднялся из-за своего письменного стола и направился к нам, едва мы вошли в просторную комнату на втором этаже загородного дома, куда мы быстро примчались на автомашине (возможно, это были Горки), когда я увидел, как осветилось его лицо искренней радостью от бурных приветственных восклицаний его гостей, как его охватило радостное волнение, когда парикмахер, разразившись слезами, бросился к нему, чтобы сжать в восхищении ему руки, когда я услышал его чуть захлебывающийся смех при виде сапожника, преподнесшего ему туфли — одни на высоченных каблуках, а другие балетные люстриновые туфли на тончайшей подошве, и его замечание «хорошо» при виде красного тосканского вина в традиционной бутылке, оплетенной соломой, — вот тогда я понял, что до этого момента я еще не знал Ленина.

Да, мое заочное знакомство с Лениным открыло мне его возвышенный ум проницательного исследователя наиболее сложных процессов человеческой общественной жизни, его несравненную способность развивать из данных предпосылок

¹ Дженнари, Эджидио (1876—1942) — один из основателей Итальянской компартии, член ее ЦК, неоднократно избирался в состав руководящих органов Коминтерна. — *Ред.*

последовательные перспективы в сопоставлении с поставленными целями, его негибкую волю в достижении целей и отыскании соответствующей тактики. И то, что я понял и узнал о его жизни, говорило мне о преданности идеалу социализма, ради которого он готов был принести всего себя без остатка в жертву при любом испытании. Но что стало бы с этими величайшими способностями, если бы они не подкреплялись, не сочетались и не усиливались в сотни раз тем чувством человеческого восприятия, которым обладал Ленин и которое, прорвавшись на одно мгновение из самых глубин, как бы оттесняло на этот миг непосредственную действительность, его безмерные обязанности главы государства и руководителя великой партии, для того чтобы воспользоваться минутой общения с простыми людьми?

Моя первая встреча с Лениным — это встреча с его великим сердцем.

Пожав мне сердечно руку, он упомянул о моей речи, которую я произнес в Ливорно и с которой он был знаком. Он знал, что через несколько дней встретимся в открытой политической борьбе, и не сказал в связи с этим ни слова.

2. НА КОНГРЕССЕ КОМИНТЕРНА

Вторая встреча произошла в Кремле, в пышном тронном зале бывшего императорского дворца. Под белым балдахином, расписанным золотом, стоял большой стол президиума III конгресса Коммунистического Интернационала. Рядом — трибуна для ораторов. Как раз напротив чуть влево в первых трех рядах сидели итальянские делегаты. Делегация большевиков находилась в последних рядах справа, в глубине зала. Нам отвели почетные места. За бурными событиями, в гуще которых в Италии шло формирование коммунистической партии, следило с неослабевающим вниманием все мировое коммунистическое движение.

Кроме того, на этом же самом конгрессе присутствовала направленная Итальянской социалистической партией небольшая делегация, которая должна была выступить против исключения этой партии из Коммунистического Интернационала и против признания коммунистической партии единственной итальянской секцией Коминтерна. В предвидении оживленных споров этот факт вызывал братское сочувствие к нам со сто-

роны всех делегаций. Но была еще и другая причина, которая на внушительной встрече достойных представителей передовых трудящихся всего мира придавала значение нашей делегации, хотя в пей и не было известных деятелей международного социалистического движения. Дело в том, что наша делегация вместе с германской, австрийской и венгерской делегациями внесла ряд поправок к тезисам о тактике, предложенным конгрессу делегацией большевиков и отредактированным, как известно, лично Лениным.

От имени всех внесших эти поправки я должен был защищать их с трибуны конгресса. И было любопытно, что новичок осмелился выступить с оружием марксистской диалектики против того, кто мастерски владел этим оружием.

ЛЕНИН НА ТРИБУНЕ

Любой коммунист, который хотя бы немного изучал историю коммунистического движения, знает, что тезисы III конгресса Коминтерна о тактике явились решающим поворотным пунктом. В них вместо абстрактной пропаганды и агитации, которой до сих пор занималось большинство коммунистических партий, брался курс на последовательную борьбу, уходящую своими политическими корнями в конкретную обстановку каждой страны, с целью завоевания большинства пролетариата — непеременимого условия победоносной борьбы за власть. Но мы в Италии были еще слишком увлечены страстными спорами против центризма Серрати, чтобы сразу же понять решающее значение этой новой постановки вопроса. И, как после выражался Ленин, говоря о поправках, мы несколько перешли границу, за которой борьба против центризма превращается в спорт, границу, за которой начинается компрометация революционного марксизма.

Ленин поднялся на трибуну. Я помню, это было 1 июля 1921 года. Я помню это потому, что всякий раз перечитываю его речь¹. Он говорил по-французски для того, чтобы мы его сразу же понимали и реагировали на его речь. Произношение его было ясным, и до нас доходил каждый оттенок его формулировок. Но мое имя, которое всякий раз появлялось в его

¹ См. В. И. Ленин, Соч., т. 32, стр. 444—453. — *Ред.*

речи, словно ударное междометие, он выговаривал на итальянский лад, не делая ударения на последнем слоге и произнося мягкое «ч».

ЭНЕРГИЧНОЕ НАСТУПЛЕНИЕ

Внося поправки, я говорил спокойно, не избежав все же некоторого волнения, которое овладело мной. Ведь я впервые говорил с трибуны международного конгресса, выступая перед деятелями с огромным авторитетом марксистов и выдающимися заслугами в революционной борьбе. И сознаюсь, меня уже совсем на какой-то миг охватили честолюбивые мысли, когда Ленин со своей простотой, которая людям, не знавшим его, могла показаться покорностью, произнес первые слова своей речи в ответ на мое выступление: «Товарищи, к моему большому сожалению, я должен ограничиться самообороной».

Но сразу же за этим в его устах зазвучала, нарастая с каждой минутой, резкая атакующая речь. Она все перевернула вверх дном, разнесла в пух и прах наши недолговечные построения из формул и концепций. Самооборона? Нет! Наоборот, энергичное наступление, потому что «если конгресс не будет вести решительного наступления против таких ошибок, против таких «левых» глупостей, то все движение осуждено на гибель... Нам, русским, эти левые фразы уже до тошноты надоели»¹.

Я сидел в первом ряду, как раз перед трибуной, среди своих товарищей по делегации, которые в большинстве своем не знали французского языка, не понимали речи Ленина, за исключением того, что он десяток раз повторил мое имя. Они, пожалуй, думали, что он подбадривает и хвалит меня. Однако немного позади сидели три представителя Итальянской социалистической партии — Маффи, Лаццари и Рибольди. Они-то понимали французскую речь. Блаженно ухмыляясь, они с надеждой ждали, что эта сокрушительная обвинительная речь закончится осуждением Итальянской коммунистической партии и принятием их требований.

Выступая, Ленин, по своему обыкновению, не стоял на трибуне, а был все время в движении, обращая свой живой взор в сторону огромного зала. Но всякий раз, когда его взгляд на

¹ См. В. И. Ленин, Соч., т. 32, стр. 444. — *Ред.*

мгновение останавливался на мне, он узнавал меня среди присутствующих. И на какой-то миг мне даже пришла в голову мысль, что было бы лучше, если бы я не ездил за несколько дней до этого в Горки. Но, откровенно говоря, это был всего один лишь миг, потому что сразу же после этого до меня дошло, что вот этот его взгляд, обращенный ко мне, вместо горечи и унижения зажигал во мне мужество и бодрость. И мне казалось понятным, что этот взгляд искал меня затем, чтобы сказать, что то суровое осуждение, которое слышалось в его словах, бьющих, словно молот, было произнесено им во имя высшего долга, который выпал на его долю. Этот долг заключался в том, чтобы спасти меня, спасти всех нас от ошибки, которая могла бы оказаться непоправимой и гибельной не только для нас, но и для самого великого и светлого дела социального освобождения — дела, общего для всех нас.

Этот долг мучителен, но благороден. Так бывает и с хирургом. Чтобы вылечить больного, ему приходится иногда рассекал его тело. И тогда мне удалось подавить то внутреннее возбуждение, которое овладело мной, и, не обращая больше внимания на то, что по поводу наших поправок говорились резкие слова, я смог сосредоточенно и внимательно следить за блестяще аргументированным и предельно ясным уроком марксизма на практике, повод и материал для которого я Ленину предоставил своим выступлением. И я думаю, что позже этот урок с пользой послужил мне в моей дальнейшей сорокалетней борьбе коммуниста.

В конце заседания я оказался лицом к лицу с Лениным. «Товарищ Террачини, — обратился он ко мне по-французски с дружеской спокойной улыбкой, — необходимо быть ловким и умным!» И, уже удаляясь в толпе людей по лестнице, он повторил, подняв руку: «Ловким и умным!»

3. НА КРАСНОЙ ПЛОЩАДИ

В последний раз я видел Ленина, прощаясь с ним навсегда, в январе 1924 года на Красной площади. У красных кремлевских стен еще не было большого Мавзолея из темного полированного мрамора. Как раз у въезда на площадь на низком деревянном помосте стоял темно-красный гроб. Он еще был открыт и наклонен немного вперед. Голова Ленина покоилась на красной подушке.

Казалось, сквозь закрытые веки он смотрит на нескончаемую толпу людей. В огромной ледяной тишине раздавалось лишь потрескивание гигантских костров. Около них грелись многие тысячи людей, пришедших из городов и сел, чтобы выплакать свою горе и склониться перед гробом.

Каждые десять минут с четырех сторон у гроба сменялся почетный караул: старые большевики, ученые из Академии наук, рабочие и работницы, члены Центрального Комитета партии, руководители профсоюзов, крестьяне с запыленными бородами. Настала очередь и членов Президиума Коммунистического Интернационала, находившихся в Москве. К 4 часам дня, когда над огромной площадью начали спускаться тени зимних сумерек, вместе с Кларой Цеткин, Фостером и Катаямой поднялся и я по нескольким ступеням, покрытым снегом, и застыл у гроба справа от лица Ленина.

Его великий диалог с миром, с историей, с будущим закончился. Отныне всем, кто любил его и кого он учил и воспитывал, чье сознание и интеллект он сформировал, коммунистам всех стран надлежало продолжить его дело в будущем, отдавая этому все свои способности и всю свою энергию.

Направляясь вместе с Катаямой, Цеткин, Фостером к небольшой лестнице, чтобы сойти вниз, я взглянул на его большой белый лоб. «Да, — сказал я себе, — и ты ведь тоже коммунист».

Газета «Правда», 12 февраля 1960 г.

ТИБОРНЭ САМУЭЛИ

Я ВИДЕЛА ЛЕНИНА

В первые пмя Ленина я услышала после Великой Октябрьской революции в Надьбаньском поселке художников. Позднее я часто слышала о нем от учащихся художественной школы Кароя Кернштока, многие из которых регулярно посещали одно из отделений коммунистической партии на улице Впшегради и помогали в той или иной степени работе партии. В 1919 году мне довелось познакомиться с работой Ленина «Очередные задачи Советской власти»¹.

Но больше всего я слышала о Ленине от своего мужа². Будучи военнопленным в России, он благодаря помощи Ленина и Свердлова стал одним из организаторов международного коммунистического движения, а позднее, как представитель Венгерской Советской Республики, неоднократно встречался с Лениным, часто беседовал с ним и полюбил его до самозабвения. Помню, как я была счастлива и горда, когда мой муж — это было в 1919 году — привез мне из Москвы плитку шоколада и сказал: «Это тебе прислал товарищ Ленин».

После падения Венгерской Советской Республики я вынуждена была покинуть Венгрию, уехала сначала в Вену, затем в Италию, а потом почти 10 лет жила в Берлине. Но где бы я ни была, наиболее честные и мужественные люди, патриоты своей страны, с восторгом произносили имя Ленина. В Италии на стенах домов и церквей я видела лозунги: «Да здравствует Ленин!» — и рядом: «Долой королей!». В Германии мне, как художнице, поручали писать к многочисленным собраниям и праздникам портреты Владимира Ильича.

В 1921 году я была в Москве и участвовала в работе III конгресса Коминтерна. В период своей работы конгресс изда-

¹ См. *В. И. Ленин*, Соч., т. 27, стр. 207—246. — *Ред.*

² Речь идет о Тиборе Самуэли (см. стр. 235 этого сборника). — *Ред.*

вал временную газету¹, где я сотрудничала в качестве художницы. На открытии конгресса делегаты пели песни разных народов, в том числе наш венгерский марш Ракоци. Это было очень трогательно. В волнении я села на ступеньку лестницы, которая вела к председательской трибуне. Оттуда я могла видеть весь зал и начала рисовать. Когда я подняла глаза, то увидела рядом с собою Ленина. Я была настолько взволнована, что не могла продолжать своего дела. А Ленин, повернувшись вполоборота к залу, что-то быстро записывал. Затем он повернулся ко мне и увидел мой эскиз. Он кивнул мне, но не сказал ни слова и продолжал напряженно следить за дискуссиями.

В президиуме заметили, что многие товарищи в зале стоят, и начали их рассаживать, но товарищ Ленин сделал знак, чтобы не мешали работе конгресса, и сам до перерыва оставался на лестнице.

Во время перерыва многие подходили ко мне и спрашивали, о чем мы говорили с Владимиром Ильичем. Я с грустью отвечала, что была настолько взволнована, что не сказала ему ни слова. Во время перерыва делегаты беседовали друг с другом. В эти минуты я особенно ясно увидела и почувствовала, как все любят Ленина. Едва он только появлялся, как люди устремлялись к нему, чтобы увидеть его поближе, услышать ответы на вопросы, узнать, что он думает. Я заметила, что лишь немногие говорили сами, все старались больше слушать Ильича. Между тем Ленин часто шутил и заразительно смеялся.

Мне никогда не забыть того момента, когда на конгресс прибыла Клара Цеткин — выдающийся представитель немецкого рабочего движения. Как только Ленин увидел входящую в зал одетую в черное пожилую женщину, он тотчас же спустился с трибуны, поспешил к ней и обнял. Делегаты встали, вспыхнули громовые овации, потом кто-то запел «Интернационал», и весь зал подхватил гимн. Клара Цеткин плакала от волнения.

Конгресс продолжал свою работу, и я почти ежедневно могла видеть Ленина. Какие пламенные чувства бушевали в нем! Я ясно видела это глазами художника. Каждое движение его души отражалось в мимике его лица. Какой необычайно

¹ Газета «Москва» — орган III конгресса Коминтерна — издавалась на немецком, французском и английском языках в мае — июле 1921 года. — *Ред.*

интенсивной внутренней жизнью жил он! Ленин обладал огромной выдержкой и самодисциплиной. И его темперамент, быстрые движения нисколько не противоречили его внутреннему достоинству. Это было достоинство огромной духовной силы!

После конгресса мне довелось еще раз встретиться с Лениным. Я училась в то время в художественной школе ВХУТЕМАС, которая находилась в Москве, в Строгановском училище.

Однажды наше общежитие посетил Ленин¹. В то время шла большая дискуссия среди московских художников. Партия начала борьбу против формализма, абстракционизма и других порочных течений в изобразительном искусстве. Мы ждали товарища Ленина с большой, невыразимой радостью. Он приветливо поздоровался со всеми, потом беседовал с нами. В то время я еще плохо владела русским языком и поэтому не могла уловить все, что он говорил. Но все же отдельные его высказывания я поняла, а остальное рассказали мне потом мои коллеги по школе. Товарищ Ленин сказал, что он знает, что среди нас имеются такие, которые считают себя революционерами в искусстве. Он добавил, что все мы «славные ребята», но он не одобряет нашего увлечения формализмом.

Память о Ленине, встречи с ним навсегда останутся в моем сердце.

*Журнал «Работница» № 4,
1960 г., стр. 11.*

¹ Автор, видимо, ошибается. В. И. Ленин посетил Высшие художественно-технические мастерские 25 февраля 1921 года, а III конгресс Коминтерна состоялся в июне — июле 1921 года. — *Ред.*

ГЕОРГИ ВАНГЕЛОВ

НА ТРЕТЬЕМ КОНГРЕССЕ КОМИНТЕРНА

Победа Великой Октябрьской социалистической революции в России под руководством великого Ленина зажгла сердца миллионов рабочих во всем мире, пробудила в них надежду и усилила борьбу против рабских цепей, против капитализма и эксплуатации. Вспыхнула революционная борьба в Германии, Венгрии, Австрии, Италии, у нас в Болгарии и во многих других странах. Хотя эти выступления и были подавлены, но они явились первыми попытками пролетарских масс, вдохновленных победой Великой Октябрьской социалистической революции, вырваться из когтей капитализма. Какой рабочий не мечтал у нас во время этих событий видеть великого Ленина и новое, Советское государство?

Такое счастье выпало мне. III Коммунистический Интернационал был образован для объединения революционных сил пролетариата после того, как руководители II Интернационала изменили интересам международного рабочего класса и бросили его на взаимное уничтожение в пламени первой мировой войны. Я присутствовал на III конгрессе Коминтерна и на Учредительном конгрессе Профинтерна. Отъезд нашей делегации состоялся в начале мая 1921 года.

По указанию ЦК Болгарской коммунистической партии была образована делегация, которая состояла из следующих лиц: Василь Коларов, руководитель делегации¹, Анна Маймукова — редактор газеты «Равенство», Василь Табачкин — парикмахер, Салчо Василев — столяр, Гено Петров — почтово-телеграфный работник и секретарь местного рабочего совета г. Варна, Иван Костадинов — шахтер, Иван Куюмджиев — текстильщик, Пепчо Дворянов — представитель села Дерелий

¹ Болгарская делегация на III конгрессе Коминтерна состояла из 20 человек и возглавлялась Г. Димитровым и В. Коларовым. — *Ред.*

Карловской околии и два инженера — Горбанов и Василев. От союза табачников делегатом был я, как член центрального руководства союза. Нашу делегацию не смогли обеспечить паспортами, дающими право проезда прямо в Москву, несмотря на то, что в то время нашей страной управлял Земледельческий союз¹. Мы получили паспорта для въезда в Берлин и выехали туда под видом торговой делегации. По пути мы заехали в Вену, где были встречены писателем Крумом Кюлявковым, который присоединился к нашей делегации. В Вене мы задержались на 4 дня, а затем выехали в Берлин. Там мы ожидали 7 дней, пока советское представительство оформляло нам документы и визы. В Берлине нас нашла супруга Георгия Димитрова Люба Димитрова, которая ознакомила нас с достопримечательностями Берлина. Она показала нам и то место, где были убиты верные сыны германского пролетариата Карл Либкнехт и Роза Люксембург, показала нам канал, в который были брошены их тела. По пути в Москву мы проезжали через «польский коридор», созданный в результате первой мировой войны для того, чтобы Польша имела выход к Балтийскому морю. Проезжали мы и через столицу Литвы Ковно. После кратковременной остановки мы выехали в Латвию и прибыли в ее столицу Ригу.

Во время пути Василь Коларов часто рассказывал нам о жизни и деятельности Ленина в эмиграции. Гонимый и преследуемый всюду, Ленин ни на один миг не переставал думать о положении международного рабочего класса и особенно о русском народе, который стонал под царским сапогом, под гнетом помещиков и дворян. Ленин непрестанно думал о том, как помочь народу сбросить со своей спины тяжелое ярмо. Мы с напряженным вниманием слушали Коларова и горели желанием как можно скорее ступить на священную советскую землю и увидеть самого Ленина... В Риге мы задержались на два дня. Прибыл советский спальный вагон. Мы разместились в нем и поехали в Москву.

Когда мы пересекли пограничную линию и вступили на советскую землю, нас охватила неописуемая радость. Как будто

¹ Имеется в виду Болгарский земледельческий народный союз (БЗНС). Создан в 1899 году. Объединяет в своих рядах часть болгарского крестьянства. В 1942 году левые элементы БЗНС примкнули к Отечественному фронту. Признавая руководящую роль Коммунистической партии, БЗНС активно участвует в строительстве социализма. — *Ред.*

тяжелый груз свалился с наших плеч. Мы завершили длинный путь, и, когда прибыли в Москву, нас встретил Георгий Димитров и другие товарищи, которые устроили нас в гостинице «Континенталь», вблизи Большого театра. Через несколько дней прибыло еще много делегаций из различных стран света; итальянскую делегацию возглавлял Террачини, французскую — Вайян-Кутюрье.

Советское государство было еще совсем молодо. Мы не ожидали увидеть какие-либо особенные перемены в хозяйственной жизни страны — тем более, что ей были причинены большие разрушения контрреволюцией, а в Поволжье, в результате сильной засухи, начался голод. Для каждого гражданина был введен продовольственный паек. Фактически советские люди недоедали, но с необыкновенной твердостью переносили невзгоды, глубоко веря в большевистскую партию, в своего вождя Ленина и в светлое будущее своей родины.

Конгресс Коминтерна работал в зале Кремля, где теперь проходят сессии Верховного Совета СССР. Когда в зале появился Ленин, все встали и в зале вспыхнули бурные аплодисменты. Те, которые, может быть, ожидали увидеть какого-то необыкновенного человека, остались разочарованными. На сцене появился скромный труженик революционного дела русского народа и международного рабочего класса — Ленин, который по внешности не отличался от обыкновенного рабочего. На него были устремлены взгляды всех делегатов. Все напряженно ожидало его мудрого и правдивого слова.

Ленин сделал доклад о тактике РКП(б). Это были незабываемые минуты, пережитые под обаянием ленинских слов. Когда он объяснял что-либо, у присутствующих не оставалось ни малейшего сомнения. Выступление Ленина убеждало не только фактами, на которые он ссылался, но и логикой, последовательностью и убежденностью, с которыми он их излагал. В центре его доклада был анализ экономического кризиса в капиталистическом мире. Для наглядности Ленин нанес на доску зигзагообразную линию.

— Возможны отдельные моменты подъема и процветания капиталистического хозяйства, — сказал он, — показывая на зигзагообразную линию, но экономические кризисы неизбежно приводят к общему падению хозяйства, к катастрофе. Капиталистический мир не может избежать кризисов.

Конгресс занимался также положением в Коммунистической партии Германии, где образовалось два течения. «Левое» течение поддерживала Клара Цеткин. Когда представители обоих течений давали на конгрессе объяснения, Ленин задал Кларе Цеткин вопрос:

— Почему вы стали на сторону этого течения?

Она ответила буквально следующее:

— Я считаю, что когда я нахожусь в оппозиции, я права. Эти слова Цеткин рассмешили всех делегатов, от души смеялся и Ленин.

— Не всегда человек прав, когда он в оппозиции, — сказал Ленин.

Конгресс осудил левацкие течения, которые своей сектантской тактикой отрывали коммунистический авангард от широких народных масс.

— Наша задача — привлечь большинство пролетариата, — сказал Ленин, делая вывод о создавшемся положении в германском коммунистическом движении.

Генеральным секретарем Исполнительного комитета Коминтерна конгресс избрал Василия Коларова. Это особенно взволновало нас, болгар. Делегаты вынесли его из зала на руках. Это было доказательством большой любви и популярности, которыми Коларов пользовался в международном рабочем движении.

Во время работ конгресса Коминтерна начался Учредительный съезд Интернационала профсоюзов, который вошел в историю рабочего движения под названием Профинтерна. Съезд открылся в Колонном зале Дома союзов. Советский представитель Лозовский сделал доклад о задачах и тактике профсоюзов после измены руководителей Амстердамского профсоюзного интернационала. В докладе осуждалась позиция этого интернационала, ставшая причиной раскола международного рабочего движения. В прениях приняли участие представители революционных рабочих течений различных стран. Все они осудили измену Амстердамского профсоюзного интернационала и дали свое согласие на образование нового профсоюзного интернационала. От имени нашей делегации выступил Георгий Димитров, который сделал краткий отчет о росте профсоюзного движения в нашей стране и о борьбе со взглядами «широких» и синдикалистами. Он заявил, что Всеобщий рабочий профессиональный союз в Болгарии безоговорочно присоединяется к

вновь создаваемому интернационалу профсоюзов — Профинтерну, и осудил измену Амстердамского профсоюзного интернационала. В конце работы съезда было избрано руководство Профинтерна, в которое вошел и Георгий Димитров...

В Москве мы пробыли около четырех месяцев. За этот период контрреволюция еще не была ликвидирована. Нас предупреждали, чтобы мы были осторожны и не попали в засаду какого-либо контрреволюционного гнезда. Вопреки этому жизнь протекала нормально. Не было никакого комендантского часа, и молодежь проводила свободное время в садах и парках. Даже и в эти тяжкие для советского народа времена повсюду слышались песни и смех. Такова славянская душа! Театры и кинозалы были всегда переполнены публикой. Мы присутствовали на спектакле «Мистерия Буфф». В Большом театре слушали Шаляпина.

Пришло время возвращаться в свою страну. Некоторые из делегатов-иностранцев выехали раньше нас, и мы узнали, что они были арестованы, как только переехали границу. Поэтому Димитров и Коларов посоветовали нам возвращаться в Болгарию другим путем, через Черное море. Мы вышли в море на моторной лодке. На наше счастье оно было спокойно. Через двое суток наша лодка пристала к болгарскому берегу.

Так закончилось наше путешествие до Москвы и обратно. Времена были грозные, но мы выполнили задачу, которую поставила перед нами партия.

«Воспоминания болгарских товарищей о Ленине» (Перевод с болгарского). М., Госполитиздат, 1958, стр. 61—65.

КРУМ КЮЛЯВКОВ

МОЕ САМОЕ СВЕТЛОЕ ВОСПОМИНАНИЕ

В 1921 году в Москве состоялся III конгресс Коминтерна. Болгарская делегация возглавлялась товарищами Георгием Димитровым и Василем Коларовым; в ее состав входили Тодор Луканов, Анна Маймункова, Пенчо Дворянов, Коста Янков, Иван Минков, Найден Киров, Иван Абаджиев, Владимир Благоев, Салчо Василев и другие. Кроме того, в помощь делегации были привлечены в качестве сотрудников несколько болгар, которые в то время находились в Советской России. Среди них был и товарищ Асен Попов — впоследствии художник в нашем народном театре, прибывший в 1920 году в Советскую Россию и обучавшийся в Петрограде.

Как член нашей делегации, я имел большое счастье не только видеть великого Ленина, но и разговаривать с ним и рисовать его с натуры.

Открытие конгресса состоялось в Большом театре. Гостиница, в которой остановилась наша делегация, была недалеко от театра, и в назначенное время мы отправились на конгресс пешком. Выйдя на площадь, мы заметили, что за нами следом идет довольно большая группа детей. Чем мы заслужили такое внимание? Скоро все стало ясно. Последними шли я и Пенчо Дворянов. Дети не спускали глаз именно с Пенчо. Оказалось, что их любопытство было вызвано покроем шаровар, сшитых в г. Карлово, которые носил Пенчо.

После окончания торжественной части на сцене появился Шаляпин в сопровождении пианиста, который был ему едва по пояс; от этого фигура Шаляпина казалась еще больше. Шаляпин спел несколько песен и закончил выступление «Дубинушкой». Зал загремел бурными аплодисментами, когда он вместо припева «Эх, дубинушка, ухнем! Эх, зеленая, сама пойдет!» зашел:

Эх, дубинушка, ухнем!
Эх, советская, сама пойдет!..

На другой день начались рабочие заседания конгресса. В зале, где он проходил, впервые встретились делегаты разных стран, до того знавшие друг друга только по именам. Советские товарищи отнеслись к иностранным делегатам с большим интересом. В свободное время, в перерывах между заседаниями, они подсаживались к нам или же вместе с нами прогуливались в кулуарах, ведя оживленные разговоры. Но еще большим был интерес иностранных делегатов к крупным деятелям и героям Октябрьской революции. Здесь были люди, имена которых прогремели на весь мир, и в первую очередь имя Ленина.

Ленина на этом заседании еще не было. Он явился, если не ошибаюсь, только на восьмое заседание. При его появлении зал захлопотал от аплодисментов и оваций. Все делегаты стоя, с энтузиазмом приветствовали великого учителя и вождя, гения революции, который озарил человечество ярким светом своей глубокой марксистской мысли. Скромный и спокойный, он сразу же сел за стол и деловито стал рыться в своей папке, наклонив голову и уже не поднимая ее, — казалось, он хотел сказать: давайте оставим это, есть дела и поважней.

В это время с трибуны говорили итальянские делегаты. В их делегации были не только коммунисты, безоговорочно присоединившиеся к программе III Интернационала и которыми здесь руководил Дженнари, но и последователи Серрати, представителем которых был Лаццари. Серратисты не соглашались с некоторыми пунктами программы III Интернационала. Чтобы убедить их в правоте этой программы и помочь Итальянской компартии ликвидировать кризис, в Италию был послан в 1920 году Христо Кабакчев. Вот почему все стремились услышать, что сейчас скажет представитель серратистов, который только начал свое выступление, когда вошел Ленин.

Уже пожилой человек, оратор старой школы, Лаццари говорил темпераментно, преувеличенно жестикуюлируя и оборачиваясь во все стороны. Когда он закончил, все приготовились слушать перевод. Сейчас вы надеваете наушники и втыкаете вилку в ту розетку, над которой стоит надпись на вашем родном языке или языке, перевод на который вы хотели бы слу-

шать. Тогда же перевод делался так: после окончания речи переводчики расходились по четырем углам зала и там переводили речь на русский, французский, немецкий и английский языки. Каждый отправлялся в тот или иной угол, в зависимости от того, какой язык он понимал.

Мы, естественно, отправились в угол, где давался русский перевод. Переводил, кажется, Луначарский... Заслушавшись, я не заметил, как кто-то стал рядом со мной, плотно прижавшись к моему левому плечу. Оборачиваюсь — Ленин! Казалось, мое плечо обдало жаром. Какое счастье! Я всматривался в его лицо, которое было совсем близко от моего, чувствовал его дыхание, вглядывался в цвет лица и волос, стараясь запомнить все как можно лучше...

Я так увлекся, что очнулся лишь, когда меня ущипнул Асен Попов.

— Ты что зазевался! Слушай!

— Чудак! Завтра я прочитаю это в газете, а его так близко увижу или нет...

Ленин продолжал слушать, время от времени помечая что-то в своей записной книжке. Лицо его было теперь спокойное, искренне и добродушно. Я продолжал его разглядывать и думал: какая человечность исходит от него! Генрих, который настолько же велик, насколько прост и прекрасен. Так прост и мил, с такой обаятельной силой тебя притягивает, что ты не можешь глаз от него оторвать.

Когда переводчик закончил и делегаты стали расходиться и усаживаться, Ленин внезапно обернулся ко мне:

— А вы почему так загляделись на меня, товарищ?

— Извините, товарищ Ленин, — ответил я, немного смущенный этим неожиданным обращением, — но я художник. Наверно, буду когда-нибудь вас рисовать.

— Ах, вы, значит, художник? А откуда вы?

— Из Болгарии.

— А много там наших художников?

— Да, есть.

Здесь в смущении я, понятно, немного преувеличил. Тогда в Болгарии наших художников-коммунистов можно было перечесть по пальцам. Но все же они были.

Около нас собралось несколько человек — репортеры и художники. Они, как и я, жадно и с любопытством внимательно вглядывались в лицо Ленина,

— Товарищ Ленин, уделите нам немного времени, — попросил кто-то.

Ленин посмотрел на нас, захватил пальцами свою жилетку и кивнул головой:

— Ну, ну... пойдете.

Мы последовали за ним. В одной маленькой комнате было только несколько делегатов. Ленин сел на стул и, вынув блокнот из кармана, обменялся несколькими словами с одним журналистом, французом. Рисовали мы его три или четыре минуты — точно не помню. Кто-то сказал, что Ленина зовут к телефону. Он ушел и больше уже не вернулся. К тому же перерыв закончился и начиналось заседание.

Первым слово получил Дженнари. Когда он кончил, Ленин поднялся на трибуну. Он отвечал Лаццари. И даже не отвечал, а скорее спрашивал. Вопросы сыпались один за другим, как пули из пулеметной ленты. Лаццари все чаще и чаще вынимал свой носовой платок и вытирал взмокшую шею. Теперь Ленин был уже совершенно другим. Его лицо было напряженно, вдохновенно, целеустремленно.

Другой раз мы были свидетелями интересной сцены. Ленин вошел и сразу же направился к столу президиума. Но слова оратора, говорившего в то время, показались ему столь интересными, что он, не тратя времени на то, чтобы обойти колонну и попасть в президиум, присел на нижнюю ступеньку возвышения (на котором находился президиум) и быстро стал что-то записывать в свой блокнот. Этот интересный момент заснял много фотографов, многие художники сделали наброски. Одним из самых деятельных художников, сделавших тогда много рисунков, был Бродский.

Глубоко врезался мне в память и другой случай.

Время, когда мы находились в Советской Социалистической Республике, было тревожным. Врангель не был еще разбит. То тут, то там вспыхивал какой-нибудь очаг контрреволюции. Москва выглядела безлюдной, потому что многие ушли на фронт и на ответственные участки по всей необъятной стране, которым угрожала опасность. Но город был начеку. Студенческие собрания напоминали казармы. Часто среди ночи студенты хватали винтовки, и из окон гостиницы я слышал поспешный топот их ног, замиравший где-то в направлении Кузнецкого моста.

Из-за нехватки рабочих рук в то время организовывались так называемые «субботники». Каждую субботу свободные граждане отправлялись на работу (нечто подобное трудовым дням у нас), бесплатно помогая молодому пролетарскому государству справляться с трудностями.

Делегаты конгресса также захотели принять участие в этих субботниках. И в одну из суббот, построившись в колонны, с песнями и маршами, мы отправились к указанному нам объекту. Это был Александровский вокзал¹, где нужно было выгрузить из вагонов и рассортировать балки.

Мы прибыли на вокзал. Перед нами стояли длинные вереницы вагонов, груженных балками и другими материалами, — целые товарные составы, разгружать которые было некому. Распределившись по два человека на каждый вагон, мы должны были сгрузить балки из вагонов, а затем сложить их в штабеля.

Разгрузка одного из таких вагонов досталась мне и товарищу Георгию Димитрову. Работа началась. Снимаем балки и осторожно кладем их в сторону. Вначале все шло хорошо: мы одновременно подхватывали балки и разом клали их на определенное место. Но к середине работы — уже, когда вагон был почти наполовину разгружен, — случилась небольшая неприятность. Одна из балок оказалась очень толстой и тяжелой. Товарищ Димитров, который был тогда в расцвете своих сил, как человек здоровее и сильнее меня, удержал балку, а я ее не удержал. Конец балки придавил мне ступню ноги, и я скорчился от боли. Ушиб был не очень сильным, но советские товарищи сразу же отправили меня в Кремлевскую больницу, где мне сделали компресс и уложили в постель.

Через несколько часов после этого ко мне подошла сестра, улыбнулась и сказала:

— А знаете, кто интересуется вами? Только что спрашивал Владимир Ильич. Он узнал, что один из иностранных делегатов ушибся при разгрузке балок на Александровском вокзале, и спрашивал о его здоровье.

¹ Теперь Белорусский вокзал. — *Ред.*

Забывается ли такое? Очень трудно представить себе, как нашел Ленин время заниматься такими мелочами.

Эти отдельные моменты из жизни самой светлой личности в истории человечества глубоко врезались в мою память.

*«Воспоминания болгарских товарищей
о Ленине» (Перевод с болгарского).
М., Госполитиздат, 1958, стр. 54—60.*

ПОЛЬ ВАЙЯН-КУТЮРЬЕ

ЛЕНИН

Коротки неизгладимые минуты, проведенные мною с Лениным. С тех пор, как его нет с нами, я жадно роюсь в своей памяти, чтобы восстановить мельчайшие подробности этих драгоценных мгновений. И когда открываю его книги, погружаюсь в его учение, идеи, слова, я сразу вновь вижу живого Ильича, с его глазами, улыбкой и жестами...

Это было в 1921 году. Год после вступления французской партии в Коминтерн. Через развалины Европы мы пришли к создающему пролетариату Советской страны.

Ямбург, Кронштадт, Петроград зияли еще тысячами открытых ран. Уже тогда мы были поражены до глубины души встречей с этими легионами людей, пионерами новой жизни, солдатами разрушения и возрождения, войны и строительства.

Поставили ногу на советскую землю — и сразу почувствовали себя физически освобожденными от западноевропейского капитализма. Мы почувствовали себя перерожденными, но до крайности идеологически слабыми и беспомощными. Русская партия. Вот это партия! А мы, французы, мы всё еще возимся с фроссарами (ренегатами). Под тяжестью этих мелких буржуа наша партия длительное время не могла заняться воспитанием масс, она погрязла в мелкобуржуазной тине.

Не скрываю, что некоторые из нас и я лично, увлекаемые нашей ненавистью к правым, делали и говорили глупости.

Помню, как во время заседания французской секции я подошел к Ленину.

— Вы левый? Ну-ну, не так страшно.

Он сразу же увидел меня насквозь и любящей рукой поставил на место. Никогда я не встречал такого человека. Мы с ним после этого говорили о многих вещах при случайных встречах: о крестьянах, о французской революции, о Парижской коммуне.

Владимир Ильич был и остался олицетворением непрерывного действия и в то же время марксистом с головы до ног. Соприкосновение с ним производило на сознание впечатление вихря, ворвавшегося в душную комнату; оно освежало загруженный предрассудками и формальными доктринами мозг.

Нарисовать Ленина до сего времени не удалось; черты его лица были до того насыщены внутренним содержанием его образа, что передать это карандашом почти невозможно. Внешне широколицый, скуластый, с редкой бородкой, крупным носом, постоянно лукавой улыбкой на губах и в глазах, с руками в карманах. Несравненное добродушие, прямота, спокойствие, железная логика, культура и знания энциклопедиста.

У этого гиганта мысли и воли не могло быть места душевным драмам. Твердая уверенность в правоте своего дела, ни одного колебания, отклонения от раз намеченной цели.

Ленин-интеллигент умел мыслить, как рабочий. Ленин-оратор говорил без пустых фраз и трескотни. Человек, потрясший весь мир; в чьем сознании непрерывно переваривалось все, чем жил и дышал этот мир, этот человек сохранил в себе до конца сознательной жизни удивительную способность чувствовать и мыслить, как китайский кули, как носильщик-негр. Угнетенный аннамит, индус были ему так же понятны, были такой же открытой книгой, как ленинградский металлист, как парижский текстильщик, как шахтер из Новой Виргинии. Ленин — это законченный тип нового человека; он являлся для нас прообразом человека будущего.

Таким предстал передо мной Владимир Ильич с первых дней моей встречи с ним.

*«Воспоминания о Владимире Ильиче
Ленине», ч. 2. М., Госполитиздат,
1957, стр. 625—626.*

УИЛЬЯМ З ФОСТЕР

НА КОНГРЕССАХ КОМИНТЕРНА

(ОТРЫВОК ИЗ КНИГИ «СТРАНИЦЫ ИЗ ЖИЗНИ РАБОЧЕГО»¹)

Мне посчастливилось присутствовать на некоторых всемирных конгрессах и расширенных пленумах Коминтерна. В этих конгрессах и пленумах участвовали славные революционные борцы, которые в течение целого поколения находились в гуще всех больших стачечных движений и революционных выступлений во всем мире — от Лондона до Шанхая и от Торонто до Буэнос-Айреса. Эти конгрессы были самыми жгучими и поучительными событиями во всей моей политической деятельности.

Впервые мне довелось видеть Ленина на III Всемирном конгрессе Коммунистического Интернационала в Москве в 1921 году. Он скромно стоял у прохода, который вел к трибуне и вслушивался в речь одного из делегатов. Это был один из самых волнующих моментов моей жизни. Вот он — великий вождь угнетенных всего мира; вот тот человек, одно имя которого бросает в жар эксплуататоров в самых отдаленных углах земного шара.

Я был проникнут глубоким интересом к личности Ленина, ибо он оказывал в тот момент сильное влияние на мою идеологию и деятельность. Как раз в период III конгресса я был весь погружен в изучение его произведений.

В течение многих лет я прочитал сочинения чуть ли не всех социалистов, анархистов и синдикалистов. Обладал я также немалым опытом практической работы в массовых движениях этих направлений. Но учение Ленина захватывало и подавляло своей убедительностью. Нельзя было не согласиться с блестящим анализом капитализма эпохи империализма, с его уничтожающей критикой ревизионизма, синдикализма и анархизма.

¹ Вышла в 1939 г. в Нью-Йорке. — *Ред.*

Мне было нетрудно принять его учение о диктатуре пролетариата, его генеральную программу коммунизма. Ведь эти его положения опирались на живую действительность Октябрьской революции. Больше 20 лет я брел в темноте, пробираясь ощупью, и наконец благодаря Ленину стал на твердую революционную почву.

Ленин выступал на конгрессе. Он был оратор особого свойства. Когда Ленин говорил, весь конгресс с затаенным дыханием следил за развитием его мысли. Ленин был столь глубоким мыслителем и в то же время высказывался со столь исчерпывающей ясностью, что, когда он говорил или писал, он как бы на ладони держал обнаженную сердцевину разбираемой проблемы.

1939 г.

*Газета «Вечерняя Москва»,
22 апреля 1940 г.*

РОБЕРТ ЛЕЙББРАНД

УРОК У ЛЕНИНА

На III конгрессе Коммунистического Интернационала летом 1921 года, в котором я участвовал в качестве делегата немецкого Союза молодежи, я неоднократно видел и слышал Ленина. Сегодня я уже не припоминаю все подробности, но незабываемым для меня осталось одно из выступлений Ленина.

Это было во время прений о тактике коммунистических партий. Докладчик, стоявший на трибуне, итальянский товарищ Террачини, говорил по-французски. Я ждал перевода его доклада. В палящий июльский зной я не мог усидеть на своем тесном месте и нашел себе более удобное — на высоких ступенях, ведущих к президиуму.

Я почти не обратил внимания, что на этом несколько необычном месте у меня оказался сосед. Лишь после того, как многие товарищи в зале стали смотреть в нашу сторону, я стал внимательнее и увидел: рядом со мной сидит Ленин. Очевидно, он только что вошел в зал и запросто сел на первое попавшееся место вблизи докладчика. Ленин держал на коленях маленький блокнот и быстро писал. Он, конечно, делал для себя заметки о речи Террачини, с которой, казалось, был явно несогласен. Это можно было заметить по тому, как он иногда сердито поглядывал на трибуну. Иногда он лукаво прищуривал глаза, как будто хотел сказать: «Ну, подожди же, дружок, вот ты снова сказал явную глупость, это я тебе припомню!» И затем убедительно сделал это, выступив в прениях.

Резкая критика Ленина полностью относилась и ко мне. Я, как и большинство немецких делегатов, прибывших на конгресс, являлся сторонником так называемой «теории наступления». В дискуссиях, предшествовавших конгрессу, «теоретики наступления» уже «потеряли много перьев». Я начал понимать, что эта «теория», которая мне казалась такой «левой» и «по-

следовательно революционной», была ошибочной и несостоятельной, но я еще не был убежден в этом до конца. Я тогда думал, что наши критики, как бы неопровержимы ни были их аргументы, все же не поняли, чего мы, собственно, хотели, что они недостаточно серьезно восприняли наши опасения перед повторением оппортунистических ошибок и наши усилия сдерживать отлив революционной волны и дали на это неудовлетворительный ответ.

Мне рассказывали, что Ленин уже выступил против «левых» ошибок в Исполкоме (Коминтерна. — *Ред.*) и на заседаниях некоторых делегаций. Но сам я еще не слышал выступлений Ленина по этим вопросам тактики. И вот он говорил, говорил более резко и беспощадно, чем все, кого я слышал до сих пор. И все же я не чувствовал себя оскорбленным его словами. Ленин умел убеждать, он излагал трудные, запутанные проблемы очень ясно и просто. Так мог говорить только человек, обладающий огромными теоретическими знаниями и глубоким пониманием того, что чувствовали и о чем думали рабочие массы. Он более четко и ясно, чем я сам, мог высказать, что волновало меня, с какими заботами и сомнениями мы боролись. И испытывал чувство стыда и облегчения одновременно: именно так обстоят дела и так за них следует приниматься, чтобы вышел толк. Как же я сам не увидел этого!

Конечно, я не сразу полностью осознал урок, данный нам тогда Лениным. Кое-что мне стало ясным лишь позднее, во время изучения его трудов. А многое я должен еще и сегодня изучать все снова и снова. Но когда я стою перед трудными задачами, то часто вспоминаю об этом уроке Ленина.

*«Незабываемый Ленин». Воспоминания
немецких товарищей (Перевод с немецкого)
М., Госполитиздат, 1958, стр. 100—101.*

«НУ-КА, РАССКАЖИТЕ О СВОИХ ГЕРОЙСКИХ ПОДВИГАХ В СРЕДНЕЙ ГЕРМАНИИ!»

В 1908—1912 годах я жил в Швейцарии, где ближе познакомился с учением Ленина и много читал о его борьбе. Во время одной похоронной процессии со мной рядом шел молодой русский, который только что приехал в Цюрих после побега из сибирской ссылки. Этот товарищ был без средств и даже не имел документов. Мы позаботились о нем. Несколько лет он прожил вместе с нами, вплоть до своего отъезда в Париж. Этот молодой русский из Проскурова, Алексей Фурман, он же Наум Шатц, был убежденным большевиком. Вскоре он уже имел ряд общественных нагрузок в цюрихской русской эмигрантской группе и принимал активное участие в проводившихся с широким размахом в 1908 и 1909 годах диспутах против «богоискателей» и других. Каждый раз, приходя домой, он разъяснял мне, как глубоко неправы Богданов, Луначарский, Плеханов и другие и почему прав Ленин.

Однажды я вместе с Шатцем был в небольшой русской библиотеке на Университетской улице в Цюрихе, где тот дежурил на выдаче книг. Неожиданно он обратил мое внимание на двух прохожих, шедших по другой стороне Университетской улицы. В большом волнении он сказал: «Вот тот, невысокого роста, — это наш вождь, это Ленин». За ними шли еще двое. «Видишь, — говорил он, — а те двое — это наши враги, Мартов и Мартынов».

Так мне, по крайней мере на расстоянии, удалось познакомиться с Лениным, а из рассказов Шатца я узнал также, что каждый честный рабочий должен идти с Лениным и что меньшевики являются оппортунистами.

Осенью 1920 года произошел раскол Независимой социал-демократической партии Германии. Левое крыло, за которым шли широкие массы рабочих, вступило в коммунистическую партию, и в результате мы превратились в массовую партию. Это обязывало нас действовать соответствующим образом. К тому же среди многих левых из Независимой социал-демо-

кратической партии все еще господствовало мнение, что для настоящей революции совершенно не обязательно завоевание большинства пролетариата, а достаточно решившегося на все меньшинства. Неудивительно поэтому, что и в Объединенной Коммунистической партии Германии¹ было широко распространено мнение, что сейчас настало время, когда мы можем нанести буржуазии ответные удары за поражения в прошлом.

Этим настроением воспользовались наши буржуазные противники и спровоцировали нас на прямое столкновение в Средней Германии, в Лейпне и Мансфельде. Дело закончилось, как известно, тяжелым поражением, которое сразу же привело к тому, что от КПГ откололось большое число членов, только что пришедших в нашу партию.

Мы не извлекли никаких уроков из этого провала, не оценили его последствий. Напротив, мы вначале придерживались мнения, что это поражение имеет лишь второстепенное значение и в конечном счете даже приведет к укреплению партии. Обоснование этого взгляда было изложено в сборнике, называвшемся «Теория наступления». В нем говорилось, что, поскольку наша партия является подлинно массовой партией германского пролетариата, «мы должны всюду искать встречи с врагом и наносить ему удары».

Так как я снова очутился на нелегальном положении и полиция разыскивала меня, партия послала меня своим представителем в Москву. По приезде туда я сразу же попытался договориться о встрече с Лениным. Я надеялся, что Ленин поддержит «теорию наступления». С верой в нашу партию и в ее в основном правильную тактику да к тому же с «теорией наступления» в запасе я рассчитывал произвести хорошее впечатление на Ленина.

* * *

*

Хотя я ежедневно добивался свидания с Лениным, мне пришлось ждать восемь дней, пока он принял меня. Наконец меня вызвали, и я, все еще в радужном настроении, направился

¹ Объединенная КПГ была образована в декабре 1920 года на объединительном съезде КПГ и значительного большинства членов Независимой социал-демократической партии. В августе 1921 года, на следующем съезде, партия снова приняла свое прежнее название: Коммунистическая партия Германии. — *Ред.*

в Кремль. Поднялся на второй этаж, где находилась квартира Ленина, вошел в нее и как-то сразу очутился перед ним. Он сидел в своем рабочем кабинете, в плетеном кресле. Обратившись ко мне по-немецки, он предложил сесть. Затем с оттенком легкой иронии в голосе произнес:

— Товарищ Геккерт, ну-ка, расскажите о своих геройских подвигах в Средней Германии!

Ему не пришлось долго уговаривать меня, я сразу же выложил все, что у меня было на сердце. Ленин сказал:

— Но говорят, что вас побили.

Я попытался доказать, что это не так, что после среднегерманских событий наша партия продолжает расти и укрепляться.

— Вот как! — сказал Ленин. — Интересно, как вы это сможете доказать? Вы попались на провокацию, вас хорошенько поколотили, и партия за это будет горько расплачиваться...

В разговоре со мной Ленин высказал те мысли, которые он позднее изложил на III конгрессе (Коминтерна. — *Ред.*). В России большевики победили и удержали власть потому, что они не только завоевали твердое большинство в рабочем классе, но и сумели привлечь на свою сторону армию и подавляющее большинство крестьянства. Для того чтобы победить, необходимы массы. Революцию нужно тщательно готовить, иначе нельзя победить. В Германии только разговаривали о наступлении, но на деле не готовили его.

Совершенно уничтоженным я покинул кабинет Ленина. Теперь я уже знал: наша немецкая делегация со своей «теорией наступления» если и произведет какое-нибудь впечатление, то плохое...

Вскоре из Германии прибыли и другие делегаты на III конгресс Коминтерна. Мы все вместе снова пошли к Ленину. Он принял нас в том же кабинете. Мы еще раз изложили ему наши аргументы, хотя уже и без прежней уверенности. У некоторых авторов «теории наступления» уже имелись сомнения по поводу той или иной формулировки. Ленин снова устроил нам головомойку, теперь в более резких выражениях. Он спросил:

— Как же вы себе представляли, что подумают рабочие, если вы их поведете на бой и они получают такие удары, как это было в Мансфельде?

После того как Ленин доказал нам всю шаткость, ошибочность и опасность нашей позиции, мы вышли от него в угнетенном состоянии...

Позднее, на одном заседании в Кремле, Ленин еще раз разъяснил всей немецкой делегации, в состав которой входили и товарищи, не являвшиеся сторонниками наших действий в Средней Германии, всю нелепость того, что мы натворили. Он указал, что к нам примазались такие элементы, как шпик Ферри, который предпринял попытку взорвать обелиск Победы. Ленин сказал:

— Ведь провокация была видна как на ладони. И вместо того, чтобы в целях защиты мобилизовать рабочие массы для отпора атакам буржуазии и таким образом показать им, что вы правы, вы выдумали бессмысленную «теорию наступления», которая всем полицейским молодчикам, всем реакционным властям дает возможность изображать вас как зачинщиков нападения, от которых-де надо защищать народ!

В результате этой беседы мы немедленно прекратили пропаганду «теории наступления».

На заседаниях, проходивших в связи с подготовкой к конгрессу в одном из залов гостиницы «Континенталь» на Театральной площади, Ленин еще раз вскрыл все наши слабости и ошибки. Нам было очень досадно, так как тут же присутствовали и представители коммунистических партий других стран. «Если нас и следует критиковать, то зачем же делать это в присутствии столь многих иностранных товарищей?» — рассуждали мы. Пауль Фрелих даже сказал:

— Я не думал, что Ленин такой мелочной человек.

Он был явно разочарован и недоволен этим методом большевистской критики...

Во время конгресса произошел случай, который ярко характеризует Ленина как человека. Клара Цеткин резко нападала на нас. Поэтому мы, особенно я в своей речи, допускали в ответ резкие нападки и на нее. Но случилось так, что как раз на другой день после этих нападков Клара отмечала свое 64-летие. Разумеется, надо было на конгрессе приветствовать старую революционерку, шедшую в авангарде нашей борьбы. Был доставлен большой букет роз. Но тут встал вопрос: кто же произнесет приветственную речь? Выбор пал на меня. Я, конечно, хотел увильнуть от этого поручения и приводил десятки всяческих отговорок. Тогда Ленин взял меня за руку и сказал:

— Товарищ Геккерт, вы вели в Германии неверную политику, на это можно злиться. Клара сказала вам, что ваша политика была плоха. Быть может, не каждое из ее слов было

уместно. Но и вы вчера очень резко и несправедливо выступали против Клары. Так загладьте же это сегодня букетом роз.

Я изо всех сил постарался сделать это. Клара приняла от меня букет со словами благодарности. Когда я сошел с трибуны, Ленин шутливо сказал:

— Ну вот, все сошло хорошо!..

* *
*

В гостинице «Континенталь» была организована небольшая выставка так называемых «революционных» художников. Там было собрано старое тряпье, черепки, кусок печной трубы и тому подобные вещи, прибитые к полотнам с пестрыми масляными кляксами, и весь этот хлам должен был обозначать новую живопись. Я был просто в ужасе. Когда я спорил с одним товарищем, который пытался найти какой-то смысл в этих «художествах», — кажется, это был художник Уиц, — Ленин, покачивая головой, произнес за моей спиной:

— Вот видите, товарищ Геккерт, и у нас такое бывает!

Я был доволен, что Ленин не считал эти «художества» прогрессом культуры.

* *
*

В конце октября 1921 года друзья позвали меня с собой на доклад Ленина в Колонном зале Дома Союзов. Зал был битком набит. Все с нетерпением ждали докладчика.

Ленин говорил о необходимости новой экономической политики и вытекающих отсюда задачах¹. В этом вопросе мы, коммунисты Запада, не сразу разобрались. В зале присутствовали товарищи, которые считали нэп чуждым для революции делом. Ленин говорил о том, что коммунисты теперь должны научиться торговать, что методами военного коммунизма дальше нельзя уже двигаться вперед. Он говорил также, что больше-

¹ Автор, видимо, присутствовал на VII Московской губернской партийной конференции, проходившей 29—31 октября 1921 года, на которой с докладом выступил В. И. Ленин (см. *В. И. Ленин*, Соч., т. 33, стр. 59—84). — *Ред.*

вики хоть и не умеют еще сейчас торговать, но, безусловно, научатся этому.

Этим некоторые из присутствующих были очень оскорблены. Они, видите ли, вовсе не хотят, чтобы их «унижали» до роли «торгашей». Один русский товарищ, с которым я познакомился, когда он занимался делами освобождения русских военнопленных в Германии, был ярким противником нэпа. Он специально приехал на это собрание из Свердловска, где руководил оружейным заводом. Этот товарищ никак не мог стерпеть требования Ленина научиться торговать и немедленно попросил слова, чтобы чисто по-партизански обрушиться на его «оппортунизм». Еще один такой же «герой» выступил против Ленина. Но с какой силой и беспощадностью их доводы были разбиты Лениным!

Через несколько дней после этого собрания я вместе с товарищем Вильгельмом Пиком еще раз имел возможность поговорить с Лениным по немецким партийным вопросам.



В последний раз я видел Ленина после его первого заболевания, на IV конгрессе Коминтерна¹. Тогда я почувствовал всю глубину огромной любви, которую не только большевики, но и все иностранные товарищи питали к основателю Коммунистического Интернационала.

Когда Ленин не мог приезжать на заседания конгресса, мы по вечерам после окончания заседаний часто приходили к его квартире и пели «Бандьера Росса»². Этот гимн всегда подхватывали итальянцы, и их мелодичные голоса покрывали все остальные. И когда мы видели силуэт Ленина у окна, то были очень счастливы. Мы тогда совсем не понимали, что своим шумом нарушали покой тяжелобольного Ленина...

Вместе со всеми товарищами и я, конечно, надеялся, что Ленин вскоре полностью поправится и сможет снова прочно

¹ IV конгресс Коминтерна проходил с 5 ноября по 5 декабря 1922 года. Открытие конгресса состоялось 5 ноября в Народном доме в Петрограде; дальнейшая работа конгресса продолжалась в Москве. Выступление В. И. Ленина на конгрессе см. *В. И. Ленин*, Соч., т. 33, стр. 377—394. — *Ред.*

² Итальянский революционный гимн «Красное знамя». — *Ред.*

взять в свои руки руководство нашей всемирной партией (Коминтерном. — *Ред.*). Уже давно у меня не оставалось никакого сомнения в том, что он самый выдающийся революционный вождь, которого я когда-либо встречал.

Известие о смерти Ленина как громом поразило меня. Я долго еще не мог поверить в то, что Ленин действительно ушел от нас. Сколько раз наши враги писали: «Ленин умер». Может быть, и на этот раз неправда? Но, увы, печальная весть не была опровергнута!

Когда я снова — впервые после смерти Ленина — увидел первомайскую демонстрацию на Красной площади перед его Мавзолеем, то всеми фибрами души почувствовал: Ленин не умер, он живет и будет жить в наших сердцах, в нашей борьбе за победу коммунизма на всем земном шаре. Он живет в грандиозной социалистической стройке Страны Советов, живет в революционной борьбе коммунистов всех стран.

*«Незабываемый Ленин», Воспоминания
немецких товарищей (Перевод с немецкого)
М., Госполитиздат, 1958, стр. 93—99.*

БЕРНАРД КЕНЕН

КАК Я ВСТРЕЧАЛСЯ С ЛЕНИНЫМ НА III КОНГРЕССЕ КОММУНИСТИЧЕСКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА

С 22 июня по 12 июля 1921 года в Москве заседал III конгресс Коммунистического Интернационала. Я был избран от округа Средняя Германия одним из 25 делегатов Объединенной Коммунистической партии Германии (ОКПГ). С 7 ноября 1918 года до выступления в марте 1921 года я был председателем рабочего совета на химическом предприятии Лейнаверк. С 1907 года я являюсь членом партии, активно участвую в партийной и профсоюзной работе. Поэтому Великая Октябрьская социалистическая революция и установление власти рабочего класса в России были для меня событиями громадного значения и величия.

Возможность через несколько недель самому увидеть, услышать и познакомиться с Лениным, которого все считали гениальным вождем победоносной большевистской партии и первого в мире социалистического государства, наполняла меня в майские и июньские дни 1921 года восторгом, радостным ожиданием. Я должен был познакомиться с Лениным, а также с рабочими, крестьянами, с первой страной народной Советской власти.

Мы ехали через старую столицу России Петроград. (Столицей Советской власти теперь была Москва.) В Петрограде еще зияли многочисленные воронки от снарядов, между булыжниками мостовой на многих, даже на главных, улицах Петрограда росла трава. Движение транспорта было еще почти полностью парализовано.

Мы слышали разговоры о подвигах курсантов военного училища Красной Армии, которые совсем недавно, в феврале 1921 года, с полным презрением к смерти штурмовали Кронштадт, перейдя через Неву¹, и успешно подавили восстание,

¹ При штурме Кронштадта красноармейцы переходили по льду через Финский залив. — *Ред.*

спровоцированное социалистами-революционерами. На Украине еще до лета 1921 года бесчинствовал Махно — главарь анархистских банд.

В Москву в течение мая и июня прибывали делегаты из 48 стран на III конгресс Коминтерна. В Москве были также многочисленные делегации рабочих и крестьян, представители Красной Армии и Красного Флота. Они стекались в центр из всех уголков громадной Советской страны и возвращались на места с новыми познаниями, директивами и инструкциями, чтобы строить новую жизнь после того, как в героических боях враг был разбит.

Большое впечатление произвели на нас делегации из засушливых областей на Волге, где десятки тысяч людей умирали тогда от голода, тифа и туберкулеза. Мы прощались с руководителями делегаций, которые почти ничего не могли получить от центра, так как в центре тоже ничего не было. Они увозили с собой решение партии: коммунисты в охваченных голодом и тифом областях на Волге остаются с массами! Они знали, что ехали, может быть, на смерть. Так мы познакомились со страной и рабочим классом, проявлявшими беспримерный революционный героизм.

Директор энергохозяйства города Москвы и Московской губернии попросил металлистов и электриков, приехавших в числе иностранных делегатов на III конгресс Коминтерна, посетить его. Мы собрались в запыленном и заставленном множеством деталей машин и электроматериалами рабочем кабинете единственной крупной электростанции, работавшей тогда в Москве. Директор выразил нам свое удовлетворение тем, что может один-два часа поговорить со специалистами, которые работают на производстве с новейшей техникой, в то время как он вынужден, имея дело только с развалинами электростанций и машин, изыскивать всевозможные пути, чтобы давать хоть немного электроэнергии для столицы Советского государства. Однако он с гордостью рассказывал нам, что группа товарищей занимается составлением плана электрификации Советской страны — от Петрограда до Владивостока.

Это был великий план смелого и гениального Ленина! И мы, рабочие и коммунисты капиталистических стран, чтобы помочь его осуществлению, в последующие месяцы и годы собирали гвозди, болты, напильники, щипцы, металлолом, резцы, измерительные и другие инструменты, запаковывали их в ящики и

отправляли через организацию Международной рабочей помощи (Межрабпом) нашим братьям в молодом Советском государстве, которые с непреклонной решимостью и революционным подъемом буквально из ничего начали строить новый, социалистический мир.

КАК ЛЕНИН РАЗВИВАЛ СВОЕ ВЕЛИКОЕ УЧЕНИЕ О НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ

На заседаниях Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала, на заседаниях комиссий и пленарных заседаниях конгресса представители братских партий 48 стран обсуждали вопрос о наступлении мирового империализма против рабочего класса, в результате которого первая волна мировой революции в западноевропейских капиталистических странах была остановлена. Они высказали свое мнение по вопросу о мобилизации масс на защиту своих насущных интересов, о подготовке к нанесению новых ударов по крепости капитализма.

Победоносная партия большевиков познакомила зарубежных делегатов со своей новой экономической политикой. После разгрома и изгнания интервенционистских армий Советская страна смогла покончить с политикой военного коммунизма, навязанной ей интервенцией и гражданской войной. Из уст Ленина мы должны были услышать и узнать, какой будет новая тактика большевистской партии, которую правящий рабочий класс должен применять, чтобы вовлечь все население города и деревни в хозяйственное строительство, с тем чтобы создать предпосылки для построения социализма. Нужно было по-новому, без принуждения военного времени укрепить союз крестьян — середняков и бедняков — с рабочим классом, подготовить массы к защите и укреплению диктатуры пролетариата, сплотить их для борьбы против поднимающих голову классовых врагов, с тем чтобы окончательно сломить сопротивление противников Советской власти.

В обстановке напряженного ожидания начал Ленин свой доклад о новой экономической политике молодого советского государства¹. В его распоряжении был час для изложения

¹ «Доклад о тактике РКП» (см. *В. И. Ленин, Соч.*, т. 32, стр. 454—472). — *Ред.*

своего великого учения, которое имело такое огромное значение для дальнейшего развития Советской власти и социалистического строительства и которое еще сегодня в основном сохраняет свою силу в странах народной демократии, строящих социализм.

Видеть Ленина и слышать, как он говорит, уже само по себе было незабываемым событием, тем большим событием должен был стать этот доклад. Ленин делал его на немецком языке, лишь по кратким замечкам, стоя не на трибуне, а у рамы сцены. Ленин развивал свои идеи ясно, концентрированно, глядя далеко вперед. Уже через полчаса мне казалось, что он настолько убедительно доказал правильность, раскрыл содержание и существо новой экономической политики по отношению к крестьянам, что не могло быть больше никаких сомнений в необходимости перехода от продразверстки времени военного коммунизма к продовольственному налогу.

Но Ленин продолжал говорить. Он рассматривал вопрос все с новых точек зрения. Я был поражен многообразием проблем, которые он в этой связи ставил и сразу же разъяснял как составные части одного и того же дела, а именно перехода к новой экономической политике.

Несравненная сила убеждения Ленина произвела на меня незабываемое впечатление. Не только я, но и другие слушатели удивлялись тому, как Ленин самыми простыми, обычными словами разъяснял смысл своего доклада. Он как бы вбивал нам в головы суть дела непрерывными и точными ударами, так что не могло остаться какого-либо недопонимания или ложных истолкований.

Я почти осязаемо представил себе, как нап повлиять на широкие массы крестьян, как укрепился союз рабочих и крестьян, как он приобрел еще большее значение и стал еще более прочной основой молодой Советской власти. Обычно доклады лишь закладывают основу для обмена мнениями и дискуссии. Но сообщение Ленина было иным. Еще прежде чем он закончил его, у слушателей уже складывалось впечатление, что в нем будет наверняка освещено буквально все и не останется открытым ни один вопрос. Слушатели были полностью согласны с докладом и с тем, что его можно заканчивать.

Ленин взглянул на часы, сказал вполголоса, больше для себя, но так, что было слышно: «У меня еще две минуты вре-

мени, но я кончил». Ленин всегда придерживался установленного конгрессом регламента, о чем часто забывали другие докладчики.

СЛЕДОВАТЬ ЛИ ПРОСЬБЕ ЛЕНИНА ИЛИ СОБСТВЕННОЙ, ВПОЛНЕ ОПРАВДАНОЙ ВОСТОРЖЕННОСТИ?

Конгресс выслушал речь Ленина с огромным вниманием. Когда Ленин закончил ее, одну секунду длилась тишина, а затем вспыхнула овация. Нескончаемые крики «ура!», аплодисменты и все новые и новые выражения восторга. Ленин сразу же после доклада вернулся за стол президиума. Все участники конгресса вместе с членами президиума встали и непрерывно аплодировали. Ленин стоял у левого края стола президиума, я — совсем рядом с ним. (Исполнительный Комитет постоянно привлекал меня к переводу, так как я странствовал по Западной Швейцарии, работал во Франции и Бельгии и научился говорить по-французски.) Аплодисменты все еще продолжались. Тогда Ленин повернулся в мою сторону и обратился ко мне. Вначале я почти не мог расслышать его, но потом понял: товарищи должны прекратить аплодисменты, пора уже перестать хлопать и кричать «ура!». Я аплодировал от радости и в знак благодарности за то, что Ленин так концентрированно и четко изложил нам великое историческое учение о важной, принципиальной и мудрой политике правящего рабочего класса по отношению к крестьянам, как гарантии диктатуры пролетариата и победы коммунизма. Я аплодировал от восторга за нашего великого Ленина, а сам Ленин требовал от меня рассудительности и деловитости!

Как я должен был преодолеть свое внутреннее противоречие? Авторитет Ленина, его высказанное непосредственно мне требование, с одной стороны, а с другой — страстное желание все снова и снова выражать свой восторг. Так я и стоял в раздвоенности чувств: то бурно аплодируя, то спокойно, не хлопая. Я испытывал невыразимую радость от того, что я, молодой рабочий, стоял совсем рядом с Лениным, но в то же время испытывал и огорчение, что не мог, как другие, горячо выразить свой вполне оправданный восторг великому гению и вождю пролетарской революции, первой рабоче-крестьянской власти.

**ОБЯЗАТЕЛЬНО ЗАВОЕВЫВАТЬ НА СВОЮ СТОРОНУ
РАБОЧИХ ИЗ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ РАБОЧЕЙ ПАРТИИ
ВМЕСТЕ С ЕЕ ВОЖДЯМИ ИЛИ БЕЗ НИХ!**

Ленин особенно интенсивно занимался вопросами деятельности Коммунистической партии Германии. III конгресс должен был, в частности, решить вопрос, может ли и каким образом может Коммунистическая рабочая партия (КРП)¹ стать членом III Интернационала. По уставу только одна партия от каждой страны могла быть членом III Интернационала.

Пять делегатов руководства КРП присутствовали на конгрессе с правом совещательного голоса.

Ленин знал, что беспредельная ненависть к правым лидерам социал-демократической партии, которые совершили по отношению к рабочему классу предательство, вызвавшее кровопролитие, привела некоторых честных революционных рабочих к ультрарадикализму и тем самым в ряды КРП.

В основном у большевистской партии, а также у Исполкома Коммунистического Интернационала уже существовало определенное мнение о том, что руководство КРП было не в состоянии поддержать марксистско-ленинскую линию и политику Коминтерна, так как оно придерживалось псевдорадикальных мелкобуржуазных представлений и чуждых марксизму псевдотеорий.

Ленин явно придавал большое значение тому, чтобы судить о руководстве КРП не по брошюрам и статьям, не только на основании докладов партийных организаций и Коминтерна, а по личному знакомству. Поэтому он решил послушать речь представителя руководства КРП.

Когда последний получил слово для выступления на пленуме по вопросам тактики Коминтерна и КРП, мы неожиданно увидели Ленина, который почти бесшумно прошел между рядами столов и быстро направился по центральному проходу к президиуму. Ленин, как всегда, старался не бросаться в глаза. Перед ступенями, ведущими в президиум, он единственный раз обернулся, быстро нагнулся и присел на ступеньку. Я сидел за одним из передних столов, теперь совсем близко к Ленину. Вместе с другими товарищами я немедленно встал, чтобы, по возможности не производя шума, предложить ему

¹ Коммунистическая рабочая партия Германии — анархистская группа, созданная в конце 1919 года «левыми» мелкобуржуазными элементами, отколовшимися от КПП. — *Ред.*

свой стул. Но Ленин уже сидел и делал нам знак рукой, чтобы мы оставались на своих местах. Его жесты были так выразительны и настолько ясно требовали повиновения, что мы сразу подчинились. Мы почувствовали его желание и его волю: «Оставьте меня поскорей в покое — ведь совсем неважно, где я сижу, важно, чтобы я без помех мог слушать этого оратора, ради чего я и пришел!»

В следующую секунду у него на коленях уже был блокнот, в руке — карандаш, глаза обращены к выступающему, которого он слушал. Нам ничего не оставалось делать, как смириться с тем, что мы удобно сидели на стульях и за столами, а Ленину, нашему великому учителю, предоставили возможность вести свою работу так, как он считал нужным.

Ленин внимательно наблюдал за оратором. Он не только следил за мыслями представителя руководства КРП по его словам, но и читал их по его жестам, по голосу и по нему самому, определяя, каким был оратор на самом деле и каким хотел казаться.

В течение нескольких минут Ленин был весь погружен в это исследование. Затем, так казалось со стороны, все его знания о КРП и дискуссии с коммунистами в Германии, его опыт в своей партии и опыт партий других стран, взгляды оратора, а также то, как он излагал их конгрессу, очевидно, дали ему необходимую отправную точку, и он начал быстро делать пометки. Время от времени он переставал писать, чтобы понаблюдать за оратором, а затем снова быстро продолжал запись.

Примерно через двадцать минут Ленин вдруг прервал свою запись. Вставая, он бросил еще один быстрый взгляд на выступавшего. Так же быстро и бесшумно, как пришел, он покинул зал. Отношение Ленина к высказываниям представителя КРП было изложено позднее, не им самим, а оратором от большевистской партии, которому было поручено выступить по вопросу о КРП на III конгрессе.

Разногласия с КРП проявились на конгрессе так ярко и открыто, что больше не могло быть и речи о слиянии Коммунистической рабочей партии с Объединенной Коммунистической партией Германии и о ее включении в Коминтерн. Через два-три года в Германии уже почти ничего не было слышно о КРП. Все из нее и без того немногочисленных членов, еще связанных со своим классом, уже давно поодиночке или небольшими группами перешли в ОКПГ.

Для нас было большой радостью, когда мы позднее узнали, что один из делегатов — хороший портретист — сумел зарисовать рассказанное выше о Ленине. Так возник известный выразительный эскиз — погруженный в работу, спящий на ступенях лестницы Ленин.

ДАЖЕ САМЫЙ СЕРЬЕЗНЫЙ ОТВЕТ ЛЕНИН МОГ ДАТЬ ОПЕРАТИВНО, «НА ХОДУ»

Меня уже давно мучил один вопрос, с которым я во время многолетней работы в качестве председателя рабочего совета на предприятии Лейнаверк практически сталкивался каждый день, а именно вопрос о взаимоотношениях между рабочими и интеллигентами, особенно технической интеллигенцией, в процессе борьбы против поджигателей войны и эксплуататоров. На предприятии Лейнаверк тогда на 20 тысяч рабочих приходилось более 500 специалистов с законченным высшим образованием. Как в больших стачечных боях, так и в перерывы между ними, во время ежедневных споров с дирекцией, техническими директорами, инженерами, химиками и архитекторами, а также более чем с тысячей мастеров и техников мы постоянно боролись против некоторых из них, как против явных врагов. Но большую часть из них мы могли и должны были завоевать на свою сторону.

Могу ли я расспросить об этом Ленина? Или, может быть, эта область борьбы была очень далека от великих проблем подготовки второго шага мировой революции? Но этот вопрос не давал мне покоя. Нам в Лейне удавалось иногда охватывать своим влиянием значительную часть трудящейся интеллигенции в профсоюзах служащих, с которыми наши рабочие профсоюзы тесно взаимодействовали. То же самое было мне известно по другим предприятиям. Мы добились того, что дирекцией или техническими директорами не могли быть приняты никакие решения, касающиеся рабочих или служащих, если производственный совет или коллектив доверенных лиц отвергают их.

Во время мартовских событий 1921 года руководство предприятия покинуло комбинат, надеясь таким образом остановить его работу, чтобы затем уволить всех коммунистов. Комитет, руководивший нашими действиями, поручил мне поддерживать

работу предприятия. Для этого важно было мобилизовать самое необходимое число технических директоров и обер-мастеров, что нам и удавалось до тех пор, пока дирекция не приказала обстрелять предприятие из артиллерийских орудий.

Когда в перерыве после доклада Ленина о напе случилось так, что я на одну минуту остался в президиуме один рядом с ним, я воспользовался этим и задал свой вопрос.

Я кратко изложил Ленину свои мысли о том, что при высоко развитом индустриальном производстве в Германии политическая позиция трудящейся интеллигенции играет особую роль. Хотя мы уже успешно оказываем на нее некоторое влияние в духе требований и целей рабочего класса, но в этом деле встретятся еще очень большие трудности. Мы еще не выяснили, какое значение мы должны придавать этому вопросу, и в еще меньшей степени подошли к его разрешению. Большое и принципиальное значение обеспечения союза рабочих и крестьян в результате проведения соответствующей политики сегодня стало для нас понятным как никогда прежде. Я считаю, что мы теперь в Германии должны также выяснить вопрос о трудящейся интеллигенции. Но это потребует еще серьезной работы и дискуссий.

Ленин очень спешил. Несмотря на это, он выслушал меня и несколько мгновений обдумывал ответ. Затем он согласился: «Да, это важный вопрос». Еще немного подумал и очень энергично подчеркнул: «Но и это также пойдет на лад, дорогой товарищ!» И повторил еще раз: «Это тоже пойдет на лад!» При этом Ленин сердечно пожал мне руку, затем быстро произнес: «Извините меня, товарищ, но мне пора!»

Он дал ответ мне, молодому коммунисту. Он не мог давать длинных объяснений — для этого у него не было времени. Но из его нескольких слов можно было заключить, что он сразу же заинтересовался заданным ему вопросом, одобрил стремление собеседника решить эту задачу и постарался воодушевить его.

Я очень сожалел, что не было времени более подробно поговорить с Лениным по этому вопросу, но был удовлетворен тем, что он подчеркнул его важность и дал понять, что задача остается в силе на будущее, что мы должны ее решить и решим. Учение Ленина о стратегии и тактике, его личный пример и пример его партии указывали нам путь.

УПОРНАЯ БОРЬБА ЛЕНИНА ЗА ПРИНЦИПИАЛЬНОСТЬ И ЯСНОСТЬ РЕШЕНИЙ КОНГРЕССА

Ленин принимал самое активное участие в подготовке тезисов по организации, а также методам и содержанию работы партий III Интернационала¹. Он фактически руководил этой работой. Ведь речь шла о подготовке к грядущим боям. В соответствующих комиссиях конгресса товарищи Куусинен и Вильгельм Кёнен были назначены ответственными за подготовку и переработку проектов решений, за рассмотрение предложений и ходатайств. Товарищ Куусинен вел необходимые переговоры с Лениным, если определенные абзацы подвергались переработке или имелись новые важные предложения и ходатайства об изменениях текста.

Ленин уделял главное внимание тому, чтобы взятые из опыта большевиков основные принципы организации, методов и содержания работы были так сформулированы в тезисах и резолюциях конгресса, чтобы было обеспечено их правильное применение в братских коммунистических партиях.

Я, правда, не входил в названные комиссии, но товарищ Куусинен старался чаще привлекать других коммунистов, в том числе и меня, к работе по уточнению формулировок, с тем чтобы они были правильно поняты партийными функционерами на предприятиях.

Передаваемые товарищем Куусиненом мнения Ленина, его указания, как лучше сформулировать отдельные разделы, не искажая при этом сути дела, были для нас чрезвычайно ценными. Они показывали нам, с какой интенсивностью и упорством Ленин работал над тем, чтобы добиться наибольшего единства теории и практики. Он хотел, чтобы тезисы об организации и работе партий были правильно поняты не только центральным руководством, не только самыми широкими кругами функционеров, активных членов партии, но и каждым мыслящим беспартийным рабочим.

Неделю за неделей работали мы по вечерам, а иногда и ночью, чтобы включить новые предложения и изменения, вносимые Лениным в проекты решений. По примеру Ленина товарищ Куусинен пытался обобщить опыт промышленных рабочих, приехавших на конгресс делегатами. Для понимания ленинских организационных принципов, вопросов тактики еди-

¹ См. Ленинский сборник XXXVI, стр. 255—259 и 273—274. — *Ред.*

ного фронта п работы коммунистов в массовых организациях эти вечера п ночи, когда мы работали по инициативе п под руководством Ленина, явились для нас подлинной высшей школой политической работы в духе лозунга Ленина «Ближе к массам».

ЛЕНИН НЕ ЖАЛЕЛ УСИЛИЙ, ЧТОБЫ ПОМОЧЬ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ ГЕРМАНИИ

Большинство членов делегации ОКПГ несколько раз получало приглашение в рабочий кабинет Ленина в Кремле на беседу. При этом речь постоянно шла о выяснении важных вопросов, связанных с мартовскими событиями п так называемой «теорией наступления». На заседаниях комиссий п Исполкома развернулись долгие п жаркие споры по этим вопросам. Почти невозможно описать, как безответственно, не поддаваясь убеждениям, п упрямо некоторые представители центрального руководства нашей партии все снова п снова отстаивали ошибочные тактические п организационные мероприятия п еще более ошибочную «теорию наступления», которая должна была оправдать их ошибки.

Представители большевистской партии еще п еще раз пытались добиться признания правильности критики как от немецких, так п от поддерживавших их итальянских, венгерских п австрийских товарищей. Представители партии Ленина боролись за достижение полного понимания п прочного единства всего конгресса во всех важных вопросах, которые следовало отразить в решениях.

Беседы с Лениным служили выяснению спорных проблем, по которым не удалось достигнуть единодушия на заседаниях комиссий п Исполкома.

После первой беседы с Лениным у меня осталось впечатление, что он был убежден в том, что ему удастся в результате терпеливых п иногда жарких споров разъяснить в корне неправильные взгляды, которые защищали представители руководства нашей партии. Но во время последующих бесед дело дошло до чрезвычайно резких высказываний Ленина. Они были прямым обвинением как против соответствующих ораторов, так п против некоторых руководящих товарищей из Объединенной Коммунистической партии Германии, которые, как например Брандлер, Тальгеймер, Маслов, Рут Фишер п другие, изобрели

и отстаивали «теорию наступления» и навязывали свою волю другим товарищам в центральном руководстве ОКПГ, в действительности связанным с массами. Во время бесед Ленин снова и еще более подробно разобрал грубейшие ошибки руководства ОКПГ во время мартовского выступления, а также их ошибки в оценке положения после мартовских событий.

Ленин резко выступал против неоднократных заявлений представителей ЦК ОКПГ, которые пытались свалить вину за поражение в марте на массы, заявляя, что массы подвели, что они вообще не были готовы к борьбе. Ленин назвал такое поведение невиданным бесстыдством, сказал, что эти люди недостойны занимать руководящие посты в партии. На основании только что полученного сообщения о забастовке железнодорожников в Баварии он практически доказал им готовность масс к бою при наличии должной подготовки.

Наконец, Ленин неоднократно заявлял, что нельзя допустить, чтобы рабочее движение Германии и в дальнейшем было отдано во власть людей, которые были готовы повторять такие же грубые ошибки, попадаться на провокации противника и в «наступлениях», без малейшей подготовки, вести массы к новым поражениям. Это руководство, говорил Ленин, нанесло громадный вред и могло погубить партию и революционное рабочее движение. Безответственность этих людей неопишима, против них нужно принимать самые крутые меры. Нужно освободить рабочее движение Германии от таких людей, необходимо перед лицом немецких рабочих вести против них открытую борьбу, так как они не хотят признавать своих ошибок и не отказываются от своей неправильной позиции.

Мы, остальные члены делегации, уже во время мартовских событий увидевшие тяжелые ошибки ответственных представителей ЦК и их противоречивые указания, поняли позицию Ленина и были согласны с его линией. Мы ничего не могли добавить к критике, высказанной Лениным, и защищали в делегации эту точку зрения. В конце концов после этих бесед и после заключительных пленарных дискуссий вся наша делегация вместе со всеми другими делегациями, прибывшими на конгресс, единодушно поддержала линию, которую защищал Ленин.

Для меня было огромным событием увидеть Ленина на заседаниях более узкого состава, в неразрывной связи с массами, с их борьбой за свободу и за победу социализма, к кото-

рой он указывал им путь. Жизнь и деятельность Ленина являются примером безграничного чувства ответственности перед партией, рабочим классом и массами трудящихся, примером огромной трудоспособности и полного самопожертвования в борьбе и работе для дела социализма, которому он посвятил всю свою жизнь.

Все черты самого лучшего вождя рабочего класса и всего человечества сосредоточились в Ленине. Он был одинаково беспощаден в борьбе с врагами социализма и народа и непримирим по отношению к ошибкам и раскольникам внутри партии. Только помощь Ленина Объединенной Коммунистической партии Германии на III конгрессе действительно позволила ей начать борьбу и создала предпосылки для подготовки руководящих кадров для партии нового типа.

ПРИМЕР ЛЕНИНСКОГО СТИЛЯ РАБОТЫ

После того как во время продолжавшихся целые недели споров — особенно по германскому вопросу — была достигнута полная ясность во всех подробностях, необходимости в отдельном заседании немецкой делегации не было. Но все же такое совещание было созвано по требованию некоторых членов делегации. На него были приглашены также немецкие делегаты, прибывшие на конгресс Красного Интернационала профсоюзов, который проходил в Москве в это же время¹. Большинство товарищей были очень рады возможности приветствовать и слышать Ленина в нашей среде.

В качестве постоянных рабочих помещений нашей делегации были отведены некоторые бывшие царские покои. Они находились совсем рядом с залом заседаний конгресса. Мы уже довольно долго ждали прихода Ленина. Наконец Ленину все же удалось освободиться, и он пришел к нам с другими членами делегации и членами Политбюро большевистской партии. Они были встречены сердечными приветственными аплодисментами подавляющего большинства наших товарищей.

Заседание проходило в ленинском, большевистском стиле работы, в соответствии с достигнутыми соглашениями и принятыми на конгрессе решениями. Это, конечно, ни в какой сте-

¹ I Международный конгресс революционных профессиональных и производственных союзов (Профинтерн) проходил в Москве 3—19 июля 1921 года. — *Ред.*

пени не соответствовало антиленинским взглядам и ожиданиям некоторых членов нашей делегации, которые надеялись, что им удастся смазать в своих речах значение совместно принятых решений комиссий и Исполкома Коммунистического Интернационала.

Ленин в самом начале поставил вопрос, нужно ли вообще еще что-либо обсуждать. Ведь все ясно. В связи с желанием многих товарищей, чтобы советские друзья, особенно Ленин, присутствовали до конца заседания, Ленин предложил избрать председателя. Без долгих разговоров был утвержден предложенный Лениным товарищ из Политбюро большевистской партии. Ленин сразу же попросил установить ограниченный регламент для выступлений. Когда он после ряда замечаний пошел на уступки и согласился рекомендовать как максимум десять минут, некоторые товарищи резко возражали ему. Показательно, что в результате непосредственного участия Ленина и его быстрых предложений все было сделано стоя.

После несколько взволнованной дискуссии в результате голосования большинство установило для выступлений десять минут. Резкие возражения еще раздавались со стороны тех участников, которые надеялись возобновить дискуссию с советскими товарищами на этом заседании.

Когда, наконец, первый оратор проговорил около пяти минут, Ленин заметил, что было бы хорошо, если бы теперь он перешел к делу. Вскоре председатель предупредил выступавшего, что у него остается три минуты. Но тот только забирался еще дальше в дебри, и когда десять минут истекли, возникла оживленная дискуссия — продлить ему время для выступления или нет.

Ленин отметил, что уже первый, очень усердный оратор доказал, что ничего нового нельзя больше сказать. Он предложил сократить время для выступлений до пяти минут, что снова вызвало резкие протесты.

После нового отклонения от регламента Ленин еще раз очень настойчиво попросил поддержать его предложение о сокращении времени до пяти минут. Некоторые товарищи, преследовавшие свои цели в этой дискуссии, упрямо возражали, хотя уже и сами почти не надеялись на успех. После того как было установлено пять минут для выступлений, очень скоро выяснилось, что Ленин был прав, так как никто не мог сказать ничего нового, и дискуссия была прекращена.

Ленин кратко выразил свое удовлетворение правильной позицией, занятой большинством товарищей из немецкой делегации, указав, что долгие и горячие дискуссии должны были в конце концов привести к этому. Он вместе с другими руководящими товарищами из большевистской партии простился с нами, пожелав успехов в работе товарищам из Объединенной Коммунистической партии Германии.

В кругу наших товарищей после этого еще довольно горячо высказывались «за» и «против», но в конце концов поняли, что от советских товарищей мы не могли ожидать иного совета, что необходимо изучать их гигантский опыт и учиться их упорству, с которым они отстаивают согласованные решения и бегут за их осуществление.

Во всяком случае, это особое заседание было важным уроком для всех его участников. Все, что мы, доверенные лица немецких рабочих, пережили вместе с Лениным, и то, чему научились у него, делает его для нас незабываемым, так же как титанический труд Ленина делает его вечно живым для всего человечества.

*«Незабываемый Ленин», Воспоминания
немецких товарищей (Перевод с немецкого)
М., Госполитиздат, 1958, стр. 102—117.*

В. И. ЛЕНИН И АНГЛИЙСКОЕ РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ

Огромное влияние труды и деятельность В. И. Ленина оказали на все стороны политической жизни Англии, особенно на рабочее движение. Даже те люди, которые всегда выступали против ленинского учения, никогда не осмеливались открыто говорить, что они могут пренебречь произведениями В. И. Ленина или игнорировать их. Но величайшая трагедия английской политической жизни состоит в том, что многие из наиболее важных ленинских работ появились в стране лишь в конце 1918 года. Например, только в это время я смог впервые познакомиться с некоторыми произведениями В. И. Ленина, хотя и принимал активное участие в рабочем движении с 1906 года.

В. И. Ленин прекрасно знал положение дел в Англии, которое он начал изучать с первого дня своего прибытия в Лондон в 1902 году. Владимир Ильич неоднократно приезжал в Лондон. И каждый раз он считал своим долгом как можно ближе познакомиться с жизнью рабочего класса, со всеми сторонами английского рабочего движения. Он не довольствовался интенсивным изучением материалов в Британском музее для подготовки своих великих произведений. В. И. Ленин постоянно посещал собрания рабочих, прислушивался к разговорам на улицах, в клубах, трактирах, читальнях, церквях, Гайд-парке — словом, всюду, где можно было встретить трудящихся. Рассказывают, что Владимир Ильич во время посещения убогих улиц и трущоб Лондона как-то заметил: «Две нации». Несомненно, говоря это, он имел в виду тот контраст, который являл этот район в сравнении с аристократическим Вест-эндом. Прислушиваясь к разговорам рабочих, беседуя с ними, В. И. Ленин замечал, что они «просто брызжут социализмом».

Общение с трудящимися массами страны явилось одним из факторов, который помог Владимиру Ильичу во всей полноте

изучить многие стороны жизни Англии, в особенности рабочее движение. Несмотря на то что В. И. Ленин безгранично верил в способность английского рабочего класса к действию и руководству, он никогда не идеализировал его и не упускал случая обнаружить и разоблачить оппортунизм многих так называемых рабочих лидеров.

Здесь уместно напомнить молодым читателям, каким образом Владимир Ильич получил возможность проводить свои серьезные занятия в Британском музее. Он был допущен для работы в музее на основании рекомендации покойного Айзека Митчелла, бывшего тогда генеральным секретарем Всеобщей федерации профсоюзов. До сего дня в архиве читального зала Британского музея хранится рекомендация, которую А. Митчелл представил в дирекцию музея: «Я рад рекомендовать доктора права м-ра Джейкоба Ритчера из Санкт-Петербурга для допуска в читальный зал. Цель моего друга — изучение земельного вопроса. Я уверен, что вы сможете удовлетворить эту просьбу. А. Г. Митчелл. 20 апреля 1902 года».

Просьба была удовлетворена, и В. И. Ленин под псевдонимом «Джейкоб Ритчер» получил разрешение, которое позволило ему пользоваться читальным залом музея в течение шести месяцев. В основном Владимир Ильич в это время занимался политической экономией, социологией и философией истории.

В Лондоне до сих пор существует трактир «Краун энд вулпэк», где встречались русские эмигранты-социалисты. На некоторых их собраниях присутствовал В. И. Ленин. Рассказывают, что полиция проявляла особый интерес к этим встречам. Однажды полицейский сыщик спрятался в большой шкаф в комнате, где проходило собрание, чтобы подслушать и записать, о чем там будут говорить. Его донесение о собрании забавно: «Весь разговор велся на русском языке, а так как я совсем не знаю этого языка, то не могу сообщить, о чем там говорили».

В 1918 году, как я вспоминаю, впервые в Англии была опубликована работа В. И. Ленина «Уроки революции». На обложке была пояснительная надпись: «Перевод с русского оригинала с введением и приложением, изданного Бюро международной революционной пропаганды при Комиссариате иностранных дел Временного рабоче-крестьянского правительства Русской республики». На книге стояла дата «Январь 1918 года» и подпись «Владимир Ульянов».

Для революционных рабочих Англии это произведение появилось в самый подходящий момент. Население устало от войны. Начались волнения на заводах и фабриках. Всюду с энтузиазмом обсуждалось движение «фабрично-заводских старост», охватившее всю страну. Политика правых лидеров, возглавлявших движение, вызвала резкое разочарование. Этот труд Владимира Ильича дал материал для серьезного изучения и обсуждения положения, сложившегося в Англии.

С того времени произведения В. И. Ленина начали появляться на страницах газет: Британской социалистической партии «The Call», Социалистической лейбористской партии «The Sozialist» и Рабочей социалистической федерации «The Workers' Drednought».

Печатались (но медленно, очень медленно) и другие произведения В. И. Ленина. Они вызывали ожесточенные споры между реформистами и революционно настроенными рабочими. Огромное политическое значение работ Владимира Ильича несомненно. Они проливали новый свет на различные аспекты учения Карла Маркса, разоблачали правый оппортунизм и предательскую роль лидеров социал-демократии. В умах революционных рабочих ленинские произведения порождали стремление к созданию объединенной коммунистической партии, которая могла бы объединить все подлинно революционные партии и группы, связанные с рабочим движением. Я думаю, что в условиях того времени это явилось самой огромной помощью Владимира Ильича английскому рабочему движению. Действительно, ленинский труд дал свои результаты: в итоге деятельности наших революционеров в 1920 году родилась Коммунистическая партия Великобритании, которая, несмотря на все слабости и ошибки, доказала свою верность и беззаветную преданность делу рабочего класса Англии.

Борьба В. И. Ленина с сектантством и оппортунизмом, его полемика против сторонников отказа работать в реформистских профсоюзах и участвовать в парламенте оказали большое влияние на рабочее движение. Английские трудящиеся инстинктивно чувствовали, что Великая Октябрьская социалистическая революция знаменует собою не только коренное изменение на международной арене, но и представляет величайший урок для рабочих всех стран. Они понимали, что появился гениальный вождь и учитель трудящихся не только Советской России, но и международного рабочего движения,

Когда появились в печати такие работы В. И. Ленина, как «Государство и революция», «Детская болезнь «левизны» в коммунизме», «Империализм, как высшая стадия капитализма», «Крах II Интернационала», «Тезисы и доклад о буржуазной демократии и диктатуре пролетариата» и другие, рабочие стали понимать, что свершилось нечто новое, что ранее заброшенные политические темы получают другое освещение, делаются иные оценки, по-новому осмысливаются критика и самокритика. Это чувство еще более укрепилось с выходом в свет в Англии первого издания «Избранных сочинений» В. И. Ленина.

Беспощадное разоблачение Владимиром Ильичем реформистских и оппортунистических доктрин, проповедовавшихся, в частности, Макдональдом, открыло глаза многим мыслящим рабочим в Англии на всю опасность роли, которую тот играл в английском рабочем движении и во II Интернационале. Поведение Макдональда в дальнейшем, в 20-х и 30-х годах, еще более ясно показало, сколь правильна была оценка, данная В. И. Лениным этому оппортунисту.

Невольно вспоминаются характерные эпизоды, свидетельствующие о том большом внимании, которое Владимир Ильич уделял Англии. Он, например, постоянно настаивал на необходимости издавать в стране ежедневную газету рабочего класса, которая была бы полностью независима от влияния капиталистов и правых социал-демократов. Его письмо покойному Тому Беллу по этому вопросу достаточно хорошо известно во всех коммунистических партиях. Оно оказало огромное влияние в целом на революционных рабочих Англии и в особенности на молодую коммунистическую партию, хотя прекрасное предложение В. И. Ленина не могло быть осуществлено до 1930 года. Я глубоко уверен, что личный опыт В. И. Ленина, связанный с изданием «Искры» и «Правды», побудил его так настаивать на том, чтобы английские рабочие получили свою собственную ежедневную газету.

Говоря об огромном интересе, который В. И. Ленин проявлял ко всему, что связано с Англией, я отчетливо вспоминаю свою первую встречу с ним. В июне 1921 года я приехал в Москву с Томом Манном. Мы были делегатами I конгресса Красного Интернационала профсоюзов, но приехали в Москву несколько раньше, чтобы принять участие и в работе III конгресса Коммунистического Интернационала. В день (17 октября 1921 г.), когда В. И. Ленин должен был сделать доклад о новой

экономической политике¹, мы с Томом Манном встретили его в Кремле. Он тепло, по-братски поздоровался с Томом Манном, о деятельности которого в Англии он был прекрасно осведомлен, и начал расспрашивать Тома о положении дел в Англии и английском рабочем движении. Было ясно, что, несмотря на всю свою занятость, Владимир Ильич по-прежнему глубоко интересовался положением в Англии, нашим рабочим движением.

Когда в 1934 г. издательство «Martin Lawrence» выпустило книгу «Ленин об Англии», это было для нас гордостью. Книга вызвала широкий интерес, хотя тогда у нас не было тех возможностей для сбора материала, которые мы имеем сейчас. В ней было собрано все, что написал или сказал В. И. Ленин о положении в Англии и о политике капиталистических и лейбористских лидеров. Разделы книги были посвящены вопросам, которых касался Владимир Ильич в своих произведениях и высказываниях: промышленный капитализм в Англии; довоенный британский империализм; рабочий класс империалистической Англии; британский империализм и война 1914 — 1918 годов; послевоенный кризис британского империализма. Таким образом, видно, какой широкий круг вопросов был исследован и освещен В. И. Лениным.

В 1941 году издательство «Lawrence and Wishard» переиздало книгу «Ленин об Англии», тепло встреченную подростками молодым поколением. Мне очень приятно сообщить, что в декабре 1959 года выпущено совершенно новое издание этой книги, содержащее много статей, которые отсутствовали в предыдущих изданиях. Особенно важно то, что в книге имеется краткий раздел примечаний и разъяснений и прекрасно подготовленный указатель. Нас радует, что это новое издание приурочено к 90-й годовщине со дня рождения В. И. Ленина, которую отмечают трудящиеся всего мира. Я уверен, что это издание будет важным подспорьем для подрастающего поколения, которое охвачено стремлением найти новое в политике, узнать, «как все случилось», «каков путь вперед», полностью уяснить себе значение и роль революционной партии рабочего класса.

Идеи В. И. Ленина светят, как маяк, они вносят яркий луч надежды и веры в рабочий класс, в сердца всех, кто действи-

¹ В этот день В. И. Ленин выступал с речью о новой экономической политике и задачах политпросветов на II Всероссийском съезде политпросветов (см. *В. И. Ленин*, Соч., т. 33, стр. 38—56). — *Ред.*

тельно полон желания служить делу трудящихся. И в наши дни, когда реформисты проповедуют «социализм, возможный благодаря согласию капиталистов», мы не должны забывать, что писал Владимир Ильич в мае 1917 года в статье «Позабыли главное»: «В том-то и суть, что все подобные платформы, все подобные списки широковещательных реформ, если забывать жесткие и жестокие условия господства капитала, — пустые слова, означающие на практике либо невиннейшие «благочестивые пожелания», либо простой обман масс дюжинными буржуазными политиками»¹.

Все, что сказал В. И. Ленин о положении в Англии, составляет сокровищницу и арсенал знаний, являясь образцом революционного анализа и одновременно руководством к действию. Чем больше это будет осознано, тем сильнее будет расти революционное движение.

Коммунистическая партия Англии всегда старалась и старается последовательно проводить в жизнь ленинское учение, ибо партия понимает, что только на основе марксизма-ленинизма может быть осуществлено подлинное и последовательное революционное движение.

Сегодня перед всем миром могучий Советский Союз стоит как несокрушимый бастион социализма и мира. За период после смерти В. И. Ленина по пути социализма пошли многие страны, составившие социалистический лагерь. Но величайшая заслуга Советского Союза, покрывшего себя неувядаемой славой, состоит в том, что он первым проложил этот путь. Он свершил это потому, что был верен учению В. И. Ленина.

Английские рабочие гордятся, что величайший руководитель трудящихся мира В. И. Ленин пристально следил за проблемами их жизни и борьбы, четко и ясно анализировал их, указывая трудящимся путь вперед.

Коммунистическая партия Англии была и будет всегда верна ленинскому учению. Повседневно работая над укреплением своих рядов, партия покажет, что она достойна великого наследия В. И. Ленина, завещанного им английскому рабочему движению.

*Журнал «Вопросы истории»
№ 4, 1960 г., стр. 15—18.*

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 24, стр. 317. — *Ред.*

ЦЮЙ ЦЮ-БО

ЛЕНИН

Красный свет, бьющий во все стороны из Андреевского зала, озаряет вселенную; речи представителей трудящихся разных стран, их голоса сотрясают земной шар — это Коммунистический Интернационал на своем III конгрессе. Сегодня Кремль стал поистине символом поразительного сочетания различных культур человечества.

Ленин несколько раз выступал на конгрессе. Он совершенно свободно говорит по-немецки и по-французски, спокойно обдумывая и взвешивая каждое слово. В том, как Ленин держится во время выступлений, нет ничего от университетского профессора. И в этой простоте, с которой он держит себя, виден прямой и непреклонный политический деятель. Как-то я встретился с Лениным в коридоре, и мы разговаривали несколько минут. Он указал мне на некоторые материалы по вопросам Востока, а потом, занятый государственными делами, извинился и ушел.

Всякий раз, когда в Андреевском зале выступает Ленин, протиснуться к трибуне невозможно — на стульях и столах всюду люди, так что яблоку негде упасть. Когда в зале зажигаются огни, большая тень Ленина, образуя удивительную картину, падает на плакаты и лозунги: «Коммунистический Интернационал», «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», «Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика». Этот силуэт на кумаче рождает необыкновенные чувства и становится особым символом... Последние слова речи Ленина утопают в громе аплодисментов...

6 июля 1921 года.

* *

*

Завод «Электроспла» № 3, бывшие мастерские «Дпнамо».

Годовщина Октябрьской революции. В торжественный вечер на заводе собралось много народа... Рабочим — этим честным труженикам — пришлось немало повпдать и перенести на своем веку: и разгоны рабочих сходов озверелыми казаками, и подобные урагану стачки, и упорные, не на жизнь, а на смерть, бои с врагами. А сегодня, в годовщину Октябрьской революции, их чествует столько людей! Служащие, рабочие, их семьи, группа за группой, всё идут и идут к заводу.

...Все встают, чтобы почтить память павших в боях за революцию. После того как стихают звуки траурной мелодии, на трибуну один за другим поднимаются ораторы, которые горячо поздравляют присутствующих.

Все, на кого ни глянь, в необычайно приподнятом настроении. Но вот совершенно неожиданно они видят, что на трибуну поднимается Ленин. Все, кто был в зале, толпой устремляются вперед. В течение нескольких минут кажется, что изумлению не будет конца. Однако тишина длится недолго: ее вдруг раскалывают крики «ура», аплодисменты, от которых сотрясаются небо и земля...

Взоры рабочих устремлены в одну точку — они прикованы к Ленину. Напрягая до предела слух, они внимательно слушают его речь, стараясь не упустить ни единого слова. На самых простых и понятных примерах Ленин убедительно показывает, что Советская власть есть власть самих трудящихся, и сознание этой истины у трудящихся масс растет день ото дня, и с каждым днем она становится для них все более понятной.

«Человек с ружьем — страшный в прошлом в сознании трудящихся масс — не страшен теперь, как представитель Красной Армии, и является их же защитником»¹.

Последние слова Ленина утопают в бурной овадии. Кажется, не выдержат заводские стены грома аплодисментов, возгласов «ура» и торжественных звуков «Интернационала» — это пробуждается к жизни и растет великая, могучая энергия...

¹ См. В. И. Ленин, Соч., т. 33, стр. 96. — Ред.

Собрание окончено. Большинство присутствующих уходит в столовую на праздничный ужин...

Заводской вечер, посвященный празднованию годовщины Красного Октября, был по-настоящему торжественен...

8 ноября 1921 года.

*«Воспоминания о Владимире Ильиче
Ленине», ч. 2 М., Госполитиздат, 1957,
стр. 617—618.*

ХУГО ГРЭФ

ВОПРОСЫ ЛЕНИНА БЫЛИ ОЧЕНЬ КОНКРЕТНЫМИ

С о времени моих встреч с Лениным прошло уже 36 лет¹. Шел 1921 год. Я получил от партии почетное поручение — принять участие в качестве гостя в заседаниях III конгресса Коммунистического Интернационала и в качестве делегата на I конгрессе профсоюзного Интернационала.

В Коммунистической партии Германии в то время существовали серьезные разногласия по поводу роли и позиции Пауля Леви. Он сложил с себя обязанности председателя Коммунистической партии Германии и изложил свои взгляды в брошюре «Unser Weg» («Наш путь»).

Во время перерыва между заседаниями конгресса я стоял вместе с товарищами Нейманом, делегатом от Веддинга, и Блютгеном, делегатом от округа Крейцберг, в широком коридоре перед бывшим Тройным залом, где проходили заседания. Неожиданно по коридору прошел Ленин и остановился у нашей группы. Услышав, о чем мы говорили, он спросил товарища Неймана:

— Скажите, товарищ Нейман, прав Леви или нет?

Нейман был на стороне Леви и поэтому сказал: «Товарищ Ленин, на этот вопрос нельзя так просто ответить». Но Ленин потребовал ясного и точного ответа: «Да или нет?», повторив это несколько раз. Не получив ответа, он обратился с тем же вопросом к Блютгену и ко мне. Мы ответили: «Нет». Он потребовал от нас обоснования этого ответа. Мы с Блютгеном заявили: «Когда пролетариат борется, нельзя оставлять его и тем самым предавать. Об ошибках нужно спорить после завершения борьбы». (Речь идет о мартовских боях в Средней Германии.) Ленин заметил на это:

¹ Воспоминания написаны в 1957 году. — *Ред.*

— Товарищ Нейман, эти два товарища правы. Вы должны брать с них пример.

После этих слов Ленин вежливо, с знакомой нам улыбкой распрощался.

В один из следующих дней я в течение нескольких часов мог наблюдать Ленина в зале конгресса. Я сидел в одном из первых рядов, прямо перед президиумом. Ленин пришел немного позже, после начала заседания конгресса. Зал был полон, так как было объявлено о выступлении Ленина. Чтобы не мешать, он сел на одну из ступеней, ведущих в президиум. Во время выступления оратора он достал из кармана записную книжку и карандаш. Ленин внимательно слушал и быстро делал записи. Затем он выступил. Говорил он на немецком языке. Ленин остановился на ситуации в Германии. При этом я был восхищен его солидными, вплоть до мелочей, знаниями обстановки и политических событий в Германии.

Однажды во время конгресса я был на квартире у Клары Цеткин. Во время беседы кто-то напомнил, что ей нужно пойти к Ленину. Клара взяла меня с собой, и мы поехали на машине в Кремль. В квартире Ленина от самой входной двери стояли книжные полки. Всюду книги и журналы, тетради и газеты.

Вначале я был так взволнован, что с трудом преодолел свое смущение. Но Ленин и его жена Крупская были очень простыми, скромными и сердечными людьми.

— Так, так, молодой товарищ из Берлина. Да, это была страшная война, — таковы были первые слова Ленина.

Клару усадили в удобное кресло. Она уже тогда страдала одышкой, и подъем по лестнице утомил ее.

Сразу же завязался разговор о ходе конгресса. Ленин сидел с кошкой на коленях напротив товарища Клары. Неожиданно он обернулся ко мне и спросил, что я знаю о стачке одного предприятия в Берлине — «Обершеневейде», — которая в то время как раз проводилась. Сейчас я уже не могу точно вспомнить, о каком предприятии шла речь. Но одно я знаю совершенно точно — это то, что вопросы Ленина были очень конкретными, и меня прошиб пот, так как Ленин был лучше информирован о стачке и ее причинах, чем я. Забастовкой я занимался совершенно недостаточно. Хотя я и был членом союза металлистов, но, работая в Международном объединении жертв войны, очень мало интересовался борьбой профсоюзов.

Во время этой беседы, которая вскоре мне стала казаться допросом, я понял, что нужно интересоваться гораздо большим кругом вопросов, а не только своей работой.

Ленин и Клара беседовали о конгрессе и о точке зрения отдельных ораторов, но особенно подробно — о позиции Леви. Беседа с Лениным продолжалась около двух часов.

На обратном пути мы с Кларой вернулись к разговору о забастовке, и она стала убеждать меня в необходимости обязательно расширять свой кругозор.

*«Воспоминания о Владимире Ильиче
Ленине», ч. 3. М., Госполитиздат,
1960, стр. 325—326.*

МАНУЭЛЬ ДИАС РАМИРЕС

БЕСЕДА С В. И. ЛЕНИНЫМ В 1921 ГОДУ

Помимо дискуссий, развернувшихся на III конгрессе Коминтерна, между делегатами или делегациями возникали споры и после заседаний. Эти дискуссии часто длились до самого рассвета.

Именно в ходе подобных дискуссий среди некоторых делегаций возникла мысль обменяться мнениями по вопросу, волновавшему тогда определенные рабочие и профсоюзные круги европейских стран. Речь шла о некоторых анархистах из банд Махно или его заместителя и идейного советника Волина, пойманных с оружием в руках на Украине и содержавшихся под стражей в Москве. Все анархисты мира, как и все враги Октябрьской революции, сделали их своим знаменем.

В Мексике мы вели весьма активную борьбу против так называемых анархистов и анархизирующих элементов, пытавшихся помешать нашей работе по марксистскому воспитанию рабочих и развертыванию среди них нашего движения. Рабочие профсоюзы были здесь созданы «Домами рабочих мира»¹, в которых господствовали анархистские или анархо-синдикалистские идеи. Поэтому, испытывая необходимость разобраться в этом вопросе, мы приняли участие в ряде собраний, результатом которых было решение обратиться к Ленину с просьбой вмешаться в дело арестованных анархистов, с тем чтобы

¹ «Дом рабочих мира» — профсоюзная организация рабочих Мексики, возникшая в Мехико в июне 1912 года и сосредоточившая в своих руках руководство рабочим движением страны. Будучи по своему характеру анархо-синдикалистской, организация проповедовала саботаж и всеобщую стачку, отрицала политическую борьбу. Подвергалась преследованиям со стороны правительства и в 1913 году была запрещена, но затем в результате роста рабочего движения восстановлена. — *Ред.*

положить ему конец, предав суду и строго покарвав причастных к мятежу и освободив невиновных. Это, по нашему мнению, нужно было сделать для того, чтобы русские анархисты не были использованы анархистами и анархо-синдикалистами других стран, а также различными буржуазными слоями, враждебными русской революции, в качестве знамени борьбы против коммунистических партий и революционного движения.

Делегации семи стран, будучи заинтересованы в этом вопросе, обратились к Ленину с просьбой встретиться с ними в удобное для него время там, где он укажет. Ответа не пришлось долго ждать. Ленин пригласил нас к двум часам ночи, приурочив прием к окончанию очередного заседания конгресса Коминтерна.

В назначенное время мы явились на место встречи. Это была одна из столовых Кремля, знакомая нам, потому что там иногда приходилось питаться. Ровно в два часа ночи пришел Ленин. После взаимных приветствий он попросил извинить его за такой поздний час встречи, обусловленный большей его занятостью многочисленными делами и нашей перегруженностью работой.

Ленин сразу выразил готовность выслушать мнение присутствовавших на встрече делегаций и обратил внимание на то, что наша делегация была единственной латиноамериканской, а остальные представляли романские страны Европы.

В состав семи делегаций входило в общей сложности немногим более 30 человек. Когда было объявлено, что от имени всех делегаций по интересующему нас вопросу выступит один из членов французской делегации, профсоюзный работник, Ленин улыбнулся и быстро оглядел всех нас, подумав, вероятно, что латинский темперамент сыграл большую роль в постановке этого вопроса, чем соображения политического характера. Однако если даже Ленин так и подумал, то после выступлений некоторых делегатов он, несомненно, понял, что это было не так. Наши аргументы в определенной мере опирались на факты действительной обстановки во многих странах.

Выслушав с величайшим вниманием докладчика и по крайней мере по одному товарищу от каждой делегации, Ленин ответил нам так. «Я с большим удовлетворением выслушал товарищей. Многие соображения, высказанные выступавшими, мне кажутся справедливыми. Нас просят, чтобы мы разрешили

вопрос, последствия которого вредят революционному движению в ваших странах в силу неправильного подхода к нему анархистов и, естественно, буржуазных и нанимаемых буржуазией для борьбы против нас элементов.

Так вот, товарищи, хотя это и не мое личное мнение, и вместе с тем это не является ни полным, ни частичным решением данного вопроса, скажу вам следующее: мы просим вас помочь нам разрешить его.

Дела арестованных анархистов, как «теоретиков», подобных Волину (говорят, что он является «теоретическим» руководителем Махно — главаря террористических банд, которые пускали под откос поезда, опустошали украинские селения, грабили и насиловали женщин), так и тех, которые были пойманы с оружием в руках, будут вновь расследованы, как вы этого желаете. И все те, кто не представляет какой-либо опасности для революции и ее строя, будут освобождены».

Беседа на этом не закончилась. Как Ленин, так и каждая из делегаций хотели использовать благоприятный момент: Ленин — чтобы поближе ознакомиться с некоторыми проблемами наших стран, мы — чтобы выслушать его авторитетное мнение и мудрые советы по данным проблемам.

Прежде чем прийти к изложению того, что, наверно, явилось наиболее важным для нашей делегации на этой встрече с Лениным, я хочу подчеркнуть один факт, имевший место в самом начале нашей беседы и свидетельствующий о чуткости великого вождя. Ленин знал, что мы пришли прямо с заседания конгресса, так поздно закончившегося, и еще не ужинали. Поэтому он сразу распорядился, чтобы нам подали бутерброды и чай, сказав при этом, что мы поедим во время беседы.

После разговора с отдельными членами делегаций Ленин обратился ко всем нам по-английски, поскольку мы раньше пользовались этим языком. Он спросил наше мнение по вопросу об антипарламентаризме, обсуждение которого шло тогда в Европе и было вызвано негативным отношением Коммунистической рабочей партии Германии к парламенту. Делегация этой партии присутствовала на встрече и высказала по данному вопросу свою точку зрения, которая подверглась резкой критике со стороны Ленина. Столь же резко ранее была раскритикована рабочая канадская делегация, представлявшая

«One Big Union»¹, который полностью соответствовал канадскому IWW², также занимавшему антипарламентскую позицию.

Когда очередь дошла до нашей делегации, мы рассказали товарищу Ленину в общих чертах об истории нашей еще молодой Коммунистической партии Мексики, ее деятельности и борьбе в тот период. Мы сделали краткий исторический обзор тридцатилетнего периода, предшествовавшего революции 1910 года и протекавшего в условиях диктатуры Порфирио Диаса, которая лишила народ всякого рода свобод, особенно политических. В этой связи мы и объяснили Ленину антипарламентскую позицию КПМ, учитывавшую политическую неграмотность масс (в Мексике даже не существовало традиционных социалистических партий, между тем как в других латиноамериканских странах они были). С другой стороны, нам также приходилось учитывать еще одно неблагоприятное обстоятельство: единственным социальным течением, сильно распространенным в массах, было анархистское или анархо-синдикалистское. Сначала оно оказывало влияние через анархистскую литературу, поступавшую к нам с Кубы и из Испании, а также через отдельных испанских рабочих — анархистов, прибывавших в Мексику; затем через пропаганду, которую вели «Дома

¹ «One Big Union» («Единый большой союз») — профсоюзное объединение рабочих Канады, основанное в 1919 году в результате всеобщей стачки в г. Виннипеге, проходившей под лозунгами национализации промышленности, рабочего контроля и создания единого большого союза. Первое время пользовалось большим влиянием среди рабочих, объединяя более 40 тысяч членов, но из-за сектантской политики анархистских руководителей утратило влияние и в 1921 году насчитывало только 5 тысяч членов. — *Ред.*

² IWW (Industrial Workers of the World) — ИРМ (Индустриальные рабочие мира) — организация рабочих анархо-синдикалистского направления. Возникла в 1905 году в Соединенных Штатах Америки. Существовала также в Канаде и Австралии.

ИРМ объединяла главным образом неквалифицированных и низкооплачиваемых рабочих. Сыграла положительную роль в проведении успешных массовых стачек и в борьбе против политики классового сотрудничества. В годы первой мировой войны возглавила ряд антивоенных выступлений рабочего класса. Сектантские ошибки лидеров привели к изоляции ИРМ от широких масс рабочих. В. И. Ленин в книге «Детская болезнь «левизны» в коммунизме» критиковал революционеров из числа деятелей ИРМ в США за их отказ работать в реакционных профсоюзах (см. В. И. Ленин. Соч., т. 31, стр. 36).

В Канаде ИРМ была немногочисленна и не пользовалась большим влиянием среди рабочих. — *Ред.*

рабочих мира» в профсоюзах, сильно зараженных ошибочными теориями.

Против подобного влияния на трудящихся КПМ должна была начать борьбу почти сразу же после своего возникновения. И хотя партия тогда не выступала открыто и официально против участия в парламенте, ее антипарламентская позиция была ясна рабочим как по направленности ее газетных статей, так и по тому, что она воздерживалась от участия в предвыборных кампаниях. Но большинство членов ЦК КПМ считало, что эта позиция партии носит временный характер, является тактикой на период, пока партия укрепляется и ее ряды растут за счет рабочих, освобождающихся от анархо-синдикалистской идеологии, на которую их ориентируют руководители «Домов рабочих мира».

Ленин, в свою очередь, засыпал нас целым рядом вопросов — как он обыкновенно делал, — чтобы всесторонне рассмотреть обсуждаемые проблемы. И тогда, после широкого обмена взаимными вопросами и ответов на них, Ленин с присущей ему скромностью заявил: «Относительно Мексики я знаю немного. Но, принимая во внимание ее положение как страны зависимой, слаборазвитой в промышленном отношении и имеющей немногочисленный пролетариат, и его идеологическую слабость, вероятно, можно принять, однако только в качестве временной тактической меры, данную, переходящую антипарламентскую позицию. Но эта позиция была бы неприемлемой, недопустимой в таких странах, как Германия, Канада и другие».

Взглянув на товарищей из Коммунистической рабочей партии Германии и канадского «One Big Union» и как бы обращаясь к ним, Ленин подчеркнул, что если для Мексики такая антипарламентская позиция допустима вследствие особенностей ее внутреннего положения, то эта же позиция в Германии и Канаде совершенно нетерпима. Она является преступлением по отношению к пролетариату и революции, и мы не можем не осуждать товарищей, группы и партии, занимающие такую позицию. Мы ждем, что в максимально короткий срок они ее изменят.

Велики были скромность Ленина, его человечность и вместе с тем необычайная способность понимать людей!

Считая, что высказываем мнение большинства товарищей из руководства нашей партии, мы там же заявили, что указанная

временная тактическая позиция вскоре будет пересмотрена. Так и произошло. Второй съезд КПМ в апреле 1923 года отверг эту неправильную позицию.



Занимался рассвет нового дня. Уже было около шести часов утра, когда мы прощались с великим Лениным. Выходя из Кремля, обнесенного стеною, шли все вместе: старый и опытный английский профсоюзный работник Том Манн¹, руководитель многих крупных забастовок в Англии (некоторые из них прошли незадолго до этого), товарищ Каскаден² и другие. Товарищ Каскаден отстаивал перед Лениным антипарламентскую позицию канадского «Опе Big Union», лидером которого он сам был.

Однако Каскаден казался очень веселым и довольным. Вдохнув свежий утренний воздух, он запел. Том Манн спросил его: «Что с тобой, Каскаден, что тебя так радует, может быть, нагоняй, который дал тебе Ленин?».

Каскаден посмотрел на Тома Манна и ответил: «Да, я очень рад. Вы взволнованно раздумываете над всем тем, что сказал нам Ленин. Я же хочу мою радость, мое громадное удовлетворение высказать в песне, потому что сегодня исполнились три большие мечты в моей жизни. Мне хотелось посмотреть на дело революции, познакомиться с Лениным и поговорить с ним и увидеть московский колокол». Мы действительно только что прошли мимо лежавшего на земле колокола и обратили внимание на то, с каким любопытством рассматривал его Каскаден.

Каскаден был простым рабочим и тогда еще не был членом партии. Позже он вступил в ее ряды. Его состояние было вполне естественным: ведь в тот знаменательный для него и для всех нас день он беседовал с гениальным руководителем революции и Коммунистической партии Советской России.

Эти строки и воспоминания вызваны моим глубоким восхищением сороковой годовщиной славной Октябрьской революции.

¹ Том Манн являлся делегатом III конгресса с решающим голосом от Британского бюро Межсовпрофа. — *Ред.*

² Каскаден — делегат с совещательным голосом от индустриального союза деревообделочников Канады. — *Ред.*

От этой годовщины нельзя отделить вечно живущую память, которую хранят о гениальном Ленине трудящиеся всего мира, память о великом творце Советской власти и основателе коммунистической партии, ее испытанном руководителе.

1957 г.

*Журнал «Вопросы истории КПСС» № 1,
1961 г., стр. 163—166.*

ВИЛЬГЕЛЬМ ПИК

ВОСПОМИНАНИЯ О ЛЕНИНЕ

Москва, 29 октября 1921 года. Зал в Доме Союзов — бывшем дворянском собрании, превращенном в Дом профсоюзов. Московская губернская партийная конференция. Ленин говорит о новой экономической политике. Один из друзей переводит мне содержание его речи. В простой манере, не повышая голоса и не делая лишних жестов, объясняет Ленин необходимость этого мероприятия. Товарищи слушают, боясь проронить хотя бы одно слово. Правда, то здесь, то там раздаются порой реплики, но Ленин не обращает на них никакого внимания. Внезапно закончив выступление, он сел за стол президиума. Аплодисменты. Говорит Ленин. Оппозиция. Ленин отвечает в заключительном слове. В его словах — сарказм. Совершенно иной стала атмосфера собрания. Продолжительнее, оживленнее стали аплодисменты. Ленин завоевал аудиторию, критически настроенную к новой экономической политике.

10 ноября 1921 года. Рабочий кабинет Ленина в Кремле. Геккерт и я сидим у Ленина и рассказываем ему о положении в немецкой партии, об опасности погрязнуть в болоте оппортунизма из-за приверженцев Леви. Ультралевые. Надвигающийся кризис, вызванный группой Фрисланда. Растущая путаная ультралевая оппозиция. Об этих своих тревогах говорим Ленину. Он внимательно слушает нас, ни разу не перебив, — искусство, которым владел Ленин. Когда мы кончили, он с присущей ему простотой ободрил нас. В РКП(б) преодолели уже гораздо большие трудности. С лукавой улыбкой и приветливым блеском в глазах он рассказал нам кое-что об этом. Незаметно прошел час. Секретарь Ленина нетерпеливо напоминал, что пужно идти. Сердечно пожелав успеха нашей партии, Ленин протягивает нам руку на прощание, которое стало прощанием навсегда. В тот же вечер мы выехали в Германию.

22 января 1924 года. Москва, комната в гостинице «Люкс». 10 часов 30 минут утра. Телефонный звонок. Один из друзей спрашивает, правда ли, что Ленина уже нет в живых, что он умер вчера вечером. Нет, это не могло быть правдой. Только за день до этого я слышал, что состояние его здоровья улучшилось. Без особых размышлений я звоню Кларе Цеткин, чтобы удостовериться в этом. Клара еще ничего не знала. Ей побоялись сказать, опасаясь за последствия этого сообщения. Несколько минут спустя Клара сообщает мне голосом, в котором звучит рыдание, что это правда. Ленин умер. Вскоре улицы заполняются народом, скорбящим о кончине великого Ленина. Рабочие, мужчины и женщины, потоком устремились с заводов в центр города. Молча, толпами стоят они, подавленные свинцовой тяжестью постигшего их горя.

* *
*

23 января 1924 года. Дом в Горках, где умер Ленин. Полтора часа езды на поезде от Москвы. Ранним утром сюда собрались руководители и активисты РКП(б), Коминтерна и его секций. Глубокий снег покрывает равнину. Ясный, холодный зимний день.

Ленин лежит в гробу в комнате, где он умер. Его лицо покрывает восковая бледность, черты заострились, почти нет ни единой морщины. Трудно заставить себя поверить, что его уже нет в живых. Молча, со слезами на глазах выносят его тело люди, закаленные в боях гражданской войны. И скорбная толпа направляется за своим умершим вождем по узкой тропинке, через снежные поля к вокзалу. Повсюду вдоль железнодорожного пути стоят люди — старые и молодые. Волнующе звучит мелодия русского траурного марша.

Москва. Сотни тысяч людей нескончаемым потоком движутся к Дому Союзов, в величественном зале которого стоит гроб с телом Ленина. Старые большевики, ближайšie друзья и боевые соратники Ленина первыми становятся в почетный караул. Среди них члены Политбюро. Товарищ Крупская стоит рядом со своим умершим спутником жизни. Жуткий мороз. Более 30 градусов. Необозримые толпы день и ночь стекаются к центру города, часами стоят на улицах. Пламя костров взлетает к небу, чтобы хоть сколько-нибудь согреть продрогших от

стужи людей. Сотни тысяч людей нескончаемыми колоннами четыре дня и четыре ночи проходят мимо умершего Ленина. Все это было невыносимо тяжело.

* *

*

26 января 1924 года. Траурное заседание II Всесоюзного съезда Советов. Большой театр с его обширным партером и четырьмя ярусами до отказа заполнен депутатами. На широкой сцене — члены Центрального Исполнительного Комитета. Товарищ Крупская говорит несколько самых простых слов, но они действуют с потрясающей силой, вызывая тревожное волнение, и в то же время звучат возвышенно. Говорит Калинин, говорят представители Советов: рабочие, крестьяне, мужчины, женщины. Потом участники съезда проходят мимо гроба Ленина. Грустные, озабоченные тревогой о завтрашнем дне.

27 января 1924 года. Красная площадь. В середине у Кремлевской стены — место, где лежит Ленин. 4 часа дня. Пушечные выстрелы... Рев фабричных гудков. Вся Россия затаила дыхание. Похороны Ленина. На огромной площади плечом к плечу стоят рабочие, крестьяне, красноармейцы, приехавшие со всех концов страны. Мощным хором звучит над широкой площадью русский траурный марш «Вы жертвою пали». Он продолжал звучать в моих ушах и вечером, когда я сидел уже в поезде, следовавшем в Германию.

* *

*

10 ноября 1925 года. Мавзолей Ленина на Красной площади в Москве. Длинная очередь ожидает, когда часы на Кремлевской башне ударят пять раз. Мавзолей открывается на один час. Ежедневно проходят рабочие и крестьяне мимо навсегда уснувшего Ленина. Если людям не хватило искусства и знаний на то, чтобы сохранить жизнь Ленина, то теперь они делают все, чтобы сохранить его тело. Под стеклянным куполом спит Ленин вечным сном. Но его дело живет! Живет и победоносно борется созданная им великая Коммунистическая партия.

*«Воспоминания о Владимире Ильиче
Ленине», ч. 3. М., Госполитиздат,
1960, стр. 331—333.*

БАЛИНГИЙН ЦЭРЭНДОРЖ

СВЯЩЕННАЯ ПАМЯТЬ

Осенью 1921 года в Москву для заключения первого договора о дружбе между Советской Россией и народной Монголией приехала монгольская делегация во главе с Сухэ-Батором. Мне посчастливилось быть одним из ее членов. После того как 5 ноября того года договор был подписан, нашу делегацию принял Владимир Ильич Ленин и сердечно беседовал с нами.

Хорошо помню, как он сказал, что очень рад еще раз услышать о том, что Монгольское народное государство, изгнав всех врагов со своей земли, налаживает новую жизнь. От имени трудящихся Советской России он пожелал монгольскому народу успеха в великом деле, начатом народно-революционной партией и правительством Монголии.

— Для того чтобы навсегда закрепить завоевания народной Монголии, — подчеркнул Ильич, — необходимо расширять связи с Советским правительством.

Ленин долго беседовал с членами делегации. Он внимательно слушал наши рассказы, живо интересовался самыми разными вопросами жизни народной Монголии, давал полезные советы. В частности, Владимир Ильич обратил наше внимание на необходимость поднять уровень просвещения и культуры монгольского народа, одновременно подчеркнув, что нужно всемерно развивать собственную экономику с целью удовлетворения всех потребностей народа.

— Когда вы выполните эти задачи, — сказал он, — то подниметесь до уровня развитых европейских государств.

Владимир Ильич заявил, что Советское государство поможет Монголии всеми средствами, ибо заключенный договор — это договор дружбы, равенства и братства.

— Надо идти вперед, как братья, всегда помогая друг другу, — добавил Ленин.

Эта встреча с великим вождем первой в мире пролетарской революции навсегда запечатлелась в моем сердце. Она ярко показала, как мудрый и простой Ильич заботился об интересах всех трудящихся земли.

1926 г.

*«Ленинские страницы» Документы,
воспоминания, очерки. М., 1960,
стр. 170.*

СЭН КАТАЯМА

С ТОВАРИЩЕМ ЛЕНИНЫМ

С товарищем Лениным я встречался трижды; следовательно, мои воспоминания о товарище Ленине очень скудны и ограничены. Эти три встречи следующие: первая — на заседании Всероссийского съезда Советов, происходившем в Большом театре вечером 23 декабря 1921 года, когда товарищ Ленин делал свой доклад съезду¹, вторая — в январе 1922 года в его рабочем кабинете в Кремле и в последний раз — 13 ноября 1922 года в Андреевском зале Кремля, на IV конгрессе Коммунистического Интернационала.

Теперь я сообщу свои впечатления о товарище Ленине, которые я получил от этих различных встреч.

I

Прежде чем сообщить свои впечатления о товарище Ленине, я должен сказать, как я был подготовлен к встрече с товарищем Лениным. Я слышал о том, с какой силой он умел убеждать свою аудиторию во время Брест-Литовска, а также и в других случаях, когда он своими речами одерживал верх над противниками. Но самым лучшим средством познакомиться с товарищем Лениным было для меня чтение его «Государства и революции». Эта книга дала мне настоящую программу Октябрьской революции — программу «перехода от капитализма к коммунизму».

То было чрезвычайно серьезное и трудное время после экономической блокады, гражданской войны и голода. Прогнав всех внешних врагов и только что приняв новую экономическую

¹ Речь идет о первом заседании IX Всероссийского съезда Советов, на котором В. И. Ленин выступил с докладом о внутренней и внешней политике республики (см. *В. И. Ленин, Соч.*, т. 33, стр. 117—152). — *Ред.*

политику¹, Советская Россия посылала делегацию в Геную с директивами товарища Ленина. На заседании IX съезда Советов товарищ Ленин говорил о внутренней и внешней политике и дал ясную перспективу. Мировые империалистические державы боролись за то, чтобы выйти из послевоенного кризиса путем Вашингтонской конференции, а затем путем конференции в Генуе, на которую они были вынуждены пригласить Советскую Россию. Советская Россия теперь была в гораздо более благоприятном положении, чем когда-либо прежде.

Будет уместно здесь сказать, почему я очутился на этом заседании съезда. С 1916 года я принимал участие в движении левых сил в Америке и в издании еженедельника «Революционный век» и ежемесячника «Классовая борьба», задача которых заключалась в разъяснении американским рабочим русского революционного движения... Я приехал из Мексики, где тогда работал, для того, чтобы участвовать в съезде трудящихся Дальнего Востока².

До прихода товарища Ленина я сказал несколько приветственных слов. Большой театр был переполнен. Я видел, что все присутствующие крайне взволнованы и напряжены ввиду предстоящего выступления товарища Ленина.

Когда товарищ Ленин вошел в зал, все встали и аплодировали в течение нескольких минут. После того как председатель назвал оратора и товарищ Ленин взойшел на трибуну, все присутствующие опять встали и приветствовали его продолжительными овациями.

Так как я не знал русского языка, мои наблюдения в тот вечер были ограничены. Товарищ Ленин держался перед аудиторией непринужденно. Все слушали его с чрезвычайным вниманием, соблюдая полный порядок и глубокую тишину.

Товарищ Ленин говорил приблизительно три часа, не обнаруживая никаких признаков усталости, почти не меняя интонации, неуклонно развивая свою мысль, излагая аргумент за аргументом, и вся аудитория, казалось, ловила, затаив дыхание, каждое сказанное им слово. Товарищ Ленин не прибегал ни к риторической напыщенности, ни к каким-либо жестам, но

¹ Вопрос о переходе к новой экономической политике был решен на X съезде РКП(б) в марте 1921 года. — *Ред.*

² Съезд революционных организаций Дальнего Востока состоялся в январе 1922 года. — *Ред.*

он обладал чрезвычайным обаянием; когда он начал говорить, наступила гробовая тишина, все глаза были устремлены на него. Товарищ Ленин окидывал взглядом всю аудиторию, как будто гипнотизировал ее. Я наблюдал многочисленную толпу и не видел ни одного человека, который бы двигался или кашлял в продолжение этих трех часов. Он увлек всю аудиторию. Слушателям время казалось очень кратким. Товарищ Ленин — величайший оратор, которого я когда-либо слышал в моей жизни. Когда он кончил свою речь, все встали, опять стали аплодировать и спели «Интернационал»; так закончилось это заседание IX Всероссийского съезда Советов.

После этого заседания я был принят товарищем Лениным, который протянул мне руку и сердечно ее пожал, произнося мое имя так правильно и уверенно, как будто он меня уже давно знал.

II

Вторично я встретился с товарищем Лениным во время I съезда революционных организаций Дальнего Востока в январе 1922 года.

Съезд был созван, чтобы организовать революционные силы дальневосточных стран и показать империалистическим державам, которые заключили договор девяти держав на Вашингтонской конференции, революционную мощь стран Дальнего Востока. Октябрьская революция пробудила трудящихся Дальнего Востока; они вскоре показали свою силу японскому империализму, который пытался поработить китайцев посредством оскорбительных требований, изложенных в 21 пункте; японские рабочие демонстрировали свою возросшую силу в так называемых «рисовых бунтах» (1918 г.), а Корея — в своем движении за независимость (1919 г.).

Вышеупомянутый съезд состоялся в Москве в январе 1922 года — съезд, состоявший из представителей Китая, Японии, Индонезии и Монголии. Всего было около 200 делегатов. Съезд просил товарища Ленина присутствовать и дать свои указания. Товарищ Ленин, не имевший возможности из-за состояния здоровья исполнить просьбу съезда, пригласил к себе представителей съезда.

В тот вечер мы, выбранные съездом делегаты, отправились к нему в Кремль. Нас провели в его рабочий кабинет. Это была большая комната, просто, но хорошо обставленная. Когда мы

вошли в комнату, мы увидели на правой стене несколько картин; на одной из них изображен русский революционный деятель¹, которого товарищ Ленин очень любил; с левой стороны стояли два больших книжных шкафа с книгами. Посреди комнаты стоял большой стол с удобным большим креслом, в котором сидел Ленин. Вокруг большого стола стояло много стульев для посетителей.

Несколько минут мы ждали прихода товарища Ленина. Никто из делегатов, кроме меня, никогда не видел товарища Ленина. Войдя в комнату, он пожал руку каждому из нас, глубоко уселся в кресле и начал разговаривать с делегатами разных стран поочередно; конечно, все слышали их вопросы и полезные и интересные ответы товарища Ленина.

Товарищ Ленин с каждой делегацией обсуждал специальные вопросы ее страны, а также вопросы, касающиеся всего Дальнего Востока. Больше всего он подчеркивал необходимость объединить революционные силы всех стран, представленных на съезде. Конечно, в разговоре фигурировал и вопрос о едином фронте; товарищ Ленин убеждал в необходимости объединения революционных рабочих дальневосточных стран и сказал, глядя на меня:

— Вы защищали единый фронт в дальневосточных странах.

Должно быть, он читал мою статью, где я утверждал, что корейские и японские рабочие должны образовать единый фронт против японского империализма, который одинаково угнетает и эксплуатирует рабочих обеих стран.

В этот вечер товарищ Ленин был в очень хорошем настроении и выглядел хорошо. Он совершенно свободно говорил по-английски и был очень внимателен к каждому, кто с ним говорил, а также очень, очень хорошо умел слушать. Он умел каждого удовлетворить и ободрить. Мы все чувствовали себя хорошо и совершенно как дома. Он — настоящий мастер беседы и заинтересовал всех нас тем, о чем он говорил. Товарищ Ленин в этой краткой, но очень важной беседе с членами съезда дал много полезных указаний и советов каждой делегации.

Когда мы собирались прощаться с товарищем Лениным, он сделал один или два шага вперед и пожал руку каждому из нас. Я был самым последним из тех, кто с ним сердечно про-

¹ Видимо, автор имеет в виду барельеф Халтурина. — *Ред.*

щался, и благодаря этому мне удалось обменяться несколькими словами с товарищем Лениным.

— Я слышал, что вы покидаете Москву и уезжаете в деревню, чтобы отдохнуть?

Товарищ Ленин сказал:

— Да.

— Я бы хотел, чтобы вы спокойно отдохнули и вернулись в лучшем состоянии здоровья! — сказал я.

Товарищ Ленин ответил:

— Я должен хорошо отдохнуть, я должен работать, — мы все должны работать.

Он говорил в дружеском тоне. Мы сердечно пожали друг другу руки, и я ушел.

III

В третий и последний раз я пожал руку товарищу Ленину во время IV конгресса Коминтерна, точнее — 13 ноября 1922 года. Как известно, темой его доклада было: «Пять лет российской революции и перспективы мировой революции»¹.

Большой Андреевский зал переполнен. Появление Ленина ожидается с напряженным вниманием. Когда вождь русской революции и мирового пролетариата появился в зале, его встретили восторженными овациями и нескончаемыми возгласами. Все присутствующие встали, чтобы приветствовать товарища Ленина. Делегаты спели «Интернационал».

Когда товарищ Ленин взошел на трибуну, он пожал руку каждому из членов президиума. Я почувствовал, что его рука не такая, какой она была прежде; я вспомнил, что он долго болел и с большими усилиями пришел приветствовать конгресс.

Когда он начал свою речь, он казался вполне здоровым, его речь была почти такой же, как и в декабре прошлого года в Большом театре. Он говорил по-немецки, несколько раз смотрел на часы, стараясь закончить свою речь в течение часа. Излишне говорить здесь о содержании его речи. Я только скажу, что все присутствующие слушали его с чрезвычайным вниманием и при полной тишине.

Когда он кончил, весь зал стал громко аплодировать. Он сел среди руководящих товарищей и в течение нескольких минут вел с ними обычный разговор. Затем покинул зал. Вся аудитория стояла, пока он не вышел из зала.

¹ См. В. И. Ленин, Соч., т. 33, стр. 380—394. — Ред.

* *

*

В заключение я хочу сказать несколько слов о том, что мой контакт с товарищем Лениным был очень слабым, так как я встречался с ним только три раза, но для меня было величайшим счастьем встретиться с ним и пожать ему руку. Есть много товарищей, которые учились и даже работали под его руководством, мой опыт — капля в море, но даже в Советском Союзе есть миллионы, которые хотели видеть его, слышать его, говорить с ним, но им это не удалось. Каждый, кто встречался с товарищем Лениным в своей повседневной жизни, должен рассказать об этом другим — это настоящий долг перед партией и революцией. С этой точки зрения я и написал свои воспоминания о товарище Ленине.

*«Воспоминания о Владимире Ильиче
Ленине», ч. 2 М., Госполитиздат,
1957, стр. 627—630,*

КАМИЛЛА РАВЕРА

МОГУЩЕСТВО ПРАВДЫ

Осенью 1922 года в составе делегации Итальянской коммунистической партии на IV конгресс Коминтерна я впервые приехала в Страну Советов. Революционная волна, прокатившаяся по Италии в послевоенные годы, в этот момент пошла на убыль. Фашистские банды, вооруженные и оплачиваемые помещиками и капиталистами, совершали нападения на помещения газет, профсоюзных и политических организаций трудящихся. Начались зверские расправы над вожаками рабочих и крестьян. Фашизм готовился захватить власть.

...Поезд уносил нас все дальше от Италии. Стоя у окна вагона, я смотрела на поля и леса, уже покрытые снегом. Мы приближались к границе Страны Советов. Березовые рощи стояли словно заколдованные. В эту минуту я думала о русском народе, который большевики освободили от тяжелого гнета. Я думала о Ленине, который повел свой народ через величественные и героические битвы к победоносной Октябрьской революции, открывшей новую эру в жизни всего человечества...

Среди бесконечных снегов я увидела наконец большой красный флаг — государственная граница. Нас встречала страна социализма. С незабываемым волнением смотрела я на этот флаг.

В Москве мы первым делом встретились с товарищем Грамши¹, который вот уже несколько месяцев представлял Итальянскую компартию в Исполкоме Коминтерна. Уже

¹ Грамши, Антонио (1891—1937) — выдающийся деятель итальянского и международного коммунистического движения, основатель и руководитель Итальянской коммунистической партии. Активнейший борец против итальянского фашизма, захватившего власть в Италии в 1922 году. В 1926 году Грамши был приговорен к 20 годам тюремного заключения. Умер 27 апреля 1937 года. — *Ред.*

в столице Страны Советов до нас дошло сообщение о «фашистском походе» — Муссолини вошел в Рим во главе банд «чернорубашечников». Их в открытую поддерживали правящие круги. Государственные власти оказали фашистам молчаливое содействие. В Италии начиналось господство фашистского режима.

Однажды утром — до начала работы конгресса Коминтерна оставалось еще несколько дней — мне сказали: «Сегодня вы сможете побывать у Ленина».

Трудно кратко сказать, чем стал Ленин для нас, коммунистов, рабочих и крестьян Италии, для миллионов и миллионов людей во всех странах. Мы ассоциировали его имя с победой социализма. Трудящиеся всего мира видели в нем воплощение чаяний, надежд, идеалов всех угнетенных и эксплуатируемых. Ленин стал символом рождения нового мира, в котором навсегда будет уничтожена всякая возможность гнета и порабощения человека человеком.

Могущество мысли и воли Ленина, величие совершенного им труда заставляли каждого человека мысленно представлять себе Ленина могучим и величественным, почти мифическим существом. То же самое думала о нем и я.

Нас провели в его кабинет. Ленин пошел к нам навстречу, улыбающийся и сердечный, приветствуя по-итальянски и продолжая говорить дальше уже по-французски.

Я смотрела на него с внутренним смущением и изумлением: живой Ленин совершенно отличался от того образа, который сложился у меня раньше. Он был предельно прост во внешности, в привычках, в манере говорить. Все это сразу сделало разговор непринужденным и естественным. Я слушала его, и мне казалось, что это уже давно знакомый человек.

Мы сказали Владимиру Ильичу, что очень обеспокоены состоянием его здоровья.

— Чувствую я себя хорошо, — неожиданно сказал Ленин. — Однако мне приходится подчиняться деспотическим предписаниям врачей, дабы не заболеть снова. А это было бы неприятно — ведь столько надо сделать.

А затем Владимир Ильич перешел к разговору об успехах Советской власти. Ленин приводил многочисленные факты, данные. Потом сказал:

— Обо всем этом я буду говорить в своем докладе на конгрессе.

И тут же Ленин выразил желание ознакомиться с некоторыми новостями и мнениями по поводу последних событий в Италии.

Один из членов нашей делегации вкратце рассказал о событиях, происшедших за последнюю неделю, и повторил свое ошибочное мнение, уже высказанное им раньше среди наших делегатов: приход фашизма якобы не является фактом чрезвычайного значения. Это-де простая смена министров, означающая приход к власти более реакционного правительства, и не больше. А поэтому будто бы нет причин для изменения нашей политики и действий. Главным остается, сказал он, пропаганда принципов партии.

Ленин сразу же поставил вопрос:

— А что думают о происшедшем рабочие, крестьяне, люди из народа?

— Они борются, — несмело вмешалась я в разговор. Я думала о рабочих, убитых в Турине, о тех, кто героически сражался против фашистов и погибал в городах и деревнях Италии.

— Борются? Хорошо, это хорошо, — повторил Ленин. — Потом сказал:

— Рабочий класс всегда борется за то, чтобы завоевать и отстоять демократические права, даже если они ограничены буржуазной властью. А когда он теряет их, он борется за то, чтобы вернуть их, и вместе с этим ищет себе союзников...

Его речь была прервана: в комнату вошла Надежда Константиновна. Она поздоровалась с нами и молча посмотрела на Ленина.

— Опять провинился, — сказал он, возвращаясь к тому шутливому тону, которым всегда говорил о своем здоровье, — время для нашего разговора окончилось. Вот что означает появление Крупской. Предписания врачей строги: переговоры не могут продолжаться свыше известного числа минут. И я, человек дисциплинированный, им повинуюсь. Мы увидимся на конгрессе, — добавил он сердечно, провожая нас до дверей своего кабинета.

Расставаясь, Владимир Ильич сказал нам серьезным тоном:

— У вас будет долгая и трудная работа. Главное — никогда, ни при каких обстоятельствах не терять связей с рабочими, с крестьянами, с женщинами, с жизнью всего народа.

Вернувшись в гостиницу, где остановилась наша делегация, я встретила товарища Джерманетто. Он спросил меня:

— Ты действительно была у Ленина?

Я подтвердила.

— Тебе повезло, — заметил он. — Мы-то его не увидим.

— Да нет же, — сказала я. — Мы все его увидим и услышим на конгрессе.

— Говорят, что его там не будет. Врачи против.

— Будет. Он сам сказал.

Джерманетто засиял и пошел сообщить новость другим товарищам. С просьбой подтвердить это ко мне зашел наш товарищ Натанджелло, молодой рабочий из Неаполя, которого мы в шутку называли «певцом», наверное, потому, что во всем мире распространено мнение, будто любой неаполитанец — певец. Его часто приглашали спеть что-нибудь делегаты из других стран. Натанджелло любезно запевал какую-нибудь неаполитанскую мелодию. Позже он признавался, что ему никогда не приходилось столько петь, как в Москве. «Певца» очень пугало, что ему не удастся передать Ленину привет, как об этом его просили земляки-рабочие.

— Ну как я покажусь у себя, — говорил он, — если я не выполню моего обязательства? Они провели на заводе сбор денег, чтобы помочь мне приехать сюда.

Ленин пришел на конгресс. Во время заседания члены нашей делегации неожиданно узнали, что Ленин направляется по коридору в зал. Мы бросились ему навстречу. Джерманетто поздоровался с ним по-французски, а потом объяснил, что мы — итальянские делегаты. Натанджелло был взволнован до предела.

— Теперь ты можешь передать привет от своих товарищей из Неаполя, — шепнула я ему.

Но он только смотрел на Ленина, не произнося ни слова.

— Я расскажу об этом своим товарищам, — говорил Натанджелло позже. — Они поймут, как я был взволнован.

Нужно ли говорить, что земляки нашего неаполитанского друга все отлично поняли.

Рим, апрель 1960 г.

ДЖОВАННИ ДЖЕРМАНЕТТО

С ДЕЛЕГАЦИЕЙ ИТАЛЬЯНСКИХ КОММУНИСТОВ В МОСКВЕ

Когда летом 1917 года в Турин прибыли посланцы Керенского «ориентировать» итальянских рабочих и объяснить им политику Временного правительства России, их встретили возгласами: «Да здравствует мир!», «Да здравствует Ленин!». Непрошенные гости, по-видимому, поняли, что рабочие Италии и без них достаточно ориентированы, и поскорее убрались восвояси...

Ленин! Это имя уже тогда воплотило все светлые надежды людей, истерзанных первой империалистической войной. Это имя наш народ провозгласил своим боевым знаменем, оно звучало угрозой против виновников мировой бойни, стало заветной надеждой трудящихся на лучшее будущее.

Никогда еще в Италии за последнее столетие имя человека не было так любимо в народе, как имя Ленина. В убогих хижинах деревень, разбросанных по склонам Альп, в серных рудниках Сицилии, на фабриках и заводах Турина и Милана, в учреждениях и учебных заведениях всей страны, в казармах и окопах фронтов первой мировой войны миллионы итальянцев произносили это имя с любовью и благоговением. Имя Ленина было начертано на стенах домов, в тюремных камерах и в римских катакомбах...

Легко понять мою радость, когда мне сообщили, что я поеду в Советский Союз в составе делегации Итальянской коммунистической партии на IV конгресс Коминтерна и II конгресс Профинтерна.

Это было время террористического разгула фашистских банд, поджигавших помещения общественных организаций трудящихся и с благословения полиции убивавших лучших наших руководителей и друзей. За несколько дней до черного «похода Муссолини» на Рим мы выехали из Италии...

Мы — группа делегатов — проехали чуть ли не по всей Европе. Но меня ничто не интересовало ни в Вене, ни в Берлине, ни в других европейских столицах. Все мои думы были обращены к неведомой Стране Советов, к Москве, к великому Ленину, которого я увижу впервые.

Был ноябрь. Но мы, привыкшие к жаркому солнцу Италии, даже не чувствовали холода. Так горяча была встреча, оказанная нам советскими людьми, едва мы переступили границу нового мира, мира свободы и дружбы народов.

На открытии IV конгресса Коминтерна мы с восторгом пели пролетарский гимн «Интернационал» на 50 языках... 13 ноября 1922 года мы собрались в самом большом зале Кремля, с нетерпением ожидая доклада Ленина «Пять лет российской революции и перспективы мировой революции»...

Перед началом заседания я решил выйти в коридор с тайной надеждой встретить Ленина и приветствовать его от имени итальянских рабочих. И я его встретил. Но вместо многословного приветствия я лишь сказал по-французски:

— Здравствуйте, товарищ Ленин!

Он остановился, горячо пожал мою руку и спросил:

— Вы француз?

— Нет, я итальянец.

— Я говорю немного по-итальянски, — сказал он мне на моем родном языке.

В это время из зала вышло еще несколько товарищей. Все мы на разных языках старались обменяться несколькими словами с великим Лениным...

В порядке дня IV конгресса Коминтерна стоял также итальянский вопрос. Нашей молодой еще партией руководили лица, которые вели ее по неправильному пути.

В один из вечеров Владимир Ильич пригласил итальянскую делегацию к себе на беседу. Мы все, кроме троцкиста Бордига и нескольких его сторонников, были несказанно обрадованы. За столом, за чашкой чая, уселась вся делегация, Владимир Ильич, Надежда Константиновна Крупская и еще несколько человек.

Бордига хотел было произнести речь об итальянских делах, но Владимир Ильич его прервал:

— Нет, нет... Мы уже слышали столько речей на конгрессе... Давайте лучше побеседуем со всеми вами попросту, по-товарищески...

Ленин был в прекрасном настроении, веселым и дружелюбным. Он беседовал почти с каждым из нас по-французски или по-итальянски. Расспрашивал о нашей партийной работе, узнавал, из каких мы приехали городов и областей, интересовался борьбой рабочих каждой местности и слушал ответы делегатов с таким вниманием, с каким был способен слушать великий учитель рабочего класса.

Никогда не изгладится из моей памяти совет, данный нам Лениным в тот вечер. Говоря о захвате власти в Италии фашистами, Владимир Ильич сказал, что фашисты, наверное, организуют свои профсоюзы. Итальянским коммунистам обязательно надо будет работать внутри этих профсоюзных организаций.

Должен признаться, что мы были тогда крепко пропитаны сектантством, и нам этот совет казался не совсем правильным... Однако дальнейший ход борьбы доказал всю справедливость этого мудрого указания Ленина. Мы вскоре поняли, что это был единственный путь к завоеванию трудящихся масс, обманутых фашистской демагогией, единственный путь, по которому можно было повести их на борьбу и добиться победы. Сколько раз позже, когда помещения фашистских профсоюзов нередко служили нам надежным убежищем для подпольных собраний, мы вспоминали мудрые слова Ленина!

Итальянская комиссия IV конгресса Коминтерна разработала обстоятельную резолюцию о работе нашей партии. Делегация собралась обсуждать эту резолюцию. Случайно в этот вечер в Кремле не было свободного зала, кроме тронного. Председателем этого заседания товарищи избрали меня. Любопытно, что место председателя оказалось... тронном Николая II и последнего. В пылу горячей дискуссии, длившейся до утра, никто и не задумался, вероятно, над тем, что на царском троне в тот вечер восседал... итальянский цирюльник...

Кстати, у меня были старые счеты с Николаем последним. Когда этот палач рабочих и крестьян России приехал однажды в Италию, меня и других рабочих арестовали за участие в демонстрации солидарности итальянских трудящихся с революционными рабочими России.

В тот знаменательный вечер заседания в тронном зале Кремля итальянские делегаты большинством голосов одобрили ленинскую линию в вопросах политики партии.

Под руководством Грамши и Тольятти была проведена длительная борьба, чтобы направить партию рабочего класса Италии на верный путь. Эта борьба привела к тому, что Итальянская компартия увеличила свои ряды с 58 тысяч до 2 с лишним миллионов членов. Правильной ленинской политикой в работе профсоюзов мы достигли того, что Всеобщая итальянская конфедерация труда (ВИКТ) насчитывает ныне наибольшее в истории страны число организованных рабочих и служащих. Во времена руководства предателя д'Арагона¹ в ее рядах состояло менее 2 миллионов, а ныне более 4 миллионов членов профсоюзов.

Память о Ленине живет в этих завоеваниях рабочего класса нашей страны, который следует заветам гениального учителя народов.

Имя Ленина служит боевым знаменем для всех угнетенных и эксплуатируемых, а его бессмертное учение — нашей путеводной звездой в борьбе за мир, за свободу и социализм!

«Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине», ч. 2. М., Госполитиздат, 1957, стр. 660—662.

¹ *Д'Арагон* — итальянский профсоюзный лидер того периода, реформист. — *Ред.*

БЕДРЖИХ РУНГЕ

НА IV КОНГРЕССЕ КОМИНТЕРНА

Мы с напряженным вниманием ожидали выступления Ленина. Он должен был прочесть доклад «Пять лет российской революции и перспективы мировой революции». Это произошло 13 ноября 1922 года. Собрались все делегаты. Присутствовали сотни гостей, были там рабочие прямо с заводов и крестьяне с полей. Все хотели слышать Ленина. Мы еще никогда Ленина не видели и ожидали его с нетерпением. Вдруг мы услышали возгласы: «Ленин здесь!».

Быстрыми шагами он прошел через зал. Он был в простом сером костюме, какие у нас в Праге носят всюду. Это был тот, кто возглавил свержение самодержавия и повел 150 миллионов человек к социализму. Это был Ленин — вождь мирового пролетариата. Я по наивности представлял его себе иначе.

Под бурные приветствия он подошел к ораторской трибуне и начал говорить. Уже с первых слов было ясно, что это оратор, который полностью уверен в своем деле и теперь старается последовательно, все более сильными доводами довести определенную идею до сознания своих слушателей. Он не пользовался никакими ораторскими приемами. Он анализировал, делал выводы и постоянно ссылаясь на хладнокровное взвешивание всех обстоятельств, а еще больше на здравый человеческий смысл. Он никогда не становился сентиментальным, использовал только действительность, великолепную действительность. Ленин часто улыбался, и его лицо с могучим лбом было постоянно озарено иронической улыбкой и умным взглядом, которым он окидывал собрание, выискивал лица и с ними разговаривал.

Начал он с раскрытия сущности новой экономической политики и указал на ее положительные результаты. Как пример он привел финансовую систему.

Кто слышал эти слова и знает астрономические цифры современного советского народного хозяйства и огромные успехи советского народа во всех областях человеческой деятельности, может вполне оценить гениальность Ленина. Его вера в силу пролетариата более чем тысячу раз подтверждена.

Ленин умел быть самокритичным. Мы были очень удивлены, когда услышали из его уст следующие слова: Несомненно, что мы сделали и еще сделаем огромное количество глупостей, — сказал Ленин, но добавил, — если нам это скажут противники, мы им ответим, что мы только начали учиться, но учимся с такой систематичностью, что мы уверены, что добьемся хороших результатов¹.

Результаты уже есть и потрясают весь мир.

Напряженно ловили мы слова Ленина, которые так ясно и точно выражали его мысли. Когда Ленин после бурных аплодисментов сошел с трибуны, каждый из нас сказал себе: «Сегодня ты научился кое-чему такому, чего не забудешь до самой своей смерти».

...Незабываемым остался для меня разговор с товарищем Лениным, который для меня, как журналиста, был особенно интересен. Разговор состоялся через 8—10 дней после доклада Ленина на IV Международном конгрессе. Товарищ Ленин пригласил тов. Дьюла Алпари, руководителя «Internationale Presse-korrespondenz»², чтобы с ним обсудить дальнейшие задачи и перспективы этого журнала. Тов. Алпари попросил меня, чтобы я, как его «правая рука», принял участие в этом разговоре.

Еще и сегодня помню, с каким смешанным чувством я в тот раз исполнил его просьбу. Я был неизмеримо счастлив, что узнаю Ленина лично. В то же время меня беспокоило, что я, только за несколько недель до этого ушедший с поста редактора либерецкой газеты «Vorwärts», должен участвовать в беседе с Лениным, в которой, может быть, будут обсуждаться

¹ См. В. И. Ленин, Соч., т. 33, стр. 390, 391. — *Ред.*

² Алпари, Дьюла (1882—1944) — деятель венгерского и международного коммунистического движения, публицист, ответственный редактор официального органа Коминтерна — «Internationale Presse-korrespondenz» («Инпрекорр») и затем «Rundschau» — с момента его основания (1921 г.) и вплоть до ареста Алпари гестапо в Париже в 1941 году. Казнен фашистами в концентрационном лагере Саксенгаузен в июле 1944 года. — *Ред.*

проблемы, до которых, я это чувствовал, я тогда еще совершенно не дорос.

Я знал, какое значение придавал Ленин партийной печати. Уже на III Всемирном конгрессе при активном участии Ленина в тезисах «Организационное строительство коммунистических партий, методы и содержание их работы» был выработан раздел «О партийной печати», в котором, между прочим, говорится о том, что партии должны с неумолимой энергией создавать и улучшать коммунистическую печать.

Партия должна уделять больше внимания качеству газет, а не их количеству. Каждая коммунистическая партия должна иметь прежде всего хороший центральный орган, выходящий по возможности ежедневно.

Задача наших газет заключается в том, чтобы собирать ценный опыт всей деятельности членов партии и предлагать его партийцам как руководство для неустанного контроля и улучшения коммунистических методов работы.

Без этой обширной, целенаправленной организационной работы коммунистических газет, указывал В. И. Ленин, вряд ли удастся осуществить демократический централизм и целесообразное разделение труда в коммунистической партии, а в результате этого и выполнить историческую задачу партии.

Чтобы помочь нашим партиям в выполнении этих задач, в конце 1920 года был основан журнал «Internationale Pressekorrespondenz»¹, который выходил тогда один раз в неделю на немецком, английском и французском языках и печатался только на одной стороне листа. Мы должны были дать отчет товарищу Ленину о состоянии журнала и о накопленном опыте.

Как только я оказался рядом с товарищем Лениным, моя растерянность быстро развеялась. Тов. Алпари, который знал Ленина еще до первой мировой войны, представил меня товарищу Ленину как нового сотрудника «Инпрекорра». Услышав, что я из Либерца и работал редактором газеты «Vorwärts», он начал расспрашивать о рабочем движении в Либерце и о «Vorwärts'e», заметив при этом, что знает эту газету. Ленин знал, что Либерец был центром текстильной промышленности; поразил меня своим вопросом о рабочих текстильной фабрики

¹ Первый номер журнала вышел в сентябре 1921 года. — *Ред.*

«Либига». Ленин говорил так, будто мы были уже давно знакомы. Моя скованность вдруг пропала, и я рассказал ему обо всем, стараясь сделать это как можно лучше.

После этого короткого вступления Ленин заговорил о журнале «Internationale Presse-korrespondenz», известном в партийных кругах под сокращенным названием «Inprekorr». Он подчеркнул важность журнала как источника информации для нашей партийной печати в самых различных странах.

Наше движение не имело тогда еще никаких собственных печатных органов. Только самые большие коммунистические газеты и журналы, как парижская «L'Humanité», берлинская «Rote Fahne», а также «Rude právo», могли себе позволить абонирование (подписку) у буржуазных агентств печати. Периферийная печать была вынуждена заимствовать сообщения из других газет, в основном из центрального органа партии, но, к сожалению, часто и из буржуазных газет. Не всегда редакторы нашей провинциальной печати были настолько политически образованны, что могут полученные сведения истолковать по-марксистски. Поэтому «Inprekorr» должен был выполнять задачу снабжения нашей партийной печати надежным информационным материалом о положении рабочего класса во всех странах, о его борьбе и его успехах. Прежде всего, сказал Ленин, он должен систематически помещать подробные сообщения о Советском Союзе — первом в мире государстве рабочих и крестьян. Лживым и клеветническим сведениям о Советском Союзе, которыми наводняют мир наши противники, мы должны противопоставить свои правдивые сведения и объяснять, особенно рабочим кругам, подлинную сущность пролетарской революции и ее успехи.

Но наша задача не ограничивается только сообщениями о Советском Союзе. Наша печать должна поддерживать всякое рабочее движение и движение самых малых национальностей. Наши газеты должны изо дня в день пропагандировать эти события. Должны отводить им много места, используя самые лучшие аргументы. Чрезвычайно важно знакомить массы в ходе всякого выступления с его основными идеями и удерживать их длительное время в сознании масс, чтобы рабочий класс действительно понял, в чем дело.

Поэтому, по его словам, необходимо, чтобы «Inprekorr» имел хороших корреспондентов во всех странах.

Товарищ Ленин нам посоветовал, чтобы мы использовали работу IV Всемирного конгресса, на котором все коммунистические партии были представлены своими руководящими товарищами.

Менее часа продолжалась эта беседа с товарищем Лениным, но его слова стали для нас директивами, которым «Inprekorr» точно следовал во всех своих изданиях до тех пор, пока вторая мировая война не прекратила его издания.

Следуя советам товарища Ленина, мы — товарищ Алпари и я — обсудили этот вопрос с представителями различных коммунистических партий и договорились с ними, что Политбюро их партий выделяют по одному товарищу, ответственному за информацию для «Inprekorr». Кто сегодня перелистает номера «Inprekorr» (или же последующий журнал «Rundschau»), увидит, что основные статьи всегда писали руководящие товарищи наших коммунистических партий. Назовем только некоторых из них: от нашей партии — товарищи Готвальд, Запотоцкий, Шмераль, Конецкий, Гакен, Крейбих и другие, от Коммунистической партии Германии — товарищи Тельман, Пик и другие, от французской — Кашен, Торез, Семар, Берлиоз и другие, от итальянской — Грамши, Эрколи (Тольятти), Лонго и т. д., от испанской — Диас, Пассионария и другие, от английской партии — Поллит и т. д.

Местом издания «Inprekorr» должен был остаться Берлин не только по своему центральному положению, которое облегчало быстрое оповещение, но и потому, что там газета могла выходить легально.

Однако эта легальность в Германии продолжалась недолго. Когда в конце 1923 года коммунистическая партия в Германии была запрещена и «Inprekorr» должен был изменить свое место издания, была выбрана Вена, где мы были вынуждены работать при больших технических трудностях.

К немецкому, французскому и английскому изданиям прибавилось еще, по договору с итальянскими товарищами, и итальянское издание. Его существование, однако, ограничилось неполными двумя годами, потому что фашистская диктатура в Италии сделала окончательно невозможным и нелегальное распространение «La Corrispondenza Internationale» (так называлось наше итальянское издание «Inprekorr»).

ВАЛЬТЕР УЛЬБРИХТ

ЛЕНИН — ДРУГ НЕМЕЦКОГО НАРОДА

Великая Октябрьская социалистическая революция, сорокалетие которой отметили в 1957 году трудящиеся всего мира, по своему громадному воздействию на развитие человеческого общества является самым выдающимся событием в многовековой всемирной истории. Великая Октябрьская социалистическая революция положила начало освобождению трудящихся масс и угнетенных народов от эксплуатации и колониального гнета, открыла эру подлинной социальной, политической и национальной свободы. Первой социалистической революцией, как и предсказывал Фридрих Энгельс, была завершена предыстория человеческого общества. Началась новая эпоха.

С этим всемирно-историческим событием неразрывно связана жизнь и борьба великого революционера и ученого — Владимира Ильича Ленина.

Вряд ли на земном шаре найдется такой уголок, где бы люди ничего не слышали о Ленине. Его имя стало символом борьбы за свободу и счастье сотен миллионов простых людей. Все новые и новые поколения смелых борцов за дело рабочего класса, за социализм воспитываются в духе Ленина.

История знает немало великих людей. Но только рабочий класс, самый прогрессивный класс современного общества, помог полностью раскрыть свой гений такому гиганту революционной мысли и революционного действия, каким был Ленин.

Ленин развил учение Карла Маркса и Фридриха Энгельса и показал рабочему классу и угнетенным народам, как они в условиях империализма могут добиться победы в своей освободительной борьбе.

Первым историческим достижением Ленина была разработка учения о партии нового типа. Эта партия, руководствующая

щаяся марксистской теорией, должна быть партией единой, боеспособной и закаленной, партией, способной выполнить историческую задачу пролетариата: довести освободительную борьбу трудящихся до победы. Под руководством Ленина русские большевики и выковали к началу XX столетия свою революционную, боевую партию.

Основным звеном в создании такой партии Ленин считал организацию издания марксистской газеты «Искра», первый номер которой появился в декабре 1900 года в городе Лейпциге. С гордостью мы отмечаем, что именно немецкие рабочие помогли Ленину в печатании и успешном распространении первых номеров «Искры». Издание газеты стало в действительности той искрой, которая зажгла пламя революционной борьбы в России, а позже и в других капиталистических странах.

Пламя «Искры» подняло на борьбу пролетариат и трудящихся крестьян России, которые под руководством своей большевистской партии, осуществив Великую Октябрьскую социалистическую революцию, совершили коренной поворот в истории человечества. Пролетариат и все миролюбивые прогрессивные люди земного шара обязаны этим Коммунистической партии Советского Союза, гениальному Ленину. Ныне трудящиеся на огромной территории — от Пекина до Берлина — уверенно строят социализм.

Благороднейшие идеи интернационализма, которыми Карл Маркс и Владимир Ильич Ленин вооружили пролетариат всего мира, находят сегодня свое высшее выражение в братской дружбе государств социалистического лагеря, возглавляемого Советским Союзом.

Ленин всегда был тесно связан с немецким рабочим движением. Будучи одним из лучших его знатоков, Ленин видел всю глубину опасности ревизионизма и оппортунизма для Социал-демократической партии Германии. Правые лидеры германской социал-демократии, боясь разоблачения, препятствовали тому, чтобы рабочий класс Германии познакомился с основными теоретическими произведениями Ленина.

Я впервые услышал о Ленине перед первой мировой войной, будучи еще молодым рабочим. Тогда в германской социал-демократии шла дискуссия о борьбе против германского милитаризма и империализма. В то время группа Носке поддерживала колониальную политику империалистов, Каутский

занимал неясную центристскую позицию по отношению к германскому империализму и лишь группа Либкнехта — Люксембург боролась против захватнических замыслов германской крупной буржуазии. В связи с этой дискуссией накануне первой мировой войны я и узнал о позиции Ленина на Штутгартском конгрессе II Интернационала. Делегация Российской социал-демократической рабочей партии по предложению Ленина внесла несколько поправок в резолюцию¹. В поправке (к последнему абзацу резолюции Бебеля. — *Ред.*) говорилось, что в случае, если война вспыхнет, задача всех социал-демократических партий будет состоять в том, чтобы выступить за ее скорейшее окончание и всеми силами стремиться использовать вызванный войной экономический и политический кризис для революционной работы в массах, чтобы тем самым ускорить крушение господства класса капиталистов. Этой резолюцией были определены задачи и роль социал-демократических партий в борьбе против империалистической войны.

Несмотря на то, что группа Либкнехта — Люксембург в германской социал-демократии была полностью согласна с этой точкой зрения Ленина, она не сделала из нее никаких практических выводов для партийной и организационной работы. Позже Ленин справедливо отмечал, что самое большое несчастье рабочего движения в Германии состояло в том, что оно не смогло порвать с ревизионизмом перед мировой войной. Этим страдал весь германский рабочий класс во время длительного и мучительного периода германской революции после войны. Мы, кто принадлежал тогда к группе Либкнехта, совершили этот разрыв лишь в тяжелых условиях, во время первой мировой империалистической войны.

Из-за отсутствия революционной партии рабочего класса, партии нового типа, германский рабочий класс в период краха германского империализма не имел такого руководителя, каким может быть только революционная партия ленинского типа. Хотя Ленин и критиковал германских левых за то, что они вовремя не осуществили организационного разрыва с ревизионизмом, он все же высоко ценил то, что германские ле-

¹ Резолюция Штутгартского конгресса II Интернационала по вопросу о милитаризме была составлена с учетом принципиальных поправок В. И. Ленина и Р. Люксембург к резолюции, предложенной А. Бебелем. В резолюции Бебеля не содержалось никаких указаний на активные задачи пролетариата. — *Ред.*

вые в период первой мировой войны высоко держали знамя пролетарского интернационализма и тем самым спасли честь германского рабочего класса.

Ленин был другом и защитником интересов не только германского пролетариата, но и всего немецкого народа. После победы Великой Октябрьской социалистической революции в 1917 году Советское правительство во главе с Лениным стремилось помочь немецкому народу выйти из войны. Когда нам стало известно воззвание Совета Народных Комиссаров Советской России о немедленном установлении мира, мы почувствовали прилив новых сил в борьбе против кайзеровских политиков в Берлине. Когда же капиталистические великие державы отклонили мирное предложение Советской России, Ленин обратился к немецкому народу с предложением о заключении мирного договора. Предложение Ленина соответствовало интересам германского народа, который хотел немедленного окончания войны. Если бы предложение Ленина было принято, то Германия, поддержанная Советской Россией, пришла бы к справедливому миру и силы народа заставили бы Вильгельма II, Гинденбурга и военных магнатов уйти со сцены. Это означало, что не было бы унижительного Версальского договора.

Когда в 1918 году началась Ноябрьская революция в Германии, Ленин от имени Советского правительства предложил социал-демократическому правительству Эберта — Шейдемана заключить между Советской Россией и Германией пакт о дружбе и помочь голодающим немецким трудящимся поставками зерна. Ленин говорил, что при таком положении вещей единственным спасением для Германии является союз с Советской Россией. Даже после реставрации господства крупной буржуазии в Германии, когда капиталистические западные державы хотели затормозить ее развитие, Советское правительство по инициативе Ленина предложило заключить Рапалльский договор, гарантировавший Германии национальную независимость. Благодаря этому договору, заключенному в апреле 1922 года, Германия вышла из состояния изоляции. Был открыт путь к экономической деятельности на мировых рынках. Но рабочий класс тогда не имел еще достаточно сил, чтобы на основе Рапалльского договора обеспечить новую ориентировку во внешней политике Германии. В период послевоенного кризиса германского капитализма в Коммунистической партии

Германии и в германском рабочем движении велось много дискуссий по вопросам борьбы за рабочее правительство. И в этом вопросе мы, немецкие коммунисты, получали от Ленина ценные указания и советы.

В 1922 году я впервые увидел Ленина. На IV конгрессе Коммунистического Интернационала Ленин выступал с докладом на тему «Пять лет российской революции и перспективы мировой революции»¹. В то время Владимир Ильич был болен, говорить ему было трудно, но, несмотря на это, он говорил ясно и убедительно.

Самое сильное впечатление от этой речи оставило у меня популярное, понятное каждому рабочему и крестьянину изложение экономической политики партии. Для каждого, кто слушал эту имеющую огромное значение речь, было ясно, что Ленин мастерски владел большим искусством освещения задач дня с принципиальной точки зрения. Нам, коммунистам из-за рубежа, Ленин дал тогда важный совет — «постигнуть организацию, построение, метод и содержание революционной работы».

Ленин говорил, что принятая III Всемирным конгрессом Коммунистического Интернационала резолюция об организационном построении коммунистических партий, о методах и содержании их работы прекрасна, но иностранные товарищи «не могут удовлетвориться тем, что повесят ее, как икону, в угол и будут на нее молиться». Необходимо, чтобы они сами воспринимали этот опыт.

Делегация Коммунистической партии Германии во время конгресса попросила Владимира Ильича Ленина принять ее для беседы. Ленин, всегда готовый оказать помощь международному рабочему движению, сразу же дал согласие. Эта беседа была посвящена вопросу о создании и характере рабочего правительства в Германии. Ленин сидел, опершись рукой о колени, и внимательно слушал наши соображения, задавал вопросы, чтобы ознакомиться с существенными фактами, характеризующими положение в Германии. Терпеливо выслушав нас, он разъяснил, как рабочий класс Германии в союзе с трудящимися крестьянами должен вести борьбу за рабочее правительство. Ленин указал нам на необходимость сотрудниче-

¹ См. В. И. Ленин, Соч., т. 33, стр. 380—394. — *Ред.*

ства с рабочими — членами социал-демократической партии и на улучшение работы в профсоюзах. Он подчеркнул значение планомерной организаторской работы среди широких масс трудящихся и необходимость соблюдения строгой дисциплины. Ленин обратил наше внимание на работу по привлечению на свою сторону сельскохозяйственных рабочих и трудящихся крестьян. Это указание было особенно важным, так как работа среди крестьян у нас была тогда запущена.

От этой беседы у меня осталось в памяти, как Ленин сразу же схватывал суть дела. Его нельзя было отвлечь второстепенными вопросами. Ничего существенного он не оставлял незамеченным. Ленин разговаривал с нами с присущим ему темпераментом, но в то же время терпеливо и убедительно.

Его сердечность и непринужденность при общении со всеми товарищами особенно поразила нас. Эта беседа с Лениным влила в нас новые силы и уверенность, показала, как после тщательной оценки обстановки нужно делать выводы для практической деятельности.

Лишь руководствуясь учением Маркса и Ленина, укрепляя боевую силу партии, мы смогли в 1945 году выполнить задачу искоренения фашизма и приступить к созданию нового общественного строя. Учение Ленина об империализме показало нам, что ликвидация господства промышленных и банковских магнатов, а также крупных помещиков является предпосылкой для строительства новой жизни. Из учения Ленина о государстве мы узнали, что необходимо разбить фашистский государственный аппарат и осуществить руководящую роль рабочего класса в государстве и экономике. Из указаний Ленина о новой экономической политике мы берем основные положения для разработки задач переходного периода от капитализма к социализму в Германской Демократической Республике. Основываясь на учении великих интернационалистов Маркса и Ленина, мы укрепляем дружбу с Коммунистической партией Советского Союза, с коммунистическими и рабочими партиями стран народной демократии, тем самым создавая условия для победы дела мира, демократии и социализма во всем мире.

В деяниях народов Советского Союза и всех стран социализма, в деяниях рабочего класса и трудящихся капиталистических стран, борющихся против эксплуатации и угнетения, в деяниях народов, ведущих национально-освободительную борьбу

против империализма, живет сегодня Ленин. Великая Октябрьская социалистическая революция была началом того нового, светлого, которое в победоносной борьбе с темными силами реакции распространяется сейчас по всему миру.

*«Незабываемый Ленин» Воспоминания
немецких товарищей (Перевод с немецкого).
М., Госполитиздат, 1958, стр. 6—12.*

ВАЛЬТЕР ШУЛЬЦ

**«НЕМЫСЛИМО,
ТАК ВЕДЬ НЕ МОЖЕТ ПРОДОЛЖАТЬСЯ!»**

В один из ноябрьских вечеров 1922 года делегация Коммунистической партии Германии на IV конгрессе Коминтерна встретилась в одной из роскошных комнат Большого кремлевского дворца с руководителями делегации большевистской партии и членами Исполкома Коминтерна, чтобы обсудить в узком кругу немецкие вопросы. Все мы пришли на это заседание с большим волнением, так как нам сообщили, что в нем должен принять участие и Владимир Ильич Ленин. В своей речи на пленарном заседании конгресса Ленин сказал, что хотя он по состоянию здоровья и не может принимать участие во всех заседаниях конгресса, но собирается подробно поговорить с большим числом делегатов из различных стран. И вот наступил наш час.

С личными воспоминаниями происходит нечто своеобразное, особенно когда они относятся к событиям, происшедшим тридцать пять лет тому назад¹, и не подкрепляются никакими документами, а только запечатлелись в памяти. Как бы я ни старался, сейчас мне не удастся рассказать о ходе этого заседания со всеми подробностями, хотя очень живо припоминаю два эпизода, которые мне постоянно приходят в голову, когда начинается разговор о Ленине. Каким он был, как он говорил, как он двигался? Сотни, тысячи людей уже рассказывали об этом. Добавить что-либо новое к написанному о Ленине как о человеке вряд ли кто-нибудь сможет. Или, может быть, все-таки попытаться?

Насколько я помню, заседание открыл руководитель немецкой делегации товарищ Эрнст Мейер, кратко изложивший существующие в немецкой партии спорные вопросы. После этого взял слово один из членов Исполкома Коминтерна, подробно остановившийся на существе политических проблем. Ленин внимательно слушал, в то время как его глаза пытливо оста-

¹ Воспоминания написаны в 1957 году. — *Ред.*

навливались то на одном, то на другом из присутствующих. Но когда оратор заговорил о разногласиях между Центральным Комитетом и возглавляемой Рут Фишер и Масловым оппозицией и при этом упомянул редактируемое берлинской окружной организацией еженедельное приложение к газете «Роте фане» «Тактика и организация», произошло следующее. Владимир Ильич внезапно и быстро задал вопрос:

— Я правильно понял: ведь «Роте фане» — центральный орган партии?

— Да! — ответил выступавший.

— Но ведь сотрудники редакции назначены Центральным Комитетом?

— Совершенно верно!

— А «Тактика и организация» — это приложение к «Роте фане»?

— Да!

— И это приложение редактируется берлинской организацией, то есть оппозицией?

— Да!

— Немыслимо! Не-мыс-ли-мо!! Так ведь не может продолжаться!

Звучание этого «Не-мыс-ли-мо!!» я и сегодня слышу так же отчетливо, как и вижу перед собой Рут Фишер, к лицу которой при этом приговоре прилила кровь.

У членов делегации коммунистической молодежи Германии этот маленький урок вызвал большое удовлетворение, так как мы еще с 13 ноября¹ собирались разделаться с Рут Фишер. После проникнутого непоколебимым оптимизмом доклада Левина, когда не успели еще отзвучать его слова и весь зал гремел от аплодисментов, Рут Фишер обернулась к стоявшему рядом своему единомышленнику — я думаю, это был Хуго Урбанс — и прошептала: «Теперь ты поумнел?» Это было сказано тихо, но так, что мы слышали. Ее слова вызвали у нас возмущение и протест, которые в самой резкой форме выразил прежде всего товарищ Рихард Гюптнер.

Сейчас мы ждали только случая, чтобы спросить ее: «Теперь ты поумнела?».

*«Незабываемый Ленин». Воспоминания
немецких товарищей (Перевод с немецкого).
М., Госполитиздат, 1958, стр. 150—151*

¹ 13 ноября 1922 года — день выступления В. И. Ленина на заседании IV конгресса Коминтерна. — *Ред.*

ВИКТОР ШТЕРН

ЛЕНИН ГОВОРИЛ О НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ

Из всех воспоминаний моей жизни самым дорогим является воспоминание о том, как мне посчастливилось однажды совсем близко видеть и слышать Ленина. В качестве делегата от Коммунистической партии Австрии я участвовал в работе IV конгресса Коммунистического Интернационала, который состоялся в ноябре — декабре 1922 года. Ленин, полностью еще не оправившийся после тяжелого заболевания, не мог участвовать во всех заседаниях конгресса, но все же сделал доклад на тему: «Пять лет российской революции и перспективы мировой революции». Ленин пришел в зал заседания только на этот доклад и вынужден был после доклада, который его очень утомил, снова покинуть конгресс. Ленина встретили восторженной овацией. Он около часа делал доклад на немецком языке. Лишь в отдельных случаях товарищ, стоявшая рядом с ним (я думаю, что это была товарищ Фрида Рубинер), помогала ему в выборе того или иного немецкого выражения.

Трудно передать глубокое впечатление, которое доклад Ленина оставил у всех присутствующих, слушавших его с огромным вниманием и не пропустивших ни одного его слова. При этом Ленин говорил чрезвычайно просто, стремясь лишь к тому, чтобы как можно яснее и убедительнее выражать свои мысли.

Ленин говорил в основном о необходимости и сути, а также о достигнутых результатах новой экономической политики. Ленин совсем не случайно сделал именно этот вопрос основным содержанием своего выступления. В то время это был не только решающий вопрос русской революции, но и вопрос большого международного значения, один из важнейших вопросов будущих пролетарских революций во всех других странах.

По сравнению с военным коммунизмом, с помощью которого пролетарская революция продвинулась далеко вперед, новая экономическая политика означала в известной степени отступление, необходимое для того, чтобы не оторваться от базы и иметь возможность собрать силы для нового наступления. Но важнейшей стороной новой политики было то, что она в течение целого периода являлась правильным путем обеспечения и ускорения строительства социализма. Этот путь был прежде всего необходим для укрепления союза рабочих и крестьян, от которых можно было требовать на основе продразверстки поставок сельскохозяйственных продуктов только во время гражданской войны. Частичное допущение капитализма и государственного капитализма в узких рамках при сохранении в руках пролетарского государства экономических командных высот также было необходимо в интересах строительства социализма, причем были созданы все условия для его победы в упорной борьбе по вопросу «кто — кого?».

В то время когда Ленин делал свой доклад, новая политика больше не была отступлением, а уже разворачивалась как настоящее наступление социализма. Но Ленин уделял особое внимание доказательству того, что она с самого начала была необходимым шагом в направлении к социализму. Он сослался на то, что созданные в результате новой политики условия были еще гораздо раньше определены им как успехи, к которым следует стремиться на пути к социализму. Итак, новая политика ни в коем случае не означала отхода от последовательного и правильного пути. Напротив, именно военный коммунизм был таким, вызванным интервенцией и гражданской войной, отступлением от этого пути.

Положение в Советской стране было все еще чрезвычайно трудным в результате вызванной мировой и гражданской войнами невиданной разрухи. Весь советский народ приносил тогда (как и позже, во время второй мировой войны) неисчислимые жертвы, борясь за свое лучшее будущее, за интересы трудящихся и эксплуатируемых во всех странах. В своей речи Ленин и не думал как-либо замалчивать трудности. Но, несмотря на это, вся его речь была проникнута оптимизмом, верой в народ, твердой, как камень, непоколебимой уверенностью в победе. Он сослался на большие успехи, уже достигнутые на основе проведения новой политики. Смелый поворот от военного коммунизма к новой экономической политике был

чрезвычайно трудным испытанием. Прошедшие годы доказали, констатировал Ленин, что мы выдержали этот экзамен. Положение рабочих улучшилось, укрепился союз с крестьянами, легкая промышленность увеличила выпуск продукции, пролетарское государство доказало свою способность решать экономические задачи. С особенной гордостью и радостью Ленин сообщил представителям пролетариата из всех стран о том, что удалось стабилизировать рубль и что уже накоплено 20 миллионов золотых рублей, которые вместе с дальнейшими сбережениями можно использовать для поднятия тяжелой промышленности, создание которой является насущной необходимостью для существования страны и для победы социализма. Рабочие захватили власть и имеют перед собой цель — создать социалистический порядок, говорил Ленин, выражая непоколебимую уверенность в том, что эта цель будет достигнута.

Нужно вспомнить тогдашнее международное положение, ненависть империалистов, господствовавших в остальном мире, чтобы понять всю смелость предвидения, с которой Ленин пришел в своем докладе к выводу, что перспективы мировой революции можно считать благоприятными.

Конечно, сознание того, что к нам обращался Ленин, великий вождь победоносного российского и мирового пролетариата, очень во многом определило неизгладимое впечатление от его речи. Но именно глубина мысли Ленина подействовала на нас сильнее всего. И при этом я должен открыто признать — я думаю, что это почти наверняка относится к абсолютному большинству из тех, кто тогда слушал Ленина, — что все значение сказанного Лениным мне стало полностью ясно лишь гораздо позже.

Это произошло тогда, когда я понял, что новая экономическая политика означала спасение русской революции, когда ее результаты стали еще более внушительными, когда эта политика в конце концов привела к победе социализма в Советском Союзе, когда Советский Союз на основе этой победы спас весь мир от фашистского порабощения и когда опыт строительства социализма во многих других странах подтвердил, насколько правильно Ленин уже тогда оценил международное значение новой экономической политики.

ФРИЦ ГЕБЛЕР

«ДВАЖДЫ ДВА — ПЯТЬ»

Полный юношеского восторга и ожидания — мне ведь было всего 25 лет — я ехал в 1922 году в Москву, чтобы в качестве секретаря Коммунистического Союза Молодежи Германии в ноябре и декабре 1922 года принять участие в работе IV конгресса Коммунистического Интернационала и III конгресса Коммунистического Интернационала Молодежи. С большим волнением я, как и все делегаты, ждал доклада Ленина, о котором было объявлено заранее.

Наступило 13 ноября, день, когда Ленин должен был выступить с докладом. Делегаты уже собрались в Большом зале в Кремле и с волнением ждали появления Ленина. Множество глаз было устремлено на входную дверь. Вдруг мы услышали возглас: «Да это же Ленин!» Восторг охватил всех. Делегаты поднялись со своих мест и устроили Ленину продолжительную овацию.

Особенно большое впечатление произвела на меня критическая оценка работы партии и правительства. Ленин высказал очень серьезные критические замечания, но в такой форме, что его критика глубоко убеждала: партия большевиков и Советское правительство справятся со всеми недостатками и ошибками и обязательно добьются выполнения поставленных задач. Поэтому конгресс особенно сердечно аплодировал Ленину, когда он, анализируя просчеты и слабости, провел грань между ошибками большевиков и ошибками империалистических разбойников. Ленин сказал: «Если большевики делают глупости, то большевик говорит: «Дважды два — пять»; а если его противники... делают глупости, то у них выходит: «Дважды два — стеариновая свечка»¹. Чтобы доказать это,

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 33, стр. 392. — Ред.

Ленин привел в качестве примера отношение империалистов к Советской власти.

Мы все сделали вывод: несмотря на отдельные ошибки, Советская власть выйдет победителем и успешно построит социализм; несмотря на хитрость империалистов, их расчеты неверны в своей основе, так что их поражение в конце концов неизбежно.

Полученное во время конгресса сообщение о том, что советская территория очищена от последних интервенционистских войск, было встречено нами с огромным воодушевлением.

Мы, делегаты, поняли из слов Ленина, что установление Советской власти действительно является великим поворотом в истории человечества.

*«Незабываемый Ленин», Воспоминания
немецких товарищей (Перевод с немецкого).
М., Госполитиздат, 1958, стр. 138—139.*

Г А С Т О Н М О Н М У С С О

ЛЕНИН И ФРАНЦУЗСКОЕ ПРОФДВИЖЕНИЕ

Это было в конце 1922 года, когда я в первый раз приехал в Москву в качестве делегата УВКТ¹ на II конгресс Профинтерна.

За год до этого во Франции произошел профсоюзный раскол. Революционное профсоюзное меньшинство, которое в течение войны и до 1921 года сумело завоевать большинство организованных рабочих и командные высоты внутри реформистской ВКТ², было исключено вождями этой последней (были исключены 1300 профсоюзов, в большинстве профсоюзы железнодорожников). Однако с момента своего возникновения УВКТ, лишенная революционного руководства, попала в руки анархистов, которые организовались для этой цели.

На учредительном съезде УВКТ в июне 1922 года, через семь месяцев после захвата руководства анархистами, революционные элементы, сочувствовавшие Коминтерну и Профинтерну, оставили анархистов в меньшинстве и взяли на себя руководство революционным профсоюзным центром.

В то время Французская коммунистическая партия была под влиянием социал-демократических элементов, мелкобуржуазных политических дельцов, которые направляли политику партии и тайком поддерживали анархистов против нас. Мы завоевали УВКТ в борьбе с такими закулисными маневрами руководства партии и постановили примкнуть к Профинтерну.

По вопросу об условиях вступления в Профинтерн обнаружили три тенденции. Первая тенденция отстаивалась друзьями Фроссара, тогдашнего генерального секретаря пар-

¹ Унитарная всеобщая конфедерация труда. — *Ред.*

² Всеобщая конфедерация труда. — *Ред.*

тии, и настаивала на органической связи между коммунистической партией и УВКТ. Принимая во внимание силу анархосиндикалистских традиций внутри УВКТ, такая установка друзей Фроссара исходила не из задачи защищать принципы Профинтерна и Коминтерна, а имела в виду дать наилучший опорный пункт анархистам для борьбы против Коминтерна и Профинтерна и для того, чтобы сорвать присоединение УВКТ к этому последнему.

Вторая тенденция соглашалась на вступление УВКТ в Профинтерн, но под условием полной самостоятельности Профинтерна по отношению к Коминтерну и предварительного разрыва органической связи, предусмотренной уставом Профинтерна, как в смысле взаимоотношений между Коминтерном и Профинтерном, так и в смысле взаимоотношений между Французской коммунистической партией и УВКТ.

Третья тенденция высказывалась прежде всего за немедленное вступление в Профинтерн, сохраняя за собой право в дальнейшем на международных конгрессах бороться против этой органической связи (статья X устава Профинтерна). Вместе с тем эта тенденция объявляла себя согласной с заключением временных (в зависимости от обстоятельств) соглашений между Коминтерном и Профинтерном, профсоюзами и партией.

Эта последняя тенденция получила большинство в революционной фракции УВКТ. К этому решению присоединилась коммунистическая фракция.

Я был избран на II конгресс Профинтерна как секретарь УВКТ и сторонник присоединения к Профинтерну. Я был уполномочен официально заявить о присоединении УВКТ к Профинтерну на условиях, установленных конгрессом в Сент-Этьене.

II конгрессу Профинтерна предшествовал IV конгресс Коминтерна. Французский вопрос занимал там видное место. Делегация УВКТ была приглашена на дискуссию, во время которой руководители Коммунистической партии Франции систематически выступали против линии Коммунистического Интернационала по вопросу о профсоюзных фракциях и о едином фронте. Необходимую поддержку для того, чтобы проводить свою линию внутри французской партии, Коминтерн нашел в профсоюзной делегации УВКТ и, в частности, среди элементов, не входящих в коммунистическую партию.

Остальные, за исключением Пьера Семара, находились под влиянием Фроссара и его друзей. Группа Фроссара пыталась шантажировать руководителей Интернационала, спекулируя на анархо-синдикалистских традициях УВКТ и на условиях вступления этой последней в Профинтерн.

Тогда-то мы с Семаром однажды утром были вызваны к Ленину. Имя Ленина вызывало во мне ассоциации, связанные с боями между большевиками и меньшевиками. О нем я знал только по газетам и рассказам, но инстинктивно следил за ним с величайшим интересом, начиная с февраля 1917 года.

Ленин был для меня не только вождем большевиков и Октябрьской революции, но и лично представлялся мне человеком исключительным, благодаря которому восторжествовала Октябрьская революция.

Так как я смотрел на Ленина сквозь очки своих анархо-синдикалистских предрассудков, то он заслонял в моих глазах свое собственное детище — большевистскую партию. Когда через год с небольшим я узнал о смерти Ленина, я действительно пришел в отчаяние. Мне казалось, что революция осталась без вождя, что она во власти внутренних противоречий, что она, окруженная империалистическими силами, вынуждена на отступление. Такой мой взгляд на Ленина заставлял меня расценивать русскую революцию и успехи пролетарской диктатуры как результат исключительных условий. Когда я представлял себе прогнившее руководство партии Фроссара и К^о и противопоставлял его образу Ленина, мысль об органической связи между Французской коммунистической партией и УВКТ казалась мне невыносимой.

Еще теперь, через одиннадцать лет¹, меня охватывает волнение при воспоминании о том моменте, когда нас позвали к Ленину.

Французская пресса неустанно изображала вождей русской революции как наследников буржуазного комфорта и даже роскоши. Ведя ожесточенную борьбу со всей клеветой, распространенной в прессе, я все же признавал, что те люди, которые в течение многих лет, подорванные тюрьмой, каторгой и смертельной опасностью, отдавали все свои силы делу революции, имеют право на известный минимальный комфорт, на отдых, на преимущества в области транспорта, условий труда

¹ Воспоминания написаны в 1933 году. — *Ред.*

и т. д. Тем более я был поражен скромным помещением, куда нас ввели, а также простотой мебелировки. Еще большее впечатление на меня произвел сам Ленин, сидевший за своим письменным столом. Он поднялся нам навстречу и принял нас просто, по-товарищески и естественно, как это сделал бы любой активист нашего ранга.

Прежде чем войти к нему, я почувствовал, что у меня пересохло в горле. Сердце тревожно билось, а между тем нужно было во что бы то ни стало «не поддаваться влиянию». Нужно было найти все необходимые аргументы, которые мы так часто пережевывали, в случае если дело дойдет до пресловутой статьи X устава Профинтерна.

Но с первого же момента лед был сломан. Перед нами был человек, с которым я чувствовал себя свободно и к которому немедленно проникся совершенным доверием. И с тех пор я никогда не приезжал в Москву без того, чтобы не посетить Мавзолея Ленина и не освежить в памяти впечатления 1922 года.

С первых же слов Ленин подошел к вопросу вплотную:

— Итак, Монмуссо, вы не член коммунистической партии? А вы, Семар, вы — в партии? Как же вы устраиваетесь так, чтобы работать в согласии между собой?

— Товарищ Ленин, во Франции членский билет ФКП не служит патентом на коммунизм. Мы с Семаром исходим из разных точек зрения, но мы оба готовы защищать коммунизм против сомнительных элементов, которых так много во французской партии и в ее руководстве.

— По каким мотивам вы не вступаете в партию?

— Именно из-за этих сомнительных элементов, политических карьеристов, адвокатов и шкурников, которые, по моему мнению, не лучше вождей социалистической партии.

— Мы тоже хотим удалить из партии сомнительные элементы, — ответил мне Ленин, — но мы этого не можем достичь внешними средствами; для этого необходимо, чтобы революционные рабочие из УВКТ помогли нам, вступая в партию.

Вместо ответа я сделал отрицательный жест. Тогда Ленин задал мне вопрос:

— Что нам нужно сделать для того, чтобы такие активисты, как вы, и революционные рабочие, входящие в УВКТ, вступали в партию?

Тогда мне оставалось только дать волю своим чувствам:

— Товарищ Ленин, — сказал я, — нужно во всю ширь распахнуть дверь в партию для этих рабочих, отменив статью X, которая предусматривает «органическую связь» партии с профсоюзами.

— А вы уверены в том, что это приведет к желанным результатам? — спросил Ленин, улыбаясь.

Мы с Семаром ответили утвердительно.

— Хорошо, — сказал Ленин, — мы сделаем так, как вы хотите, но знайте, что мы идем на серьезную уступку, пробиравем брешь в уставе нашего Коммунистического Интернационала. Такая мера может быть поэтому только исключительной мерой по отношению к Франции, учитывая традиции французского профдвижения. Вы берете на себя тяжелую ответственность перед Интернационалом. Постарайтесь, чтобы нам никогда не пришлось раскаться в уступке, которую мы вам сделали.

После этого беседа перешла на другие темы, но я, к сожалению, не могу дать о ней отчета. Причина этого очень проста: слова Ленина, обещавшего нам отмену «органической связи», были для меня колоссальным облегчением. Я уже представлял себе, как массы революционных рабочих, опрокидывая препятствия, воздвигнутые анархистами, объединяются вокруг Коминтерна и Профинтерна, затем вступают в партию и переделывают ее согласно мысли Ленина.

Мы могли вернуться во Францию, почерпнув огромную силу в словах Ленина. Радость, пережитая мною по этому случаю, была так сильна, что только эта часть нашей беседы и осталась в моей памяти. Меня, кроме того, почти целиком поглощал тогда профсоюзный вопрос. Другие проблемы, например крестьянская, которых касался Ленин, были для меня новыми; а в моих глазах они имели только отдаленную связь с классовой борьбой и, как мне казалось, могли интересовать только коммунистическую партию.

Эта беседа с Лениным имела решающее значение для развития французского профдвижения в смысле его ориентации на теорию и практику коммунизма. Ленин отлично понял особенности массового движения во Франции, которое, высвобождаясь из-под влияния реформистов и анархистов, эволюционировало в сторону коммунизма, несмотря на колоссальные слабости и анархо-синдикалистские уклоны вождей УВКТ.

Меры, принятые Лениным, действительно оказали громадное влияние на всю ту прослойку революционных профработников, которая хоть и склонилась к коммунистической партии, но при этом испытывала сильные колебания. Что касается меня лично, то я с момента беседы с Лениным считал себя уже связанным с коммунистическим движением и с Коминтерном, хотя на всех моих рассуждениях и действиях лежал отпечаток анархистских предрассудков.

Когда мы вернулись во Францию, анархисты сделали нашу установку мишенью своих самых бешеных атак. Политический блок, возникший против анархистов на конгрессе в Сент-Этьене, немедленно распался, исполнительная комиссия и конфедеральный секретариат раскололись на две враждующие группы. Несмотря на эти трудности, на конгрессе в Бурже в 1923 году огромное большинство профработников, нечленов партии, объединилось вокруг коммунистической партии, которую изменнически покинул Фроссар, только что перешедший в ряды социал-демократии, и УВКТ окончательно повернула на линию Профинтерна. Наконец, массовое вступление профсоюзных элементов в коммунистическую партию после измены Фроссара позволило партии отбить все троцкистские наскоки и твердо пойти по пути большевизации.

*«Воспоминания о Владимире Ильиче
Ленине», ч. 2. М., Госполитиздат,
1957, стр. 666—670.*

ОН СМОТРЕЛ ДАЛЕКО ВПЕРЕД¹

... Ленин сыграл в моей жизни огромную роль. Правда, я и раньше непоколебимо верил в партию большевиков и с первых же дней встал на сторону Октябрьской революции, но я не считал себя коммунистом. Ленину я обязан тем, что он открыл мне глаза, именно под его влиянием я освободился от тяжести мелкобуржуазных и анархистских иллюзий, заставлявших меня спотыкаться на каждом шагу, и решительно встал на путь, с которого не схожу все последующие годы моей жизни.

¹ Воспоминания написаны в 1960 году. — *Ред.*

Теперь, когда я бываю в Москве, я прежде всего иду на Красную площадь, в Мавзолей, и перед моими глазами Ленин встает таким, каким я его видел в Кремле за год до смерти.

Издалека Ленин представлялся мне гигантом, человеком необыкновенным, со взглядом, который мало кто мог выдерживать.

Войдя в кабинет, мы увидели человека, внешне ничем не отличавшегося от остальных людей: лысина, рыжеватая борода, доброжелательная улыбка, в которой не было и намека на превосходство или покровительственное отношение к окружающим. Обстановка, в которой работал этот гигант мысли, практики и организаторского таланта, была удивительно проста: письменный стол, кресло, в котором сидел он сам, два стула, на которые он усадил нас, стеллажи с книгами, закрывавшие стены. Ленин хорошо говорил на французском языке.

— Как идут дела во Франции? У вас теплее, чем в Москве? Как вы перенесли это длительное путешествие? Это хорошо — приехать сюда и своими глазами посмотреть, что такое Октябрьская революция.

— Наша революция, — продолжал Ленин, — принадлежит пролетариату всего мира. Социализм мы строим не только для себя, но и для вас, и очень трудно начинать это строительство в России, разоренной империалистической и гражданской войнами. Мы нуждаемся не только в вашей поддержке, но и, при случае, в ваших советах — ведь у французского пролетариата большой опыт.

Мы уже чувствовали себя вполне непринужденно, когда Ленин перешел от общих положений к вопросу, из-за которого мы приехали в Москву.



Эта беседа с Лениным имела решающее значение для развития французского профдвижения. Ленин отлично понял особенности массового движения во Франции, которое, высвобождаясь из-под влияния реформистов и анархистов, эволюционизировало в сторону коммунизма, несмотря на колоссальные слабости и анархо-синдикалистские уклоны вождей УВКТ.

Меры, принятые Лениным, действительно оказали громадное влияние на всю ту прослойку профсоюзных работников,

которая хоть и склонялась к коммунистической партии, но при этом испытывала сильные колебания. Что касается меня лично, то я с момента беседы с Лениным считал себя уже навсегда связанным с коммунистическим движением.

В наши дни французская Всеобщая конфедерация труда объединяет в своих рядах трудящихся самых различных политических и философских взглядов: коммунистов, социалистов, католиков, беспартийных. В руководство отдельных ее организаций демократическим путем избираются как коммунисты, так и некоммунисты. За ВКТ в среднем на предприятиях голосует 70 % рабочих. Она ведет борьбу за профсоюзное единство, успешно преодолевая противодействие хозяев, их агентов и властей.

И нельзя не подчеркнуть, что нынешнее массовое профсоюзное движение, свидетельствующее о непоколебимой воле рабочего класса к борьбе за свое освобождение, в настоящее время развивается и идет по пути, начертанному Лениным.

*Журнал «Советские профсоюзы» № 7,
1960 г., стр. 31—33.*

ПЬЕР СЕМАР

БЕСЕДА С ЛЕНИНЫМ ВО ВРЕМЯ II КОНГРЕССА ПРОФИНТЕРНА

В 1922 году, во время работы II конгресса Профинтерна, Ленин принял нас, меня и Монмуссо, в своем кабинете в Кремле, чтобы побеседовать с нами о положении революционного движения во Франции, об условиях присоединения Унитарной конфедерации труда к Профинтерну, поставленных конгрессом конфедерации в Сент-Этьене (июнь 1922 года), и узнать наше мнение о Французской коммунистической партии.

После того как мы справились у Ленина о состоянии его здоровья и он ответил нам, что пока еще только выздоравливает, Ленин приступил к беседе, обратившись ко мне:

— Вы, Семар, — член партии?

— Да, с начала 1916 года; после конференций в Циммервальде и Кинтале, открывших мне глаза; до этого момента я был эрвейстом¹ в рядах «дикарей», отказавшихся примкнуть к социалистической партии, которую мы рассматривали как партию чисто парламентаристскую и буржуазную.

— А вы, Монмуссо, — член партии?

Монмуссо отвечает отрицательно и объясняет, как он от анархизма постепенно пришел к коммунизму; он говорит о том, как трудно ему, руководителю революционного профдвижения, еще насквозь пропитанного анархо-синдикализмом и антипарламентаризмом, вступить в коммунистическую партию, так как это может привести к тому, что значительное количество рабочих, ценных для профдвижения, которых можно было бы привлечь путем терпеливой работы, окажется против него и против руководства Унитарной конфедерации труда...

¹ Эрвейсты — сторонники Густава Эрве, буржуазного французского анархиста, а затем члена социалистической партии. Во время первой мировой войны Эрве — ярый социал-шовинист. После Октябрьской революции выступал против Советской власти и большевиков, в 1918 году исключен из социалистической партии. — *Ред.*

— Почему же вы оба придерживаетесь одинакового образа мыслей?

Монмуссо отвечает:

— Мы оба против Фроссара, против адвокатов и интеллигентов, которые ничего не знают о рабочем классе и руководят партией.

Я присоединяюсь и добавляю:

— Мы — единомышленники в борьбе против реформизма, против вождей-предателей, в деле воспитания и руководства рабочим классом на пути классовой борьбы; в этом — значение присоединения Унитарной конфедерации труда к Профинтерну, которое мы стремимся осуществить.

— Партия все еще находится под руководством таких людей, но как их изгнать? Как это возможно, если рабочие-активисты, такие, как вы, Монмуссо, остаются вне партии?

Монмуссо отвечает, что его вступление в партию не должно быть индивидуальным, но после того, как мы разъясним французским рабочим, что представляет собой Профинтерн, что такое коммунизм, что он осуществил в России, его вступление повлечет за собой вступление в партию тысяч революционных рабочих, членов Унитарной конфедерации труда.

— Но,— добавляет Монмуссо,— необходимо облегчить нам эту просветительную работу, помочь нам преодолеть анархо-синдикалистские традиции, устранить препятствия, возникающие в связи с уставом.

— В таком случае, что же нужно для того, чтобы вы вступили в партию, а вместе с вами — лучшие из рабочих, членов профсоюза?

Монмуссо отвечает:

— Надо, чтобы мы могли открыть двери Унитарной конфедерации труда широким массам рабочих, организовать в ее рядах тех, кто еще подчинен реформистскому и буржуазному влиянию. Но мы считаем, что признание органической связи между профсоюзом и партией, между Профинтерном и Коминтерном является препятствием, останавливающим французских рабочих, и что даже у революционно настроенных членов профсоюза, еще проникнутых духом анархизма, это вызывает большие затруднения. Мы просим вас упразднить параграф X условий присоединения к Профинтерну, предусматривающий эту органическую связь.

— Семар, придерживаетесь ли вы мнения Монмуссо?

— Мы оба сходимся во мнении по этому вопросу; это — вопрос тактики для данного момента, и цель ее — завоевать возможно большее количество рабочих, которых мы сможем затем привлечь к совместной работе с партией, при условии, однако, что она будет придерживаться лучшей политики.

— Вы утверждаете, что если мы упраздним этот параграф, то рабочие и активные, революционно настроенные члены профсоюзов легче придут к партии и согласятся с ее политикой?

На этот вопрос мы оба отвечаем утвердительно.

— Мы сможем, конечно, устранить этот параграф, но вы должны учесть, что, соглашаясь на это, Коминтерн делает большую политическую уступку. Это — как бы брешь, которую мы пробиваем в уставе Интернационала. Такая мера может быть лишь совершенно исключительной по отношению к французскому революционному движению. Она предполагает серьезные обязательства с вашей стороны, и вы в свою очередь берете на себя тяжелую ответственность. Смотрите, чтобы нам никогда не пришлось пожалеть об этом.

— Вы заявляете, — продолжал Ленин, — что партия плоха, вы не доверяете Фроссару; но что же вы предлагаете? Нельзя ли создать при помощи профсоюзного революционного движения подлинную коммунистическую партию?

Я отвечаю:

— Конечно, путем присоединения к партии большого числа рабочих можно влить в нее более здоровую революционную кровь, и Унитарная конфедерация труда должна быть именно тем рассадником, откуда следовало бы черпать силы, не лишая при этом Унитарную конфедерацию труда ее характера массовой организации, объединяющей всех рабочих, без различия направлений, к какой бы партии они ни принадлежали. Вы, конечно, подразумеваете под созданием подлинной коммунистической партии не уничтожение той партии, которая существует, а радикальную ее переработку путем привлечения в нее революционно настроенных рабочих масс, уже доказавших свою боеспособность. Наша задача — подготовить это. Продолжая еще энергичнее бороться внутри самой партии, вы ускорите ее исправление и скорее дадите ей подлинно коммунистическое направление.

Монмуссо заявляет, что он уже указал те причины, которые заставляют его медлить со вступлением в партию.

Я подтверждаю свое согласие с необходимостью усиления работы в партии, несмотря на наши профсоюзные задачи.

— Вы заявляете, — сказал Ленин, — что не доверяете Фроссару. Но считаете ли вы, например, что Рено Жан — коммунист и мог бы стать коммунистом?

Я отвечаю:

— Я не знаю политической позиции Рено Жана. Знаю только, что он тесно связан с крестьянскими слоями, требования которых он знает прекрасно и умеет передать их požелания. Этим он полезен партии, и поэтому его необходимо использовать.

— Вы находите, что в силу этих причин его надо оставить в партии?

Мы отвечаем, что таково наше мнение, но что надо будет произвести чистку партии от тех элементов, которые не согласны с Коммунистическим Интернационалом и которые не стесняются это высказывать.

Вот наиболее существенное в нашей беседе.

Затем Ленин задал нам несколько вопросов о положении во Франции, о материальном положении рабочих. Он напомнил нам о своем пребывании в Париже, о том, как он любил бродить по предместьям и общаться с массами.

Далее он спросил нас о том, что мы видели со времени нашего приезда в Россию и каковы наши впечатления.

Так как в наших ответах выразился весь наш энтузиазм, то Ленин поспешил умерить его, сказав, что вера в конечный успех необходима, но что следует еще много работать, работать, как истым революционерам, ожесточенно и упорно; что он чрезвычайно рассчитывает на нас и на великодушный революционный дух французского пролетариата в деле помощи советскому пролетариату в его тяжелом гигантском деле построения социализма.

На этом закончилась наша беседа, навсегда оставившая глубокий след в нашей памяти.

МАРТИН АНДЕРСЕН-НЕКСЕ

Я ВИДЕЛ ЛЕНИНА

Я видел Ленина только один раз: в Кремле во время конгресса Коминтерна осенью 1922 года¹. Тогда еще невозможно было понять весь огромный размах дела Ленина — Октябрьской революции; старый мир был неприятно поражен происшедшим, но еще не испытывал такого панического ужаса перед революцией, как сейчас. Революция, казалось ему, — только гигантский эксперимент: она вызвала расстройство капиталистического производства и некоторое уменьшение барышей; пожалуй, правильнее всего было бы ее придушить, но рано или поздно она сама обанкротится. Крупные капиталистические державы были слишком связаны противоречиями, вызванными их собственной конкуренцией; новое пролетарское государство, конечно, мешало им в их игре, но они еще не слышали доносившегося оттуда погребального звона по старому миру. Даже II Интернационал еще не уразумел, что на карту было поставлено и его существование.

Сейчас дело Ленина выросло и охватило все. Нет ни одного сколько-нибудь значительного для человечества события, которое не было бы связано с Лениным и революцией. Мир сегодняшнего дня содрогается в смертельной борьбе; в муках рождается будущее. Но кто тогда, кроме Ленина, предвидел это? Мы, участники конгресса, собравшиеся со всех концов земли: немецкие и скандинавские рабочие, негры, египетские феллахи и индийские кули — все мы верили в дело нового мира и в Ленина. Но сам он знал с непоколебимой уверенностью, что победа придет, и отчетливо видел путь к ней.

Вот это-то и отличало его среди огромного, пестрого собрания делегатов, где было немало ясных умов. Это чувствова-

¹ Речь идет о IV конгрессе Коминтерна. — *Ред.*

лось во всем его простом облике, совсем не таком, каким обычно представляют себе облик великих мыслителей, — это отражалось и в его речи. Мысль Ленина текла, ясная и прозрачная, и тогда, когда он касался величайших проблем человечества и показывал наглядно для каждого, что будущее неизбежно и прочно развивается из настоящего. Казалось, он жил всеми человеческими жизнями. Он знал положение во всех странах, судьбы бедняков и применяемые в каждой стране методы эксплуатации; и он показывал нам, как развивались эти методы вплоть до настоящего времени. Это была наука, но совершенно особая и новая: она не пахла книгой, а была самой жизнью; она освещала судьбу и промышленного рабочего, и кули, и швеи, и подметальщика улицы. История человечества, сама история человеческой культуры представляла перед нами из речи Ленина.

— Вот это настоящий человек, — шепнул мне рабочий-норвежец. — И как он похож на любого из нас, только в тысячу раз зорче!

Накануне этот норвежский товарищ был у Ленина и ознакомил его с положением в Норвегии.

— Но Ленин знал об этом больше моего; да и о Дании тоже. Ваших мелких крестьян он сравнил с собакой цыгана, впряженной в тележку, перед которой подвешен кусок мяса; она все время тянется за ним, но никак не может достать до него. Так ваши крестьяне, их жены и дети тянутся из последних сил, надрываются, работая на капитал; им внушили, что они — маленькие помещики, или, как выразился Ленин, «помещики в миниатюре».

— Как ты обращался к нему? — спросил я норвежца.

— Конечно, я говорил с ним на «ты». Я не хотел обидеть его!

Сама внешность Ленина, его простота обличали в нем человека нового времени. Разговаривая с ним, каждый, самый простой человек чувствовал, что перед ним один из тех необыкновенных людей, кто рождается раз в столетие, а, может быть, и в тысячелетие; и этот редкостный человек, здороваясь с ним за руку, говорил: «Расскажи мне что-нибудь о себе, о своей жизни».

Ленин, который был умнее всех, чутко прислушивался к голосу и биению сердца маленьких людей, учился у них, возвышал их самих и их дела, показывал, что рядовой человек и

его труд — основа жизни. Уже одно это было наградой за тысячелетнее прозябание; никогда раньше не стоял перед простым человеком, так хорошо знавший его самого и его жизнь, как Ленин.

Поэтому Ленин всегда занимал в сердцах рабочих особое место, которое никакая травля и клевета не могли поколебать. Даже самые забитые и отсталые оживляются, их глаза блестят, когда произносится имя Ленина.

«Глазами человечества». Иностранные писатели и общественные деятели о В. И. Ленине. М., Детгиз, 1957, стр. 96—98.

ВЛИЯНИЕ ЛЕНИНА НА ТВОРЧЕСКИЕ СИЛЫ ЗАПАДА

На протяжении веков не было человека, который сумел бы в такой степени привести в движение умы и чувства людей, как Ленин. В последние два десятилетия повсюду — в любом пункте земного шара, у всех на устах было его имя; простой народ произносил его с любовью, а правители и угнетатели — с ненавистью. Интеллигенция и тут, за немногими исключениями, пыталась остаться на «ничьей земле»: она говорила о Ленине, но абстрактно; отчасти она поступает таким образом и теперь. Творческие умы Западной Европы, будь то в области искусства, литературы или науки, в большинстве своем еще не в состоянии охватить все огромное значение Ленина. Ведь у него нет духовного самомнения, ведь он слишком человечен. Они признают его величие, но оно кажется им слишком простым: ведь он не драпнуется в мантию жреца, а говорит о величайших проблемах человечества так просто, что каждый в состоянии их понять. И к тому же он не абстрактно размышляет по поводу этих проблем, а действительно их разрешает. Ведь он претворяет философские рассуждения в дело; ведь он нарушает академические традиции!

Теперь положение, правда, изменилось к лучшему. Лучшие из деятелей культуры, особенно выросшие в период после Октябрьской революции, заявляют себя почитателями Ленина и постепенно становятся сознательными борцами за новый общественный порядок. В Швеции целая плеяда моло-

дых высокоодаренных писателей и теоретиков искусства находится под влиянием ленинского мировоззрения и принимает участие в борьбе пролетариата. В Соединенных Штатах Америки передовая литература вступила в полосу замечательного возрождения, которое нельзя не связать с влиянием Ленина. И у нас в Дании лучшие из молодых деятелей культурного фронта в большей или меньшей степени находятся под влиянием ленинского учения.

Но еще сильнее влияние Ленина на рядового рабочего. Ему ведь не нужно для этого проходить через сложный процесс перевоспитания. Своей растущей мощью и активностью пролетариат старого мира всецело обязан Ленину, как величайшему провозвестнику и творцу, не имевшему равного в веках, и детищу Ленина — Советскому Союзу.

Передовые люди из массы трудящихся, будь то работники культуры или простые рабочие, видят в Ленине высшее олицетворение лучших черт своего движения и своего класса; борющийся пролетариат находит в Ленине свои самые ценные качества, свою веру, свои стремления, свои идеалы — в нем они подлинно велики и озарены сияющим светом. И даже та масса, которая еще не пробудилась, либо которую вновь хотят усыпить, инстинктивно чувствует, что Ленин — это ее плоть и кровь.

Значение Ленина для международного пролетарского движения — неоспоримо. Гениальный образ Ленина, совместившего в себе качества провозвестника и осуществителя, указывает работникам культуры новые цели — он ведет их от пассивного созерцания в мир действия и дела. Освободительной борьбе пролетариата придан новый размах. Рабочее движение уже не может быть повернуто вспять. Ленин вдохнул жизнь и тепло в те силы человечества, которые борются за дело прогресса.

1938 г.

*Журнал
«Интернациональная литература» № 1,
1939 г., стр. 21—22.*

КРАТКИЕ
БИОГРАФИЧЕСКИЕ
СВЕДЕНИЯ
ОБ АВТОРАХ
ВОСПОМИНАНИЙ

АНДЕРСЕН-НЕКСЕ Мартин (1869—1954) — выдающийся датский писатель, коммунист. Начал участвовать в рабочем движении под влиянием революции 1905—1907 гг. в России, которую он приветствовал статьей «Красный флаг». В 1910 г. вышел его роман «Пелле-завоеватель» — реалистическое описание жизни и борьбы датского рабочего класса. Огромное идейное влияние на Андерсена-Нексе оказала Великая Октябрьская социалистическая революция. В своих произведениях он выступал против антисоветской клеветы и доказывал превосходство социалистической системы над капиталистической. Участник IV конгресса Коминтерна. В годы гитлеровской оккупации Дании был брошен фашистами в тюрьму; после бегства из тюрьмы в 1943 г. эмигрировал в Швецию, с 1944 г. до конца войны жил в СССР, последние годы проживал в ГДР. Был членом Всемирного Совета Мира. В 1922 г. Андерсен-Нексе подарил экземпляр своей книги «Пелле-завоеватель» В. И. Ленину и Н. К. Крупской со следующей надписью: «Товарищам Крупской и Владимиру Ульянову-Ленину с благодарностью и добрыми пожеланиями. Любящий Мартин Андерсен-Нексе».

БЕЛЛ Томас (1882—1940) — шотландский рабочий, литейщик. В 1900 г. вступил в Независимую рабочую партию Англии. Принимал деятельное участие в создании Социалистической рабочей партии, был членом ее ЦК, генеральным секретарем и редактором еженедельника «Социалист». Во время первой мировой войны работал в профсоюзах, был председателем Шотландского союза литейщиков, активно выступал в движении фабрично-заводских комитетов. В 1920 г. принимал участие в организации Коммунистической партии Великобритании. С 1920 по 1929 г. — член ЦК и Политбюро КПВ. Делегат III, VI и VII конгрессов Коммунистического Интернационала. В 1921—1922 и 1926—1928 гг. — представитель Коммунистической партии Великобритании при Исполкоме Коминтерна. В 1922—1923 гг. — политический секретарь ЦК Компартии Великобритании, а в 1923—1925 гг. — руководитель отдела про-

паганды ЦК и редактор журнала «Коммунист ревью». В 1925 г. отбыл шестимесячное тюремное заключение (в числе 12 руководителей компартии). На VI конгрессе Коминтерна (1928 г.) избран в члены ИККИ. В 1930—1931 гг. — председатель Общества друзей Советского Союза в Англии. С 1936 по 1939 г. — на ответственной работе в МОПре.

БЛУМКВИСТ Эмилия и ее покойный муж — машинист Блумквист Артур — были в 1917 г. членами рабочей организации финских шведов. У них на квартире в Гельсингфорсе после июльских дней 1917 г. некоторое время укрывался В. И. Ленин от ищеек Временного правительства.

БОБИНСКАЯ Елена (р. 1887) — жена видного деятеля Компартии Польши — Станислава Бобинского, была связана с деятельностью социал-демократической организации Польши и Литвы. Некоторое время проживала в СССР. Автор целого ряда книжек для молодежи, изданных на польском, русском и немецком языках.

БРАЙАНТ Луиза (1890—1936) — американская журналистка, жена Джона Рида. Осенью 1917 г. вместе с группой журналистов приезжала в Россию, неоднократно была в Советской стране и позднее. В 1923 г. в США вышла в свет ее книга «Зеркала Москвы» (на английском языке).

БРАЙД Исаак Мак — корреспондент бостонской газеты «Кристиан сайенс монитор»; писал о забастовках и других событиях из жизни рабочего класса. Его заинтересовала Октябрьская революция в России, но вследствие блокады Советской России, поездки в нее были затруднены. Он поехал сначала в Латвию, а оттуда перешел границу. В конце сентября 1919 г. был принят В. И. Лениным. Записки о встрече были напечатаны в газете «Кристиан сайенс монитор» 17 декабря 1919 г.

БУЖОР Михай — видный деятель Румынской коммунистической партии (один из ее организаторов) и Румынской Народной Республики, участник Октябрьской революции в России, во время которой находился в Одессе, возглавляя румынский революционный центр. В декабре 1917 г. приезжал в Петроград и был принят В. И. Лениным. В 1960 г. — член Президиума Великого национального собрания Румынской Народной Республики, председатель Комитета бывших политзаключенных-антифашистов.

ВАЙЯН-КУТЮРЬЕ Поль (1892—1937) — видный деятель французского рабочего движения, один из основателей Французской коммунистической партии, писатель, поэт и публицист. С 1921 г. — член ЦК, а затем — член Политбюро ЦК ФКП. Делегат III конгресса Коминтерна. В 1926—1935 гг. — один из редакторов, а в 1935—1937 гг. — главный редактор центрального органа Французской коммунистической партии — газеты «Юманите».

ВАНГЕЛОВ Георги (р. 1888) — старый болгарский партийный и профсоюзный деятель. В 1909 г. вступил в Болгарскую рабочую социал-демократическую партию («тесняков»). В 1921 г. был избран делегатом

от БКП на III конгресс Коминтерна. Был одним из руководителей профсоюзного движения в Болгарии, депутатом от коммунистической партии в Народном собрании (1931—1933 гг.). После 9 сентября 1944 г. — член Центрального Совета Профессиональных Союзов.

ВАН ХУН-СЮНЬ (р. 1895) — в 1917 г. эмигрировал из Китая в Россию, где работал на заводе «Металлист» в Петрограде. После Великой Октябрьской социалистической революции служил в китайском рабочем патруле. В 1921—1924 гг. учился в Коммунистическом университете трудящихся Востока в Москве. По окончании университета был на партийной и профсоюзной работе, принимал участие в колхозном строительстве Советского Союза. В 1957 г. возвратился на родину.

ВАРГА Дьюла Андраш (1890—1959) — участвовал в первой мировой войне, попал в плен в Россию. После Октябрьской революции был одним из командиров интернациональных частей в Советской России, принимал участие в подавлении контрреволюционных мятежей. После освобождения Венгрии от фашистских захватчиков возвратился на родину и был на руководящей работе. В 1959 г. посетил СССР в качестве главы венгерской делегации местных советов.

ВАРГА Йожеф (р. 1898) — работник будапештского трамвая с 1924 по 1945 г. Во время первой мировой войны попал в плен в Россию и примкнул к большевикам. Находился в Средней Азии, учился в военном училище, а затем на военных курсах в Москве. В 1920 г. разговаривал с Лениным. В 1922 г. возвратился в Венгрию и работал в одной из ячеек нелегальной компартии. После 1945 г. служил в управлении будапештского трамвая, а затем был заместителем председателя райсовета. В настоящее время пенсионер.

ВЕЙНКООП Д. И. (1876—1941) — видный деятель социал-демократического рабочего движения Голландии, один из основателей газеты «Трибуна» (1907 г.), ставшей в 1918 г. органом Коммунистической партии Нидерландов. Во время первой мировой войны — левый социал-демократ. На Циммервальдской международной социалистической конференции примкнул к левым, сотрудничал в органе этой группы «Vorbote». В 1919 г. присоединился к Коминтерну. Был делегатом II конгресса Коминтерна, где выступал как ультралевый. Некоторое время был вне коммунистического движения, затем возвратился в компартию и был избран в состав ее ЦК.

ВИЛЬЯМС Альберт Рис (1883—1962) — прогрессивный американский журналист, посетивший Россию в 1917 г. вместе с Джоном Ридом. В Петрограде он стал очевидцем исторических событий. На его глазах происходил расстрел мирной июльской демонстрации, он участвовал в событиях Октябрьской социалистической революции, выступал с приветствием от имени американского пролетариата на III Всероссийском съезде Советов в Таврическом дворце. В 1918 г., когда германский империализм перешел в наступление на молодую Советскую республику, он вступил в ряды Красной Армии. С одобрения В. И. Ленина А. Р. Вильямс организовал Интернациональный легион. Со страниц газеты «Правда» он

обратился с пламенным призывом встать с оружием в руках на защиту молодой Советской республики. Не раз виделся с Лениным и беседовал с ним. В США издал книгу о своих встречах с В. И. Лениным и книгу «Народные массы в русской революции». Обе эти книги были изданы в русском переводе в 20-х годах. Автор ряда других книг и статей об СССР. В 1960 г. Госполитиздатом издана книга Вильямса «О Ленине и Октябрьской революции», в которую вошли опубликованные ранее работы на русском языке: «Ленин — человек и его дело», «Сквозь русскую революцию» и «Величайшая в мире приемная».

ГАЛЛАХЕР Уильям (р. 1881) — выдающийся деятель английского рабочего и коммунистического движения, один из основателей и руководителей Коммунистической партии Великобритании. В 1920 г. на II конгрессе Коминтерна представлял движение фабрично-заводских старост Англии. Беседы с В. И. Лениным помогли ему преодолеть левосектантские ошибки. В 1921 г. Галлахер вступил в Коммунистическую партию Великобритании; делегат V и VII конгрессов Коминтерна; член ЦК и Политбюро ЦК, а с 1943 г. — председатель Исполкома Коммунистической партии Великобритании. С 1956 г. — президент Компартии Великобритании.

ГЕБЛЕР Фриц (р. 1897) — деятель рабочего движения Германии, принимал участие в работе IV конгресса Коминтерна и III конгресса КИМ, являясь секретарем Коммунистического союза молодежи Германии. В 1958 г. избран председателем ревизионной комиссии СЕПГ.

ГЕККЕРТ Фриц (1884—1936) — видный деятель Коммунистической партии Германии и международного рабочего движения. С 1902 г. участвовал в революционном движении. Неоднократно подвергался тюремному заключению. Сыграл большую роль в образовании «Союза Спартака», активно участвовал в создании Коммунистической партии Германии. С 1919 г. — член ЦК КППГ. В 1928 г. был избран в Исполком Коминтерна, член Исполнительного бюро Профинтерна. Умер в Москве, прах его покоится в Кремлевской стене.

ГРИМЛУНД Отто (р. 1893) — шведский журналист. Во время первой мировой войны — левый социал-демократ, интернационалист. В апреле 1917 г. — один из руководителей левых в Мальмё, принимал участие во встрече В. И. Ленина в Швеции при возвращении его из эмиграции в Россию. Участник I конгресса Коминтерна, подписавший от имени шведской делегации манифест конгресса «К пролетариям всего мира». Присутствовал на IX съезде РКП(б) (1920 г.) в качестве гостя от Коммунистической партии Швеции. Примкнув в 1924 г. к оппортунистической группе Хеглунда, он вышел из компартии и вернулся в социал-демократическую партию. Затем отошел от политической деятельности.

ГРЭФ Хуго (р. 1892) — слесарь, ветеран рабочего движения Германии. В 1921 г. был делегатом I конгресса Профинтерна, в качестве гостя участвовал в заседаниях III конгресса Коминтерна, встречался с В. И. Лениным.

ГУД Вильям — английский педагог и общественный деятель. В 1919 г. приехал в Москву в качестве корреспондента газеты «The Manchester Guardian» и был принят В. И. Лениным. Вернувшись в Англию, Вильям Гуд в своих статьях и выступлениях правдиво рассказывал о Стране Советов; в период иностранной военной интервенции он был одним из активных участников движения «Руки прочь от Советской России». В 1920 г. в Лондоне была издана его книга «Большевизм в действии».

ДЖЕРМАНЕТТО Джованни (1885—1959) — старейший деятель итальянского рабочего движения, писатель. С 1906 г. участвовал в революционном движении в рядах Итальянской социалистической партии, а затем — Итальянской коммунистической партии, за что неоднократно подвергался преследованиям и арестам. Один из основателей Итальянской коммунистической партии (1921 г.) и активных ее деятелей. На VII съезде ИКП (1951 г.) был избран в состав Центральной контрольной комиссии. Деятельное участие принимал в работе Коминтерна, Профинтерпа и Международной организации помощи борцам революции. Участвовал в работах ряда конгрессов Коминтерна и его руководящих органов. Наиболее известные литературные произведения: «Записки цирюльника», «Феникоттеро», «Травальо» и др.

ЗАПОТОЦКИЙ Антонин (1884—1957) — видный деятель чехословацкого рабочего движения. В 1902 г. вступил в социал-демократическую партию, в 1919 г. примкнул к ее левому крылу. Член Коммунистической партии Чехословакии и ее ЦК с момента образования (1921 г.). Участник II, IV, VI и VII конгрессов Коминтерна. В 1922—1929 гг. — секретарь ЦК Компартии Чехословакии. В 1929—1939 гг. — генеральный секретарь красных профсоюзов Чехословакии. Во время оккупации Чехословакии гитлеровцами находился в тюрьмах и концлагерях. После ее освобождения был одним из виднейших руководителей народно-демократической Чехословакии, президент республики в 1952—1957 гг.

ЗИВЕРТ Роберт (р. 1887) — старейший немецкий революционер, член КПП с 1918 г. В 1933—1935 гг. был заключен фашистами в концлагерь. В настоящее время работает в Министерстве строительства ГДР.

КАБАКЧИЕВ Христо Стефанов (1878—1940) — видный деятель болгарского и международного рабочего движения. С 1897 г. — член Болгарской социал-демократической партии, после ее раскола примкнул к партии «тесняков», преобразованной в 1919 г. в Болгарскую коммунистическую партию. Был редактором центрального органа партии — «Работнически вестник». В 1920 г. выступал на II конгрессе Коммунистического Интернационала с докладом об уставе, делегат III и IV конгрессов Коминтерна. Участвовал в основании Итальянской коммунистической партии. В 1925 г. приговорен болгарским фашистским судом к многолетнему тюремному заключению. С 1926 г. жил в СССР.

КАРОЙ Гернадн (р. 1891) — учитель. В первую мировую войну попал в Россию как военнопленный. В конце 1917 г. встречался

с В. И. Лениным, затем в феврале 1918 г. при его содействии возвратился в Венгрию и примкнул к революционному движению. С 1948 по 1960 г. — член руководства профсоюза учителей и заведующий библиотекой. В настоящее время пенсионер.

КАТАЯМА Сэн (1859—1933) — видный деятель японского и международного коммунистического и рабочего движения. Один из организаторов и руководителей Коммунистической партии Японии, представлявший ее в Исполкоме Коммунистического Интернационала; непримиримый боец против империализма, фашизма, за свободу, демократические права и независимость народов. Будучи теснейшим образом связан с японским рабочим и крестьянским движением, Катаяма был последовательным интернационалистом, посвятившим свою жизнь делу освобождения трудящихся всех стран, борьбе за коммунистическое будущее всего человечества. Умер в Москве, прах его похоронен в Кремлевской стене.

КАШЕН Марсель (1869—1958) — старейший деятель французского и международного рабочего движения, один из основателей и руководителей Французской коммунистической партии. В 1920 г. как делегат Французской социалистической партии присутствовал на II конгрессе Коминтерна в Москве. После конгресса боролся за присоединение социалистической партии к Коминтерну. С 1920 г. — член ЦК и Политбюро Французской коммунистической партии. С 1924 г. — член Исполкома, а затем член Президиума Исполкома Коминтерна. Бессменный директор-издатель центрального органа Французской компартии газеты «Юманите». Неоднократно подвергался преследованиям со стороны правительства, сидел в тюрьме. В период гитлеровской оккупации Франции — один из руководителей движения Сопротивления.

КЁНЕН Бернارد (р. 1889) — металлист, активный участник рабочего движения, делегат III конгресса Коминтерна от ОКПГ, в период работы конгресса присутствовал на ряде совещаний, проводившихся В. И. Лениным с немецкими делегатами; первый секретарь окружного комитета СЕПГ в Галле, на V съезде СЕПГ в 1958 г. избран членом ЦК СЕПГ.

КЁНЕН Вильгельм (р. 1886) — один из старейших деятелей немецкого и международного рабочего движения. В 1921 г. В. Кёнен в качестве делегата Коммунистической партии Германии принимал активное участие в работах III конгресса Коммунистического Интернационала; будучи избран членом президиума конгресса, он встречался и беседовал с В. И. Лениным. В настоящее время — руководитель секретариата Народной палаты и Палаты земель ГДР, член ЦК СЕПГ.

КИНКЕЛЬ Мара (р. 1889) — получила образование в Швейцарии, где встречалась с В. И. Лениным. С 1917 по 1922 г. жила в Советской России, где работал ее муж.

В Болгарии занималась педагогической и журналистской деятельностью. После 9 сентября 1944 г. была народным представителем. В настоящее время пенсионерка.

КОЛАРОВ Василь Петров (1877—1950) — видный деятель болгарского и международного рабочего движения. С 1897 г. — член Болгарской социал-демократической партии. После раскола партии (1903 г.) в составе «тесняков» вел непримиримую борьбу против оппортунизма «широких». В 1904—1912 гг. руководил окружной организацией «тесняков» в Пловдиве. В 1905 г. был избран в ЦК партии. Участвовал в работе конгрессов II Интернационала: в 1907 г. — в Штутгарте и в 1910 г. — в Копенгагене. В 1915 г. за антивоенную агитацию среди солдат был предан военно-полевому суду, которого избежал, перейдя на нелегальное положение. Участвовал в работе Циммервальдской конференции. В 1919—1923 гг. — секретарь ЦК Болгарской коммунистической партии. Делегат III—VII конгрессов Коммунистического Интернационала. В сентябре 1923 г. вместе с Г. Димитровым возглавил народное антифашистское восстание в Болгарии. В 1926 г. заочно приговорен болгарским фашистским судом к смертной казни. В 1922—1943 гг. — член Президиума Исполкома Коминтерна, в 1922—1924 гг. — генеральный секретарь ИККИ, в 1928—1939 гг. — Председатель Исполкома Крестьянского Интернационала. После 9 сентября 1944 г. вернулся в Болгарию. В ноябре 1946 г. был избран председателем Великого народного собрания. С декабря 1947 г. — заместитель председателя Совета Министров и министр иностранных дел Народной Республики Болгарии. С июля 1949 г., после смерти Г. Димитрова, был председателем Совета Министров республики.

КОЛЬМАН Арношт (р. 1892) — чехословацкий математик и философ. В сентябре 1915 г. попал как военнопленный в Россию. С мая по октябрь 1917 г. отбывал заключение за антивоенную пропаганду среди военнопленных. В октябрьские дни был красногвардейцем, затем в рядах Красной Армии. В 1918 г. вступил в РКП(б). Член Коммунистической партии Чехословакии с 1945 г. С 1945 по 1948 г. — работал в партийном аппарате Коммунистической партии Чехословакии. В настоящее время — директор Института философии Чехословацкой Академии наук.

КРЕЙБИХ Карл (р. 1883) — видный деятель чехословацкого и международного коммунистического и рабочего движения. С 1902 г. — участник социал-демократического движения. В 1906 г. — редактор социал-демократического органа «Форвертс» в Рейхенберге (Богемия). После первой мировой войны — председатель рейхенбергской окружной социал-демократической организации. В 1921 г. принимал участие в создании коммунистической партии в немецких областях Чехословакии и вместе с Б. Шмералем и другими осуществил объединение немецкой и чешской секций в единую Коммунистическую партию Чехословакии. Был членом ИККИ, Интернациональной контрольной комиссии Коминтерна, редактором журнала «Коммунистический Интернационал». В настоящее время — персональный пенсионер, проживает в Праге.

КУРЕЛЛА Альфред (р. 1895) — видный деятель германского и международного коммунистического юношеского движения, в 1919 г. и в последующие годы встречался с Лениным, являясь секретарем Исполкома КИМ, жил некоторое время в Москве; немецкий писатель и публицист, профессор, в 1958 г. избран кандидатом в члены Политбюро ЦК Социалистической единой партии Германии.

КЮЛЯВКОВ Крум (1893—1955) — болгарский писатель, член Болгарской коммунистической партии. В 1921 г. был делегатом III конгресса Коммунистического Интернационала. Активный участник антифашистского движения. Наиболее значительные произведения — «Перелом», «Веселая антология», «Загробные заботы», «Первый удар». Известен в Болгарии как переводчик произведений Т. Г. Шевченко, В. В. Маяковского.

КЫРКЛИЙСКАЯ Елена (р. 1882) — училась в Швейцарии, где встречалась с В. И. Лениным. В настоящее время работает врачом.

ЛАМБРЕВ Алекси (р. 1885) — в 1909 г. вступил в Болгарскую рабочую социал-демократическую партию («тесняков»). Будучи студентом в Швейцарии, присутствовал на собрании, на котором выступал В. И. Ленин. Во время фашистской диктатуры в Болгарии был арестован и заключен в концентрационный лагерь. В 1941—1944 гг. принимал участие в национально-освободительном движении. В настоящее время работает адвокатом.

ЛАТУККА Юхо К. — финский социал-демократ, журналист. Был сотрудником редакции Выборгской рабочей газеты «Тюэ» («Труд»). Когда 17 сентября 1917 г. В. И. Ленин, покинув Гельсингфорс, приехал в Выборг, чтобы быть ближе к Петрограду для руководства партией, он нашел приют у Юхо К. Латукка, жившего в Таликкала — рабочем квартале Выборга.

ЛЕЙББРАНД Роберт (р. 1901) — столяр, участвовал в работах III конгресса Коминтерна, ныне научный сотрудник Института марксизма-ленинизма при ЦК СЕПГ.

ЛИ ФУ-ЦИН (р. 1898) — в 1916 г. был завербован на работу в Россию. В 1917 г. включился в революционную борьбу рабочего класса России. Был в партизанском отряде, боровшемся против реакционной власти на Украине и в Белоруссии. После Великой Октябрьской социалистической революции служил в охране Смольного в Петрограде, а затем — Кремля в Москве. В 1922 г. учился в общеобразовательной школе при 6-й кавалерийской дивизии. В 1923 г. был направлен на учебу в Московское военное училище. В составе делегации училища стоял в почетном карауле у гроба В. И. Ленина. По возвращении на родину в 1932 г. Ли Фу-цин попал в Синьцзян, а после провозглашения Китайской Народной Республики он в 1950 г. вступил в ряды Народно-освободительной армии Китая; затем был на руководящей работе в строительных военных организациях.

ЛЮ ЦЗЭ-ЖУН (Ляу Сиу-джау) (р. 1892) — с пятилетнего возраста жил и учился в России. После Февральской революции — председатель Центрального правления Союза китайских граждан в России. Был делегатом I и II конгрессов Коминтерна с совещательным голосом от Китайской социалистической рабочей партии. В 1920 г. вернулся на родину. С 1954 г. — член Всекитайского комитета Народного политического консультативного совета Китая. В 1960 г. — советник договорно-правового отдела Министерства иностранных дел Китайской Народной Республики.

МАЙНОР Роберт (1884—1952) — американский художник. Отказавшись во время первой мировой войны работать в капиталистической печати, уехал в Европу корреспондентом революционной прессы. Октябрьскую революцию встретил с большим энтузиазмом. Приехал в Москву, где жил до ноября 1918 г., участвуя в редактировании газеты «The Call» («Призыв»), распространявшейся среди англо-американских интервенционистских войск. Позже жил в Германии и во Франции. В 1920 г. возвратился в США, вступил в коммунистическую партию и вскоре стал одним из ее руководителей. Был редактором центрального органа партии «Daily Worker», неоднократно арестовывался и отбывал тюремное заключение.

МАК-ЛЕЙН В. (р. 1891) — инженер, с 1917 г. — член Британской социалистической партии, один из активных деятелей ее левого крыла, образовавшего в 1920 г. коммунистическую партию. В годы первой мировой войны принимал деятельное участие в организации революционного интернационалистского движения. На II конгрессе Коминтерна (1920 г.) занимал правильную позицию по вопросу об отношении к парламенту и вступлении коммунистических организаций в рабочую партию при условии сохранения за коммунистической партией полной самостоятельности и свободы критики.

МЕРФИ Дж. Т. — один из лидеров движения фабричных старост, английский делегат II конгресса Коминтерна от этой организации, был членом одной из комиссий конгресса. В июле 1920 г. был на приеме у В. И. Ленина.

МОНМУССО Гастон (р. 1883—1960) — видный деятель французского рабочего движения, секретарь Всеобщей конфедерации труда Франции. С 1922 г. — член Французской коммунистической партии. Участник II конгресса Профинтерна. В 1926—1945 гг. — член Центрального Комитета и Политбюро ФКП. При гитлеровской оккупации Франции — один из руководителей движения Сопротивления.

МЮНЦЕНБЕРГ Вилли (р. 1889) — активный деятель германского, швейцарского и международного юношеского движения, один из основоположников коммунистического движения молодежи и создателей Коммунистического Интернационала Молодежи (КИМ). В 1915 г. встретился в Швейцарии с В. И. Лениным, под влиянием которого отказался от ошибочных взглядов по вопросу о разоружении и другим проблемам социалистического движения и перешел на позиции пролетарского интернационализма; был редактором руководящих органов печати юношеских организаций, в частности журнала «Интернационал молодежи».

НЕМЕТИ Лайош (р. 1887) — рабочий-переплетчик. Во время первой мировой войны попал в Россию как военнопленный и примкнул к большевикам. После Октябрьской революции принимал участие в подавлении белогвардейских банд. В 1918 г. учился на курсах агитаторов в Москве, затем вступил в Красную Армию и принял участие в подавлении эсеровского мятежа в Москве, вел агитационную работу среди венгерских военнопленных. В 1918 г. возвратился в Венгрию и включился в работу

компартии, затем по решению партии приезжал в Москву информировать В. И. Ленина о политической обстановке в Венгрии. В Венгерской Советской Республике занимал руководящие посты, затем был в подполье. После 1945 г. работал в политехническом институте. В настоящее время пенсионер.

НОНЧЕВ Павел (р. 1879) — долгое время работал учителем в Пловдиве. Будучи студентом в Швейцарии, встречался с В. И. Лениным. В настоящее время — пенсионер.

ОЛЬБРАХТ Иван (1882—1952) — выдающийся чехословацкий писатель, один из организаторов Коммунистической партии Чехословакии, на протяжении ряда лет — редактор ее центрального органа «Руде право». Участник II конгресса Коминтерна. Во время гитлеровской оккупации Чехословакии участвовал в движении сопротивления фашистским захватчикам. Наиболее значительные произведения: «Анна пролетарка» и «Никола Шугай». В 1920 г. по возвращении из Советской России издал три книги очерков «Картины современной России». В 1952 г. в Праге вышел сборник его произведений «В конечном счете победит народ».

ПЕТРОВСКИ Пал (р. 1891) — рабочий-портной. В рабочем движении начал участвовать с 1906 г. С 1908 по 1914 г. работал в Париже, где познакомился с русскими революционерами-эмигрантами, слушал выступления В. И. Ленина. В период Венгерской Советской Республики в 1919 г. занимал пост областного комиссара по делам промышленности и финансов. После поражения республики жил в эмиграции; в 1929 г. возвратился в Венгрию. В 1945 г. был назначен начальником полиции одной из областей страны, затем занимал руководящие должности на различных государственных предприятиях. В настоящее время — пенсионер.

ПИК Вильгельм (1876—1960) — выдающийся деятель германского и международного рабочего движения, один из основателей и руководителей Коммунистической партии Германии, президент Германской Демократической Республики. Член Социал-демократической партии Германии с 1895 г. Стоял на позициях немецкой левой, руководимой К. Либкнехтом, Р. Люксембург, К. Цеткин. На партийных съездах 1908, 1909, 1912 гг. выступал против оппортунистической политики правления партии. В 1910 г. — второй секретарь центральной комиссии по просвещению при правлении СДПГ, одновременно — секретарь Центральной партийной школы.

Во время первой мировой войны 1914—1918 гг. боролся против шовинистической политики лидеров социал-демократической партии, выступал в партийных, профессиональных и молодежных организациях против империалистической войны; был одним из основателей «Союза Спартака». Неоднократно арестовывался.

Активно участвовал в Ноябрьской революции 1918 г. в Германии. На учредительном съезде Коммунистической партии Германии (декабрь 1918 г.) был избран членом ЦК, в состав которого входил до 1946 г., т. е. до создания Социалистической единой партии Германии. Боролся за превращение компартии в подлинно революционную марксистскую партию нового типа, был одним из руководителей антифашистского движения.

С 1928 г. был членом Исполнительного комитета Коммунистического Интернационала, с 1931 г. — членом президиума и секретариата ИККИ. На VII конгрессе Коминтерна (1935 г.) выступал с отчетным докладом ИККИ и был избран одним из его секретарей. После ареста гитлеровцами Э. Тельмана (в начале 1933 г.) В. Пик был избран председателем ЦК КПГ. С 1946 г. до последних дней жизни В. Пик был председателем СЕПГ.

ПЛАТТЕН Фриц (1883—1942) — швейцарский левый социалист, затем коммунист. В 1905 г. вел революционную работу в Риге, принимал активное участие в революционном движении России. Во время первой мировой войны 1914—1918 гг. — интернационалист, сторонник Циммервальдской левой, участник Циммервальдской и Кинтальской конференций; главный организатор переезда В. И. Ленина из Швейцарии в Россию в 1917 г.; один из основателей Коммунистической партии Швейцарии. Принимал участие в организации Коминтерна. С 1923 г. жил и работал в СССР.

ПОЛЛИТ Гарри (1890—1960) — видный деятель английского и международного рабочего движения. В 1918—1919 гг. — организатор движения фабрично-заводских старост в районе Темзы. Был одним из организаторов движения «Руки прочь от России», направленного против антисоветской интервенции. Один из основателей Коммунистической партии Великобритании, созданной в 1920 г. С 1922 г. — член ЦК и Политбюро ЦК КПВ, с 1929 г. — генеральный секретарь Компартии Великобритании. Неоднократно подвергался репрессиям. В 1924—1943 гг. — член Исполкома Коминтерна. В 1956 г. был избран председателем Исполкома КПВ. В 1949 г. от имени компартии заявил, что, если империалисты развяжут войну против СССР, английские рабочие поступят так же, как и во время антисоветской интервенции в 1920 г., и сделают продолжение этой войны невозможным.

ПРАЙС М. Филипс — английский журналист, был в 1917 г. петроградским корреспондентом газеты «Манчестер гардиан». По возвращении из России он, непредубежденный очевидец революционных событий октября 1917 г., написал книгу, в которой изложил свои воспоминания о русской революции. Книга эта имела большой успех у английских рабочих. Впоследствии вступил в Коммунистическую партию Великобритании, но затем вышел из нее и стал членом лейбористской партии. В 1945 г. Прайс вновь посетил Советский Союз, после чего в 1948 г. опубликовал книгу «Россия красная или белая; отчет о поездке в Россию спустя 27 лет». Последний раз Прайс посетил СССР в 1957 г. в связи с 40-летием Великой Октябрьской социалистической революции.

РАВЕРА Камилла (р. 1889) — общественная деятельница Италии, член Итальянской коммунистической партии со дня ее основания, ветеран международного коммунистического движения. Неоднократно встречалась с В. И. Лениным. Была членом итальянской делегации на IV конгрессе Коминтерна (1922 г.). В марте 1960 г. в составе делегации итальянских женщин посетила Советский Союз. На IX съезде ИКП в 1960 г. избрана членом Центральной контрольной комиссии; депутат парламента.

РАЙЧЕВ Петр (р. 1887) — известный болгарский певец, народный артист республики. С 1909 по 1922 г. пел в Петроградском театре оперы и был режиссером этого театра. С Лениным встречался в Италии и Петрограде. В настоящее время работает в Софийском театре народной оперы.

РАМИРЕС Мануэль Диас — в 1921 г. был генеральным секретарем Коммунистической партии Мексики и делегатом партии на III конгрессе Коммунистического Интернационала, представлял Всеобщую конфедерацию труда Мексики на учредительном конгрессе Красного Интернационала профсоюзов.

РЕМЕР Курт (р. 1889) — переплетчик, ветеран немецкого рабочего движения, встречался с В. И. Лениным в 1914 г., когда он жил несколько дней на квартире у Рёмера в Лейпциге.

РИД Джон (1887—1920) — американский журналист, приехал в Россию в 1917 г. в качестве военного корреспондента, примкнул к большевикам и принял участие в Великой Октябрьской социалистической революции. В предисловии к книге Джона Рида «10 дней, которые потрясли мир» В. И. Ленин писал, что «она дает правдивое и необычайно живо написанное изложение событий, столь важных для понимания того, что такое пролетарская революция». Джон Рид стал одним из основателей Коммунистической партии Соединенных Штатов Америки. Умер в Москве в 1920 г. и похоронен на Красной площади у Кремлевской стены.

РОВИО Густав — финский социал-демократ, впоследствии коммунист. В 1917 г. в связи с революционными событиями был выдвинут рабочими организациями Гельсингфорса на пост «красного» полицеймейстера. Когда в августе 1917 г. ЦК решил перевести находившегося в подполье В. И. Ленина подальше от русской границы, в Гельсингфорс, Ровио предоставил ему свою квартиру (Хагнесская площадь, д. № 1) и выполнял его поручения по связи с Петроградом и другие.

РУДАШ Ласло (1885—1950) — один из видных деятелей венгерского рабочего движения и основателей Коммунистической партии Венгрии, участник пролетарской революции 1919 г. Был главным редактором газеты «Вёрёш уйшаг» — центрального органа компартии. Известный публицист, экономист и философ, много сделавший для популяризации идей марксизма-ленинизма в Венгрии, академик. Был в составе венгерской делегации на I конгрессе Коминтерна.

РУНГЕ Бедржих (р. 1893) — в 1911 г. по окончании торговой академии уехал в Англию и вскоре стал членом лейбористской партии. В 1914 г., в начале первой мировой войны, был, как иностранец, интернирован, затем (в 1916 г.) отпущен и работал в качестве сельскохозяйственного рабочего. В 1919 г. вернулся в Чехословакию, в город Либерец, и вступил в немецкую социал-демократическую партию, а в 1921 г. — в Коммунистическую партию Чехословакии. В 1922 г. был в составе чехословацкой делегации на IV конгрессе Коминтерна. С 1922

по 1939 г. работал в «Инпрекоре» («Internationale Presse-korrespondenz»), выходявшем на трех языках (немецком, английском, французском). Во время гитлеровской оккупации Чехословакии был в эмиграции. В 1942 г. был интернирован во Францию, откуда выслан в 1949 г. В дальнейшем был в Чехословакии на руководящей работе в области печати. В настоящее время — пенсионер.

САЛАЙ Штефан — корабельный плотник Комарнинских верфей (Чехословакия). В дни Октябрьской революции находился в Советской России. Здесь он вступил в ряды Красной Армии и принимал участие в боях против интервентов и белогвардейцев.

САМУЭЛИ Тиборна — венгерская коммунистка, жена одного из организаторов и руководителей Венгерской Советской Республики (март — июль 1919 г.) — Тибора Самуэли, погибшего в августе 1919 г. от рук контрреволюционеров.

СЕМАР Пьер (1887—1942) — видный деятель французского и международного рабочего движения. С 1916 г. — активный деятель профсоюзного движения и социалистической партии Франции. Член Французской коммунистической партии с момента ее основания в 1920 г., член ЦК и Политбюро ЦК — с 1924 г., в 1924—1930 гг. — генеральный секретарь ЦК партии и член Исполкома Коминтерна. Участник II конгресса Профинтерна. Неоднократно подвергался преследованиям и арестам. В 1940 г. правительство Петэна выдало Семара гитлеровским оккупантам, которые после жестоких пыток расстреляли его 7 марта 1942 г.

СИЛЛЕН Хуго — ветеран шведского рабочего движения, один из участников встречи шведских левых социал-демократов с В. И. Лениным в Стокгольме 31 марта (13 апреля) 1917 г.; принимал участие в проводах Ленина на вокзале в Стокгольме при отъезде его в Россию. В 1920 г. был в составе шведской делегации на II конгрессе Коминтерна.

СУН ШУ-ТАН (ЧЖАО ДЭ-ШЭН) — родился в 1880 г. в провинции Шандун. В 1916 г. был завербован на работу в Россию. Весной 1918 г. в Петрограде вступил в Красную Армию. Затем работал на заводах Кронштадта, Ленинграда, Павлодара. В 1956 г. вернулся на родину в Китай.

ТЕРРАЧИНИ Умберто (р. 1895) — видный деятель итальянского рабочего движения, член руководства Итальянской коммунистической партии. Участвовал в основании компартии в 1921 г. В 1926 г. был брошен фашистами в тюрьму; находился в тюрьмах и ссылке до августа 1943 г. В 1943—1945 гг. принимал активное участие в национально-освободительной войне итальянского народа против гитлеровских захватчиков и их итальянских пособников. В 1947 г. был председателем Учредительного собрания; сенатор, член руководства ИКП.

УЛЬБРИХТ Вальтер (р. 1893) — видный деятель германского рабочего движения. С юношеских лет принимает участие в рабочем движении. В 1918 г. участвовал в создании Коммунистической партии Герма-

нии. В 1923 г. был избран членом ЦК, а затем — секретарем ЦК КПГ. На III конгрессе Коминтерна был избран кандидатом в члены Исполкома Коминтерна. Во время второй мировой войны участвовал в движении «Свободная Германия». После разгрома гитлеровской Германии Советской Армией Ульбрихт — один из инициаторов объединения коммунистов и социал-демократов в Социалистическую единую партию Германии. В настоящее время — первый секретарь ЦК СЕПГ и председатель Государственного совета ГДР.

УСЕНИУС Мария — жена финского рабочего Усениуса. У них на квартире в Гельсингфорсе (Хельсинки) В. И. Ленин жил некоторое время осенью 1917 г., скрываясь от ищеек Временного правительства.

УЭЛЛС Герберт (1866—1946) — выдающийся английский романист, крупнейший писатель-фантаст и публицист; в 1920 г. был в Москве и встретился с В. И. Лениным. По возвращении на родину издал книгу «Россия во мгле». В 1921 г. В. И. Ленин прочитал эту книгу на английском языке и сделал на ней ряд весьма характерных пометок, текст которых воспроизведен в приложении к книге «Россия во мгле», изданной Госполитиздатом в 1958 г. Осуждая буржуазное общество, Уэллс видел выход из социальных противоречий только в реформах, осуществляемых преимуществом технической интеллигенцией, выдвигал реакционную утопию «организованного капитализма». Впоследствии Уэллс стал антифашистом и выступал с осуждением фашизма (книга «Игрок в крокет», изданная в 1936 г. и др.). Во время второй мировой войны призывал к поддержке СССР в его борьбе против фашистского варварства. В самом конце своего жизненного пути он сказал: «Я являюсь лондонским избирателем участка Мерилебон и активно поддерживаю возрождающуюся коммунистическую партию».

ФАРАГО Дежё (1880—1958) — в первую мировую войну попал в плен на русском фронте, примкнул к революционному движению; после Октябрьской революции участвовал в защите Советской России от врагов, работал среди военнопленных, встречался вместе с Б. Куном и Т. Самуэли с В. И. Лениным. После освобождения Венгрии от фашистских захватчиков занимал ряд руководящих постов, затем — пенсионер; в 1957 г. в связи с празднованием 40-й годовщины Октябрьской революции посетил СССР в составе делегации ветеранов революционного движения.

ФОСТЕР Уильям (1881—1961) — верный сын американского народа, выдающийся деятель американского и международного коммунистического движения; вырос в бедной рабочей семье, рабочий. С юношеских лет принимает участие в американском рабочем движении. В 1901 г. примкнул к социалистическому движению. В 1919 г. руководил крупной забастовкой 365 тысяч рабочих сталелитейной промышленности. В 1920 г. по инициативе и при участии Фостера была создана Лига профсоюзной пропаганды, преобразованная в 1929 г. в Лигу профсоюзного единства. За революционную работу неоднократно подвергался репрессиям вплоть до последних лет. В 1921 г. вступил в ряды Коммунистической партии США и был избран членом ее Центрального Комитета, с 1924 г. — член Политбюро, в 1929 — 1944 гг. и в 1945—1957 гг. — председатель пар-

тии. С 1957 г. — почетный председатель Национального Комитета Компартии США. В 1921 г. Фостер встретился с В. И. Лениным на III конгрессе Коминтерна. О громадном значении этой встречи он неоднократно писал в своих произведениях. В 1924 г. Фостер избирается членом Исполкома Коминтерна, в 1928 г. — кандидат в члены Президиума, а в 1935 г. — член Президиума ИККИ; вел решительную борьбу против правых фракционеров и троцкистов. Особенно велика его роль в борьбе против ревизионизма в Компартии США. Компартия трижды выдвигала кандидатуру Фостера своим кандидатом на пост президента США (в 1924, 1928, 1932 гг.). Фостер известен не только как борец-революционер, но и как видный теоретик и историк-марксист. Наиболее известные его работы: «Закат мирового капитализма» (1949 г.), «Очерк политической истории Америки» (1951 г.), «История коммунистической партии Америки» (1952 г.), «История трех Интернационалов» (1955 г.) и другие.

ХАН Зепп (р. 1896) — деятель рабочего движения Германии, встречался с В. И. Лениным в 1912 г. в Штутгарте вместе с Кларой Цеткин. С 1919 г. коммунист, участник IV конгресса Коминтерна. В 1958 г. избран заместителем председателя ревизионной комиссии СЕПГ.

ЦЕТКИН Клара (1857—1933) — выдающийся деятель германского и международного рабочего движения. С 1878 г. участвовала в рабочем движении Германии. Возглавляла пролетарское движение женщин Германии, вела работу в международных женских социалистических организациях. Вместе с Розой Люксембург и Карлом Либкнехтом руководила левым крылом германской социал-демократии. При ее участии была создана группа «Интернационал», преобразованная затем в «Союз Спартака». В 1915 г. за антивоенную работу была заключена в тюрьму. С 1919 г. — член Коммунистической партии Германии, тогда же избрана в ЦК, членом которого оставалась до конца жизни. С 1921 г. — член президиума ИККИ. Возглавляла Международный женский секретариат Коминтерна. С 1924 г. — бессменный председатель Исполкома Международной организации помощи борцам революции. Неоднократно избиралась депутатом германского рейхстага. Награждена орденами СССР: орденом Ленина и орденом Красного Знамени. Умерла в Москве, похоронена на Красной площади.

ЦЭРЭНДОРЖ Балингийн (1867—1927) — член Монгольской народно-революционной партии с 1921 г.; с 1885 по 1911 г. служил в управлении маньчжурского наместника в столице Монголии — Урге. С 1890 до 1904 г. совмещал эту работу с преподаванием в школе переводчиков при русском консульстве. С 1911 г. — на руководящей работе в госаппарате, был министром иностранных дел Монголии. После победы народной революции в Монголии работал на руководящих правительственных постах (зам. министра и министр иностранных дел). В 1924 г. на первом Великом Народном Хурале был избран премьер-министром Монгольской Народной Республики и оставался на этом посту до 1927 г. Осенью 1921 г. (5 ноября) был в Москве в составе монгольской делегации на приеме у В. И. Ленина.

ЦЮЙ ЦЮ-БО (1899—1935) — видный деятель Коммунистической партии Китая, литератор; расстрелян гоминдановцами. Вступил в КПК

в 1922 г., член ЦК КПК с 1923 г., секретарь ЦК КПК в 1927—1928 гг. В 1921 г. был на III конгрессе Коминтерна. С 1933 г. — народный комиссар просвещения центрального рабоче-крестьянского демократического правительства Китая. Занимался в Китае популяризацией трудов классиков марксизма-ленинизма по теории литературы и произведений русской классической и советской литературы.

ЧЕРКЕЗОВ Сотир (р. 1882) — учился в авиационной школе в Петербурге. Служил добровольцем в русской армии во время первой мировой войны. Встречался с В. И. Лениным во время Великой Октябрьской социалистической революции. В настоящее время — пенсионер.

ЧОНОС Иван (р. 1885) — в 1902 г. вступил в Болгарскую рабочую социал-демократическую партию. После раскола партии в 1903 г. — член БРСДП «тесняков». С 1923 по 1925 г. был представителем Балканской коммунистической федерации в Греции. С 1925 по 1931 г. жил в СССР, где работал в Исполкоме МОПР. После возвращения в Болгарию неоднократно подвергался репрессиям. После 9 сентября 1944 г. Иван Чонос был избран депутатом и членом Президиума Народного собрания. В настоящее время адвокат.

ШЕРИДАН Клэр (р. 1885) — английский скульптор, приехала в Москву 10 сентября 1920 г., чтобы создать скульптурный портрет В. И. Ленина. Во время пребывания в Москве (около двух месяцев) она знакомилась с Москвой, с ее людьми. Впечатления заносила в свой «Московский дневник». По возвращении на родину Шеридан выступала устно и в печати, рассказывая правду о Советской стране, о Ленине и советских людях. В 1921 г. в Лондоне вышла ее книга «Russian Portraits», в 1928 г. — в Нью-Йорке «Naked Truth», отрывок из которой напечатан в настоящем сборнике.

ШМЕРАЛЬ Богумир (1880—1941) — выдающийся деятель чехословацкого рабочего движения, один из основателей Коммунистической партии Чехословакии. Еще будучи студентом, примыкает к рабочему движению, в 1897 г. вступает в чешскую социал-демократическую партию. С 1899 г. — член редакции ее центрального органа «Право лиду», с 1904 г. — член ее ЦК. В стране был известен как публицист и один из руководителей революционных выступлений рабочего класса. В 1920 г. он приезжает в Москву. Встреча с В. И. Лениным имела для него решающее значение. В 1921 г. из левого крыла социал-демократов, возглавляемого Шмералем, была создана Коммунистическая партия Чехословакии; с 1921 г. — член ЦК КПЧ. Был членом руководящих органов Коминтерна и Исполкома МОПР.

ШТЕЙНГАРДТ (ГРУБЕР) Карл — ветеран австрийского рабочего движения, один из основателей Коммунистической партии Австрии, делегат I, II и III конгрессов Коминтерна.

ШТЕРН Виктор (1885—1958) — ветеран рабочего движения Германии, участвовал в работе IV конгресса Коминтерна, будучи делегатом Компартии Австрии; работал редактором, имел ученое звание профессора.

ШУЛЬЦ Вальтер (р. 1895) — помощник продавца, участвовал в работах IV конгресса Коминтерна, где видел и слушал В. И. Ленина, затем научный сотрудник (лектор) в издательстве «Дитц-Ферлаг», ныне научный работник Института марксизма-ленинизма ГДР.

ЭГЕДЕ-НИССЕН Адам Ялмар (1868—1953) — видный деятель рабочего движения Норвегии, один из основателей и руководителей Коммунистической партии Норвегии. В конце 1917 г. приехал в Петроград с рабочей делегацией и был принят В. И. Лениным в первой половине января 1918 г., присутствовал на III Всероссийском съезде Советов. В 1945 г. в Осло вышла книга Эгед-Ниссена «Жизнь в борьбе».

ЯФТАЛИ Мирза Мухаммед — первый чрезвычайный посол Афганистана в Советской России. Весной 1921 г. был принят В. И. Лениным. В 1957 г. — председатель Высшего совета Государственного банка Афганистана. О своей встрече с В. И. Лениным написал воспоминания по просьбе редакций журналов «Международная жизнь» и «Современный Восток».

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
<i>Павел Нончев.</i> Рассказ о встречах с Лениным	8
<i>Елена Кырклийская.</i> Таким я видела Ленина	12
<i>Клара Цеткин.</i> Воспоминания о Ленине	16
Из записной книжки	51
Ленин и массы	78
<i>Марсель Кашен.</i> Незабываемые встречи	83
<i>Алекси Ламбрев.</i> Собрание в Женеве	87
<i>Роберт Зиверт.</i> Будет говорить некто Ульянов!	90
<i>Иван Чонос.</i> Ленин в Швейцарии	95
<i>Петр Райчѳ.</i> Владимир Ильич Ленин	99
<i>Пал Петровски.</i> В Париже, в кружке Владимира Ильича. (Перевод Б. Гейгера)	105
<i>Карл Штейнгардт (Грубер).</i> Встречи с великим Лениным	109
<i>Зепп Хан.</i> Ленин у Клары Цеткин в Штутгарте	120
<i>Курт Рѳмер.</i> Штаб-квартира на Элизенштрассе	132
<i>Мара Кинкель.</i> Мои воспоминания о Ленине	135
<i>Василь Коларов.</i> На Циммервальдской конференции	140
В. И. Ленин на III конгрессе Коммунистического Интернационала	142
<i>Вилли Мюнценберг.</i> Ленин и мы	149
<i>Фриц Платтен.</i> Возвращение Ленина	158

<i>Отто Гриммунд</i> . По пути на родину	163
<i>Хуго Силлен</i> . Встречи с Лениным	165
<i>Ван Хун-сюнь</i> . Великое крещение Октября	167
<i>Густав Ровио</i> . Как Ленин скрывался у гельсингфорского «полицейстера»	169
<i>Мария Усениус</i> . Ленин в Финляндии	178
<i>Эмилия Блаумквист</i> . Добрый гость	179
<i>Юхо К. Латушка</i> . Ленин в подполье в Финляндии	181
<i>Джон Рид</i> . Неудержимо вперед!	187
<i>Альберт Рис Вильямс</i> . Ленин — человек и его дело	193
<i>Сотир Черкезов</i> . За честь и славу пролетариата	215
<i>М. Филипс Прайс</i> . Русская революция	223
<i>Луиза Брайант (Рид)</i> . Мое знакомство с Лениным	227
<i>Михай Бужор</i> . Воспоминания о встречах с Лениным. (Перевод Ю. Заюнчковского)	230
<i>Дьюла Андраш Варга</i> . Воспоминания красного командира	234
<i>Гернади Карой</i> . Я был у Ленина	239
<i>Ли Фу-цин</i> . Я был бойцом личной охраны Ленина. (Перевод Ю. Гарушянца)	242
<i>Сун Шу-тан</i> . В личной охране тов. Ленина. (Перевод Ю. Гарушянца)	244
<i>Адам Эгед-Ниссен</i> . У Ленина в Смольном	246
<i>Штефан Салай</i> . Солдат армии Ленина	249
<i>Дежё Фараго</i> . Я был солдатом Великого Октября	251
<i>Роберт Майнор</i> . У Ленина	254
<i>Елена Бобинская</i> . Ленин в Варшавском красном полку	262
Есть такая партия	265
<i>Ласло Рудаш</i> . Встреча с Лениным	268
<i>Лайош Немец</i> . Встреча с В. И. Лениным. (Перевод Б. Гейгера)	273
<i>Альфред Курелла</i> . «Вы, собственно, кто по профессии, товарищ?»	277
<i>Арношт Кольман</i> . Великая <u>человечность</u>	287
<i>Лю Цзэ-жун (Лау Сиу-джау)</i> . Встречи с великим Лениным	289
<i>Вильям Т. Гуд</i> . Ленин	294
Советская система победила	296
<i>Исаак Мак Брайд</i> . Во имя освобождения человечества	299
<i>Иожеф Варга</i> . Встреча венгерского крестьянина с Лениным. (Перевод Б. Гейгера)	301

<i>Иван Ольбрахт. Мои воспоминания о Владимире Ильиче Ленине</i>	303
<i>Богумир Шмераль. Из дневника</i>	309
<i>Дж. Т. Мерфи. Моя первая встреча с Лениным</i>	316
<i>Д. И. Вейнкооп. Ленин!</i>	318
<i>Антонин Запотоцкий. Воспоминания о Ленине</i>	320
<i>Память о Ленине</i>	323
<i>Уильям Галлахер. Ленин</i>	329
<i>Вождь, учитель и друг</i>	333
<i>Памятные встречи</i>	335
<i>Христо Кабакчиев. Беседы с Лениным</i>	338
<i>В. Мак-Лейн. Ленин</i>	348
<i>Герберт Уэллс. Кремлевский мечтатель</i>	350
<i>Действительно великий человек</i>	354
<i>Клэр Шеридан. Неприкрашенная правда</i>	357
<i>Мирза Мухаммед Яфтали. Россия пошла по пути прогресса</i>	363
<i>Вильгельм Кёнен. Мои встречи с Лениным</i>	364
<i>Карл Крейбих. Воспоминания о Ленине</i>	372
<i>Томас Белл. Мои встречи с Лениным</i>	380
<i>Умберто Террачини. Три встречи с Лениным</i>	388
<i>Тиборнэ Самуэли. Я видела Ленина</i>	397
<i>Георги Вангелов. На третьем конгрессе Коминтерна</i>	400
<i>Крум Кюлязков. Мое самое светлое воспоминание</i>	405
<i>Поль Вайян-Кутюрье. Ленин</i>	411
<i>Уильям Фостер. На конгрессах Коминтерна</i>	413
<i>Роберт Лейббранд. Урок у Ленина</i>	415
<i>Фриц Геккерт. «Ну-ка, расскажите о своих геройских подвигах в Средней Германии!»</i>	417
<i>Бернард Кёнен. Как я встречался с Лениным на III конгрессе Коммунистического Интернационала</i>	424
<i>Гарри Поллит. В. И. Ленин и английское рабочее движение</i>	439
<i>Цюй Цю-бо. Ленин</i>	445
<i>Хуго Грэф. Вопросы Ленина были очень конкретными</i>	448
<i>Мануэль Диас Рамирес. Беседа с В. И. Лениным в 1921 году</i>	451
<i>Вильгельм Пик. Воспоминания о Ленине</i>	458
<i>Балингийн Цэрэндорж. Священная память</i>	461
<i>Сэн Катаяма. С товарищем Лениным</i>	463

<i>Камилла Равера.</i> Могущество правды	469
<i>Джованни Джерманетто.</i> С делегацией итальянских коммунистов в Москве	473
<i>Бедржих Рунге.</i> На IV конгрессе Коминтерна	477
<i>Вальтер Ульбрихт.</i> Ленин — друг немецкого народа	482
<i>Вальтер Шульц.</i> «Немыслимо, так ведь не может продолжаться!»	489
<i>Виктор Штерн.</i> Ленин говорил о новой экономической политике	491
<i>Фриц Геблер.</i> «Дважды два — пять»	494
<i>Гастон Монмуссо.</i> Ленин и французское профдвижение	496
Он смотрел далеко вперед	501
<i>Пьер Семар.</i> Беседа с Лениным во время II конгресса Профин- терна	504
<i>Мартин Андерсен-Нексе.</i> Я видел Ленина	508
Влияние Ленина на творческие силы Запада	510
Краткие биографические сведения об авторах воспоминаний . . .	513

Редактор *П. Петров*

Художник *Н. Илларионова*

Художественный редактор *С. Сергеев*

Технический редактор *Е. Сербин*

Ответственный корректор *Р. Цыпкина*

Сдано в набор 11 сентября 1961 г. Подписано
к печати 3 марта 1962 г. Формат $60 \times 84 \frac{1}{16}$. Физ.
печ. л. $33 \frac{1}{2} + (7 \text{ иллюстраций}) \frac{7}{8}$. Условн. печ.
л. 30,49. Уч.-изд. л. 28,83. Тираж 60 тыс. экз.
А-02506. Заказ № 556. Цена 88 коп.

Госполитиздат, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Ленинградский Совет народного хозяйства.
Управление полиграфической промышленности.
Типография № 1 «Печатный Двор»
имени А. М. Горького.
Ленинград, Гатчинская, 26.

ВОСПОМИНАНИЯ
ЗАРУБЕЖНЫХ
СОВРЕМЕННИКОВ

О ЛЕНИНЕ